

**ТАРАКЛИЙСКИ ДЪРЖАВЕН УНИВЕРСИТЕТ „ГРИГОРИЙ ЦАМБЛАК”
РЕПУБЛИКА МОЛДОВА**

ДУНАВ – ДНЕСТЪР

**ИСТОРИЯ. ЕТНОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ЕЗИКОЗНАНИЕ.
ФОЛКЛОР. ЛИТЕРАТУРОЗНАНИЕ. ПЕДАГОГИКА.
РЕЦЕНЗИИ**

Годишник

Том VIII

Тараклия 2022

НАУЧЕН КОМИТЕТ

Мария Паслар (Тараклия, държавен университет „Гр. Цамблак“), доктор, доцент, ректор на университета.

Васил Кондов (Тараклия, държавен университет „Гр. Цамблак“), доктор, доцент.

Иван Думиника (Кишинев, Научно дружество на българистите в Р Молдова), доктор-хабилитат.

Валентина Колесник (Украйна, Одеса, Национален университет „И. Мечников“), доктор, професор.

Валентина Невзорова (Тараклия, държавен университет „Гр. Цамблак“), доктор.

Николай Русев (Тараклия, държавен университет „Гр. Цамблак“), доктор-хабилитат.

Николай Тодоров (Тараклия, държавен университет „Гр. Цамблак“), доктор.

Татяна Батър (Тараклия, държавен университет „Гр. Цамблак“), доктор.

Нина Горбачова (Тараклия, държавен университет „Гр. Цамблак“), доктор, доцент.

Адина Плътикъ (Тараклия, държавен университет „Гр. Цамблак“), доктор.

Вероника Великсар (Тараклия, държавен университет „Гр. Цамблак“), доктор.

Редколегия:

Васил Кондов – доц. д-р, съставител и главен редактор

Мария Паслар, доц. д-р

Николай Тодоров, д-р.

Валентина Невзорова, д-р

DESCRIEREA CIP A CAMEREI NAȚIONALE A CĂRȚII DIN REPUBLICA MOLDOVA

Dunărea – Nistru : Istoria. Etnologia. Sociologia. Lingvistica. Folclor. Literatura. Pedagogia. Recenzii = Дунав – Днестър : История. Етнология. Социология. Езикознание. Фолклор. Литературознание. Педагогика. Рецензии : Годишник / Universitatea de Stat Taraclia "Grigorii Țamblac" Republica Moldova ; научен комитет: Мария Паслар [и др.] ; редколегия: Васил Кондов [и др.]. – Taraclia : S. n., 2022 (Centrografic) – . – ISBN 978-9975-9568-8-8. – ISSN 1857-2758.

T. 8. – 2022. – 499 p. : fig., fot., tab. – Texte : lb. bulg., rusă. – Rez.: lb. engl., bulg., rusă. – Referințe bibliogr. la sfârșitul art. – 50 ex. – ISBN 978-9975-3526-1-1.

**UNIVERSITATEA DE STAT TARACLIA “GRIGORII ȚAMBLAC”
REPUBLICA MOLDOVA**

**DUNAREA – NISTRU
ISTORIA. ETNOLOGIA. SOCIOLOGIA. LINGVISTICA. FOLCLOR.
LITERATURA. PEDAGOGIA. RECENZII**

vol. VIII

Taraclia 2022

СЪДЪРЖАНИЕ

Предговор.....	9
----------------	---

I. ИСТОРИЯ. ЕТНОЛОГИЯ

Автутова Татьяна, Пригарин Александр. (Одеса, Украина). Репрезентация прошлого: структурные компромиссы глобальных нарративов в локальных измерениях (Актуальная краеведческая литература по болгарам Буджака).....	11
Банкова Емилия (Кишинев). Бабин день у болгар в Республике Молдова.....	18
Банкова, Емилия (Кишинев). Любен Каравелов като етнограф.....	22
Булгар Степан (Кишинев). Константин Койчу – первый старшина Верхне-Буджакского колониетского округа 1781–1846.....	26
Водичар, Елена (София, България). Коледните песни у българите в с. Чийший, Болградски район, Одеска област, Украина.....	36
Георгиев, Галин (София, България). Теренно изследване сред депортирани в Алтай българи от с. Кортен, Молдова и техните наследници, живеещи понастоящем в гр. Тарутино, Украина.....	43
Георгиева, Светлана (Одеса, Украина). Генерал-майор Димитър Мететелов: живот в служене на скъпа и мила България.....	79
Грабовская Валентина (Кишинев). Уникальные экспонаты Дома-музея А.С. Пушкина, рассказывающие о жизни и деятельности И.Н. Инзова.....	87
Казанжи Георгий (София, България). Специфика развития самосознания славянородственных народов в современном поликультурном пространстве.....	93
Калоянов, Владимир (София, България). За образователната политика на България сред българите от Бесарабия и Таврия през последните тридесет години.....	99
Калчев, Калчо (Велико Търново, България). За датировката на една важна фотографска снимка, свързана с личността на Любен Каравелов.....	112
Калчев, Калчо (Велико Търново, България). Каравеловият род – род български.....	118
Капанжи Светлана (Чадър Лунга). Репрессии 40-х годов XX века в с. Твардица Чадыр-Лунгского района МССР.....	125
Квилинкова Елизавета (Минск, Белоруссия), Болгароязычные песни в гагаузском фольклоре через призму „вероятного” билингвизма гагаузов.....	131
Ковтун, Татьяна (Чушмелий / Криничное, Болградско, Украина), Харалампи Савов Митанов — чушмелиец — бележит обществен деец и народен будител.....	136
Комар Яна (Краснодар, Россия). Болгары Бессарабии и Крыма в советско-румынских отношениях 1930-1940-х годов (по материалам государственного отраслевого архива службы безопасности Украины).....	142
Москов, Румен (Добрич, България). Левски и Каравелов – достойни българи.....	146
Олэреску Анжела, Барабаш Лариса (Кишинев), Краеведческая литература на полках кишиневской болгарской библиотеки имени Христо Ботева.....	150
Пушков Игорь (Болград, Украина). Георгиевский приход в болгарской колонии Тараклия (1814–1856).....	154

Пушков Игорь (Болград, Украина). Православные приходы в болгарском водворении Бессарабии в 1834 г.	164
Рацеева, Елена (ТДУ „Гр. Цамблак“). Смеслови хоризонти на личността Любен Каравелов или Любен Каравелов – непротиворечивият.....	187
Станчев Михаил (Харков, Украина). Борщаговские болгары – кто они и откуда?.....	193
Сытник, Александър, Серета, Юлия (Мелитопол, Украина). Културното влияние на бесарабските българи върху «таврийските» («азовски») българи.....	197
Тихомиров Андрей (Гродно, Белоруссия), К вопросу о беларусско-болгарских культурных связях.....	203
Трефилова, Ольга (Москва, Российская федерация). Обряд <i>помана</i> на бобошарката у болгар Румынии (по материалам экспедиций. Тезисы).....	207
Хатлас, Йежи (Познан, Польша). Български колониални селища в Херсонския край. Уводни бележки.....	209
Чаушева, Дора (Карлово, България). Последното изследване на проф. Иван Стоянов за Каравелов и Левски.....	219
Чаушева, Дора (Карлово, България). „Апостола на свободата“, „Известният български агитатор“ и „Най-ревностният наш републиканец“	222

II. ЕЗИКОЗНАНИЕ

Илиев, Иван Г. (Пловдив-Кърджали, България). Малцинствена социолингвистика. За езика на агуптите от гр. Мадан, Смолянско.....	229
Илиев, Иван Г., Маргарита Георгиева (Пловдив-Кърджали). По следите на троянския говор в Украйна.....	238
Клюшина Алена (Самара, Российская федерация). Феномен Ф. М. Достоевского в русской лингвокультуре (на примере бытования фразеологизмов с национально-маркированным компонентом в его художественных произведениях).....	250
Кондов, Васил (ТДУ „Гр. Цамблак“). За отношението на Георги Раковски към изграждащия се новобългарски книжовен език.....	256
Кривошапова Наталья (Тирасполь, Приднестровие – ПМР). Филологические заметки о поэтике Ф.М. Достоевского (На примере ономастикона романа „Братья Карамазовы“).....	258
Сухинина, Мария (Тараклия, Молдова). Зооними в езика и културата на тараклийци.....	262
Тодоров, Николай (ТДУ „Гр. Цамблак“). Бележки за българския превод на Инструкцията за селските кметства (рус. „ИНСТРУКЦИЯ W WBA3АННОСТАХЪ СЕЛЬСКИХЪ ПРИКАЗWBЪ“).	268

III. ФОЛКЛОР. ЛИТЕРАТУРОЗНАНИЕ

Банкова, Емилия (Кишинев). Георги Раковски като етнограф и фолклорист.	273
Батыр Татьяна (ТГУ имени Гр. Цамблака). Поэзия и правда в творчестве Ф.М. Достоевского.....	277
Билаонова Марина, Пурынычева, Галина (Йошкар-Ола, Российская федерация). О философских исканиях человеческого в человеке Ф.М. Достоевского.....	281

Волковская Мария (ТГУ имени Гр. Цамблака). Творчество Ф.М. Достоевского в межкультурном диалоге.....	285
Димитров Эмил (София, Болгария). Святая земля у Достоевского: имена и топосы. Резюме.....	289
Кара Надежда (Кишинев). Женщина и предметный мир в сказках болгар Молдовы.....	290
Караиванов, Никола (София, България). За научното сътрудничество между проф. Олександр Котляревский и Любен Каравелов.....	302
Кирякин Александр (Тамбов, Российская федерация). Среда или душа? О сущности преступления и наказания у Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого.....	309
Луговская Елена (Тирасполь, ПМР). Филологический анализ текста «Записок из подполья» Ф.М. Достоевского и музыкальная герменевтика текста.....	317
Мадэй-Цетнаровска Моника (Новый Сонч, Польша). «Самообожение» в творчестве Ф.М. Достоевского. Пророчество трансгуманистической модели мышления.....	328
Мещерина Елена, Федоров Андрей (Москва, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Российская федерация). Художественно-критические идеи Ф.М. Достоевского и антропологическое измерение искусства: по статьям 60-х-70-х годов XIX века.....	335
Налбантова, Елена (София, България). Митът „Генерал Иван Инзов“ в прозата на Иван Ненов.....	342
Паниотова Таисия (Ростов-на-Дону, Российская федерация). Достоевский и социализм: „Перерождение убеждений“.....	345
Прокурова Наталья (Волгоград, Российская федерация). Главная идея и образы романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в свете религиозного мировоззрения автора.....	350
Радев, Иван (Велико Търново, България). Фолклорният сборник на Любен Каравелов – варианти, информатори, съдба.....	355
Радев, Иван (Велико Търново, България). Скандал с Каравеловата повед „Дончо“ – потънал в анонимността.....	364
Сараскина Людмила (Москва, Российская федерация). Магический кристалл Достоевского: вечное и злободневное.....	370
Строканов Александр (Линдонвилль, Вермонт, США). Роман Ф.М. Достоевского „Преступление и наказание“ и теория американской исключительности...	376
Сырф Виталий (Кишинев). Отражение эпизодов колонизации Буджака в устном народном творчестве гагаузов.....	381

IV. ПЕДАГОГИКА

Горбачева Нина (ТГУ имени Гр. Цамблака). К проблеме внедрения интегрированного подхода в школьный образовательный процесс.....	386
Горбачева Нина (ТГУ имени Гр. Цамблака). Педагогические взгляды Ф.М. Достоевского.....	393
Дарманчева, Светлана (ТЛ „Иван Вазов“, Тараклия). Методологични проблеми при преподаване на родния език в населените места с компактно българско население.....	397

Невзорова, Валентина (ТГУ имени Гр. Цамблака). Възпитание на музикално-изпълнителско мишлене у студентите от специалността „Музика” по време на занятия по пиано.....	401
Невзорова, Валентина (ТГУ имени Гр. Цамблака). Особенности формирования ритмических навыков у младших школьников в процессе музыкального воспитания.....	406
Невзорова, Валентина (ТГУ имени Гр. Цамблака). Гагаузский музыкальный фольклор как средство развития творческих способностей младших школьников в условиях уроков музыкального воспитания.....	410
Невзорова, Валентина (ТГУ имени Гр. Цамблака). Роль классической музыки в развитии и воспитании школьников.....	419
Плэтикэ Адина, Табунщик Анна (ТГУ имени Гр. Цамблака). Роль матери в формировании здоровой психики ребенка до 1 года.....	424
Plătică Adina (Universitatea de Stat "Grigore Țamblac" din Taraclia). PREVENIREA BULLYING-ULUI ÎN MEDIUL ȘCOLAR.....	430

V. СТУДЕНТСКИ ИЗСЛЕДВАНИЯ

Василиогло, Юлия (ТДУ „Гр. Цамблук”). Живот и дело на братята Димитър и Константин Миладинови.....	435
Карамалак Валентина (ТГУ имени Гр. Цамблака). Бессарабские болгары наиболее ярко проявившие себя в науке, культуре и военном деле (Последняя треть XIX-XX вв.).....	442
Колар, Михаил (ТДУ „Гр. Цамблук”). Романът на Константин Петканов „Преселници” като отражение на съдбата на българите в Бесарабия през 1828 - 1830 г.”	446
Лужанская Диана (ТГУ имени Гр. Цамблака). Формирование морали и нравственности у детей начальных классов на уроках духовно-нравственного воспитания	448
Орлова Надежда (ТГУ имени Гр. Цамблака). Использование информационно-коммуникативных технологий на уроках русского языка в начальной школе как средство активизации познавательной деятельности учащихся.....	453
Рабаджи, Кристина (ТДУ „Гр. Цамблук”). Особенности на речника на град Тараклия.....	457
Сонгрова Лия (ТГУ имени Гр. Цамблака), Особенности общения детей дошкольного возраста.....	461
Чакал Татьяна (ТГУ имени Гр. Цамблака). Роль использования различных игровых ситуаций в образовательном процессе младших школьников.....	465
Чолак Анастасия (ТДУ „Гр. Цамблук”). Българското езиково влияние върху зимния цикъл на календарните празници у населението в село Копчак, АТО Gagauz Eri.....	471
Чолак Елена (ТДУ „Гр. Цамблук”). Българизмите в традиционната сватбена обредност на гагаузкото население в село Копчак, АТО Гагауз Ери.....	476

VI. РЕЦЕНЗИИ

Илиев, Иван (Пловдив-Кърджали, България). Изследване върху кортенския говор в

Молдова. Рецензия за книгата на Васил Кондов „Говорът на кортенци в Бесарабия (Република Молдова)”. 1 част: „ГРАМАТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ” (227 СТР., ISBN: 978-9975-3416-2-2); 2 част: „ТЕКСТОВЕ” (306 СТР. ISBN: 978-9975-3416-3-9). Тараклийски държавен университет „Григорий Цамблак”. Тараклия. 2021.....**481**

Кочетков А. (Нижний Новгород, Российская федерация) Диалози с вечным современником.....**483**

Сытник Олександр, Замуруйцев Алексей, Сизарев Костантин (Мелитополь, Украина). Переосмысление фракийского наследия (Рецензия на книгу: Рабаджиев К. Елински мистерии в Тракия (Опит за археологически прочит). Университетско издателство «Св. Климент Охридски». 2002. 209 с.).....**493**

ПРЕДГОВОР

Уважаеми читатели, пред вас е поредният сборник на университета „Григорий Цамблак” в гр. Тараклия, Република Молдова. В него са включени материали от научните конференции, проведени от университета или и с негово участие през календарната 2021 година, както следва:

- Научна конференция, посветена на 200-годишнината от рождението на Георги Раковски – 14 април (с участието на Съвета на район Тараклия и Дружеството на българистите в Р. Молдова).
- Научна конференция „Духовно наследство на Тараклия”, посветена на храмовия празник на града – 5 май (с участието и на Дружеството на българистите в Р. Молдова).
- Студентска (традиционна) научна конференция, посветена на славянобългарската писменост и култура – 27 май.
- Международна научна конференция на тема „Българската етническа общност в Република Молдова: история и съвременно състояние“ по случай Деня на бесарабските българи и 200-годишнината от издаването на „Инструкция за задълженията на селските кметства“ на генерал Иван Инзов – 29 октомври (с участието на Съвета на район Тараклия).
- Международна научна конференция, посветена на 200-годишнината от рождението на Ф.М. Достоевски.
- Международна научна конференция на тема „Межэтнические взаимодействия в этноконтактной зоне (Десятые чтения памяти И. Анцупова)“.

В сборника са включени също така и редица материали, посветени на живота и творчеството на Любен Каравелов, които по различни причини не са могли да бъдат публикувани в изданието на провеждания в гр. Балчик (България) Международен форум „Българско наследство“.

I. ИСТОРИЯ. ЕТНОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

АВТУТОВА Татьяна – аспирантка кафедры региональной политики и публичного администрирования Одесского регионального института государственного управления - tetianaavtutova@gmail.com

ПРИГАРИН Александр – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и этнологии Украины ОНУ им. И.И. Мечникова

prigarin.alexand@gmail.com

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОШЛОГО:
СТРУКТУРНЫЕ КОМПРОМИССЫ ГЛОБАЛЬНЫХ НАРРАТИВОВ
В ЛОКАЛЬНЫХ ИЗМЕРЕНИЯХ
(АКТУАЛЬНАЯ КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО БОЛГАРАМ БУДЖАКА)**

«Историографическая глокализация» является на наш взгляд основной актуальной тенденцией пересмотра исторической памяти. Оставим в стороне дискуссии о содержании, вариативности наименования и границах применения концепта «памяти» по отношению к пережитому человеческому опыту (Репина Л.П., Ассман А., Ассман Я., Васильев А., Хальбвакс М.). В нашем случае, будем его использовать операционно как совокупность образов и сюжетов прошлого, присутствующих в общественном сознании и институализированных в учебной литературе (1), культурно-просветительских акциях (2), направлениях конкретных исследовательских стратегий (3). По всем этим уровням функционирования и выстраивания исторического сознания в конце XX – начале XXI вв. прошли существенные ревизии, приведшие к эклектичным моделям в мировоззренческих парадигмах и соответствующих социальных практиках. Яркий пример – практически одновременная попытки канонизации и царской семьи, и И.В. Сталина в маргинальных (и не очень) православных движениях (Bodin Per-Arne).

Примеры подобного синтеза персонажей и категорий из различных эпох/миров перманентно выражаются в «стиле» историков и, соответственно, обществе в целом. Это и есть синхронное стремление встроить отдельный сюжет в общий процесс и, наоборот, проследить масштабные тенденции на микроуровне. Амбивалентный компромисс этой диалектики и есть «историографическая глокализация». В условиях действия, как минимум - двух групп факторов определяется специфика современной историографии, в рамках которой осуществляется ревизии «образов прошлого» в научных публикациях.

Первый из них – переосмысление основных причинно-следственных концепций исторической процессуальности. Например, нашему поколению ученых, прошедшему

социализацию в контексте советских парадигм («классовая борьба», «интернационализм», «атеизм» и «бытие определяет сознание» и т.п.), пришлось стремительно эмансипировать «национальный вопрос» и «теологические конструкции». На сцену истории, по драматургии общества вышли актеры в новых одеяниях, но со старыми фабулами. Так нередко деконструкции «этноса» или «класса», в основном, осуществляется привычными приемами неопозитивизма и, даже – марксизма.

Во-вторых, традиционное для ремесла историка стремление мыслить предметно в кризисные моменты приводит к раскрепощению локальности и субъективности. В течении одного поколения мы прошли весь условный путь европейской историографии, примеряя «антропологический», «лингвистический», «социологический», «микроисторический» и т.д. «повороты» (Колесник I.I.). Плюрализм дискурсов активно перерастал в диктат эмпиризма, забывая о вариативности теоретических рефлексий.

Исходя из подобного критического отношения, возникла идея проанализировать, как новые конструкты истории осваиваются общественным сознанием и, наоборот – как локальность включается в общие нарративы. С этой целью обратились к краеведческой литературе по болгарским поселениям Буджака. Выбор конкретных очерков следует считать «рандомным» (взял все издания, какие скопились у меня на специальной полке). Будучи автором/редактором/рецензентом многих из них, один из нас осознает, что подобный анализ имеет оттенок авто-био-историографии (Понятие используется вслед за: Попова Т.Н.) (тем серьезнее обоснована критика такого письма).

Аннотирование этих работ проведем по трем основным компаративным критериям:

- формальные аспекты издания (авторы, годы, объемы и существенные обстоятельства создания);
- жанровая и дисциплинарная направленность книги;
- соотношение исторических сюжетов в структуре и их композиционные формы.

Корпус источников представляет собой случайно выбранные книги, посвященные одному из сел. Для сравнения взяты также болгарские поселения Катаржино (Червонознаменка), Благоево и Терновку, находящиеся за пределами исторической Бессарабии. С этой же целью привлекли издание по гагаузскому Курчи (Виноградовку).

Романтики «Малой Родины». Эта метафора наиболее соответствует характеристике авторов подобных текстов. В 12 из 20 случаев такие проекты реализовывали местные краеведы или ученые, выходцы из этих сел. Стремление разобраться в нюансах собственного прошлого в сочетании с популяризацией собственных исследований явная причина создания таких работ. В других случаях, мотивы не такие уж очевидные, но прослеживаются. Нередко это профессиональные историки или этнографы, которые занимаются регионом в целом и конкретизировали свои общие знания на микроисторическом уровне. Например, И.Ф. Грек, написавший немало работ по истории Буджака и очерки про свое родное Яровое [5], был приглашен создать аналогичное издание по соседнему Купорану-Ровному [6]. Аналогично, И.Н. Чебан, составив книгу по родному Карагачу-Нагорному [16] и бессарабским болгарам [17; 18], взялся за труд описать соседнюю Котловину [15]. Или наша экспедиционная группа составила работы по Кубею [13] или Чушмелии-Криничному [4].

По времени издания можно смело утверждать, что в 2000 – 2020 гг. выходило по две-три книги ежегодно. Конечно же количественно это отображает тот «историографический бум» и социальный заказ со стороны общества на краеведческую литературу.

Существенным обстоятельством выхода в свет стали юбилейные годы образования колоний-сел.

Согласно объему опубликованных текстов, можно отметить лишь несколько небольших, до 10 п.л. Основная масса представляет собой «солидные фолианты» в 20-30 п.л.

Жанровая направленность – от фотоальбомов, с относительно небольшим текстовым сопровождением [например, 8] до научных монографий [например, 6, 14 или 4]. Композиция материала и структура, как правило, представляют собой своеобразный компромисс между научным и популярно-публицистическим стилем изложения. В этом плане, все из них написаны для чтения широкого круга людей и академические построения подчинены этой задаче. В ряде случаев, отметим публицистический [7] или компилятивный [15-18] жанры.

Дисциплинарно все изданные работы укладываются в рамки истории в его многообразном понимании. Микроисторический фокус на относительно небольшом населении и его прошлом определил такую направленность. А вот исполнение этих замыслов, во многом зависело от уровня профессиональной подготовки и исследовательского опыта авторов. Было бы крайне любопытно провести дискуссию о предмете науки среди них – уверены, что получили бы крайне размытые научно-популярные дефиниции о «прошлом». «Антропологический поворот» в академической среде сказался на отказе от привычной из учебников периодизации и выстраивании региональных этапов: переселение и основание; «царская Россия» (1800-е – 1918 гг.); «румынская оккупация» (1918-1940 и 1941 – 1944 гг.); «советская власть» (1940-1941 и 1944 – 1991 гг.); «независимая Украина» (с 1991 г.). Приведены практически ритуально-формульные штампы общественной памяти и, соответственно – структуры краеведческой литературы. Совпадения с «Большой Историей» выбирались для условной объективизации исторических знаний.

Еще один важный момент – наличие «культуры повседневности» или «этнографии», а также – «фольклора» и «языка». Ведь именно эти сюжеты делают прошлое и настоящее населенного пункта неповторимым, уникальным. Такие структурные единицы имеются практически во всех изданиях, что здесь рассматриваются. Они занимают от условной четверти до трех четвертей книжного пространства. Манифестации локального своеобразия подчиняются логике “Native Anthropology”, т.е. чаще всего базируются на описании непосредственного жизненного опыта отдельного индивидуума или его семьи/рода. Крайне редко удается включить компаративные перспективы в диахронном или синхронном варианте.

Справедливости ради, наше участие (профессиональных этнологов) уводит тексты от эмпиризма памяти в матрицу дисциплинарного познания. Наряду с историками мы предлагаем краеведческой историографии «штампы» или «стереотипы» типологического или семиотического методов, которые не менее условны, чем память конкретного человека. «Материальный быт» или «хозяйственные традиции», «духовная культура» или «социальные практики» придают тексту наукообразие, но выхолащивают порой непосредственность. При этом, сравнительные процедуры и исследовательская эрудиция позволяет включать факты в характеристики реальной выразительности населения, препарируя мнения людей о своей исключительности с аналогичными обычаями соседей и предков.

И в случае историков, и в случае этнологов (применимо так же к лингвистам, фольклористам и т.п.) мы ищем адекватные приемы и конструкты. Профессиональная логика наук позволяет производить огранку фактов таким образом, что они нередко теряют свойства «объективности» и «историзма». При этом, краеведы с легкостью и совершенством репрезентуют эмпирическое многообразие, но с определенным трудом транслируют его интерпретации.

В этой безмолвной дискуссии о первичности теории или практики сложно найти компромисс. Очевидность сторонников одних противостоит вечными сомнениям других. Сложно выработать единый стиль для краеведческих очерков в условиях Постнауки: ориентация на прежние нарративы испытывает существенный кризис. Тут мы четко имеем ситуацию, когда социальная востребованность доминирует над остальными уровнями научных знаний: эмпирическим и гносеологическим.

Тематическое распределение материала в этих изданиях ярко иллюстрирует это. Не будем здесь указывать конкретные издания, но создадим обобщенную (естественно – условную) модель таких очерков.

Начинаются тексты с разделов, включающих локальность одновременно в пространство и время. Редко какое издание не обходится без лаконичного и не очень рассуждения о регионе Буджак (Бессарабия). С другой стороны, легендарной точкой отсчета выступает переселение болгар/гагаузов в эти степи. Пересечение территории с их освоением группой людей является репером краеведческих рассуждений. Подчеркнем, что это можно считать основным вопросом как народного самосознания, так и попыток академического встраивания конкретной общности в «Большую Историю»: откуда, когда и кто перешел в Бессарабию. Риторика подобных изложений четко укладывается в лексику местных преданий (порой – мифических) и, одновременно, в конструкты российской и советской историографии о «национальном и религиозном гнете» в Османской империи и «православном братстве» российской власти. Краеведческие упрощенности этих схем редко учитывают многофакторность как процесса исхода, так и поселения. Во многих случаях, транслируются механические данные И.И. Дундарова, взятые из соответствующей статьи в «Българска енциклопедия», украшенные цитатами из А.А. Скальковского или местных «экспертов».

Условный XIX век проходит во всех очерках вокруг двух сюжетов: обустройство на новых местах (значительный объем) и создание новой Родины (1); национально-освободительная борьба в метрополии и создание «старой новой Родины» (2). Условно, именно это время, включая начало XX в., воспринимается и конструируется как «золотой век» болгар Бессарабии. Нередко специальное внимание уделяется выстраиванию колониально-сельской инфраструктуры (церковь, школа, администрация, хозяйственная активность населения и т.п.). В целом, фактичность наполнения этого времени зависит от исследовательской удачи в поисках источников, хранящихся от местных музеев до центральных архивов.

Любопытны примеры соединения антиколониального и колониального письма. Если антиосманскими акцентами наполнены история переселений и освоений новых территорий, то, наоборот, «длинный XIX век» подчиняется другому имперскому нарративу – российскому. Особо органично оба этих стиля вплетаются в «национально-освободительную борьбу» болгарского народа (до 1878 г.). А вот строительство нового болгарского государства, как правило, излагается из романтических симпатий к своим землякам, которые принимали в этом непосредственное участие и своим «сонародникам» в

целом. С такой же позиции повествуется о восстаниях в части Буджака, отошедших к Дунайским княжествам. Они вплетаются в общую канву борьбы болгар и гагаузов за свои права.

В таком же духе, в такой же риторике излагаются исторические сюжеты 1918-1940 и 1941-1945 гг. Большинство из авторов рецензируемых очерков явно не выходят за рамки антирумынских оценочных суждений. Постепенно входит в историографию понимание, что именно этот период создал своеобразие прошлого населения региона, которое заметно отличает от остальных болгар. Все попытки румынской модернизации Буджака воспринимаются как следствие колониационной политики центра (Бухареста). Это очень понятная позиция, не вызывающая полемики, порой мешает рассмотреть фактические результаты (например, аграрная или административные реформы). А ведь нередко в бессарабских селах можно встретить общественные постройки румынского времени: примарию, школу, церковь, мосты и т.д., которые, например, наоборот подвергаются особому вниманию в выстраивание инфраструктуры в разделах об освоении территории. Прошлое, пропущенное через аксиологический фильтр, делает современные визии не такими уж однозначными.

Очевидные «метания по стилям» прослеживаются во многих реконструкциях 1940-х гг. Война, коллективизация, голод... Масштабные и трагические события, в которые болгары Буджака были втянуты непосредственно, породили краеведческий компромисс между советским и украинским/молдавским нарративами. Так, с гордостью описываются односельчане лишь по одну сторону фронта. Или, коллективизация воссоздается как обустройство (строительство сельхозпредприятий и начало модернизации сел) равно как обязательно содержит негатив по отношению к депортациям, трудовому фронту, голоду... Отвлекаясь от эмпирической содержательности результатов подобных исследований, объемы негатива нередко превосходят позитивные и позитивистские сюжеты. Антиколониальный актуальный дискурс особо довлеет над процессуальностью социальных трансформаций болгарского или гагаузского поселка во второй половине 1940 – первой 1950-х гг. Благородное дело воссоздать максимально полно всех жертв этого лихого периода. При этом, можно не встретить обстоятельств и деталей создания колхозов/совхозов, кроме упоминания о них; аналогично – появление отдельных видов сельхоз и бытовой техники.

Представляется крайне перспективным написание реальной истории советской повседневности в селах региона. И в этом краеведческие очерки заметно преуспели в фиксации и описании фактов. А вот осмысление их строится либо по советской, либо по национальной матрице. Удивительно, но оба этих мышления работают и помогают выстраивать текст. К сожалению, «большая наука» пока не предложила локальному письму внятного и удобного алгоритма изложения недавнего прошлого. Собственная память и ритуализированные академические приемы на этом этапе оказываются более эффективными, чем инструменты создания гранд-нарративов. Мировоззренческие ломки мета-кодов в понимании и осознании собственного опыта исторического развития, биографий своих близких и односельчан находятся в подчинении глобальным переформатированиям актуальной ментальности.

Признаемся, что это все справедливо и по отношению к современному периоду развития населения Буджака. Формально отделив его от предыдущего «1991 годом», авторы проявляют некоторую растерянность в описаниях. Сложные процессы деколлективизации и «прихватизации», депопуляции, продуктивных урбанизации и

модернизации, на наш взгляд, основные тенденции этапа. Однако, как академическая наука, так и краеведение во многом игнорируют эти сюжеты из-за невыработанного метода фиксации и осознания. Даже объем соответствующих разделов книг заметно уступает другим (например, хронология «румынской оккупации» уже сопоставим с «украинским» или «молдавским» временем, но...) Видимо, в силу этого, авторы поселенческих монографий предоставляют сегодняшние факты в дескриптивной манере, избегая характеристик или оценочных суждений.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Bodin Per-Arne.** Language, Canonization and Holly Foolishness: Studies in Postsoviet Russian Culture and the Orthodox tradition. Stockholm: Acta Universitatis Stockholmiensis, 2009.326 p.
2. **Ассман А.** Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014
3. **Ассман Я.** Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Пер. с нем. М.: Языки славянской культуры, 2004
4. **Булгар С.С.** Виноградовка (Курчи). История села (1811–2011 гг.). Одесса: типография издательства «ВМВ», 2011. 426 с., илл.
5. **Васильев А.** Memory Studies: Единство парадигмы — многообразие объектов (обзор англоязычных книг по истории памяти) НЛО. 2012. Вып. 117. С. 461—480
6. **Візіров О.В.** Катаржино (Знам'янка): історія, сучасність, традиційна культура. Нариси. Одеса: Сімекс-прінт, 2018. 636 с.
7. **Гамза В.І.** Тернівка: Історико-етнографічний нарис. Миколаїв, Іліон, 2014. 532 с.
8. **Ганчев А.И, Пригарин О.А. и др.** Чушмелий: история и культура. Одесса: Симэкс-принт, 2018. 516 с., илл.
9. **Грек И.Ф.** Гюлмян-Дюльмен-Яровое (Очерки истории болгарского села в Бессарабии) / Иван Грек; Научное общество Болгаристов РМ; научный редактор Н. Червенков. Ch.: Soc. Şt. De Bulgaristică din Rep. Moldova, 2006 (Tipogr. «Business-Elita»). 264 с.
10. **Грек И.Ф.** Купоран – Ровное: история, культура, люди болгарского села в Буджаке / И. Ф. Грек; науч. ред.: Н. Д. Руссев; обл.: Д. А. Топал. [Chişinău]: Stratum plus; Измаил: Б. и., 2017 (Украина, Ирбис). 462 p.: fot., tab.
11. **Кирьязов В.П.** «БЛАГОЕВО и БЛАГОЕВЦЫ». Исторический материал. Одесса: «Печатный дом» – «Фаворит», 2015. 392 с.
12. **Колесник І.І.** Українська історіографія: концептуальна історія. – К.: Інститут історії України НАН України. С.144, 251-252, 475 – 566
13. **Куликов О.Н., Куликова И.А., Куликова Е.А.** История и люди. Богатое. Харьков: «Типография Мадрид», 2016. 224 с.
14. **Малев Н.В.** Очерки истории села Задунаевка. 2-е издание, перераб. и доп. Арциз: «Диамант», 2008. 200с.
15. **Мисержи Д.И.** Дельжилер Бессарабии. Одесса: «Астропринт», 2004. 311 с.
16. **Николаева И., Карабджак А.** Новые Трояны: историческая память и культурные особенности болгарского села. Одесса, 2020. 271 с.
17. **Пеливан К.К.** Краткая история села Главаны. Арциз: Диамант, 2007. 228 с.
18. Понятие используется вслед за: **Попова Т.Н.** Авто-Био-Историографические заметки. Одесса, 2020. 296 с.
19. **Пригарин А., Тхоржевская Т., Агафонова Т., Ганчев А.** Кубей и кубейци: бит и культура на българите и гагаузите в с.Червоноармейское, Болградский район, Одесска област. Одеса: Маяк, 2002. 88 с.
20. **Репина Л.П.** Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003
21. **Руссев, Н.Д.** Шикирлик – Суворово: два века в истории (1815–2015). По документам и рассказам участников событий / Н. Д. Руссев; науч. ред. О. А. Долгополова, И. Ф. Грек; обл.: Д. А. Топал; Ун-т «Высшая антропологическая школа», Одесса: «Издательство Черноморье»; 2017 (Украина, И. П. «Малыгина С. П.»). 682 с.
22. **Хальбвакс М.** Социальные рамки памяти. М., 2007; Феномен прошлого / Ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М.: ГУ–ВШЭ, 2005. 476 с.
23. **Чебан И.Н.** Гагаузы Буджака. Котловина. Измаил: «СМИЛ», 2015. 216 с.
24. **Чебан И.Н.** Карагач (Нагорное). Измаил: «СМИЛ», 2012. 140 с.
25. **Чебан И.Н.** Краткая история Бессарабии и бессарабских болгар (Пустия Сихитика, Онглос, Онгыл, Буджак и с 1813 г. – Бессарабия). Измаил: «СМИЛ», 2009. 300 с.

26. **Чебан И.Н.** Краткая история Бессарабии и бессарабских болгар (Пустия Сихитика, Онглос, Онгыл, Буджак и с 1813 г. – Бессарабия). Николаев: ООО «Фирма Илион», 2009. 400 с.
27. **Червенков Н.Н., Думиника И.И.** Тараклии – 200 лет. Т.1 (1813-1940). Кишинев: Cu drag, 2013. 608 с.
28. **Яманди Е.Х.** История села Котловина (Болбока) 1812–2012 год. Котловина–Болград: «СМИЛ», 2015. 288 с.

БАНКОВА Емилия, научен сътрудник – Научно дружество на българистите в Република Молдова, Кишинев - emilia_bankova@mail.ru

БАБИНДЕН ПРИ БЪЛГАРИТЕ В РЕПУБЛИКА МОЛДОВА

Бабинден – это народный женский праздник в честь повивальных бабок. Его название происходит от слова «баба», которым называли женщин, помогавших при родах. Этот день отмечается у бессарабских болгар 21 января и празднуется в честь «баб», которые «бабували», т.е. принимали роды. Богатая насыщенность этого праздника специфическими обрядами направлена на продолжение и умножение рода, для здоровья и плодовитости молодых женщин, для здоровья и счастливой жизни детей, появлению которых помогала повитуха.

В этот день православная церковь отмечает день преподобной Домники, которая жила в IV веке, во времена императора Теодосия Великого. Будучи язычницей, но сильно желая покреститься, она приняла христову веру. Ведя аскетический образ жизни, усиленно трудясь и строго соблюдая все посты, она достигла духовного совершенства. Бог одарил ее даром прозорливости и чудотворства, она лечила больных, предсказывала будущее, имела власть над природными стихиями. Этот церковный праздник, посвященный лечительнице Домнике, слился в народном сознании с празднованием Бабиндена (Праздники и обряды на българина – с. 21-22).

Термином *баба* обозначается женщина, которая первой встречает человека на этом свете. До середины XX в. в болгарских селах в Буджаке каждое село имело свою *бабу* или несколько *баб* (в зависимости от количества жителей села). Археологические и этнографические источники дают основание предполагать, что этот народный персонаж старинного происхождения. Исторический прототип этого обрядового лица вероятно имел очень широкий спектр ритуальных функций, проистекающих из его связи с древним культом Земли, плодородия и женского начала. До конца XX и начала XXI века дошли лишь некоторые реликты, осколки тех ритуальных действий, которые предпринимала повитуха во время рождения и начальной социализации ребенка.

Бабой-повитухой обычно становилась пожилая женщина, часто вдова, у которой были уже взрослые и живые дети. Она должна вести праведную жизнь – соблюдать посты, причащаться, знать молитвы и знать каноны таинства. Иногда она получала благословение от священника на право крестить в случаях, когда это необходимо было совершить сразу. Повитуха должна была владеть необходимыми медицинскими знаниями для оказания родильной помощи, а также разбираться в силе лечебных трав и уметь лечить «женские» и «детские» болезни. Национальность повитухи значения не имела, особенно в смешанных селах.

В крестьянской среде образ «бабы» не был лишен и демонологических черт. Свои «знания» при жизни она держала в секрете, но перед смертью должна была передать их кому-нибудь другому, иначе она не могла умереть без мучений. Она, безусловно, являлась носителем «тайной силы»: умела не только предсказывать будущую судьбу новорожденного, но и обладала даром её «видения», а в отдельных случаях – и необходимой коррекции. В то же время ей приписывалась способность обезопасить ребенка (в том числе и от нечистой силы), защитив его при помощи обычного для сельских жителей набора ритуально-магических формул и действий.

В прошлом в селах помнили имена известных и долго «бабувавших» пожилых женщин. В Кортене и Твардице наши молодые информаторки вспоминали, несмотря на давно ушедшее время, женщин, помогавших при родах их мамам или близким родственницам. До появления роддомов и акушерок строго сохранялась традиция посещать и чествовать в Бабинден свою повитуху до самой ее смерти, пока она жива. Также была распространена традиция посещения в Бабинден молодыми женщинами своих свекровей и матерей (если они жили отдельно от детей), так как они помогали повитухам.

Главные участницы этого глубоко народного праздника, посвященного тем, кто дает жизнь, естественно, женщины-повитухи, а сегодня это акушерки. В г. Тараклия, как и в с. Кортен рано утром «баба» обходит дома, в которых она помогала при родах («бабувала»), купает младенцев, которым еще не исполнилось одного года, благославляет их. В это же утро каждая женщина, у которой «баба» принимала роды, идет в дом повитухи с веткой базилика (*бусиляк*), куском мыла, платком, вязаными носками или другим подарком. Она целует «бабе» руку, поливает ей на руки и одаривает ее. Помимо подготовки праздничного стола важной задачей «бабы» было найти хорошего музыканта, который должен был играть (обычно на скрипке) целый день. Повитуха накрывала на стол и все садились за праздничную трапезу, которая сопровождалась песнями и шутками. Танцевали *хоро*, ведомое *бабой*. Купание *бабы* – один из очень важных моментов в обрядах этого дня. Обычно везут ее к реке или источнику в украшенной тележке, там ее «купают» (обливают водой) с песнями и смехом.

Во всех болгарских селах Молдовы женщины в этот день не работают. В Твардице и Тараклии в празднике участвуют, прежде всего, женщины, родившие в этом году или те, у кого есть маленькие дети. Рано утром эти женщины спешат первыми поздравить свою «бабу» (повитуху), так как верили, что у той женщины, которая первая поздравит *бабу*, дети будут здоровы и будут жить долго. Каждая из женщин приносит букетик базилика («бусиляк»), кусок мыла, полотенце и подарок – фартук, отрез материи на платье. Женщина целует руку повитухе, потом поливает ей на руки воду, подает ей полотенце, которое она принесла и набрасывает ей на плечо подарок. В Болгарии, где климат более мягкий, чем в Молдове, эти обрядовые действия производятся под плодовым деревом, чтобы дети были здоровы.

На праздничную трапезу «баба» приглашает всех своих «родильниц». При этом каждая женщина тоже приносит какое-то угощение – курицу, хлеб, вино и др. После обеда, протекающего в шумном веселье, все танцуют *хоро*, потом женщины переодеваются в импровизированную маскарадную одежду, сажают повитуху в тележку, впрягаются в нее и везут *бабу* к реке или к источнику – «*чешма*», или к колодцу, где снова обливают или обрызгивают ее водой. К их компании не может присоединиться мужчина или мальчик – женщины могут его раздеть, вымазать сажей или дегтем и т.д. Так продолжается до вечера. Целый день женщины веселятся, позволяют себе разные шутки и даже выпить больше

нормы – им все прощается. В этот день мужчины сторонятся женщин, в Кортене и Тараклии они говорят «*Бабянден – един дин, а дядув ден всеки ден*» («Бабиндень один день, а дедов день – каждый день»).

Праздник отмечается практически одинаково, различаясь лишь в некоторых деталях. Во всех болгарских поселениях Буджака женщины собираются у бабы-повитухи, которым она помогала при родах. Каждая из них приносит ей в дар мыло, поливает на руки, подает полотенце, а также приносит еще какой-нибудь подарок: платок, платье, носки, отрез материи или моток шерсти (в с. Кирсово бабка, в свою очередь, дает каждой женщине букетик базилика, обвязанный красной шерстью). Кроме подарка повитухе они приносят также вино, курицу, каравай или какое-либо другое кушанье. Готовит еду и сама повитуха. Она кадит стол с сидящими вокруг него молодыми женщинами. Устраивается трапеза, женщины веселятся, поют, танцуют хоро.

Веселье заканчивается катаньем *бабы* на тележке или санях по улицам (если зима снежная) (Кортен, Кайраклия). Подаренные ткани набрасывают на *бабу* или на какое-нибудь древко («байрак»), которое несут с собой, и везут ее на тележке до колодца, где поливают водой (с. Кирсово). Женщины переодеваются в «жениха» и «невесту», в «цыганку», вешают на *бабу* «ожерелье» из тыквенных семечек, кукурузных зерен или сушеного красного острого перца и катают ее по улицам на тачке или санях (Валя-Пержей). В Твардице перед этим участницы также наряжаются в «жениха» и «невесту», берут в качестве знамени (*байрак*) фартук. В Парканах они тоже иногда рялятся, а затем с шутками катают *бабу* по улицам, роняя ее в снег. Повсюду у мужчин, встретившихся по пути, женщины отнимают шапки и заставляют взамен дать им на угощение. В с. Парканы, в с. Кортен, а также в г. Тараклия мужчин, которые заглянут в дом во время веселья или встретятся по дороге, грозятся намазать дегтем или же качают в каком-нибудь коврик. А чтобы отогнать любопытствующих детей, во всех населенных пунктах им обещают «намазать задницы дегтем». (Кавалов А.И., с. 75-76).

Начиная с 50-х годов XX в. в связи с введением обязательной родильно-медицинской помощи и появлением в селах родильных домов функции бабы-повитухи переходят в руки акушерок, имеющих специальное медицинское образование и надобность в повивальных бабках отпадает. Но праздник остается, во всех болгарских селах Р Молдова его отмечают 21 января (В Болгарии, из которой переселились болгары и гагаузы, проживающие ныне на территориях Р Молдова и на Украине, «Бабинден» празднуют 8 января). Конечно, время вносит свои коррективы – собираются молодые женщины, проживающие на одной улице или в 2-3 кварталах и, так как повитух уже нет, то выбирают самую пожилую женщину, которая должна исполнять роль повитухи.

Женщины, у которых есть маленькие дети, идут к выбранной «бабе» в гости, принося ей ветку базилика, полотенце, мыло и какой-нибудь подарок – платок, фартук, кусок ткани, носки и пр., а также угощение для общей трапезы. И дальше повторяется старый сценарий: «бабе» целуют руку, поливают ей на руки, садятся за стол, едят, пьют, поют песни, шутят, смеются. Потом так же, как и раньше, переодеваются в импровизированные маскарадные костюмы, везут «повитуху» к колодцу или к «чешме» – источнику воды и там продолжают веселиться. Ближе к вечеру праздник заканчивается, «бабу» отвозят домой и все расходятся по домам. В с. Кирсово и с. Кортен говорят также, что Бабинден «*закрива празниците*» (закрывает, т.е. заканчивает зимние праздники).

Этнографические данные, зафиксированные в болгарских селах Республики Молдова, дают основание говорить о высоком статусе «бабы»-повитухи как ключевой

фигуры одного из «обрядов перехода», сохранившего много архаичных черт. Со временем особый статус «бабы» стал особенно важным. В народном сознании она, принимая из небытия в мир живых нового, «неизвестного» человека, определялась как посредник между небытием и бытием, между жизнью и смертью; она приводила в соответствие природу и культуру для сохранения между ними равновесия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. **Архив автора.**
2. **Боряк Е.А.** Баба-повитуха в традиционном украинском обществе: легко ли быть «знающей»? – В: Мифология и религия в системе культуры этноса.// Материалы Вторых Санкт-Петербургских этнографических чтений. – С-Петербург, 2003.
3. **Воденичарова А.** Бабата – български и источнославянски щрихи от един старинен архетип. //Етнографски проблеми на народната култура. Том 7. с. 73-93. - София, 2005.- 277 с.
4. **Воденичарова А.** Обреди, свързани с раждането и ранната социализация на детето. // Ловешки край. Материална и духовна култура. - София, 1999 – с. 354.
5. **Кавалов А.И.** Календарная обрядность болгар Республики Молдова. – Кишинэу, 2017. – 260 с.
6. **Празници и обреди на българина.** – София, Парнас, 2003.- 133 с.
7. **Съботнинова Д.** Отколешно време. – Силистра, 1998. – 230 с.

БАНКОВА Емилия, научен сътрудник – Научно дружество на българистите в Република Молдова, Кишинев - emilia_bankova@mail.ru

ЛЮБЕН КАРАВЕЛОВ КАТО ЕТНОГРАФ

Резюме

В статъе разсматривается деятельность выдающегося революционера болгарского Возрождения, поэта, публициста, языковеда и переводчика Любена Каравелова как этнографа. Отмечен значительный вклад Л.Каравелова в общеславянскую культуру и науку.

Summary

In clause activity of an outstanding figure of the Bulgarian Revival, the poet, the writer, the publicist, translator Ljuben Karavelov as ethnographer and the specialist in folklore is considered. L.Karavelova-s significant contribution in culture and a science is noted.

Любен Каравелов – е един от най-прочутите и любимите български писатели в XIX век, виден деятел на българското освободително движение, съратник на Васил Левски и Христо Ботев, славянски просветител, етнограф и фолклорист.

Както се знае, Каравелов през юни 1857г. заминава за Русия, където живее десет години в Москва. Тук той започва да аргументира една от политическите точки в програмата на прочутия руски етнограф Юрий Иванович Венелин, а именно тази, че миналото на един народ може да се използва за изходно начало на едно по-светло бъдеще. Затова Каравелов реши да редактира и сам да издава един сборник от фолклорен материал. В 1861г. той публикува на руски език книгата «Паметници на народния бит на българите», която, в отличие от всички дотогавашни фолклорни сборници, не носи панславистки характер, както искаха да го представят някои славянски кръгове.

Още по време на обиколките из България с бащата си джелепин, Каравелов е проявявал интерес към поетически, верски и исторически предания, записвайки някои от тях и помняйки добре чутото и наблюдаваното. В Москва отличната памет за тези спомени му помага, когато той се опитва да състави редица сборници от тях, за да се прояви като български етнограф и фолклорист.

Дружбата на Л.Каравелов с български младежи в Москва, дошли от разни краища, се оказва полезна за целта му. Някои от тях, като Константин Геров, Константин Миладинов, Нешо Бончов, Марин Дринов са били вече опитни в събирането на етнографски материали.

Л.Каравелов мислел да се опознаят русите с южните славяни, като разполагат с духовните им ценности, завещани от вековете.

Като очертава плана и съдържанието на сборника си, Каравелов посочва, че в него ще влязат «баснословни сказания (митове), предания, описания на различни обреди, легенди, песни, пословици, гатанки и въобще всичко, което може да служи като указание за древните народни вярвания». Без да обгръща всички следи от тази старина и като държи главно на поетическото и битовото предание, Каравелов се е поставял в услуга на онези възгледи, които толкова руски и европейски учени са внедрявали навред, следвайки авторитетното мнение на Хердер в неговите «Идеи за философията на история» да се съберат колкото се може побързо «исчезващите останки от обичаи, песни и саги» на славянските народи, за да се допълни чрез тях общата духовна картина на човечеството. Каравелов чувствувал особено пропуските в описанията на обичаи и вярвания, толкова важни за разбиране на нравствено-религиозната страна в живота на народа; затова се е наемал да даде в редица книги един по-значителен свод на този род материали. По-късно той бележи: за да бъде нашата история написана обстойно и безпристрастно, необходимо е да се заемат с нея самите българи, като изучават изворите и, старите надписи и ръкописи и т.н. И като изтъква, че освен сборниците на братя Миладинови, сборника на Веркович и двата исторически труда на Дринов ние нямаме сериозно в книжнината си, Каравелов продължава: *«Това е чиста истина, но защо ние да не се заемем да разработим другата половина на нашата история, за която материала можем да намерим всеки ден. Ние имаме пред очите си жив материал, живи източници, живи хронографи, а тия са същия народ. Изучете народа, опишете неговите нрави и обичаи, неговата статистика и положение, съберете народните песни, приказки, пословици и поговорки и вие ще направите същото добро за народа (ако не повече), което ще направят и историците».*

Първата от книгите обгръща около 3000 пословици и поговорки, народен дневник (с календарни обичаи, обреди, легенди и вярвания), български народни имена, три приказки и речник на по-трудните за руския читател думи.

В този първи том Каравелов е използвал както личните си записи и наблюдения, така и тези на своите московски приятели-сънародници. Той посочва българските си сътрудници за пословици и обичаи заедно с родните им места: Бончев и Дринов – Панагюрище, Кирков – Сопот, Миладинов – Струга, Геров и Петко Каравелов – Копривщица, Вязенков – Крушево, Диамандиев - Охрид, Караконов – Ловеч, Христович – Габрово, Желязков – Кърклис (Лозенград), Павел Калянджи – Лясковец и т.н. Главния извор на публикуваните етнографски материали образуват собствените наблюдения на Любен Каравелов. Че данните за Копривщица са преди всичко негови спомени, не подлежи на съмнение. Говори ли за обреди, поверия, магии и други фолклорно-етнографски черти у шопите, той се касае пак за личен опит от юношеските му обиколки с бащата си. На собствените си впечатления той се позовава «в някои места на България», предимно в Тракийско и Западна България: остър поглед за виденото и върнатата памет помагат му както във научния труд, така и при белетристиката, в която виждаме свеж и сигурен битов материал.

Руският филолог Александър Котляревски в статията си «Старина и народност за 1861год» пише: *«Трудът на българина Каравелов запълня един недостатък на славянската наука в Русия: недостатък в положителни етнографски сведения за поезията, нравите и обичаите на българите».* Той пожелава по-скорошното излизане и на продължението му,

тъй като трудът принася «толкова чест на патриотическото чувство на автора, колкото и полза на общославянската наука».

Ценен материал съдържат и останалите две ръкописни книги на «Памятники», подготвени за печат в 1861г. и 1862г. Във втората книга трябвало да влязат песни и обичаи, свързани с живота на българската жена: женски песни, сватби, седенки, погребение, българо-сръбски митове за самодивите, вещици, таласъми, каракончо, змейове, орисници др., празничен дневник и легенди с прибавка на изображения на народни носии. Тази книга не бива завършена и не вижда свят, по-късно в списанията «Свобода», «Независимост» и «Знание» се печатат песните от този сборник.

Не излиза и готовата трета книга от същата редица, озаглавена «Болгарские народныя песни», която е запазена като ръкопис в архивите на Каравелов и се съхранява сега в Софийската народна библиотека. Тази книга Каравелов посвещава на Константин Миладинов и Вук Караджич. Тези имена са скъпи за автора като символ на един жизнен подвиг под знака на южнославянското възраждане.

«Чрез нашият сборник – отбелязва Каравелов – българите се откриват с първоначалната си чиста народност, неразделена на общество и народ, а останала цялостен организъм, който има едни и същи обичаи, закон, език, една и съща душа, една и съща одежда». «... С изучаването на българското слово ще се разяснят много тъмни места в доисторическия бит на славяните». Как си мисли той българските събирачи на народнопоетическия материал и на какви условия би трябвало те да отговорят показват думите му по-късно. В 1875г. в списание «Знание» той пише: «Етнографът не трябва да бъде нито подражател, нито патриотин, нито поет, защото тие достойни за уважение качества почти всякога затъмняват самото дело и покриват истината с непроницаема пелена».

«Като говоря за старите български обичаи, то в това също време аз трябва да забележа и туй, че великата привязанност – привязанността към народна коренна старина - е поддържала и поддържа и до днешния ден българският народ сред страшните негови бедствия и не му е дала да умре. Ето защо аз ценя така високо народните нрави, обичаи и обреди и защо въставам с такова ожесточение против пияната и убивающата европейска «цивилизация», която е преминала през гръцките митарства и през турските хареми и която е дошла до нас така също осакатена и обглождена, както и Христовото учение. Нека говори, кой що ще, а аз ще да ви кажа, че европейското влияние е принесло на народът ни повече вреда, нежели полза... Дайте на българския народ движение и излазка, покажете му де е прелезът, дайте живот на неговите обичаи и пред него ще се отвори нов път, щастливо бъдеще, честна деятелност и могъществен исторически живот.» (Народопсихология на българите. С. 203.)

В 1868 г. появява се един том разкази, озаглавен «Страницы из книги страданий Болгарского племени. Повести и рассказы Любена Каравелова». В тези разкази Каравелов описва подробно облеклото, излага обичаите на двата Бъдни вечера, с тяхната мила за българското сърце «нравственна топлина», описва народното хоро, на което всеки може да се налюбува на миловидните момински «славянски лица» и на балканските едри, високи и хубави момци, вмъква различни романтични легенди и т.н.

«Българи от старо време» също представят богат извор за характеристика на Каравеловите впечатления и преживявания от родната му Копривщица. За старовременните обичаи той пише: «Ако твоята натура не е развалена, то трябва да обичаш това, щото е твое и щото ти е оставено от родителите, за да го вардиш и да му се радваш...». Той

остава на своето мнение, убеден твърдо, че тези традиции са полезни и че най-малкото, те са ни запазили от погърчване. *«Свещени са народните обичаи»* - заключава той.

Големият талант и любов към родината позволиха на Каравелов да използва колосалната си енергия за да издигне неръкотворен паметник в българската история. За едно десетилетие само Каравелов създаде за българската литература онова, което други на неговото място и в неговото положение не биха могли да създадат и за десет...

ЛИТЕРАТУРА

1. **Арnaudов, М.** Любен Каравелов. Живот, дело, епоха. 1834-1879.- Изд.2-е, София, 1972.
2. **Българската възрожденска интелигенция. Енциклопедия.** – София, 1988.
3. **Великов, С.** Любен Каравелов в спомените на съвременниците си. – София, 1960.
4. **Воробъев, Л.** Любен Каравелов. Мировоззрение и творчество.- Москва,1963.
5. **Конев, И.** Любен Каравелов. – София, 1956.
6. **Народопсихология на българите. Антология** /Под общата редакция на проф. Минчо Драганов. – Изд-во на Отечествения фронт. - София, 1984.

БУЛГАР Степан, доктор истории, ст. н. иссл., зав. отделом истории и этнографии Научно-исследовательского центра Гагаузии им. М.В. Маруневич, Комрат – bulg2004@mail.ru

КОНСТАНТИН КОЙЧУ – ПЕРВЫЙ СТАРШИНА ВЕРХНЕБУДЖАКСКОГО КОЛОНИСТСКОГО ОКРУГА 1781–1846

Резюме: В статье «Константин Койчу – первый старшина Верхнебуджакского колониетского округа. 1781–1846» рассматривается жизнь выходца из колониетской среды, участника русско-турецкой войны 1806-1812 гг., ставшего одним из лидеров переселенцев из Османской империи в Бессарабию. В статье объединены сведения из разных источников, на основании которых был проведен анализ биографических данных Константина Койчу, составлено генеалогическое древо его рода, показано его участие в политических процессах, связанных с переселением и обустройством задунайских переселенцев в период с 1806-1819 гг., а также в годы волнений переселенцев против злоупотреблений царских чиновников в 1842-1846 гг. К. Койчу имел высокий авторитет среди переселенцев, а знание гагаузского, болгарского, русского, греческого языков и доверие со стороны попечителей болгарских переселенцев Д. Ватикюти, И. Инзова позволили русской администрации привлечь К. Койчу для решения конфликтных вопросов в период переселения с помещичьих земель на казенные в Буджакской степи. К. Койчу и его сторонники продвигали среди переселенцев идею о включении их в состав казачьего войска, что позволило бы им избежать закрепощения бессарабскими помещиками. В 20-х гг. XIX в. К. Койчу являлся старшиной Верхнебуджакского колониетского округа и много сделал для экономического и культурного развития края. В 40-е гг. XIX в. К. Койчу стал лидером борьбы против злоупотреблений представителей царской администрации в отношении колониетов Буджака, что сделало его врагом властей. В 1846 г. К. Койчу был лишен колониетского звания.

Ключевые слова и фразы: Константин Койчу, русско-турецкая война 1806-1812 гг. переселенцы в Бессарабию, переселение болгар гагаузов в Бессарабию, волнения в болгарских колониях 1842-1846 гг.

KONSTANTIN KOICHU - THE FIRST FOREMAN OF THE VERKHNEBUJAK COLONIST DISTRICT. 1781–1846

Summary: In the article "Konstantin Koichu - the first foreman of the Verkhnebujak colonist district. 1781–1846" is examined the life of a descendant from the colonist environment, a participant in the Russian-Turkish war of 1806-1812, who became one of the leaders of the immigrants from the Ottoman Empire to Bessarabia. The article combines information from

various sources, on the basis of which the analysis of the biographical data of Konstantin Koichu was carried out and genealogical tree of his family was compiled, his participation in political processes related to the resettlement and settlement of Trans-Danube settlers in the period from 1806-1819 was shown. During the years of unrest of immigrants against the abuses of the tsarist officials in 1842-1846. K. Koichu had a high prestige among the settlers, and the knowledge of the Gagauz, Bulgarian, Russian, Greek languages and the trust of the trustees of the Bulgarian settlers I. Inzov, A. Yushnevsky, D. Vatikioti allowed the Russian administration to involve K. Koichu landlord lands on state lands in the Budzhak steppe. K. Koichu and his supporters promoted among the settlers the idea of including them in the Cossack army, which would allow them to avoid serfdom. In the 20 s. XIX century. K. Koichu was the foreman of the Verkhnebudjak colonist district and did a lot for the economic and cultural development of the region. In the 40s. XIX century. K. Koichu became the leader of the struggle against the abuses of the representatives of the tsarist administration against the colonists of Budjak, which made him an enemy of the authorities. In 1846 K. Koichu was stripped of his colonist rank.

Key words and phrases: *Konstantin Koichu, Russian-Turkish war of 1806-1812. immigrants to Bessarabia, resettlement of the Bulgarians of the Gagauz to Bessarabia, unrest in the Bulgarian colonies in 1842-1846.*

Исторические документы свидетельствуют, что Константин Койчу поселился в Буджаке в 1791 г. и являлся «старожилым» [9, л. 90]. К. Койчу – один из лидеров переселенцев во время русско-турецкой войны 1806-1812 гг. Свидетельство о «старшине селения Комрат, служившем в Болгарском войске Константине Койчо» находим в «Списки задунайских переселенцев по Бессарабской области» по селению Комрат, 1818 г. [9, л. 90].

Константин Койчу [6, с. 60] [1, с. 23] (Койчо [9, л. 90], Койчов [12, лл. 174-175], Койчек [12, лл. 174-175], Кочов [13, с. 100-102], Кочо [13, с. 103], Кочу [14, лл. 21об-22об]) участвовал в русско-турецкой войне 1806-1812 гг., был пятидесятником в Болгарском земском войске под командованием Дмитрия Ватикюти, принимал в 1815-1819 гг. активное участие в борьбе задунайских переселенцев за свое устройство на казенных землях Бессарабии, оказывал помощь Д. Ватикюти и А.П. Юшневскому в их деятельности по устройству переселенцев. В 20-х годах XIX в. являлся старшиной Верхнебуджакского округа, принимал активное участие в выступлениях бессарабских колонистов в 40-х гг. XIX в. [2, с. 80].

«...в "Списке задунайских переселенцев", составленном в 1816 г., отсутствует Комрат, тогда как значится Копчак. Именно в нем, согласно документам, жили будущие комратчане со своим старшиной Константином Койчо. Интересно, что в данном списке указаны точные даты переселения в Бессарабию для каждого семейства в отдельности. Исходя из этих данных, можно сделать вывод, что основная часть будущих комратчан прибыла в Бессарабию в 1810 г., а другая часть переселенцев, среди которых был и К. Койчо, указала 1791 г. как дату своего переселения на левом берегу Прута» [3, с. 6-7].

После окончания русско-турецкой войны 1806-1812 гг. и расформирования Болгарского войска его ополченцы вместе с тысячами гагаузов и болгар переселяются в Бессарабию. В сведениях «О местах болгарского водворения в Буджаке от 5 мая 1817 г. за № 168» говорится: «При приведении к присяге болгарских колонистов присутствовал и принимал деятельное участие старшина болгарского сословия села Копчак Константин

Койчек, подписавший присяжный лист как "старшина болгарцев Константин Койчов". При нём, как видно из переписного листа по селу Копчак, жили: мать его Каля, жена его Рада, сыновья Диордий (Георгий) и Димцио (Дмитрий), дочери Калица и Иляна; далее брат Коча Стоян, жена его Кирияна, сыновья Яни и Александро; также брат его холостой Иордан, шурина его Цанко Кынцио (родоначальник бессарабских Цанко-Кыльчиков), сын его Ивона; сестра его Василка вдова, сын её Карамфил и дочь Димитра» [12, лл. 174-175].

Среди жителей селения Комрат, переселившихся во время «предпоследней русско-турецкой войны» 1787-1791 гг., согласно «Спискам задунайских переселенцев по селению Комрат, 1818 г.», числятся: старшина, служивший в Болгарском войске пятидесятником – Константин Койчо (37 лет), жена его Рада (34 года, сыновья Георгий (9 лет) и Дмитрий (5 лет), дочери Пена (12 лет) и Елена (2 года) [9, л. 90].

Автор статьи составил генеалогическое древо рода Константина Койчу (прилож. 2), представил рисунок – портрет Константина Койчу [4] (прилож. 1).

Ситуация с правовым статусом переселенцев с 1811 по 1819 гг. складывалась сложно и тяжело. Местные помещики, используя свои возможности, пытаются привлечь на свою сторону царских чиновников, чтобы узаконить владение переселенцами в качестве крепостных, и под чье тяжелое иго переселенцы не хотели попасть. Одной из форм антикрепостнической борьбы переселенцев явилось бегство с помещичьих земель на казенные земли Буджака, т.к. они считали себя «свободными хлебопашцами», ничем не обязанными помещикам. Бегство на казенные земли началось в 1812 г. В самый разгар антикрепостнической борьбы гагаузов и болгар Константин Койчу и его соратники пишут письмо: «1815 г. сентября 8. Прошение бессарабских задунайских переселенцев главнокомандующему II армией Л.Л. Беннигсену о формировании Болгарского войска и устройстве их на началах, объявленных М.И. Кутузовым. <...> О даровании нам в жительство достаточного количества земли по реке Дунаю, ибо в сих местах мы большей частью уже водворены; Позволить, дабы все болгарские семейства, кои в прежние с Турцией войны поселились рассеянно в землях помещичьих, могли, по желанию своему, невозбранно переноситься для совместного с нами жительства; <...> ... На подлинном подписались выбранные от переселенцев поверенные: Булукбаша Константин Кочов...» [13, с. 100-102].

Помещик И. Бальш уже с 1812 г. принимал меры к возвращению беглых переселенцев, он прибегал «к использованию самых жестоких мер для удержания свободолюбивых переселенцев» [5, с. 25]. Бальш пытался дискредитировать К. Койчу и Д. Ватикиоти. Сохранились письма Бальша, где он пытается доказать неправомерность действий К. Койчу и Д. Ватикиоти по защите прав переселенцев: «1815 г. ноября 24. Рапорт экономии фрумосских вотчин помещику И. Гр. Бальшу об установлении ревизором М. Доничем лиц, побуждавших жителей к переселению на казенные земли. <...> действительно некоторые мятежники – Кочо и штабс-ротмистр Дмитрий Ватикиоти – уговаривали жителей болгар переселиться в другие места...» [13, с. 103]. «Но Греченское Исправничество затем, 19 октября и 2 ноября 1815, донесло Департаменту, что штабс-ротмистр Дмитрий, брат его Иван Ватикиоти, Василий Рубин и из числа депутатов болгарских некто Кочу объявили Исправничеству, что они чрез депутатов подали главнокомандующему графу Бенигсену прошение о принятии болгар в военную службу в состав донских казаков <...> что тогда дается им казенная земля и предоставляются разные другие выгоды <...> именно Дмитрий Ватикиоти и капитан Кочу, согласившиеся ходатайствовать о записании болгар в казаки; почему собраны были для депутатов деньги; коих оказалось 3970 левов» [14, лл. 21об-22об].

Желание переселенцев записаться в казаки было обусловлено желанием избежать закрепощения бессарабскими помещиками, поэтому они стремились поселиться на казенных землях в Буджаке.

Во время работы Комиссии по сбору сведений о задунайских переселенцах Бессарабии на имя надворного советника А.П. Юшневского поступали различные прошения и жалобы от переселенцев, в связи с чем Юшневский «рекомендовал использовать в качестве такого представителя Марченко, т.е. члена Комиссии, назначенного Гартингом. Выбор кандидатуры Марченко мотивировался тем, что тот состоял прежде исправником двух цынутов, от жителей которых поступали жалобы на лишение имущества. Кроме того, в помощь Марченко предполагалось послать бывшего пятидесятника Болгарского войска Константина Койчо, как человека, владевшего несколькими языками, необходимыми при общении с переселенцами» [5, с. 69]. К. Койчо знал греческий, болгарский, гагаузский, русский языки [7, л. 96]. После обоснования в Комрате жители села, получившие статус колонистов, избирают К. Койчу старшиной. Он представляет интересы поселенцев в различных спорных ситуациях, защищает их права от посягательства бояр и произвола государственных чиновников. Сохранилось большое количество архивных материалов, связанных с борьбой переселенцев за свои права [14] [10]. Дело дошло до того, что часть переселенцев заявляла о том, что если они не получают возможность поселиться на казенных землях согласно «данного им первоначального обещания, то они все вообще обратятся на прежнее жительство во владение Порты Оттоманской, а чтобы доказать предположение сие на самом деле, несколько болгарских семейств вдруг и в одном пункте почти вооруженной рукой учинили побег из земли помещичьей за Дунай» [13, с. 412], о чем Бахметев писал Козодавлеву в рапорте от 21 июля 1817 г.

После назначения Дмитрия Ватикиоти попечителем задунайских поселенцев Константин Койчу становится верным помощником Ватикиоти и Юшневского, а в дальнейшем и Инзова.

Сохранилось большое количество документов о деятельности К. Койчу во время волнений в колониях в 1842 г. Поселенцы шли за советом и защитой к авторитетному и грамотному человеку, известному борцу за права простых людей. Жители Верхне-Буджакского округа избрали старшиной его сына Дмитрия Койчу [11, лл. 41, 237] [8, лл. 1, 183]. К. Койчу убеждал колонистов, что местная власть «притесняет их» земскими и общинными натуральными повинностями и советовал избирать в нее тех, которые не будут этого требовать [2, с. 92]. «Находясь в Каракулаке, К. Койчо в 1843 г. возглавил выступление колонистов всего Верхнебуджакского округа. К нему туда ездили со всех колоний за советами, там писались жалобы на местную власть, управляющего М. Буткова, которые направлялись в вышестоящие инстанции» [2, с. 92].

В 1942 г. священник комратской церкви Юлиан Фрипту в своей статье «Из истории Комрата» («Din trecutul oraşului Comrat») пишет о Константине Койчу: «В 1903-1907 годы старшиной Волости Комрат, был покойный Георге Георге Койчу, которого жители называли: кукону Йордаки Койчу. Это был племянник некоего капитана Койчу, как говорят, человека с большим влиянием в государственных делах Комрата и области в целом. Воспоминание о нем хранилось очень ярким еще много лет <...> Как рассказывает г-н Сариогло Елефтерие, уроженец Комрата, в возрасте почти 80 лет, этот капитан Койчу, с прекрасным материальным положением и большим уважением, которого Сариогло лично знал, когда он был еще совсем маленьким, имел многочисленных родственников и состоял

в родственных отношениях с хорошо известной семьей в Бессарабии, Цанко-Кылчик. В семье Койчу обычными именами были Рада, Димчу, Йордаки, Стоян и др. Связывая вышесказанное, можно, с наибольшей вероятностью, если не с полной уверенностью, заключить, что этот капитан Койчу был, если не тот самый Константин Койчу, который в 1817 г. помог в принятии присяги болгарским колонистам, то его сыном или племянником...» [15, с. 36].

В 1842 г. в болгарских колониях начались волнения против злоупотреблений местных властей. Особенно отличился в этом старшина Верхнебуджакского округа Андрей Илашков. Первыми, кто выступил против такого положения дел, были комратчане во главе с уже постаревшим Константином Койчу. 9 мая 1842 г. жители Комрата Недо Франко и Иван Велико отправили от имени общества первое прошение министру государственных имуществ П. Киселёву. Колонисты просили Киселёва защитить их от произвола местных властей, которые злоупотребляли своим положением. Одним из главных требований колонистов было – снять с должности старшины Илашкова, назначить особого чиновника для «справедливого расследования» дела о злоупотреблениях старшины. Бывший старшина Верхне-Буджакского округа К. Койчу послал и свое «Прошение» к Киселёву, где он обвинил местные власти в пристрастном ведении дела. Отмечал и нарушения: «правильная претензия поселенцев к Илашкову за забранный им хлеб, вознаграждалась побоями», «злоупотребления бывшего старшины Илашкова были скрыты под страхом ожидаемого во всякое время наказания». Написал Койчу о безобразиях и Бенкендорфу [11, лл. 246, 251-252].

Помощником у К. Койчу был отставной офицер русской армии Лев Корольков, который жил в доме Койчу, дворянин из Киевской губернии, служил в Камчатском пехотном полку 16-й дивизии, расквартированной в Бессарабии. После русско-турецкой войны Л. Корольков ушел в отставку и поселился на жительство в «колониях задунайских переселенцев» [2, с. 79-80]. «Корольков писал по просьбе колонистов жалобы и прошения в различные правительственные инстанции...» [2, с. 80]. Л. Корольков, «выступая в защиту тех положений Указа 1819 г. и "Устава о колониях", которые допускали некоторое развитие элементов капиталистических производственных отношений, тем самым показал себя прогрессивно мыслящим человеком предреформенного времени» [2, с. 80].

Киселёв дал согласие проверить жалобы на злоупотребления Илашкова. Произвести расследование поручили старшему члену Попечительного комитета Евгению Гану. Он должен был проверить, «действительно ли общество колонии Комрат недовольно поступками старшины, какими именно и какие меры будут ими предприняты для успокоения недовольных, если жалоба двух поселенцев оправдается». Вскоре Ган сообщил начальству, что не только уполномоченные комратского общества, «но и часть общества Комрата негодует на старшину». Тем не менее, Илашков оставался в округе на протяжении всего следствия. Хотя Комратское общество и протестовало, проверка велась в присутствии старшины [1, с. 21].

Началась расправа над «бунтовщиками». Поселенца Комрата Бужилова отправили в Болград, где он содержался под арестом 9 суток. Его вина якобы состояла в подстрекательстве болгар, поселившихся в Комрате в 1830 г., к возвращению на родину. Комратчан Люцкан и Дичиян наказали розгами. Арестовали жителя Комрата Василия Абрамова. Когда в сельский приказ обратились поселенцы Василий Чунтук и Годор Димка, пытавшиеся выяснить причины ареста Абрамова, их избили. Самым опасным бунтовщиком власти считали всеми уважаемого бывшего старшину Верхне-Буджакского округа

Константина Койчу. «...по знанию азиатских нравов и обычаев, - писал Ган в докладной записке, - (Койчу) может иметь сильное влияние на болгарский народ и, как обращает оно на худшую часть народа и при том к таким целям, которые не соответствуют видам правительства, то от этого влияния нельзя ожидать полезных плодов, особенно если он сделает себя посредником между нашими и турецкими болгарями» [6, с. 60]. Старший член Попечительного комитета предложил выселить Константина Койчу из Комрата. «Особенное рвение проявил Бутков, лично заинтересованный в удалении Койчу» [6, с. 83].

В ноябре 1842 г. в Комрат прибыл сам попечитель колонистов Бутков для ознакомления, как наводится порядок во вверенных ему колонистских селениях. Вместо того чтобы доложить результаты расследования злоупотреблений старшины на мирском сходе, члены проверяющей комиссии сообщили об этом представителям переселенцев.

В Комрате вновь вспыхнуло недовольство. По свидетельству К. Койчу, власти стремились «вселить страх в народе и боязнь доискиваться истины, истязая за каждое слово правды наказанием или обременением оковами и отправлением по колониям для показа прочим колонистам под видом возмутителей». Стремясь предотвратить распространение волнений на соседние поселения, Бутков действовал быстро и решительно. Арестованных «зачинщиков» подвергли телесному наказанию и общественным работам. В марте 1843 г. волнения были ликвидированы. Подавление Комратского восстания в 1842 г. показало поселенцам, что бастовать бессмысленно. Многие семьи поселенцев распространились с иллюзиями на улучшение своего экономического и правового положения в Бессарабии. Стали искать способы бегства за границу, на родину. Слухи о намерении болгар и гагаузов бежать в Турцию серьёзно встревожили министерство государственных имуществ. Киселев вступил в переписку с Попечительным комитетом, предлагая ведомству разобраться в создавшемся положении и предотвратить нежелательное явление для России [1, с. 22].

Наконец, 3 августа 1843 г. Бутков предписал Верхне-Буджакскому приказу избрать нового старшину. Население большинства сёл выделило из своей среды доверенных, которые прибыли в Комрат для избрания нового старшины. Собравшись «на сход», доверенные лица решили посоветоваться с К. Койчу, который хорошо знал Буткова, и не доверял уверениям властей о свободе выбора. Но наличие печатей сельских приказов, видно, успокоило его. Лишь когда поверенные явились к нему в третий раз с неотступной просьбой о согласии избрать его сына, бывший старшина дал своё согласие. Он дал его с условием, что депутаты добьются согласия Буткова на кандидатуру его сына Дмитрия Койчу [2, с. 92].

Борьба колонистов, объединившихся вокруг Константина Койчу, вызывала у Буткова серьёзное беспокойство. В случае избрания старшиной округа Д. Койчу его отец получил бы возможность разоблачать злоупотребления Буткова. Бутков нашёл причины для удаления Койчу за пределы задунайских селений.

После подавления восстания в 1843 г. власти выселили К. Койчу из Комрата, где бывший старшина жил с 1818 г. и где он владел большим состоянием. Представители семейства Койчо: «...его брат Иордан и племянник Александр. Сын Феодосий – влиятельный торговец в Измаиле. Сам К. Койчо имел значительное недвижимое имущество в колонии, содержал в посессию (арендовал) хутор Каракулак вблизи Комрата и с. Тартаул Кагульского уезда» [2, с. 92]. К. Койчу отправили сначала в село Тартаул, Кагульского уезда, а потом – на собственный хутор близ Комрата. Его вина якобы состояла в составлении жалоб на Управление, в активной роли в ноябрьских «беспорядках» в Комрате. Койчу представили как руководителя бунтовщиков. Всех их представили как «людей

непохвальной нравственности и беспокойного характера», которых Койчу под видом забот об их правах и благе поднял на борьбу с властями.

Изгнанием К. Койчу из Комрата заканчивается целая эпоха в истории переселенцев [1, с. 23]. «После смерти К. Койчо в 1846 г. его имущество было описано и продано с молотка» [2, с. 131].

Константин Койчу был лидером переселенцев: участие в русско-турецкой войне 1806-1812 гг., сопротивление бессарабским помещикам против закрепощения задунайских переселенцев в 1812-1818 гг., борьба с царскими чиновниками, разорвавшими бессарабских колонистов. Все эти годы К. Койчу служил под руководством М. Кутузова, И. Инзова, Д. Ватикиоти, А. Юшневского и др. В различных ситуациях К. Койчу встречался с представителями царской администрации, которые были связаны с декабристами, служившими после войны с Наполеоном в Бессарабии. К. Койчу работал непосредственно под руководством декабриста А.П. Юшневского, деятельность которого в отношении задунайских переселенцев «является доказательством демократических убеждений и антикрепостнических настроений» [13, с. От составителя VII]. Следует отметить вклад соратника К. Койчу – Льва Королькова, служившего в дивизии декабриста М.Ф. Орлова [2, с. 79]. Все эти борцы против крепостнических порядков повлияли на самосознание К. Койчу, и это сформировало его как личность. Константин Койчу остался в памяти потомков как борец за права болгар и гагаузов юга Бессарабии.

БИБЛИОГРАФИЯ

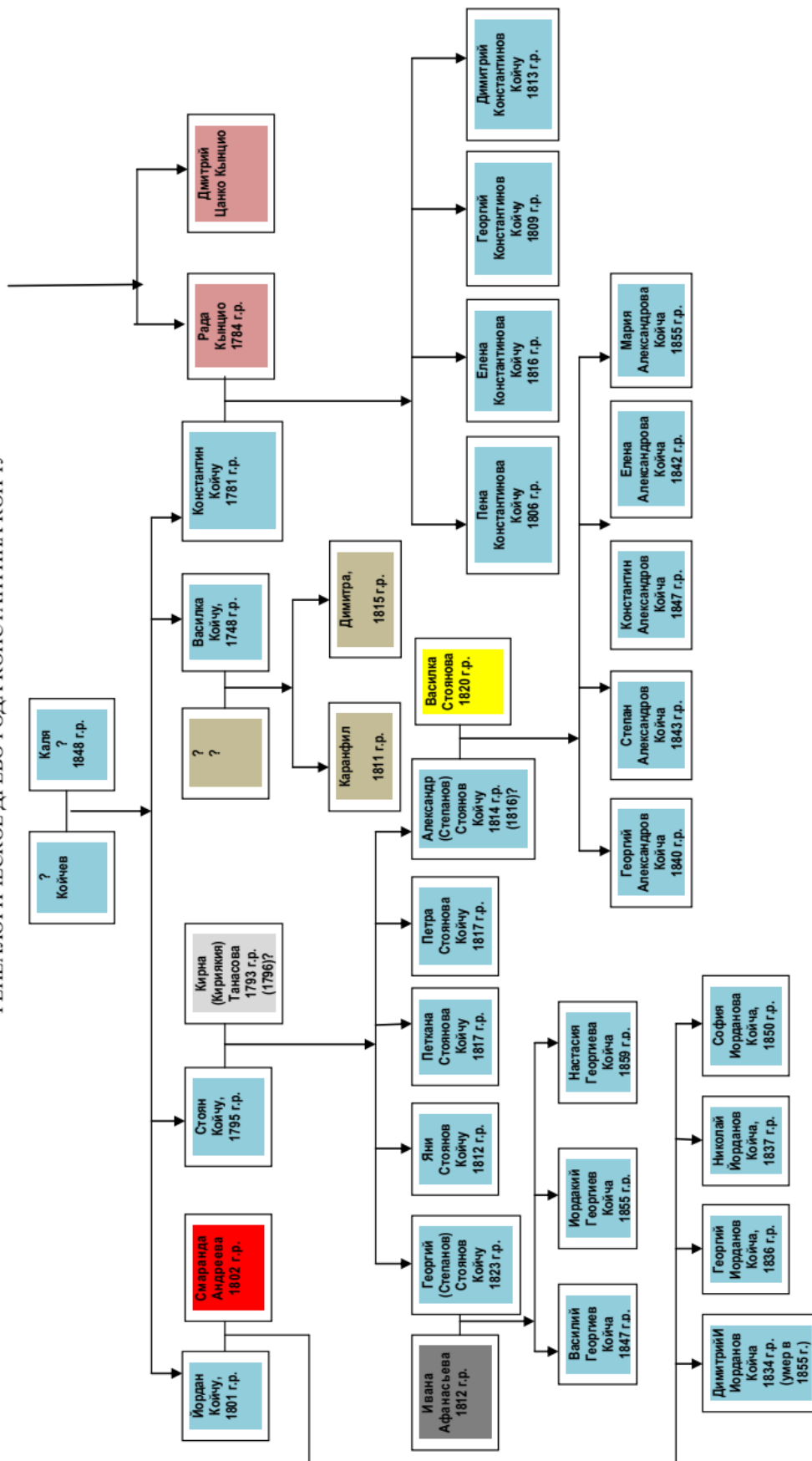
1. **Булгар Степан.** История города Комрата. - Кишинэу: Reclama, 2008. - 310 с.
2. **Грек И.Ф.** Общественное движение и классовая борьба болгар и гагаузов юга России (конец 20-х – середина 50-х гг. XIX в.). - Кишинев: Штиинца, 1988. - 140 с.
3. **Думиника Иван.** Комратский Свято-Иоанно-Предтеченский кафедральный собор: Предыстория возведения. - Комрат: Научно-исследовательский центр Гагаузии, 2021. - 48 с.
4. **Личный архив автора.** Портрет К. Койчу см. в книге: Булгар Степан. История города Комрата. Кишинэу, 2008.
5. **Мещерюк И.И.** Антикрепостническая борьба гагаузов и болгар Бессарабии в 1812–1820 гг. - Кишинев: Государственное издательство Молдавии, 1957. - 120 с.
6. **Мещерюк И.И.** Массовое движение в поселениях (1842–1844 гг.). Из рукописного наследия // История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины / Под ред. И.Ф. Грека. – Кишинев: "SŞB", 1999. – 276 с.
7. **Национальный Архив Республики Молдова (НАРМ).** Ф. 2, оп. 1, д. 372.
8. **НАРМ.** Ф. 2, оп. 1, д. 3511.
9. **НАРМ.** Ф. 5, оп. 2, ед. хр. 442, д. «Бессарабское временное правительство. Списки задунайских переселенцев по Бессарабской области. 1818». Селение Комрат.
10. **НАРМ.** Ф. 6, оп. 2, ед. хр. 672 «Бессарабское областное правление. Переписка с присутственными местами области о розыске местожительства поселян, перешедших с земель Коллежского асессора Бальша на казенные и земли других владельцев».
11. **НАРМ.** Ф. 305, оп. 1, д. 389.
12. **Труды Бессарабской губернской учёной архивной комиссии/** Под редакцией правителя дел комиссии И.Н. Халиппы. Том III. - Кишинёв: Типо-Литография Э. Шлиомовича, 1907. – 145 с.
13. **Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А.П. Юшневского.** Сборник документов. Сост: К.П. Крыжановская, Е.М. Руссев. Под ред. Л.В. Черепнина. - Кишинёв: Государственное издание Молдавии, 1957. - 670 с.
14. **Санкт-Петербургское государственное казенное учреждение «Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга» (ЦГИА СПб).** Фонд 1152, оп. 1, д. 18. (объем - 317 листов). Дело о поселянах, пришедших с земель статского советника Бальша на казенные в Бессарабию, 1831 г.
15. **Friptu Iulian. Din trecutul oraşului Comrat // "Viaţa Basarabiei".** - Chişinău, 1942. №№ 10-11. - P. 35-44.

Приложения 1-3:

1. Константин Койчу, рисунок.
2. Генеалогическое древо рода Константина Койчу.
3. Национальный Архив Республики Молдова. Ф. 5, оп. 2, ед. хр. 442, д. «Бессарабское временное правительство. Списки задунайских переселенцев по Бессарабской области. 1818». Селение Комрат. Л. 90 (фрагмент).

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО РОДА КОНСТАНТИНА КОЙЧУ

Списокъ Колежъ.

Старинная
Судебная Ръ. Собранныхъ
Видовъ Пятидесятъ

115 —

3.

3

Покосителевъ Колежъ 37

Имени Его
радеа ————— 34

Грехи ихъ
Сыновъ Колежъ 9

Грехи Колежъ 12

Емели — 2

20

ВОДИНЧАР, Елена – доктор, главен асистент в Института за етнология и фолклористика с Етнографски музей при Българската академия на науките, София, Република България – v_olena@abv.bg

КОЛЕДНИТЕ ПЕСНИ У БЪЛГАРИТЕ В С. ЧИЙШИЙ, БОЛГРАДСКИ РАЙОН, ОДЕСКА ОБЛАСТ, УКРАИНА

Коледуването: някои бележки за обичая.

Зимният празничен цикъл у българите в с. Чийший обхваща времето от коледните пости (27 ноември) до Зимен Атанасовден (31 януари). Характеризира се като най-богат годишен период от празници, обреди, обичаи, практики и вярвания. По това време се чества и светлото раждане на Исус Христос (7 януари), а празникът се нарича *Коляда*.

Вярва се, че в коледната нощ Бог посещава домовете на бедни и богати. Ето защо се подрежда богата постна трапеза, а преди общото хранене стопанинът излиза на двора и кани Бог на вечеря.

В нощта срещу Коледа се изпълнява един от най-очакваните обичаи – *кулидуване*. Той включва следните структурообразуващи елементи: персонаж, реквизит, символика, времеви рамки, словесен и танцов фолклор. Обичаят се изпълнява се от ергените, които по време на коледуването се наричат *кулидари*. Всеки момък, достигнал шестнадесетгодишна възраст, може да стане коледар. Женен мъж може да бъде само ръководител на коледарите. Нарича се *станеник* и се избира всяка година от самите коледари като задължителното условие е да знае много коледни песни, последователността на изпълнението и да е виден човек в селото.

От Никулден ергените започват да учат и преговарят коледните песни, обединяват се в групи, наричани още *куда*. Взаимоотношенията между коледарите и между тях и техния ръководител са строго установени. По състав коледарската дружина се дели на момци – *певци* и момчета – *котки*. Обредните лица „котки“ имат за задължение да мякуат, когато коледарите сбъркат текста на някоя песен. Освен това „котките“ известяват стопаните за пристигането на коледарите – мякуат, разлайват кучетата, чукат по прозорците. Събраните подаръци се носят от обредното лице *магаре*.

Външният вид на коледарската дружина, наброяваща между 4 и 15 души, ясно подчертава тяхната принадлежност към обредната сфера – върху черните агнешки калпаци се носят момински китки и венци от хартия, мъниста, монети, пуканки. Китките се приготвят от момите преди Коледа. Наричат се *пяро* и се правят от цветна и лъскава хартия, от вълнен червен и бял конец, от коприна, от бял восък. Дават се на седянката или по време на коледуването, когато се подава кравая. Един момък може да има три и повече китки на калпака, което означава, че има няколко *любовнички*.

За колектива коледарските песни са необходимост, те трябва да се чуят в навечерието на светлото раждане на Млада Бога. Вярва се в магическата сила на коледарското слово,

изразяващо пожелание за голям берекет и приплод през идната година, семейно благополучие и щастлив живот. За тази благословия на коледарите се дават дарове: кравай, пари, сланина, сирене, месо, колбаси. Краваят се *учита / упява* пред иконите с изричане на *богославка* – стихотворен текст, който се казва бързо от водача на групата – *попа* или от любовника на момата.

Според информаторите даряването не зависи от социалното или имотното положение на хората. Това е традиция! В случай, че стопаните не посрещнат коледарите, тяхната къща се проклина с думите: *„Колкото звезди, кулади ле, в синьо нибе, // толкоз боляст, кулади ле, в тази къща“*.

Същинското коледуване трае докъм сред нощ. Обаче коледарският празник продължава на следващия ден с яздене на коне, събиране и продаване на момински краваи, с хоро и празнична трапеза в дома на станеника.

Една коледарска група посещава между 25 – 50 стопанства. Това налага подарената храна да се оставя в няколко къщи. На следващия ден, след сутрешното богослужение, момците с шейни или каруци обикалят махалите и я събират. Всичко се носи у станеника или в специално наета къща, където се приготвя голяма трапеза, прави се гуляй.

Коледните песни: за здраве, благополучие, берекет и още нещо.

В коледната обредност на българите от с. Чийший песните заемат особена роля. По предназначение и място на изпълнение те могат да се разграничат на такива, които се пеят по пътя, до прозорците и портите, в двора, в дома, на стопанина и стопанката, на момци и моми. Тематично песните изразяват битови, любовни, митични и религиозни сюжети, обаче обединяващи са мотивите за семейно благополучие, здраве, богатство, добър приплод. Впрочем това важи и за общобългарската коледна песен, за която изследователите казват, че тя е „обредно церемониално пожелание за мечтаното от всички щастие в семеен кръг и в стопанството” (Арнаутов 1969: 249) и добавят, че в коледната песен „откриваме и неща с дивен смисъл и значение” (Добрев 1982: 42).

Сюжети с „дивен смисъл” се открояват и в коледните песни на българите в с. Чийший. Такава например е песента за „*Стуянову ту агънци*”:

„Зъблялу ми й шару агни в Стуяновити търлиш.// Блиялу диня и нуця, юфчери му думат: „Закво си зъблялу, шару агни та ми стаду ту ръзблеюваш?”// Ютгуваря шару агни: „Знай ти ли, повнити ли га беши дъждовна гудина, гату Дунава прифърли?// Вий кък са мулхти: куя увца стаду то жъ привиде – кръката и ругата жъ й пусрибрити!// Пък вий унаа вечер га прудадахти на турски касани за шапка алтъни!// И жъ га турци кайдисат!”// И са увчери двама сдумали, и са медни кавали обзели.// Кут са кавали засвирили, и тя са й в Дунава фърляла, и в Стуянови търлиш душа”.

Какъв вълшебен сюжет се разказва в тази коледна песен – звуците на двата кавала се чуват на дни разстояние, привличат продадената овца, карат я да скочи в Дунава и да се завърне в своето стадо. Музиката, която изсвирват овчарите е толкова въздействаща, че кара ваклата овца да скочи в мътните води на Дунава и да се прибере в „своето” пространство. Защо обаче овцата чака „гласа” на двата кавала? Възможно, в него се крие определена свръхестествена сила, която помага на овцата да преодолее препятствията.

Подобен мотив се открива в друга чийшийска коледна песен, където ангелски рог призовава самия свети Никола: *„Дай да пратим свет ангела, // да се качи на престоле, // на престоле Маршино. // Да потръби с рог обкован// и на лево, и на десно. // Дано чуе свет Никола, // дано чуе, та да дойде”*. Според последната книга от Новия завет, именно

ангелският рог възвестява за края на света (Откровение, 8:1 – 9:1). Обаче тук не става дума за пряко влияние на библейския мотив, а по-скоро за паралелно развитие на мотивите с християнска номинация на персонажите.

Дърво Дафина.

Важно място в репертоара на коледарите заемат песни за световното дърво, често наричано „дърво – дафина“:

„Ръзигралу са ѝ Черну муре, // Черну муре и тих бял Дунав. // Тъй игралу, тъй вилнялу, чи исфърлялу дърво дафина. // Ем ду дървоту млада дувица, млада дувица с две дичица. // С две дичица – Янка и Ваню. // Чи дади Янка в Цариграда, пък Ваню дади в дряню поли. // Чи расна Ваню та пурасна, чи тръгна Ваню лика да търси. // Чи утиди Ваню в Цариграда, чи тамка Ваню лика намери. // Кък я намери, тъй са пусгуди. // Тъй са пусгуди, йоци са ужени. // Година времи тий са жувели, // мъжка си рожба йолам имали. // Ваню на Янка думаша: „Йой тай теби либе Янкиле. // Йас жъ намера стара рубиня // тя жъ ни гледа мъжката рожба” // Чи ютиди Ваню дуведи стара рубиня. // Кък я дуведи, тя са за люлка йолам фанала. // Кък са ѝ фанала, песня запяла: „Нани ми нани синуво чедо, // синуво чедо, ем дъцируво.” // Теюм гувори Ваню на рубиня: „Пупей ми йолам сношната песня” // Ютгуваря черна рубиня: „Йас жъ я пупея, вий жъ ма убийти”.

Сюжетът на тази песен няма нищо общо с благопожеланията за добруване, а по-скоро с идеята за „разрухата” и „раждането” на новия световен ред. Ето още два варианта на този мотив: *„Разигралу са ѝ Черну муре, // Черну муре и Бял Денав. // Тъй игралу, тъй вилнялу, // чи исфърлялу дърво Дафина. // Ем ду дървоту млада дувица. // Млада дувица с две дичица.”; „Израсналу ми ѝ дърво Дафина // сред Черну муре, край Бял Дунав. // Клонем клунилу, връем връилу. // Листим пусналу, цвят им цъфналу. // Тъй завързалу кара грушови. // Ем пуд дървоту трива зелена, // ем в тривата Видом войвода, // на стол сидеши, вину пиеше”.*

Разказът в посочените песни започва с появата на чудно дърво Дафина. Видно е, че неговият произход е воден: то се заражда във водата и в едни варианти бива изхвърлено на сушата, за да продължи тук своя растеж, а в други – продължава да расте сред морската шир. И тук възниква въпросът защо тези песни се пеят в навечерието на Коледа? Ако се доверим на известния румънски културолог Мирча Елиаде, в навечерието на Коледа „настъпва аморфният вид на предсъществуването (есхатологията) и появата на формалното (космогонията)” (Елиаде, 1998, 93). Ето защо в навечерието на Рождество Христово коледарите чрез своите песни съобщават на стопаните за това невероятно космическо събитие: как водната стихия (Черно море и тих бял Дунав) ражда и изхвърля космическото дърво Дафина и от тази вселенска катастрофа, разказана в края на годината, се очаква да се роди ново начало.

Разигралата се вода в морето показва една картина на хаос, който поражда нещо определено - дървото, жената, близнаците. От нещо неустроено се организира свят, култивирано пространство, и този Космос се създава с помощта на близнаците или с тяхното присъствие. И точно този момент сочи за наличието на следи от близначния мит в споменатите песни за дървото Дафина.

Водата е символ на живота и смъртта. Тя поражда първочовека и всичко живо и го поглъща – случва се Потопа. Животът е доброто начало, а смъртта - злото. Поради това има добро и зло дърво. Злото дърво бива отсечено в навечерието на Коледа и в същото време се ражда ново, добро дърво. Една коледна песен от с. Чийший разказва за това събитие по следния начин: *„Дили Марку кълеса сичката руда: // Ем майчина, ем бащина. // Ем калеса*

Крали Марку! // Да идът, да пият и да са висилът. // Ютгуваря Дили Марку: // „Що ниту идеш, ниту пийш.// Дали ут вину биндисуваши, // или манджи ни аресуваши?“ // Ютгуваря Крали Марку: // „Ни съм душъл да ям и да пия. // Най съм душъл да та прата // да та прата у Крали Петър // да сватосаши Джан Величка, // Джан Виличка юбавичка“. // Ютгуваря Дели Марку: // „Йас съм удил виднџж и дважж. / Той ни га дава ем де да е, ем на кой да е. // Той най я дава на койту има морну кончи. // Да приплува Тих Бял Дунав, // чи да иди на мурету //на мурету на гърлуту. // Чи да утчупи Дафин пръчка, // чи да га пусади у Крали Петър“. // Крали Марку утиди на мурету, // на мурету на гърлоту. // Чи утчупи Дафин пръчка, // чи утиди у Крали Петър, // чи га пусади в равни двори. // Навън излези Петрувица, // вън излези, назад са върна // и на Петър ютгуваря: // „Излез, излез, Крали Петър, // Да излейши да видиши чуду гуляму. // Къкво дърво у нас изникналу // и пуд дървоту Крали Марку“.

В ношта на Бъдни вечер коледарите известяват стопаните, че отчупената пръчка от дървото Дафина се прихваща и израства „чудно“ дърво с клони до небесата. Това дърво е космическото дърво, центъра на света, връзката между световите: на починалите, на живите и на боговете. Всичко това говори за един завършен процес, имащ за цел организиране на Космоса. И както справедливо отбелязва Мария Илчевска в момента, в който пространството бива подредено и организирано, тогава и настъпва мигът да се появи Младият Бог (Илчевска 2011). С други думи, под световното дърво Дафина трябва да се реши един важен въпрос – женитбата на Крали Марко /царския син с Джан Величка / царската дъщеря, т.е. да се създаде семейство, за да се роди мъжката рожба.

Млада Бога – мъжка рожба!

В навечерието на Коледа се ражда *Млада Бога*. Това е будна нощ, поради което коледарите обикалят дворовете и събуждат старо и младо с думите: „*Утваряйте златни порти! // Стани стани, нине, стани, господине! // Чи ви идат добри гости, добри гости кулидари. // Кулидари луди-млади, // луди млади – неженени*“. Събуждането символизира победа, край на хаоса и начало на новото култивирано пространство. И в този светъл час настъпва мига на изричането на същинската вест и коледарите запяват: „*Замъчи са божса майка // от Игнажден до Коледа // в града ми Русалимия. // Вишне ле, божне ле, колади ле, // шестюм и шест ангела, // шестюм и шест архангела. // Чи си доби млада бога: // млада бога – мъжка рожба. // Кръстили го на Юрдановден, // кръстил го свити Иван*“. Песента въвежда слушателите в подробностите около раждането на мъжката рожба. Предродилните мъки на Божата майка както и други фрагменти от библейския разказ за раждането на Иисус Христос свидетелстват преди всичко за редица християнски наслоявания в основните текстове на коледния фолклор.

Обредният ход на известяването за раждането на Млада Бога се допълва с текстове, които ясно представят образа на самите вестители. Така например, приемайки скъпия дар – кравая, коледарите разказват на стопаните кои са те и от къде идват. Това повествование, наречено „учитане на кравая“, се изпълнява от обредното лице „поп“ и започва така: „*Скочи божи да пуможши // Дубра пътя минувайми, в тъмни къщи прибивайми, враня коня пумурийми и кълаци пурусийми. // Де зле, де дубре, у нашяа станинини най-дубре. // Ний кату му утидайми дубри гости, дубри гости кулидари, // ни гу заваряйми пиян, залян. // А ми гу заваряйми будян, трезян, // На бужса вишна трапеза. // той кату на видя, са урадува, убрадува. // И запретна бели ръце, бели ръкави. // Чи скочи и пудскочи ут крак на крак. // Чи на дари дубра дара – вит-привит кръвай. // На кравая скряпа риба и ду рибата крундял с вину...“.*

Става ясно, че коледарската дружина се завръща от дълъг път, преодоляла е редица препятствия, бори се с лошото време и с тъмнината. Все пак „де зле, де добре” коледарите стигат до стопанския двор, който символизира добре уредена вселена. Дворът е заградено пространство, което се открива и закрива, има вход и изход. Това добре уредено пространство си има и стопанин, чийто образ се представя от коледарите в определено бяла светлина. Той е господар, цар на своето пространство, седнал е на „божа вишна трапеза” и е в очакване. Вестта за раждането на мъжка рожба го изпълва с радост. Родил се е божи син! Но това е и негов син, негова рожба и „попът” продължава да чете: „... Таа дара да гу дари вишен Господ: // чифца вуловци и роги дубички, // ут клъсчец – снопчец, // ут снопчец – мумчец // като бащениа му златен пръстинчец. // Чи тва мумченце расна – порасна. // Не се зе да пасе ваклушави увце, // Най си зе писан кривак и меден кавал. // Чи утиди тук надолу, // дету мумити платно белът и булкити гиргьоф шеат. // Та са путпря н аписан кривак и засвири в медян кавал. // Стънаа какини – тропнаа. // Куя си платно пригури, куя гергьоф сбърка...”

В общи линии сюжетът на текста препраща към идеи за борбата със злото и възстановяване на световния ред – подредения двор на стопанина, богатата трапеза и скъпия дар – хляба.

Представите за края на света.

Мирогледните представи за раждането на Исус Христос налагат спазването на определени забрани. В с. Чийший се знае, че от Игнажден до Коледа не се ходи през нощта и не се събира жена с мъж, защото родените от тази връзка деца ще са нещастни. В изследването на Йов Титоров „Българска Бесарабия“ се посочва, че у българите в Бесарабия „От Коледа и до Богоявление са мръсните дни. Тогаз се яде блажно наред, в сряда и в петък. През това време ходят разни нечисти духове – вампири, караконджули, таласъми, които правят зло на хората. Затуй бесарабските българи през мръсните дни и особено през нощите не ходят на воденици, не минават покрай гробища, плантации, или необитаеми съборени къщи. Щом се свети водата, нечистите духове изчезват” (Титоров 1903: 266). С други думи, настъпило е временно надмощие на злите сили (вампири и таласъми) над доброто. Картината на това безредие и хаос народният певец рисува по следния начин: „Рану ранил сам си Господ. // Да юбижда насекиди. // Насекиди се убуу. // Сред рай божи малку й грозну. // Йогян гури, Куледо, колади ле, // трима гурът, трима млади. // Първья гури – ду кулени, // вторья гури – ду пояса, // третья гури – съвсем гури. // Първья на кум път минал, вторья не пучитал пубратима си, а третья – не примълчал на майка и баща”. Защо в деня на светлия празник коледарите пеят за страшната участ на тримата млади мъже, които горят не в ада, а в рая? Коледарите разказват на хората за причините, породили тази вселенска катастрофа. Чрез коледната песен те сякаш предупреждават за участта на тези, които ще сгрешат по този начин. А за най-голям грях се счита непочитането на божия ред. И ето какво разказват те в друга песен: „Власт въздади вишен госпуд// на турчина ина българина. // На българина е поп Никола, на Турчина е цар Костадин. // Зацаруваа, завластуваа. // Сред мурето черкува изградее. // Черкува изградее с три кубета. // Три кубета, три кръстчета. // Ръзцърмуни са цър Кустадин. // С коня в черкува си флява. // С куляну конка си зима. // На щик нафура си дига. // Госпуд си каил ни стана. // Дади Госпуд буен вятър. // Разигра се Черно муре, //тъй игралу, тъй фърлялу// тъй зълялу бял манастир”.

Потапянето на черквата всъщност е разрушаване на култивираното пространство, края на света. Тази есхатологична картина ясно присъства и в друг песенен текст – за

давенето на треста млади, които св. Никола спасява: „*Коруб са дави в Черну муре// Йут коруба треста млади// Треста млади ниженяни// Тий са Никола милну мулия// Пумагай, пумагай свити Никола// Щъ дърим с дубра дара// Дубра дара – треста йовна// Ютгуваря свити Никола// Аз ви ниискам треста йовна// Най ви искам ката годян на Никулден// прибран мисал, привит кръвай// На кравая скрепа риба, ду кръвая крундял с вину*”. Юнаците се молят на св. Никола като на най-висшата сила, на божество, способно да направи чудо. И това е така, за което подробен анализ прави Анчо Калоянов, доказвайки божествения характер в природата на светеца и съответно наличието у българите на култ към него (Калоянов 2002).

Делба на света.

В репертоара на коледарите от с. Чийший има и песни, в които са отразени древни мотиви за подялбата на вселената. Така например във фолклорния текст „Млади Даню” делбата става между Дан войвода и Самуюдата, а самото събитие се случва в долна земя, в преизподнята. Ето какво разказват коледарите:

„Прочул ми съй млади Даню, чи държи държавице и зимовице// Дей зъчула Съмудива, Съмудива, Съмуюда. // Чи утиди в съраи, чи изведи русу кончи// Чи гу юсидла синю сидло, синю сидло, жълта юзда// Чи приметна лява крака, чи ютиди тук надолу. / Тук надолу – горну силце, горну силце, долнъ мъйла// Чи пувика Млади Даню. // Вън навънка излези, мядну стольчи си изнеси, и на Съмудива дума: „Приседни ми, приседни, Самодиво. Съмудива, Съмуюда. // Ни съм душла да присядам, най съм душла да питам. // Чула съм и разбрала, чи си държиши държавице, държавице и зимовице. //Ютгуваря млади Даню: „Йой тай теби Самодиво. И на теби дял уставих: на нибету вишинету, на вудъта дълбинъта”.

Става ясно, че Дан войвода отрежда на Самоюдата, на това хтонично същество, неувоената, неизмеримата част от вселената. И коледарите са тези, които оповестяват стопаните за края на борбата между доброто и злото, за това, че подялбата на света е завършена, космическият ред е установен и започва новата година.

Наказание на грешната земя.

Мотивът „Наказание на грешната земя” също присъства в песенния репертоар на коледарите от с. Чийший. Така например в песента „Св. Георги освобождава три синджира роби” божиеото наказание се изразява в следното: *„Тръгнал ми е свити Герги // да си убийжда зилен синур. // Убийдал гу и са връща. // В път си среща три синджира, // три синджира черну роби. // Син-бял пламък запалени, // с черна смула засмулени, // с три ключа зъключени. // Тий са Герги силну мулия: // „Йой тай теби свити Герги, // ютключи на с трити ключа, // щъ дърим ката годян с руйну вину, // руйну вину и жълту житу, // жълту житу и бялу мляку”.* Ако тези роби предлагат такъв дар, то значи те са и производители на тези блага: лозари, жътвари, овчари. Но по неопределени причини те са поробени и производството на вино, жито и мляко съответно спира, прекъсва се плодородието и настъпва кризис в природата.

И отново се разказват сюжети как силите на живата природа са попаднали в преизподнята. Но се намира избавител – млад юнак, който побеждава хаоса. Народният певец го рисува чрез образа на свети Георги, победил в друга коледна песен ламята: *„Тръгнал ми е св. Герги, // да си гони сура ламя. // Кък я гони, дустигна я, // дустигна я, удари я. // Удари я със златян буздуган. // Чи текная дур три реки, // дур три реки – ясну кърви. // Първата й пу увчери. // Втората й пу пчилари. // Третата й пу урачи”.* Тази песен

представя св. Георги като освободител, който в борбата с ламята и тъмните сили излиза победител.

В предложения фолклорен материал се откриват сюжети идентични с общобългарските коледни песни. Основният извод е, че в тях се открива българският вариант на мита за създаването, гибелта и възраждането на вселената. Коледарите в с. Чийший не само поздравяват хората с пожелание за здраве и добруване, но и по дивен начин разказват за сътворението на света.

ЛИТЕРАТУРА

Арnaudов, Михаил. 1969: Очерци по българския фолклор. II, София.

Добрев, Иван. 1982: Произход и значение на праславянското консонантно и дифтонгично склонение. София: БАН.

Елиаде, М. 1998: Сакралното и профанното. София, 1998.

Илчевска, М. 2011: Текст и (митологичен) контекст във фолклора. – В: Електронно списание „Литературен клуб”, бр. 156, година XIV, май 2011.

Калоянов, А. 2002: Свети Николай Чудотворец в картината за свят у българите. – В: Старобългарското езичество. Мит, религия и фолклор в картината за свят у българите. Електронно издание: „LiterNet”, Варна. / <https://litenet.bg/publish/akaloianov/stb/nikolaj.htm> / (03.12.2021).

Титоров, Йов. 1903. Българите в Бесарабия. София: Печатница на Г. А. Ножаров.

ГЕОРГИЕВ, Галин – главен асистент в секция „Историческа етнология“ на Института за етнология и фолклористика с Етнографски музей – БАН, София, Република България – etnologia@mail.bg

ТЕРЕННО ЕТНОГРАФСКО ИЗСЛЕДВАНЕ СРЕД ДЕПОРТИРАНИ В АЛТАЙ БЪЛГАРИ ОТ С. КОРТЕН, МОЛДОВА И ТЕХНИТЕ НАСЛЕДНИЦИ, ЖИВЕЕЩИ ПОНАСТОЯЩЕМ В ГР. ТАРУТИНО, УКРАИНА

Терминологични, теоретико-методологични и историографски аспекти на изследването

През последните десетилетия темата за депортацията или за тъй нареченото по народному *дигане* на българи от Бесарабия в районите на Урал и Сибир, а и в други отдалечени краища на СССР, се превръща в централен проблем както в професионалните исторически, така и в краеведските изследвания, публикувани най-вече в Украйна и Молдова. На базата на много новооткрити архивни документи¹, както и въз основа на разказите на очевидци и на техни потомци, в тези издания се описва съдбата на отделни разкулачени семейства и стопани, отношението на местните власти към тях, на съседите и околното население към депортираните, дават се сведения за живота им във времето преди и след депортацията, за причините за откарването, както и за завръщането им на родна бесарабска земя вследствие на реабилитацията им след смъртта на Й. В. Сталин през 1953 г.

На темата за репресиите и депортирането на много български и гагаузки семейства в Урал и Сибир на няколко вълни през 1941, 1944, 1948-1949 и 1951 г. свои изследвания посвещават предимно историци от Молдова и Украйна като В. И. Пасат, В. И. Царанов, Савелий Новаков и Николай Гургуров, Михаил Станчев, Иван Грек, Николай Червенков, Андрей Шабашов, Юрий Тельпис, Ирина Грекова, Николай Русев, Иван Думиника, Степан Булгар, Лидия Присак, а също и етнологи и езиковеди като Михаил Губогло, Надежда Кара и др. (Пасат 1993; 1994; 1998; Грек, Червенков 1993: 216-217; Царанов 1998; Дигол 2004; Станчев 2009; Новаков, Гургуров 1995; 2009; Грек 2006: 138 и сл.; 2016: 130 и сл.; Кара 2007; Тельпис 1999; Губогло 2013; ; Думиника 2011; Шабашов 2017; Русев 2009; Грекова 2009; Курдогло 2009; Булгар, Кылчик 2013: 259 и сл.²). Част от тези учени споделят съдбата

¹ Както пише молдовският историк с български корени Савелий Новаков в книгата за родното си село Кортен в Бесарабия, „от 23 юни 1992 г. с Указ на Президента на Руската федерация са снети ограничителните граfi от законодателните и други актове, които служат за основание за масовите репресии и посегателството на човешките права“ (Новаков, Гургуров 2009: 313).

² За развоя на тези процеси на територията на целия СССР виж Земсков 2005; Красильников 2003; Лахтионова 2001; Бердинских 2003; Виола 2008; Полян 2001; Спецпереселенцы в Западной Сибири... 1992; Трагедия Советской деревни. 1999–2006; Ermolaeva 2013; Степанов 2020.

на репресираните и „дигнатите“ фамилии в непознатите далечни краища. За депортацията свои спомени публикуват и очевидци като Петър Люленов, Иван Деде, Георги Топал и др. (Люленов 2003; Деде 1996: 125 и сл.; Топал 1996: 227 и сл.), а молдовският историк от български произход Иван Грек е съставител на сборник с жизнени истории на негови съселяни от родното му село Гюлмян, дн. Яровое в Тарутински район, Украйна, посветни в голямата си част на спомените за депортацията и живота на тези семейства в Сибир и Урал (Грек 2007).

Темата за „дигането“ в Сибир през последните десетилетия се интерпретира и от писатели и журналисти от Украйна и Молдова като Иван Ненов, Анна Малешкова и Николай Куртев, Иван Сербинов и др. (Налбантова 2021: 197 и сл.; Сербинов 2012), както и от режисьора и сценариста от България Константин Чакъров³.

В българската наука проблемът за репресиите, ракулачването, включително и за депортирането на българи от Бесарабия през 40-те и 50-те години на ХХ в. в посочените северни райони на бившия СССР, е сравнително по-малко разработен. А причина за това е както отдалечеността и по-опосредствания достъп до „терена“ сред българските общности и групи в днешните Украйна и Молдова, до архивохранилищата и всякакви документални източници и сбирки, така и известната отстраненост на изследователите от проблематиката, свързана с диаспората въобще. Впреки това тук трябва да се посочат текстове като етноложкото проучване на Яна Янчева например, посветено на този период и разработено с помощта на антропологични методи. Трудът е основан преди всичко на устни теренни записи на авторката сред българи от Тарутински район в Украйна и от Тараклийски и Чадър-Лунгски райони в Молдова (Янчева 2012). Следва да се отбележат и проучванията на историчката Илонка Попова, основани на нейни интервюта по време на пребиваването ѝ в гр. Болград, Одеска област, Украйна като преподавател в Болградската гимназия през периода 2003-2005 г. (Попова 2006: 168; 2009: 66-76).

Настоящото проучване, което отново насочва интереса към темата и в известен смисъл допълва стореното до момента, е реализирано във връзка с проект на Института за етнология и фолклористика с Етнографски музей при Българската академия на науките, наречен „Българите в Урал и Сибир през ХХ-ХХІ в.: история, култура, идентичност“ и финансиран по програмата България – Русия на фонд „Научни изследвания“ – по договор КП-06-Русия-2 – 27.09.2019 г. и на Руския фонд за фундаментални изследвания (Российский фонд фундаментальных исследований) – проект № 19-59-18003⁴. Авторът на това изследване проведе теренни проучвания в т.нар. Алтайска махала в гр. Тарутино, Одеска област, Украйна, където през 1958-1959 г. на няколко вълни се завръщат част от откараните през 1949 г. в Сибир около 80 семейства от село Кортен, Молдова (виж ПВ 1301).

В селищната монография за своето родно село Гюлмян, Тарутинско, историкът Иван Ф. Грек озаглавява параграфа за периода на репресиите, разкулачването и депортацията,

³ Втората част от неговата трилогия – „Ябълката“, БНТ, 2002 г., е посветена именно на депортацията на български семейства от с. Кайраклия в Молдова през 1949 г., откарани в един от районите на Алтайския край. Филмът отразява жизнената история на дядо Андрей Касапов, който е отличен градинар и успява чак в Сибир да отгледа ябълки, както и други плодове и зеленчуци с изпратени от Бесарабия семена и фиданки. Това било голямо удивление за местните хора, които дълго време наричали ябълковата фиданка – „дървото на българина“ – <https://www.youtube.com/watch?v=J2ZWex3t7LQ>

⁴ За дейностите по проекта, за извършените теренни изследвания, натрупаните публикации, издирените материали и пр. виж <https://bgrusproject.wordpress.com/>.

използвайки израза „Страшните и трагични 40-те години“ (Грек 2006: 127). В друга своя монография за съседното българско село Купаран авторът говори за петте следвоенни години от 1944 до 1949 г. като за драстичен прелом във вътрешния свят на всеки един негов жител, на всяко семейство и на всички жители, взети заедно (Грек 2016: 139). Друг автор, който също описва събитията от този период в своето собствено село Суворово, Измаилски район – историкът Николай Русев, е на мнение, че колективизацията и свързаните с нея процеси на разрыв с традициите в южна Бесарабия, са толкова дълбоки, че не е пресилено те да се обозначат като признаци на гражданска война (Русев 2008: 201-202). Подобни са и разсъжденията на Оксана Ермолаева, според която „властите създават апарат от свои наместници от същата тази селска среда, която се опитват да подчинят и с тяхна помощ да разбият отвътре традиционните селски ценности“ (Ермолаева 2013: 21). Изследвайки тези процеси в района на Бесарабия Илонка Попова споменава, че те са назовавани от самото население като „второто разкулачване“, но и като „гладната репресия“ (Попова 2006: 177), тъй като буквално следват трагичните събития от зимата на 1946-1947 г., известни като *галадовката*, *гланната гудина*. Донесъл много повече човешки жертви и материални загуби, този следвоенен феномен, по думите на Я. Янчева, доминира и измества в индивидуалната и колективната памет темата за колективизацията от същия период (Янчева 2012: 208-209).

Цитирайки думите на канадската историчка Лин Виола за тези времена, българската изследователка Я. Янчева на свой ред говори за „война на културите, виртуална гражданска война между държавата и селячеството, между „града и селото“ (Янчева 2012: 192). Оттук същата авторка извежда и основните научно-изследователски парадигми, в които полага своето изложение, гравитиращи около понятията „памет“, „травма“, „идентичност“. Именно в този ракурс ориентирам и своето настоящо проучване, базирано на лични теренни записи сред наследниците на депортирани в Алтайския край българи от село Кортен в Молдова.

Както пише Я. Янчева, която изследва явления като мобилизацията на мъжкото население (т.нар. Трудармия), колективизацията и глада от зимата на 1946-1947 г., както и разкулачването и депортацията при българите от Бесарабия, отношенията между властта и селяните през този период (и като реални събития, и като траектории на паметта) не биха могли да се разглеждат само като еднопосочно действие. Опирайки се на теорията на френския историк и философ Мишел дьо Серто за „употребата на господстващия ред“ от страна на населението, авторката убедително показва, че чрез нея могат да се изтъкнат съпротивителните действия и стратегиите срещу подобни процеси, т.е. да се очертаят „онези невидими и неуловими всекидневни практики, чрез които то от самото начало постепенно изменя и адаптира наложената му съветска система спрямо собствените си потребности, интереси, разбирания и възможности“ (Янчева 2012: 189). А както ще видим от житейските разкази, цитирани дословно по-нататък в текста – подобен ефект се постига чрез вплитането на тези събития в културния модел на групата, където те вече се интерпретират не като нещо конкретно и извънредно, а се превръщат в част от поредица традиционни механизми за реагиране в подобни кризисни ситуации. Или, както се изразява известния български социолог Петър-Емил Митев, колкото и болезнено да звучат, наративите за глада (а и за всички споменати катаклизми – Г.Г.) напомнят за простия и неподражаем стил на сагите, впечатляват със своята изстрадана балансираност и лишено от афекти трезво виждане на нещата, което според този автор би могло да се определи като

отличителна черта на колективния автопортрет на бесарабските българи въобще (Митев 1996: 26).

В този ред на мисли трябва изрично да се подчертае, че събраната информация е извлечена от поколението, което все още помни самият акт на депортацията, на изтръгването на семействата от тяхната естествена и традиционна локална социокултурна среда, но всъщност е носител на паметта преди всичко за устройването им в далечните земи на Алтай, за пребиваването там по време на детските и младежките години от живота си, както и за завръщането в родната Бесарабия след близо едно десетилетие.

Сухите, но неопровержими факти могат да се изложат в следната последователност, която ще представя, цитирайки дословно написаното от историците Савелий Новаков и Николай Гургуров, и двамата от с. Кортен, автори на няколко селищни монографии за родното си място (Новаков, Гургуров 1995: 89 и сл.; 2009: 315 и сл.). На 24 август 1944 г. в тогавашното с. Кирютня (преименувано от старото българско историческо название Кортен), както и в цяла Бесарабия, за втори път се установява съветската власт. Ново управление веднага предприема колективизация на земята – една от бурните социално-икономически трансформации, през която останалите територии на СССР вече са преминали. На 7 и 8 септември 1946 г. се провежда събрание на хората от двете част на селото, на което се решава да бъдат създадени два селскостопански артела, обединени през 1951 г. в един – колхоз „Ленински път“. През 1948 г., пишат двамата посочени автори, по различни причини и митиви (от осъзнатата необходимост за подобряване на живота при колективното стопанисване на земята до безизходицата и нуждата след сушавите и неплодородни години) кооперирането в Кирютня достига 90 %. Към лятото на 1949 г. колхозното движение в Молдавска ССР преминава към по-твърд курс, което се изразява включително и в подлагането на голяма част от жителите на селата на репресии и на изселване – известната в историографията операция „Юг“. С прякото участие на местните власти и т.нар. актив през ноември 1948 г. в Кортен се съставят списъци, несравними с тези от други населени пунктове по количеството имена и фамилии на хора, причислени към т.нар. „антисъветски“, „нежелателни“ и „кулашко-националистични“ елементи⁵. На 6 юли 1949 г. за 30 минути, събирайки на две, на три малко дрехи и багаж, натоварени в камиони, а след това и на товарни вагони, много кортенци потеглят на двадесетдневно пътуване в неизвестна посока. Пристигат в гр. Бийск в Алтайския край, а след това са разпределени в няколко селища от Бистроистоцки и Бийски райони, където остават за около десет години⁶.

Днес наследниците на тези около 80 фамилии, някои от които и преки очевидци на случилото се преди 70 години, разказват за перипетиите на трудолюбивите кортенски

⁵ Както пише И. Грек, докато арестите и изселванията през периода 1944-1946 г. са свързани с разкриването на сътрудничилите на румънската военно-гражданска окупация, както и на тези, които не изпълняват условията за държавни доставки от септември 1944 г., то масовите изселвания от Измаилска област в Украйна от есента на 1948 г. и от десния бряг на Молдова от лятото на 1949 г. се свеждат до напълно изобретени, измислени класови подбуди – разкулачването (Грек 2016: 149). За статута „кулак“, несъответстващ на реалното състояние на репресираните и депортирани стопани, виж и Янчева 2012: 202-207 и цит. лит., както и Русев 2009; 2017: 286 и сл. Според мнението на Баберовски и Дьоринг-Монтойфел, което Янчева привежда, „в граничните и смесени райони на Съветския съюз, какъвто е и Бесарабия, регистрацията на кулаците служела едновременно и като средство за етническа дискриминация на малцинството“ (Янчева 2012: 206). С. Дигол говори за операция „Юг“ като за социално-етническа чистка, имайки предвид преди всичко ситуацията в Приднестровието, където за разлика от Бесарабия колективизацията отдавна е проведена (Дигол 2004: 281 и сл.).

⁶ От сведенията, събрани от информаторите до момента, могат да посочат имената на селата Верх-Ануйск и Буланиха.

стопани, които с цената на много усилия и лишения, на материални и човешки загуби, успяват и в Алтайския край да се изправят на крака, дори и да се замогнат. Връщайки се обратно, на тях не им разрешено да се заселят по-близо на 40 км от родното им село. Не случайно повечето от кортенците се установяват в гр. Тарутино и околността му. Според някои изказвания на наши събеседници, те избират това място, защото тук има хубава вода и защото наоколо са живяли немци и *чифути* (евреи) – безусловен признак според представите на българите, че мястото е добро за живеене⁷.

Очертан така съвсем накратко, случаят впечатлява със своята масовост, т.е. с вдигането на значителен брой семейства от едно село⁸, с компактното им заселване в няколко селища от Алтайския край, както и с обратното им завръщане и установяването им отново на едно и също място, и то заедно – в днешния град Тарутино, Одеска област, Украйна, в близките селища Подгорное, Березино и др. – все бивши немски колонии (срв. и Новаков, Гургуров 2009: 323). Всичко това позволява процесът на отпращането, отсядането и пребиваването за десетина години в далечните северни земи, както и на завръщането на депортираните и установяването им на новото старо място да бъде проследен въз основа не само на един или няколко изолирани случая, а през съдбата на малката социална общност на кортенци, поддържаща през цялото това време, а и до днес сравнително стабилни вътрешногрупови роднински и междусъседски отношения. „Движението“ в пространството и времето би дало също така възможност да бъдат реконструирани и редица страни от всекидневния живот на депортираните семейства, от техния бит и етнокултурните им черти, които те „отнасят“ със себе си, съхраняват ги и ги поддържат на чуждото място, а друга част от тях променят или пък загубват по време на изгнанието си. По такъв начин *дигането* и животът далеч от родното място, прекаран в изолирана, чужда етнокултурна и географска среда, може да се разглежда като своеобразен исторически експеримент за културата като система от устойчиви и динамични елементи, от взаимовръзки и влияния, както и от стабилни, непроменящи се компоненти⁹.

Цитирайки крилатото твърдение на Бронислав Малиновски, че „всяко изследване на културата е изключително изследване на контакта“, българската изследователка Елена

⁷ Андрей Шабашов отбелязва изселването на много гагаузи след Втората световна война към източните региони на СССР, преимущественно в Западен Сибир, което става вследствие на мобилизирането в т.нар. трудова армия от 1945-1946 г. и при депортацията им в 1949 г. като кулаци и „антисъветски елементи“. Идентично с описвания тук случай, завърналите се в края на 50-те години на ХХ в. в Бесарабия „спецпереселенци“ не могат да уседнат в родните си места и много от тях се настаняват в непосредствена близост, в това число и в слабо населения Тарутински район, до основния анклав от гагаузки селища (Шабашов 2019).

⁸ И от други селища са вигнати голям брой семейства (Я. Янчева цитира устни сведения на свои информатори за вдигането на 100 фамилии от Тараклия, Янчева 2012: 200; за гагаузкото с. Баурчи виж Курдогло 2009), но действително Кортен се отличава в това отношение. Причините се коренят в личното отношение на местното ръководство на колхоза в селото към голяма част от включените в списъка за изселване, което се свежда до най-елементарни междучовешки взаимоотношения и вражди. Това сведение дължа на проф. д.и.н. Николай Червенков, който в частен разговор с мен сподели, че случаят се изяснява благодарение на проучванията на кортенеца Савелий Новаков при работата му с труднодостъпни и засекретени документи, както и при повеждането на анкети с жители на родното му село. За количеството дигати хора от Приднестровието по време на операция „Юг“ през 1949 г. виж Дигол 2004: 290-294.

⁹ А. А. Шадт отбелязва, че „последствията от широкомащабното използване на такива инструменти от съветската национална политика, като етническите депортации и етническото изгнание, оставят осезаем отпечатък върху етническата идентичност на редица „росийски етноси“ (кавичките мои – Г.Г.) и продължават да оказват влияние за отношението им към съвременните руски държавни и обществени институции“ (Шадт 2007: 52).

Марушиакова изтъква, че можем да разглеждаме малките етнически групи в техните взаимоотношения с един или повече чужди етноси като образец за изследване на развитието и промените в културата (Марушиакова 1990: 26). Изследваният тук случай със сигурност може да покаже посоката на подобни тенденции при реализирането на етнокултурния опит на кортенските фамилии. Под формата на етнодисперсия, отделени и отдалечени от собствената им локална среда, при това обособена и консервирана в условията на българската диаспора в Бесарабия, тези семейства са принудени да пребивават за относително дълъг период на чуждо, твърде далечно и изолирано място, съответно – да се адаптират, да оцелеят, да динамизират и приспособят или пък да съхранят запаса си от културни знания, навици и умения. Връзките в такава общност като дисперсията, пише Владимир Пенчев, „са лабилни (най-вече заради акомпактността¹⁰), но осигуряват онова достатъчно равнище, което е потребно за нейното самовъзпроизводство“ (Пенчев 2017: 34). Именно установяването на характерът, степента на интензивност и плътността на тези връзки би могло да разкрие културните механизми за постигането на вътрешна етническа стабилност, както и за пропускливостта и изменчивостта в социокултурния модел на дадената локална общност спрямо външните условия, в които попада тя. С други думи, едно предстоящо по-продължително изследване би трябвало да се съсредоточи върху това, как функционира една малка част от диаспората, превръщайки се в етнодисперсия (каквато представляват „дигнатите“ от Бесарабия кортенци в Алтай), и по какъв начин тя запазва или преобразува етнокултурните си характеристики и стил на поведение.

В този ред на мисли веднага следва да подчерая, че на този етап от настоящото проучване осветляването на подобни тенденции и процеси е твърде амбициозна задача. За осъществяването ѝ са необходими още теренни наблюдения, провеждане на интервюта и записване на повече житейски истории, съпоставянето им и извличането на тази база на една по-обща картина за повтарящи се, видоизменени или пък излезли от употреба всекидневни практики, навици, знания и ритуали, представи, вярвания и пр., съответно: в селището-майка в Молдовска Бесарабия, сред дигнатите семейства в Алтай, както и у техните представители, живеещи понастоящем в гр. Тарутино и околността му в Украйна. Подобни съпоставки би следвало да бъдат проведени въз основа на данни, извлечени от всяка от изброените отделни, но свързани помежду си локации, използвайки методите на т.нар. мултиситуирана етнография.

Ето защо тук целта е по-скоро да се представят резултатите от едно първоначално сондажно проучване сред наследниците на няколко кортенски фамилии, а именно Бучкови, Делибалтови, Тануркови, Бахови, Караджови, Чумертови и Пейкови, с които имах възможност да се видя и да запиша техните разкази в град Тарутино. Чрез тези наративи поне отчасти може да бъде уплътнена досегашната картина за случилото се преди депортирането, по време на него, както и след това – при завръщането и повторното установяване на кортенци в Бесарабия. Т.е., основната задача е да се покаже пълният цикъл на миграцията, тъй като в досегашните изследвания за *дигнатите* кортенски семейства вниманието е концентрирано най-вече върху самия акт на изселването, както и върху представянето му преди всичко като трагична страница от историята на селището, като

¹⁰ Авторът има предвид в сравнение с диаспората, чиято основна черта е компактното разположение на членовете ѝ.

безвъзвратен жертвен акт¹¹. Познавайки се на изследванията на Л. Виола и изведеното от нея определение за „култура на съпротивата“ на селското население по време на колективизацията и репресиите в СССР, Я. Янчева развива тезата за „специфичен стил на общуване, поведение и взаимоотношения на селяните с властта, чрез който те се опитват да манипулират обстоятелството или да се адаптират към новия ред чрез хитруване, протест или други форми на активно или пасивно съпротивление в стремежа им да запазят своята идентичност и живот в условията на доминиращата култура“ (Янчева 2012: 204-205). Именно такива идентични процеси и явления отразяват и изложените по-долу дословно откъси от проведените интервюта с респондентите в Тарутино. Без да омаловажаваме случилото се през 1949 г., на него трябва да се погледне като на част от продължителен процес, който обхваща и десетилетието до 1959 г., както и периодът след това до наши дни. В хода на това циклично движение, „в съответствие с подхода към историята на спецпоселенията като към колосален етносоциален експеримент, историята на „кулашкото изгнание“ може да се разглежда като уникален опит за реинтеграция на следващите поколения специални заселници в съветското общество“ (Ермолаева 2013: 21; срв. и Губогло 2013; Щеглова 2008)¹².

Теренната експедиция – участници, срещи, разговори, резултати

С оглед на казаното дотук е особено важен самият повод и начинът, по който започна това изследване. То се роди именно от разказите на един от наследниците на кортенската фамилия Бучкови – Анатолий Димитриевич Бучков, р. 1972 г., жител на гр. Тарутино, който, знаейки за моя интерес към историята и културата на българите в Бесарабия, специално ме покани за пореден път да посетя градчето и да се срещна с неговите лели – преки очевидци и участници в събитията. Може да се каже, че моята миниекспедиция в Тарутино в края на месец август 2021 г. бе организирана и подпомогната от Анатолий, както и от Иван Михайлович Димитриев, също жител на гр. Тарутино, но родом от българското село Голица, Болградско, за което поднасям най-искрената си благодарност към тях.

¹¹ Както пише руската изследователка Оксана Ермолаева, „разглеждането на историята на спецпоселенията единствено от гледна точка на описанието на престъпленията на сталинизма значително опростява картината, води до пристрастия при избора на източници и тяхното тълкуване, както и ограничава изследванията в тесните рамки на излагането на репресивната вакханалия на режима и страданията на неговите жертви“ (Ермолаева 2013: 19). В тази своя рецензия по повод книгата на Лин Виола (преведена на руски език през 2010 г.) авторката изразява мнение и за цялата съвременна западна историография, която по нейните думи, се опитва да обясни процесите, случващи се в СССР през 30-те години на XX в. и в целия ход на съветската история, или използвайки репресивния и наказателния подход, като разглежда престъпленията на сталинисткия режим в сравнителна перспектива с нацистка Германия, или пък прилагайки амбициозни методологични и концептуални схеми, като модернизма, подходът на А. Лефевр към пространствената история или имперският подход към изучаването на историята на СССР (Ермолаева 2013: 20). Съгласявайки се с написаното, бих добавил, че тази реторика до голяма степен е характерна и за историографията на изток след промените от 90-те години на XX в., доколкото тя се стреми непременно и да заклеми случилото се преди разпада на съветската система (срв. Щеглова 2008).

¹² Освен това, пише през 2006 г. А. А. Шадт, в момента на практика няма проучвания, разглеждащи „етническата депортация“ и „етническото изгнание“ като системни явления от един и същ порядък (Шадт 2007: 52), като общ модел, който би могъл да бъде проследен при отделни групи, общности и народи. По-горе вече посочих изказаното от Я. Янчева мнение за отчетливото присъствие и на етнически елементи при прилагането на репресиите и депортацията във връзка с предприетата колективизация, особено в граничните и смесени райони като Бесарабия.

Анатолий или Толю, както по свойски се обръщаме към него, веднага задейства роднинските и по-широките социални кръгове, принадлежащи към кортенското генеалогично начало. Почти всички информатори, с които успях да се видя и да разговарям бяха препоръчани от него. В хода на проведеното теренно етнографско проучване имах възможност да се срещна и да проведа интервюта с общо 6 респондента, представители на споменатите по-горе фамилии. Сред тях най-млад се оказа именно А. Бучков, който обаче се превърна и в мой ключов информатор¹³. Въпреки по-младата му възраст от всички останали, както и позицията му не на очевидец, а на носител по-скоро на вторични знания за описваните събития, то информацията, която той ни предостави за живота на своите близки преди, по време и след депортацията в някои отношения бе по-наситена, отколкото тази на преките участници в случилото се през 40-те и 50-те години на ХХ в.

По-нататък в текста, разпределени в съответни параграфи съобразно хронологията на събитията и процесите, както и с оглед на жизнената съдба на нашите „герои“, ще представя дословно част от записаните „на терена“ техни разкази. Тук още веднъж следва да посоча, че сведенията са почерпани от наследници на депортираните кортенски фамилии, които в болшинството си са представители на поколението, израстнало или родено в Алтайския край. Въпреки това повечето от тях имат ясна представа, както и лични спомени за живота преди изселването, за пребиваването си в родния Кортен, или пък помнят и препредават разказите на своите родители, баби и дядовци за това време. Все пак акцентът в индивидуалната и колективната памет за периода от 40-те и 50-те години на ХХ в. съвсем разбираемо е животът в Сибир, както и след това – преместването обратно и устройването в Бесарабия.

Бих искал специално да изтъкна особеното желание и на шестте мои информатора да споделят онова, което знаят и което са запомнили за съдбата на своите депортирани семейства. Не мога да не спомена и факта, че те ме приеха изключително радушно в техните домове, а проведените срещи, разговорите и натрупаните преки впечатления обогатиха представите ми за българската общност в Тарутино въобще. Макар че понякога се учудвах на силния ми интерес дори към дребни детайли от знанията, материалите, фотографиите и пр., с които те разполагат, всеки от респондентите осъзнаваше значимостта на запомненото и/или разказаното от неговите предци, както и необходимостта то да бъде документирано. Паметта за депортирането и за животът в изгнание функционира в техните семейства, препредавайки се и на новите членове във фамилиите (например на снахите и внуците), поддържана надлежно в грижливо запазени снимки, добре оформени албуми, скътани реликви и пр. Този епизод от живота на кортенци, с част от чиито потомци разговарях в Тарутино, се очертава като особен травматичен социален опит в личната и семейната им биография, за който те имат нужда да споделят, да разкажат¹⁴. „Екстремалните ситуации,

¹³ За подобни основни, водещи фигури, които най-често изпълняват функциите не просто на „разказващия“, но и на „показващия“, „предаващия“ своята култура субект виж Лучев 2004: 33.

¹⁴ Приобщавайки следващите поколения, чрез своите разкази очевидците на тези болезнени събития създават една (по-голяма, включваща практически цялата група) общност на спомена (за това срв. Асман 2001), а не на самото страдание. Както пише Я. Янчева, опирайки се на редица изследвания за колективната социална травма, „възможността да разказват, да си спомнят дълго премълчаваната „истина“ за миналото..., е съществено значима за конструирането на... настоящата идентичност, защото паметта и способността да се реконструира миналото са дълбоко свързани с настоящото усещане за собствената идентичност“ (Янчева 2015: 56). Така изпитанието се превръща в памет: разказано и споделено, то се преодолява и чрез механизмите на културата и вярата става един от маркерите на самоидентификация, без да „конструира от миналите травми днешни чудовища“ (Проданов 2006: 83).

свързани с прехода от една културна соционормативна система към друга, пише М. Губогло, се възприемат в семейството и оставят в паметта много по-осезаеми следи, отколкото пребиваването за цял живот в една и съща система от културни координати“ (Губогло 2013). От друга страна, този опит постоянно се изтъква като пример за издръжливостта, приспособимостта и трудолюбието на българите. Той се очертава като повод за гордост, за изтъкване на тяхната етнокултурна идентичност и на устойчивите им традиции, обичаи и нрави не просто в условията на диаспората, но и в рамките на голямата съветска държава, съхранени и предавани в екстремални условия, далеч от родните им места, в непознати и слабо усвоени от хората краища.

Българската езикова практика и до днес функционира в пълнота предимно в домашния семеен кръг на събеседниците ни. Тя се редува с руската такава, доколкото билингвизмът е характерно явление за българите в Бесарабия въобще. Това ясно сочи запазването на родния български език в годините на изгнанието, както и предаването му на поколението, родено и израстнало в Алтайския край. Почти при всички разпитани информатори се забелязват езиковите особености на кортенския говор, макар при някои това да е съвсем отчетливо проявено (Василий Бахов, Петър Танурков, Анна Бучкова, Клавдия Караджова), а при други – не толкова (Анатолий Бучков). Две от моите информаторки – Анна Бучкова и Клавдия Караджова често преминаваха на руски език в хода на интервюто, макар че прекрасно разбираха всички въпроси, които им задавах на български и свободно говореха на този език. От значение е да изтъкна факта, че Анатолий постоянно настояваше и подсещаше своите лели (Анна и Калинка) да говорят с мен на български, за да може на записа да се запечата именно техния роден майчин говор.

Приведените по-долу записи от интервютата са дешифрирани дословно, с придържане към особеностите в речта на всеки един от информаторите, без претенциите, разбира се, за точно и прецизно езиковедско оформяне на техните изказвания.

Разговорите ни пренасят в атмосферата на теренната етнографска работа, която сама по себе си се превърна и в част от усилията за поддържане и съхраняване на паметта за съдбата на депортираните кортенски фамилии. Колкото и отстранена да е полевата етнологика дейност в концептуален и научно-методологически план от „топлото“ и емоционално, от твърде съпричастното човешко присъствие и реакции, то неминуемо тя съдържа и елементи на подобно поведение. Нещо повече – съобразно съставът на нашия екип, който осъществи експедицията, както и с оглед на начина, по който протече тя¹⁵ – ние не сме „бягали“ от тях. Напротив – превърнахме изживените емоции като емпатия и любопитство, търпение и съпричастност в инструментариум, чрез който по-лесно и, надявам се, по-качествено, проведохме нашето проучване¹⁶.

Време е да се вслушаме в гласовете на нашите събеседници, съпреживявайки още веднъж казаното от тях като част от „малките“ житейски разкази на бесарабските хора за

¹⁵ В хода на тренното изследване се разбира, че Иван М. Дмитриев също е потомък на разселени от родното му село българи. Баща му е живял и работил години наред в Донбас. Споделяйки това, моят помощник в работата по провеждане на интервютата, всъщност не само допълваше картината на принудителните трудови миграции на хора от Бесарабия в различни краища на СССР през 40-те и 50-те години на XX в., но и подтикваше събеседниците ни да разказват своите истории пред човек със сродна съдба.

¹⁶ За ролята на чувства, които, подобно на повечето изследователи в такива ситуации, и ние използвахме, за да влезем в контакт с представителите на местната общност, за да бъдем приети в техния жизнен свят, както и да се почувстваме като част от самите тях, виж Маева 2021: 535.

„голямата“ съветска история на депортациите, като пряк всекидневен опит и интерпретация от „първа ръка“ (по изразу на Кл. Гийрц) за далечните драматични събития.

Животът преди депортацията: спомени за родния Кортен

Караджова Клавдия Степановна, р. 1944 г. и Бучков Анатолий Дмитриевич, р. 1972 г.

Клавдия: *Кортенска съм. Аз съм от Кортян. Бяхми в Кортян, жувахми в Кортян. Ний жувахми ду сорук дивяттъ гудина. Пет гудини, аз помня хубуу – папа имаши зимя. И ний – мама, папа, систра ми, ката сутрян, сабахлян утивахми там – купаим, садим, ну сичкуту пряхми. За ко и папа дигнаха, чи той беши бугат, как гаварятся, на самам деле. [Колко земя имаше Вашия баща?] Три гигтара зимя. Считаваши съ, чи многу. Имаши конь той, имаши талика. И вот аз помня хубуу, чи папа нъ турга в таликата – и в къра... И цял ден снi там. Мама ставаши ра-ану, рану. Дету в часа 2-3. Напиче ляп и навари. И земи да идем. Как абъйчну боб, картофяна манджа, пилянъ манджа. Вот такос – български. **Анатолий:** Сирни, вину... **Клавдия:** Ами, чи вину, без вину нет канешну. Те же имаха винаградники. Лузя имахми. И ощи имахми, папа садеши..., кукуруза – кък пу български?*

[Колко чияка живяхте вие, във Вашето семейство?] **Клавдия:** *Ний бяхми четири. Уминя систра има. Тя още жува междувпрочем. Тя по-гуляма. Тя пойчи знай. Мама, тети, кака и аз. В ина къща. Баба и дяду имахми, той беши със сина си в другу место. Тоже дигнат. Тоже в Кортян, ама утдилен ут нас. Атдилени, тоже имаши зимя. Чи пае таму и на дигнаха. Койту работеши, кароче гаваря. А пък, койту нямаши нищу – те написаха в съвета. Поминя съ властъ. Написаха – тоз бугат, тоз бугат... [Кой написа тва?] Ну, кой – койту ни ще да рабути и сидеши на чужьх... **Анатолий:** Койту беши бездельник. Нали имаши се – пияници, сяку ино селу има. Али знайши, властта, гату съ мини, те стават хузия. Нащи, койту рабутеши – дигнаа ги и зеаа им сичкуту... **Клавдия:** Вот – негоо баща и дяду му. Те бяха с нас. Ний с тях жувеяхми вместе. На ино жувахми. В ино селу. Рядум жувахми. Ний дружахми друг с друга, патамуца ний снi ут ино селу и пряму дружна беши симя. Вот – гату в Сибиря – ний бяхми, нас очен на уважаваха, очен.*

Анатолий: *Дяду, то ли аптеката, дету счас у тях [в Кортен, Молдова] там, то ли селсъвет. На дядууту месту, дету тяанта къщата. Щоту ас помня, гату мий худихми. Уже тати. 1986-1987 г. худихми там у Кортян. И той казва, туке тий коряна. Тука жувя прадедушка, сичкити. Уттука ги дигнаа. Тя гуляма тъй ина къща, дълга. Ну той очин багат. Той имаши, тъй къкту каза тати, ут Кортен ду Светлае той имаши зимя многу. Той действителну беши бугат – прадед Делибалтов, дяду Минчу. А от Бучковити старната той беши дяду Сандю. Той беши кърчмарян. Дърджеши кърчма.*

У леля Аня имаши фатаграфии ощи ду Сибиря, ут Кортян фатаграфии. Дед Бучков стуви. Идин жрибец племянной, ина гуляма канюшня. И той гу дръжи тос жрибец. Дет със кужух, нов кужух. Къвту празник бил и той гу изкарал.

Бучкова Анна Федоровна, р. 1941 г.

Анна: *Дядо от тетювта страна имаше 4 сина и той на всеки даде земя. На своя баща, Фьодор Александрович, даде земя в Шленгер се думаше, наверно немско название. Сега се казва Светлое. [Ами що там му даде земя?] Щото той имаше там. На други два сина в Булгарийта [с. Българийка се има предвид], недалеч от Болград. Но и Шренгер не е*

далеч. [Вашият баща ли беше най-малък?] *Не, Иван беше най-малкия. Моят баща беше средния. Най-големия имаше 6 момиченца, втория имаше 5 момченца, а ний бяхме 4 – аз, брат ми, още едно малко братче умря още некръстено, роди се зимно време и умря. А четвъртата сестра се роди там в Сибиря.* [От тези всички, кои семейства дигнаха?] *Ний сме дигнати и най-малкия брат Иван. Той живееше при дядо Санди. А моят баща беше приведен зет. Затуй ний бяхме в Кортен, а Иван беше в Българията. И дядо Санди беше там, с неговото семейство – дъщеря му и сестра му.* [Дядо Санди защо живееше там, в това село, нали и той е от Кортен?] *Не знам, но от край време си беше там, но имаше и в Кортен хозяйство, и коне, всичко имаше.* [И бабата беше кортенка?] *Да, и баба беше кортенка.* [Дядо Санди дигнаха ли го?] *Да. И той, и дядо Минчо, при когото ний жувахме, и баба Аня тоже. Но гато на дигаха, дядо Санди и дядо Минчо избягаха.*

Танурков Пантелей Радионович, р. 1954 г.

Нашия дор беши пряму дету пажарката беши [в Кортен]. Мама беши баща й дядо Пантелей. Аз в чест негу съм назван. Тя мама беши 5 гудини и въйгра 100 тъйсяч пари. Има фатаграфия. На идин стол [маса] и на стола туряни ей такис мишочата [чувалчета] с пари. Кък са пулучи, кък тя въйгра тес пари. Минаха как латарея. Пу сялоту ходяха. И баба Дона, папина тъоичя. Тя намаши пари, тури дваиси ица, дади дваиси ица. Мина съ пулвина гудина, идат, дирят... Чавдарь Надежда Пантелеевна. Тва у румънскуту. Те дудоха им казаха. Баба със дяду утъоот в Конгас. Те казват – а вий за ко дудохти. Дей Вацу дите, а ну пукажити гу. Так, идити с Ваца дочка, но казва зимити оци хора, зимити пушкити. Вий знайти ли колку пари вий въйграхти [спечелихте]? Очин многу... И те съ връщат назат, дядо Пантелей збира съседити тъй, койту има пушка. С две брички и утъоот в Конгас. Пулучиха тес пари и там мама фатаграфирваха я... Тя мама малка, 4-5 гудинки, пък чуваля с пари по-гулям. Дядо Пантелей купял магазин с тес пари. Накупувал на братята си там – куне, дади... И той имаши лавка. Те мислят, чи... Те гу зеха куту палитически.

[А имаха ли много земя Вашите хора?] *Той папата казваши – кък... То ранше в румънскуту време давали кък. Руди са дитету. На сяку ино дите даваха там пу колку, там колку сотки виноград, сад. Папата кончи 4 класа. И всьо трябва рабутият и пойча ни са учаха. .*

Депортацията: дигането и пътят до Сибир.

Караджова Клавдия Степановна, р. 1944 г. и Бучков Анатолий Димитриевич, р. 1972 г.

Клавдия: *Во первых нас на дигнаха, знайти кък?! Вагони бяха кък, за кравити, такии вагони. Нямаши де да лягаш. На пола, на туй... Закрити пад замок. Ни пускаха. Через колку време, ни знам, пускаха – сутки или полсутки. По нужда да идиш. Дицата. И то ахрана. Стуви ахрана. Що сиди ахрана...?!*

Наченаха да дигат. Ну, знайти кък, в селу: ша ва дигнат, там. А папа..., утидаха в съседнугу селу, коту да прудаваат, да купят за едини нещугу. Ку беши ний с мама да устаним дома, щеши да на дигнат нас двамата и все. Те дигаха – дяду с внукити... Койту беши дома. Дуде папянта систра и казва: „Илено, пашли, хай да идим в нас. Ща спася, щоту ша дигнат вместе с Клава“. Ас Калинка ми беши имету. Пу български Калинка, а патом...

Гату на Сибиря утидах – „*Это Клава, какая Калинин?!*“. И пу паспарта тоже Клава съм... И дуде папянта систра, пък там беши агарод. Агарод ни знам пу български кък. Харман, градина. И имаши кулиба. „*Сядай с Клава и сидити тука!*“. И ний цяла сутка сидяхми. А пък мама ситня ми разказваши. „*Вика, ти беши малка. Ну, 5 гудини: „Мамо, искам да ям, мамо, искам да пия*“. А пък хубуу помня. Тя ми казва: „*Мълчи, ма, Калино, ша на дигнат!*“. Пък рядум селу – дама. Там ужсе ваенни ходят. И папа на следущий ден иди. Машини пълни с хора и крищят: „*Въри си по-скору дома!...*“. [Разстройва се, заплаква].

[Помните ли кога точно стана това, кой месец?] *Кой месец? Ас помня гледахми абълки ужсе. Дета август... Ас хубуу помна – систра ми набрала цял мишок абълки. И ний ду де стигнахми ду Сибиря ядахми абълки. И папа дуде, нъ зе. Толька додахми дома. И через пет минути додаха. И на дигнаха моменталъну, нищу ни зехми. Знайти, ши ви кажа кък... Смятря кви хора ва дигаха. Има хора жилият. Пък има бяха такис, агривни настроени. **Анатолий:** Папа казваши, чи баба успя да земат припърджану – мисо, заляту със мас. Ну, колку там – пулвина чувала, ли колку браино. Сирни. И още коту, ни помна. Ну, на баба разришиа. Коту си турити на ина падвода, талига. **Клавдия:** Знайти що тъй съ пулучи? Патамуцо папа гу нямаши. Ку беши мама да бъди дома, те щещи да на дигнат с мама. Пък ку беши папа дома, мож щещи нещю да успей. Дрехи, мама зе дрехи. Хорта, каторы бяха с нас във вагона на храняха. Койту зел щота, нъ храняха. [Помните ли колко семейства дигнаха от Кортен с вас?] **Клавдия:** Ша ви кажа идинствену, дету ний бяхми, кой беши. Беши Караджови, Бучкови, Гургурови, бяха уни молдовани, ас фамилията им забрах. Шес сими в туй селу на свалиха.*

[Помните ли – на машини ли ви качиха, когато ви изкараха от двора?] **Клавдия:** Ут двора? На машина. На закараха, ни моо да кажа, ну па моему в Болград на поезда. Ну, вагона бяха многу – и ут Малдавия, и ут други села, и кортянски бяха. Бяха пу десят, пятнайси сими. Навярна нидели две-три. И астаноят нейдя, въипустят нас. Хубуу помня, чи ино мумичанци бяхи падналу. Верхная полка беши и нижная. И тя панна. Видну, койту зел видро със себе си, що ли. И тя куту паннала и на мисто убита.

Бахов Василий Никодимович, р. 1941 г.

Василий: *Кортян – ко да помня... Аз бях седям гудини. Помня кое що... На диганаха на Алтая. Баща ми беши на Урала дигнат. На тее гулемити ескалатори, угаль, в Свердловск. И помня такоо. Вичарта си дуде баща ми. Вроди такоо. Синкуту хубуу, баща ми си дуде. А пък ду туй беши чичу, негов брат, те рабутят на идин ескалатор двамата. Чичу беши в отпуск. От Трудармията. Семити им устанаха в Кортен, а пък те ги зеха на работа на Урала. Ний бяхми два брата. Георги, той по-гулям, той 36-тата гудина. Легнахми си да спим, сабалам ставами. На събудяха по-рану. Щоту синкуту ай тъй... И ко такоо, казват: „Дигат ги, дигат ги, дигат ги...“ Ко ши праим. Утидахми, имахми сад. Имахми абълки, зерзали, груши, сливи. Кой ни казал, утьооми да бирем коту има – имиши. Брахми там и аз съм счупял идин клон на зерзалта. Казвам на старишия брат: „Ей, ас ша кажа на тетя, той ща бий“. Сетня казва: „Нидей казва нищу, ши га удрежим и ша я замажсим с кал“. Той по-старши. И тя ши расте дальше. А пък кака, начит двуюродна систра, чу дет си приказвами и разказала на тетя, на мама.*

Ну, и машина. И там тварят, коту стварват, коту такоо. Мама сиди, фърга. Салдатити й пумагат да твари туй. Помня, чи такива булки ляп. Самуни. Свеж гу печи

и... Ей, туй помня – ляба. Гату уже там бяхми. Идин кюпъ със мляку, дет аз гу пудквасях. Негу кюпъ. Идин кюпъ жир свински, масъ, да. А пък тети, те ги зели в съвета. Мама сал устана. Видну коту им казвали, аз ни знам. В тоз купъ, дету съм бъркал млякуту, ина сребрена лъжица там устанала. С нея лъжица утидахми в Алтай и ина вилка, тоже сребрена, пупадна в маста. С тъс лъжица и тъс фъркулица. Дяду Георги, гату служил, чи тес негуфти лъжица и фъркулица. Той ги дунел от войната. Кату риликви беши. Ай тес плетени дарожки. Чульчита... Натваряя на нас и гагаузи. [А от Вашето село колко чияка дигнаха?] О-о, многу. Халис на Алтая на ино мясту жувяхми Тануркови, Табанови, Бучкови, Делиболтови... Пък Яламови има от Кортен, те жувеят в Березино [А защо Ви дигнаха, какво казаха?] Как кулаки. Значит чичу, брат на тетья, той атдельну жувейиши. А пък ний снi устанали в стария дом. Баба и дяду няхамми. Леля Стана – дигаха ги. И те утдилени бяха. Леля Матрона – в Свитлое бяха.

Гагаузити – дружни хора. По-дружни хора, чем българти на многу. Те, дету са повредни, то ясну, а пък дружни. Койту им пудсказал, ги пудгатовили. Те начит си заклали кукошкити, свини – коту ималу, мисо. Пък ний тъй, утидахми без нищу. Те по-дружни хора – изклали си гада. [Колко време пътувахте?] Назад щи кажа, чи девят дена точну... **Съпругата на Василий:** Мама [свекърва й] разказваши, чи цял месец. На поезда. Вагони, дету скот возат. И няма не туалет, не нищу. Ина кофа тъй ду вартата. Мъжи и жини. Ни знай, казва, ко да прайши. Се ривяхми. Щоту и руски там ималу, и гагаузи. Пък те българти кък...?! Пък мама, свикърва ми, такас беши жина, чи въабше. Тя вярочиши силну. Тати, щоту той прикара девят гудини там на Урала ли, де бяха... – той май гу караши... Пък мама се... **Василий:** В тупики часту на вкарваха. Салдатити стувят. Ко запомнях, значит кату и на станцията, ходя за кипяток. Чай. Миха пусудата.

Бучкова Анна Федоровна, р. 1941 г.

Анна: Лятно време беше. В Шленгера, дето дядо ни даде земя, бяхме започнали да строим кухничка. Помня хубуу, че мене ма взеха да гоня гаргите от огорода, как раз всходила кукуруза (тъкмо поникваше царевичката). Ний живеехме вече в Шленгер, бяхме си намерила и дружки там. А дядо Минчо и баба Аня останаха в Кортен, моят брат Митю с тях остана. Не помня датата, но стана през ноцта. Додя една голяма машина, както сега вече разбирам, било е голям ЗИС. [Имаше ли вътре хора?] Не, празна беше, ний първите бяхме. Беше около 2 часа, събудиха ма мама и тети, взехме си само по малко багаж. Ний и няхамме много неща там, тъкмо бяхме се преместили от Кортен. [Но вие не знаехте?] Не, никой не знаеше нищо, нищо не се чуваше. Ний с мама мазахме кухничката, тетю си дойде от работа, легнахме се... Събудих се от стук, два солдатица с винтовки чукаха. Влязоха вътре. Баща ми ги пита – защо, какво има? Те отговориха, да си събираме нещата, да вземем документите си, че ши на карат нейде. [А къде казаха ли?] Не, нищо не казаха. Мама почна да плаче – какво става, защо на барате?!.. Те стоят с винтовките и казват да побързаме, че имат още хора да вземат. Помня добре, че единият от солдатите ме взе подмишниците и ме качи горе. [Колко семейства дигнаха тогава?] 80 семейства. Тръгна машинта и почна, когато дойдохме в Чадър. Там се срещнахме с баба Аня. Свалиха на в един прахуляк, беше уже сабахлан, разсъмна се. Мама и баба са радват, че са събраха, са прегръщат – хубуу, че сме найно! И след това дойдоха от Болград дойдоха баба и дядо Санди и дъщеря им. Но те бяха в друга машина и бяхме далеч едни от други. И когато на натовариха на поезда, са паднахми в разни вагони с тях. Тръгнахме и пътувахме, и

пътувахме... [Колко време?] Много дълго... И беше горещо, и как да ви кажа... нали много хора бяхме... Спираха на в гората, защото в големите градове като Киев, Свердловск поезда не спираше. Защото, като спирахме, всички търсяха къде да отидат до тоалетна. Имаше неприятни случки заради това. Военната охрана беше с кучета. Хората търсеха къде да се скрият, за да се облекчат. И това пътуване продължи около месец. Във вагоните беше задушно, мойто братче се разболя. Като приближавахме голям град, мъжете слизаха и донасяха в кофи храна – каши, борщи... Даваха ни, храняха ни... [На какво спяхте?] Върху багажа си, постилахме платчета, чулчета, покривки, кой каквото имаше. Който каквото си зел... Ний бяхме с българските си рокли, носии – вълнени рокли, тъкани фарти (престилки). [А успяхте ли да си вземете дрехите?] Взехме, но всичко нямаше как да вземем... Остана всичко – и овцете, и кравите, и конете...

Танурков Пантелей Радионович, р. 1954 г.

Пантелей (Петър): Туй беши в сорук восмата година. Папата уже рабутеши, в Чадъра [гр. Чадър Лунга] на МТС, помощник тракторист. Той казва вичарта си идял дома. Ни моя да разбере?! Селуту обкражонну польнастю. Енкаведисти и сразу – фамилията. Той казва – дайти да ида да са приблича макар. Той с мръсни дрехи, от работа. Не, не, не. И буквальну через колку времи – баба дукараха, тоже в машинта, и двети систри млади, който жувеи ощи с бабата, те не бяха женени. Те обе – леля Дона и леля Анна са оженяха се в Алтайския край. [А защо Вашите Тануркови дигнали?] Ну, типа, чи кулаки. Разулачини. Багату жувяхми. Ну, ко багату?! Имахми зимя, те рабутяха куту синкити. Имаха две крави, куне имаха... Ну, жувяха ниплоху.

Животът в Алтай: изгнание, адаптация, оцеляване...

Караджова Клавдия Степановна, р. 1944 г. и Бучков Анатолий, р. 1972 г.

Клавдия: И нас на встетиха очин хубуу. И вот ний пупаднахми на Буланиха. **Анатолий:** Се ут Кортен, ама те ни моят на ино. Те ги туриха в разни сяла. Те бяха се в Алтайски край, Бийский район, но в разни сяла. Нали казва Петър, чи съ виждахми някуй път, съ збирахми. **Клавдия:** Там же беши падписка. Да изкарваши ни мойиш ут селу биз разришение. Каждый ниделя хадил – чи ти си тука, чи ни пубягна. [Ами там какво сварихте, помните ли?] **Клавдия:** На встетиха с музика. И на разпридилиха пу хората. Хората уже заране пригатовили. **Анатолий:** Хубав беши придсидател. Хубав чияк. В уни села очень хубуу ги сряшкаха. Пък в други села не очень. Бабата тожи тъй казваши. Той съ пудгатови тес хора, гат да ги приима. И да ги разпридили пу местнити, житялти да ги приемат на квартира и первуту времи да жувеят у тях. **Клавдия:** Те с нази жувяха. Те очин хубуу на приеха. Ний няхахми не да идем, нищу. И на храняха. Рядам магазин беши, даваши бизплатна ида. Извинити миня, ну гат казват Расия такая, и люди такие – мне хочится взят и пряму в морду дать. Извините за въйражение! Ну, потому що эсть люди всякие. Ну, большинство. Мы попали такие людей, що они нас обожали! Имаши хазяи. Дадаха ни ина комната. Те ни моят пойчи, знайти Сибиря как... **Анатолий:** Те нямат гулеми къщи, куту нас тъй. Те у тях дървини. Раздилени, дажи няма врата, двя... **Клавдия:** На нас ни дадаха, беши магазин там рядум. И те падилиха магазина. И часть магазина бяхми там.

Сетня устрояха на рабута. Сичкити рабутияха. Калхоза. И аз помня, ну ранше тѣй беши. Цяла гудина те ни плащаха, но прадукти дават. На трудадни и идин пѣт у гудинта разчитват. Аз помня хубуу. Папа пулучи пари и: „Мѣй! Хай, щѣ купим нещѣ“. Аз мала еше была.

Аз помня хубуу. И помня и кѣк празники встрѣчавах. Такие празники. И никагда ни утдилиха, чи вий сти не е наци, или наци. Просто златые люди. Потом папа устрояха. Бригадир беши на совхоза. Садавод. Там нямашѣ нищѣ. Папа вишни сделал. Такѣв сорт. Малина была. Огромный участок малины, который собирали бочками и возили в город Бийск. Папа мне всигда брал, я как мальчишка была. Митя Бучков, Ваня Гургуров и я. **Анатолий:** Те са аднакласники. Худиа на ино в школа, сичку. И гату са върнаа ут там, и кѣща ду кѣща. Тѣй са кумиши. Там, дету сѣ върнаа, на унѣс улца, там тѣй и стувѣт дворовити – Тануркови, Бучкови, Делибалтови, Караджови. Падрят тѣй врѣвѣт. Тя беши тугаа празна унѣс улца.

Клавдия: Папа беши бригадир. Дажи вырасчиваши арбузы. Яблаки. Там такой сад был. Папа не отпускали, хатили что папа остана. Он все это сделал. Помня вишня – пряму красата. Вот такас, с ветки... [Показва, че не била висока, около метър и нещѣ]. [Ама преди това те нямаша такива неща?] Нямашѣ ни вишни, не абѣлки, не нищѣ. Въобще нищѣ ни вѣйрашчиваа.

[Ами писма пишѣха ли си?] **Клавдия:** Да, пишаха. Переписвах. И маминти родственики, и папинти. Дажи няаши да дойм тука, ну папана брат папал в тюрмата. Той устана там, в Кирютня. То имаши многу. У мама 7 човека была. Папини систри. Часть выслали, часть остана. У кого была земля, кто работал. Да, уйчу беши, только не в нащу сѣлу. Знаями сѣ, но очень рядку [се виждаха], ни разрешавах. Первое время. А потом, сѣ мина времи и ...

[А там направихте ли си кѣща?] **Клавдия:** Там?! Заработахми и купяхми кѣща. И калхоза пумогна. Там ни строят, только деревянные дома. И ний купяхми. Гуляма кѣща беши, по полам. Там живяха местни, пѣк ний тѣс пульвина. Ну, заплати папа и все. Десят гудини. 1949 г. утидахми и конец 59-та дудохми. Ас ходях в школа, кончах сѣмь класа. Тука дудохми в Болград, в Кирютня ни нѣ пуснаха. Не разришили эхатѣ в Кирютню.

Ну, тоже, знайти как имаши. Хора наверну бяха нидавольни, чи дудоха, и рабутат, и зарабатават [в Алтай]. **Анатолий:** Най-напред, гату додаа, ги населиа пу квартирити, пѣк сетня им дадаа ина двухитажна кѣща. У средсѣлу, двухитажна дѣрвяна кѣща. Сетня лѣля, кай, чи празник ли... **Клавдия:** Не, не празник. Наци радитили утидаха на сѣбрание. В кантората. А останаха дома саму жинити, бабушкити и дицата. И пудпаляха тѣс кѣща. Тоже бяха нидавольни, че те тес рабутят и зарабатват, и панимайте кѣк?! И койту пудпалял тѣс кѣща. Ина симя бабушка и дедушка – те изгуряха. На Толика дяду му, той не утиди на сѣбрание, ами пумагаши, изваждаши хорта. И вот на втория етаж скачаха пряму на зимята. Тѣй ни намеряха – кой напрай, що напрай. **Анатолий:** Дяду Бучков, той беши млад, и вадѣши ги, ут кѣщата ги изнасяши. Ина жина, тя беши сѣс дитету дигната. Бяа без мѣж. Те жувеа на втория етаж. И по-мѣнинка имаши ина кѣщичка там. И дяду, Бох да гу прустѣ, тоже ги изнесѣ. Те ситня сѣ върнаа ут там, заминаа на другу мясту да жувеят. Тѣс жина приз дваиси ли, трийси ли гудини ги намери. Тя духадя дѣщѣря и, тѣс жина умря. Тя у Краснадарский край памоему жувеи. Тя духадя на гости нееднакратно. **Клавдия:** Помня, чи мама по-скору ма изнесѣ. И там картошка растѣши. И сичкити хора в тес картошки.

[Какво друго имаше там, какво отглеждаха?] *Имаши и цвикла, и падсолнух, и кукурузка.*

[Вие не можехте по руски да приказвате, тъй ли?] **Клавдия:** *Нет. Ний же ну български дома приказвахми. В селу, в Кирютня. Мама и аз и кака – ни моихми да приказвами ну руски, гату утидахми в Сибир. Мама румънски знайши и систра ми ходиши на школа. Пък аз ощи малка бях. И кумийти там бяха: „Дайти ми ваца дочка. На воспитание, да ма земат на воспитание“. Папа казва, аз ша умра тука, ну дочката си никагда няма да га дам. Да ма земат в тях, да ма учат да приказвам. Да устана в тях, мен да възпитват. Аз съм българка, пък те руски. Папа вика – „Не, не“. Аз просту приказвах ну руски. Гату утидах в школа, аз ми беши трудну да съ уча. Ну, беши хубаа учитялка. Стара уже. Тя съ занимаваши с меня. С меня, там, с Митя. Ний быстру учахми. Знайти, дица... Нямъши различие, чи българи ли.*

(Разказва за момиче от фотография в албума, в който снимките са подредени старателно по години и са надписани): *Тя не е кортянка. Тя ут другу селу. Тя мулдуванка. Папа я зе куту приюмная. И сетне папа я ужени. Анатолий:* *Тя аку в Сибиря беши сама, щеш да пугибни. [Ами как тя попадна там сама?] Клавдия:* *Вот тъй, зашли – няма нукуй. Зели я и всьо. София. Тя по-гуляма. У нас жувя. Тя съ ужени там за мулдуванян. Те са врънаха, в моладваско селу. Две момчета имаши.*

Клавдия: *Ний имахми и крава там. И там Бечка беши – рика. Мама дърджеши и патки, и утки. Сичкуту беши. Прасета държахми. И даже памидор вирасчивахми. Ну, те ни успиваваха да узреят. Мама тъй ги събираши и във валянкити ги тургаши. И пипер. У нас тъй беши заведяну – вот сима Бучкови, Гургурови и ощи ини Гургурови. Папа зарезал свиню. Собираемся. Пашли все. Нарезали, накрутили. Пилмени наделали. Пилмени – мишками пилмени. На другата ниделя. Каквото време съ мяна. И те колят прасету. Те гуляма сима бяха. Режат те прасету, ай сичкити съ збирами. Анатолий:* *Сбирали съ, гату зимата. По-млаку рабута. Дяду тъй разказваши. Чи, дапустим, гледат бугата – бичок. Гледът гу три-четири сими – да бъй гулям. Идин. Дапустим гу гледат ини, пък унес пумагат. И сетня, гату гу колят. Сичкуту утьоо на пильмени. И тес четири симби ги дилът на сичкити. И кай, чи в чували. Закачат ги на таваня – то студену. И те куту орюй стувът, замръзнали. И гату, казва, вичеро, так, пильмени ша варим. Съ качат – рас! Сразу ги варят, пак закачат на таваня. Клавдия:* *Даже не на таваня, навес какойто был. Припърджану мама всигда прайши – ужаряну мисо, заляту с мас. Готвяхми манджи. Чарвен пипер имаши. Ас хубуу помня. Мама вирасчиваши пиперь. И бързаши, гу снимаши кату удари мраз, да ни гу убий. Режи там, както прайши.*

[А с какво се отоплявахте там?] **Клавдия:** *Дърва. Там же леса. Печка гуляма, ас на печката. Сетня имахми палати. Горя на печката, куту лижанка. Над печката, напраяну куту лижанка. Мы спали там с Маша. Гости прийдут, мы там, наше места там. Съ збираха очен часту. Ми те варяха пива. Ут сахарный буряк. Анатолий:* *Вину беши. Дажу на нескъшния ден, в Падгорнае, тъс разказва, чи за прадеда Делибалтов, чи той гу прял ут малина. Малиняну вину. Падгорнинцити, койту жувя там, разказват. Именно той гу прял. Даже тати, Бог да гу прости, казваши, чи пряя вину, именно дед Делибалтов, первия, гат той душъл, напраял ут малина вину. И казва, дажи гланну врами беши. Тати казваши. Някуй път ши приказвами [след депортацията, вече в Бесарабия]. Той се ма караши да рабутия у харманя. И аз се – бах туй грозди, да ни гу гледам, и так дале. А той казваши – „Запомни! Гату хорта мряа ут глад [по време на глада в Бесарабия], благодаря на вину“. Дяду зимаши ина бъчувка, пятлитрови, вину и кара на Паската, на мельница. И*

минява винту на брашно. Кай, хорта мрът ут глад, пък баба меси паска. Благодаря на винту, да знайши, казва. И той первия душъл тука [в Тарутино] и сразу гу насадил гроздиту. И той гу насадил очин интиресну. Ду ся, дету аз жувея. Гроздиту 60-та гудина. Сразу гу насадил. Ма насадил шалковица. И берест пусади. Гат съ зе коряна, той гу обрязал и гу привил гроздиту. И ся гроздиту, считавайти колко, шийсе гудини туй грозди, и аз идин път гу угробях даже – му убръках химикат, и то изгуря, и думам, все, ши исъхни. Съ мина три гудини – то практически сидимдесе працента съ въстанави. Дету ни съ въстанави, умря прививката, утстърни бий или берест, или шалковица. Ну, дяду беши сирьозен градинарян. Оци имаши книжка. И написану „Виноградарство“. С твърдия знак отзад. Оци от тъйсячи всяямсот какова года тъс книга. И аз ко запомнях, тя напичатана, пък корянти, сичкуту – рисувану. Аз счас хазяинувам у тос двор, дету жувейши моя прадед. Туй грозди, вот – шийсе гудини.

Бахов Василий Никодимович, р. 1941 г.

[Ами там като стигнахте...?] **Василий:** Запрыхми съ в ина гура... [Разстройва се, плаче]. **Съпругата му:** Дали им ина къща, чи не четири киши, ми пет. Чи пулвинта занимавали те, пък пулвинта кой беши. Иламови. Кък в школта худили. Ини колаши. Утива бати в школта, тос сиди. Чака онзи да ги върни, чи тугас той. Обшем. Тя маа ни мойши дажи да приказва. Куту начени да такоо и начени да риве. Каам – „Маа, ну сетня беши хубуу синкуту?!“ „Ей, булка, ко имаши хубуу!? Се чакахми“. Сетня, гату умрял Сталин, а чи идин там выступавал: „Слава Богу що умер Сталин, мы наедим домой...“. И ни разрешаваха да съ върнат у Кортян...

Василий: В Кортян первия клас гу наченах, пък бати беши кончал четири. И утидахми там. Там школа няма, школата на седям километра. Ходим пиша. 50-та гудина дуде ина учитялка. Зинаида Ивановна, руска жина, ну душа человек. И нас на збраха начит синкити. В нацу селу. Дету казва, чи с ини галоши ходяхми.

[А какво наченаха да работят там ващи хора?] **Василий:** Папашата сразу утиди..., тети, конюх рабути. На конети. Имаши, ну те кунети слаби. Видну ги дукарали ут дету. И те, куту легни, и ни мой да стани. Няма с ко да ги хранят – слама. Ги привързваха, коту да ни ляга. Там са рудиха Иван – 52-рата и Калинка – 55-тата. Пък ина лодка на синкуту селу. Да съ отправяваш на другия берег. Сетня бяа дукарали с матор. Тети рабутиши конюх, пък мама беши дома. И гату са начени урожай, во время... Там основном беши ръж. И тя мама на веяката там. На тока рабутяа синкити хора. И ний, пацани, тоже там рабутихми, пумагахми. Первата гудина нямаши житу, ичумик такос – нямаши сяту. Мука нямаши. Начит – картох. Хорта ходяха, тети, мама и други, да вадят в Вархануйск. Ходя да вадят картоф на хорта. И зарабатваа. Носят дома. И сетня тес чульчата, дету казах аз. Тях ги миняваха на картоф. Чи тъс гудина прикарахми сал на картоф. Картошка жареная, картошка вареная. Синкити тъй съ питаяа. Считай цяла зима – картоф. Сетня дукараа трактурата. Гату утидахми там нямаши хора. Нека колку?! Тоже дукарани ут дету щещ. Ай тес картофи на спасиха. Сетня другата гудина сяха с тес трактурата. Засяха, видну ръж. Дади уражай. Ни знам житу имаши ли, нямаши ли – ни ща да лъжа. Чи коту, мама, в галошити пупадналу. Кату улюят в джоба... Те судяа: за ина сумка – ина гудина. Дунисе мама и аз във туй, в чутурта. Чутурта напраяна ут трактурата гильзата. Утдолу забиту дръво. И ръжта чуками, и га мият, и варим куту балгур.

Пудяр туй. Малку колку пулучали видну и млели на хромял. Аз ни знам ут де съ пнявиха тее такоо. Идин круг и на круга сипваи. И тѣй гу такоо, сетня гу сяха. И туй брашно, дету съ отся и бяа пекли пазламички. И праяха зитеруха – брашно с уда, кату чурба вроди. Ну, имаши ягади, ягада имаши там. Имаши малина. Имаши халис в селу абълъки. Абълъкити куту вишни. Имаши по-гулеми абълъки. Диви, ама сад устроаян. Чили сетня затаковаа, заведаа. 55-та гудина ужје.

Там считай ужје имахми и крава, имахме вџе, и свини. Дома дърдџахми. Ката идин имаши. Утидахми там. Работливи бяха българти. Клапы страишу. Кѣцята от дърво. Нащи начи ко да праят. Тес такоо, клапы, никак ни моят да съ избавят. Чи пишат на чичу в Кортян. Те им пружаждат ут там такоо – дуск, ну разнуу, кату да съ унищожѣт тес такоо. Гу размишаваа в извест. Припарат. Парашок. Той запришон. Билисваа тес такоо. Мазаа.

Науцаа бѣлтарти рускити да мажат. Те ни знаят. Плетени значит ут варба. Върба, плетяну тѣй – забор. Ний бяхми напраили перегародка. Яламови им дадаа другу мясту, пѣк на нас устаяа туй. Щоту ний снѣ четири чѣляка. И перигародка напраяхми. Ут тѣс страна и от унѣс страна га замазаа. И га билисаа. Те ни знаяха да мажат. Голу. Слама в туй, в кѣщи слама. Кривати нѣмаши. Напряну куту приспички ай тѣй. Утгоря не дѣски, ми прѣти ут върбата. Утдолу слама, пѣк утгоря чульчата там, кату имаши. Пеци праяа, лѣп пѣчаха. Сетня имаши и лѣп, имаши и синкуту, свини дърџахми. Овѣци имахми и крава. Ужје бяа гутови да жувеят там. [Защо не щѣха да останат там?] Бѣлгари... Ду своят си родина. Крѣвта на уда ни става. Той папашата, Бог да гу прости. Тети, Бог да гу прости, той казваши. А пѣк бяхми готови. И кѣща имахми купяна. Купяхми кѣща там. За три хиляди помня ги прудадахми. С три хиляди дудохми насам.

Баба Георгѣвѣца от Танурковите беши, как да ви кажа..., и лечиши – врач, и баеши, синкуту обшим. И приимаши родуй. Тя беши, кѣк да ви кажа... Хатя беши... Табанувити беши стария. Той в Кортян бил дяк. Пѣк там на Алтая беши куту поп. Табанов дяк Василий. Те ходяа там мама, жинити. Кату в черкува. Черкува имаши, ми тя беши вѣв Верхануйск, на седѣм километра. [Ми празниците празнуваха ли там?] Празницити празнуваа. И Паска стрѣчавахми, и Проводы. И актѣбѣрскити встрѣчавахми, и рускити. Ну, канешну не е първата гудина, не е втората. Гату же зажувааи милина праяха, кату имаши вѣе. И чурба... [Ами имаше ли хора, дето там останаха?] Устанаха, на Тануркови тѣхната лѣя. Катя, съ ужѣени за руски паѣан. И там устана.

Бучкова Анна Федоровна, р. 1941 г.

Анна: *А ний си докарахме от там дървесина. Дядо ми беше майстор, докара си дѣски. Той знаеше, че ѣе започваме на ново място, всичко от начало. Девет години изкарахме там. Там започнах да ходя на училище. В село Буланиха бяхме на 40 км от гр. Бийск. Там имаше хубава река, Вѣя, с бистра вода. [Какво заварихте там?] Стовариха на в Буланиха, обитаемо село беше, имаше хора, живееха в дървени кѣщи. Заселихме се и ние в едно дървено здаие на два етажа. На първият етаж имаше магазин продуктоый (хранителен), а ние живяхме на втория етаж. Разделихме се по комнати, всяко семейство отделно. Мама, тати, аз и брат ми бяхме в една комната. Имаше една жена от едно друго село, Димитровка или Дил... (не можа да си спомни), само с дѣщеричката си, сетне мѣжа и дойде и ги взе. [Бѣлгари ли бяха?] Сразу на определиха в колхоза. Тати и мама почнаха да работят. [В тази кѣща колко време живяхте?] Не дѣлго. Докато възрастни бяха на*

събрание, къщата се запали, някой беше запалил от страна на магазина. Може би някой имаше интерес в това, продавците имаха дългове или някой... Добре, че хората от колхозната контора са забелязали, че гори. Притичаха и почнаха да на вадят нас. Бяхме основно деца и спяхме вече. Ако не бяха успели да дойдат навреме, щеше да е трагедия, щяхме да изгорим.

[В това село много ли кортенци имаше.] Имаше, имаше. Но едните дойдохме порано, другите по-късно. И нашия дядо дойде, и дядо Минчо, и дядо Сандю. Пък чичо Иван, леля Катя и баба Стана попаднаха в друг район Быстро-изтоцкий. [Ами вие знаехте къде са те?] По-късно разбрахме. В началото не знаяхме. Почнахме да се търсим, да пишем писма, изпращахме ги в Кортен, да научим адресите на другите. После писахме и на тях, нали дълго живяхме там, цели 9 години. После ходихме и на гости, но първите години почти не можяхме да мърдаме от там, само срещу подпис. Дядо, тате като ходиха все се подписваха. [Вий знаехте ли руски тогава?] Не, не знаех. Саде баба и дядо Минчо мояха да приказват. Ний там стигнахме някъде през август. Като пътувахме с поезда през Барнаул, Бийск последната станция беше. Разтовариха на една платформа. Там на чакаха, така мислим ние, председатели на колхозите и всеки си избираше хора. С машини на закараха в с. Буланиха. Беше се събрало цялото село да ни гледа, какви сме, как сме облечени... [А вий сте облечени по вашему!] Да, да, по български! [А как ви порещнаха?] Добре. Местните хора бяха любезни с нас. Властите определиха възрастните на работа в колхоза. Баща ми почна да работи в МТС (Машиинно-тракторная станция). Той почна да се учи за тракторист. Нас на заселиха в една землянка. Докато беше топло, беше добре, но когато започнаха студовете, имаше проблеми. [Студено беше?] Много студено! Тогава няха други обуца и ходих с галоши. И сега много ме болят краката, и през лятото ходя с върнени чорапи. Трябваше да минат две години, докато баща ни спечели пари и ни купи валенки. Ходихме да работим по хората, местните сееха картофи, ний ходихме да помагаме да ги вадим. Местните имаха хозяйства, някои и крави, гадини. Но живееха всички в дървени къщи. [А какви бяха по народност?] Руснаци. Но имаше и други – изратени там за наказание, затворници... Сетне и ние си гледахме картофи, ходихме да ги продаваме. [Картофите къде ги отглеждахте?] Имахме участъци (парцели), даваха ни за градини. Даваха и от колхоза жито и зеленчуци ни даваха, имаше бригада зеленчукопроизводители. Колхоза на приветстваше, защото бяхме работни, те имаха изгода от нас и ние имахме каквото ни трябваше. [Бяха доволни от вас?] Да, и те доволни, и ний сме доволни.

[И 9 години изкарахте там... Там са научихте по руски]. Да. Аз бързо са научих, с децата... А и класната ми ръководителка беше и тя Анна като мене, Анна Алексеевна. И тя ме учеше да говоря бързо. [Пък дома си приказвахте по български?] Да, по български. Бяхме свикнали с брат ми, ходихме на школата. Къщата, която изгоря, после я ремонтираха и ние я купихме и живяхме там.

Научихме местните да измазват стените по български. Дофада при нас да гледат, защото техните къщи бяха сал тъй с голи бревна. [А вий как мазахте?] По български! С фашкии, слама... [Конски фашкии?] Да, конски. Тети правяше плява, той стана тракторист. Разбърквахме с глина, пръст и... И местните идваха да гледат как мажем. [Те не знаяха тъй да мажат?] Не, те не бяха виждали. Ний ги учахме. И на разни български манджи – ихиния, курбан. По-късно имахме и овце. Първите две-три години беше много

тежко, даже посуда няхаме. Пък сетне дофада готвачките от столовата да са учат от нас да готвят, много има харесваха българските манджи. [Милина правихте ли?] Конечно! Първите години се събираха българите, изпратени там... [Колко бяха те?] Не много. Събирахме се по големи празници, на Пасха... Дядо ми правеше пиво от буряк (цвекло). [А как му думайте по кортенски на буряка?] Чукундур! [Чукундур! От Чукундур варяхте пиво?] Дядо и тети нали са мъже, искаха да пийнат нещичко. И брашка правиха. [А какво е това брашка?] Дето кипи, от чукундуря, слагаха малко дрожди и ставаше брашка, като преври. Ако передържиш, може да стане самогон. [А местните правиха ли такава?] Някои правиха, но основно купуваха от селмага водка. За празниците, 7 ноември, докарваха водка.

[Вино правиха ли вашите хора?] Не, нямаше от какво. [Толчо казва, че неговите правили вино от малина] Това уже после, нашият кум Караджов стана бригадир на полеводческата бригада и там имаше много малина, ранетки. [Там ставаше малина?] Много хубава. Земята там е плодородна. Картофите става много едри. Който не го мързи, може да има всичко през глава... [Българите правиха ли си там градини?] Правиха, правиха, и друго сеяха. Дядо ми даже идва си тук и взе шелковица (черница). [Кой дядо се връщал тук, в Бесарабия?] Дядо Минчо, той имаше сестра в Киев, монахиня, тя заемаше голям пост. Когато уже се върнахме назад, тя ни показа Киевско-Печерската лавра. [Тя е от Кортен и се е замонашила...] Да, още на 18 години дядо Минчо я дал в манастир, по нейно желание. И тати доходя при сестра си на гости, тя помогна да се издейства разрешение, щото иначе не пускаха. И стоя при нея една неделя.

[А дядо Санди какво работи?] Дядо Санди работеше на фермата. Там имаше много ферми наоколо, държаха крави, свини. [А вие дома имахте ли крава?] Да, имахме крава. [А овце?] Фце май няхаме. Нямаха къде да ги държат, зимата е много студено. За кравата тети направи дам с дебели стени, да държи топло. Като се отели кравата, прибираме теленцето при нас вкъщи на топло. [Колко студ ставаше 40 градуса, 50?] Не, чак такива нямаше, но минус 30-35 ставаше. [Вие с вълнините рокли ли ходихте?] Първите 2-3 години, после се приобичихме към местните. Имаше шивачки там, почнахме да си поръчваме дрехи. [Валенки си купихте...] Валенки, туфли...

Даже на дядя Родион Танурков сестра му се омъжи за руснак. Руските мъже, младежи почнаха да харесват и да обичат нашите момичета, българките... Аз бях станала там на 16 години... [Мома!] Да! И баща ми каза, че трябва да тръгвахме, че ставам за женене. **Иван М. Димитриев:** Нашиите традиции са да се женем за свои, за българи. А там ситуацията е такава, че...

[От местните нещо научихте ли?] Не... **И. Димитриев:** Пелмени. **Анна:** О, пелмени, да! И щци (вид борш с кисело зеле). [Прасета гледахте ли?] Да! Дядо ми беше майстор на пастарма. [Ама те не бяха виждали?] Не, не знаеха. **И. Димитриев:** Тези, които ги въселяха оттук заради богатство, и там станаха богати!

Танурков Пантелей Радионович, р. 1954 г.

Бедния присидател [на колхоза] чут ли ни плакаши. Те синкити са дигнаха. Той казва на кого ма оставяте, тия руските ни рабутят. То там цилина. Той на трактар, куту сенни и ина баразда прая, коту наверну ду Чадъра [гр. Чадър Лунга]. Ина баразда натъй,

ина насам. И всьо, иди уже сменщика, гу минява. И той си утьоо дома. Ну, рабутяха... А зимъска те загатаваха лес. Парвата зима казва нуцувахми в зимлянки. А патом уже, на другата гудина. Млади хлопци там, и старики, дигнати многу. Правиха срубдом, от дърво. От дърво. Напряха сруб и отвътре го замазаха. Мазат гу с глина, чамур наляха... Пола тоже глинен, синкуту наляну. Дуде присидатиля, куту дуде казва: Вый знайте, а я тоже хочу такой дом! Те казват – Нет проблем. Лес эсть, что надо?! И на следващия..., в събота, в ниделя, там кък съ збират... Знаят, чи присидателя ша строи дом. Збраха съ наци българи и му построяха такъв дом.

Те зимъска носяха лес, а лятну времи робутяха в поле. Ураха, убиха – кукурузи там многа... Мраз, там мароз гулям. Сумашедий. Папата кък казваши. Еда на тос гусиничний трактор, железни кулелета. Мароз. И той, казва, зимам ина баначка, тургам утзатъ бака, дету трупката върри. Пудпалям куту фитиль да гури. И каза карах, карах на хаду... Изкачам, гледам гури или не – знайши. И куту пухна тъс салярка и аз ни моя ницу да наля. Кароче опнул блок. Бах... Щеш папата да гу пусадът. Тоже НКВД, ти ко?! Техника пу папина вина... И той, каза, хубуу, чи стана директора и каза: Вый помните какой мароз был, ну заглох трактор... Он же поставил баначку... 53 ли, колку беши мароз...

[Събираха ли се кортенците там?] Пастаянну...

След депортацията: завръщане и ново установяване в Бесарабия. Реабилитация.

Караджова Клавдия Степановна, р. 1944 г. и Бучков Анатолий Дмитриевич, р. 1972 г.

Клавдия: Къщата, живяха педагоги. Учитиля. [Никой ли от вашите не си върнаха къщите, в селото?] Нет, многие съ върнаха. Не в къщата, а платиха им за къщата. Папа тоже можеши да получи, но той каза, аз ни ща от вас ницу и все. Мама искаши да съ върни в Сибир, папа ни щеш. Съ мина някуй времи, папа ездил. Через пят, шест, утиди на гости там. Той утиди да види како става там, кък жувеят там. И на приглашаваха. И на срещиха. И говорят: „Вый уехали и сад уже скоро не будет“. Уже няма кой да гу гледа. И хората казваха, що Стипан уехал... Даже папа казваши, чи квити пари, присидателя дал на папа квити пари. **Анатолий:** Те ут там дукарваа. Тес Тануркови дукараа матацикла си купили. Ут там пряму карали уже. Си изпруваждали. Те дудеха не, чи бедни. Те бая там в пачьот. Те ни щя да ги пускат. Баба се тъй казваши. Те, казва, рускити хора, кък. Те рабутят, ма пият. И куту пият – два, три нидели моят да ни идат на рабута. Наци такова няма. Те изпият мънинку, си пустувят. Пуприказват и сабелян тря да стават на рабута. Никуй път няма да ни излези на рабута. И ги беши истрах ощи. Кък няа да излей на рабута, дигнат, у тюрмата да ни ги турят.

[Помните ли самото завръщане как стана?] **Клавдия:** Помня, кък ни помня. Ну, на вагон. Билет купяхми. Папа куту имаши гу высла ли как, гу изпрати насам. **Анатолий:** Той по моему прадед Делибалтов тръгна по-рану. А дяду със дицата устанаха там. Те утишле у Болград. Там беши станцията. Ут там искаа да тръгнат ду Кортян. А пък те ни пускаа. Сорук километра, по-близу ни мойши, скажм, да жувейи там. Гат си дигнат. Ну, там сорук, трийси и пет. Ут Кортян, по-близу ти мойши да съ върниши да жувейи. Те ни пускаа

да съ върниш на коряна, да няма пак – чи наченаа да искат свойту назад... И те, съ пулучава на прадед, те съ запряа у туй – Зализничное, Булгарийката. А пък прадед, съ пулучаа на мойта баба баща й. Моя дяду съ пулучи приведят зет. Те са куджа у симята. Бедну жувели, а пък на баба баща й беши бугат чуляк. И тя ина беши у симята, и те гу зели кату приведян зет да пумага. И тес братища на моя дяду, Бучковити именно. Те устанаа да живеят в Балгарийката. А пък прадыду, дет Делибалтов. Той душъл там. Пугледнал. Ко си пуходял. Каза тука проста удата и дълбоку. И няма ни идин немяц, ни идин чифутян – няма ко да праим тука. И той каза, чи да утьооми у Чукрака. И той, гату съ приместял. А тее сичкити бяа оци в Сибиря. Той первия тръгна да разведа – де да сядат. Де да са запрът, де да жувеят.

Калинка: Идин немяц жува с нас в Сибиря. Той беши ут Урала. И кату папа съ дигна, той каза, аз ша ида с тебя. И те дудоха и в Болграда жувахми все в месте. И сетня дудохми тука. И пудрят настрояхми си.

Анатолий: Той тъй, хазяан чуляк. Скъп чуляк. Ни ина капейка няа да барни ни на ляву, ни на праву. Той дяду, да барни ина чешчица, ай тъй вину, с баба сядат си изпият. Всьо, пойча не. Унуй сичкуту на прадажу. Се прудава, прудава и се рублители ги збира. Има такива скъпи хора. Те видяа глад. Гат са върнаа тука, те ни си пузвудяваха да шикуват. Бог да гу прости дая Стъопа, той беши по-прагрисивен, ши кажим тъй. А наци не. Дяду Бучков имаши рубли да купи пулвина Чукрак. Тати и мама строяха. На негу дажи няаши да пучуства – той ут идин джоб мойши да гу купи.

[Анатолий разглежда снимка и коментира] Моя дяду Бучков и неговия другарян Караджов. Два другаряна. Саревновались у кого больше денег было. Зажитъчни очень, хазяи. И в Сибиря, и тука. Дед Бучков беши зав пищикомбинатом. Гату съ върна тука. Съ учиши в техникум. Там маслабойка, минцех, кандитерский, консервны – сичкуту у негу беши. Той беши очин бугат чуляк. Ну в советскуту времи нали нильзя. Той на унуй времи имаши 40 000 садял аблигации. Рускити рубли. Мой всигда да идиши и да га сдадеш в банка. Те играха, то куту латаряя. Дапустим идин път у месеца в газета „Труд“ са публикуваши таблица. Моя дяду выиграши два пътя сичката жизнятя золотой заем. 10 000 – машина биз очередь. Тати кък гу молиши, тати: „Зими машина, аз ци дам рубли“. Нет – се гу беши истрах да ни гу дигнат у Сибиря пак. Сичката жизня... Според туй не си позволи да си купи машина, не ницу... Гату имаши сичкуту и за идин ден да та дигнат у Сибиря...!

Бахов Василий Никодимович, р. 1941 г.

Василий: Ний, гату на дукараа, синкити утидахми в Кортян. Ний устанахми в чичуй. А пък тети и Табанов дая Димян и дая Радион Танурков, тримата. Утидаа начит да дирят мясту. Утишле в Бесарабка – ни ги приели. Утишле в Серпньовае. Те казала – ну, цо, два метра аташли от это самое... Ни ги приели. Те утишле пу железния път в Арциз. Там худили. Цяла ниделя ги нямаши. Вроди в Красное им съ пунравиу. Сетня срецнали дая Федя Бучков в Березино. Тъй и тъй – пузнали са. Съ разприказвали. Ми, вий де живейти. Ай, ша идим в нас, ша видити. Чукрака... Пидисе и седмата гудина халис на пуснаа. И те хорта наченаа си духадят. И тес по-рану. Ни съ пулучи 57-та потомущо ний оци съ учахми. Пък батя гу бяа зели в армията ужсе. И дудохми в чичови в Кортян. И те принуцували у дая Федя. Утишле в бригадата. Калхоз тугас беши оци. 58-та гудина. То ималу кортянци оци тука. Бучкови, Гургуров, Караджови. Съгласили съ. За живейти нямат къци никви. Придсидателя казал – нейди ши ва устроим. Де искати да рабутити.

Ну, де – калхозници. Тети казва. Тети беши ескалаторчик. Тануркови и Табанов утидаа тракторуисти. Съ изучаа и рабутиа на трактарата. Там на Алтай ги сляха калхозити – слияние колхозов. Ги сляха 55-та гудина.

Сугласиха наци тука [в Тарутино] да жувеят. Ни дадаа ина къща начит. Трактарна бригада беши горя. Тес трити сими – Табанови, Тануркови и ний. Пък иди уже зимата. И прудаваха идин дом за двайси и шес хиляди. Сетня чичу ут Кортян дуде насам и тети му казва: „Аз сат три хиляди имам...“. И идина тряаши са строи, идина да устани там. Табануй те имаа пойча пари, аз ни ща да лъжа. Те щоту по-зажитачни. Той рабутиши на трактурата. Те имаха пари. Старшия брат в армията, другити малки оци. Тети самичък няма путяни туй делу. Чичу му казал тъй: „Ша миним пу наци родачи“. Уйчуй... Кот имами, да. Сбрали ... [Разстройва се, плаче]. Кату гу спуминавам туй синкуту, на учити ми. Ут Кортян душе, дунели. Десят хиляди сбрали, чи за трянайси хиляди купяхми ей там долу. Сетня баца ми рабутиши на фермата, на свиниматкити. Аз рабутях прицепчик, на трактурата. Нея къщичка купяхми, пиризимувахми в нея. Сетня ко да праим. Тряа са строим дальше. Бати гу няма оци. Бати си дуде ут армията. Купяхми саман, кирпич. Циганти праяа тугас оци. Синкити машини в ниделя ги дадаха. И мама прайши квас. То не е квас, то пива халис. Ут хмель. Халис брашка. Помня идин битон с брашка, съ збраа синкити... Совхоза дади страительная бригада.

Бучкова Анна Федоровна, р. 1941 г.

[Вий коя година се върнахте оттам?] **Анна:** 1958 г. [Мъчно ли ви беше за Бесарабия?] На мене не, защото бях малка, когато заминахме, на 7 години. После бях свикнала там, имах приятелки. Моите однокласници дофада при мама, заедно готвахме, те да се научат.

На дядя Родион сестра му, се омъжи и остана там. Живееше добре. Той после ходи да я види. Но в самолета така са му отекли краката, че го сваляха на ръце. [Всичките ли се върнахте, дето бяхте там?] Да. Мама много я боляха зъбите, от промяната на климата... И Родината тегли... Всъо! Това много значи! Майка ми и баба ми често плачаха за тук. А аз бях съгласна и там да остана. Когато тръгвахме и местните на изпрацаха, плакахме и ние, и те... Бяха свикнали с нас и ние с тях. Те много неща научиха от нас. Трогателно беше. [С какво пътувахте обратно?] Пак с поезда. От Бийск до Барнаул и в Новосибирск... [Имахте ли много багаж?] Да, но ние всичко бяхме натоварили в всичко в контейнери. Дядо беше взел чак 3 контейнера за багажа ни. И мотоцикъл докарахме оттам! Марка ИЖ, на баца ми беше. И шевни машини, всичко каквото успяхме там да си купим. [А хубаво ли плащаха там?] Да, колхоза добре печелеше. [А кой живееше по-добре – вие там или хората тука?] Не знам... Ние като се върнахме си имахме всичко оттам. Работихме много и бяхме си накупували и дрехи, и обувки. Там имаше по-голям избор. Три големи контейнера докарахме. Там трябваше да ги караме в Бийск, дето има контейнерна станция, добре, че и тука имаше такава наблизо, в Березино. **Иван Михайлович:** То на pewno във всички по-големи станции можеше. Моите тоже едно време бяха евакуирани, трудармия или какво беше... Сетне подире те се върнаха. Аз помня, че моят дядо Васил и дядо Коста, и двамата дядовци три дена ходиха да ги посряцкат с управленските коне, с бричката. Но какво точно докараха не помня, но подир туй наченахме да строим за тях дом от чамур. Нямаше ни самара, нищо, от чамур на три пъти и дигнахме стените. Аз бях дете тогава, в 5-6 клас, кво ли помагах, но се навъртах там.

Танурков Пантелей Радионович, р. 1954 г.

Те гату са махнаха, и присидателя плакаши: Оставяйте, я каждаму по машине дам. Папата казва, те руските пият и пойча нищу... 58-та, гату са махкаха. Папата, той имаши три матацикла. Той очин любител да ездихи на матациклъ. Той има фатаграфи. И гату дудохми уже в 58-та гудина тука в Тарутина, и в селу ни на пуснаха. Такас беши тенденция, чи койту си иди оттам в Малдавията дажи ни разришаваха. И наци синкити дудоха – де най-близку? Тарутински район. Многие – Бучкови, Пейкови, Таласимови, е-хехее, синкити. Те тука се. А патом баба Дона пулучи в Кишиньов пари за нашия дор. Вот, дету дигнаха... Архиви дигнаха. Тугъс уплатиха, аз ни помна, 5 или 6 хиляди пари. Платиха, те ги викаха, многие хора, койту беши дигнат. Аценяха дамата. И тя ги раздели на дицата, коту на мама дади...

[А тука дадаха ли им дом и двор?] *Нет... Ний тука дудохми, ний сразу купяхми идин дор на два хазяина. Имаха пари. Папа той дуде с три матацикла. Хубуу плащаха. И ний живяхми по ул. Ленина. Пужувяхми две гудини. Ну, баба, папина мама, тя, каза, Юрдане, ти де ма дукара, що за цигани тука. Аз искам да имам идин дор атдельну. И мий на Садовата. В гудинта три пътя клахми прасе. Туй на Паската, пирид Новом Годом и оци идин път. Туй у ас стабільну беши.*

Папата с малкия моя братухата, той в Уренгой рабути и... ходяха на родинта в Алтайский край. И старшия брат и папата утидаха при негу. И той имаши машини. И той гу завел на родинта. Дядьката гу намеряха. Папата казва, мале, то ни мойм – то трива, то зарасналу. Там идин дом стуви, там идин дом стуви. То няма нищу. Той папата искаши да пупанни. Намеряха тос дая Коля, той жув беши.

Зимъска, ний имахми пеш. Баба пичеши ляп, идин път в нидельта пряхми ляп. Събута то у нас санитарный день – то ту закон. Изметяну, у кукошкити, у пиятта. Вънка изметяну, дарошкити на пътя. Съседити уже съ научаха пуд нас. У нас, българти, тъй – събута закон. Вину имахми ут нови ду нову. Аз например от своя баца ни помня, той въобще ни съ ругайши. Той малку съ заикаваши. А за то тъй хубуу песни пей. Имаши ина Брадяга. Тя ут там, ут Сибиря. Ранши помня Бабинден гату, бабити съ збират. Тъс гудина у ина хазяйка, друга гудина у друга хазяйка. И носят, тя, коту там напрай свою. Койту иди се носи – за едани, за пияни... Очин дружну жуваха. Пейкови, Тануркови, Бахови, Гургурови, Миткови, Караджови, се българти. Пумагаха си. Баба ката ина ниделя милина. Пилишка манджа. Ихния. Тя прай ляп и праеши оци месянца. В тавичка. Дету ляба, в пища. Сат, гату пос – тя очин държеши.

* * *

От изложеното дотук ясно проличава обособяването на малка и интересна група от кортени и техните наследници сред останалото българско население на град Тарутино и прилежащата му околност, което съставлява около 1/3 от всички жители на района¹⁷. Формирана вследствие на принудителната миграция на много семейства от с. Кортен в Алтайския край, тази субгрупа и до днес се отличава от останалите свои сънародници не само по произхода си (мястото, откъдето идва в Тарутино), но и по някои етнокултурни особености като говора, семейно-родствените и други изяви на групова идентичност (макар тези специфики да са забележими преди всичко за детайлния, строго вътрешен, поглед към

¹⁷ За българското присъствие в Тарутино и околността му виж напр. Кубякин 2014.

културата, както и за професионалния такъв). Това още веднъж иде да покаже сложната социално-демографска и културно-историческа картина на българските общности и групи в Бесарабия, чиито параметри следва да бъдат издирвани, осветлявани и изучавани.

Изложените материали ясно говорят и за значението на устните разкази в процеса на разкриване на фактите и събитията, случили се през 40-те и 50-те години на ХХ в., както и за тяхното отражение в съдбите на героите на настоящия текст. Преди всичко обаче тук става дума за регистриране на паметта, на своеобразните индивидуални и колективни форми на интерпретация на миналото съобразно актуалните теми и проблеми, които днес вълнуват общността. Всекидневното изживяване на „голямата“ тема за съветските депортации в „малките“ истории на хората от Бесарабия за пореден път изтласква на преден план драстичните различия между замисъла и действията от страна на властта и извършеното на място от определени личности по съответен начин и ред. Случаят с масовата депортация на семействата от Кортен е блестящ пример в това отношение. Записаните разкази, разбира се, отразяват гледната точка на едната страна от участниците в случилото се през 1949 г. – потърпевшите. Вече уточнихме, че по естествени причини в тази група доминира погледът на най-младото тогава поколение – израстналите и родените в Сибир кортенци. Позицията на ответната страна в лицето на инициаторите и причинителите на изселването едва ли бихме могли да регистрираме в такава дълбочина и наситеност. Причините за това са значително по-малкия им брой в сравнение със стотиците депортирани, така и отдалечеността на събитията от нашето време, когато живите свидетели са вече рядкост. В известна степен позицията и погледът на хората „от горе“ са отразени на страниците на официалните документи от епохата. Днес някои от тогавашните функционери, какъвто случай регистрира в с. Валя Пержей Я. Янчева, прибегват към „реторична мимикрия“, съгласявайки се (съзнателно или не) с публичната негативна оценка за социалистическото минало (Янчева 2012: 207). Това обаче подсказва, че заложеното и изпълненото по тяхно разпореждане едва ли във всички случаи е отговаряло на убежденията и волята им. Но случаят в Кортен говори за точно обратното – престараването от страна на местното ръководство дори създава проблеми за централната власт, планирала и замислила операцията по съответния по-мек начин. Така или иваче в разказите на потомците добре проличава ключовото значение на личностния фактор, на отношението на конкретните хора в конкретната бедствена ситуация, която сполетява нищо неподозиращите стопани през лятото на далечната 1949 г.

Колкото парадоксално и нелепо да звучи, екстрадицията на една сравнително компактна и еднородна група от локалната ѝ етнокултурна среда, заселването ѝ на ново и далечно място, поставянето ѝ в непознати условия, а след това завръщането ѝ обратно, води до осъществяване на своеобразен историко-културен и социален експеримент. Макар и доста фрагментарна, информацията, получена от направените интервюта, ясно очертава сравнително по-цялостната картина, включваща пълния цикъл от живота на кортенските фамилии преди самата депортация, *дигането* и пребиваването им в Сибир до завръщането и повторното им установяване в родната Бесарабия.

Както става видно от наративите, депортираните кортенци пренасят и практикуват редица навици и умения от Бесарабия, на които дори научават и местните хора в Алтайския край – отглеждането на плодове и зеленчуци, строителството и измазването на къщите, приготвянето на някои видове храна и пр. В същото време те възприемат и много от местните порядки и обичаи (напр. направата на пилмени, режимът на селскостопанската работа, срв. и Губогло 2013), без обаче това да разрушава етнокултурния модел, който те

пренасят от бесарабската си метрополия. Отново ще подчертая факта, че българите са били особено добре поставени и ценени в приемащото ги общество. В изказванията постоянно се преповтаря информацията, че в Алтай те успяват не просто да се адаптират, но и да живеят качествено, завръщайки се в Бесарабия с редица материални придобивки и сравнително добри финансови възможности. Често се изтъква разликата между депортираните кортенски стопани, които продължили да се трудят добросъвестно и в Сибир и местните такива, които имали съвсем друго отношение към труда, непривично, даже непонятно за българите.

В крайна сметка поколението на родителите не може да свикне със суровия климат и начина на живот в Алтай, докато поколението на децата, особено на тези, които се раждат там, привикват и даже нямат особено желание да се връщат обратно. Тези от общността, които сключват смесени бракове (макар и малко на брой), остават там¹⁸.

Връзките, които кортенци занасят и поддържат или наново установяват в Сибир се оказват продължителни и устойчиви. Тук отново ще изтъкна примера с двете лели на Анатолий Бучков. В хода на разговора с Клавдия Караджова всъщност се разбира, че тя не е негова родна леля и че между техните две семейства няма кръвна роднинска връзка. Съвместното съжителство в Алтайския край обаче ги сближава и те, завръщайки се в Бесарабия, продължават да живеят заедно, да си помагат и да общуват все така близко. Оттук и фиктивните роднински отношения помежду им, отразени във вокативната практика на Толю, които всъщност се оказват напълно реална и изпълнена със съдържание междусемейна връзка. Именно в анализа на ежедневието, пише Татяна Щеглова, е ключът към разгадаването на въпроса, който често възниква при среща с подобни събития, явления и процеси: как биха могли хората да оцелеят и да запазят човешкото си достойнство в екстремните условия на революции, войни, терор, глад, следвоенни опустошения (Щеглова 2008).

Това изследване започна именно по инициатива на А. Бучков, за да запиша спомените на неговите близки. В някаква степен това беше реализирано, доколкото успях да се видя с неговите две лели, а с другата, която живее в гр. Чадър-Лунга, Молдова, срещата предстои. По такъв начин проучването следва сложната траектория, която чертаят миграциите на българите в Бесарабия от 40-те и 50-те години на ХХ в. Неговият ход обаче обхваща не просто широката географска рамка на множеството отдалечени една от друга точки, в които наследниците на депортираните кортенци пребивават. Той задава и самата методологическа процедура на мултиситуираното етнографско проучване, чрез което биха могли най-адекватно да се изяснят параметрите на тяхното етнокултурно развитие. Ето защо те първа предстои да бъдат проведени и следващи стъпки по установяване на реакциите и „движенията“ в културата на малкия социум на кортенци, откъснат от първоначалното селищно огнище в бесарабската метрополия и разпръснат в няколко различни държави за по-продължително време. От значение е да се установи и отражението на тези рецепции, деформации и устойчиви културни изяви в индивидуалната и колективна памет на неговите представители.

¹⁸ Рязкото нарастване на междуетническите бракове между представители на депортираните етнически групи и коренното население, смяната на фамилни имена, документи за самоличност и желанието за промяна на националността през втората половина на 40-те и първата половина на 50-те години свидетелстват за ускоряването на асимилационните процеси сред някои националности (Шафт 2006).

АРХИВНИ ИЗТОЧНИЦИ

ПВ 1301 – Архив на Национален център за нематериално културно наследство към Института за етнология и фолклористика с Етнографски музей при Българската академия на науките – „Етнографско проучване сред наследници на депортирани в Алтайския край българи от с. Кортен, Молдова, които понастоящем живеят в град Тарутино, Одеска област, Украйна“ (заснети видео интервюта), зап. Г. Георгиев, август 2021 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Асман, Я. 2001:** Културната памет. Писменост, памет и политическа идентичност в ранните високо развити култури. София: Планета 3.
- Башкуев, В. Ю. 2009.** Литовские спецпоселенцы в Бурят-Монголии (1948-1960 гг.). Улан-Удэ: Изд-полигр. Комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ.
- Бердинских, В. 2003.** Спецпоселенцы: политическая ссылка народов Советской России. Киров: Кировская областная типография.
- Бердинских В.А., Бердинских И.В., Веремьев В.И. 2015.** Система спецпоселений в Советском союзе 1930–1950-х годов / Науч. ред. И.Л. Жеребцов. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН.
- Виола, Л. 2008.** Крестьянский ГУЛАГ: Мир сталинских спецпоселений. Москва: РОССПЭН.
- Виола, Л. 2010.** Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. Москва: РОССПЭН.
- Грек, Ив. 2006:** Гюлмян – Дюльмен – Яровое (Очерки истории болгарского села в Бессарабии). Кишинев: S.Ş.V.
- Грек, Иван 2007:** Гюлмянцы: Родословные корни и семейные истории. Chişinău: [Бизнес-Элита](#).
- Грек И. Ф. 2011:** Село Гайдар: очерки истории и культуры. – В: Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья. Вып. 5, 204–232.
- Грек И. Ф. 2018:** Купоран - Ровное: История, культура, люди болгарского села в Буджаке. Науч. ред. Н.Д. Русев. Измаил: Ирбис.
- Грекова, I. 2009:** Розкуркулювання 1948 р. в болгарських селах Північно-західного Причорномор'я (На матералах Ново-Іванівського району Ізмаїльської області). – В: Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Том Десети, Одеса – Велико Търново, б.и., 233-239.
- Губогло, М. Н. 2013.** Антропология повседневности / М.Н. Губогло .— Москва : Языки славянской культуры, Москва: Языки славянской культуры.
- Деде, И. 1996:** По пътя за Сибир... – В: Бесарабските българи за себе си. София: Международен център по проблемите на малцинствата и културните взаимоотношения, 125-130.
- Дигол, С. 2004:** Операция „Юг“ 1949 года в левобережной Молдавии: забытый фрагмент „реабилитированной“ памяти. – В: Ab Imperio, № 2, 269-297.
- Думника, И. 2011:** Депортации в 1949 г. на юге Бессарабии (воспоминания гагаузов, очевидцев тех лет из г. Чадыр-Лунга). – В: Электронно списание LiterNet, 03. 06. 2011, № 6 (139).
- Ермолаева, О. 2013.** Изучение системы спецпоселений 1930-х годов (на примере работы Л. Виола „Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений“). – В. Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Ноябрь, № 7. Т. 2 История, 18-22.
- Земсков, В. 2005.** Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука.
- Кананерова Е.Н. 2021.** Проблема коллективизации в Правобережной Молдавии в советской историографии. – В: Человек и культура, № 3, 69 - 84.
- Кристиногло, М. С. 2001.** Процесс коллективизации в Гагауз Ери. Чимишлия:
- Красильников, С. А. 2003.** Серп и молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг. Москва: РОССПЭН.
- Кожокару 2006:** Кожокару, Г. Операция „Юг“. – В: Moldova Azi (Кишинев), 11 июля 2006 <<http://old.azi.md/news?ID=40055>> (26.01.2011).
- Кубякин, В. В. 2014:** Сочинение на заданную тему или Откуда есть пошло местечко Тарутино в Буджаке. Арциз: ФОП Петров О. С.
- Курдогло К. 2009.** Репрессии и массовые депортации жителей с. Баурчи Чадыр-Лунгского р-на Республики Молдова в 1940-1951 гг. Кишинев: Tipografia „Centrală“.
- Лахтионова, Т. И. 2001.** Документы национального архива Республики Коми как источник по истории спецпоселения раскулаченного крестьянства на территории Коми края в 1930-е гг. XX века. – В: Политические репрессии в России. XX век. Сыктывкар, 65–70.
- Лучев, Д. 2004:** Идентичността и паметта – не нещата, за които мислим, а нещата, чрез които мислим. – Българска етнология, № 4, 26–38.
- Люленов, П. В. 2003:** Времена. Кишинев.

Маева, М. 2021: Эмоции и миграция. В: Миграции, общности и культурноисторическо наследство. Материали от национален научен проект на Института за исторически изследвания към Българската академия на науките. София: Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, 534–549.

Марушиакова, Е. 1990: Этнически процеси при малки етнически групи, изостанали в историческото си развитие. – Българска етнография, № 4, 26–36.

Митев, П.-Е. 1996: Социологическо измерение. – В: Митев, П.-Е., Н. Червенков. Бесарабските българи за себе си. София: Международен център по проблемите на малцинствата и културните взаимоотношения, 11-29

Налбантова, Е. 2021: История на българската литература в Бесарабия и Таврия XIX – XX век. Велико Търново: УИ „Св. св. Кирил и Методий“.

Пасат, В. И. 1993: Депортации из Молдавии. – В: Свободная мысль (Москва), 1993, № 3.

Пасат, В. И. 1994: Трудные страницы истории Молдовы 1940-1950 гг. Москва: Терра, 1994.

Пасат 1998: Суровая правда истории: Депортации с территории Молдавской ССР 40-50 гг. Кишинэу: Моментул, 1998.

Пенчев, Вл. 2017. Българските общности в Средна Европа. Формиране, битване, идентичности. София: Парадигма.

Полян, П. 2001. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. Москва.

Постановление 1992: Постановление Парламента Республики Молдова. О введении в действие Закона о реабилитации жертв политических репрессий, совершенных оккупационным тоталитарным коммунистическим режимом (7 ноября 1917 года - 23 июня 1990 года). Кишинев, 8 декабря 1992 г. – В: Мемориал <<http://www.memo.ru/rehabilitate/resp/mold.htm>> (18.05.2011).

Попов, В. Н. 1993: Неизвестная инициатива Хрущева (о подготовке указа 1948 г. о выселении крестьян). – В: Отечественные архивы, № 2, 31-38.

Попова, И. 2006: Политически гонения срещу българите от Болградски район през 40-те години на XX век: по спомени на очевидци. – В: Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Т. 9. Одеса, 176-178.

Попова, И. 2009: Гладът сред бесарабските българи от Южна Украйна през 1946–1947 г. по спомени на очевидци. – Българска етнология, № 1–2.

Присак, Л. 2014: Вторая волна депортаций в Молдавской ССР (1949 год): между историей и индивидуальными воспоминаниями. – В: <http://www.historians.in.ua/index.php/en/zabuti-zertvy-viyny/1110-lydyia-prysak-vtoraia-volna-deportatsyi-v-moldavskoi-ssr-1949-hod-mezhdu-ystoryei-y-yndyvudualnymy-vospomnanyiamy>

Проданов, В. 2006: Спекулациите с паметта. – В: Култура и памет. Материали от XIV лятна научна среща. Варна, 24–25.06.2006 г. Варна: Община Варна.

Репрессии и раскулачивание по Бессарабии 2015. Репрессии и раскулачивание по Бессарабии (1940-1941, 1944-1945, 1948-1952) / Авт.-сост. [С. Г. Матвеева](#). – Одесса: Атлант.

Русев, Н. 2009: „Сталинские щепки“ (репрессии 1948 г. в селе Суворово на Измаильщине). – В: Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Том Десети, Одеса – Велико Търново, б.и: 201-217.

Русев, Н. 2017: Шикирлик–Суворово: два века в истории (1815—2015). По документам и рассказам участников событий. Кишинев; Суворово; Тараклия; Одесса: Черноморье.

Сербинов, Ст. 2012: Бесарабски български трагедии. Очерци и новели. Одеса: Роден край.

Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 / Под ред. В. П. Данилова, С. К. Красильникова. Новосибирск: Наука, 1992.

Степанов, М. 2020: Историографический дискурс политических репрессий в СССР позднего сталинизма (1946-1953 гг.). – В: Doctrina. Studia społeczno-polityczne, vol. 17, 225-255.

Трагедия Советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы, 1927–1937 / Под ред. В. П. Данилова, С. А. Красильникова, Р. Мэннинг, Л. Виола: В 5 т. М.: РОССПЭН, 1999–2006.

Тельпис, Юрий 1999: Раскулачивание 1948 года в болгарских селах Измаильской области (по материалам Болградского, Ново-Ивановского и Тарутинского районов). – В: История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины (Сборник статей к 100-летию со дня рождения И. И. Мещеряка). Кишинев, 139-146.

Топал, Г. 1996: Молба за помилване. – В: Бесарабските българи за себе си. София: Международен център по проблемите на малцинствата и културните взаимоотношения, 223-234.

Фицпатрик Ш., 2001. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. / Пер. с англ. — М.: „Российская политическая энциклопедия“.

Царанов 1998: Царанов, В. И. О судьбе зажиточного крестьянства Молдавии. – В: Операция „Юг“. Кишинев: АН РМ Институт Истории.

Шабашов, А. В. 2019. Гагаузы украинского Буджака: неизвестное присутствие. – В: Дриновський збірник, 10, 468-475.

Шадт, А. А. 2006: Теоретические основы исследования этнической ссылки в качестве инструмента национальной политики СССР в 1940–1950-е годы. – В: Вестник НГУ. Серия: История, филология. Том 5, выпуск 3: Археология и этнография, 52-62.

Щеглова Т. К. 2008. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история: монография. Барнаул: БГПУ.

Черных, А., П. Христов (ред.) Болгары Урала и Сибири: очерки истории и этнографии. 2021. СПб., Маматов (под печат).

Янчева, Я. 2012: Колективизацията и колхозното движение като топоси на паметта при българите от Бесарабия. – В: Бесарабските българи в постсъветското пространство. Култура, политика, идентичност. София: Логос, 187–223.

Янчева, Я. 2015: Колективизацията в българското село (1948–1970). Колективна памет и всекидневна култура. София: Гутенберг.

Ermolaeva, O. 2013. The Social History of the Soviet GULAG in the 1930s: The White-Sea Baltic Combine of the NKVD. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.

ПРИЛОЖЕНИЕ. СНИМКИ

ГЕОРГИЕВА, Светлана – доцент, доктор, Одески национален университет „И. Мечников“, Украйна – sgeorgijevamitel@gmail.com

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ДИМИТЪР МЕТЕТЕЛОВ: ЖИВОТ В СЛУЖЕНЕ НА СКЪПА И МИЛА БЪЛГАРИЯ

„Да изискваш от човека да прояви поне малко съвест е излишно. Защото нея – съвестта – или я има, или не. Ако я имаш, тя те ръководи навсякъде. И винаги. Тя е компасът ти за цял живот.“

Генерал-майор Димитър Григоров Мететелов

В търсенето на родовите корени неминуемо опираме до исторически сведения и материали. На 24 октомври 2021 година се навършват 162 години от раждането на бесарабския българин Димитър Григоров Мететелов, български офицер, генерал-майор и военен юрист, офицер от Сръбско-българската (1885), Балканската (1912 – 1913) и Междусъюзническата война (1913), председател на Русенския, Софийския и на Пловдивския военен съд, началник на Военно-съдебната част и Главен военен прокурор, посветил целия си живот в служене на България.

Димитър Григоров Мететелов е роден на 24 октомври 1859 година в село Камчик, Акермански уезд, Бесарабска губерния, тогавашна Руска империя (дн. село Зоря, Белгород-Днестровски район, Одеска област, Украйна) от родители българи, на които дедите са били преселници от град Сливен. Семейството Митител (така е записано в ревизионната преписка през 1859 г.) се преселва в с. Камчик от с. Катаржино (Херсонска губерния) през 1838 г. [Златов, Златова, Георгиев: 476-478].

В семейството на Григор (Георги) Иванов Митител има трима синове: Илия (1842 г.р.), Симеон (1851 г.р.) и Димитър (1859 г.р.). Най-големият от братята, Илия, бил участник в Руско-турската война 1876-78 г. Имал много награди, бил уважаван сред съеляните си. Вторият, Симеон, умира в ранна детска възраст.

За детството на най-малкия, Димитър, почти нищо не се знае. От ранни години той останал кръгъл сирак. Според записките на Кишиневския архив в Камчик по онова време е имало министерско еднокласно училище - държавно с двегодишно обучение, което, вероятно, и завършва Димитър. Околните българи схващат, че в него има заложени способности и го изпращат да следва курса на Александровското реално училище. След това учи в Комратското училище, Болградската гимназия [Караиванов: 96] и които завършва вероятно през 1874-5 г. До 1878 г. – възпитаник на Южнославянския пансион на

Тодор Минков в град Николаев. Тези сведения се откриват в съставения от Петър Абрашев списък, който е включен във фототипното издание „Южнославянският пансион на Т. Н. Минков в Николаев. Спомени“. Самият Петър Абрашев пише: *„Списъкът е далеч да бъде пълен и точен. В Изпратените ми от 2-жа Минкова книжа се намираха списъците на пансионерите за 1870 г. и от 1882 г. до 1891 г. Липсват списъци за цели 18 години. Оскъдните сведения за тия години съм събирал от господата, които през тоя период са били в пансиона. В списъка съм включил само възпитаниците българи“*. В този Списък под № 211 е записан Митетелов Димитър, Бесарабия, полковник, председател на военния съд в Русе.

Освобожденските патриотични повеи в България не повличат подире си младежите. Но и не остават незнани за тях. Пропуснал опълченската колона, Димитър постъпва в Николаевското военно-инженерно училище. Завършва го през 1881 година и е назначен на служба в редовете на руската армия. Тук получава поредното звание, но не и удовлетворението, че се намира в неговата, в желаната среда и обстановка. Специалист със сапърно военно образование скоро е приведен към артилерията. Прапорчик, младши офицер е в 13-а артилерийска бригада. Но неговите технически познания не го задоволяват. Проявява всестранни интереси и голяма любознателност. След малко време е изпратен във Второто Константиновско военно училище в Санкт Петербург (Русия) и на 30 декември 1881 година е произведен в чин подпоручик. Тук получава поредното звание, но не и удовлетворението, че се намира в неговата, в желаната среда и обстановка.

През това време всички интелигентни българи, вън от България, се стремяха да служат на освободеното българско младо отечество. Също така постъпва и прапорчикът Мететелов. Напуска Императорската Руска служба и постъпва на Българска служба на 19 януари 1882 година според Заповед № 6 *„...от Артилерията прапорчик Мететелов – Подпоручик, като се зачисли в Софийската №1 сапърска рота“* [Цит. по: ДВИА, ф. 1, оп. 5, а е 11; ДВИА, ф. 1, оп. 5, а е 12].

На 30 август 1883 година със Заповед №155 е произведен в чин поручик [ДВИА, ф. 1, оп. 5, а е 17].

Публикува статии във военния печат - преводни и оригинални. Като млад командир е строг, но възискателен и към другите, и към себе си. Негово е становището, публикувано и на страниците на списанието «Военен журнал»: *„Началникът е винаги съдия, на всяко място и във всяко време, щом се намира заедно с подчинения. Това му право се диктува от особените свойства на военната служба и от особените дисциплинарни отношения между началник и подчинен. Гражданската служба подобни отношения не знае“*.

От началото на 1884 г. българското съдебно военно ведомство има свой дипломиран юрист-офицер. Това е поручик Георги Агура. Негова е идеята българската армия да се сдобие с мнозина още високоподготвени специалисти в правовото дело. Само че е нужно да се направи добър подбор измежду предварително набелязаните кадри. На 4 септември 1884 г. поручик Димитър Мететелов е командирован в Санкт Петербург, за да следва в Александровската военно-юридическа академия. Младият офицер завършва успешно само първата година на своето обучение.

В България се случват съдбовни неща. Става Съединението! Сърбия, недоволна от осъщественото Съединение на Княжество България с Източна Румелия, обявява война на България на 14 ноември (2 ноември стар стил) 1885 г. Избухването на Сръбско-българската война прекъсва учението му. Димитър Мететелов се връща в България и със Заповед № 356 по 1-и артилерийски полк от 26 ноември 1885 г. бива назначен за командир на 5-а батарея

от 1 артилерийски полк, който се състои от 1790 души [ДВИА, ф. 135, оп. 2, а е 10]. Батареята, начело на която той застава, е разположена в навечерието на войната срещу Сърбия край турската граница в състава на Търновосейменския отряд и има 8 оръдия. Внезапното нахлуване на вероломния враг изненадва младите български командири. Но, въпреки че те нямат достатъчен боен опит, успяват да се организират. Още от първия ден след обявяването на войната – 2 ноември – е използван за предвижване на частите от Източна Румелия към западната граница. След като 1-а пловдивска резервна дружина е извозена до Сарамбей, „треновете се върнаха да товарят войски от Търново-Сеймен”, да ги прехвърлят към театъра на бойните действия... Пехотинци и артилериисти вървят през Ихтиманския Балкан. Отдъхват час при Траянова врата и пак продължават. Във всяко населено място ги очакват телеграми от Щаба да се движат „безпочивно“, защото пристигането им е крайно наложително. Вечерта на 7 ноември 5-а батарея е на позицията сред защитниците на Сливница... Около 3 часа и 15 минути при Пирот пламва ожесточен бой. Артилеристите се развърщат в една изорана нива и като разпрягат и насочват оръдията си, водят огън с право мерене [Стефанов: 278]. По време на бойните действия при Цариброд и Пирот капитан Мететелов се проявява като грамотен военен специалист с изключителни заслуги. Със Заповед № 16 от 18 март 1886 г. поручикът Мететелов се назначава за Командващ батарея от 1-и Артилерийски полк [ДВИА, ф. 1, оп. 1, а е 39].

На 24 март 1886 г. е произведен в чин капитан [ДВИА, ф. 1, оп. 1, а е 39].

Войната свършва. Но капитан Димитър Мететелов не бърза да заеме мястото си на слушател във военната академия. Той си остава батареен командир, докато се възцари спокойствието в пределите на страната напълно. Вместо него настава отново смутно време.

Станалите политически събития на 9 август 1886 година (21 август нов стил) – превратът и контрапревратът в България, изразяващи се в неуспешен опит за детрониране на българския княз Александър I Батенберг, които все пак водят в крайна сметка до неговата абдикация, както и до тежка политическа криза в страната, продължила повече от година, заварват Мететелов батареен командир в Софийския артилерийски полк, който е бил посветен в заговора и е оставен в София.

През август 1886 г. той става участник в бунта, организиран от артилериста майор Груев и няколко офицери, които решават да свалят от престола княз Александър Батенберг. На своя страна те имат две силни поделения в близост до столицата – 1-и Артилерийски полк и 2-и пеши струмски полк. С тях е и военното училище. След два дни детронацията е извършена. Събитията след нея се развиват главоломно бързо. Привържениците на монарха се окопитват много скоро и организират контрапреврат, преследването и залавянето на бунтарите.

До края на месеца от артилерийския полк са арестувани петима млади български офицери, сред които и сам Мететелов. Според Заповед № 65 подписана от българския военен министър полковник Данаил Николаев на 22 септември 1886 г. „от бившия 1-и Артилерийски полк капитан Мететелов се зачислява в запас на армията“ [ДВИА, ф. 1, оп. 5, а е 78]. Причината за отстраняването им от армията е ангажираността им с подготовката и реализирането на деветоавгустовския преврат срещу българския държавен глава [Калчев: 43]. С друг „Приказ № 282“ се оповестяват дисциплинарните наказания за „малопровинените по преврата офицери“ и им е определено един месец затвор (до 17 ноември). Всичко това е достатъчно за капитан Димитър Мететелов да напусне страната. Той отива в Санкт Петербург, за да се запише отново във военно-юридическата академия и да продължи прекъснатото си образование, но заболява и не го довършва. Повече от

десетилетие (до 1897 г.) българинът носи руски офицерски пагони. През това време Мететелов се занимавал усърдно върху своето самообразование: изучава руската литература, руските писатели Толстой, Достоевски, Тургенев и други. Няколко години е преподавател по литература в Одеското юнкерско училище. През 1896 г. е произведен в чин майор.

Макар и да е бил поставен в добри условия по службата, годините на емигрантството са едни от най-тежките в живота му. През цялото време таи копнежа си по отечеството, докато се обявява амнистията на участниците на известния бунт след убийството на Стефан Стамболов.

Едва през 1897 г. Военният министър на България включва името на Мететелов в Списъка на офицерите емигранти, които могат да се завърнат в българската войска. Завръща се в България и е назначен в 5-ти артилерийски полк със званието, с което е дошъл – майор. Доверието към него във високопоставените военни среди бързо е възстановено и той отива да продължи прекъснатото си следване. Най-после през 1901 г. майор Димитър Мететелов завършва правните науки в Санкт Петербург и се завръща в България като дипломиран специалист и вече женен. Съпругата му е рускиня от немски произход Олга Едуардовна Бетлинг. В „Списък на завършилите Санкт-Петербургските висши женски курсове (1882-1889 г. и 1893-1911 г.), Историко-филологическо отделение, Випуск XX, 1904 г. под № 2283 е записана Мететелова Олга Едуардовна (по баща Бетлинг).

Мететелов получава назначение като Председател на Софийския военен съд на 26 март 1901 г. На 2 май 1902 г. е произведен в чин подполковник. През същата година за усърдна и полезна служба майор Мететелов е награден с орден „Св. Александър“ V степен [ДВИА, ф. 1, оп. 5, а е 161]. На 19 септември 1906 г. получава званието полковник [ДВИА, ф. 1, оп. 5, а е 178].

Като председател на съда Мететелов показва голямо познаване на военния бит и военната дисциплина, проявява съдийски усет в раздаването на правосъдието във войската, умение, такт и справедливост. След превеждането му в съдебното ведомство последователно носи службата председател на Русенския военен съд (от 19 септември 1906 г.), а след това и на Пловдивския такъв (април 1911 г.). По такъв начин Мететелов става учител на офицерите по военно-съдебното ведомство в трите военни съдилища във войската. Още със завършването на академията той дава идеята на тогавашния началник на военно-съдебната част за ново изпращане на офицери да следват военно-юридическата академия и нови вълни от военни юристи попълниха военно-съдебното ведомство. Попълненото военно правосъдие с новата генерация – свършилите военно-юридическа академия – то се обнови, прояви пълна независимост, доби солидарност, авторитет и значение в държавата.

През 1908 г. излиза от печат написаното от него «Помогало за началниците на отдѣлни части, за Прѣдсѣдателитѣ и членовѣтѣ на полковитѣ съдилища и за строевитѣ офицери». В предговора на книгата той пише, че полковите съдилища са „*ядката, която формира у военнитѣ и гражданитѣ понятие за военното правосъдие, за начина, по който то се раздава. Но за да може чловѣкъ въ всѣка една област да развие правилна дѣйностъ, необходимо е да притежава специални познания, да усвои основнитѣ принципи – да има теоретическа подготовка; строевитѣ офицери, прѣтрупани съ строеви занятия, твърдѣ малко време могат отдѣли за изучване законитѣ; но и самото изучване на законитѣ, безъ теоретическа подготовка, води къмъ казуистика, къмъ неправилно тълкуване и разбиране. Тѣзи сж били причинитѣ, които сж ме накарали да натѣкмя и да*

издамъ това помагало“. Книгата се състои от две части. Първата се отнася за дознанието – правата на полицията и на военното началство при дознанието, лицата, които провеждат дознанието, как се провежда дознанието и др. Втората е за значението на полковите съдилища, редът по който се разглеждат делата в полковия съд, разглеждане на съдебното заседание и др.

През Балканските войни (септември 1912 г. - юли 1913 г.) е назначен за помощник на полевия главен военен прокурор при Общата главна квартира. Във военната си служба достига до пръв помощник на генерал Георги Агура, на когото е бил ревностен поддръжник [Калчев: 43]. Преминал в запаса, генерал-лейтенант Агура прави всичко възможно да бъде наследен от свой земляк. Усилията му се увенчават с успех – на негово място е назначен способният и интелигентен полковник Димитър Мететелов [Калчев: 43].

На 19 септември 1913 година той става Началник на военно-съдебната част и Главен военен прокурор на българската армия. 53-годишният полковник от село Камчик (Заря) оглавява Военно-съдебната част на българската армия по време на Балканската и Междусъюзническата война до 16 октомври 1915 година, когато във връзка с влизането на България в Първата световна война на страната на Централните сили, той е освободен по свое желание [Калчев: 267].

Още след завръщането си от Петербург той започва да пише и превежда много дейно. Неговите теоретични трудове не са само из областта на правните науки. Някогашният инженер и артилерист не забравя техниката. Димитър Мететелов има много публикации в специализирания военен печат по проблеми на военната юриспруденция, издава също и обзори, статии, преводи. И сякаш да изрази своя вътрешен мир, стегнатият във военен мундир автор даже в строго специализираната си сфера на точни заключения, си позволява да разсъждава: *“Человеческите издирвания нямат граници, човеческият му ум е едно от най-неспокойните същества...”* Мететелов не може да се примири с това, което е постигнал. Не може да приеме и онова, което вещае ужасната военна сила. И *“неволно се замислюва върху всичките ужаси”*, които носи върху бъдещето на човечеството замисленият и изпробван *“нов порой смъртоносни снаряди”*, който *“ще смила в една секунда цели полкове”*, когато за миг ще загиват хиляди [Стефанов: 281]. На 14 февруари 1914 г. е произведен в чин генерал-майор [ДВИА, ф. 1, оп. 5, а е 415].

Преживяното в Балканската война даде доказателство, че организацията на военните съдилища във военно време не отговаря за едно бързо правосъдие, а зачестилите някои престъпни деяния показват, че техните санкции са слаби. По тези съображения генерал Мететелов се зае с преобразованието във ведомството. Последното значимо дело на генерал Д. Мететелов е указ № 100 от 24 септември 1915 година, с който се засилват наказателните санкции на Военно-наказателния закон. Под негово ръководство се съставят новите закони: Отделът четвърти на военно-съдебния закон – за военно полевите съдилища във военно време и във време на военно положение. Създава се нова организация. Вместо по едно съдилище в армия, предвидеха се по едно при всяка една дивизия или укрепен пункт. Друг закон, който се издава от него – Раздел трети от военно-наказателния закон, за престъпленията във време на война и в местности, обявени във военно положение, който е разяснен в книгата *«Коментар на военно-наказателен закон»*, съставена от него и напечатана през 1917 г. в София в печатницата «Напред».

В този закон се предвидеха нови престъпни деяния, възможни във военно време и, от друга страна, се усилват санкциите за някои престъпления, които в Балканската война достигнаха голямо количество. Целта на тези санкции беше не непосредственото им

приложение, а да действат превантивно (предупредително), да внесат застрашаване у другите да не извършват подобни престъпления. При тази строгост се поддържаше смелостта и храбростта, а също така се крепеше военната дисциплина и подчинеността във войската. Освен тази работа, генерал Мететелов приготвя проекта на общата част на военно наказателния закон, замисля се за изменение и на Дисциплинарния устав. Обаче преждевременното му уволнение от служба (в началото на общо европейската война) не дава възможност да бъдат осъществени тези негови замисли.

Като съдия Мететелов е безупречно честен, независим и справедлив. Учител е на младите юристи. А като началник на Военно-съдебната част, освен създадените закони, прокарва военно-съдебна политика при раздаване на военно правосъдие. Строгостта на издаваните присъди да бъде с оглед на настроението в живота и в унисон с обществената съвест. Напътства председателите на съдилищата да бъдат строги, но разумни и справедливи. След станалите эксцеси в Балканската война относно дисциплината и подчинеността в армията, след нейното демобилизиране, той подкрепи даването на една широка амнистия. Схваща, че трябва да се даде един отдушник на психически възбуденото общество след преживяната катастрофа.

Всеки на неговото място би стоял на върха на служебното си положение. Би защитавал, ако се наложи, даже отчаяно заетата в живота важна позиция. Не и той! Над България, над Балканите витаят нови буреносни облаци. Обстановката е наелектризирана. Не може да приеме това, което носи ужасната военна сила, замисля се „*върху всичките ужаси*“, които носи върху бъдещето «новият порой смъртоносни снаряди» и който „*ще смилва в една секунда цели полкове*“, когато за миг ще загиват хиляди. Като военен офицер, той не приема войната като разумен изход за каквато и да е страна, а като военен прокурор, не подписва нито една смъртна присъда.

На 14 септември 1915 година се обявява мобилизация на армията [ДВИА, ф. 16, оп. 1, а е 20]. Генерал-майор Мететелов сам подава оставката си след влизането на България във войната (България е в коалицията срещу Русия), явно несъгласен с политиката на управляващата либерална коалиция, което всъщност демонстрира неговата принципност, за което е освободен с чин генерал-майор и е уволнен от службата на 11 октомври 1915 г.

На 23 октомври през 1915 г. със заповед по Щаба на действащата армия № 7 се легитимира извършеното шест дни преди това предаване пълномощията на началник на Военно-съдебната част към приемника му полковник Балкански [ДВИА, ф. 16, оп. 1, а е 20]. Твърде скоро след това обаче явно изкуствено сдालят длъжността си приемник на ген. л-т Г. В. Агура ще вземе мерки, адекватни на изменилата се обстановка и начело на Военно-съдебното ведомство отново ще застане българин от Бесарабия – полковник Кирил Д. Радионов... А Димитър Мететелов ще се отдаде на толстоистки размишления за доброто и злото в човешката природа и на ... свободна адвокатска практика [Калчев: 301].

На 16 септември 1916 година по време на войната изпратеният със специална мисия от френското командване до българското главно командване Коста Годоров е изправен в македонско село пред военен съд с обвинителен акт, противоречащ на международното право и осигуряващ на обвинения единствено смърт. Пред съда обаче се явява в ролята на адвокат бесарабецът о. з. генерал Д. Мететелов. Като приятел на бащата на Годоров, опитният военен юрист с незначителна адвокатска интервенция успява да спави живота на Годоров – бъдещия деец на БЗНС [Калчев: 264].

Не е престарял. Просто се вслушва в съвета на непогрешимия съдия – собствената си съвест. А като юрист той най-добре знае, че именно тя е закон над законите. Човекът

Димитър Мететелов поема пътя си встрани от човекоизтреблението и се отдава изцяло на публицистичната си дейност.

Като човек-гражданин, Мететелов е добър и милостив, с висока интелигентност и култура, широка ерудиция, дълбока философия и феноменална памет. Познава коренно историята на руското военно законодателство, както и на българското такова, ето защо изборът му да напише историята на военно-съдебната част в българската армия, е напълно сполучлив. Увлечателен и мил събеседник, е и силен опонент. След уволнението му продължава да се занимава с литература. Пише статии във вестниците. Дълбок познавач е на учението на Толстой, за което пише и издава специална брошура. По думите на един от близките му приятели: *„Скромен, тих, той не парадирва в живота, нито вдига шум около себе си. Расъл и получил образование в Русия, женен за рускиня от немски произход, той не помисли да служи и живее в тази страна. За него беше **скъпа и мила** България. Тя беше неговата жива майка и баща, брат, сестра и роднина. Други освен нея нямаше. За нея той и служи, и работи, и живее, и в нейните недра искаше да бъде погребан»* [Цит. по „Некролога“ отпечатан във вестник „Отечество“ брой 565 от 1932 г.].

Димитър Гр. Мететелов умира в София на 17 август 1932 г. без да има свои наследници. Когато независимият военен вестник «Народна отбрана» публикува некролога на публициста Димитър Мететелов в рубриката «Нашите покойници», на първата си страница посочва къде да бъде прочетен, като отпечатва мисълта на Виктор Юго: *„Величието на един народ не се мери по числеността му, както величието на един човек не се мери по височината му, а по количеството на неговите добродетели и разум“* [Стефанов: 282].

ЛИТЕРАТУРА

Златова, В. Н., Златова И. В., Георгиев Ф. С. Камчик. Страници истории (с. Заря, Саратовского района). – Измаил: „СМИЛ“, 2003. – 540 с.

Руменин, Р. Офицерският корпус в България 1878 – 1944 г.. Т. 3 и 4. София, Издателство на Министерството на отбраната „Св. Георги Победоносец“, 1996. – С. 242.

Калчев, К. Исторически календар за бесарабските българи. – Велико Търново: ИК „ВИТАЛ“, 2001. – 384 с.

Караиванов, Н. Болградската гимназия. – Одеса: Редакция на вестник „Роден край“, 2008. – С. 140.

Стефанов, С. Пред олтара на отечеството. Имена от пантеона на безименните бесарабски българи видни войсководители, жертвали живота си за майка България. – София: „Македония-прес“, 1995. – 304 с. (273-282)

ДВИА = Държавен военно-исторически архив.

Генерал-майор Димитър Григоров Мететелов

ГРАБОВСКАЯ Валентина, музеограф, научный сотрудник Дома-музея А.С. Пушкина, Кишинев – tnelav-8002@mail.ru

УНИКАЛЬНЫЕ ЭКСПОНАТЫ ДОМА-МУЗЕЯ А.С. ПУШКИНА, РАССКАЗЫВАЮЩИЕ О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И.Н. ИНЗОВА

Кишинев может гордиться тем, что в нем жили, выступали и участвовали в общественной жизни многие выдающиеся деятели мировой культуры и искусства. В нашем городе бывали болгарский поэт Христо Ботев, украинские писатели М.М. Коцюбинский и И.С. Нечуй-Левицкий, французский публицист Анри Барбюс, русские писатели Л.Н. Толстой и В.Г. Короленко, певцы С.Я. Лемешев и Ф.И. Шаляпин, итальянский певец Энрико Карузо и многие другие. Но они находились в Кишиневе непродолжительное время.

Великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин прожил в Кишиневе почти три года. Пребывание Пушкина в Кишиневе неразрывно связано с именем Ивана Никитича Инзова (1786-1845), видного военного и государственного деятеля России, генерала от инфантерии, главного попечителя и председателя Попечительного комитета об иностранных поселенцах южного края России (1818–1844, к канцелярии которого был

прикомандирован высланный из Петербурга Пушкин), полномочного наместника Бессарабской области (15 июня 1820 – 7 мая 1823) Ивана Никитича Инзова.

Кишиневский Дом-музей А.С. Пушкина был открыт в 1948 году на основе заезжего дома, в котором остановился 21 сентября 1820 года коллежский секретарь Коллегии иностранных дел России 21-летний Александр Пушкин.

В первой кишиневской экспозиции Дома-музея А.С. Пушкина среди уникальных экспонатов (подаренных к этому событию Пушкинским Домом Ленинграда) был и портрет генерала И.Н. Инзова (копия), представленный в Военной галерее Зимнего дворца в числе выдающихся военачальников войны 1812-1814 годов. Этот портрет Инзова (хранящий явную печать спокойствия и ума, свойственных этому скромному и доброму человеку) относится, очевидно, к числу выполненных в мастерской английского художника Джорджа Доу с неизвестного нам оригинала, так как не удалось разыскать никаких сведений о приезде генерала с юга России в Петербург в период создания Военной галереи. И.Н. Инзов был награжден 11 орденами и медалями, в том числе прусским Красного Орла 2-й степени и французским Почетного легиона (высшей наградой Франции – за гуманное отношение к французским военнопленным), золотым оружием «За храбрость». Этот портрет – единственное прижизненное изображение Инзова, затем растиражированное, в том числе и в литографиях.

Пушкин прожил в заезжем доме около двух месяцев, затем переселился по предложению И.Н. Инзова в так называемый ДОМ НАМЕСТНИКА (наймавшийся для наместников Бессарабии за городские деньги, принадлежавший молдавскому боярину Иордаки Доничу, проживавшему большей частью за границей), впоследствии названный «ДОМОМ ИНЗОВА» (Инзов поселился в этом доме летом 1820 года), где располагалась канцелярия наместника Бессарабии, где проживал сам губернатор, где предоставлены были Пушкину две комнаты в нижнем этаже. Это был удивительный большой двухэтажный дом-сад, стены которого были выкрашены масляной краской и разрисованы диковинными деревьями и кустарниками – генерал Инзов любил все живое, цветущее, и обитель свою распорядился сделать как бы частью сада, где росли даже померанцевые деревья. А «Инзова гора», по уверениям старожилов, была одной из живописнейших частей старого Кишинева. С этим домом были связаны лучшие дни и воспоминания Пушкина. И, живя потом в других домах, он не раз являлся сюда: взбирался на пригорок, бродил по саду, по милым сердцу тропинкам. Его адрес был прост, как он сам писал друзьям: « В Кишинев. Его превосходительству Ивану Никитичу Инзову». В зале музея представлен макет Инзовой горы и «Дома Инзова».

В результате двух землетрясений, случившихся весной и осенью 1821 года, дом губернатора серьезно пострадал. Но и после неоднократных ремонтов дом продолжал давать трещины (что, вероятно, зависело от свойств почвы и близостью каменоломен) и в результате последующих разрушений, окончательно превратился в развалины. Остались лишь литографии с изображением этого дома в разных его стадиях.

В старой части города сохранилась церковь Благовещения, расположенная рядом с Инзовой горой (сейчас Пушкинская горка), построенная в 1807-1810-х годах, где бывали и Инзов, и Пушкин.

В зале представлена оригинальная работа «Пушкин и Инзов» известного художника середины XX века Владимира Людвиговича Бреннерта (1990-1985), человек сложной судьбы, который создал много картин по заказу пушкинских музеев (Москвы, Петербурга

и других), в том числе и для кишиневского Дома-музея А.С. Пушкина, таких как «Пушкин и Инзов», «Пушкин - лицеист».

Часто выставляется в залах музея и картина «Пушкин и Инзов» молдавского художника и графика, заслуженного деятеля искусств Молдавии Леонида Павловича Григоращенко, создавшего целую живописную серию на тему «Пушкин в Молдавии». Картины Бреннерта и Григоращенко рассказывают нам об отношениях Ивана Никитича Инзова и Александра Пушкина.

Встреча их не была случайностью. Граф Иоанн (Иван Антонович) Каподистрия – русский и греческий государственный деятель, возглавлял Коллегию (Министерство) иностранных дел России (с К.В. Нессельроде) и являлся управляющим делами Бессарабской области, начальник, наставник и заступник Пушкина – в апреле-мае 1820 года хлопотал за поэта и добился отмены ссылки в Сибирь, на которой настаивал граф Аракчеев. По настоянию Каподистрия Пушкин был откомандирован не куда-нибудь, а в Бессарабию, в места, находившиеся в его ведомстве, в тесное соседство с политической картой Балкан. По представлению Каподистрия И.Н. Инзов был назначен заместителем Бессарабии, и по его инициативе «срочную депешу» об этом ответственном назначении поручено было везти Пушкину. Каподистрия составил официальное письмо к И.Н. Инзову с просьбой принять Пушкина под свое покровительство и «благоклонное попечение»; он же выхлопотал решение о выдаче Пушкину 1000 рублей на дорожные расходы.

Каподистрия знал Инзова еще со времен войны с Наполеоном, дружил с ним. А.С. Стурдза (сын бывшего правителя Молдавии, чиновник Министерства иностранных дел России, мемуарист) в своих интереснейших «Воспоминаниях об И.Н. Инзове» дает оценку личности генерала и упоминает о его любви к шахматной игре: *«Встретясь в первый раз на берегах реки Стыри с Инзовым, начальником штаба 2-й западной в 1812 году, я, несмотря на тогдашнюю свою молодость (Стурдзе в то время было 21 год; он состоял секретарем и переводчиком в армии адмирала В.П. Чичагова, которая преследовала остатки Великой армии Наполеона, бегущей в город Вильна при морозе – 27-30 градусов), и в Брест-Литовском, и на мерзлых берегах роковой Березины, и под заревом биваков и пожара пылающих селений, и в какой-нибудь ветхой избе, во дни роздыха войск, - всматривался с умилением в нравственный феномен военачальника, отличающегося душевным радушием ума и сердца... Его начитанность, опыт и беспримечное хладнокровие приобрели ему славу сведущего военачальника, он умел, хоть не любил воевать; не заботился об опасностях, а в досужие часы утешался чтением или безмолвно замысловатую шахматную игрою. Нередко в продолжение рокового похода я заставал его играющим в шахматы с графом Каподистрией: углубясь вдвоем в соображения этой восточной игры, которая так сильно пленяет и сосредотачивает внимание, оба они забывали другую, страшную игру свинцовыми жребиями, которую доигрывал с ними Наполеон».* По инициативе Вадима Алексеевича Дрелинского, директора Дома-музея А.С. Пушкина, был проведен уже ставший традиционным Второй шахматный турнир имени генерала И.Н. Инзова (в рамках фестиваля «Бессарабская осень», посвященного приезду А.С. Пушкина в Кишинев).

Более для предупреждения неприятных последствий, чем для наказания, Инзов сажал иногда молодого поэта под «домашний арест» и несколько дней не выпускал из комнаты. Но приносил Пушкину книги, новые журналы, разговаривал с ним на общественные и политические темы, в том числе и о «гишпанской революции», и, конечно, играл с ним в шахматы (тем более, известно – Пушкин обучался этой модной игре еще в

Лицее). Инзов писал о Пушкине: «... не испорченность сердца, но по молодости необузданная нравственностью пылкость ума причиною его погрешностей; я постараюсь, чтобы советы мои не были бесплодны, и буду держать его более на глазах».

Многих посетителей музея интересует – чем в Кишиневе занимался Пушкин? На этот вопрос ответил генерал И.Н. Инзов на запрос И. Каподистрия: «Я занял его письменною корреспонденцией на французском языке и переводами на русский язык, составленных по-французски молдавских законов, ибо по малой его опытности в делах, не могу доверять ему иных бумаг; и тем, равно другими упражнениями, по службе, отнимаю способы к праздности».

Сравнительно недавно в ходе описания коллекции книг гражданской печати ХУШ-начала XIX веков, принадлежащей Одесской государственной научной библиотеке имени А.М. Горького, было выявлено весьма любопытное издание, озаглавленное в духе прошлого: «Инструкция об обязанностях сельских приказов, с пояснением порядка, как должны управляться, и, наблюдая за поселянами своей деревни, чего от них требовать, с сим вместе изложены для жителей правила, как вести себя и чего придерживаться для достижения благоустройства и покойной жизни». В библиотеку «Инструкция...» поступила в составе книжного собрания И.Н. Инзова с карандашной пометой «№ 209», оставленной «комиссией утвержденной для приведения в известность имущества, оставшегося по смерти генерала». Найденная «Инструкция...» состоит из разбитых на «параграфы» шестнадцати «статей» и представляет собой уникальный памятник правоведческой мысли первой четверти XIX века. Он отразил дух и нравы эпохи.

С немалой долей вероятности можно предположить, что разработка описанной «Инструкции...» принадлежала Петру Васильевичу Манеги – доктору права, назначенного «членом комиссии для составления свода местных законов в Бессарабской области». Инзов извещал Каподистрию, что «Манега по систематическому исследованию прав и познанию им греческого, французского и молдавского языков, может быть употреблен в означенной комиссии... с пользою для здешнего края». Очевидно, что Манега писал эти законы на французском языке (как сообщает П.И. Долгоруков, чиновник И.Н. Инзова), а Пушкин переводил их на русский язык. Так, «молдавские законы», то есть законы для жителей Молдавии и Бессарабии, обретают реальные очертания. Результатом переводческой работы Пушкина в этом плане, при отсутствии других рукописей и изданий, по всей очевидности, следует считать русский текст составленной по заданию И.Н. Инзова и утвержденной им «Инструкции о обязанностях сельских приказов...»

В витрине музея представлен черновой лист кишиневской рукописи Пушкина со стихотворением «К генералу Пушину» (1821 года), связанному с закрытием кишиневской масонской ложи «Овидий, 25», членами которой были и Пушкин, и Инзов. На полях этой рукописи молодой поэт нарисовал два профиля Инзова, на одном из которых генерал изображен необычно – в очках. Пушкин обладал талантом художника, его рисунки сравнивают сейчас с рисунками Матисса и Пикассо. Он был очень точен в своих зарисовках. Приглядевшись, можно увидеть сходство Инзова с императором Павлом I. Пушкин, как и многие его современники, считал Инзова побочным сыном Павла Первого или даже самой Екатерины Второй. Если так, то Инзов являлся родственником императора России Александра I, который всегда оказывал ему особые знаки благоволения и внимания, с почтением к нему относился. Но точная дата рождения И.Н. Инзова неизвестна, происхождение его историкам установить до сих пор не удалось. О себе он писал: «Я родственников не имею, а потому сирота в мире, воспитанию моему и призрению обязан

благотворительной душе князя Николая Никитича Трубецкого». Свои родительские чувства он подарил целому народу, а они написали на надгробной плите: *«Он дал переселенцам новую жизнь и новое отечество»*.

9 октября 1911 года в Болграде был установлен памятник И.Н. Инзову. В честь этого события была создана медаль, которую мы можем увидеть в витрине музея. На одной стороне медали – изображение памятника генералу Инзову, на другой выбиты слова: *«На память об открытии памятника генералу Инзову в г. Болграде 9 октября 1911 г.»*

Здесь же представлена и бахрома с катафалка И.Н. Инзова. В мае 1845 года Инзов умер в Одессе, где был похоронен на центральном кладбище. Известие о кончине потрясло всех болгар юга России. Через бывшего адъютанта А. Милевского они обратились к царю с просьбой разрешить перезахоронить тленные останки генерала в городе Болграде. Получив такое разрешение, горожане изготовили катафалк для транспортировки праха. Однако катафалк был использован только на время ночлега. В ноябре 1846 года посланцы от Болграда прибыли в Одессу. Путь предстоял нелегкий. Дорога до Болграда составляла 230 километров. И весь путь посланцы несли на своих плечах гроб с останками Инзова до своей «столицы», чтобы захоронить их в церкви, которая стала мавзолеем. От Спасо-Преображенского кафедрального собора, до церкви святителя Митрофания его провожали более 10 тысяч жителей Болграда и соседних колоний. Оставшиеся 500 метров до места захоронения болгары несли прах генерала Инзова на коленях. При захоронении праха И.Н. Инзова один из бессарабских болгар сказал: *«И мы ляжем в эту землю, в которой хороним нашего бессарабского отца – Инзова. И пока живы, будем помнить его благодеяния. Нет на земле такого болгарина, который сделал бы столько добра своим одноплеменникам, сколько сделал для нас российский бай Иван Инзов»*. (Из книги «Генерал Инзов Иван Никитич», выпущенной в Киеве в 2009 году. Автором является В. И. Азманов, уроженец Болграда, предки которого переселились из Болгарии, окончил Болградскую школу № 1, затем Киевский инженерно-строительный институт, по специальности инженер-строитель).

Многие посетители Дома-музея А.С. Пушкина впервые узнают здесь о жизни и деятельности И.Н. Инзова, восхищаются этим удивительным человеком, сделавшим так много для переселенцев южного края России, для Бессарабии. И.Н. Инзов сочувствовал участникам сербского восстания под руководством легендарного героя Сербии Георгия Черного (Карагеоргия), содействовал греческому восстанию «Филики Этерия», отстаивал и защищал главу Кишиневской управы Южных декабристов М.Ф. Орлова и его адъютанта В.Ф. Раевского, руководителя кишиневской Ланкастерской школы для солдат, посаженного за свою деятельность в Тираспольскую крепость.

Благожелательность к Пушкину «доброе и почтенное» Инзова отмечалась как самим Пушкиным, так и современниками. В.Л. Пушкин, дядя поэта, писал в июне 1820 года, что генерал Инзов «любит Пушкина». Сохранившиеся письма Инзова также говорят о его заинтересованности судьбой опального поэта. Пушкин и позднее, по свидетельству А.С. Стурдзы и Ф.Ф. Вигеля, вспоминал Инзова с чувством умиления и «нежным участием». *«Зачем он меня оставил? – говорил мне Инзов, – ведь он послан был не к генерал-губернатору, а к попечителю колоний; никакого другого повеления об нем с тех пор не было; я бы мог, но не хотел ему препятствовать. Конечно, в Кишиневе иногда бывало ему скучно; но разве я мешал его отлучкам, его путешествиям на Кавказ, в Крым, в Киев, продолжавшимися несколько месяцев, иногда более полугода? Разве отсюда не мог он ездить в Одессу, когда бы захотел, и жить в ней сколько угодно? А с Воронцовым, право,*

не сдобровать ему». Мы знаем насколько правильным оказалось предположение Инзова. В последующие годы он издал и внимательно наблюдал за судьбой своего гениального друга и искренне горевал, узнав о его преждевременной гибели. Инзов в числе других лиц получил копию письма П.А. Вяземского о дуэли и смерти Пушкина.

Инзов до самой смерти занимал все тот же пост попечителя колонистов юга России, посвящая одинокие досуги благотворительности и занятиям естественной историей – изучению любимых им книг и растений. Инзов умер семидесяти семи лет, оставив по себе светлую память у всех, кто встречался с ним на путях военной или гражданской деятельности.

В «Воображаемом разговоре с Александром 1» (1824) Пушкин писал о «почтенном и добром» Инзове: *«... он доверяет благородству чувств, потому что сам имеет чувства благородные, не боится насмешек, потому что выше их, и никогда не подвергается заслуженной колкости, потому что он со всеми вежлив...»*

Хотелось бы, чтобы и в Кишиневе был поставлен памятник Ивану Никитичу Инзову.

БИБЛИОГРАФИЯ

Азманов В.И. Генерал Инзов Иван Никитич. – Киев. – 2009.

Звенья, т. IX. – М. –1951. – с. 22.

Кассо Л.А. Петр Манега, забытый кодификатор бессарабского права. – СПб. – 1914.

Литературное наследство, 45-46, с. 708.

Одесский вестник. – 1847, № 14. – с. 67.

Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 т. – М. – 1981.

Пушкин А.С. Дневник (1833-1835гг.). – М.; Пг. – 1923. – с.493-497.

Русский биографический словарь. СПб.; Пг. – 1896-1918.

Русская старина, 1887, январь. – с. 243.

Трубецкой Б.А. Пушкин в Молдавии. – Кишинев. – 1976. – с. 34-40.

Хазин М. Твоей молвой наполнен сей предел. – Кишинев, Юг (Одесса), 1882, № 2, с. 127-137.

КАЗАНЖИ Георгий – магистр по специальности «История и теория государственного управления», студент-докторант Софийского университета им. Св. Климента Охридски по специальности «Сравнительная политология», выпускник ТГУ имени Гр. Цамблака по специальности «История», Республика Молдова, Тараклия – mdgkaz@gmail.com, София, Республика Болгария, – mdgkaz@abv.bg

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ САМОСОЗНАНИЯ СЛАВЯНОРОДСТВЕННЫХ НАРОДОВ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Авторское резюме:

В статье рассматриваются изменения сознания общественной массы в восточноевропейских государствах, на примере Республики Молдова и Украины. Отношения славянородственных национальностей, прямо или косвенно связанных русской культурой и языком в целом. Раскрывая задачи и необходимости определенного вектора, в качестве движущей силы, учитывая культурные, социальные, экономические и политические балансы в регионе, необходимость их интеграции в общую платформу во избежание стагнации. Реформирование таких важных органов жизнеустройства, адаптация к мультикультурализму, солидарности и добрососедству, создающие устойчивую среду для развития и продвижения национальных интересов меньшинств и мажоритарного населения, так как эти две республики, преодолевая этапы демократизации, прошли через болезненные процессы их решения. Сегодняшнее поколение активных граждан, больше половины которых относятся к разным национальностям и меньшинствам, в конце XX века получили в наследство советский интернационализм, а с приходом псевдо демократии получили деформированные представления о свободе личности и национальной идентичности. В силу достаточно сильного и динамичного прессинга демократии над малыми государствами бывшего советского союза, характерного для XXI века, современное население получило проблемы со своим основным донором в культурной, экономической и политической арене. Материал, изложенный в статье, является важным ресурсом в распутывании Гордиева узла в отношениях между странами СНГ, полемику в славянском пространстве и родственные славянам народы.

Ключевые слова: общество, культура, Восточная Европа, двойные стандарты, политика, Молдова, Украина.

Specificity of the self-awareness slavic-cognates nations in current multicultural space.

Cazanji G.D.

Master of the theory and history of state governance, Veliko Tarnovo University.

PhD student of the comparative political science, Sofia University “St. Clement Ohridski”.

Abstract:

In the article “Specificity of the self-awareness slavic-cognates nations in current multicultural space” examines the changes in the consciousness of the public mass in the Eastern European states, on the example of the Republic of Moldova and Ukraine. relations between slavic-related nationalities, in general, directly or indirectly related with Russian culture and language. Revealing the tasks and needs of a certain vector, as a driving force, taking into account the cultural, social, economic and political balances in the region, the need for their integration into a common platform in order to avoid stagnation. Reforming such important aspects of life, adaptation to multiculturalism, solidarity and good neighborliness, creating a stable environment for the development and promotion of the national interests of minorities and the majority population, since these two republics, overcoming the stages of democratization, went through painful processes of their solution. Today's generation of active citizens, more than half of whom belong to different nationalities and minorities, inherited Soviet internationalism at the end of the 20th century, and with the advent of pseudo-democracy they received deformed ideas about personal freedom and national identity. Due to the rather strong and dynamic pressure of democracy over the small states of the former Soviet Union, characteristic of the 21st century, the modern population has received problems with its main donor in the cultural, economic and political arena. The material presented in the article is an important resource in untangling the Gordian knot in relations between the CIS countries, polemics in the Slavic space and peoples related to the Slavs.

Keywords: society, culture, Eastern Europe, double standarts, politics, Moldova, Ukraine.

Точка сопряжения политики и прошлого, политики и памяти, политики и истории представляет собой объект детального изучения, различными дисциплинами, однако их трактовка имеет место конвертации событий за счет риторической реинтерпретации. Соответственно представление коллективной памяти о прошлом, задано нарративами, располагающимися в публичной доступности, что оказывается избыточно широким и не всегда достоверным. Здесь политика, история и дипломатия, уже оказавшиеся в прошлом, выступают в качестве инструментария символической политики, то есть использование прошлого для развития событий по определенной траектории. В таком случае, получается, одно поколение конструирует политический ресурс, а последующее поколение пытается совладеть этим объектом управления.

Учитывая тот аспект, что современные государства мыслятся сквозь призму идеи нации, а нация в свою очередь понимается как цепь поколений, которые являются преемственниками истории и совокупностью культурно разделяемых представлений, оказывается заложницей уже навязанной ей «константе». Здесь появляется скользкое и противоречивое свойство, где следование этой константе, рассматривается как консерватизм, который не отвечает динамике и формату современности. Постоянный транзит интересов и режимов власти породил не демократию, а псевдо демократию, где поколение XXI вынуждено адаптироваться к мультикультурализму как к более стабильной концепции, отвечающая стандартам глобалистского модернизма. Интерпретация и трансляция собственного репертуара путем государственных инвестиций в культуру, генерированием школьных программ и регулированием подачи информации в медиа пространства, являются попыткой комбинации представлений прошлого и настоящего для стратегии.

Актуализация теоретически-концептуальных вариантов синтеза славянородственных государств на современном этапе подразумевает достаточно специфичный и иррациональный подход в восточноевропейском национальном пространстве, где западные модели просто не находят свою нишу, не попадают в нее своими свойствами по всему контуру. Проникшись уважением, чувством потребности и многофункциональности русского языка в административной, юридической и бытовой терминологии, по своим свойствам он сыграл основополагающую роль в самосознании гражданского общества. Русский исследователь-культуролог, Шарыгина Л. И., изучая процессы приобщения меньшинств к русской культуре, писала: *«Нераздельность истории и культуры, морально-этические устои, духовно-нравственные ценности которой созвучны с общечеловеческими ценностями, а в некоторых аспектах даже и превалируют консерватизмом, отражают уникальную, солидарную с восточным партнером, гражданскую позицию в Восточной Европе...»* [8, С. 94].

Построение отношений по западной «системе двойных стандартов» дает многоманевренные преимущества, но в виду своих свойств является рисковым в глобальном восточном партнёрстве. Акцентируя внимание на периодике раннеславянского государства, культуры, тесно контактировавшие с русским миром, несомненно, заслуживают достойного внимания, так как доля формирующей роли перепадает европейским государствам, в частности путем принятия христианства, литовско-польско-германское влияние, однако это не дает право вмешиваться, и тем более, целенаправленно влиять на гражданскую позицию посредством культурно-образовательных процессов.

Порождение проблемы с самобытностью, в избрании вектора развития, в сфере международных отношений не возникали, до тех пор, пока этот массивный эшелон государственности не раскачивался извне. Учитывая этнопсихологические и социальные особенности населения, на примере Р. Молдова и Украины, населяющих их территории, с внедрением ценностей индивидуализма, динамично сменяются приоритеты личности, в результате создаётся благоприятная почва для культивирования значимости личности, с примесью псевдо этничности. Ярким примером для этого является вооруженный конфликт в Приднестровье, вызванный «брожением» радикального общества весной 1992г., однако, по словам кандидата исторических наук и доцента П. Шорникова, не все представители национальностей поддались провокации: *«Вопреки давлению прорумынских национал-радикалов в Молдавии, во многом благодаря этнолингвистической практике севера республики, сохранен языковой режим, основанный на принципах субсидиарности; наряду с молдавским, русский язык используется в образовании, средствах массовой информации, в служебном общении. В отличие от Приднестровья и юга Молдавии, на севере, в местах компактного проживания потомков русинов, не получило развитие региональное политическое сознание. Тем не менее, приведенные факты вынуждают усомниться в справедливости утверждения Ю. В. Бромлея, одного из виднейших этнологов СССР: «Этническое самосознание включает в себя те области обыденного самосознания, в которых не содержится идеологии, целиком входящей в сферу классового сознания и самосознания». Русинская криптоэтничность оказала существенное влияние на позицию ее носителей в момент этнополитического конфликта»* [9, С. 164].

Несмотря на то, что нынешнюю Россию и постсоветские республики называют «второй Европой», эту дефиницию следует воспринимать не как стадию развития, а отдельный тип многонациональной специфической цивилизации. *«Введение понятия «второй Европы» дает возможность перейти от эмпирического, исторического описания*

процессов модернизации стран данного региона к построению теоретической концепции, позволяющей не только констатировать имеющиеся трудности, но и выявить причины и способы их преодоления. Понятие «второй мир» — это не пребывание посередине, а другое представление о жизни, другая картина мира» [3, С 37].

Парадокс современного глобального развития в том, что вместе с ней, динамичными темпами внедряются идеи «вестернизации», которые доходят до жителей самых отдаленных от метрополии поселений. Она деформирует ценностное сознание человечества, что в свою очередь ведет к фрагментации потребительских интересов и социальному кризису общества. Навязывание ощущения соответствовать задачам грядущей техногенной и информационной наноцивилизации приводит к духовной разрозненности, формированию «сырьевого» мышления, где окружающий мир, в том числе и человек, рассматривается в качестве ресурса [1, С. 37].

Еще в далеком 1928г. советский академик М. Н. Покровский, критикуя дворянско-светскую историографию, в своем докладе «Общественные науки в СССР за 10 лет» установил, что: *«история, написанная этими господами, ничего иного как политики, опрокинутой в прошлое, не представляет»* [6, С 8]. Сегодня, как никогда прежде, во всей Новейшей истории, социокультурное пространство переживает период частых идеологических перемен, обусловленные масштабными информационными войнами цивилизационных конгломератов. Инструментарий «подобных господ», описываемые историком М. Н. Покровским, идеологически модернизируется, однако суть остается та же, включая ведение двойной политики и «теорию контролируемого хаоса», «Бикфорд шнур» используется для расшатывания экономических и политических основ малых восточноевропейских государств. «Планомерное расчленение ячеек общества, расширение круга субкультур, информационные «войны» в виртуальном пространстве посредством представителей различных сообществ, притупление национального сознания отдельных народов и идентичности отдельного человека ведет к утрате мировоззренческих ориентиров» [4, С 205].

В конце XX в. не миновали демократизацию и языковые реформы приграничные республики Восточной Европы в период перестройки, что и являлось неизбежным периодом. Являясь сплоченными одним русским языком и культурно-образовательным пространством, что по развитию научной мысли гарантирует широкий спектр возможностей и платформу для расширения сотрудничества, вдруг, оказалось, что одно славянское полушарие, раскололось от другого, неся широкой волной этот раскол и соседним государствам. Однако сегодняшняя разрозненность этих государств, с высоким коэффициентом населения славянородственных связей, и русскоговорящих граждан, культивируется извне. Искажая природу восточного менталитета, под предлогом развития личностных свобод, насаживают идеи самовыражения, укрепления демократии, и культивирования заокеанских ценностей в поколение XXI века, только вступающую в активно-гражданскую и общественную фазу деятельности [2, С 88-92].

К сожалению, естественным в международных отношениях является тот аспект, что базовым фактором при определении и расстановки балансов в принятии резолюций или решений, выступает степень влияния государств, определяемая рядом критериев. Среди них важнейшими являются наличие ядерного оружия, доля в мировом ВВП, объем расходов на оборону, доли в финансировании ООН и МВФ, численность общего населения и вооруженных сил государства, наличие размещенных за рубежом военных контингентов. Таким образом, дается характеристика местоположению, роли и качественному и

количественному взносу государства в систему современных международных, экономических и военных отношений, и только после детальной оценки мощи, авторитета государства приобретает весомую значимость перед партнёрами. Необходимо понимать, что сама по себе политика является инструментом, а не конечным результатом поиска истины, которая включает в себя как функциональную обязанность поиск консенсуса и выстраивание взаимовыгодных паритетных отношений для всех сторон. Одной из важнейшей задачей сегодняшнего научного контингента является недопущение реструктуризации и «подмены» духовно-ценностной базы новых поколений, что и является гарантом будущего добрососедства и сотрудничества, как в культурной так и в экономической сфере [5, С 315].

Самостоятельный вектор прогресса поликультурного населения со своей культурой и языком бесспорно необходим, но и не должно упускать из виду, что первоочередную задачу, чтобы их «взрастить», взяла на себя государственность Советского периода. На примере Молдовы и Украины, где издание учебников и литературы того же молдавского, гагаузского, болгарского и украинского языков издавались на основе русской графики, необходимо осознать что это было основой будущего. Подготовка и финансирование научных работников, создание подразделений в составах Академий Наук, и дальнейшее продвижение национально-культурных и языковых интересов происходило на уровне государственных интересов.

Поликультурное население современного поколения Карпато-Днестровских территорий предстает в образе «очарованного странника», который по сущности, доволен, что путешествует в поиске подходящей модели отношений с противоречивыми культурами, но долгие поиски его сильно утомили. Ему нужен новый «двигатель», «активатор», побуждающий, резонансной интеграции к сильной и устоявшейся в широкомасштабном смысле модели, которая создает стабильную платформу для долгосрочного сотрудничества[7, С 5-15].

Для обеспечения интеграции культур, в нашем регионе необходимо смириться и признать, что перед этим грядут фундаментальные реформы. Особого внимания требуют разнонациональные образовательные центры, усиление сотрудничества между региональными представителями сферы образования и культуры, внедрение совместных проектов и конкурсов, которые содействуют демонстрации всего спектра и колорита разных культур в образе добрососедства. Именно черта добрососедства, ощущение внутреннего комфорта, и духовной близости помогала русскоговорящим национальностям объединять цели, усилия и достигать их на протяжении столетий.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Абалкин Л.И. Данилевский Н.Я.** О России, Европе и славянском единстве. Социологические исследования. 2003. № 5. С. 37.
2. **Захаревич И.П.** Перспективы восточно-славянской цивилизации в процессе межкультурного диалога. Вестник Белорусского государственного экономического университета. 2010. № 3. С. 88-92.
3. **Иванова А.В.** Межкультурные коммуникации в постиндустриальном обществе: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2006. С 205.
4. **Ковалев А.А.** Политика двойных стандартов как угроза национальной безопасности Российской Федерации. 2017. № 5. С. 12.
5. **Молдован А.М.** Славянистические исследования в России. Славяноведение. 2006. № 4. С. 315.
6. Покровский М.Н. Общественные науки в СССР за 10 лет. (Доклад на коференции марксистско-ленинских учреждений 22 марта 1928г.). // Вестник Коммунистической Академии. М., 1928. № 2(26).

7. **Панарин А.С.** Славянский мир сегодня: очарованные странники на опасной дороге// Вестник МГУ: Политические науки 2003. №4. С. 5-15.
8. **Шарыгина Л.И.** Взаимодействие культур Запада и Востока// Молодой ученый, 2016 №7(5). С 94-95.
9. **Шорников П.М.** Парабола забвения: этническое самосознание русинов Молдавии в XX – начале XXI века// Русин, 2005, №2(2). С 164.

Владимир Калоянов, доктор – Институт за изследване на населението и човека, БАН, София, Република България – kaloyanov_v@abv.bg

ЗА ОБРАЗОВАТЕЛНАТА ПОЛИТИКА НА БЪЛГАРИЯ СРЕД БЪЛГАРИТЕ ОТ БЕСАРАБИЯ И ТАВРИЯ ПРЕЗ ПОСЛЕДНИТЕ ТРИДЕСЕТ ГОДИНИ

Таврийски българин съм, предците ми са прокудени от чисто българското село Вайсал в Източна (Одринска) Тракия (вж. Приложение 1 и 2), населена до второто десетилетие на XX век с българи, после избити или потурчени. От люлка български песни са ми пели, български приказки са ми разказвали, с майчиното си мляко съм засукал любовта към България...

Голяма бе радостта на стари и млади, когато през 90-те години научихме, че завършили гимназия български младежи и девойки от Таврия (Украйна), Бесарабия, Одеска област, Олшанка и всички бивши съветски републики ще могат да се учат в български висши учебни заведения, а завършилите прогимназия – в български средни училища. „Майка България мисли за нас“ – говореха млади и стари. Защото много ни е потребно това обучение. Получихме правото да изучаваме в училищата си български език, но кой да го преподава? В нашата Таврия след процесите на колективизация, превърнали селяните в редови селскостопански работници, селата, включително и българските, престанали да бъдат достатъчно надеждни пазители на самобитните национално-културни, етнографски и други ценности. В резултат на всичко това сферата на използване на българския език от българското малцинство постепенно започнала да се стеснява. Следва и затваряне на българските училища. Тогава в образованието, в административното дело, в обществените и другите дейности се наложил като монополен руският език. Българският език останал да обслужва скришом единствено селския бит (Калоянов, 2005: 70). През есента на 1936 г. е бил закрит и единственият Български педагогически техникум в с. Преслав. Закриването му било съпроводено с отстраняването на българските учители, с унищожаването на българската библиотека и въобще – с потъпкването на всичко българско. По също време започнал разгромът на българските районни управления и вестници. Потеглил поход за унищожаване на българската интелигенция (Калоянов, 2005: 92-93).

След политическите промени от края на XX век се откриват нови възможности за съхраняване и развитие на българското в диаспората в Бесарабия и в Таврия. Приех тези възможности за своя лична кауза. През 1991 г. с писмо от тогавашния министър на просветата Матей Матеев обикалях през септември почти всички български села в Приморски, Бердянски и Приазовски район (дори ми се налагаше да ходя пеш по селата, защото тогава в Украйна бяха спрели автобусите. Частична помощ ми бе оказана и от преподавателката от Коларовското училище В. Бистрова, която ме возеше по българските села). След предварителен подбор в Приморския районен отдел „Образование“ в лицето на украинеца Владимир Пепескул бяха определени 17 българчета, които доведох да се учат в гимназиите в България. Аз си знаех през какви бариери на бюрократи преминах, докато дойдем с още 13 българчета от Одеска област, доведени по-късно от доц. М. Иванов. Но се оказа, че финансовото министерство не било осигурило средства за обучението. Министерски чиновници ми се сопваха да връщам децата, откъдето съм ги довел, или да ги издържа тоя, който ги е поканил (междувременно министърът на просветата беше сменен). Добре, че се

намесиха господата Михаил Иванов и Иван Джаджев от президентството, та децата бяха настанени в Климатичното училище на с. Качулка, Сливенско. Автобусът, изпратен от Сливен, посрещна децата на 1 ноември с.г. и ги откара към детското селище „Качулка“. Там те бяха сърдечно приети от преподавателите, възпитателите и директора Жельо Радев и зам.-директора Снежана Кръстева. През целия шестгодишен период децата имаха проблеми с нередовното изплащане на стипендии. В началото на декември 1996 г. след моето застъпничество и това на госпожа Юлия Берберян от МОНТ обещаха, че ще преведат необходимите средства, но това обещание не се осъществи. Заедно с Петър Германов търсихме всевъзможни начини, обикаляхме различни институции и фондации. „Отворено общество“ отпусна неголеми средства, с които беше закупен бойлер за банята в общежитието, а каса „Македония“ събра парични дарения, както и Българският женски съюз на Юлия Берберян, фирма „Понт“ с проф. Б. Димитров, организиран беше новогодишен концерт и подаръци от Нешка Робева и т.н. Не бяха нормативно обезпечени нито издръжката по обучението, нито ежегодният прием на ученици въпреки усилията на двама министри на образованието. За сравнение, когато в България дойдоха да се учат 120 студенти и 30 ученици от българска народност, Румъния прие за обучение 1 500 студенти и 1 000 ученици от Молдова. Трябва да се подчертае и този забележителен факт, че ако не беше съдействието и своевременната помощ на вицепрезидента на Р. България Блага Димитрова в отпускането на 100 стипендии¹⁹ за младежи от Таврия, Крим, одеските села, олшанските българи и Бесарабия, нямаше да има студенти в българските учебни заведения и изпращането на преподаватели по български език и литература. Това се налагаше, понеже дългогодишните асимилационни процеси бяха нанесли големи поражения върху националното самосъзнание в тези райони и без активната намеса на българското правителство документите биха останали само на хартия. Като вицепрезидент на Р. България и по моя молба и настояване Блага Димитрова, начело на делегацията (въпреки здравословните ѝ проблеми), за пръв път посети Украйна и взе участие в отбелязването на 130-годишнината от преселването на българите от Бесарабия в Таврия и в големия събор в с. Лозоватка, Приморски район²⁰. Артистите от прочутия ансамбъл за песни и танци „Филип Кутев“ (С. Борисова, Е. Божкова) изнесоха много концерти както в Таврия, така и в Бесарабия.

За българските училища в Молдова и в Украйна, освен студенти, са нужни квалифицирани преподаватели. За тамошните висши учебни заведения, където се подготвят преподаватели по българска литература и по българска история – също. Имаше период, когато не можеше да бъдат изпратени преподаватели от България. Нямаше нормативна уредба. Не бяха изпратени ръководители и на български фолклорни състави. Един конкретен случай – обявеният конкурс във вестник „Аз Буки“ от 26 юни – 2 юли 1996 г. се отложи с мотивите, че е надвишена квотата на изпратените учители в Република Молдова и Украйна. Според 103-то ПМС от 31 май 1993 г., ежегодно се изпращат 20 учители. Срещата ми с министъра на МОНТ г-н Илчо Димитров беше осуетена. Имаше и други срещи с министъра и писмени обръщения, в които бяха изложени факти, свързани с отношението на българското просветно министерство към проблемите на образованието на нашите сънародници.

За първи път в историята след тридесетте години на XX век в Кишинев се открива българско училище (1996 г.), също и в с. Твърдица (сега град). В град Приморск, Запорожка област се открива Украинско-българският лицей (1996 г.)²¹. Според свидетелствата на украинската писателка Раиса Пепескул, когато възникна въпросът за създаването на Украинско-българският лицей в гр. Приморск, човекът, подготвил документите за утвърждаване, е негова светлост Владимир

¹⁹ Молбата на Вл. Калоянов от 27 април 1992 г. до г-жа Блага Димитрова и други документи се намират в архива на автора.

²⁰ Висок гост посети Таврия и Бесарабия. – Светлина, бр. 2, септември-октомври 199 г. [Болград], с. 1. Броят е подготвен от Таня Танасова, Димитър Боримечков и Никола Тодоров, гр. Болград, Украйна.

²¹ Калоянов, В. С душа зажадняла за майчин език. – Беженари, бр. 0, 1991 г. [София], с. 3. През същата 1992 г. по инициатива на В. Пепескул беше създадено неделно българско училище. Вж. Паскалов, Л. Таврийски истории. Триморск, 2016, с. 11.

Пепескул, завеждащ тогава Районния отдел на образованието в Приморск. Идеята за създаване на българско учебно заведение беше моя, но в лицето на В. Пепескул получих подкрепа. Благодарение на В. Пепескул през 1992 г. първите 17 седмокласници от Приморски, Бердянски и Приазовски район имаха възможност да изучават майчиния си език и да кандидатстват за обучение.

През годините и в подбора на учители, и в конкурсите за студенти са възниквали проблеми. Паралелките с изучаване на български език трудно се формираха, главно поради липса на учебници. Имаше случай, когато не бяха класирани успешно издържалите конкурса студенти от Македония и Украйна, макар че не бе попълнена определената с Постановление 103 на Министерския съвет бройка²². Благодарение на съдействието и усилията на Дружеството за културни връзки с бесарабските и таврийските българи „Родолубец“ в лицето на Петър Германов, Александър Миланов, Тончо Василев и активната намеса на родолюбивите организации: „Академичен форум за национална политика“ (арх. Христо Генчев), „Асоциация на българите от чужбина, учещи се в България“ (Зденка Годорова), „Бесарабско-таврийско студенско землячество“ (В. Калоянов), „Обществен съвет за българите в чужбина“ (Таня Кметова), Общонародното сдружение „Мати Болгария“ (Петър Константинов) и др. проблемите се разрешиха и всичко си тръгна по своя законен и нормален ред.

Още преди появата на 103 ПМС (1993 г.), което дава законовата уредба по всички въпроси на образованието сред българската диаспора, за там заминават първите преподаватели от България. За учебната 1990 г./1991 г. това са Лазар Григоров Георгиев от София – в с. Благоево, Одеско, Петър Кирилов Пешев от гр. Кюстендил – в с. Паркани, Никола Борисов Караиванов от гр. Габрово – в КГПУ „Крянге“ – Кишинев, Стефан Вълчев Стефанов от София – в гр. Измаил, Евелина Вулпева Василева и Васил Ангелов Василев от София – в гр. Тараклия, Румяна Кирилова Андреева и Ангел Петров Андреев от София и др. Те тръгват към Молдова и Украйна на свои собствени разноски, водени от родолюбиви чувства и убеждения... Благодарение на усилията на Емил Миланов (тогава главен експерт в Министерството на образованието и науката на Република България) бяха премахнати първоначално въведените такси за обучение и с негово съдействие беше прието Постановление 103 на МС от 31 май 1993 г. за осъществяване на образователна дейност сред българите в чужбина. С последните изменения на ПМС 103 се увеличи броят на ежегодно приеманите студенти и докторанти. Според мен, за да се подобри качеството на студентите, не е необходимо увеличаване на бройките, а изпращането на по-голям брой преподаватели от България, които биха свършили на място най-добре работата си, за да бъдем сигурни за пореден път, че българският дух не е погинал.

С огорчение си спомням, че за новооткритите с големи трудности и за първи път в историята на българите от Кишинев и гр. Приморск учебни заведения през 90-те години на ХХ век веднага не бяха изпратени учители от България. Тези, които тогава сложиха подписите си за „отлагане“ на конкурса за Молдова и Украйна, вместо да подадат ръка и окажат братска помощ за развитието и възраждането на българщината там, все още не бяха разбрали колко е важно това дело за душите на българите извън България. А може би проявявах и нихилизъм.

²² Около стотина българи, живеещи зад граница, не бяха записани в нашите университети тази година и са били върнати по родните си места, след като не са представили пред просветното министерство удостоверение за българска народност. Това беше казано на пресконференция на председателя на дружество „Родолубец“ Тончо Василев. Виновник за връщането на приетите по държавна поръчка студенти е бил отговорникът за международните отношения в МОНТ Илко Славчев, който неотдавна спрял също пратка български учебници за сънародниците ни в чужбина. Искането на документ за българска народност от просветното министерство е изкуствена пречка за студентите, които желаят да се учат в родината си, заяви председателят на българо-таврийското студентско землячество Владимир Калоянов. Той поясни, че на много места в чужбина българите по различни причини не смеят да обявят открито народността си, а на други места просто не ги признават за малцинство. Затова те предпочитали да доказват произхода си чрез акт за раждане. Вж. Георгиев, Д. Просветното ведомство затвори вузовете за българи в чужбина. – Демокрация, бр. 240 (039), 10 октомври 1996 г. [София], с. 4.

През тези близо тридесет години просветното министерство на България измина дълъг път в прилагането на Постановление 103. Вече десетки учители са вложили своя опит в обучението на българите от Бесарабия и Украйна на майчин език. Стотици студенти и докторанти получиха образованието си в български вузове. Все още има проблеми при синхронизиране на времето на приемните изпити и класирането, за преодоляването на които се работи и със съдействието на Дружество „Родолюбец“. Българските преселници имат нужда от учители повече от всякога. През последните години интересът от страна на българските учители сякаш спадна, поради недобре защитените им социални интереси. Но последните решения на Министерството са насочени към преодоляване на тези несъвършенства в системата.

Задължително трябва да се разширяват и усъвършенстват контактите и връзките на България с българите от Молдова и Украйна, както и между българското правителство и правителствата на тези страни, за да бъдат ефективно обгрижвани живеещите там българи.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Калоянов, В.** Българите в Таврия 1860–1939 г. Българската просвета през 20-те и 30-те години на XX век. С., 2005.
2. **Райчевски, Ст.** Странджа. Етноложки изследвания. С., 2008.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Статистически сведения за изселванията на българите (с. Вейсал, Одринско) в Русия и Бесарабия през 1830 г.

378 Стоян Райчевски. *Странджа. Етноложки изследвания*

1	2	3	4	5	6	7
От ВЕЙСАЛ, ОДРИНСКО - българи						
1. Тодор Георгиевич	1	1	3	1	6	свещеник
2. Стойчу Брайчов	1	1	6	1	9	земеделец
3. Васил Николаев	1	1	2	1	5	земеделец
4. Вълчо Васил	1	1			2	земеделец
5. Стою Михалев	1	1			2	земеделец
6. Михаил Стою	1	1	1	1	4	земеделец
7. Иля Стою	1	1	2	1	5	земеделец
8. Димитър Йоргу	1	1			2	земеделец
9. Стоян син на Димитър	1	1	3		5	земеделец
10. Дяк Стоянов	1	1			2	земеделец
11. Стоян Дяков	1	1	1		3	земеделец
12. Янчу Дяк	1	1	3	1	6	земеделец
13. Стоян Кирю	1	1	3	1	6	земеделец
14. Миле Слав	1	1	1	5	8	земеделец
15. Иван Вълчу	1	1	3	4	9	земеделец
16. Иван Русо	1				1	земеделец
17. Коста Иван	1	1		1	3	земеделец
18. Стоян Русов	1	1	2	2	6	земеделец
19. Петро Стоянов	1	1			2	земеделец
20. Димо Петро	1	1	1	1	4	земеделец
21. Стоян Петран	1	1	2		4	земеделец
22. Стояни Ангелов	1	1	3	4	9	земеделец
23. Миу Кирку	1	1	4		6	земеделец
24. Продю Кирю	1	1	1	3	6	земеделец
25. Стоян Кирю	1	1	1	4	7	земеделец
26. Димо Николаев	1	1	1		3	земеделец
27. Иван Анилов	1	1			2	земеделец
28. Стойко Иван	1	1	2	2	6	земеделец
29. Яне Иванов	1	1		1	3	земеделец
30. Анил Иванов	1	1	3	1	6	земеделец
31. Илия Иванов	1	1	3		5	земеделец
32. Пулю Иванов	1	1	2	2	6	земеделец
33. Митро Русов	1				1	земеделец
34. Георги Митрю	1	1	1		3	земеделец
35. Руси Димитров	1	1	3		5	земеделец

1	2	3	4	5	6	7
36. Руси Янев	1	1	2	3	7	земеделец
37. Ангел Полезов	1	1	2	3	7	земеделец
38. Павле Славе	1	1	2	2	6	земеделец
39. Станко Митро	1	1	3	2	7	земеделец
40. Димитър Янчу	1	1	2	1	5	земеделец
41. Иван Радя	1	1	2	1	5	земеделец
42. Атанас Иване	1	1	2		4	земеделец
43. Иван Атанасов	1	1	2	1	5	земеделец
44. Стою Иванов	1	1	5	1	8	земеделец
45. Георги Яни	1	1	2	2	6	земеделец
46. Димитър Стоянов	1		3	1	5	земеделец
47. Стоян Илия	1	1	3	2	7	земеделец
48. Миху Илия	1	1	1	2	5	земеделец
49. Георги Илия	1	1	1	2	5	земеделец
50. Желязко Тодоров	1	1	2	5	9	земеделец
51. Коста Иванов	1	1	1	2	5	земеделец
52. Иван Костов	1	1	1	3	6	земеделец
53. Ангел Дяков	1	1			2	земеделец
54. Митро Ангел	1	1	3		5	земеделец
55. Петко Дрянов	1	1	1	1	4	земеделец
56. Станко Димитров	1	1	2	2	6	земеделец
57. Ангел Стоян	1	1	4	1	7	земеделец
58. Наум	1	1	1		3	земеделец
59. Новак Михо	1	1	3	2	7	земеделец
60. Стоян Помен	1	1	2	1	5	земеделец
61. Янчо Железко	1	1		2	4	земеделец
62. Георги Железку	1	1		1	3	земеделец
63. Железку Георги	1	1			2	земеделец
64. Димитър К	1	1	1		3	земеделец
65. Митри Диано	1	1	3		5	земеделец
66. Стоян Димитър	1	1			2	земеделец
67. Мара Ангелова		1	5	1	7	вдовица
68. Тодор	1	1			2	земеделец
69. Пеню Прод	1	1		4	6	земеделец
70. Иван Стою	1	1		2	4	земеделец

	1	2	3	4	5	6	7
71. Стоян Пеню		1	1		2	4	земеделец
72. Проде Пеню		1	1	2	3	7	земеделец
73. Стоян Белою		1	1	3	2	7	земеделец
74. Белою Стоян		1	1	3		5	земеделец
75. Проду Русу		1	1		2	4	земеделец
76. Коста Стоян		1	1	1	2	5	земеделец
77. Стойко Димо		1	1			2	земеделец
78. Железко Стойко		1	1	2		4	земеделец
79. Иван Стойко		1	1	3	1	6	земеделец
80. Стоян Мано		1	1	2	3	7	земеделец
81. Люскин Слав		1	1	3	4	9	земеделец
82. Стоян Станко		1	1	1		3	земеделец
83. Диян Стоян		1	1		2	4	земеделец
84. Киряк Стойко		1	1	3	1	6	земеделец
85. Стойко Георгиев		1	1	3	2	7	земеделец
86. Русе Иванов		1	1	2	1	5	земеделец
87. Иван Димитриев		1	1			2	
88. С. Пеюва			1	1	4	5	вдовица
89. Стоян Господинов		1	1	2	4	8	земеделец
90. Киру Георгиев		1	1			2	земеделец
91. Кирю Кирю		1	1	4	2	8	земеделец
92. Никола Русов		1	1		4	6	земеделец
93. Милю Милю		1	1	1	2	5	земеделец
94. Стойко Милю		1	1	1		3	земеделец
95. Киро Стоянов		1	1	1	1	4	земеделец
96. Пею Стоянов		1	1	3		5	земеделец
97. Тодор Петриков		1	1	2	1	5	земеделец
98. Митри Полаюв		1	1		2	4	земеделец
99. Стоян Георгиев		1	1	2	2	6	земеделец
100. Димитър Стоянов		1	1	4	3	9	земеделец
101. Железку Митрев		1	1			2	земеделец
102. Рада Проданова			1		2	3	вдовица
103. Аршан Митрев		1	1	5	2	9	земеделец
104. Иван Дойков		1	1	4	2	8	земеделец
105. Слав Иванов		1	1	2		4	земеделец
106. Яни Димитрев		1	1	3		5	земеделец

1	2	3	4	5	6	7
107. Крали Димитрев	1	1	1	2	5	земеделец
108. Кирю Стоянов	1	1	1	1	4	земеделец
109. Митри Иванов	1	1	3	2	7	земеделец
110. Стоян Стойков	1	1	1	3	6	земеделец
111. Симо Стоян	1	1	1	1	4	земеделец
112. Никола Стоян	1	1	5		7	земеделец
113. Иван Мирчу	1	1	4	2	8	земеделец
114. Константин	1	1	3	4	9	земеделец
115. Железко Иванов	1				1	земеделец
116. Димитри	1	1	1	3	6	земеделец
117. Димо П.	1	1	3		5	земеделец
118. Даме П.	1	1	3		5	земеделец
119. Стою Петрин	1	1	2	2	6	земеделец
120. Господин Петрин	1	1	2		4	земеделец
121. Димитър Петко	1	1		1	3	земеделец
122. Димитър Димов	1	1	1	3	6	земеделец
123. Коста Георгу	1	1	1		3	земеделец
124. Стойку П.	1	1	2	2	6	земеделец
125. Никола Стоян	1	1	1	1	4	земеделец
126. Георги Никола	1	1		1	3	земеделец
127. Христо Никола	1	1		1	3	земеделец
128. Георги Коста	1		1	1	3	земеделец
129. Райка Янчу		2	1	1	4	вдовица
130. Тодор Стоян	1	1	6		8	земеделец
131. Иван Стоян	1	1	2	3	7	земеделец
132. Васил Шимо	1	1	2		4	земеделец
133. Петър Стоян	1	1	3		5	земеделец
134. Константин Продю	1	1		1	3	земеделец
135. Тодор	1		1	2	4	земеделец
136. Стойка Димов	1		1	2	4	земеделец
137. Неделчу Янков	1	1	2	2	6	земеделец
138. Станчо Иван	1	1	2	2	6	земеделец
139. Вълко Иванов	1	1	4	2	8	земеделец
140. Белю Георгиев	1	1		1	3	земеделец
141. Кирю Георгиев	1	1			2	земеделец
142. Стоян Кирю	1	1	1		3	земеделец

1	2	3	4	5	6	7
143. Георги Продев	1	1	2	2	6	земеделец
144. Стоян Георги	1	1	2	2	6	земеделец
145. Слав Тодоров	1	1	2	2	6	земеделец
146. Юри Слав	1	1			2	земеделец
147. Юри Тодор	1	1	1	1	4	земеделец
148. Георги Иванов	1	1	1		3	земеделец
149. Иван Първанов	1	1	2	2	6	земеделец
150. Матю Желев	1	1	2		5	земеделец
151. Стою Костадинов	1	1		3	5	земеделец
152. Павле Стоян	1	1	2	4	8	земеделец
153. Никола Кирю	1	1		4	6	земеделец
154. Димо Янчев	1	1	3	3	8	земеделец
155. Койчу Тодоров	1	1			2	земеделец
156. Анил Ненчов	1	1	1	1	4	земеделец
157. Железко Стоянов	1	1	2	1	5	Земеделец
158. Мотицина Георгиев	1	1	1	2	5	земеделец
159. Войко Юри	1	1	2	1	5	земеделец
160. Йорги Вълко	1	1		2	4	земеделец
161. Марти Йон	1	1	3		5	земеделец
162. Делю Щерю	1	1			2	земеделец
163. Димитър Делюв	1	1	1	1	4	земеделец
164. Андрей Делюв	1	1		1	3	земеделец
165. Щерю Делюв	1	1	2	2	6	земеделец
166. Железко Панецо	1	1	1	2	5	земеделец
167. Таню Щерю	1	1			2	земеделец
168. Неделчу Пею	1	1	2	1	5	земеделец
169. Стою Таню	1	1	2	1	5	земеделец
170. Митри Русу	1	1	4		6	земеделец
171. Тасю Димов	1	1	4	1	7	земеделец
172. Пено Стойко	1	1	2	3	7	земеделец
173. Георги Стоянов	1	1	4	1	7	земеделец
174. Железко Радев	1	1	1	1	4	земеделец
175. Стано Щер/.../	1	1	2	2	6	земеделец
176. Радо Иванов	1	1	3	3	8	земеделец
177. Н. Попова		1	1	2	4	вдовица

1	2	3	4	5	6	7
178. Ненчо Дейчо	1	1		1	3	земеделец
179. Найда Ненчов	1	1			2	земеделец
180. Тодор Нейчо	1	1		2	4	земеделец
181. Митри Георги	1	1	3	3	8	земеделец
182. Миху Стоян	1	1	2	3	7	земеделец
183. Стамато Стоянов	1	1	2	1	5	земеделец
184. Георги Тодоров	1	1	1	2	5	Земеделец
185. Георги Пусталов	1	1	1	1	4	земеделец
186. Георги Радов	1	1	1		3	земеделец
187. Желязко Георги	1	2	1	1	5	земеделец
188. Стойко Постали	1	1	2	1	5	земеделец
189. Стоян Стойко	1	1			2	земеделец
190. Иван Димитрев	1	1	3		5	земеделец
191. Христо Георгия	1	1	2	2	6	земеделец
192. Дели Тодоров	1	1			2	земеделец
193. Кирю Стоянов	1	1		1	3	земеделец
194. Стоян Кирюв	1	1		3	5	земеделец
195. Дойна Йовова		2	2	2	6	вдовица
196. Вълчо Йони	1	1	1	4	7	земеделец
197. Йони Вълку	1	1	1		3	земеделец
198. Георги Вълку	1	1			2	земеделец
199. Стана Станкова		1		1	2	вдовица
200. Желю Янов	1	1	4	1	7	земеделец
201. Неделчу Желев	1	1			2	земеделец
202. Керу		1	1	4	6	вдовица
203. Згуро Иванов	1	1	1	2	5	земеделец
204. Тодор Желязков	1	1	2	1	5	земеделец
205. Предко Пендев	1	1		2	4	земеделец
206. Перван Стоюв	1	1		2	4	земеделец
	199	201	321	280	1001	

Източник: Райчевски, Ст. Странджа. Етнологички изследвания. С., 2008, с. 378-383.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Поименен списък на българите от с. Вайсал, Бесарабия, изселили се през 1860–1862 г. в Бердянски уезд, Таврическа губерния, с. Дияновка (Вайсал)

Именния списък Странолюбивите

Димитровци владенията земли селения Дияновка Бердянского Уезда Таврической губернии.

№ по списку	Имя	Возраст	Религия
1.	Симеон Странополов	50.	51—
2.	Андрей Ананов	50.	31—
3.	Георгий Иванов	50.	31—
4.	Иван Демидов	50.	31—
5.	Добрий Мазарев	50.	31—
6.	Афанасий Гавдур	50.	31—
7.	Савва Василь	50.	31—
8.	Синеман Риманов Стасов	50.	31—
9.	Иванко Иванов Кара	50.	31—
10.	Григорий Куринов	50.	31—
11.	Иванко Иванов	50.	31—
12.	Медокон Консентин	50.	31—
13.	Иванко Иванов	50.	31—
14.	Павел Димитров	50.	31—
15.	Иванко Иванов	50.	31—
16.	Петър Мамеев	50.	31—
17.	Иванко Иванов Карама	50.	31—
18.	Андрей Иванов	50.	31—
19.	Иванко Иванов	50.	31—
20.	Иванко Иванов	50.	31—

21.	20.	Николай Мауров.	50.	31
22.	23.	Василий Димитров.	50.	31
23.	24.	Петр Димитров.	50.	31
24.	27.	Михаил Мауров.	50.	31
25.	30.	Ульян Мауров 2 ^й .	50.	31
26.	31.	Константин Мауров.	50.	31
27.	32.	Петр Ананьев.	50.	31
28.	33.	Михаил Ананьев.	50.	31
29.	34.	Николай Тарасов.	50.	31
30.	41.	Николай Димитров.	50.	31
31.	42.	Ульян Димитров.	50.	31
32.	43.	Димитрий Ананьев.	50.	31
33.	50.	Иван Ананьев.	50.	31
34.	54.	Михаил Ананьев.	50.	31
35.	55.	Александр Ульянов & Мирно-Олеу.	50.	31
36.	57.	Константин Тарасов.	50.	31
37.	58.	Николай Ананьев.	50.	31
38.	59.	Александр Тернов.	50.	31
39.	60.	Иван Ананьев.	50.	31
40.	67.	Александр Димитров.	50.	31
41.	63.	Петр Ананьев.	50.	31
42.	64.	Петр Димитров.	50.	31
43.	65.	Димитрий Ананьев.	50.	31
44.	66.	Константин Тернов.	50.	31
45.	69.	Иван Стефанов.	50.	31
46.	70.	Иван Конанев.	50.	31
47.	71.	Димитрий Конанев.	50.	31
48.	72.	Александр Конанев.	50.	31
49.	73.	Константин Тернов.	50.	31

74.	74.	Мені Мухомісовъ	50.	31—
75.	75.	Іванъ Івановъ	50.	31—
76.	76.	Младшій Івановъ	50.	31—
77.	77.	Іванъ Івановъ	50.	31—
78.	78.	Іванъ Івановъ	50.	31—
79.	79.	Іванъ Івановъ	50.	31—
80.	80.	Іванъ Івановъ	50.	31—
81.	81.	Іванъ Івановъ	50.	31—
82.	82.	Іванъ Івановъ	50.	31—
83.	83.	Іванъ Івановъ	50.	31—
84.	84.	Іванъ Івановъ	50.	31—
85.	85.	Іванъ Івановъ	50.	31—
86.	86.	Іванъ Івановъ	50.	31—
87.	87.	Іванъ Івановъ	50.	31—
88.	88.	Іванъ Івановъ	50.	31—
89.	89.	Іванъ Івановъ	50.	31—
90.	90.	Іванъ Івановъ	50.	31—
91.	91.	Іванъ Івановъ	50.	31—
92.	92.	Іванъ Івановъ	50.	31—
93.	93.	Іванъ Івановъ	50.	31—
94.	94.	Іванъ Івановъ	50.	31—
95.	95.	Іванъ Івановъ	50.	31—
96.	96.	Іванъ Івановъ	50.	31—
97.	97.	Іванъ Івановъ	50.	31—
98.	98.	Іванъ Івановъ	50.	31—
99.	99.	Іванъ Івановъ	50.	31—
100.	100.	Іванъ Івановъ	50.	31—
101.	101.	Іванъ Івановъ	50.	31—
102.	102.	Іванъ Івановъ	50.	31—
103.	103.	Іванъ Івановъ	50.	31—
104.	104.	Іванъ Івановъ	50.	31—
105.	105.	Іванъ Івановъ	50.	31—
106.	106.	Іванъ Івановъ	50.	31—
107.	107.	Іванъ Івановъ	50.	31—
108.	108.	Іванъ Івановъ	50.	31—
109.	109.	Іванъ Івановъ	50.	31—
110.	110.	Іванъ Івановъ	50.	31—
111.	111.	Іванъ Івановъ	50.	31—
112.	112.	Іванъ Івановъ	50.	31—
113.	113.	Іванъ Івановъ	50.	31—
Ітого			5650.	2263/4

Источник: Державний архів Запорізької області (ДАЗО), ф. 263, оп. 2, а.е. 25, л. 5-6.

КАЛЧЕВ, Калчо, професор, доктор – Великотърновски университет, Република България.

ЗА ДАТИРОВКАТА НА ЕДНА ВАЖНА ФОТОГРАФСКА СНИМКА, СВЪРЗАНА С ЛИЧНОСТТА НА ЛЮБЕН КАРАВЕЛОВ

През настоящата календарна година, когато се навършиха 140 години от смъртта и 185 години от рождението на един от титаните на нашето национално Възраждане, останал завинаги в отечествената ни история с името Любен Каравелов, не би било грешка, ако наново хвърлим взор върху проблематика, вече засягана от нас.¹ Особено ако става дума за един от най-познатите още от школските ни години автор на забележителните думи за любовта към Отечеството. Името му в миналото, а и днес, носят стотици образователни и културно-просветни огнища, свързани с българщината, десетки улици и населени места... Завръщането ни към вече разглеждана тематика се обуславя от това, че преди 23 години на опита да внесем допълнителна яснота в датирането на една военноисторически документ не се обърна внимание.

А става дума за обща снимка, в която централен персонаж, но на търновска /според почти всички изследователи/ територия, измежду всичките 15 фотографирани, е първият другар, съратник и единомишленик на Васил Левски, бившият ръководител на БРЦК, разработвал и стратегията на националноосвободителните борби до гибелта на Апостола, а не просто един от българските писатели. Тази обща снимка не е съвсем непозната на историческата, а и на литературоведската ни общност, занимаваща се със следосвобожденското българско минало. И днес ще я срещнем в най-авторитетното енциклопедично издание ², така както я има и в биографии и сборници, посветени на държавници³, в изследвания на най-авторитетни наши историци ⁴ Освен това тя е изложена под № 1 и към темата за съпротивата срещу Берлинския конгрес в издадения преди 20-ина години учебник за средношколци, преподаватели по история и студенти (едно уникално издание!), подготвен от без време напусналия ни най-„толерантен националист“⁵. Ни най-малко следва да дезавуираме и най-задълбоченото биографично изследване за Л.Каравелов, написано от забележителния учен като литературовед, фолклорист и етнограф ⁶, както и на най-добрия досега изследовател на комитетската мрежа „Единство“ и бивш председател на Общонародния комитет „В.Левски“⁷. Още повече, че и двамата автори без да излагат фотографията, в хронологическата маркировка на документа стоят доста по-близо до истината, отколкото останалите – първият намира, че изобразените 15 млади мъже са от лятото на 1877 г., а вторият – от есента на 1877 г., без да поставят под съмнение „търновският“ ѝ генезис. Всички останали, според нас, грешат в конкретната времева маркировка, а някои (като д-р Н.Радев напр.) са неточни и във времеви, и в географски план. Ала несигурност има и в дефинирането на фотографията като „Последен портрет...“ ⁸. Що се касае до персонификацията поотделно на всеки един от 15-те, тук различията не следва да се драматизират – в крайна сметка има единомислие по отношение образите на Л.Каравелов, Ст.Стамболов, Д.Николаев, Г.Живков и др. Същата фотоснимка със сигнатурен надпис С I I 344 или С IV 123 ще се намери и в Български исторически архив при Национална библиотека „Св. св. Кирил и Методий“, с опит за персонално определяне на заснетите. Има я и в Държавен архив – В.Търново (ф.65-к, оп.1, а.е.344), както и в най-задълбоченото, от психографска гледна точка литературоведско-историческо изследване на Иван Радев отпреди 35 години. ⁹ Почти по същото време се появи и интересната статия на Крумка Шарова ¹⁰, където образът на Л.Каравелов е представен „сред членове на комитета „Единство“, Велико Търново, септември 1878 г.“

Смятаме, че се допуска хронологическа грешка както в опитите да се представят заснетите като членове на Търновския комитет „Единство“ през 1878 г., така и при определяне на снимката, като направена в Пловдив през 1879 г. с крайно обобщаващото пояснение, че това са „Група политически деятели от епохата на Освобождението на България“¹¹. Скептично се отнасяме и към тезата, че точно тази е **последната** фотография.

Считаме, че макар най-близо до историческата истина да стои Дойно Дойнов е невярно от историко-хронологична гледна точка, събраните около Л.Каравелов още 14 млади българи да бъдат свързвани с който и било от комитетите „Единство“. Тези комитети са патриотична реакция на част от българската общественост срещу приети вече решения от Берлинския конгрес, разпокъсали българската територия, определена от Санстефанския мирен договор (19 февр./3 март 1878 г.). И съществуват до началото на 1879 г. А фотографирани са събрани като активисти, или по-точно като единомишленици, на наскоро изграденото Благотворително славянско общество през лятото на 1877 г. в старопрестолния Търново, сполучливо определен от Иван Радев като „столица на оцелелите“. Тази фотография, която видимо по облеклото е правена през есенно-зимно време, независимо от това кой е застанал зад апарата (Оноре Марколеско или Йон Кордиша), отразява единението и надеждите на различни представители на българската общност, вярващи в успешния изход на поредната руско-турска война, която този път ще доведе до възстановяване на българската държавност. През есента на 1877 г., застаналите пред обектива край временно отседналия в Търново Любен Каравелов, след успешните за руската армия и Българското опълчение Шипченски боеве, са обладани от вълнението за съдбата за Плевен, за реакцията на Европа в случай на очаквано

настъпление на русите към Константинопол, както и за вероятността Велика Британия да заеме протурска позиция. На лицата им е запечатано единството от тревога, оптимизъм и надежда... А до договора от Сан Стефано има още четири дълги зимни месеца.

Основание за тези съждения дава вникването в образите на някои от историческите личности, чиято съдба е свързана с бесарабските българи или самите те са по произход бесарабски българи. А това са тараклиецът Олимпи Панов, болградчанинът пор. Данаил Николаев, учителствалите в бесарабските села калоферски връстник на Хр. Ботев пор. Димитър Филев и малко по-възрастният етнограф и фолклорист в Болградско Цани Гинчев.

Най-напред се набива в очи полегналият, подпрян на десен лакът, непосредствено пред Любен Каравелов, подофицер Олимпи Панов, върху чиито пагони личат подофицерски нашивки и образовки (обвезовки), пришивани в руската армия на доброволците от „вольноопределяющияся“ с по-високо образование, за разлика от другата категория доброволци – т.нар. „охотници“. Най-забележителният атрибут на подофицера Панов е Георгиевският кръст (Военен орден за храброст, IV ст.), присъден му съвсем наскоро във връзка с поведението му в Шипченските боеве. От боя при Стара Загора на 19 юли пък е присъденото му подофицерско звание... Получава се така, че доскорощният редник от I опълченска дружина, бивш секретар на БРЦК от времето на Л. Каравелов (1872-1874 г.) и доскорощен подпредседател на БЦБО в Букурещ, където искрено се е сближил с търновския си съидейник Ст. Стамболов, се озовава в родния град на последния, след бърза армейска кариера във военно време „по заслуги“. А се е включил в Опълчението в края на юни 1877 г. като обикновен боец, без никакво военно образование. Новоосновеният в Букурещ в. „Българин“, четен и в освободените български земи, вече е информирал: „Твърде драго ни е да съобщим..., че между многото български момци, които са отличиха напоследък по храбростта си, познатий г. Олимпия Панова – бивший подпредседател на Централния български комитет и който влезе в редовете на българския легион – получил за декорация кръста на св. Георгия и ся възвисил на офицерский чин...“¹². Последното твърдение не отговаря на истината – Панов е само предложен за звание прапорщик и ще го получи със заповед едва през февруари 1878 г., но вестникът се е добрал до „секретна“ информация най-вероятно от самия дружинен командир на Панов полк. К.И. Кесяков. (А полковникът, родом от Копривщица, не е само непосредственият най-старши командир на тараклиец, не само най-старшият офицер-българин в Опълчението, но е и в обкръжението на генерал Н.Гр. Столетов).

Възниква въпрос: какво търси опълченецът Панов в Търново, когато дружината му е в околностите на Шипка. Най-лаконично казано – тогава предложеният за офицерско звание (още на 22 септ. 1877 г.) някогашен другар на Л. Каравелов, В. Левски, П. Хитов, Ст. Стамболов, И. Вазов и др. е в гарнизонен отпуск. I опълченска дружина вече е изпитала „прелестите“ не само на летните горещини, но и на бъдещата зима, след като още в средата на септември е паднал първият сняг, редуван със студени дъждове. А облечените чак докъм 20 септември в летни униформи руски солдати и български опълченци са замечтали за „цивилизацията“ или поне за топли землянки. (Това, което ще дойде малко по-късно и е познато като „знаменитое Шипкинское сидение“ от картината на В. Верешчагин „На Шипке всё спокойно“ започва с климатичните изпитания от септември-октомври). С опълченците и Панов стоически е понасял трудностите на кишавата и студена есен в планински условия. Затова и някъде в средата на октомври нему е дадена гарнизонен отпуск, с разрешение да го прекара в Търново. Точно по това време градът е един мирен оазис, живеещ с тревогите от войната за сраженията около Плевен и р. Лом. Немалко грижи за новия градоначалник Георги Живков, създава и бежанската маса от Ю. България. Освен опълченските VII, VIII, а после и XI дружини, в града пребивават руски офицери от щабовете на IV, VIII и XI армейски руски корпуси. За многото офицери и гости на града работят и увеселителни заведения¹³ Еленският удар на Сюлейман паша (22 ноем. 1877 г.) за гражданството, а и за немалка част от офицерството изглежда малко вероятна перспектива и паникьорството и суматохата са нещо далечно и невероятно. Ето защо градът има магнетична привлекателна сила, особено за откъснатите в Балкана воители и опълченци, за които зимата е реалност.

Най-сериозните основания да приемем, че фотографията е от октомври 1877 г., а не през септември, произтичат от запазен писмен документ, илюстриращ присъствието на Ол.Панов в Търново по това време. Документът представлява лично писмо до неговия приятел Кириак Цанков и той не е неизвестен на военните историци ¹⁴ Писано е на 9 ноем.1877 г. в опълченския бивак край с. (квартал на Габрово) Стоманеци. В него между другото се казва; „Преди една неделя аз бях в Търново, живях у Стамболова, а в материално отношение преживях твърде хубаво, макар откъм красния пол и да нямах добра сполука. В Търново преживях около 10 дни и се видях с почти всички тамошни наши приятели. Приказът за моето повишаване в офицерски чин още не е излязъл от Главната квартира и за което тъй рано възвести „Българин” ”¹⁵. Писмото завършва с указан адрес: „В штаб Болгарското ополчения – унтерофицер из вольноопределяющия Олимпию Панову – I-вую дружину, 1-вую роту”.

Бившият подпредседател на БЦБО и бивш член на БРЦК, по-младият и уважаван от самия Л.Каравелов и затова и назоваван от него *Гълъб* – тогава на 25 години, има зад гърба си довоенното познанство не само с В. Левски и Хр. Ботев, а и близостта с по-възрастния Георги Живков и с малко по-младия идеен събрат Стефан Стамболов. А през месеците на войната е станал близък и с поручика от Болград Данаил Николаев, който дори е давал на него като редник дребни суми за войнското ежедневие. Затова и позира пред обектива с една спокойна увереност, че е заслужил своите отличия. По-намръщено и строго гледа само неговия домакин и другар от Букурещ Ст.Стамболов. Ще припомним това, че майката на този домакин е твърде много доволна от госта на своя син. Ала последният, създаващ безспорния си революционен актив с по-голяма вероятност ще да е сърдит на подновени или възникнали нови разногласия с „ябанджията” в Търново Л.Каравелов. Нищо чудно Каравелов да е гледал малко по-различно на перспективите за българска държавност от военните действия, или да е изказал по-специфични виждания за армейския дълг на някогашните апостоли.(Това обаче е само хипотетична конструкция, която не може надеждно да обоснове сърдитата физиономия на седналия на първия ред крайно вдясно бъдещ голям български държавник, разделен от седналия в центъра като обединител „бае Либен”).

Вторият вляво на най-горния ред в никакъв случай не е майор Райчо Николов – някогашното 14 годишно момче, преплувало Дунава в 1854 г., което вече е станало и бесарабски зет, но се е завърнало в родния край с русите и през 1877 г., има за главна грижа формирането на втората серия опълченски дружини край Търново. Вторият вляво е Димитър Филов, който навремето с младия Ботев е учителствал също в бесарабските села Главан и Валя Пержа, а след това е завършил Одеското военнопехотно училище и заедно с Данаил Николаев и неговия съгражданин Стефан Кисов, е „останал” в историята на Българското опълчение. Според запазена книга за заповедите на IX-а опълченска дружина, командирът на 1-ва рота пор.Филов е бил командирован до Търново от 16 до 24 октомври 1877 г.¹⁶, когато се завръща в дружината си и отново поема командването на ротата. С изпълнението на какви задачи е бил натоварен той в едноседмичното си отсъствие от бивака на дружината – това от документите не става съвсем ясно. Ала присъствието и на дружинния командир в Търново почти по същото време подсказва, че в старопрестолния град ще да са били решавани важни проблеми с прякото участие и на командира на бригадата полк.Корсаков. Ако не се абстрахираме от по-раншни (от края на септември) донесения за наличието на самоотлъчки и бягства на редови опълченци от дружината поради липса на бойни задачи и използването на личния състав като работна сила за направата на пътища ¹⁷, ако не пренебрегваме и тревожното състояние с облеклото на редовите опълченци в условията на започналата фактически зима, бихме могли да се досетим за решаването на какви проблеми ще да е била необходима командировката на пор.Филов. Минали са едва 2 месеца откак той е напуснал Търново и е отишъл в Габровския балкан, където по време на големите Шипченски боеве, му е било възложено да командва група от недостатъчно обучени бойци от т.нар.Второ опълчение по доставянето на вода за защитниците на прохода и по пренасянето на ранени ¹⁸.Получава се така, че най-старшият по войскови стаж от тримата военни лица на снимката застава пред обектива без ярката слава на бойния героизъм, така

характерна за О.Панов, а и за неговия по-млад другар Данаил Николаев, който вече е бил начело на „золотая рота“ в V дружина.

Липсват ярки и сигурни знаци, които да потвърждават присъствието и на Д.Николаев по същото време в Търново, както е в случая с неговия по-старши другар Д.Филов. Ала някои индикации дават сериозни основания да се допусне, че напористият и амбициозен бесарабец също би могъл да бъде в Търново като командирован за обсъждане на опълченски проблеми. А те не са качествено по-различни, макар V-а дружина да не се занимава приоритетно със строителство на планински пътища и нейният бивак да е относително постоянен: край с.Зелено дърво, а после и край Баевци, за разлика от този на IX-а дружина. Студът в Балкана и лошото облекло, както и неудовлетвореността у личния състав от липсата на бойна инициатива, пораждават нуждата от едни по-силни контакти с Търново, откъдето се очаква още ново въоръжение¹⁹, а също и нови количества зимно облекло и обмундирование /шинели, полушуби, панталони, шапки и пр./²⁰ Освен това V-а дружина е поела инициатива да създаде своя оръжейна работилница, като главен организатор и инициатор е другарят и съгражданинът на Д.Николаев подпор.Аврам Гуджев : до лятото на 1877 г. и самият Николаев се е занимавал с въпросите на въоръжението. Отличил се в сражението край Стара Загора и в Шипченските боеве и удостоен най-вече заради практическото командване на 4-та рота край Ст.Загора с преждевременно производство в чин поручик /10 септ.1877 г./²¹ Д.Николаев е достоен да участва в обсъждането проблемите на своята дружина пред старшето опълченско и изобщо руско войсково командване. Настоятелното искане на неговия дружинен командир от 2 ноем.1877 г. за по-бързо решаване назначаването му за титулярен командир на 4-а рота²², при условие, че той е изпълнявал временно тази длъжност още от юни, дава повод не само и не единствено за изводи относно кариерата на младия офицер, а и за неговата цялостна атестация. Присъствието му в Търново в есента на 1877 г., следователно, е възможно не само поради роднински връзки с Търновския край²³, и най-малко поради роднински връзки. Измежду останалите 14 на снимката, Д.Николаев се познава бегло с Л.Каравелов от есента на 1876 г.²⁴ и със своя земляк и връстник Олимпи Панов. Беглото познанство с Л.Каравелов, както и с О.Панов, и твърде дружеските връзки с Д.Филов - малко по-възрастния и по-опитен още от Сръбско-турската /1876 г./ колега се оказват достатъчни, за да обяснят и неговото присъствие в групата на фотографираниите.

Само 10 години по-късно от някогашната фотографирана през октомври 1877 г общност от патриоти, родолюбци и даже приятели няма да е останало нищо. Първи от този свят си отива още в началото на 1879 г. Любен Каравелов, големият и „модерен политик“ (Ив.Стоянов), който пръв прозря, че големият въпрос за бъдещата държавност, тъй като е част от геополитическия Източен въпрос, и че може да се решава не само и единствено от българите. А с Каравелов сякаш си отива и единството на патриотите. Най-младият от снимката Ст.Стамболов, който е бил до войната пръв противник на Каравелов, заедно с Георги Живков и с Данаил Николаев, ще застанат от едната страна на политическата барикада, за да се превърнат в смъртни врагове на прибързано обвинените в крайно русофилство Олимпи Панов и Димитър Филов. Ще ги раздели смъртно политическата криза от 1886-1887 г. А доживелият до преклонна възраст до 1942 г. със заслужилата атестация „патриарх на българското войнство“ Данаил Николаев няма да доживее само 2 ½ г., за да разбере как неговият пръв кръщелник Богдан Д. Филов ще бъде разстрелян в 1945 г. като изменник на „идеалите“ на бащата и „враг“ на връзките с всичко руско...

Ето защо тази фотография като че ли потвърждава мъдростта на една древноримска сентенция. Тя е „Cum tacent – clamant“. Някога фотографиралите се български патриоти „когато мълчат – викат“.

БЕЛЕЖКИ

¹ **Калчев, К.** За датировката на една важна историческа снимка - Военноисторически сборник. 1996, кн.2, с.204-212).

² **Енциклопедия „БЪЛГАРИЯ“**. Т.3 - (И -Л), 1982, с.325.

- ³ **Радев, д-р Н.** Генерал от пехотата Данаил Николаев – патриарха на българското войнство от Третото българско царство. [1928], с. 46; **Стефан Стамболов** в спомени на съвременници. Състав. Стойко Тонев и Даниела Давчева. Под редакц. на проф. д-р А. Пантев, С., 1992, IX илюстр. сл. с. 192.
- ⁴ **Димитров, Мих.** Любен Каравелов – биография. С., 1959. където в основния текст даже е фиксирана като „Последният портрет на Любен Каравелов”.
- ⁵ **Трифонов, Ст.** История на България /1878-1944/. С., 2000, с. 15.
- ⁶ **Арнаудов, Мих.** Любен Каравелов – живот, дело, епоха. С., 1972, с. 791.
- ⁷ **Дойнов, Д.** Комитетите „Единство”. С., 1985, с. 66. Тук авторът сочи, че снимката „по всяка вероятност” е направена през „втората половина на 1877 г”.
- ⁸ **Димитров, М.** Цит. съч.
- ⁹ **Радев, И.** Столица на опелелите. С., 1984, сл. с. 160. Отделен въпрос е доколко надписът „Комитет „Единство” в Търново от 1878 г.” и персоналното указване на заснетите са точни.
- ¹⁰ **Шарова, К р.** Любен Каравелов /1869-1970/ - В е к о в е. 1984, кн. 6, с. 14.
- ¹¹ **Радев, д-р Н.** Цит. съч., последната цифра в датировката е поправена от Ив. Кр. Стойчев на 7 или 8. Бидейки отлично информиран военен историк Стойчев, знае, че информатор на Н. Радев е вече възрастният ген. Данаил Николаев.
- ¹² **в. Българин**, бр. 1, 8 окт. 1877 г.
- ¹³ **Ганчев, Д.** Спомени /1864-1887 г./ . С., 1939, с. 72 и сл. Срв. и с **Панайотова, К.** Дислокация на българските дружини в района на Търново през 1877-1884 г - ИЗВЕСТИЯ на Историческия музей-В. Търново, Т. VI, 1991, с. 78-79.
- ¹⁴ **Дренски, И.** Олимпий Панов. С., 1963, с. 77.
- ¹⁵ Пак там.
- ¹⁶ ДВИА, ф. 42-к, оп. 1, а е. 13, л. 42 и 51.
- ¹⁷ **Българското опълчение.** т. 2, С., 1959, с. 176.
- ¹⁸ Пак там, с. 613.
- ¹⁹ През октомври 1877 г. все още не е решен напълно въпроса за превъоръжаването на дружината с пушки „Крнка” - б. м., К. К.
- ²⁰ **Българското опълчение.** Т. 2, с. 205, 211, 212 и др.
- ²¹ ДВИА, ф. 012, оп. 1, а. е. 144, л. 176.
- ²² Българското опълчение. Т. 2, с. 252.
- ²³ **Пеев, П.** Генерал от пехотата Д. Николаев. С. /б. г./, с. 10.
- ²⁴ **Радев, д-р Н.** Цит съч. с. 11.

КАЛЧЕВ, Калчо, професор – Великотърновски университет, Република България.

КАРАВЕЛОВИЯТ РОД – РОД БЪЛГАРСКИ

Каравеловият род е един от големите и най-рано заселени копривщенски родове и сред най-известните и споменавани в страната.

В своя Юбилеен сборник за миналото на Копривщица проф. архимандрит д-р Евтимий пише, че негов прародител носел прякор „Курталанек“ от „курт“ - вълк и „алан“ - поляна (като допълнение или потвърждение: факт е че и днес в землището на Копривщица има отдалечена поляна, която местните наричат „Влък“). Няколко са предположенията за произхода на името Каравелов: „кара Вельо“, „кара вели“ - черен господар, повелител, „кала Вела“ – от гръцки хубавата Вела.

Най-ранно споменаване на копривщенец с тази фамилия се среща в един дамаскин от 1767 г. за Рилския манастир, наречен „Златоустов Маргарит“ на Йосиф Брадати. Иначе скъп на похвали, Йосиф отбелязва с признателност някой си Андреа Каравела и съпругата му Елена като щедри дарители на манастира. Знаем, че копривщеници са били чести посетители на манастира, където една от стаите е уредена и украсена за тях, за да им служи във времето, в което гостуват в манастира. В надписа в тази стая от 1834 г. се изброяват 43 души дарители от Копривщица. В този списък срещаме името на дядото на познатите ни днес Каравелови – дядо Либен Каравела наред с Тодор Христо Доган, хаджи Геро, Павел Люта, Салчо Иван Чомак, Никола Делиделва и др. Още едно доказателство за щедрост и пожертвувателство към манастира представлява надпис от 1844 г. върху една от стените на манастирската черква, където като ктитори са изобразени чорбаджи Тодор Доган и майка му Рада, там като дарители са споменати родителите на Любен и Петко – „*Стойчо Каравела и съпруга его Неделя за душевное их спасение*“. Допустимо е този Андреа да е от първите сродници на копривщенските Каравелови, но някъде във времето се губи името Андреа, а всички знаем традицията внуците да наследяват имената на предците си. В последните 200 години личното име Андреа липсва в рода. До днес се спазва традицията родените деца да се именуват на роднини – основно баби и дядовци, чичовци. Първо отклонение от това правило прави Петко Ст. Каравелов с избора на имената на дъщерите си Лора и Виола. Случва се кумство с роднини, напр. между Доганови и Каравелови: Тодор Доганов е кръстник на Любен Каравелов. Родът е един жив организъм, развива се и расте и днес, разпознават се по своето име – носят го непроменено поне пет поколения. Във времето рода се свързва посредством сватовство с други известни копривщенски родове: Герови, Маджарови, Каблешкови, Груеви, Делиделвови, Келчеви и др.

За родоположник на рода е считан Хаджи Стойчо, роден около 1740 г. Приблизително 35 годишен се задомил с Мика Ралева, негова съселянка. Имат две деца –

Стойка (р. 1777 г.), по-късно омъжена в Пловдив и Либен (р. 1779 г.). Строят си дом в Арнаут махала, х.Стойчо владее землище по Бяла река, което и днес копривщенци наричат „хаджи Стойчовото“ или „Каравелова поляна“. Кога и от какво точно са починали не е известно. Смъртта им, внезапна и като че ли едновременна, би могла да се свърже с някое от кържалийските нападения над селището. По това време дъщеря им Стойка била вече покойница, а синът им Либен вече мъж.

Първият в рода Любен Стойчев Каравелов (р.1779 г.), сравнително добре познат ни като дядо Либен благодарение на характеристиката му в повестта „Българи от старо време“. Дядо Либен е едър хубав мъж със засукани черни мустаци, човек сприхав и буен, но с мек, добродушен и справедлив характер, обичащ всичко хубаво, обичащ своето отечество (разбирай - своята Копривщица). „Дядо Либен през своя живот е видял и голямо щастие и голямо нещастие, и зло и добро, и сиромашия и богатство, и кървави сълзи и извънредна радост... Той е бил и хайдутин и чорбаджия, и капасъзин и мирен и справедлив гражданин.“²³ Наследил имота, дома и името на родителите си. Оженил се (към 1810-1811) за Велика от рода Пърлисвинци. Баба Либеница била възниска и дебела, блага по душа, неуморно въртяла къщата, непрестанно заета с тежката работа около многолюдната челяд и посрещането на още по-многобройните достове и гости на дядо Либен. Родили им се четири деца, три от тях – Стойчо (р. 1812 г.), Велика (р. 1818 г.) и Драгоя (р. 1820 г.). - по-късно създават големи и значими клонове на фамилията. Рале Либенов Каравелов – умира млад и не оставя след себе си деца.

I. Стойчо Либенов Каравелов (р.1812 г.) е първото дете на дядо Либен. „Баща ми – пише Любен Каравелов в „Записки за България“- се занимаваше с джелеплик, т.е. купуваше овни, изпровождаше ги в Цариград и продаваше ги на касапите или на населението за курбан-байрам“²⁴. Жени се за Неделя Хр. Доганова. Сродяването с Доганови предоставя на Стойчо Каравела значителна изгода, авторитет и известност сред бегликчиите в Копривщица, тъй като неговият тъст, Христо Догана (1770 г.), а след неговата смърт през 1839 г. и синът му Петко, били най-доверените пълномощници на всесилните Чалъковци, главни прекупвачи на беглика на територията на Европейска Турция. Другият брат на съпругата му Тодор Догана – става съдружник на Стойчо Каравела в търговията на добитък. След Кримската война обаче сдружението претърпява редица несполуки, ограбвания и в резултат на това разтрогват съдружието. Стойчо навсякъде бил известен с неприкрита кротост и благ характер. В един очерк за Каравелов Филип Симидов изказва впечатленията си от баща му през 1878 г.: „...старец едър и със здраво телосложение, честит биде да види освобождението на България, на което той се радваше като дете... Този старец, който тогава доживяваше последните си години, внушаваше на присъстващия почитание със своята представителност, която не се губеше дори в края на живота му“²⁵. В биографичните си бележки за Любен Каравелов Захари Стоянов твърди, че Стойчо не обичал никакви свади, а още по-малко „да критикува и спори за каквото и да било“. Като куриоз се споменава, че той никога не посягал на децата си, само веднъж направил изключение – когато малкият Личо (Любен) стъпил с новите си червени чорапи в калта.

²³ Каравелов, Л. Българи от старо време. – В: Избрани произведения, Т. II, София, 1955, с. 50.

²⁴ Каравелов, Л. Записки за България и българите. – В: Избрани произведения, Т. III, София, 1956, с. 68

²⁵ Великов.С. Любен Каравелов в спомените на съвременниците си.,разказ на Ф.Симидов, С.1960. с.141

Неделя Доганова - съпругата на Стойчо била стройна, тънка, висока, решителна и предприемчива, горда с потеклото си, свикнала с господарски условия. Като дъщеря на Христо Догана и жена на заможен търговец не познавала лишения и притеснения. Нейната майка Рада, по баща Чалъкова, била будна и смела жена с аристократични вкусове, грамотна и любознателна, четяла и била търсена от съпруга и синовете си за умни съвети. Неделя, била „събудена и пъргава жена, но до голяма степен холерична“. Според запазени спомени трудно понасяла лишенията, често изпадала в мрачни настроения.

Синът им Любен Стойчев Каравелов (1834 - 1879), **втори** в рода с това име е обичания писател, публицист, етнограф и фолклорист, съратник на Левски и председател на БРЦК. Любен се жени през 1867 г. за сръбкията Наталия Попнешова Петрович. Живеят заедно 12 години. Няма деца. Наталия подкрепя съпруга си във всичко. Неведнъж се случва тя да върти маховика на печатарската машина, за да излезе навреме поредния брой на в. „Свобода“ и в. „Независимост“. Тя е една от жените куриерки на БРЦК. След Освобождението и след смъртта на Любен, в Русе под редакцията на Захари Стоянов, тя отпечатва събраните съчинения на Л. Каравелов на български език.

Христо Стойчев Каравелов (1836-1909), вторият син на Стойчо Каравелов е кръстен на дядото по майчина линия – Христо Доган. Бил абаджия в Цариград, след Освобождението е един от първите кметове на Копривщица, околийски началник, финансов чиновник в Лом и Пирдоп. Съпругата му Невена Г. Стайкова – баба Нена е дъщеря на копривщенски търговец. Христо е синът, който остава в къщата на Стойчо Каравела, а неговата съпруга е първия „гид“ в Копривщица - през летните месеци стои на пейката пред дома си и кани гостите на градчето да влязат в дома ѝ и да видят къде се е родил и израснал Любен Каравелов. Имат шест деца: Неделя, Стойчо, Елисавета (Пинджекова), Георги, Рада, Петко.

Третото дете в семейството на Стойчо и Неделя е Рада (Лала) (1838-1880). Кръстена на бабата по майчина линия – Рада Доганова. Омъжва се за Андрей Топалов, син на копривщенския търговец Генчо Топалов. Имат три деца. През март 1878 г., когато Любен посещава родната Копривщица, я сварва в тежко материално положение, бременна с две малки деца и наскоро овдовяла. Той помага децата ѝ Георги и Мария, да заминат за Москва. Там и двамата завършват висше образование. Мария Андреева Топалова, е първата от жените в Каравеловия род завършила юридическо образование. Тя се омъжва за Феодор Василиевич Тататринов. Последното дете на Рада, Неделя (Делка) Андреева Топалова е родена в Копривщица след Освобождението.

Велика (Лила) Стойчева Каравелова (1841-1919). Идва на бял свят четвърта в семейството. Носи името на баба си Либеница. Омъжва се за Геро Кръстев Камбанов абаджия от Копривщица, имал дюкян в Цариград. Сдобил се с тази си фамилия понеже докарал от Цариград и подарил на църквата в Копривщица една камбана, а копривщенци му сложили прякор „Камбалото“. Тази фамилия оставил на децата си. Имат син - Стойчо Кръстев Камбанов, учил в Букурещ и Белград. Завършил фелдшерско училище и работил като фелдшер повече от 30 години.

Петти е Петко Стойчев Каравелов (1843-1903) Един от „строителите на съвременна България“ - изключително честен и безкористен български държавник. Бил народен представител в Учредителното събрание, на което е избран за зам. председател, в I Велико народно събрание, в I, II, IV, VIII, IX, X и XI Обикновени народни събрания. Четири пъти министър-председател, министър на финансите и управляващ министерствата на вътрешните работи, правосъдието и на обществените сгради, земеделието и търговията. Пръв вицегубернатор на Видин, кмет на Пловдив. При абдикацията си княз Александър I

Батенберг го определя за един от регентите. Бил един от водачите на Либералната партия и основател и ръководител на Демократическата. По време на неговото управление се осъществява Съединението на Княжество България с Източна Румелия и последвалата го Сръбско-българска война. През 1880 г. Петко се жени за Екатерина Пенева - популярна личност в българския политически и обществен живот. Учителка, учредителка на Българския женски съюз. Имат три дъщери:

Радка, починала твърде малка, на 2 години.

Жаравата на родовата известност е раздухвана и с имената и съдбите на дъщерите им Лора и Виола.

Виола Петкова Каравелова (1884 – 1934). Името ѝ трябва да напомня на родителите тяхната първа среща в една далечна московска вечер - представлението „Дванайсета нощ“, в любителския театър на Саладовников. Шекспировата героиня става име на тяхната дъщеря, за да бъде животът на детето им светъл и жизнерадостен, но съдбата ѝ отрежда друго. Завършила Елисаветинския педагогически институт. Омъжва се два пъти: за Илия Белинов, имат син Иван (Жан) - починал от пневмония 14-годишен; втори брак с Йосиф Хербст – прогресивен наш журналист, арестуван и „безследно изчезнал“ през 1925 г. След смъртта му Виола не може да се помири със загубата, заболява душевно – месеци наред софиянци срещат по улиците един слаб женски силует, върху дрехите ѝ са накачени портретите на Хербст - губи ума си, угасва на 3 юли 1934 г.

Лора Петкова Каравелова (1886 – 1913). След завършване на гимназиалното си образование в София тя се обучава в католическия пансион „Нотр Дам де Сион“ в Париж, по-късно - и в Анверс, Белгия. През 1907 г. под натиска на майка си сключва брак с младия деец на Демократическата партия Иван Дренков. Година по-късно се ражда първото им дете - Кирил, което скоро умира, през 1909 г. се ражда вторият им син - Петко. Бракът на Лора се оказва неуспешен и е разтрогнат през юни 1912 г. На 19 септември 1912 година Лора Каравелова се омъжва за Пейо Яворов. Познанството ѝ с големия поет датира от 1906 г., а от 1911 г. започва тяхната връзка, оказала се фатална и за двамата. Красива, интелигентна и ерудирана, Лора е чувствителна и меланхолична по характер. Нейната любов към Яворов е всеотдайна, но и обсебваща. Лора демонстрира болезнена ревност към съпруга си и при най-малкия повод. Бракът им навлиза в критична фаза. Немалка роля за това изиграва съпругата на писателя Михаил Кремен - Дора Конова, която, флиртувайки с поета, разпалва ревността на Лора. След поредна сцена на ревност на 30 ноември 1913 г. Лора се застрелва в дома им.

Лора Каравелова е личност, надраснала в духовно и културно отношение все още полуориенталския манталитет на тогавашното българско общество. Наследила емоционалния характер и честността на баща си, както и влечението към изкуството и литературата от майка си, тя дълбоко впечатлявала всеки, който я е познавал.

Нейният син Петко Иванов Дренков (р.1909 г.) Завършва Робърт колеж. Представява България в Лондон до 1947 г. Виден преводач той е инициатор за създаването на Съюза на българските преводачи и пръв негов председател.

Най-малката сестра на Любен и Петко Каравелови, Мария Стойчева Каравелова (1846 - 1887) се омъжва за копривщенския търговец и абаджия Проичо Рашков Маджаров, който имал магазин в Есхи Шехир, Турция. След Освободителната Руско-турска война той фалира, тъй като турските власти конфискуват стоката му. Тогава се завръща в България.

Синът им Рашко Проичев Маджаров (1874 – 1943) учи право в Санкт Петербург, Париж и Лион. От 1905 г. е адвокат в София и председател на Управителния съвет на Българските земеделски кооперации. Бил общински съветник към Софийска община. В

периода 1908 – 1930 г. е народен представител от четиринадесетото до двадесет и четвъртото Обикновени народни събрания. Бил е министър на земеделието министър на правосъдието. министър на железниците, пощите и телеграфите. През 1923 г. става член на първото Изпълнително бюро на новосъздадения Демократически сговор. Между 1923 г. и 1931 г. е председател на парламентарната група на Демократическия сговор. В качеството на правосъден министър Маджаров е сред вносителите на проект за Закона за защита на държавата (ЗЗД) през 1924 г. Основател е на кооперативното водоснабдяване в Копривщица и района. Спомоществовател на туристическото и залесително дело, радетел за електрификацията на града, по негова инициатива се изгражда подбалканската железопътна линия.

Последното дете на Стойчо и Неделя Каравелови, Рале (1848-1865) умира твърде млад от холера в Цариград.

II. Велика Либенова Каравелова (р.1818 г.). Дъщерята на дядо Либен била мъдра и грамотна жена. Избирана е за председателка на Женското благотворително дружество в Копривщица. Работила като учителка. Омъжва се за Никола Станьов Хрелков от Копривщица. Имат осем деца – Мария, Неделя, Станьо, Личо, Пека, Елисавета, Стойчо, Ради (Рале). Синовете им Ради и Стойчо вземат участие в Априлското въстание. След Освобождението Ради се преселва в Бяла Слатина, негов син е поетът Николай Хрелков.

III. Драгоя Либенов Каравелов (р.1820 г.). Най-малкият син на дядо Либен, същият Драгоя е прототип на Павлин в Каравеловата повест, „Българи от старо време“: „Павлин бил хубаво и гиздаво ергенче: той имал умно лице, високо чело и руси големи очи, а всичкото това виражало душевна доброта и откровенен характер. Образите му били пълни и гладки, а тялото му — право и гиздаво... Характерът на Павлина бил един из ония характери, които в тревожните минути се не стараят да успокоят себе си, а раздражават се все повече и повече, мъчат себе си и създават небивали призраци“²⁶. За него хаджи Генчо казва: „такова едно ергенче, каквото ти и насъне не си виждала“. А Лила е Параскева Иванова Спасова, първата внучка на хаджи Геро Добрович Мушек, дете на дъщеря му Рада Герова (р.1817 г.) и племенница на Найден Геров. В действителност, както и в повестта до сватба се стигнало трудно, защото Параскева била само на 16 години, поради което баща ѝ и дядо ѝ не бързали да дадат съгласието си. Известно е, че по-големият брат на избраницата бил духовник (владиката Доротей Врачански) и би имал възможност да я изпрати в Самоковския метох, но не знаем дали това е направено, тъй като по-късно книгата му са изгорени. Но даже и да не се е изпълнило в действителност отмъстителното желание на хаджи Генчо след скарването му с дядо Либен (както е в повестта), прототиповете на младите герои наистина са създали семейство (пак като в повестта). По време на сватбата на най-младия си чичо Любен Каравелов е на шест години и половина, и с неговата наблюдателност и памет не е могъл да пропусне и забрави подробностите. Драгоя и Параскева имат девет деца: Личо, Лала, Лила, Стойка, Мария, Геро, Ана, Иван, Стойчо.

Стойчо Драгоев Каравелов (1865 - 1916). Жени се за Тана Груева – от там връзката между двата големи копривщенски рода Каравелови и Груеви. Завършва Минната академия във Фрайберг, Германия през 1890 г. Асистент е на професор Клеменс Винклер – откривател на елемента от Менделеевата таблица германий, който сега е заложен в цялата полупроводникова техника. Първите германиеви кристали са подарени от откривателя им

²⁶ Каравелов Л., Българи от старо време. – В: Избрани произведения, Т. II, София, 1955, с. 66.

на Стойчо Каравелов, който е активен помощник в експерименталната дейност на професор Клеменс Винклер. През 1890 г. постъпва в минното отделение на Министерство на финансите. В химическата лаборатория на отделението прави първите изследвания на полезни изкопаеми. От 1908 до 1915 г. е началник на Отделението за мините, кариерите и минералните води към Министерство на търговията, промишлеността и труда. През 1891 г. е участник в изработването на Закон за мините. Съгласно предложението от инж. Стойчо Каравелов Закон за мините, всички подземни богатства са собственост на държавата. Законът допринася за утвърждаване на държавния монопол върху експлоатацията на каменовъглените залежи в Пернишкия и Бобовдолския басейн. Работи като минен инженер в Перник и в Елисейна. Директор е на мина „Плакалница“ и завеждащ Дирекция. Превежда на български език първите ръководства за определяне на минералите. Той е държавен пълномощник при сеченето на българските монети в Берлин и Виена. Създава първата балнеоложка организация за използване на минералните води в България.

Стойчо и Тана имат четири деца: Пепа, Екатерина, Койка, Любен.

Третият Любен Стойчев Каравелов (1810 – 2003).

Завършва военно училище и генерал-щабна академия. Бил е гвардеец в ротата на цар Борис III, а през Втората световна война е зам. началник щаб на Втора армия, има орден за храброст от маршал Толбухин и от Йосиф Тито по време на последната фаза на войната и освобождението на Югославия. Покрай процесите от 1946 - 1947 г., когато голяма част от българската интелигенция е попиляна, влиза в затвор за три години. А когато излиза, естествено остава без работа. Работи като склададжия в предприятие. Прави историография на храм-паметник „Александър Невски“. Генеалогията е голямата му страст и прави множество родословни дървета - по сватовство, по болести, предавани по наследство, и даже художествено кратко родословно дърво „Ограничен растеж“, специално за сина му. Елена, съпругата му, по линия на баща си е от семейство на индустриалци. Завършила е американски колеж, живяла е във Виена и е знаела перфектно няколко езика. Любен Ст. Каравелов има две деца - Таня и Любен. Дъщерята е клончето от фамилиятото дърво, развиващо се в Канада. Синът Любен е електронен инженер, живее в София.

Копривщенските Каравеловци са здрав български род на творци, писатели, поети, държавници, управници, министри, кметове... Вписват се в националната памет и признателност с имената си. Името на Каравелови носят селища, училища, читалища, библиотеки, улици, площади.

Името в родния град носят имотите, къщите, училището. През 1924 г. с указ № 89 на Цар Борис III Каравеловата къща е отчуждена за „преобръщането ѝ на местен музей на нашата революционна епоха“. Каравеловите наследници продължили да ползват дома си, а баба Нена, жената на Христо Каравелов по цяло лято стояла на пейката до портата и канела гости да влязат и да видят къде се е родил Любен Каравелов. От 1935 г. датира първата експозиция в къщата на Каравелови. В лятната къща в две стаи имало битова подредба с портрети на Любен Каравелов и семейни снимки. За нея пише Ана Каменова в статията си „Първият музей“. На 3 февруари 1954 г. тържествено е открита къща музей „Любен Каравелов“.

И днешните Каравелови не късат връзката с Копривщица, на тяхната емоционална връзка с мястото, с градчето дължим подробни родословни таблици и дървета, семейни фотографии и вещи, все неща, експонирани в музея в Копривщица.

Мария Караниколова – служител при Дирекция на музеите – гр.Копривщица

ИЗПОЛЗВАНИ ИЗТОЧНИЦИ

1. **Арnaudов, М.** Любен Каравелов – живот, дело, епоха. БАН, С., 1964.
2. **Дренкова, Ф.** Като антична трагедия. Наука и изкуство, С., 1984.
3. **Каблешкова, Р.** Сто видни копривщенци. Пловдив, 2017.
4. **Доганов, Г.** Коя е майката на Любен Каравелов. - Исторически преглед, 1962, кн.2, с. 63.
5. **Копривщенските Каравелови и Любен Каравелов през обектива на генеалога.** – В: Сборник по случай 150-годишнината на Любен Каравелов. БАН, С., 1990, с. 334.
6. **Сп. Поборник и опълченец 1898-1901**, фототипно издание. Абагар, Русе. 2008. с. 62, 82 // Филип Симидов.
7. **Юбилеен сборник по миналото на Копривщица.** Съст. Арх. Евтимий, Т. II, С., 1937.

КАПАНЖИ Светлана, исследователь истории, магистрант Комратского государственного университета, Председатель общества репрессированных граждан ОО «Доорлук», Чадыр-Лунга – scapanji@mail.ru

РЕПРЕССИИ 40-х годов XX ВЕКА в с. ТВАРДИЦА ЧАДЫР-ЛУНГСКОГО РАЙОНА МССР

Целью настоящего исследования является выявление масштабов репрессий в болгарском селе Твардица Чадыр-Лунгского района в 40-е годы XX в. На основании архивных, библиографических, краеведческих и других материалов, в статье анализируются какие процессы происходили в с.Твардица в первой половине XX в., сколько этапов репрессий было в этом селе в советский период, сколько человек было подвергнуто аресту и депортации, сколько человек погибло, кем были эти люди, за что их арестовали, как сложилась их дальнейшая судьба, как сохраняется память об этих трагических событиях. Источником для этой работы служат данные Cartea Memoriei: Catalog al victimilor totalitarizmului communist.Volumul IV, дела репрессированных, хранящиеся в НАРМ и некоторые воспоминания участников этих событий и их потомков. По данным Cartea Memoriei Vol. IV, изданной в Кишиневе в 2005 г., в 1941 и в 1949 г. в с. Твардица были арестованы и высланы 196 чел.

Несколько слов о замечательном селе, теперь уже городе Твардица. Долгие годы он входил в состав Чадыр-Лунгской волости, пласы Чадыр-Лунга и Чадыр-Лунгского района. И на протяжении долгих лет это село было одним из лучших в районе по многим показателям. В начале XX в. в 1910 г. по данным книги Державина Н.С. «Болгарские колонии в России» в селе Твардица проживало 4269 чел., число дворов составляло 605, имелось в пользовании 7294 десяти надельной земли. Для сравнения, в волостном центре Чадыр-Лунга проживало 4467 чел. дворов было 795, земли - 7755 десятин. В 1915 г. в Твардице была почтово-телеграфная станция, действовали 2 школы, церковь, священником в приходе служил Солярский Алексей Ефимович.

По данным румынского статистического сборника 1923 г. и справочника SOCES в 1923 г. население Твардицы составляло уже 6141 чел., из них женщины 2857, мужчины 3284 чел. (для сравнения в Чадыр-Лунге 8198 чел.) В селе было 850 домов и 900 домашних хозяйств. Примаром села был Бельчевичен Константин, нотаром - Касым Ион, священником - Солярский Алексей. В селе уже действовали 3 начальные школы, работали почта, банк, 2 кооператива, было 24 ветряных мельницы. В 1939 г. Примаром в селе был Шупак Зиновий, нотар - Стойчев Любомир. О количестве населения у меня нет данных, но если учесть, что население Чадыр-Лунги в 1939 г. составляло 8681 чел., то в Твардице до войны проживало не менее 6500 чел.

28 июня 1940 г. в Твардице установилась советская власть. Была экспроприрована земля у богатых кулаков и у церкви. Земля стала государственной собственностью новой власти. Были образованы органы советской власти. Первыми председателями Твардицкого сельсовета были избраны Паскалов Г. (1940 г.), Папуров Антон (1941 г.) В этот период приехал служить в церковь св.Параскивы в Твардице отец Анатолий Теодоров, который ранее служил в коммуне Петрешть.

С началом войны 22 июня 1941 г. твардичане трудились для нужд фронта, все население села принимало участие в строительстве оборонительных сооружений. В селе был создан отряд по борьбе с вражескими диверсантами, который возглавил участковый уполномоченный Чадыр-Лунгского райотдела милиции Г.И. Овчинников. Но Красной армии пришлось отступать и вместе с ней уходила и часть активистов села. В середине июля 1941 г. в Твардицу вернулась румынская администрация. Примаром села вновь становится Бельчевичен Константин, его помощником Киров Георгий, нотар - Иордаки Ион. Священниками в военный период служили Шегев Яков и Танев Михаил. В октябре 1941 г. была составлена опись недвижимого имущества, оставшегося от депортированных семей в Россию. Это имущество следующих граждан: шеф де пост Подприятов Омартан, Попов Пантелей, Караиванов Иван, Пашев Иван.

Как и в каждом селе Бессарабии репрессии 40-х годов в Твардице проходили по схожему сценарию. В 1940 г. с установлением советской власти были введены в действие законы СССР о национализации земли, банков, промышленных и торговых предприятий. Органы НКВД сразу же стали выявлять враждебные «антисоветские элементы» среди оставшихся представителей органов власти, полицейских, офицеров царской и белой армий, крупных землевладельцев и торговцев и др. Определяли их принадлежность к той или иной партии. Репрессии против неугодных новой власти лиц продолжались и в 1941 г. вплоть до отступления советских войск в июле 1941 г. Но в Твардице были и свои особенности, связанные с тем, что в 1940-1941 гг. по сравнению с другими соседними селами было арестовано меньше людей – по неполным данным, известным на сегодня около 25 чел. вместе с семьями. Например, из Чадыр-Лунги за этот же период было арестовано и депортировано 81 чел при численности населения только на 25% больше, чем в Твардице.

По последним данным в селе Твардица аресты начались еще в 1940 г. Так, 25 октября 1940 г был арестован кулак ЗАБУНОВ Николай Петрович (1878-1942). Он имел в собственности до 30 га земли, скот, различный сельскохозяйственный инвентарь, состоял членом либеральной и национал – христианской (кузистской) партии. Этот человек, не принявший советскую власть, имел смелость прийти в сельсовет и сказать новым руководителям села «Вы босяки собрались сюда в сельсовет и хотите руководить всем селом, вы не можете руководить как следует своим хозяйством, а еще хотите здесь нами руководить...отбираете хлеб». Он был обвинен за антисоветскую агитацию и принадлежность к партиям по ст.54 п.10 и 54 п.13 УК УССР и умер в тюрьме № 1 г. Пенза.

Одновременно с арестами происходила подготовка операции по изъятию антисоветского элемента с территории МССР и Черновицкой и Измаильской областей УССР. Вся операция прошла одновременно на территории МССР, вышеупомянутых областей Украины и прибалтийских республик 13 июня 1941 г. С территории МССР было намечено к аресту 5033 глав семейств и к выселению 14542 чел. членов семей. В с.Твардица в 1941 г. были арестованы по данным Каталога 17 чел и среди них: Георгий Челак 1883 г.р., Любомир Стойчев 1913 г.р.- нотариус и секретарь Примарии, Каламанов Николай 1904 г.р. 13 июня 1941 г. арестовали 3 семьи Караивановых, Пашевых, Поповых в количестве

20 чел., которые были среди первых поселенцев Твардицы и пользовались почетом и уважением в селе. Главы семей были отправлены в лагеря, а их семьи - в далекий Казахстан, где провели в мучениях и лишениях долгих 15-16 лет. Как объяснил мне в 2013 г. краевед, директор музея - Язаджи Захарий Михайлович была команда, исходящая от руководителей села и в частности от председателя сельсовета Папурова, что кроме трех семей не трогать больше никого в селе. Его слова частично подтверждает и уроженец Твардицы, высланный с семьей в 1949 г. Шупак И.А., который в своем выступлении на митинге 31 октября 2021 г. сказал, что людей в Твардице арестовывали по указке руководителей сельсовета и осведомителей. Он же сказал о том, что в с.Твардица в 1941 г. было арестовано 27 чел. Им был составлен список жертв коммунистического режима с. Твардица в количестве 43 чел. (Главы семей) и передан в музей г. Твардица. Есть в этом списке и священник Анатолий Теодоров, о котором говорил на митинге доктор-хабилитат истории И.И. Думиника.

По воспоминаниям супруги нотари, учительницы Стойчевой Лидии в ночь с 28 на 29 июня 1941 г. священник Анатолий был подвергнут обыску представителем НКВД и арестован. В эти же дни был арестован и ее муж Любомир Стойчев. Их отправили в тюрьму НКВД в Чадыр-Лунгу. По свидетельству Л.Стойчевой «их держали неделю в самых ужасных условиях: без еды, в комнате с закрытыми ставнями на окнах, в которой дышало 40 человек и тьма освещалась светом. Лампа без стекла, взятая специально, чтобы раскрутить фитиль и полностью отравить удушающий воздух. Был июнь. И в четверг они пошли, как и многие другие, неизвестным путем изгнания. Мы не могли узнать ни направление, ни пункт назначения, куда они направлялись. Мне намеренно дали разные даты, чтобы запутать меня. С тех пор о них ничего не известно». Также она говорила о том, что священник Анатолий Теодоров «рассказывал о допросах, которым его подвергали, об обвинениях, выдвинутых против него, с такой горечью в голосе, что твоя душа болела от мысли, что среди людей могут быть такие звери». Судьба его семьи была трагической. Супруга умерли от боли и горя, а 6 несовершеннолетних детей остались сиротами, среди них сыновья Игорь и Мирча. Лидия Стойчева была благодарна отцу Теодорову за то, что он тайком крестил их дочь Аду, родившуюся в 1941 г.

Привожу краткие сведения из фондов Национального архива Республики Молдова (НАРМ) о некоторых арестованных в 1941 г. в селе Твардица.

СТОЙЧЕВ Любомир Константинович (1913-1942), болгарин, уроженец села Импуцита Измайского уезда. В 1933 г. он окончил среднюю школу в г.Кагул, а в 1935 г. поступил на должность сельского писаря (нотара) коммуны Ферапонтъевка Тигинского уезда. В 1939 г. был переведен Нотаром Примарии Твардица этого же уезда, где проработал до прихода советской власти. Затем он устроился на работу учителем в Твардицкую школу, где проработал до своего ареста 28 июня 1941 г. Его обвинили в том, что он являлся агентом жандармерии и являлся активным членом партии «Фронт национального возрождения» по ст.58 п.4 и 58 п.13 УК РСФСР. На основании этих обвинений он был расстрелян 24.09.1942 г. в Иркутской тюрьме.

ПАШЕВ Иван Яковлевич (1881-1942). Сын Староста Твардицы Дяко Пашева. Пашев И.Я. был примаром Твардицы, также он работал директором школы. Имел в собственности 44 га земли и 2 дома. По справке, выданной Твардицким сельским советом в 1941 г. у него было 1-2 постоянных рабочих и 4-5 сезонных работников. В 1940 г. его хозяйство было привлечено к обложению сельхозналогом по списку кулацко-зажиточных хозяйств и ему было начислено 4916 рублей сельхозналога. После ареста, Пашев И.А. попал в Свердловскую область, где его допрашивали в Управлении НКГБ по Свердловской

области. На вопрос в каких партиях он состоял и об его деятельности в этих партиях Иван Яковлевич дал следующие показания: «С 1923 по 1926 я принадлежал к партии генерала Авереску (Народная партия Румынии), с 1930 по 1938 г. к либеральной партии, а с 1938 по 1940 г.- к партии «Фронт национального возрождения». В партии Авереску я активного участия не принимал, ездил в составе делегации от села на Конгресс этой партии в г. Кишинев. В либеральной партии я был членом ее комитета, пропагандировал программу этой партии, агитировал за кандидатов ее в Румынский парламент. От «Фронта национального возрождения» я в 1938-1939 гг. был примарем в селе». Против Пашева И.Я. были выдвинуты обвинения по статье 58 п.13 Уголовного Кодекса РСФСР – Активная контрреволюционная деятельность при царском строе или у контрреволюционных правительств в период гражданской войны. Его обвинили в том, что он «был кулаком, эксплуатировал наемных рабочих, был активным членом контрреволюционных партий аверистов, либералов и «фронта национального возрождения», был Примарем в селе». Несмотря на то, что Пашев И.Я. признал себя виновным в предъявленных ему обвинениях, он умер в Ивдельяге (Свердловская обл.) 22 апреля 1942 г.

КАРАИВАНОВ Иван Антонович (1892-1942), занимался сельским хозяйством, имел в собственности 11 га земли, дом. Он работал помощником Примара и был арестован 13.06.1941. Был обвинен по ст.58 п.13 УК РСФСР в том, являлся агентом жандармерии и активным членом царнистской партии. Умер 28.01.1942 в Ивдельяге (Свердловская область).

Среди арестованных в 1941 г. были и уроженцы с.Твардица, проживавшие в других населенных пунктах Бессарабии. Это Казаков Владимир Николаевич (1878-1942) житель Кишинева, работавший начальником дистанции Кишинева, обвиненный как перебежчик границы СССР и скончавшийся в Ивдельяге 17.02.1942 г. Гайдаржи Христофор Захарович, житель с. Ларга Кагульского района, кулак, коммерсант, имевший в собственности 26 га земли и занимавшийся торговлей. Его оборот оценивался в 1 млн.826 тыс.лей. Он был обвинен в антисоветской агитации и в принадлежности к партии либералов по ст.58 п.13 УК РСФСР. Находясь в заключении в Ивдельяге, умер 5.10.1941 г.

8 человек из Твардицы было арестовано после войны в период 1944-1948 гг. Это Ариков Георгий, Ариков Дмитрий, Балтажи Георгий, Балтажи Иван, Барбов Георгий, Искизаров Захарий, Тарлев Федор, Шарков Домна. Их обвинили в саботаже, невыполнении обязательств по сдаче сельскохозяйственной продукции и в антисоветской агитации.

Тем временем готовилась так называемая операция «Юг», в результате которой было выслано на вечное поселение в Сибирь свыше 40 тыс.чел из Молдавии. Но предварительно они были лишены всего своего имущества, так же как и семьи в 1941 г. К примеру, в собственности у Пашева И.Я. помимо земли, было два дома. В одном из домов впоследствии разместили винзавод, а в другом доме и сейчас находится аптека.

6 июля 1949 г. из Твардицы было подвергнуто насильственной депортации 171 чел. или 35 семей с клеймом «кулаки», что на самом деле означало прежде всего сильный и крепкий хозяин на своей земле! Их под конвоем отправили на вечное поселение в Сибирь. Семьи Адамовых, Балтажи, Шупак А.И. попали в Бурят-Монголию, а семья Шупак З.С. – в Кемеровскую область. Остальные семьи были вывезены в Курганскую область. Это семьи Ариковых, Балтажи, Барбовых, Бобиковых, Богдановых, Калинковых, Карафизы, Крылевых, Врагелевых, Димитровых, Главчевых, Язаджи, Ламбовых, Маевых, Мариновых, Митковых, Попазовых, Попазовых, Шарковых, Шошевых, Тиновых, Забуновых.

Депортации в современной историографии трактуется как принудительная высылка лица или целой категории лиц в другое государство или другую местность, обычно — под конвоем.

В 1949 г. в поселок Чаша Курганской области была сослана семья Врагалева Ивана Васильевича, его жена Анна и трое детей: Таня, Гоши и Иван. Также были высланы родители Ивана - Врагалев Василий Г. и Врагалева Степанида Д., оба 1873 г.р., которым было на момент высылки уже 76 лет. Был выслан в Сибирь еще один сын Врагалевых Федор 1910 г.р. вместе со семьей своей жены Врагалевой- Крылевой Прасковьей 1910 г. в количестве 8 человек. В 1954 г. Таня Врагалева выходит замуж за своего односельчанина Георгия Карафизии и в пос.Чаша сыграли настоящую болгарскую свадьбу. Радостное событие для всех репрессированных, но так сложилась судьба, что детей у Тани и Георгия не было. После освобождения семья Врагалева Ивана с детьми поселилась в пос. Бородина, а семья его старшего брата Федора Васильевича Врагалева поселилась в пос. Серпневое . А их родители уехали к старшему сыну Дмитрию, который еще в 30-х годах переехал в с.Арса. Им не разрешили вернуться на родину в Твардицу и они так и остались жить в Украине.

Не вернулись в Твардицу и семья Шупак Афанасия Ильича, в семье которого было пятеро детей: Татьяна 1932 г., Прасковья 1943 г., Илья 1937 г., Федор 1941 г., Петр 1944 г. Они поселились и проживают со своими семьями в разных населенных пунктах Молдовы и Украины. На открытие памятника жертвам репрессий в Твардице 31 октября 2021 г. приехал из Чимишлии средний брат Илья, инженер-строитель по специальности. Он сообщил, что самый младший брат Петр, работавший врачом невропатологом в Кишиневе, скончался в 2020 г.

Таким образом, в селе Твардица аресты производились в 1940 г., в 1941 г. и в 1949 г. И если в 1940-1941 гг. было арестовано меньше людей, чем в соседних селах, то в 1949 г. в результате операции «Юг» было выселено вместе с семьями 171 чел. Всего в Каталоге по с. Твардица указано 196 чел. репрессированных граждан, а если учесть новые данные, то число репрессированных превышает 220 чел. В целом получается, что село Твардица также жестоко пострадало от репрессий, как и другие населенные пункты в Молдавии.

Очень отрадно, что инициатива Голубкова Владимира Ильича, семья которого была выслана в 1941 г. из Твардицы в Казахстан, была поддержана советниками и примаром г. Твардица Поповым Георгием и нашла такое прекрасное воплощение в памятнике жертвам репрессий. Эту идею Голубков В.И. вынашивал более 20 лет. Помогали ему установке памятника и другие жители Твардицы: Бритков Петр, Славов Иван, Попазов Петр, Пасков Даниил, Писов Афанасий.

. Наш общий долг по отношению ко всем жертвам репрессий – эта ПАМЯТЬ! Больше рассказывать и писать об этом, участвовать в различных мероприятиях, исследовать эту тему и записывать воспоминания очевидцев. И тогда память об этих трагических событиях будет жить вечно!

БИБЛИОГРАФИЯ

1. **Державин Н.С.** Болгарские колонии в России. София: Държавна Печатница, 1914, с. 26-27
2. **Справочная книга Кишиневской епархии на 1915 год.** Кишинев: Епархиальная типография, 1915
3. **Dicționarul statistic al Basarabiei. Ediția oficială.** Chișinău: Tipografia societății anonime «Glasul Țării», 1923

4. **Anuarul «SOCEC» al României Mare.** Vol.II – Provincia 1923-1924 Editura «SOCEC&Co.» SOC.Anon., București
1. **Поглубко К.А., Забунов И.Д.** Обновленная Твардица, «Картя Молдовеняскэ», 1980, с.70-72
2. **Валериу Пасат.** Суровая правда истории. Депортации с территории Молдавской ССР 40-50 гг / Валерий Пасат .- Кишинэу: Моментул, 1998
3. **Cartea Memoriei:** Catalog al victimilor totalitarizmului com munist.Volumul IV/ Coordinator Elena Postica, Chișinău: Știința, 2005
4. **Preotul Anatolie Teodorov** – un mărturisitor al lui Hristos <https://www.impantokratoros.gr/martirul-lui-hritos.ro>
5. **НАРМ,** Ф.112, оп.1. д.1681, том I
6. **НАРМ,** Ф.112, оп.1, д.1560, том II
7. **Дело Забунова Н.П.** НАРМ Ф.3401, оп.1, д.5423
8. **Дело Стойчева Л.К.** НАРМ Ф.3401, оп.2 д. 2227
9. **Дело Пашева И.Я.** НАРМ Ф.3401, оп.2 д. 1478
10. **Дело Караиванова И.А.** НАРМ Ф.3401, оп.1, д.5657
11. **Видео Язаджи З.М., Шупак И.А.**

КВИЛИНKOVA **Елизавета**, доктор исторических наук, доцент, Национальная академия наук Беларуси, Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы, Минск, Республика Беларусь – cvilincova@mail.ru

БОЛГАРОЯЗЫЧНЫЕ ПЕСНИ В ГАГАУЗСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ «ВЕРЯТНОГО» БИЛИНГВИЗМА ГАГАУЗОВ

В гагаузском песенном фольклоре представлен довольно объемный пласт песен на болгарском языке. Он является неотъемлемой частью их традиционной обрядности. Данный факт, с которым сталкивается каждый исследователь, изучающий духовную культуру гагаузов, требует всестороннего изучения и научного анализа. Сложность объяснения данного явления заключается в том, что большинство бессарабских гагаузов разных поколений, живущих в мононациональных селах, не владеют болгарским языком. Отсюда вытекает вполне закономерный вопрос о роли, значимости и функции болгарского языка в этнической истории и культуре гагаузов. Изучение данного аспекта связано с вопросом о «вероятном» или «реальном» гагаузско-болгарском билингвизме гагаузов, а также с проблемой этногенеза гагаузов.

Необходимо отметить, что песни на болгарском языке в большем или меньшем объеме имеют место у всех групп гагаузов. Более всего их представлено в песенном фольклоре гагаузов Болгарии, что вполне естественно, поскольку болгарский язык, будучи государственным, является средством общения, выполняет общеобразовательные и культурные функции. Еще 40–50 лет тому назад гагаузы Молдовы исполняли довольно много песен, главных образом обрядовых, на болгарском языке. Некоторые из пожилых информаторов и в настоящее время могут припомнить отдельные колядки или куплеты из них, заученные ими в прошлом. Песни на болгарском языке гагаузы пели при совершении земледельческих обрядов в дни важных календарных праздников, таких как: Рождество (колядки), Новый год (новогоднее поздравление в обряде Сурваки), Лазарева суббота (в весеннем девичьем обряде Лазари), реже – в обряде вызывания дождя Пипируда, иногда на свадьбах (в качестве застольных). Здесь же добавим, что часть обрядового фольклора гагаузов Молдовы (главным образом новогодние поздравления) исполнялись на молдавском языке. Болгароязычные песни (календарные, а также часть лирических и бытовых) в прошлом исполнялись и представителями старшего поколения гагаузов Украины и Греции [7; 10].

По мнению болгарских ученых (Г. Занетов, В. Матеева и др.), наличие в гагаузском фольклоре песен на болгарском языке свидетельствует о билингвизме гагаузов [3, с. 121-144; 14, с. 103-110]. В одной из своих публикаций В. Матеева обращает особое внимание на то, что при исследовании культуры гагаузов необходимо учитывать такое их качество как – билингвизм, который в фольклоре и в повседневном общении рассматривается ею как характерная черта их культуры. Интересной является высказанная упомянутым автором

мысль о том, что «двуязычието във фолклора на гагаузите е особеност на тяхната култура. Езиковият билингвизъм на общността може да се разглежда и в един поширок контекст, във връзка с понятието културен билингвизъм» [14, с. 112]. Здесь, по-видимому, автор имел в виду билингвизм гагаузов в различных сферах культуры в области терминологии. Однако автоматическое проецирование двуязычия, характерного для гагаузов Болгарии, на гагаузов Бессарабии, без учета особенностей билингвизма тех и других, а также без принятия во внимание существующих между ними значительных различий в области фольклора, будет искажать реальную картину использования ими языков. В этой связи В. Матеева справедливо обращает внимание на то, что билингвизм гагаузов, не только в повседневном общении, но и как отражение в фольклорной традиции, может по-разному проявляться в различных селах и регионах [14, с. 111].

Действительно, характерной чертой фольклора гагаузов Болгарии является билингвизм (гаг.-болг.), а у бессарабских гагаузов – трилингвизм (гаг.-болг.-молд.). Поэтому билингвизм гагаузов необходимо дифференцировать в соответствии с территорией их проживания. Следует разделять билингвизм гагаузов Болгарии, гагаузов Греции и бессарабских гагаузов, так как эти явления имеют различное содержание. Отметим, что билингвизм (или двуязычие) означает владение человеком или основной частью представителей этноса одновременно двумя языками. В этой связи вряд ли есть достаточно оснований говорить о реальном билингвизме других групп гагаузов (кроме как гагаузов Болгарии) по отношению к болгарскому языку.

Так, например, использование бессарабскими гагаузами болгарского языка происходило в строго фиксированных областях: в фольклоре; в терминологии, относящейся к календарной и семейной обрядности; в терминологии родства. Несмотря на довольно широкое употребление ими терминов и обрядовых текстов, составляющих часть традиционной культуры, гагаузы в основной своей массе не использовали болгарский язык как средство общения ввиду того, что не владели им (данный вопрос на основе архивных документов был исследован нами в ряде работ [6, с. 396-417; 7; 9-11]).

Относительно обрядового фольклора бессарабских гагаузов отметим, что песни на болгарском языке исполнялись колядующими с большими искажениями, поскольку заучивались ими механически. При этом о смысле песни они знали лишь в общих чертах. Как мы уже отмечали, кроме песен на болгарском языке, их обрядовая поэзия включала в себя и тексты на молдавском/румынском языке, связанные с новогодним колядованием. Ситуация с исполнением гагаузами песен на молдавском/румынском языке примерно такая же, как и с болгарскими песнями. Наряду с этим, ряд терминов восточнороманского происхождения довольно широко использовался указанной группой гагаузов в календарной обрядности, в названиях блюд, в терминологии родства [5-6]. Это дает основание говорить не о билингвизме, а о трилингвизме бессарабских гагаузов в области фольклора и терминологии. Вместе с тем отметим, что у основной части гагаузов Молдовы и Украины болгарский и молдавский языки не выполняют функцию средства общения. У гагаузов Приазовья обрядовый фольклор бытует, в основном, на украинском языке (местный диалект близкий к русскому), что свидетельствует о значительном восточнославянском влиянии, наблюдаемом у данной группы гагаузов.

Имеющиеся у гагаузов заимствования в области фольклора и социально-бытовой культуры являются результатом тесного этнокультурного взаимодействия с различными этносами, длительное время проживающими с ними по соседству. Одновременно с заимствованием некоторых земледельческих обрядов (например, в рождественской и

новогодней обрядности) у соседних народов была воспринята и обрядовая поэзия. Характерной чертой фольклора бессарабских гагаузов является то, что обрядовая поэзия на родном языке представлена довольно слабо (особенно календарные обрядовые песни). У других же групп гагаузов она практически не сохранилась.

Таким образом, вопрос о функционировании языка у гагаузов требует ответа на другой спорный вопрос: были ли они в основной своей массе двуязычны при переселении в Бессарабию? Помимо упомянутых болгарских ученых, точка зрения о билингвизме гагаузов была высказана Л. А. Покровской: «Усвоение гагаузами турецких и болгарских песен было возможно, с одной стороны, благодаря развившемуся среди них двуязычию, то есть знанию большинством гагаузов болгарского разговорного языка, а с другой – близости гагаузских говоров в Болгарии к местным турецким говорам» [16, с. 5]. Можно согласиться с нею в том, что заимствование сюжетов песен у болгар свидетельствует о двуязычии гагаузского фольклора, но не самих гагаузов.

Обнаруженные нами материалы, хранящиеся в Национальном Архиве РМ, не дают оснований говорить о реальном гагаузско-болгарском двуязычии по отношению к гагаузам Бессарабии. Эта проблема требует специального исследования. На основании имеющихся данных, позволяющих рассмотреть ситуацию относительно языкового вопроса в некоторых гагаузских и смешанных гагаузско-болгарских селах, можно достаточно определенно говорить о том, что в начале XIX в. (и позже) бессарабские гагаузы в основной своей массе все же не владели болгарским языком. Об этом можно судить по приводимым Н. С. Державиным сведениям [1, с. 14]. Так, в своей работе, опубликованной в 1937 г., он писал, что гагаузы «поют колядки по-болгарски, не зная ни одного болгарского слова» [1, с. 14]. По-видимому, двуязычие существовало в основном в этнически смешанных селах и семьях. В настоящее время в смешанных гагаузско-болгарских селах Молдовы и юга Украины гагаузы в той или иной степени владеют болгарским языком на бытовом уровне (равно как и болгары гагаузским). О реальном билингвизме гагаузов Молдовы можно говорить по отношению к русскому языку, который является средством общения. С его помощью гагаузы получают знания в школах и вузах, а также происходит их приобщение к мировым культурным ценностям. Старшее поколение, жившее в румынский период (1918–1940 гг.), понимает румынский язык и может говорить на нем.

Историографические данные (за XX в.), отражающие владение гагаузами Болгарии болгарским языком, и, соответственно, степень понимания смысла исполнявшихся ими песен, представлены в работах ряда исследователей, в том числе болгарских. По этому поводу чешский историк К. Иречек писал следующее: в Варненском округе мальчики часто пели болгарские песни, не понимая их содержания [4, с. 890]. Аналогичного рода сведения находим в работе болгарского ученого В. Маринова. Он также обратил внимание на то, что некоторые гагаузы поют песни на болгарском, зачастую не понимая их. Они передаются из поколения в поколение [13, с. 52].

Некоторые проявления положения вещей, существовавшего в отношении «знания» болгарского языка, отражаются в гагаузских селах Болгарии и в настоящее время, о чем свидетельствуют данные, приводимые современными болгарскими исследователями. Так, В. Матеева пишет: «Среди старшего поколения все еще есть те, которые очень слабо знают болгарский язык, и потому они с большим трудом могут перевести песню, исполненную ими турецком языке» [14, с. 110]. Данная картина, согласно исследованиям Й. Коларовой, характерна и для гагаузов Греции. Несмотря на то, что значительная часть песен, главным образом обрядовых, исполнялась ими на болгарском языке, тем не менее, отмечает она, они

не понимали их содержания. Эти песни передавались из поколения в поколение путем механического заучивания – «папагал гиби» («как попугай»), пишет автор статьи, приводя в доказательство не вполне приемлемые для цитирования слова информатора. Тем не менее, даваемое ею уточнение раскрывает суть данного явления. Она отмечает, что в некоторых случаях представители исследуемой ею группы гагаузов совершенно не знают болгарского языка [15, с. 109].

А из приводимых А. Мановым данных по гагаузам Северо-Восточной Болгарии за начало XX в. следует, что они твердо и упорно поддерживали свою национальность. Болгарские семьи, поселившиеся в гагаузских селах, «вместо да побългарят гагаузите, сами си били погагаузчени». Далее он отмечал, что болгарские учителя в гагаузских селах вместо того, чтобы обучать болгарскому языку, сами выучивались турецкому и воспринимали их нравы и обычаи [12, с. 35].

Сведения о языковой ассимиляции гагаузами Болгарии болгар приводятся также современным болгарским тюркологом Д. Димитровой. Согласно ее данным, болгары, поселившиеся в гагаузских селах, через одно-два поколения усваивали язык «тюркче» и огагаузивались. По этому поводу она приводит высказывание своего прадеда: «Помежду гагаузите който живее, става гагаузин» [2, с. 93].

На основе приводимых в статье Г. Занетова «Български народни песни от села Конгаз, Бесарабия» данных, можно рассмотреть некоторые моменты процесса этнокультурного взаимодействия и языковой ассимиляции на примере указанного села. При этом отметим, что аналогичная ситуация была характерна и для других гагаузских населенных пунктов данного региона. Из представленных в его публикации сведений можно сделать вывод о том, что при смешанном браке представители болгарского этноса в повседневном общении довольно часто использовали гагаузский язык, в то время как болгарский язык имел ограниченное хождение (употреблялся только внутри семьи при общении носителя языка со своими детьми).

В заключении отметим, что песни на болгарском языке составляют довольно объемный пласт в гагаузском песенном фольклоре и являются неотъемлемой частью их традиционной обрядности и терминологии. Однако выявленные нами архивные и историографические данные, относящиеся к началу XIX в. и к более позднему времени, не подтверждают гипотезу о билингвизме основной части гагаузов Бессарабии. Они не дают оснований для утверждений о том, что гагаузы какого-либо села в основной своей массе одновременно владели и болгарским языком. Исходя из этого, правомерно вести речь лишь о билингвизме песенного фольклора гагаузов (у бессарабских гагаузов – о трилингвизме), а также терминологии, отражающей определенные области традиционной культуры гагаузов.

На основании проведенного нами исследования можно говорить о том, что на территории Бессарабии в результате тесного этнокультурного взаимодействия и межнациональных браков в смешанных селах с численным преобладанием гагаузов происходила постепенная и естественная ассимиляция болгар, что, в свою очередь, способствовало обогащению гагаузского фольклора сюжетами болгарских песен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Державин Н.С. О наименовании и этнической принадлежности гагаузов // Советская этнография. 1937. № 1. С. 80-86 (переиздано отдельной брошюрой: Кишинэу, 2005. 24 с.).

2. **Димитрова Д.** Етнолингвистични изследвания и теренната работа (по материали от кв. Виница – гр. Варна) // Украйна и България. Етнокултурни и етнолингвистични аспекти. София: Албатрос, 1999.
3. **Занетов Г.** Български народни песни от с. Конгаз, Бесарабия // Списание на БАН, кн. XLV. № 22. София, 1933. С. 121-144.
4. **Иречек К.** Пътувания на България. София, 1974.
5. **Квилинкова Е.Н.** Гагаузы Молдовы и Болгарии (Сравнительное исследование календарной обрядности, терминов родства и фольклора) Chişinău, 2005. 308 с.
6. **Квилинкова Е.Н.** Традиционная духовная культура гагаузов: этнорегиональные особенности. Кишинев: Business-Elita, 2007. 840 с.
7. **Квилинкова Е.Н.** Гагаузский песенный фольклор – «Грамматика жизни». Кишинев: Elan Inc, 2011. 568 с.
8. **Квилинкова Е.Н.** Апокрифы в зеркале народной культуры гагаузов. Кишинев-Благовград: Tip. Centrală, 2012. 600 с.
9. **Квилинкова Е.Н.** Православие – стержень гагаузской этничности. Комрат-София: Tip. Centrală, 2013. 872 с.
10. **Квилинкова Е.Н.** Гагаузы в этнокультурном пространстве Молдовы (Народная культура и этническое самосознание гагаузов сквозь призму связи времен). Кишинев: Tipogr. Centrală, 2016. 732 с.
11. **Квилинкова Е.Н.** Соционормативная культура гагаузов: традиции и трансформации. Кишинев: Tipogr. «Print Caro», 2020. 344 с.
12. **Манов А.** Потеклото на гагаузите: техните обичаи и нрави. В две части. Варна, 1938.
13. **Маринов В.** Принос към изучаването на бита и културата на турците и гагаузите в Североизточна България. София, 1956.
14. **Матеева В.** Поглед върху етноложките изследвания за фолклора на гагаузите // Български фолклор. Кн. 1–2. София, 1999. С. 103-110.
15. **Коларова Й.** Из гагаузкия фолклор на с. Олпаша, Одринско (Материали) // Филология, № 10–11. София, 1982. С. 108-114.
16. **Покровская Л.А., Чернышева М.Б.** Народные песни гагаузов. М., 1989.

КОВТУН, Татяна, учителка по български език – село Чушмелий / Криничное, Болградско, Одеска област, Украина – tanyakovtun671@ukr.net

ХАРАЛАМПИ САВОВ МИТАНОВ — ЧУШМЕЛИЕЦ — БЕЛЕЖИТ ОБЩЕСТВЕН ДЕЕЦ И НАРОДЕН БУДИТЕЛ

Официалната дата за основаване на с. Чушмелий (Криничное) се смята 1813 година, но присъствието на преселниците-бежанци в тази местност се регистрира още през 1806 година. Официалното име на днешното Криничное от 1855 г. е *Чешма-Варуита*. Стара легенда гласи, че беженарите-преселници стигнали до един многоводен извор и спрели до него, за да си напоят конете. Поогледали се – харесало им! Така си останали на това място. Точно този извор (книж. *чешма*, диал. *чушми*) впоследствие служи за официалното название на селото. Чушмелийци са преселници от Провадийско, Шуменски край, и говорят на своеобразен съртски диалект със силен тюркски субстрат, който е трудноразбираем и труднодостъпен за усвояване за жителите от околните села. Архаичният чушмелийски говор и до днес е ползван от своите носители за битово общуване. Съответно и името на селото е от *чушми* → *чушмелии*, т. е. онези, които притежават, владеят това природно богатство. Думата *чушмелии* (форма за мн. ч.) претърпява промени и започва да се употребява формата за м. р., ед. ч. *чушмелий* → село Чушмелий.

Чушмелий остава име на селото и завинаги се закрепява в съзнанието на неговите жители-чушмелийци.

Когато румънските власти установяват господството си в Южна Бесарабия, именуваат колонията *Чешма-Варуита* (рум. *Бяла чешма*). Това име става официално и се употребява в писмената реч и документацията до 1946 г. През 1947 г. в Южна Бесарабия уточняват се и се променят имената на селата. Така Чешма-Варуита става *Криничное* (от укр. *криниця* — чешма).

Чушмелий винаги е било село. Само един кратък период (от 1926 г. до 1928 г.), когато генерал Авереску оглавява румънското правителство, Чушмелий е районен център (*pretura*). Ръководил района чушмелиецът Харалампи Савов Митанов, човек със стопанска хватка в живота и държавно мислене. В Чушмелий, още по-рано, в края на XIX век, се раждат видни българи от рода Агура — генерал Георгий Агура и професор Димитър Агура, известният юрист Лазар Маринов. Те вземат най-активно участие в изграждането на основите и развитието на Третата Българска държава.

Денят 29 октомври е известен в историята на целия български род като Ден на бесарабските българи. Отбелязването на тази дата като държавен празник не е случайно. Историята на бесарабските българи е дала достатъчно основания за подобно определение.

Известно е, че бежанските вълни съвпадали с многобройните руско-турски военни конфликти на Балканите и, като резултат, около 400 хиляди българи се преселват в

Молдова, Влашко и Бесарабия, на територията на която през определени периоди 9 пъти се сменя властта от руска на румънска, и от румънска на руска. През тези нелеки времена бесарабският българин е живял и се е трудил, пазил непоколебимите си ценности. Намерил възможности за относително свободно развитие, българинът в Бесарабия полага усилия за съхранение на своята православна вяра, роден език, традиции и обичаи. Обществената и родолюбивата дейност на Харалампи Митанов съвпада с времето на Първата световна война, а след нея и с предпоследния период на румънската окупация на бесарабския край.

Наньо Савов Митанов е бесарабски българин, бележита личност, водач, който носил огъня на народностното българско самосъзнание и се е борил за доброто и свободното развитие на българите в Бесарабия. Неговият непримирим и свободен дух явно се е формирал под влиянието на гореспоменатите личности, с които Митанов е имал тесни роднински връзки. Роден е на 20 февруари 1889 г. в село Чешма-Варуита, Измаилски уезд (днес с. Криничное, Болградски район) в семейството на Сави и Мария Митанови. Майка му принадлежи към ученлюбивия род Маринови (Маринчовите), нейният близък роднина в един период е бил примар в Чушмелий. Началното си образование Митанов получава в Русчук, след това завършва Първа Софийска мъжка гимназия. По спомените на информаторите малкия Митанов бил откаран в Русчук от своя вуйчо, Лазар Маринов. Висше образование получава в Новоруския университет в гр. Одеса (днес Одески национален университет “Иля Мечников”). Там следва медицина, право и естествени науки. В Яшкия университет следва педагогически курсове. В Букурещ учи във Висшето селскостопанско училище.

1914-1918 гг. — върви Първата световна война. По бесарабските земи се откриват два фронта — Юго-Западният и Румънският. Чушмелий е едно от селата, които са най-близко до предната линия. На този фон стават очевидни трудностите (и не само за Чушмелий) на военното време, довели до крайно разорение селските стопанства. Почти всичкото мъжко население било мобилизирано. Българите, гагаузите са пръснати по фронтовете, на тях им е отредено да воюват като руски поданици. 1917 г. — в Петроград избухва машабно революционно въстание, вековната Руска империя се руши, руският сектор на фронта отслабва. Русия излиза от войната с поражение и с големи териториални загуби. Следвоенната разруха, големият брой инвалиди, изнемощялото население, сушата водят до страшна икономическа криза в Бесарабия. При тази икономическа и политическа нестабилност, анархия, бесарабските българи са в пълна неизвестност. Използвайки ситуацията, Румъния анексира Бесарабия и установява своя власт.

Когато в Русия пламва революционното въстание, в г. Болград през 1917 г. се създава революционен комитет, инициран от Наньо Митанов. Негови идейни сподвижници и съмишленици са адвокати, едри земевладелци, лекари — будни българи-патриоти. Комитетът има цел: провъзгласяване на самостоятелна република или област, която ще се присъедини към България. Членуващите в Комитета изработват и пращат петиция в *Сфатул Цэрий* (рум. *Съвет на страната*) с искане автономия на Бесарабия с център Болград. За да се стабилизира обстановката в края и да се постигне поне някакъв ред в живота на бесарабци, Комитетът провъзгласява Чешма-Варуита за Република с президент Харалампи Митанов. Републиката провъзгласява своята независимост и съществува от 1917 до 1918 гг.

1918-1940 гг. — това е пореден румънски период на управление в Бесарабия и румънските власти предприемат различни насилствени мерки за асимилиране на местното население: не позволяват да се говори на български, закриват българските училища,

използват физическо насилие. Това е период, по време на който върви борба за отстояване правата и свободите на българите и период на възраждането на националното образование. Наньо Митанов, личност с високи патриотични изяви, противостои на унижителната и губителната политика спрямо българите в Бесарабия и развива бурна обществена дейност в защита на своите сънародници. През 1918 г. в Болградската гимназия се възстановява преподаването на български език във факултативна форма, а от 1919 г. — като редовен предмет. Митанов е един от първите преподаватели в гимназията по роден език. В Болград се създава и Централен комитет за защита на малцинствата с председател Наньо Митанов. Какво предприема комитетът, за да отстои правата на българите?

През 1919 г. с писмо до румънските власти се иска откриване на български училища и създаване на Национална автономия “Български национален окръг”. Митанов е инициатор за подготвянето на Мемоар от името на бесарабските българи до Парижката мирна конференция за откриване на български училища и съдилища. Наньо Митанов, заедно с Георги Будуров, чушмелиец, пощенски куриер, обикалят колониите Бабата, Кайраклия, Дермендере, Шикирли-Китай, Ташбунар и агитират населението да учи роден български език в български училища. Заедно със С.

Юркевич той заминава за България и докарва учебници за нуждите на българското просветно дело в Бесарабия. Под ръководството на Митанов и учителя Иван Аتماжов-Константинов в Чушмелий се открива нелегално българско училище. Предполагало се е то да бъде издигнато до статут на гимназия.

През 1921 г. в Болград се свиква Конгрес на българските просветители, където се разискват проблемите на българската просвета. Митанов, един от организаторите на Конгреса, прави официално заявление пред румънските власти за необходимостта да се откриват училища с български език обучение по причина, че в Бесарабия живеят около 500 хиляди българи. Вече депутат в румънския парламент, Митанов изпраща свои представители по селата да събират подписи за създаване на Болградски жудец.

Митанов е депутат в румънския парламент (1921-1927 г.), избран с листата на Партията от народа, начело с генерал Александру Авереску. През 1922 г. по наредба на румънското правителство във всички учебни заведения в Бесарабия е въведен румънски език на обучение. Бесарабските просветители дават съдебно искане в Букурещ за възстановяване на българския език в училищата. Съдебните решения не са в полза на искащите и Болградската гимназия губи почти всички свои доходи — румънското правителство национализира всички земи и езерото Ялпуг. Не едно пътуване е извършил Митанов до Букурещ, доказвайки в съда правото на българите.

В периода от 1926 г. до 1928 г., когато правителството на Румъния още е оглавявано от генерал Авереску, село Чешма-Варуита е районен център (*pretura*). Ръководил е района жителят от с. Чешма-Варуита Наньо Савов Митанов. Землените му владения се намират близо до езерото Ялпуг, а покрай самия бряг Митанов изгражда къща, изкопава кладенец. Старите жители на с. Криничное (Чушмелий) помнят това място като райско кътче, потъващо в цветя, насадено с плодови дървета и лозя. До днес чушмелийци знаят *Митановата къща на Мантулу* или *Къщата на дядо Наня Митанов*.

1936 година. Жителите на с. Чешма-Варуита се нуждаят от нова църква. Митанов издейства разрешително и получава немалка сума пари за осъществяване строителството на храма. Той взема най-активно участие в това мероприятие: заедно с жителите на селото водачът залага във фундамента бутилка с бележка с датата и с имената на участниците в строежа. Приблизително в същите години започва и строителството на шосето, съединяващо два градски центъра — Болград и Измаил. Приближава се най-страшното — неизбежното начало на Втората световна война и строителството на пътя има стратегическо значение. Благодарение на Митанов, на неговата далновидност и настойчивост, шосето все пак се прокарва през цялото село, за да остане в бъдеще в полза на народа. “Войната ще си отиде, а пътят ще остане за миряните,” — това са думите на Митанов. Нямало е чушмелиец, живял в ония години, който да не си е взел участие в издигането на храма и строителството на пътя. Облият камък за настилка, тухлите за църковната сграда ги докарвали с каруци, товарели ги и ги разтоварвали ръчно. Митанов и ръководи строителството, и работи наред с другите.

Красивата двуетажна сграда с арки и колони в центъра на селото недалеч от *Белия извор* — сградата на местното управление — също се строи при Наньо Савов Митанов. Днес сградата, добре поддържана, е в действие: там се разполага управлението на Криничненската рада. Днес храмът “Свети Димитър Солунски” (който в съветско време по заповед на властите беше почти срутен, а при независима Украйна възстановен), а също пътят и сградата, реставрирани и обновени, са жива памет, оставена на поколения чушмелийци от чушмелиеца Наньо Савов Митанов.

Харалампи Митанов създава семейство с Анна Кирякова, негова съселянка, от много заможен и богат род. Анна завършва Болградската гимназия с отличен успех и има право да работи като учителка. Баща ѝ, Алекси Киряков, на сватбената трапеза подписва документ, с който дарява 50 десетини земя на своя зет, Наньо Митанов. Земите на Митанов се увеличават, голяма част от тях той засажда с лозя. Търси, намира и прави трайни връзки с най-добрите производители на виното, например с Димитър Ненчев от Болград, организира делови срещи. Вече едър земевладелец, той придобива голям опит в специализацията си и след години заема поста на Директор в Измаилския филиал на профсъюзите по винопроизводство. В семейството на Митанови се ражда единствен син Виктор.

През 1940 година Наньо Савов Митанов е репресиран от съветската власт по донос. В нощно време “черният ворон” изкарва семейството от село. Властите заселват Митанови в далечния Узбекистан, в град Джизак. Там, на чужда земя, сред хора с друга менталност и друго вероизповедание, в непозната битова среда, с друга култура и чужд език, българинът Митанов — човек със стопанска хватка в живота и държавно мислене проявява своите водачески и организаторски способности, издига се до ръководител на строителството на водния канал във Ферганската долина. Силният дух и жизнелюбието, светлата му представа за живот, обичта към хората и прекаленото българско трудолюбие винаги го крепят в жизнените изпитания. До ден последен в живота си той се труди с блага душа и за доброто на другите: сади лозя, плодови дървета, отглеждаше градини с рози. От името на болните от туберкулоза пише молба до градските власти да му бъде даден голям парцел земя. В двора на туберкулозната болница в град Джизак, в която единственият му син е главен лекар, Митанов насажда най-различни видове череши, ябълки, сливи, кайсии, за да се хранят болните, сади повече от 100 корена рози.

Заедно със съпругата си се грижи за градините, Анна Митанова лично вари сладки и компоти за болните.

През 1960 година в Узбекистан става страшен земетръс и след време семейството заминава за град Краснодар, Русия. В този град и днес живеят потомци на Митановия род.

За последен път Харалампи Савов Митанов идва в Чушмелий през 1975 г. Посещава всичките си роднини. Не подминава и дома на стария си приятел Георгий Василиевич Будуров, пощенския работник. Там, в тесен приятелски кръг той споделя как узбеките го носели на ръце, като видели вода в канала. Наньо Митанов съставя първото родословно дърво на чушмелийските семейно-родствени групи.

В живота си Наньо и Ана Митанови трябвало да преминат през още едно премеждие — тежко се разболява синът им Виктор и през лятото 1979 година умира. Наскоро напуска живота и баба Анна. Харалампи Савов Митанов умира през 1983 година. През 2016 година умира и Нина, снахата му. Всички Митанови са погребани в гр. Краснодар. В момента в дома на Митановите в Краснодар живее Наньовата правнучка Марина.

Родът на Наньо Савов Митанов

Наньо Митанов — глава на семейството;

Анна Алексиева Кирякова — съпруга;

Виктор Митанов — син;

Нина — снаха, съпруга на Виктор;

Наталия — дъщеря на Нина и Виктор Митанови;

Марина — внучка на Виктор Митанов.

ИЗТОЧНИЦИ

Думиника И. К вопросу о болгарах и гагаузах в Сфатул Цэрий / Иван Думиника // Бужак: от прошлого к настоящему (Сборник статей к 80-летию Ивана Федоровича Грека) / Иван Думиника. – Кишинев: Lехон-Prim, 2019. – С. 289–314.

Колесник В. До питання про традиційну класифікацію болгарських говірок в Україні / Валентина Колесник // Българите в Северното Причерноморіе. Изследвания и материали / Валентина Колесник. – Одеса: Симекс-принт, 2018. – С. 401–420.

Державин Н. С. Болгарскія колоніи в Россіи (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губерніи). – София: Мартилен, 1914. – 304 с.

В статията също така са използвани материали от архивните документи, открити от историка Благовест Нягулов, и материали от групата “Измаил. Отражение времени” в социалната мрежа Фейсбук (<https://www.facebook.com/groups/russ777>).

По-голямата част на статията са сведения, записани от информатори, които лично познавали Митанов. Това са:

- **Димитрий Савич Митанов**

- **Кирил и Варвара Митанови** — племенници на Наньо Митанов

- **Домникия Алексеевна Койчева (Кирякова)** — братова внучка на Анна Митанова (Кирякова)

- **Мария Георгиевна Райчева (Будурова)** — дъщеря на Георгий Будуров, който беше най-близък приятел на Наньо Митанов.

Всички са жители на село Криничное (Чешма-Варуита), Болградски район.

За първи път статията беше публикувана във вестник “Роден край”, №44 от 02.11.2013 г., във връзка с 200-годишнината на село Криничное. Представената версия е дорботена и съдържа нови материали.

КОМАР Яна, кандидат исторических наук, преподаватель –
Международная школа английского языка «Helen Doron», Краснодар
Российская Федерация – komaryana2006@gmail.com

БОЛГАРЫ БЕССАРАБИИ И КРЫМА В СОВЕТСКО-РУМЫНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 1930-1940-Х ГОДОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОТРАСЛЕВОГО АРХИВА СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ УКРАИНЫ)

Бессарабия находилась в составе Румынии в течение 22 лет с 27 марта 1918 года, когда Совет Края Молдавской Демократической Республики проголосовал за объединение Бессарабии с Румынией (после вторжения румынских войск на территорию), до 28 июня 1940 года, когда согласно секретному протоколу советско-германского пакта 1939 года и после ультимативных нот Советского правительства Бессарабия была передана Советскому Союзу, основавшему на её территории Молдавскую ССР. В результате таких геополитических манипуляций болгарское население региона в короткий промежуток времени оказалось подданными нескольких государств. На болгар, проживающие на других территориях, эти события тоже оказали влияние, в частности на болгар Крымского полуострова.

Каким образом советско-румынские отношения повлияли на болгар Бессарабии и Крыма? Существовал ли эффект солидарности со своими братьями (болгары Бессарабии и Крыма) или принадлежность к разным государствам привнесла разрозненность в ряды болгарского населения?

Одной из ведущих институций, которая может пролить свет на интересующие нас проблемы, является Государственной отраслевой архив Службы безопасности Украины (ГОА СБУ), где находится на хранении подборка литерных дел по болгарским поселениям в Крыму и по крымским болгарам, проживающим в смешанных селениях, под названием „Болгария” и „Румыния”. Материалы этих дел отражают деятельность Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) при СНК СССР в Крыму в отношении болгар полуострова.

Геополитическое и геостратегическое значение полуострова, где 18 октября 1921 года учреждалась Крымская Автономная Социалистическая Республика в составе РСФСР, всегда было велико. Долгая борьба за эту территорию, история ее присоединения к русским владениям, особенности формирования многонационального населения и утверждения здесь советской власти, базирование в Севастополе Черноморского флота, наконец, – все привело к установлению особо пристального внимания к крымскому региону со стороны руководства СССР. Пребывая в состоянии постоянной подозрительности, тоталитарное государство видело «врагов народа», пособников и предателей едва ли не в каждом втором жителе полуострова. В Крыму особенно недоверчиво относились к болгарам, туркам,

грекам, армянам и татарам. Для постоянного контроля над ними и общественными настроениями вообще был создан мощный государственный политический сыск.

Напомним, что учрежденное в 1922 году Государственное политическое управление (ГПУ) занималось подавлением открытых контрреволюционных выступлений и проявлений бандитизма; принимало меры охраны и борьбы со шпионажем; осуществляло политическую охрану границ РСФСР; борьбу с переходом границ республики без соответствующих разрешений.

На территории СССР существовал Крымский отдел ОГПУ, в понятийном аппарате которого использовался термин «оперативно-агентурная разработка колонии». В данном случае термин «колония» означал, видимо, совместное проживание на определенной территории выходцев и переселенцев **из какого-нибудь государства – представителей одной национальности вне зависимости от формы расселения** (компактное или дисперсное). Например, все болгарское население Крымского полуострова (как советские, так и иностранные подданные) считалось представителями одной болгарской колонии, которая проходила в Крымском отделе ОГПУ под название «Болгария»[1]. При этом в литературном деле «Румыния» указывается, что как таковой румынской колонии в Крыму нет, самих румын по полуострову насчитывается около 200 человек, при этом отдельно от румын фиксируется определенное количество бессарабцев на полуострове (к которым причислялись представители всех национальностей местом выхода которых была территория Бессарабии, присоединенная к Румынии в 1918 году)[2]. В число бессарабцев включались и болгары Бессарабии, соответственно болгарское население попадало под двойной надзор со стороны ОГПУ, как возможные «шпионы» Болгарии и Румынии.

Выдержка из литературного дела «Румыния»: *«Возможность этой переброски в СССР облегчалась для многих из них еще тем, что ряд румынских агентов, являясь по национальности бессарабцами, через наше полпредство в Праге оформили свое советское гражданство и таким путем безнаказанно прибыли в СССР»*[3]. Из чего, во-первых, следует, что советское правительство достаточно лояльно относилось к жителям Бессарабии, которая находилась под властью Румынии, предоставляя им возможность получения советского гражданства на условиях воссоединения семей, политической эмиграции и прочие, а, во-вторых, маркировала жителей этого региона как представителей одной национальности.

Большое количество болгар проживало в смешанных поселениях. Если в Феодосийском районе поселки Болгарщина и Кишлав были моноэтничными (795 и 1759 человек), то Коктебель, Булчанак, Кипчак считались смешанными с соответствующим количеством болгар 760, 53 и 24 человека.

На начало 1932 года общая численность болгар в Крыму составила 11377 чел., из них в сельской местности проживало 10015 болгар. В отличие от XIX – начала XX в. влияния на численность болгар Крыма миграционных потоков из Болгарии или из внутренних районов СССР не наблюдалось. Болгарские перебежчики или политэмигранты по прибытию в Крым незамедлительно ставились на учет и брались в разработку, а их перемещение по стране отслеживалось.

Для спецслужб было важно определение политического и экономического состояния населения в болгарских колониях. Сложность вопроса состоит в том, что за очень короткий исторический промежуток времени советская власть провела ряд крупных реформ, которые коренным образом меняли жизнь населения по всей территории страны. Сюда следует отнести НЭП и его свертывание, индустриализацию, коллективизацию, которая носила

оттенок штурмовщины с явно принудительным характером, непомерные нормы хлебозаготовок, искусственно созданный голод, репрессии, формирование, развитие, а затем и ликвидацию национальных районов и многое другое.

Крымскими болгарскими поддерживалась связь с родственниками путем переписки. Советские органы безопасности активно вели перлюстрацию как входящей корреспонденции из Болгарии и Румынии, так и исходящей из Крымского полуострова. Переписку с родственниками и знакомыми за рубежом вели не только болгары, но и русские, имевшие родственников за границей. Содержание переписки болгар в основном сводилось к обмену новостями семейного и любовного характера. В корреспонденции, идущей в Болгарию и Румынию превалируют просьбы о передаче продуктовых посылок, иногда – описание тяжелых продовольственных затруднений. Корреспонденция, которая имела хоть малейший намек на критику советского режима или мероприятий, проводимых органами советской власти, изымалась. Если же оценивать настроение пишущих в СССР, следует констатировать неудовлетворенность своей жизнью – кризис в экономике, безработица; тоску эмигрантов по родине, намерение вернуться. Письма, полученные из-за границы, действовали на местных болгар обескураживающе и притупляли стремление к эмиграции. Чтобы не допустить изъятия корреспонденции, придумывались разные хитрости, например, небольшие пометки на письме: *«Если в Румынии хорошо живется, то отец сверху письма ставит две точки, а если плохо, то в конце письма»* [4].

Несмотря на небольшое количество именно иностранных подданных Болгарии и Румынии, живших в Крыму, этой категории граждан уделялось особое внимание – для них разрабатывался ряд специальных мероприятий. Учитывая внешнеполитический курс СССР в начале 1930-х годов и напряженные отношения с Болгарией и Румынией, повышение активности террористической монархической организации генерала Кутепова на Балканах и перемещение ее центра на болгарскую территорию, Особый отдел ОГПУ держал под бдительным присмотром всех болгарских подданных, а особенно политэмигрантов, опасаясь, что они могут быть использованы монархистами в своих целях. Поскольку подданных Болгарии и Румынии было ничтожное количество, то практически все они в течение 1930-х годов получили разрешение принять советское гражданство. Те же, кто не принял советское гражданство, по мнению органов ОГПУ, используя свой статус иноподданного, демонстрировали свое преимущество перед местными болгарскими гражданами Советского Союза. Покинуть СССР иностранные подданные не особо стремились по политическим соображениям или из-за боязни потерять имущество; вместо этого они пытались посредством установления связи с прародиной добиться для себя, как иностранцев, более выгодного положения.

Повышенное внимание уделялось перебежчикам, вне зависимости от того, когда и как они прибыли в СССР. В начале 1930-х годов отмечалось увеличение случаев нелегальной переправы болгар на советскую территорию. В частности, 8 июля 1932 г. в 30 км от Ак-Мечети было задержано парусно-моторное судно с пассажирами, прибывшими из Варны: 5 мужчин, 3 женщины и ребенок. В 1934 году были задержаны перебежчики болгары из Румынии. Перебежчики не были депортированы обратно, а отправлены в Саратовский карантинный лагерь ОГПУ для дальнейшей фильтрации [5].

Таким образом, в начале 1930-х гг. жизнь болгар не отличалась стабильностью и спокойствием: в обоих государствах к ним было повышенное внимание со сторон спецслужб. В результате с образованием же в 1934 г. НКВД и принятием законодательных

актов, заложивших базу для массовых репрессий, разворачивается новый этап тотального террора в СССР. Болгары оказались в числе наиболее пострадавших.

ИСТОЧНИКИ

1. Государственный отраслевой архив Службы безопасности Украины (далее – ГОА СБУ), ф. 13, д. 1134.
2. ГОА СБУ, ф. 13, д. 1141.
3. ГОА СБУ, ф. 13, д. 1141, л.8
4. ГОА СБУ, ф. 13, д. 1134, л.124
5. ГОА СБУ, ф. 13, д. 1134, л. 36.

МОСКОВ, Румен, роден в гр. Добрич през 1948 г. Средното си образование завършва в Математическа гимназия „Иван Вазов“ през 1966 г. В гр. Русе завършва ЕТ „Ломоносов“ със специалност „Радио и телевизия“, същата упражнява във ВВС в родния си град. От 1974 г. активно се занимава с Българското национално възраждане и дейността на Васил Левски като национал революционер демократ. Участник в различни форуми и изяви на българската историческа общност, публикува статии за Апостола. Инициатор за създаването на Общобългарски комитет „Васил Левски“ в гр. Добрич. Автор е на книгата „Делата на Васил Левски“ - известни и неизвестни“, излязла от печат в началото на 2018 г.

В това изследване засяга теми, които не са разглеждани, а други само маркирани. Съобразява се единствено с истината и доказаните факти за феномена Левски – matador 74@abv.bg

ЛЕВСКИ И КАРАВЕЛОВ – ДОСТОЙНИ БЪЛГАРИ

*Само тоя народ ще види отечеството си свободно, на
когого синовете умеят да умират за неговата свобода.*

Джузепе Маццини

Българското национално възраждане е велика епоха за българската история. Определяме го като героичен процес. Съдбата отрежда да е най-колоритното, най-динамичното революционно движение. В този XIX в. се раждат най-могъщите идеи за свобода, но и най-могъщите личности – революционерите. За тях единствено саможертвата е огнена стихия, която изгаря всичко друго, несъвместимо със свободата. В техните биографии няма нищо лично, те се отдават изцяло на свещен дълг към Отечеството, с една цел да изменят живота на милиони към по-добро съществуване. И днес интересът към Каравелов и Левски не пресъхва, те са постоянно в обсега на историците. Така е, защото между тях общото е в големи количества. Майсторът на перото – революционерът Каравелов, заедно с водача на националната революция Левски определено са сложно изградени личности за тълкуване и анализиране. Причината е в многобройните им дела, богатството на духовните и морални ценности, които притежават в изобилие, не по-малко значим е и техният нравствен хуманизъм, с който са облагородили Българското национално възраждане. Това, което са направили за България, го оценявам като едно висше революционно изкуство. Не е ли изкуство да обединиш един отчаян поробен народ да повярва, че свободата не е блян, а реалност.

Визитката на Л. Каравелов е необикновена, истински спектър от един приказан живот, изживян пълноценно. Неговата биография е позната на всички още от ученическите години, ще я прескоча. Основно той се доказва като виден публицист, журналист и белетрист, оставя ни едно забележително, изискано творчество. Израснал в Копривщица в заможно семейство, до 20-гадешна възраст, останалата част от живота си прекарва в чужбина сред творческа, прогресивна интелигенция. Особено десетте години, когато учи в Русия, са показателни за неговото всестранно развитие. Утвърждава се като зрял, мислещ човек с избистрен социален статус. Пред румънската емиграция се откроява с великолепа артикулация, на „ти“ е с познанието. Това видимо се долавя в интелекта, който притежава, подплатен с изящна диалектика. С две думи спокойно можем да го определим като глобализиран гражданин с ярък обществен живот.

Каравелов се отличава и с още едно неразгледано качество като субективно-експресивен възрожденец със силно развито чувство на народен будител. Вестник „Свобода“ и неговото книжовно творчество са доказателство на умението му на будител.

В каталога на Любен специално място заема неговата революционна изява, в повечето случаи като пропагандатор на своите радикални възгледи. Внася свежа струя в движението със

своите демократически принципи. Животът му в Румъния не е никак лесен, изправен е пред много трудности от различно естество, както и на сънародниците му. Носталгията по родината е като камък в техните души.

Революционната обстановка, когато той се установява в Румъния, се усложнява от самите дейци. На първо място са разединени, нямат обща концепция, ратуват на различни течения, далеко са от революционните норми, включващи единомислие и единодействие. „Младите“ са с Каравелов, други поддържат Ив. Касабов и неговия ТБРК, трети са с „Добродетелната дружина“ на консерваторите. Общо взето притежават слаб революционен потенциал с неясен изход от робството. Наподобяват на орел, рак и щука, всеки дърпа за своя страна. Пъшкат, тропат пред чужди врати за съдействие от съседните държави, едно лутане в мъгла от заблуди. И най-лошото – нямат целенасочени идеи за разрешаване на националния въпрос.

Точно в този критичен момент, през лятото на 1868 г., на революционната сцена се появява в Букурещ Апостола. Причината е - за съдействие да изпълни своята велика мисия. С много усилия убеждава групата на Димитър Ценович от „Читалище братска любов“ да го подкрепят в предстоящото дело. Тези интелигентни среди изпълниха един дълг, без който Левски едва ли щеше да е това национално светило. След първата и втората обиколка отново е в Букурещ около 1 септември, за прокламации и документ, че е упълномощен за тази дейност от център в Букурещ. Сближава се с групата на Каравелов. В това време борбата между „млади“ и „стари“ се изостря за надмощие в Българското книжовно дружество. Левски подкрепя „младите“. Каравелов го кани да се включи в създаването на БРЦК. Един от инициаторите за изграждането на комитета е и Левски. Каравелов е Председател, Дякона редови член. На 7 ноември 1869 г. излиза първият брой на в. „Свобода“, редактиран от Каравелов. В основни линии вестникът е с идейно влияние със слабо политическо въздействие. Двамата обсъждат как вестникът да се внася в България. Сбъдва се мечтата на Левски да има революционен вестник. На 14 октомври в него е публикувана програмата на комитета, която общо взето не е по вкуса на Апостола, особено идеята за балканска федерация. В първата ѝ част Любен предлага борбата за свобода да е по мирен път, както при постигането независимостта на Българската православна църква и само в краен случай революция. Освен това този комитет не разполага с организация, почти неизвестен е в родината, да не говорим за влияние и въздействие. За вестника има оправдание, че не е това острие, което трябва да бъде, защото е под постоянен надзор на румънската власт.

В този период се усеща, че Каравелов е още недорасъл в революционно, политическо и идеологическо направление. Либералното му колебание е видимо в тези три посоки. В престоя си в Белград той се сближава със сръбската либерална организация „Омладина“. Оказва и силно влияние със своите либерални възгледи в 1867 г. По-късно негов политически идол става буржоазно-демократичната република. В края на своя живот разобличава с перото си либералната буржоазия. Въпреки тази си неустойчивост и непоследователност, присъщи на дребнобуржоазните демократи, впоследствие преди залавянето на Левски изчиства голяма част от споменатото по-горе. Започва на висок глас да говори за национална революция. Твърдо отрича четническата тактика. Революционните му лозунги във вестника потвърждават еволюцията в революционната му работа. „Барут е сега по-потребен от мастило, а пушката – от книгата“. И това: „Революция, революция и революция е нашето спасение повече нищо!“

Спрямо останалото емигрантско общество коефициентът от ползотворна дейност на Каравелов е много на по-високо ниво. Трябва да се знае, че революционният заряд, който носи и изповядва, е продукт на субективно-експресивен тип възрожденско, модерно мислене. Влиянието на руските демократи-революционери Херцин, Чернишевски и др. върху Любен се чувства осезаемо. И нещо важно – Каравелов е теоретик, както всички останали дейци в Румъния, докато Апостола е практик и след това теоретик, и това, че е убеден републиканец. Но това не пречи между двамата титани да се уякчава тяхната дружба, това личи в техните писма. До последната си среща лансират демократичните си идеи. Тези способни мъже живеят с пулса на своята епоха, с динамиката на своя век. Те променят хода на времето, а това е нещо велико. Хуманизмът е загнезден

в техните души, именно това качество ги прави особено привлекателни личности. Има много еднакви хора, но различните като тях, които движат колелото на историята напред, са голяма рядкост.

От първата им среща до втората Апостола постига шеметни върхове в революционното движение в България. Създава изящна, стройна, гъвкава Народна комитетска организация (НКО). Смайващо бързо политизира народа, идеологически го просвещава, духовно го облагородява, изкоренява малодушието, смирението.

Количествените изменения превръща в качествени. Успява да сведе връзката си с народа до нула. Този успех постига единствено с истините, които проповядва. Знаем, че доверие трудно се печели и лесно се губи, но в нашия случай той получава огромно доверие от българите. Гениалният му подвиг е нечуваната връзка „народ – вожд“ и тя остава епохална. Самобитният дякон извайва брилянтна стратегия и тактика от нов модел. Единствен успява да направи от слабия – силен, дребната душица – възражда; еснафа – бунтар; родолюбците – герои; патриотите – водачи. Изумително е неговото постижение от световен мащаб като обединява политическата, социалната и духовна революция. Организира феноменална школа от съмишленици и последователи. Безспорно този витален мъж се доказва като знаещ и можещ лидер.

По същото време букурещкият комитет работи вяло, няма нужната енергия. Действията му са мудни, тромави, инициативата липсва. Робува на неефикасни тези, без всякакъв резултат. Макар че са живеели в свободна държава, не както Левски в ад от несгоди, не успяват да се обединят с една обща цел. Не успяват да съберат обещаните пари за оръжие, без да го питат, набутват на Дякона Д. Общи. Само един елементарен пример, девет месеца изминават, докато пратят искания от Апостола печат. Сам в такава направо тежка обстановка, какво може да направи Каравелов, освен да поддържа тонуса, за да не се разпадне комитетът. Освен това се появяват врагове, които сипят хули върху него като Райко Попович, Теофан Райнов, Ив. Кършовски и Г. Живков. Не спират да воюват срещу него, докато той е председател. Само Левски защитава в трудната мисия Любен, оказал се сам сред глутница безхаберници. Същата тази групичка в лицето на Райко Попович се опълчва и на Дякона, че си позволявал да върши в страната дейности на своя глава, без тяхното мнение. Левски не им остава дължник, отправя им убийствена критика, разобличава тяхната ялова дейност.

Идва моментът, когато Левски и Каравелов разбират, че е назрял проблемът за изясняване на позициите между двата комитета. Дякона силно желае да даде отчет за свършената от него работа в България. Такъв форум на високо равнище е наложителен и от бързо променящите се обстоятелства в политическия и социален живот. Империята е в страховита криза, губи войни, дължи огромни кредити на покровителките си Англия и Франция, икономиката ѝ, доколкото я има, е в хаос. И двамата отчитат тази ситуация, същевременно е време да се приеме обща програма и устав. Историческото Общо събрание започва на 29 април 1872 г. в Букурещ, в дома на Каравелов. В общи линии приетият на събранието Устав е сходен с този на Левски от 1871 г. Демократичният му дух преобладава в цялата програма. Този скъп документ за историята е от световна величина със своите революционни насоки, социални доктрини, веща политическа култура, съобразено всичко това с народното висшегласие. Признанието за работата на Апостола е очевидно, получава пълномощно за главен апостол в България, Тракия и Македония. Заклева се пред всички със съставена от него клетва. Престоява 80 дни при Каравелов, за да му помага, докато отпечата новия Устав. Любен е възхитен от Апостола, оценява подобаващо неговите качества, възприема ги с охота, подобно и Дякона възхвалява духовната му култура, познанието в областта на социалния живот и тази негова прословута ерудиция. Възприемчивият карловец остава верен другар на Каравелов.

Тежък момент настъпва след гибелта на Апостола в революционното движение. Каравелов, крайно разстроен, споделя: „Машината спря“. И в България, и Румъния, комитетите изпадат в дълбока криза. Той губи вяра в близката възможност народът да поеме отново борбата за освобождение. Преследванията от румънската власт го държат под напрежение, чувства се уморен, разочарован. При това и здравето му се разклаца. Не може да разбере напора, нетърпението и ентузиазма на по-младите, начело на които застава Христо Ботев, техните пламенни апели да се

продължи борбата. Спира издаването на в. „Независимост“. Не може да преодолее появилите се нови тактически и лични разногласия в БРЦК, не може да възвърне своето революционно самочувствие и постепенно се оттегля от практическата и идеологическа дейност.

Във втората част от каталога на Л. Каравелов видно място заема писателската му работа, както и литературната му критика. Материалистическият също и неговият естетически дял намират солидно място в литературно-критически статии и в художествените творби. Освобождението на България заварва Каравелов вече в разклатено здраве, връща се в родината. Отново закипява неговата страст на публицист и общественик. Успява да пренесе печатницата си в България и да издаде няколко броя на сп. „Знание“, но туберкулозата слага край на неговия борчески живот на 21 януари 1879 г.

В заключение – най-хуманната и светла епоха е Българското национално възраждане, за което най-голям дял има тия даровити двама мъже със свръхкачества.

ОЛЭРЕСКУ Анжела, высшая категория квалификации, Библиотека имени Христо Ботева, Кишинев – anolarescu@gmail.com

БАРАБАШ Лариса, первая категория квалификации, Библиотека имени Христо Ботева, Кишинев – larisa07.57@gmail.com

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА ПОЛКАХ КИШИНЕВСКОЙ БОЛГАРСКОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМЕНИ ХРИСТО БОТЕВА

Литература о родном крае или как мы все называем по привычке - краеведческая литература является обязательным и очень важным отделом в каждой библиотеке мира, потому как каждый из нас любит и гордится тем уголком Земли, где он родился или живет. Болгарская Библиотека „Христо Ботев” города Кишинева также является счастливой обладательницей такой коллекции книг (более 100 экземпляров томов), которая в различных аспектах отражает историю, культуру, литературу и современную жизнь сел и городов вкуче с их жителями Республики Молдова в различных исторических периодах времени. Поскольку наша Библиотека является болгарской, то формирование отдела краеведческой литературы ведется целенаправленно в отношении истории бессарабских болгар. Тематика эта обширна и многопланова, исторические изыскания ведутся долгие годы, но особенно интенсивно в последние десятилетия, так что фонд в этом направлении регулярно пополняется новыми изданиями. Повысился интерес и у читателей к литературе о родном крае, о „малой Родине”, о Родине предков, такой близкой и родной по духу несмотря на расстояния, особенно этот интерес наблюдается у молодых людей, так как с течением времени многие факты и события стираются в памяти живущих, но книги позволяют нам запечатлеть летопись истории своего народа и передать эти знания грядущим поколениям.

Имя генерала Ивана Никитича Инзова тесно связано с историей нашего края, с его жителями, в частности болгарскими переселенцами, интересы которых он всячески защищал и отстаивал, благодаря которому гонимый бедами народ, обрел мирное небо над головой и земли, на которых растили хлеб для больших, и из года в год все более растущих, семейств. Болгарские поселения гармонично вплелись в пестрый орнамент молдавского территориального ковра, а села и города, основанные в начале 19 века благодаря радениям Председателя Попечительного совета по делам иностранных переселенцев Инзова

взрастили много поколений трудолюбивых и славных людей нового отечества. Сегодня я хочу рассказать вам о коллекции книг на полках Библиотеки „Христо Ботев“, которая позволяет всем читателям познакомиться с историей и современностью тех болгарских поселений, которые возникли благодаря отеческой заботе генерала Инзова, и которые благополучно развивались на протяжении двух веков.

Надо отметить, что подробно изучать историю болгарских сел начали со II-ой половины XX века, а книги стали выходить в свет ближе к концу прошлого века, но сегодня мы можем предоставить вниманию всех желающих довольно приличную коллекцию книг, за это благодарим всех историков-болгаристов, ныне живущих и ушедших из этого мира, но оставивших нам в наследство свой богатый научно-исследовательский материал.

1. Одна из первых книг этой тематики, увидевшая свет – *Поглубко, Константин; Забунов, Иван. Обновленная Твардица. – Чл., 1980. – 140 с.*

Книга историков-корифеев, была издана к 150-летию возникновения села и в ней очень детально описываются события начала 19 века, то есть момента переселения – „Земля, согласно правительственному указу 1819 г. нарезалась в вечное пользование сельских общин. Устанавливался твердый порядок землепользования на основе инструкции И.Н. Инзова сельским приказам, изданный в октябре 1821 г. в Кишиневе на болгарском и русском языках...” О жизни села, об истории и современности, о достижениях и проблемах на тот момент и рассказывают авторы краеведы.

2. В этом же году была издана еще одна любопытная книга того же плана.

Новаков, Савелий; Червенков, Николай. Прошлое и настоящее села Кирютня / под ред. кандидата Л.С. Бульмаги. – Чл., 1980. – 94 с.

Рецензором книги был Константин Поглубко. Книга также издана к 150-летию села Кирютня, Чадыр-Лунгского района. В таком же ракурсе рассматривается история, становление и социальная современность самобытного болгарского села. „Весной 1830 г. кортенцы основали село в долине, где протекает небольшая речка Лунгуца. Наличие воды имело важное значение в степях засушливого Буджака. Назвали село Кортеном в честь своей родины. Видимо, по созвучию царские власти дали ему название Кирютня”.

Через 15 лет в свет выходит новое научно-краеведческое издание –

Новаков, Савелий; Гургуров, Николай. Страницы истории села Кортен (1830-1995) / под. редакции доктора исторических наук Ивана А. Анцупова. – Чл., 1995. – 128 с.

Здесь рассматривается уже 165 летний путь села Кирютня – Кортен, основанного задунайскими переселенцами, где излагаются обстоятельства выселения значительной части жителей из села Кортен (община Новая Загора, Болгария) в южную Бессарабию, их устройство, правовое положение, социально-экономическое и культурно – бытовое развитие в 19 и 20 веках.

Но было и продолжение, к 180-летию села был издан фундаментальный труд, как венец кропотливого научно-исследовательского труда историков –

Новаков, Савелий; Гургуров, Николай. Село Кортен. Времена и судьбы. – Чл., 2009. – 534 с., ил.

Здесь мы видим общее историческое полотно двух поселений Кортен, болгарского и молдавского, их единство и различие, радости и проблемы жителей, долгий и непростой путь. Как пишут авторы: „Пусть эта книга о двух Кортенах поможет вам непредвзятым, свежим взглядом вникнуть в недра своего исторического прошлого, всколыхнет ваше сознание и поможет осознать и найти свое достойное место на землях стран, ставших для вас Родиной”.

Благородный посыл у книги, не правда ли?

Хочу еще отметить, что только село Кортен имеет на сегодняшний день три издания книг о его истории.

3. Тараклии, где мы с вами находимся, в 2013 году исполнилось 200 лет.

В начале она имела статус колонии, затем – села, потом поселка городского типа, сегодня это город, у которого славная история и она описана в книге известных в республике историков:

Червенков, Николай; Думиника, Иван. Тараклии 200 лет: Том 1 (1813-1940) / научный редактор Калчо К. Калчев. – Сб., 2013. – 608 с.

Фундаментальный труд, где мы можем познакомиться с подробной исторической поступью поселения в разные отрезки времени. Достойное место отведено и председателю Попечительского совета об иностранных поселенцах южного края России, который внес самый весомый вклад в обустройство болгар – генералу И.Н. Инзову. В этой книге можно наиболее полно ознакомиться с благодеяниями Инзова в отношении беженцев.

4. На полках нашей Библиотеки имеются интересные книги о другом болгарском селе – Парканы, под Бендерами:

Аствацатуров, Георгий. Очерки истории села Парканы / в двух книгах. – Бендеры, 1996. – 186 с., ил.

В 1996 году состоялась презентация этих книг автором в нашем читальном зале. Это было очень интересное событие, видный историк и увлеченный краевед столь любопытно рассказывал об истории и современности Паркан, что это осталось незабываемым фактом в жизни нашего учреждения. Также увлекательно написана и книга, содержит много исторических исследований на основе долгой работы в архивах, она пользуется большим спросом у всех, кто интересуется историей края.

Книга была дополнена и переиздана через 11 лет.

Аствацатуров, Георги. Болгары – 200 лет в Парканах. – Бендеры, 2006. – 2008 с.

В этом издании как пишет сам автор: – „В книге сделана попытка проследить весь ход становления и развития Паркан, осветить по возможности все грани его жизни”.

Добавить к этим славам о книге мне уже нечего.

5. На родном болгарском языке вышла в свет книга:

Малешкова, Анна; Димов, Димитър; Куртев, Николай. Валя Пержей. История на селото. – Сб., 1998. – 158 с., фот.

В книге динамично и многопланово воссоздается широкая историческая картина возникновения и развития известного молдавского села Валя Пержей. Авторы проработали много архивных и исторических документов, а также использовали вербальные воспоминания односельчан, чтобы донести до читателей полную и достоверную информацию о селе.

В завершении моего выступления хочу познакомить вас с книгами видного историка-болгариста Ивана Федоровича Грека, который на протяжении 40 лет занимался изучением истории и культуры болгар и гагаузов Молдовы и Украины.

Грек, Иван. Гюлмян-Дюльмен-Яровое (Очерки истории болгарского села в Бессарабии) / Иван Грек / научный редактор Николай Червенков. – Сб., 2006. – 264 с., фот.

Грек, Иван. Купоран – Ровное: история, культура, люди болгарского села в Буджаке / И.Ф. Грек / научный редактор Николай Д. Руссев. – Измаил, 2017. – 462 с., фот.

Прекрасно изданные, содержащие богатейший исторический материал, охватывающий двухвековой путь многих поколений болгарских беженцев, книги

рассказывают об истории сел, ныне расположенных в соседнем государстве – Украине, но всем нам известно, как менялись и видоизменялись границы и очертания стран в разные времена, а Бессарабия как географический термин как раз и является тому примером. Тем не менее, книги весьма интересны в историческом плане, представляют собой детальное и многоплановое описание возникновения и развития поселений во всех временных рамках. Особенное место уделено на страницах книги о селе Яровое документам из национального архива Республики Молдова, где рассматривается вопрос о деяниях Главного попечителя о колонистах Южного края России – Ивана Н. Инзова.

Книги, о которых хочется рассказывать и знакомить с ними не перечесать, но как важны и просто необходимы страницы книг о твоей Родине, об истории твоего рода, о славных поколениях воинов и хлебопашцев, которые жили до тебя, о том, почему и как ты пришел в этот мир именно на этой земле. Ибо, только зная историю своего рода, своей „малой” и „большой” Родины ты будешь ощущать свою идентичность, будешь обладать, более высоким самосознанием и более тонкой душевностью, ты сможешь гордиться своей национальной принадлежностью и быть вместе с тем полноправным Гражданином нашего большого мира!

ЛИТЕРАТУРА

1. **Поглубко, Константин; Забунов, Иван.** Обновленная Твардица. – Ч., 1980 году. – 140 с.
2. **Новаков, Савелий; Червенков, Николай.** Прошлое и настоящее села Кирютня / под ред. кандидата Л.С. Бульмаги. – Ч., 1980. – 94 с.
3. **Новаков, Савелий; Гургуров, Николай.** Страницы истории села Кортен (1830-1995) / под. редакции доктора исторических наук Ивана А. Анцупова. – Ч., 1995. – 128 с.
4. **Новаков, Савелий; Гургуров, Николай.** Село Кортен. Времена и судьбы. – Ч., 2009. – 534 с., ил.
5. **Червенков, Николай; Думиника, Иван.** Тараклии 200 лет: Том 1 (1813-1940) / научный редактор Калчо К. Калчев. – Ч., 2013. – 608 с.
6. **Аствацатуров, Георгий.** Очерки истории села Парканы / Часть I. – Бендеры, 1995. – 186 с., ил.
7. **Аствацатуров, Георгий.** Очерки истории села Парканы / Часть II. – Бендеры, 1996. – 183 с., ил.
8. **Аствацатуров, Георги.** Болгары – 200 лет в Парканах. – Бендеры, 2006. – 2008 с.
9. Малешкова, Анна; Димов, Димитър; Куртев, Николай. Валя Пержей. История на селото. – Ч., 1998. – 158 с., фот.
10. **Грек, Иван.** Гюлмян–Дюльмен–Яровое (Очерки истории болгарского села в Бессарабии) / Иван Грек / научный редактор Николай Червенков. – Ч., 2006. – 264 с., фот.
11. **Грек, Иван.** Купоран – Ровное: история, культура, люди болгарского села в Буджаке / И.Ф. Грек / научный редактор Николай Д. Руссев. – Измаил, 2017. – 462 с., фот.

ПУШКОВ Игорь, докторант, учитель истории, Болград, Украина –
puscov_bolgrad@yahoo.com

ГЕОРГИЕВСКИЙ ПРИХОД В БОЛГАРСКОЙ КОЛОНИИ ТАРАКЛИЯ (1814 - 1856)

Авторское резюме:

В статье на основе архивных источников и опубликованных материалов освящена история создания и развития Георгиевского прихода в болгарской колонии Тараклия. Рассмотрены вопросы состава православного прихода, границ, его место в системе административно-территориального и церковного деления. Охарактеризовано православное население, в частности его количественные показатели, штатное расписание церковного причта и его изменения. Рассмотрены параметры этнического и социального происхождения духовенства, возрастные показатели и их соответствие с каноническими требованиями Христианской Церкви. Затронуты вопросы отстаивания сельской общиной своих исконных прав в выборе священника. Освящены малоизвестные сведения о находящихся за штатом церковного причта «вдовствующих» и «сиротствующих» лицах.

Ключевые слова: Церковный приход, Болгарское водворение в Бессарабии, задунайские переселенцы, болгарские колонии, Тараклия.

Georgian parish in the bulgarian colony of Taraklia (1814 - 1856)

I.M. Pushkov.

Post-graduate student of Odessa I. I. Mechnikov University (Bolgrad, Ukraine).

Author's resume:

In the article, based on archival sources and published materials, the history of the creation and development of the St. George parish of the Bulgarian colony Taraklia is consecrated. The issues of the composition of the Orthodox parish, borders, its place in the system of administrative-territorial and church division are considered. The Orthodox population is characterized, in particular its quantitative indicators, the staffing table of the church clergy and its changes. The parameters of the ethnic and social origin of the clergy, age indicators and their compliance with the canonical requirements of the Christian Church are considered. The issues of upholding by the rural community of their primordial rights in choosing a priest are touched upon. Little-known information about the "widows" and "orphaned" persons outside the staff of the church clerk is consecrated.

Key words: *Church parish, Bulgarian establishment in Bessarabia, Trans-Danube settlers, Bulgarian colonies, Taraclia.*

Начиная с 1980-х гг., в обществе появился интерес к прошлому народа, его патриархальной православной жизни. Демократические процессы 90-х только усилили имеющуюся тенденцию в поиске сокровенного и тайного забытого прошлого. Возвращение к духовным устоям предков – не только восстановление разрушенных православных храмов, но и обращение к страницам приходской жизни.

В настоящее время о православном приходе появилось много литературы, исторических и богословских исследований, призванных не только возродить православный приход как таковой, но и развить его теоретические основы, необходимые для преодоления кризисных явлений, отягчивших приход во второй половине XIX – в начале XX вв. Сейчас часто вместо слова «приход» употребляют «община», что не является тождественным. Впрочем, под словом «приход», также как и под словом «община», подразумевается евхаристическое собрание членов Церкви, объединенных вокруг конкретного храма. Кроме того, приход – это также и юридическое понятие, обозначающее первичную структурную единицу в Гражданском уставе РПЦ.

Прежде чем заниматься рассмотрением прихода болгарской колонии Тараклия, необходимо уточнить дефиниции. В Православной Российской Церкви XIX в. по отношению к церковному приходу доминировал территориальный принцип. Поэтому в Приходском Уставе, утвержденном Поместным Собором РПЦ 1917-1918 гг., дано определение церковного прихода на основании этого принципа: «Приходом в Православной Церкви называется общество православных христиан, состоящее из клира и мирян, пребывающих на определенной местности и объединенных при храме, составляющее часть епархии и находящееся в каноническом управлении своего епархиального архиерея, под руководством поставленного последним священника-настоятеля» [14, с. 616]. Необходимо подчеркнуть фразу: «пребывающих на определенной местности», исключенную из определения «церковный приход» в настоящее время.

Истории Св. Георгиевского храма Тараклии посвящены работы молдавских болгаристов Н. Н. Червенкова, И. И. Думиника, краеведческие заметки Г. Танова, однако имеются лакуны, требующие заполнения. Представленный анализ, осуществленный на основании документов Измаильского архива, не только вводит в научный оборот новые сведения, но и дополняет, и уточняет уже известные исследователям. Взгляд на Георгиевский приход, позволяет освятить некоторые аспекты, до этого находящиеся в тени и более полно рассмотреть не только историю храма, но и селения Тараклия. Поэтому, такое исследование интересно, оно необходимо и, несомненно, актуально. При этом, наша небольшая статья - научная разведка, перед которой стоит скромная задача – постановка проблемы.

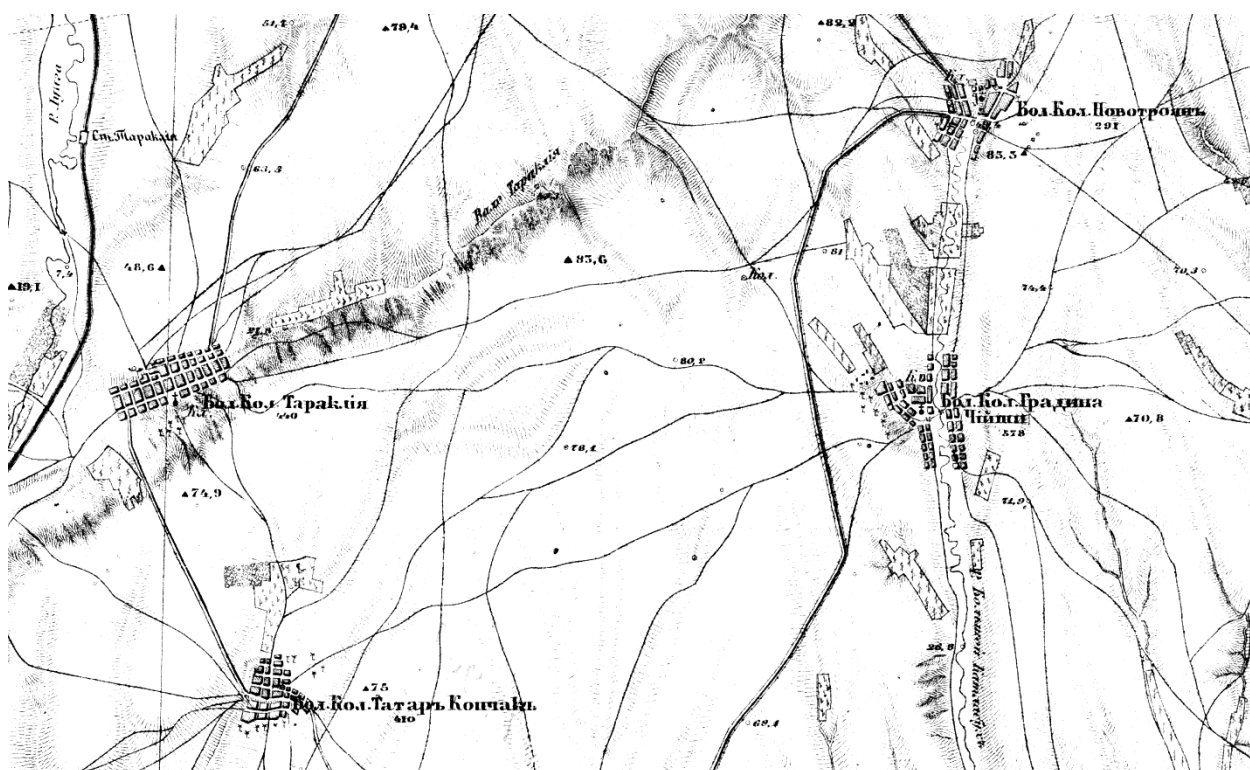
В Православии, приход – это самая мелкая церковно-административная единица. Однако, она самая массовая и базовая, именно на приходе зиждется здание Православной Церкви. Что же из себя представлял приход колонии Тараклия в первой половине XIX в.?

Основание Георгиевского прихода. Формирование нового церковного прихода в Бессарабии в новообразованной болгарской колонии Тараклия происходит в июне 1814 г., когда сюда к новостроящейся Св. Георгиевской церкви перевели священника Петра Попова. Переселившийся из Болгарии священнослужитель позиционировал себя в качестве

грека [1, л. 15об.-16], что для того времени было не единичным случаем. Именно на его плечи возложили труд по руководству и управлению постройкой здания храма.

Решение о постройке церкви, сборе необходимого строительного материала (известки, песка, бутового камня, досок) принимало на сходе сельское общество. Сельский сход регулярно занимался всеми проблемами церковно-приходской жизни. По приговору общины и соответствующей резолюции благочинного священника было начато строительство Св. Георгиевского храма. Однако, не смотря на значимость сельской общины, выборные от нее не подписывали соглашение со священником, а обращались через благочинного к епархиальным властям о предоставлении им священнослужителя. В данном случае они поступились своим исконным правом выбора и заранее согласились с решением преосвященного Димитрия (Сулимы), епископа Кишиневского и духовной дикастерии. Впрочем, в 1819 г. после смерти Петра Попова сельская община добилась выполнения своего решения и в священники рукоположили местного уроженца, дьячка Николая Димитриева.

Очень важным вопросом в разбираемой теме являются границы прихода. Обычно епархиальные власти стремились к совпадению границ прихода с границами самого селения. В 1814 г. к приходу Тараклии приписано со всеми прихожанами селение Копчак [1, л. 16], не имеющее на тот момент ни храма, ни священника. В течение нескольких лет тараклийский священник окормлял паству и из этого соседнего села. В июне 1818 г. Татар-Копчак выходит из числа приписных сел Георгиевского прихода. В этом селении открыт Успенский приход, который возглавил священник Михаил Петров, болгарин по происхождению [1, л. 15; 2, л. 23об.-24]. Вместо ушедшего села приписным к Тараклии стало Саталык-Хаджи, но также на несколько лет. Во всяком случае, в клировой ведомости за 1820 г. в Георгиевском приходе приписного населенного пункта не числится [3, л. 28].

Изображение болгарской колонии Тараклия на военно-топографической карте Российской империи. Бессарабская губерния. Ф.Ф. Шуберт. Масштаб 3 версты в 1 дюйме. Съёмка: 1846 – 1863 гг.

Таким образом, с момента своего основания и до 1819 г. приход включал в себя территорию нескольких селений, а границы его были достаточно просторными. Начиная с 1820 г., Георгиевский приход включает в себя только одно селение – болгарскую колонию Тараклию. Территориально она входила в состав Измаильского колониетского округа еще со времени основания Болгарского водворения в Бессарабии и дарования задунайским переселенцам колониетского звания [16, с. 546]. Однако, границы колониетских округов тоже не являлись статичными и со временем изменялись. Так, в клировой ведомости за 1849 г. отмечается, что Георгиевский приход колонии Тараклии входит в состав Верхне-Буджакского округа [6, л. 59]. Когда произошло изменение конфигурации колониетского и соответственно церковного округов исследователям еще предстоит уточнить. Однако, уже в начале 1850-х гг. болгарская колония Тараклия вновь входит в состав Измаильского колониетского округа [7, л. 63].

Православное население. Одним из элементов прихода является евхаристическая община. Она напрямую зависит от количества и состава населения, проживающего в конкретном селении. На основании данных клировых ведомостей была составлена таблица, содержащая сведения о народонаселении Тараклии за период 1814 – 1856 гг.

Данные, представленные в таблице, разнятся со сведениями из других источников. Необходимо подчеркнуть, в церковных документах представлены только сведения о приходе, а также о прихожанах Св. Георгиевского храма, т.е. о православном населении. Лица, исповедующие иную религию, и прихожане других храмов не учитывались, хотя иногда сведения о них могли сообщаться.

В 1815 г. в приходе состояли жители Тараклии – 1100 чел., из них мужского пола 588 чел. и жен 512, что составляло 147 дворов - хозяйств. Приписное селение Копчак насчитывало 470 чел. обоого пола, из них: 280 чел. мужского пола и 190 женского, что добавляло к приходу 70 дворов. [1, л. 16].

В последующие годы количество населения в Тараклии резко уменьшилось. Так, в 1818 г., в самом селении насчитывалось всего 90 дворов – 669 чел., из них: мужского пола – 356 и женского – 313. В приписном населенном пункте Саталык Хаджи числилось 28 дворов и 234 чел. населения, из них: мужского пола – 144 чел. и женского – 90. [2, л. 24]. Причины указанного сокращения населения могут быть совершенно разные. Болгарские переселенцы были недовольны действиями молдавских бояр, их неумным желанием закабалить их. Русские власти, в лице исполняющего обязанности гражданского губернатора Бессарабской губернии генерал-майора И.М. Гартинга, требовали возвращения болгар молдавским боярам как крепостных и зависимых людей [16, с. 165]. Такое отношение провоцировало задунайских переселенцев не только переселяться на свободные участки земли, принадлежащие казне, но и на реэмиграцию.

Таблица 1

**Численность православного населения Георгиевского прихода
колонии Тараклии (1814 - 1856)**

[1, л. 16; 2, л. 24; 3, л. 28; 4, л. 28; 6, л. 66об.; 7, л. 68об.; 8, л. 102об.; 9, л. 246об.]

Год	Кол-во дворов / хозяйств	Население		
		Муж. пола	Жен. пола	Всего
1815	210	868	702	2570
1818	118	500	403	903
1820	98	392	351	743

1821	99	399	354	753
1830	141	496	477	973
1849	249	996	971	1967
1852	251 ½	1006	978	1984
1856	226 ½	906	843	1749

В период второй волны массового переселения задунайцев на территорию Бессарабии (1828-1934 гг.) количество населения Тараклии также несколько возрастет. По данным, приведенным в трудах И.И. Мещерюка, в 1832 г. новые переселенцы составляли почти половину населения Тараклии [10, с. 139; 11, с. 25]. В дальнейшем видим медленный, но неуклонный рост православного населения Тараклии. Непонятный момент обнаруживается только в 1850-х гг., когда численность населения за 4 года уменьшается более чем в 200 чел. (см. табл. 1).

Церковный причт. Причт каждого храма состоял из священнослужителей и церковнослужителей. К священнослужителям относились священники и дьяконы, они посвящались в сан архиереем через таинство рукоположения. К категории церковнослужителей относились причетники: дьячки и пономари. Они назначались на должность без совершения таинств, по благословению архиерея. Основной обязанностью дьячков было чтение и пение при богослужении в храме и во время исполнения треб в домах прихожан. В функции пономарей входил призыв верующих к богослужению колокольным звоном, зажигание свечей, наблюдение за чистотой в церкви и исполнение других поручений по храму.

Формирование церковного причта Георгиевского прихода в болгарском селении Тараклия осуществлялось в соответствии со штатным расписанием, составленным экзархом и митрополитом Молдовы Бонулеско-Бодони и высочайше утвержденному в докладе Св. Синода от 21 августа 1813 г. В пункте 8 «О числе дворов, ограничивающем обязанность помещика в содержании священнослужителей и о причетниках» введено в действие 3 штатных класса церковного клира. В приходе, насчитывающем 70 дворов, должны были служить 1 священник, 1-2 дьячка и 1 пономарь. В приходах, где количество дворов увеличивалось до 100, к клиру прибавлялся еще 1 священник. В приходах с количеством дворов более 100 к указанному штату прибавлялся еще 1 священнослужитель – дьякон. [12, с. 616].

При анализе служащего в приходе причта установлено, что на протяжении целого ряда лет штат духовенства являлся не полным, но обеспечивающим проведение богослужений. Самой недостающей категорией в церковном причте являлся диакон. При постоянной нехватке священников рукоположение в дьякона являлось только проходной процедурой перед хиротонией во священника. Самых же дьяконов не просто не хватало, в причтах они отсутствовали. Наиболее полным штат приходского храма стал уже после 1838 г., когда произошло качественное увеличение церковного причта до двухклирного состава (см.: табл. 2).

Таблица 2

Церковный причт Георгиевского прихода

[1, л. 15об.-16; 2, л. 23об.-24; 3, л. 27об.-28; 4, л. 27об.-28; 5, л. 221; 6, л. 59; 7, л. 63; 8, л. 95; 9, л. 243].

Категория духовенства	1815 год	1818 год	1820 год	1821 год	1830 год	1834 год	1849 год	1852 год	1856 год
Священник	1	1	1	1	1	1	2	2	2
Дьякон	–	–	–	–	–	–	1	1	1
Дьячок	–	1	1	1	–	2	2	2	2
Пономарь	–	1	1	1	1	1	2	2	2
Всего	1	3	3	3	2	3	7	7	7

Фрагментарность имеющихся в нашем распоряжении архивных данных делают созданную нами таблицу несколько неполной. Так, в 1815 и 1818-1819 гг. имело место кратковременное заполнение должности 2-го священника. После четырехлетнего пробела эта должность вновь занята в 1823 г. П.Д. Дмитриевым и вплоть до его перемещения в 1829 г. к Петро-Павловской церкви колонии Чийшия. После очередного пробела, в 1837 г. служение на должности 2-го священника вновь возобновилось Петром Беровым [17, с. 160-162].

Как видно из таблицы № 3, в Георгиевском приходе священниками служили и украинцы, и поляки, но большую часть представляли выходцы из болгарской среды. Таким образом, епархиальные власти выполняли обещание задунайским переселенцам со стороны России «позволить бессарабским колонистам устроить церкви, на основании их религии, с производением колокольного звона, иметь своих священников и вообще пользоваться полной свободой веры» [16, с. 58].

В первой половине XIX в. духовенство в Бессарабии еще не сложилось как замкнутая каста и принимало в свои ряды представителей иных сословий. Не исключение из этого правила и Георгиевский приход. Среди священников имеются и «сыны шляхетские» и «сыны священнические», но число их невелико. Большая часть его высших клириков – выходцы из поселянской и колонистской среды (см.: табл. 3).

Возрастные показатели у священнослужителей прихода разнились. Если священнослужители Петр Попов, Григорий Гвоздицкий и Петр Голбанов являлись уже пожилыми, умудренными жизнью, имеющими за плечами большой священнический опыт, то братья Димитровы (Димитриевы) хиротонисаны во священников в 27-28 лет, что являлось откровенным нарушением канонических требований. Впрочем епископу Бендерскому и Аккерманскому Димитрию (Сулиме) как святителю эта ситуация была гораздо виднее и понятнее, мы лишь отмечаем имеющиеся факты.

Таблица 3

Сведения о священнослужителях Георгиевского прихода

[1, л. 15об.-16; 2, л. 23об.-24; 3, л. 27об.-28; 4, л. 27об.-28, 43об.-44; 5, л. 221об.-222; 6, л. 60об.-62, 63об.-64об.; 7, л. 64об.65об., 66об.-67об.; 8, л. 96об.-97об., 99об.-100; 9, л. 244об.-245; 17, с. 159-164].

№ п/п	Имя и фамилия	Год рожде- ния	Хиро- тона ния	Происхождение	
				Этническое	Социальное
1	Петр Попов	1759*	1790	«из болгар»	«сын священнический»

* В документе «Формулярная ведомость о священно и церковно- служителях и их мужеска пола детях, находящихся Измаильского цинута селения Тараклия при новостроящейся Георгиевской церкви за сей 1815-

2	Григорий Гвоздицкий	1769	1796	поляк	«сын шляхтичский»
3	Петр Голбанов	1758	–	«из малороссов»	–
4	Николай Димитриев	1791	1819	«из болгар»	«сын поселянский»
5	Петр Димитриев	1796	1823	«из болгар»	«сын поселянский»
6	Петр Беров	1804	1837	«из болгар»	«сын поселянский»
7	Петр Трифонов	1799	1838	«из болгар»	«сын поселянский»

Важным фактором, актуализированным в начале XIX в., являлся образовательный ценз. Особое внимание епархиальных властей уделялось именно профессиональному духовному образованию. В формулярных и клировых ведомостях обязательно отмечалось наличие или отсутствие семинарского образования.

Священнослужители Георгиевского прихода не получили должного системного образования и не учились ни в светских, ни в духовных учебных заведениях. В 1820 г. благочинный священник, характеризуя грамотность церковного клира, только в отношении пономаря Афанасия Гицеларя сделал критическую запись: «Грамоты не знает». Священник Николай Димитриев оценен положительно: «В чтении и пении хорош», - тоже самое записано и о его брате дьячке Петре Димитриеве [3, л.]. Однако Н.Д. Руссев, анализируя данные по священникам болгарских колоний Измаильского уезда, отмечает, что формулярную ведомость подписал за себя и за своего брата священник Николай Димитриев. По его мнению, проблемы с грамотностью были не только у его брата дьячка, но и у самого священника [13, с. 502].

Важным показателем при характеристике прихода является продолжительность служения священнослужителей. К примеру, средний показатель нахождения на должности священника Петра Попова в Георгиевском храме составил более 4 лет (1814-1819 гг.), у Григория Гвоздицкого – 3 месяца (1815 г.), Петра Голбанова – около года (1818-1819 гг.), Петра Димитриева – 10 лет (1819-1829 гг.). Большой срок служения на должности второго священника у Петра Берова – 30 лет (1837-1867 гг.). Наиболее продолжительное время служения в Георгиевском приходе у священника Николая Дмитриевича Димитрова (Димитриева), прослужившего бессленно в Тараклийском храме 50 лет [1, л. 15об.-16; 2, л. 23об.-24; 17, с. 159-163].

За рассматриваемый период в Георгиевском приходе служило 16 причетников: 8 дьячков и 8 пономарей (см.: табл. 4). В таблице приведены только те лица, которые служили в приходе около или более года и указаны в формулярных и клировых ведомостях. Вполне возможно, что некоторые причетники, служившие в приходе не продолжительное время, отображение в таблице не нашли. Кроме того, отсутствие в архиве сведений о церковном причте за целый ряд лет этому только способствует.

Обычно должности церковнослужителей заполнялись местными уроженцами, невзирая на социальное происхождение. Необходимо отметить, что и в Тараклии политика сельской общины была направлена на принятие в состав приходского духовенства в основном местных болгар, тараклийцев. С одной стороны, создав болгарский церковный клир, они сохраняли свою самость на духовном уровне. Это облегчило проведение

й год» указывается возраст священника Петра Попова 56 лет (см.: КУИА. Ф. 630, оп. 1, д. 2, л. 15об.). В формуляре за 1818 г. в графе «сколько лет от роду» указано – 55 лет (см.: КУИА. Ф. 630, оп. 1, д. 5, л. 23об.). Так как в источниках данные «гуляют», то указываем в статье возраст по первому источнику.

социальной работы и уменьшило количество конфликтов на почве недопонимания. С другой стороны подобное дистанцирование и отгораживание затрудняло культурное взаимодействие и обмен.

Отметим как факт формирование в Георгиевском приходе нескольких духовных династий. Так, среди священнослужителей – династия Димитровых (Димитриевых), служившая в приходах болгарских колоний Тараклия и Чийшия. Среди церковнослужителей – это династия пономарей – Жицелар (Гицеларь). Епархиальные власти, желая сформировать в Буджаке духовное сословие, созданию духовных династий не препятствовали.

Для вступления в должность причетника жестких требований не наблюдалось, поэтому на должности могли брать и служителей подросткового возраста. Обычно дети священнослужителей познавали службу в храме с младых ногтей, а вступали в саму службу в достаточно раннем возрасте. К примеру, сын священника С. Бакалович начал служение в дьячковской должности в 15-летнем возрасте; Симион Димитриев, также священнический сын, начал служение в низшей духовной должности пономаря в 13 лет. Дети священников Димитриевых начали свое служение в более позднем возрасте из-за необходимости подготовки к будущей службе, изучения необходимых в работе молитв и богослужебных книг и т.д.

Таблица 4

Причетники, служившие в Георгиевском приходе

[1, л. 15об.-16; 2, л. 23об.-24; 3, л. 27об.-28; 4, л. 27об.-28; 5, л. 221об.-223об.; 6, л. 62об.-63об., 64об.-66; 7, л. 65об.-68; 8, л. 97об.-99, 100об.-102; 9, л. 244об.-245; 17, с. 167-172].

№ п/п	Имя, фамилия	Год рожд.	Национальность	Сословие	Служение		
					Начало	Болгар. водвор.	В приходе
1	Николай Димитриев	1791	Болгарин	Из поселян	1816	1816	1816
2	Петр Димитриев	1796	Болгарин	Из поселян	1819	1819	1819
3	Борис Загорский	–	Малоросс	–	1822	1822	1826
4	Александр Турку	1789	Молдаван	Из поселян.	1816	1839	1839
5	Григорий Ильницкий	1811	–	Священнич.	1836	1839	1839
6	Симион Бакалович	1826	Малоросс	Священнич.	1841	1844	1849
7	Василий Беров	1826	Болгарин	Священнич.	1847	1847	1849
8	Дмитрий Димитриев	1828	Болгарин	Священнич.	1846	1846	1851
9	Афанасий Гицеларь	1793	Болгарин	Из поселян	1817	1817	1817
10	Дмитрий Гицеларь	1813	Болгарин	Пономарский	1829	1829	1829
11	Петр Гицеларь	1818	Болгарин	Пономарский	1835	1835	1835
12	Симион Димитриев	1826	Болгарин	Священнич.	1839	1839	1839
13	Иоанн Гицеларь	1824	Молдован	Пономарский	1842	1842	1845
14	Иоанн Афанасьев	–	–	–	–	1845	1845
15	Иоанн Попович	1827	Молдован	Дьяконский	1849	1849	1849
16	Петр Димитриев	1832	Болгарин	Священнич.	1853	1856	1856

Среди причетников большую часть клириков составляли болгары – 56 %. Служили в приходе и представители украинского народа – 25 %. Необходимо отметить, что многие настоятели храмов были заинтересованы в привлечении в состав церковного клира

грамотных дьячков-украинцев, хорошо владеющих русским языком для ведения многочисленной приходской документации и текущей переписки. Что же до выходцев из молдавской среды, то они служили в храме в основном на пономарских должностях.

Позиционировавшие себя как болгары, пономари Гицелары тоже возможно молдаване по национальности. Так, в клировой ведомости за 1849 г. пономарь Иоанн Афанасиевич Гицеларь указан как выходец «из молдаван» [6, л. 62об.]. Возможно, это просто описка, хотя Гицеларь явно не болгарская фамилия, уж очень она «говорящая» за себя. Скорее всего, назвавшись по происхождению болгарин, проще было вступить в духовную службу в болгарском приходе. Однако это пока всего лишь допущение. Пономари Гицелари прекрасно владели болгарским языком, в болгарской среде Тараклии считались своими и не отторгались сельским миром как пришлые извне.

Необходимо отметить, клирики-молдаване быстрее воспринимали язык и культуру задунайских переселенцев, безболезненно входили в жизнь болгарской колонии. Молдаване и болгары - представители одной балканской общности и между ними не возникало никакого отторжения или дистанцирования. Проблем и конфликтов, имеющих место у уроженцев «великоросской» или «малоросской нации», по указанным причинам не было.

По социальному происхождению причетники также не отличались гомогенностью. Среди них были выходцы из податных сословий, принятые в духовное звание в 1810-1820-е гг. в период становления приходской системы в Буджаке. В последующие годы духовенство в Бессарабии уже сложилось и значительно уменьшило прием из иных сословий в свои ряды. Таким образом, среди дьячков и пономарей выходцев из духовной среды насчитывалось более 68 %.

Служение причетников в приходе имело свои особенности, поэтому о продолжительности служения говорить сложно. Некоторые, прослужив достаточно непродолжительное время, переводились по прошению в приходы к своим родным. Кто-то, строя карьеру в духовном ведомстве, перемещался на более высокие должности, жизненные ситуации бывали совершенно разные. Так, Афанасий Гицеларь, прослужив в приходе бессменно 12 лет, умер в возрасте 36 лет и пономарскую должность спешно занял его 16-летний сын Дмитрий, воспользовавшись правом наследования.

Важным моментом в жизни православного прихода являлось положение заштатного духовенства и членов их семей. Обычно в Буджаке, на начальном этапе в 1810-1830 гг., их количество было минимальным. В Георгиевском приходе Тараклии практически наблюдалась та же картина, исключение составляют только несколько случаев. С 1829 г. за штатом в приходе находилась после смерти мужа Ковна Петровна Гицеларь (1801 г.р.) с четырьмя детьми на руках: Петр (1818 г.р.), Иван (1824 г.р.), Георгий (1828) и Стояна (1821 г.р.). Иван обучался русской грамоте и чтению дома, а Петр в 1834 г. после представления в Кишиневскую духовную консисторию и испытания получил срок в 2 года для изучения грамоты и подготовки к духовной службе [9, л. 245об.-246; 8, л. 223об.-224].

В 1849 г. за штат церковного причта по прошению был выведен дьячок Симион Корнильевич Бакалович «до выздоровления его». В семействе клирика находилась жена Анастасия Даниловна (1823 г.р.) и малолетний сын Феодосий (1848 г.р.) [7, л. 67об.].

На этом список заштатных клириков в приходе исчерпывается и более подобных по церковной документации первой половины XIX в. не находим. Никакой финансовой помощи заштатным не оказывалось, они проживали в собственных домах, занимались домашним хозяйством и жили на заработанные собственным трудом средства.

Завершая статью, необходимо высказать ряд мыслей, возникших в ходе написания данного материала. Здесь изложены лишь некоторые факты и соображения по истории Георгиевского прихода селения Тараклия. Имеется достаточно много лакун, не позволяющие полно судить о протекавших в приходе процессах церковной жизни. Тема нуждается в дальнейшем более серьезном исследовании с привлечением широкого круга источников. Хотелось бы, чтобы завершённое исследование реализовалось в виде отдельной монографии, посвященной истории Св. Георгиевского храма. Думаю, что хорошей подготовкой к написанию истории церкви, прихода в целом, будет исследование и публикация исторических очерков о жизни и деятельности отдельных священников и церковнослужителей. Большой интерес вызовет публикация сборника документов и материалов, посвященных приходской жизни в XIX, XX вв. и на современном этапе.

Источники и литература

1. **Коммунальное учреждение «Измаильский архив»** (далее КУИА). Ф. 630, оп. 1, д. 2, 57 л.
2. **КУИА**. Ф. 630, оп. 1, д. 5, 59 л.
3. **КУИА**. Ф. 630, оп. 1, д. 8, 77 л.
4. **КУИА**. Ф. 630, оп. 1, д. 10, 73 л.
5. **КУИА**. Ф. 630, оп. 1, д. 32, 228 л.
6. **КУИА**. Ф. 630, оп. 1, д. 64, - л.
7. **КУИА**. Ф. 630, оп. 1, д. 70, - л.
8. **КУИА**. Ф. 630, оп. 1, д. 82, - л.
9. **КУИА**. Ф. 631, оп. 1, д. 8, 254 л.
10. **Мещерюк И.И.** Переселение болгар в Южную Бессарабию 1828 – 1834 гг.: (Из истории развития русско-болгарских дружеских связей). – Кишинев: «Карта Молдовеняскэ», 1965. – 208 с.
11. **Мещерюк И.И.** Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в Южной Бессарабии (1808 – 1856 гг.). – Кишинев: АН МССР, 1970. – 342 с.
12. **Полное собрание законов Российской империи с 1649 года** (ПСЗРИ). Собр. I. Т. XXXII. 1812-1815. – СПб., 1830. – 1107, [3], 14, 5, [4].
13. **Русев Н.Д.** «Формулярные ведомости Измаильского протоиерея Никиты Глизына за 1820-й год» о церквях, священниках и жителях некоторых болгарских колоний // Человек в истории и культуре. Вып. 2. – Одесса: СМИЛ, 2012. – С. 497-506.
14. **Собрание определений и постановлений:** Вып. 3. Приложение к «Деяниям» второе / Священный Собор Православной Российской Церкви. Москва, 1918, с. 13. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/pravila/opredelenija-sobora-pravoslavnoj-rossijskoj-tserkvi-1917-1918-gg/#0_18
15. **Танов Г.** Восстановление собора Святого Великомученика Георгия Победоносца города Тараклия: (Краеведческие заметки) / Науч. об-во болгаристов Респ. Молдова. – Тараклия: Б. и., тип. "Lexon-Prim", 2017. – 120 р.
16. **Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А. П. Юшневского:** Сборник документов / Сост. К. П. Крыжановская, Е. М. Руссев; Под ред. д-ра ист. наук проф. Л. В. Черепнина. – История Молдавии. Т. 2. Документы и материалы / Ин-т истории, языка и лит. Молдав. филиала АН СССР. Центр. гос. ист. архив МССР. Глав. ред.: Афтенюк С. Я., Гросул Я. С. (глав. ред.) и др. – Кишинев: Госиздат Молдавии, 1957. – 671 с.
17. **Червенков Н., И. Думиника.** Тараклии – 200 лет: Т. 1 (1813 - 1940). – Chisinau: Cu drag, tip. «Bons Offices», 2013. – 608 р.

ПУШКОВ Игорь, докторант, учитель истории, Болград, Украина – puscov_bolgrad@yahoo.com

ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРИХОДЫ В БОЛГАРСКОМ ВОДВОРЕНИИ БЕССАРАБИИ В 1834 Г.

Резюме. *В статье на основе исследования клировых ведомостей осуществлена реконструкция системы церковных приходов Болгарского водворения в Бессарабии, существующая в 1834 г. Рассмотрены вопросы формирования колонистских и церковных округов, изменение их границ в связи с вхождением Бессарабии в состав Новороссийского генерал-губернаторства и ряда административных реформ. Дана характеристика округов, установлен их состав и границы. Исследован процесс создания православных приходов и строительства храмов в болгарских колониях. Указан механизм управления церквями Болгарского водворения, представлены сведения по персоналиям старшего благочинного, благочинных священников и депутатов от духовенства. Рассмотрено штатное расписание церковного клира для храмов Бессарабии. Дана характеристика приходского духовенства и православного населения, проживавшего на территории Болгарского водворения*

Исследовано формирование православных приходов и выявлено существование двух независимых параллельных процессов: образование крупных приходов и их дробление. Установлено несоответствие границ церковных и колонистских округов. Выявлены тенденции уменьшения прав общины при выборе духовенства и формирование в приходах духовных династий. Автор приходит к выводу о том, что чиновники Болгарской конторы создавали благоприятные условия для развития в болгарских колониях отдельных приходов, соблюдалось обещание болгарам иметь свое духовенство.

Ключевые слова: *Буджак, Болгарское водворение в Бессарабии, задунайские переселенцы, церковный приход, приходское духовенство.*

Orthodox parishes in the Bulgarian establishment of Bessarabia in 1834

I.M. Pushkov.

Post-graduate student of Odessa I. I. Mechnikov University (Bolgrad, Ukraine).

Abstract. *In the article, based on the study of clerical records, the reconstruction of the system of church parishes of the Bulgarian establishment in Bessarabia, existing in 1834, is carried out. The issues of the formation of colonist and church districts, the change in their boundaries in connection with the entry of Bessarabia into the Novorossiysk Governorate General*

and a number of administrative reforms are considered. The characteristics of the districts are given, their composition and boundaries are established. The process of creating Orthodox parishes and building churches in the Bulgarian colonies is investigated. The mechanism of management of the churches of the Bulgarian establishment is indicated, information on the personalities of the senior dean, deanery priests and deputies from the clergy is presented. The staffing table of the church clergy for the temples of Bessarabia is considered. The characteristics of the parish clergy and the Orthodox population living in the territory of the Bulgarian settlement are given.

The formation of Orthodox parishes is investigated and the existence of two independent parallel processes is revealed: the formation of large parishes and their fragmentation. The discrepancy between the boundaries of church and colonist districts was established. The tendency of decreasing the rights of the community when choosing the clergy and the formation of spiritual dynasties in the parishes are revealed. The author comes to the conclusion that the officials of the Bulgarian office created favorable conditions for the development of individual parishes in the Bulgarian colonies, the promise to the Bulgarians to have their own clergy was observed.

Key words: *Budjak, Bulgarian establishment in Bessarabia, trans-Danube settlers, church parish, parish clergy.*

В конце XX – начале XXI ст. в исторической науке начал проявляться большой интерес к изучению отдельных селений Бессарабии, населенных болгарами, гагаузами, а также представителями других народов из числа задунайских переселенцев. Авторы подобных локальных исследований, особенно из числа местных краеведов, представляли историю населенного пункта без серьезного учета и анализа духовной сферы, религиозно-нравственного состояния населения, разрывая тем самым единую целостность сельского микрокосма.

Для того чтобы этого избежать необходимо при исследовании истории селений изучать и церковный православный приход, в который они входили. В этом случае мы можем исследовать конкретную болгарскую колонию или отдельное селение в комплексе. Необходимо отметить, что перекоса в церковную область не будет наблюдаться. В Российской империи в начале XIX в., особенно в эпоху царствования Александра I, тщательно копировали во всех сферах жизнедеятельности английские образцы. Англия, в то время являлась примером успешного государства для многих держав мира. Она была самым развитым в мире государством, активно развивающим промышленность, науку и общественные отношения. Религиозная сфера также претерпевала изменения в угоду новомодным веяниям. Приход в Англии был не просто церковно-территориальной единицей, а государственной административно-территориальной единицей. Именно поэтому дефиниции прихода трансформировались, приход и церковный клир наделялись ранее не известными им функциями и обязанностями, никакого отношения к церковной сфере не имеющими. Клирики становились не только служащими в духовной сфере специалистами, но и государственными служащими, обязанными выполнять определенные функции. Кроме того, в приход формально входили и представители старообрядческих толков, не приемлющих официальную Православную Церковь. Таким образом, РПЦ пыталась бороться с расколом и контролировать оппозиционные ей силы.

Целью статьи является реконструкция системы церковных приходов Болгарского водворения в Бессарабии, рассмотрение их пространственных характеристик и демографических особенностей населения в 1834 г.

Хронологические рамки исследования ограничены одним 1834 годом. После второй волны массового переселения задунайских поселенцев в 1828-1834 гг. сложившиеся православные приходы и их границы видоизменились. Связано это было как с уже упомянутым переселением населения из-за границы Российской империи, основанием переселенцами новых колоний, имеющее место реэмиграция переселенцев назад в Дунайские княжества и Болгарию, а также внутренней миграцией населения Буджака. Большая часть переселенцев оказалась в Бессарабии в 1830 г. Однако церковные документы за 1830 и ближайшие последующие годы информацию о новых поселениях и границах приходов не предоставляют, либо она фрагментарна и не дает четкой картины. Документы за 1834 г. наиболее полны и близки к событиям начала 1830-х гг. Таким образом, мы можем сделать необходимый срез и реконструировать систему церковных приходов, сложившуюся на тот момент. Кроме того 1834 год интересен тем, что он является средним в процессе формирования и развития Болгарского водворения в Бессарабии (1806-1856 гг.). Он не соответствует начальному периоду формирования болгарской общности в 1810-20 гг. и не похож на завершающий этап этого процесса в 1850-х гг. Актуальность нашего исследования очевидна, так как позволяет рассмотреть происходящие изменения в динамике.

Основой источниковедческой базы для исследования является массив клировых ведомостей за 1834 г. и другие годы, находящиеся на хранении в Коммунальном учреждении «Измаильский архив» [7-12]. Используются малоизвестные материалы, а также сведения, введенные в научный оборот Н.Н. Червенковым, И. Думиника и другими исследователями в последние десятилетия.

Основание колониетских и церковных округов Болгарского водворения в Бессарабии.

В конце декабря 1819 г. Российская империя, спустя годы после переселения болгар, сочла необходимым включить задунайских переселенцев в состав иностранных колониетов, даровать им соответствующие колониетскому званию права и преимущества и закрепить за ними казенные участки земли в Бессарабии, разделив их на 4 колониетских округа: Прутский, Кагульский, Измаильский и Буджакский. [19, с. 542-547].

В 1828 г. Бессарабская область перестала быть самостоятельной административно-территориальной единицей и вошла в состав Новороссийского генерал-губернаторства. Годом позже по Адрианопольскому мирному договору к Бессарабии присоединено устье Дуная с островами. Все эти обстоятельства повлекли за собой ряд административных реформ, были отменены цинуты, образованы уезды, после 1830 г. придунайские земли отошли Измаильскому градоначальству, а земли севернее Нижнего Траянова вала — к новому Кагульскому уезду. Конфигурация колониетских округов так или иначе изменялась, ряд селений перешли из одного округа в другой, изменялось их количество.

По карте, составленной межевой комиссией видно, что граница колониетских округов проходила с учетом естественных преград – по границам озер и рек, колониетские земли перемежались с пустопорожними казенными участками, спорными с казной землями, казенными селениями и участками, отданными во владение русским чиновникам и военным чинам. Среди последних было много русских дворян, польской шляхты и молдавских помещиков. Русская администрация в Бессарабии стремилась на присоединенных землях насадить и укрепить помещичье землевладение и дворянскую земельную собственность.

Из перечисленной когорты самые большие земельные угодья в начале XIX в. были розданы русским дворянам. Граф Бенкендорф имел в Буджаке землю общей площадью 28 тыс. дес., граф Канкрин – 25 тыс. дес., а генерал Сабанеев и Несельроде – по 10 тыс. дес. Надел площадью в 6 тыс. дес. имели – князь Марузи, А.С. Стурдза, Кантакузин, полковник Корнилович и генерал Хитров. По 5 тыс. дес. имели Добринц, Кутиак, полковник Алексеев, М. Суццо и др. помещики. В период 1812-1830 гг. русские дворяне получили в Буджаке земельные наделы общей площадью 300 тыс. дес. земли [6, с. 26].

Часть больших земельных угодий принадлежало польским магнатам. Среди них: Сабаневские, Березовские, Шембековы, Ярошевские, Бжозовские и Юрьевичи [1, с. 26]. Что же касается молдавских бояр, то они самовольно захватывали свободные участки казенной земли. Таким образом, в Буджаке ими было присвоено 117201 дес. земли [18, с. 500]. Поэтому вопросы границ колонистских округов, сохранение за переселенцами колонистских прав и ограждение их от поползновений со стороны боярского и дворянского сословий были очень актуальными в то время.

Церковные округа при существующем в РПЦ территориальном принципе старались не выходить за границы административно-территориальных образований и изменялись вместе с ними. Из архивных документов следует, что в Болгарском водворении функционировало 4 церковных округа. Некоторые из них территориально включали в себя ряд селений, не подлежащих колонистскому праву. С другой стороны, ряд болгарских колоний, основанных задунайскими переселенцами в 1830 г., относились к приходам Аккерманского уезда, находящимися за пределами Нижне-Буджакского колонистского округа. Формирование церковных округов происходило параллельно с формированием колонистских округов.

Управление церковными округами и приходами.

Административно приходы задунайских переселенцев подчинялись благочинным священникам, в управленческое звено были включены и священники-депутаты, которые выполняли на местах функции помощников благочинных. Благочинные священники подчинялись протоиерею колонистского управления. Общее руководство приходами Болгарского водворения в Бессарабии осуществлялось старшим благочинным Измаильского уезда протоиереем Никитой Глизяном.

Если о протоиерее Н. Глизяне нам уже известно из публикации Н.Д. Руссева [17, с. 497], то о других представителях церковно-управленческого аппарата имеются только краткие сведения из клировых ведомостей.

Известно, что в период с 1831 г. по 1835 г. церквями колонистского управления руководил протоиерей Василий Васильевич Пуришкевич. Кроме того, по его части благочиния проходили приходы первого церковного округа. Протоиерей родился в 1800 г. в семье священника Киевской губернии, Уманского повета, Крестовоздвиженской церкви села Оксановой Василия Пуришкевича. Окончил Киевскую духовную семинарию (1821 г.) и духовную академию (1825 г.). Академический курс наук окончил с научной степенью кандидата богословия. В 1825-1831 г. преподавал физико-математических науки и еврейский язык в Кишинёвской духовной семинарии. В 1826 г. назначен учителем физики и математики и в Благородном пансионе для дворянских детей, находившемся при семинарии. С 1829 г. исполнял обязанности библиотекаря учебного заведения. 27 августа 1831 г. архиепископом Кишиневским и Хотинским Димитрием (Сулима) рукоположен в диакона, 30 августа – в священника Преображенской церкви центральной болгарской

колонии Болград, в протоиереи – 9 сентября. Назначен управляющим церквями, находящимися в Болгарском водворении Бессарабии и цензором для болгарских колоний, Измаильского градоначальства и Леовского уезда. В 1834 г. старший благочинный церковей колонистского управления. С 5 декабря 1835 г. протоиерей кафедрального собора Рождества Христова в Кишиневе, присутствующий консистории и старший благочинный над церквями, состоявшими в ведомстве протоиерея Гербановского. Будучи кафедральным протоиереем, с 30 июля 1848 г. по 11 июня 1849 г. исполнял обязанности ректора Кишинёвской семинарии. В 1881 г. отпраздновал 50-летие служения в протоиерейском сане. Умер 10 февраля 1882 г. после продолжительной болезни. [11, л. 2об.-3об.; 2, с. 609; 16, с. 826-831].

Подбор благочинных являлся важной задачей, как для епархиальной власти, так и для старших благочинных на местах, ведь именно они предлагали кандидатуры для утверждения в духовную дикастерию (консисторию). Опыт выборности благочинного самим духовенством из своего числа не увенчался успехом. Примером тому, благочинный Измаильского округа в период 1824-1828 гг., священник Петро-Павловской церкви болгарской колонии Чийшия Мартин Черноморцев. Выходец из семьи задунайских казаков [7, л. 37об.-38] после рукоположения в священники и утверждения в должности благочинного стал активно поклоняться Бахусу, а позже, заподозрив жену в измене, убил ее в гневе [4, с. 326-329; 20, с. 52-55; 22, с. 138].

В характеристике кандидата в благочинные священники особо подчеркивалось, что он «не заражен пьянственной страстью». Любителей горячительных напитков и среди духовенства было в избытке. Церковь с такими людьми всячески боролась, старалась вырвать их из порочного круга, отлучала от священнического служения. Так, в начале 1830-х гг. благочинный соборной Иоанно-Предтечиевской церкви города Рени Иоанн Сабатовский, улученный в пьянстве, был «низвергнут на два года в причетническую должность». Службу проходил в Спасо-Преображенском соборе центральной болгарской колонии Болград [10, л. 53об-54; 12, л. 5об.-6].

О представителях управленческого звена духовного ведомства в Болгарском водворении имеются краткие сведения из формулярных списков и клировых ведомостей. Так, благочинным II церковного округа в 1834 г. был священник Успенской церкви колонии Волканешт Василий Дмитриевич Молявин. Он родился в 1780 г., происходил «из малороссиян», в семинарии не обучался. В духовное ведомство вступил в 1812 г. – 18 апреля рукоположен в дьяконы к Кресто-Воздвиженской церкви крепости Измаил. Хиротонисан во священника Успенской церкви колонии Волканешт 17 июля 1814 г. В 1817 г. определен депутатом Прутского округа, а в 1825 г. возведен в должность благочинного священника [11, л. 63об.].

Благочинным III церковного округа служил священник Преображенской церкви колонии Болград. Известно, что он родился в 1787 г. в дьячковской семье Екатеринославской епархии. В 1806 г. посвящен во стихарь и определен дьячком к Николаевской церкви селения Луганск Бахмутского уезда. В 1813 г. произведен во дьякона к соборной Николаевской церкви Тирасполя. Во священника рукоположен в феврале 1816 г. к Предтечиевской церкви слободы Реймеровки Тираспольского уезда. В колонистское управление переведен в 1823 г. и назначен в колонию Александровку (Саталык-Хаджи). 20 января 1824 г. назначен сотрудником Попечительства о бедных духовного звания. В 1825 г. определен депутатом, а с 1828 г. исправляющим должность частного благочинного. Утвержден в должности действительного благочинного в 1832 г. [11, л. 4об., 5об.].

IV округ возглавлял священник Успенской церкви колонии Комрат Василий Иванович Томескул. Родился в 1788 г. в семье молдавского священника, в семинарии не обучался. 25 мая 1814 г. рукоположен в священника к Архангело-Михайловской церкви болгарской колонии Копчак. В начале 1819 г. переведен к Успенской церкви колонии Комрат. 20 октября 1819 г. утвержден депутатом Буджакского округа, а 4 июня 1832 г. назначен исправляющим обязанности благочинного священника Верхне-Буджакского церковного округа [11, л. 158об.].

В управленческой ланке на уровне церковного округа в качестве помощников благочинного выступали священники-депутаты. Назовем некоторых из них, о ком имеются сведения. В качестве депутата от духовенства служил священник Св. Николаевской церкви колонии Инпуцита Михаил Кузьмин. Известно, что родился он в 1786 г. в семье украинских крестьян, в духовных учебных заведениях не обучался, в духовное ведомство вступил в 1814 г. Службу начал пономарем в соборной Св. Николаевской церкви Измаила. 22 июля 1817 г. произведен в священника на вакантное место в колонию Инпуцита. По резолюции архиепископа Димитрия утвержден 27 мая 1825 г. в должности депутата Кагульского церковного округа [11, л. 32об.].

Второй депутат – священник Св. Троицкого молитвенного дома колонии Ивановка (болг.) Стефан Николаевич Господинов. Он родился в 1787 г. в болгарской крестьянской семье. Выйдя из колониистского звания, поступил в духовное ведомство и в 1821 г. хиротонисан в священника Рождество-Богородичной церкви колонии Каракурт, в 1823 г. перемещен на новое место служения в колонию Ивановка. В должности священника-депутата Нижне-Буджакского церковного округа утвержден в 1831 г. [11, л. 142об.].

Имел своего помощника и протоиерей В.В. Пуришкевич. Депутатом являлся дед М.В. Казанакли священник Успенской церкви колонии Ташбунар Михаил Казанлаклы. Михаил Петрович Казанлаклы родился в 1782 г., происходил из семьи священника, вышедшего из болгарской дворянской. Епископом Мелетием, Гушским рукоположен в диакона 29 июня 1806 г. к Св. Михайловской церкви г. Кишинева, а 31 января 1807 г. в священника к церкви Рождества Пресвятой Богородицы. По служебной необходимости перемещался к Св. Михайловской церкви (1811 г.), а затем, к Св. Георгиевской (1814 г.). В Болгарское водворение перемещен решением епископа Димитрия (Сулима) 14 февраля 1818 г. к Св. Успенской церкви с. Ташбунар [11, л. 98об.], где бессменно прослужил более 31 года.

Как видно из приведенных персоналий, на управленческие должности назначались лица, имеющие организаторские способности и, самое главное, грамотные люди. В 1830-х гг. в образованных или хотя бы минимально грамотных людях чувствовался большой недостаток. В лучшую сторону в деле грамотности отличались представители «нации малороссийской» знавшие русский язык лучше молдаван и задунайских переселенцев. По возрастным показателям видно, что управленцы люди не молодые, имеющие жизненный и профессиональный опыт.

Характеристика колониистских и церковных округов Болгарского водворения.

Границы колониистских округов не были статичными и изменялись в зависимости от жизненных обстоятельств. Рассмотрим каждый из колониистских округов, существовавших в конце 1834 г. в отдельности.

Измаильский колониистский округ располагался на территории Измаильского уезда. Вот как описываются его пределы в книге «Статистическое описание Бессарабии собственно так называемой, или Буджака»: «Границы сего округа определяются на севере

от речки Ялпуха к востоку в прямой линии с округом Верхне-Буджакским; на востоке от округа Нижне-Буджакского озером Катлабугом и в части речкою Большим Катлабугом; на юге речкою Дунаем, озером Сафтияном, выгонною землею города Измаила и плавнями озера Кугурлуя; на западе от Кагульского округа и спорных земель с казною отделяется озером и речкою Ялпухом» [18, с. 399].

После 1830 г. придунайские земли отошли Измаильскому градоначальству, а земли севернее Нижнего Траянова вала - к новому Кагульскому уезду. В 1834 г. в округе насчитывалось 13 православных приходов, включавших в свой состав 21 населенный пункт: Бабиле, Болград, Вайсал, Дермендере (Каланчак), Долукиой, Дюлбмен, Исерлия, Кайраклия, Каракурт, Кубей, Купораны, Пандаклия, Табак, Тараклия, Татар-Копчак, Ташбунар, Троян, Чешма-Варуита, Чийшия, Чумлекиой, Эрдекбурно [см.: табл. 1].

Два прихода имели по одному приписному селению: Ташбунарский Успенский приход новообразованную колонию Вайсал [11, л. 103об.], а Долукийский Михайловский – колонию Кайраклия [11, л. 107об.]. В 1830 г. указанные приписные селения состояли в Успенском приходе колонии Ташбунар [12, л. 108об.], но позднее произошло их перераспределение и соответственно изменение границ приходов. Самым большим в округе было Чийшийское Петропавловское церковно-территориальное объединение. Его подробно описал Н.Н. Червенков в своей монографии, но время формирования такого большого прихода им не указывается [20, с. 42, 57]. В 1830 г. приход включал в себя только одно приписное селение Трояны (Новые Трояны) [12, л. 146об.]. Исходя из этих данных, следует, что формирование «большого» прихода происходит после основания новых болгарских колоний в 1831-32 гг. На тот момент в состав Петропавловской церкви Чийшии входили прихожане колоний Дюльмен [3, с. 75], Исерлия, Ново-Трояны и Чумлекиой [20, с. 42]. В 1834 г. в состав Петропавловского прихода дополнительно включены новообразованные колонии Пандаклия и Купораны [11, л. 135об.], что привело к созданию самого крупного в Болгарском водворении православного прихода.

Таблица 1

Православные приходы Измаильского колонистского округа в 1834 г.

	Название прихода	Основная колония и причисленные к приходу селения	Кол-во дворов / хозяйств	Население		Всего
				Муж. пола	Жен. пола	
1	Николаевский	Бабиле	79 ½	318	265	583
2	Преображенский	Болград	460	1840	1629	3469
3	Покровский	Дермендере (Каланчак)	12	48	43	91
4	Михайловский	Долукиой	66 ¾	267	249	516
		Кайраклия	45	180	166	346
5	Рождественский	Каракурт	92 ½	370	318	688
6	Успенский	Кубей	136 ¾	547	488	1035
7	Благовещенский	Табак	78 ¾	315	274	589
8	Георгиевский	Тараклия	202 ¼	809	829	1638
9	Успенский	Татар-Копчак	136 ½	546	485	1031
10	Успенский	Ташбунар	102	408	410	818
		Вайсал	87 ½	350	288	638

11	Георгиевский	Чешма-Варуита	104 ½	418	425	843
12	Петро-Павловский	Чийшия	84	336	321	657
		Новые Трояны	83 ½	334	289	623
		Пандаклия	90 ½	362	276	638
		Исерлия	67 ¾	271	217	488
		Купораны	32 ¼	129	104	233
		Чумлекиой	42 ½	170	135	305
		Дюльмен	32 ½	130	115	245
13	Михайловский	Эрдекбурно	65	260	255	515
ВСЕГО			2102	8408	7581	15989

Кагульский колониетский округ занимал территорию Измаильского уезда между Нижним Трояновым валом, «между озерами Ялпухом и Кагулом, речками Викетою и Кагулом, границею колонии Волканешт и от устья Викеты до плавней города Измаила речкою Дунаем» [18, с. 469]. Имеются сведения об объединении в 1834 г. Прутского и Кагульского округов в один Кагульско-Прутский с центром в селе Хаджи-Абдул. Однако, по церковным документам, видим, что реального объединения не произошло и фактические административные изменения по времени осуществились позже.

Таблица 2

Православные приходы Кагульского колониетского округа в 1834 г.

	Название прихода	Основная колония и причисленные к приходу селения	Кол-во дворов / хозяйств	Население		Всего
				Муж. пола	Жен. пола	
1	Михайловский	Барта	51 ½	206	226	432
2	Успенский	Болбока	77 ¼	309	311	620
3	Николаевский	Инпуцита	77 ½	310	265	575
4	Успенский	Итулия	68 ¾	275	273	548
5	Николаевский	Карагач	108 ¾	435	403	838
6	Николаевский	Картал	63 ½	254	231	485
7	Георгиевский	Курчи	75 ¾	303	322	625
8	Николаевский	Сатунова	84	336	303	639
9	Николаевский	Хаджи-Абдулы	94 ½	378	330	708
ВСЕГО			701 ½	2806	2664	5470

Так как в округе строительство православных храмов и основание приходов осуществлялось еще в начале XIX в. то дробление последних, если оно и имело место, уже завершилось. Кроме того, селения округа являлись ранее владельческими, причем принадлежавшим разным молдавским боярам. Что, несомненно, отразилось на религиозно-нравственном состоянии прихожан молдавских сел.

Таблица 3

Православные приходы Прутского колониетского округа в 1834 г.

Название	Население	Всего
----------	-----------	-------

	прихода	Основная колония и причисленные к приходу селения	Кол-во дворов / хозяйств	Муж. пола	Жен. пола	
1	Михайловский	Анадолка	63 ½	254	246	500
2	Михайловский	Брынза	42 ½	170	165	335
3	Спиридоновский	Валены	48 ¾	195	203	398
4	Успенский	Волканешт	103	412	408	820
5	Георгиевский	Журжулешт	78	312	292	604
6	Михайловский	Колибаш	67 ¼	269	251	520
7	Михайловский	Слободзея	113	452	417	869
		Кислица	45 ¾	183	144	327
8	Михайловский	Фрикацей	90 ½	362	310	672
9	Афанасиевский	Чишмекиой	139 ¾	559	561	1120
ВСЕГО			792	3168	2997	6165

В 1834 г. в состав Кагульского колонистского округа входило 9 селений, образующие отдельные приходы: Барта, Болбока, Инпуцита, Карагач, Картал, Курчи, Сатуново, Этулия, Хаджи-Абдулы. Приходы были небольшими, часть из них не достигла нормы в 70 поселенческих дворов, поэтому в колониях Барта, Этулия, Картал церковный клир не достигал положенного состава (см.: табл. 2).

Прутский колонистский округ занимал юго-восточную часть Измаильского уезда и определялся «рекою Прутом, Нижним Трояновым валом, речкою и озером Кагулом, речкою Викетою и Дунаем» [18, с. 482]. В округе состояло из 10 небольших колоний: Анадолка, Брынза, Валены, Волканешт, Журжулешт, Кислица, Колибаш, Слободзея, Фрикацей, Чишмекиой. Приходы состояли в основном из одного населенного пункта, за исключением Михайловского прихода колонии Слободзея, в котором в качестве приписного состояло селение Кислица (Кышлица-Прут, Р.Молдова). Наиболее крупными приходами в Прутском округе являлись Волканештский Успенский, Слободзейский Михайловский и Чишмекиойский Афанасиевский (см.: табл. 3).

Таблица 4

Православные приходы Верхне-Буджакского колонистского округа в 1834 г.

	Название прихода	Основная колония и причисленные к приходу селения	Кол-во дворов / хозяйств	Население		Всего
				Муж. пола	Жен. пола	
1	Михайловский	Авдарма	56 ¼	225	223	448
		Джоллтай	47	188	182	370
		Кириет-Лунга	42	168	131	299
2	Николаевский	Баурчи	106	424	387	811
3	Георгиевский	Бешалма	98 ½	394	345	739
4	Николаевский	Валепержа	115 ¼	461	361	822
5	Успенский	Гайдар	51 ½	206	197	403
6	Троицкий	Дизгинже	104	416	393	809

7	Георгиевский	Казаяклия	149 ¼	597	514	1111
		Кириутне	82	328	300	628
8	Успенский	Кирсов	–	–	–	–
9	Успенский	Комрат	369 ½	1478	1309	2787
		Новый Кирсов	157 ¼	629	578	1207
10	Троицкий	Конгаз	110 ½	442	387	829
11	Успенский	Томай	87	348	306	654
		Феропонтиевка	50	200	167	367
12	Афанасиевский	Чадыр-Лунга	127 ¼	509	463	972
		Безгиоз	59	236	212	448
		Твардица	60 ¼	241	228	469
13	Михайловский	Чок-Майдан*	59 ¾	239	212	451
		Башкалия	57 ¾	231	231	462
ВСЕГО			1990	7960	7126	15086

Верхне-Буджакский колониетский округ – часть некогда единого Буджакского округа, созданного 29 декабря 1819 г. по императорскому указу. Позже округ, ставший на тот момент очень большим, разделили для удобства управления на две части: Верхне- и Нижне-Буджакский округа. Есть основание полагать, что данное решение последовало после перехода Бессарабской области в подчинение Новороссийского генерал-губернаторства и формирования системы уездов.

Округ «граничит на севере Бендерского цынута с землями казенного селения Чанака, с пустопорожным участком под № 2, пожалованным отставному подполковнику Добринцу, и с казенным селением Чукур-Минжиром, на востоке речкою Лунгою, отделяясь от земель казенного селения Садаклии от пожалованного участка под № 6 генерал-майору князю Сибирскому, от казенного селения Абаклы-Джабы, от участка под № 7, пожалованного статскому советнику Ханову; далее от Аккерманского цынута определяется землями немецких колоний: Кульмской и Малоюрославской; назад от Бендерского и Измаильского цынутов землями спорными с казною, занятыми Лягофетом Маре Гикою и коллежским советником Балшем; и на юге от речки Ялпуха до межи немецких колоний с округами: Измаильским и Нижне-Буджакским» [18, с. 422].

В 1834 г. в состав Верхне-Буджакский колониетского округа входили 18 колоний и 1 деревня с украинским населением, не подлежащая колониетскому праву: Авдарма, Баурчи, Бешалма, Безгиоз, Валепержа, Гайдар, Джолтай, Дизгинже, Казаяклия, Кириет-Лунга, Кириутне, Комрат, Конгаз, Новый Кирсов, Твардица, Томай, Феропонтиевка, Чадыр-Лунга. Перечисленные селения входили в состав 12 самостоятельных приходов, больше половины из них состояли из одного села [см.: табл. 4].

* Страницы в документе отсутствуют. Приведенные в таблице сведения по Архагело-Михайловскому приходу колонии Чок-Майдан и приписному селению Башкалия указаны по книге: Кабузан В.М. Народонаселение Бессарабской области и левобережных районов Приднестровья (конец XVIII – первая половина XIX в.). – Кишинев, 1974. – С. 118. Количество домов - хозяйств посчитано автором.

Православные приходы Нижне-Буджакского колонистского округа в 1834 г.

	Название прихода	Основная колония и причисленные к приходу селения	Кол-во дворов / хозяйств	Население		Всего
				Муж. пола	Жен. пола	
1	Иоанно-Богословский	Александровка	32	128	119	247
2	Ильинский	Банновка	63 ½	254	224	478
3	Покровский	Гасанбатыр	21 ½	86	82	168
4	Димитриевский	Димитровка	75 ½	302	272	574
5	Троицкий	Ивановка	36 ¼	145	141	286
6	Успенский	Кирнички	71	284	210	494
		Новопокровка	41	164	150	314
7	Георгиевский	Код-Китай	59 ½	238	233	471
		Сулиогло	21 ¾	87	72	159
		Задунаевка	36 ½	146	144	290
		Главаны	22 ¾	91	71	162
		Девлетагач	69 ½	278	250	528
		Старые Трояны	84 ¼	337	318	655
8	Цареконстантиновский	Шикирли-Китай	82 ¼	329	255	584
		Голица	23 ¼	93	110	203
9	Георгиевский	Яникиой	68	272	273	545
		Делжилеры	37	148	156	304
ВСЕГО			845 ½	3382	3080	6462

По количеству приписных селений (по 2 колонии) выделяются Чадыр-Лунгский Афанасиевский и Авдарминский Михайловский приходы. Казаяклийский Георгиевский, Комратский и Томайский Успенские приходы имели по одному приписному селению. Однако по количеству дворов самым большим являлся Комратский приход, насчитывающий в целом 526 ¾ хозяйств [11, л. 164об.].

Нижне-Буджакский колонистский округ – один из больших округов Болгарского водворения в Бессарабии. В 1834 г. в его состав входили из 16 колоний и 1 селение, не подлежащее колонистскому праву: Александровка (Саталык-Хаджи), Банновка, Гасан-Батыр, Главаны, Голица, Девлетагач, Делжилеры, Дмитриевка, Задунаевка, Ивановка (болг.), Кирнички (Фынтына-Дзинилор), Код-Китай, Новопокровка, Старые Трояны, Сулиогло, Шикирликитай, Яникиой [см.: табл. 5]. Граница округа «определяется от озера Китая до Катлабуга прямою линиею в параллель Нижнего Троянового вала, отделяясь ею от казенных селений Измаильского цынута, далее с округами колоний задунайских переселенцев, Измаильским и Верхне-Буджакским, потом Аккерманского цынута с немецкими колониями и землями казенного ведомства» [18, с. 449].

Несмотря на большое количество населенных пунктов округ в 1834 г. насчитывал всего 9 приходов, большая часть из них состояла из одного селения. Изменения границ приходов последовало после переселения задунайских переселенцев 1828-1830-х гг.

Колонии, основанные на пустопорожных земельных участках Аккерманского уезда стали приписными для некоторых церковно-административных единиц. Еникийский Георгиевский, Шикирли-Китайский Цареконстантиновский и Кирничанский Успенский приходы имели по 1 приписному селению. Самым большим приходом был Код-Китайский Георгиевский, имевший 5 приписных селений.

Таким образом, в 1834 г. после административно-территориальных реформ на территории Бессарабии в Болгарском водворении числилось 76 колоний и неколонистских селений, входивших в состав 52 православных приходов. Из приведенного выше в таблицах перечня селений округов выпадают болгарские колонии: Бургуджи, Дельжилер, Ескиполос, Камчик, Кулевча и Тропокло, основанные в 1830 г. на свободных казенных земельных участках Аккерманского уезда и не входящих в состав Болгарского водворения. Болгарские колонии Беймагала и Драгодан, возникшие в это же время, к 1834 г. опустели по причине реэмиграции населения в Болгарию [13, с. 147; 14, с. 141]. Новообразованные селения были присоединены к неболгарским приходам, не подлежащим колониистскому праву.

Границы церковных округов имели свою конфигурацию. Иногда они совпадали с очерченными границами колониистских округов, иногда лишь частично, а то и вовсе не совпадали. В 1834 г. в колониистском управлении существовало 4 церковных округа. Рассмотрим состав каждого из них в отдельности.

Первый округ находился под руководством старшего благочинного церковей колониистского управления протоиерея Василия Пуришкевича. Он состоял из приходов Кагульского колониистского округа и части Измаильского. В него входило 14 приходов колоний: Барта, Бабели, Болбока, Болград, Инпуцита, Каракурт, Картал, Карагач, Курчи, Сатуново, Табак, Хаджи-Абдулы, Чешма-Варуита, Этулия.

Благочинный священник Василий Молявин руководил вторым церковным округом. Это церковное образование в колониистском управлении было самым маленьким и включало в себя все приходы Прутского колониистского округа: Анадолка, Брынза, Валены, Волканешт, Журжулешт, Колибаш, Слободзея, Фрикацей, Чишмекией.

По части благочинного священника Федора Данилова проходили приходы третьего церковного округа. Он включал в себя приходы Нижне-Буджакского округа и часть Измаильского, географически к ним примыкающие. Всего в его состав входило 15 приходов колоний: Александровка, Банновка, Гасанбатыр, Дермендере, Димитровка, Долукией, Еникией, Ивановка, Кирнички, Код-Китай, Кубей, Ташбунар, Чийшия, Шикирли-Китай, Эрдекбурно.

Четвертый церковный округ относился по части исправляющего обязанности благочинного священника Василия Томескула. Он состоял из 13 приходов Верхне-Буджакского колониистского округа и нескольких приходов Измаильского. В состав церковного округа входили приходы колоний Авдарма, Баурчи, Бешалма, Валипержа, Гайдар, Дизгинже, Казаяклия, Кирсов (старый), Комрат, Конгаз, Тараклия, Татар-Копчак, Томай, Чадыр-Лунга, Чок-Майдан.

Основание православных приходов, храмовое строительство.

В этот исторический период зримо наблюдались два независимых друг от друга процесса. Первый – дробление крупных приходов на более мелкие, начат задолго до 1830 г. Он продолжался как в 1834 г. так и в последующие годы. Второй – образование новых крупных приходов был напрямую обусловлен основанием задунайскими переселенцами в

1830 г. новых селений вблизи уже существовавших приходов, либо вывода существующей в колонии церкви из списка действующих по ветхости.

Формирование приходов происходило по разным сценариям. Иногда для формирования прихода было достаточно появления в колонии священника. Священство, действуя во имя Христово, является тем, кто осуществляет евхаристическое служение и превращает собрание в явление Церкви Божьей. Зачастую священник брал на себя руководство постройкой в селении храма и, занимая активную жизненную позицию, обсуждал этот вопрос в сельской общине, сдвигая тем самым процесс с мертвой точки. Примером тому жизнь и деятельность священника Хохора в колонии Чешма-Варуита.

С другой стороны, история демонстрирует нам примеры, когда церковный приход функционировал при отсутствии прихожан. В 1834 г. подобная ситуация имела место в колонии Кирсов, из которой прихожане переселились в новообразованную колонию Новый Кирсов и вошли в состав Успенского прихода колонии Комрат [11, л. 167об.; 5, с. 24]. Наличие евхаристической общины является одним из основных, непреложных требований богослужения. Но в данном случае отсутствие прихожан все-таки являлось временным явлением. Кроме того, священнослужители не только осуществляли евхаристическое служение, но и вместе с церковнослужителями участвовали в нем, тем самым составляя необходимую евхаристическую общину. Никакого противоречия здесь ни наблюдалось - евхаристическая койнония (общение) продолжалась и была непрерывной.

При принятии решения об основании прихода архипастырь Кишиневской епархии принимал во внимание личностные качества конкретного священника, обращение сельского общества к епархиальной власти, мнение благочинного. Большое влияние на принятие решения имела готовность сельской общины к основанию и развитию отдельного прихода.

До присоединения Бессарабии к Российской империи на территории, отошедшей под заселение задунайских переселенцев, было основано всего 6 приходов в поселениях принадлежащих молдавским боярам. В 1803 г. образован Колибашский Михайловский приход, в 1808 г. – Валенский Спиридоновский, в 1810 – Сатуновский Николаевский и Фрикацейский Михайловский, в 1811 г. Брынзенский Михайловский и в 1812 г. Кирсовский Успенский. В Измаильском и Томаровском цынутах на территории Болгарского водворения к 1815 г. действовали 19 православных приходов [7].

Церковные документы свидетельствуют, что владельцы указанных поселений помощи в строительстве храмов не оказывали. Церковные здания были возведены добротными прихожанами, ими же приобретены на собственные средства необходимые для проведения богослужений принадлежности и облачения. Характеризуя их общее состояние, благочинный священник использует только одно прилагательное – «скудное». Что же касается владельцев поселений и земельных участков то они в лучшем случае не препятствовали прихожанам возводить храмы.

В последующие годы, вплоть до дарования задунайским переселенцам колониистского звания, в Болгарском водворении православным населением построены 22 церкви. Подчеркнем – храмостроение велось активно не только в молдавских, но и болгарских селениях. Так в 1813 г. основан 1 приход, в 1814 г. – 4, в 1815 г. – 1, в 1816 г. 4, в 1817 г. – 3, 1818 г. – 2, 1819 г. – 6 и в 1820 г. – 2. В отношении основания приходов называть конкретные данные сложно, так как в церковных отчетных документах эти сведения не отложились. На территории Придунавья существовали православные приходы еще со времен Проилавской епархии. Некоторые из них функционировали и после присоединения

этой территории к Российской империи. Приходы – структура динамическая. Некоторые из них функционировали без каких-либо перерывов, в истории других имеются вынужденные перерывы в деятельности из-за обветшалости зданий храмов и других причин. К примеру, в 1815 г. в колонии Табак действует Благовещенский приход [7, л. 39-40], а в клировых ведомостях за 1818 г. он уже отсутствует [8] и восстанавливает свою деятельность только в 1819-1820 гг. с началом постройки здания новой церкви [9, л. 29об.-30].

В 1820-е гг. были основаны новые православные приходы в колониях задунайских переселенцев. За этот период ими построено 14 церквей, а также ряд молитвенных домов. В 1825 г. в общественном здании учреждена Преображенская церковь во вновь основанной центральной болгарской колонии Болград*. Вопрос о количестве молитвенных домов в колониях Болгарского водворения окончательно не выяснен. В селениях Буджака они обычно предшествовали постройке церковных зданий, являлись промежуточным звеном. При этом, как отмечает Н.Н. Червенков, иногда они по своим размерам превышали построенные церкви [21, с. 172]. Количество молитвенных домов в колониях вначале неуклонно росло, а потом постепенно сокращалось. В 1834 г. в Болгарском водворении их насчитывалось 9: Александровский Иоанно-Богословский (1823 г.), Банновский Ильинский (1823 г.), Гасанбатырский Покровский (1823 г.), Дмитровский Димитриевский (1827 г.), Журжулештский Георгиевский, Ивановский Троицкий (1823 г.), Каланчакский Покровский (1822 г.), Кирничанский Успенский (1822 г.) и Чок-Майданский [11, л. 29об.-30].

Большая часть храмов была построена с использованием глины, т.н. «плетневые» и «деревянные» здания. Если в первом случае основой выступал плетень, обмазываемый глиной с двух сторон, то во втором – деревянный каркас, наполняемый глиняными валками. Так, в 1834 г. в Болгарском водворении числилось 36 (69,2 %) плетневых храма, 14 из них на каменном фундаменте. В некоторых колониях для придания зданиям жесткости и крепости, увеличения срока служения плетневые стены обшивали снаружи досками (Баурчи, Бешалма, Кирсов, Ташбунар) [11, л. 97, 165, 172, 203]. Сравнительно небольшое количество зданий храмов возвели из другого строительного материала. Например, в 14 колониях построены каменные храмы, а церкви в колониях Волканешт и Слободзея – из обожженного кирпича [11, л. 62, 73].

Каменное строительство в Болгарском водворении тормозилось рядом причин. Во-первых, необходимо было собрать необходимое количество строительных материалов, во-вторых, найти свободную бригаду каменщиков и заключить с ними договор на возведение храма, в-третьих, каменное строительство в разы дороже плетневого или деревянного. Кроме того, последние виды строительства занимают меньше времени и при наличии строительных материалов осуществляются в течение года.

Штатное расписание церковного клира.

Несмотря на некоторую автономность церквей колониистского управления в них действовали епархиальные распоряжения и штаты церковного клира. В Кишиневской и Хотинской епархии в 1834 г. еще пользовались штатным расписанием, составленным

* 29 декабря 1829 г. по императорскому рескрипту болгарская колония Табак была переименована в Болград и именовалась так в официальных документах вплоть до 1823 г. Часто употреблялась двойная форма наименования: Болград-Табак или Табак-Болград. Новая центральная болгарская колония Болград официально основана в 1821 г. на казенном участке земли на берегу озера Ялпук. Реальная застройка городского поселения была начата по генеральному плану в 1823 г. См. подробнее: Пушкин И.М. О происхождении топонима Болград // Българска Бесарабия. – Вып. V. – Болград: ООЦБК, 2009. – С. 124-125.

эксархом и митрополитом Молдовы Бонулеско-Бодони и высочайше утвержденным в докладе Св. Синода от 21 августа 1813 г. В пункте 8 «О числе дворов, ограничивающем обязанность помещика в содержании священнослужителей и о причетниках» введено в действие 3 штатных класса церковного клира. В приходе, насчитывающем 70 дворов, должны были служить: 1 священник, 1-2 дьячка и 1 пономарь. В приходах, где количество дворов увеличивалось до 100, к клиру прибавлялся еще 1 священник. В приходах с количеством дворов более 100 к указанному штату прибавлялся еще 1 священнослужитель – дьякон [15, с. 616].

В клировых ведомостях количество духовенства в приходе указывалось не штатное, а «на лицо». Анализ данных клировых ведомостей показывает недостаток клириков по большинству из приходов.

В Измаильском колонистском округе для заполнения штата не хватало 13 чел.: 7 священников, 3 дьякона, 2 дьячка и 1 пономарь. В Кагульском и Прутском округах при небольшом количестве церковных приходов нехватка не сильно отличалась от Измаильского. По первому округу 11 чел.: 5 священников, 1 дьякон, 2 дьячка и 3 пономаря, а по второму: 3 священника, 2 дьякона, 2 дьячка и 1 пономарь. В Верхне-Буджакском округе вопрос по церковнослужителям был решен, нехватка наблюдалась только в отношении священнослужителей. До полного штата в храмах не хватало 7 священников и 5 дьяконов. В Нижне-Буджакском округе не хватало наибольшее в Болгарском водворении количество духовенства – 15 чел.: 6 священников, 2 дьякона, 1 дьячок и 6 колонистов. Впрочем, «кадровый голод» ощущался в приходах Болгарского водворения и в последующие десятилетия, хотя острота его несколько уменьшилась.

В ряде приходов колоний Александровка, Гасанбатыр и Кирнички, в молитвенных домах церковный причт вообще отсутствовал, а в Дмитровке, Ивановке, Дермендере, Журжулешт был минимальным – 1 священник. Последнее обстоятельство наблюдалось не только по молитвенным домам, но и в церквях колоний Сатуново и Анадолка. Отсутствовали священники в колониях Дизгинже и Кирсово. В Кирсово был полный штат, но с переселением прихожан в колонию Новый Кирсов, священник перешел Покровский приход колонии Комрат на должность 3-го священника [11, л. 147об.]. Подобные случаи замедляли развитие приходов в социальной, образовательной и духовной областях.

Наиболее обеспеченными кадрами священнослужителей были: Болградский Преображенский, Ташбунарский Успенский, Комратский Успенский, Чадыр-Лунгский Афанасьевский и Код-Китайский Георгиевский приходы, при этом нехватка священников наблюдалась и в некоторых из них. К примеру, в последнем из указанных приходов один из священников, переселившись в Бессарабию, в 1834 г. убыл назад в Болгарию. [11, л. 121]. В приходе оставалось 4 священника на 6 колоний, находящихся друг от друга на расстоянии от 6 до 11 верст [11, л. 128об.].

Характеристика духовенства

В православных храмах Болгарского водворения служило 166 клириков. Их количество зависело от количества приходов и числа населения, проживавших в них. Хотя при общей нехватке кадров имелись приходы, где церковный причт вообще отсутствовал. Перед окружным и епархиальным начальством стояла задача обеспечить приходы не столько положенным по штату духовенством, сколько необходимым для проведения богослужения. Поэтому в ряде приходов причт ограничивался одним священником: Анадолка, Дермендере (Каланчак), Журжулешт, Ивановка, Сатуново.

Наибольшее количество священнослужителей было в Измаильском округе, так как это был самый большой округ по количеству приходов. Кроме того здесь, в главной болгарской колонии Болград, располагался протоиерей, управляющий церквями колониетского управления, а с 1834 г. старший благочинный. Таким образом, в округе числился 1 протоиерей, 19 священников и 2 дьякона, что составляло 31,9 % от их общего количества (см.: табл. 6).

Таблица 6

Количественный состав духовенства по колониетским округам

Колониетские округа	Священники		Дьяконы		Дьячки		Пономари	
	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%
Измаильский	1/19	30,3	2	66,7	15	24,6	12	33,3
Кагульский	9	13,6	–	–	9	14,8	2	5,6
Прутский	11	16,7	–	–	6	9,8	6	16,6
Верхне-Буджакский	17	25,8	1	33,3	24	39,3	14	38,9
Нижне-Буджакский	9	13,6	–	–	7	11,5	2	5,6
Всего	66	100	3	100	61	100	36	100

Вторым по количеству священнослужителей был Верхне-Буджакский округ – в нем служило 18 клириков (26,1 %). Необходимо отметить, что в округе служила большая часть духовенства водворения – 33,7 %. Основные показатели отмечены в страте церковнослужителей – 38 (39,2 %). В округе все возможные по штату дьячковские должности, за исключением Гайдарского Успенского прихода, были заполнены. В Комратском Успенском и Чадыр-Лунгском Афанасиевском приходах превышены штаты пономарей, что связано с необходимостью окормления новопривывших задунайских переселенцев.

В остальных церковных округах при равном числе приходов количество духовенства отличалось. Зависело это как от наличия приписных селений, молитвенных домов, так и от экономических возможностей сельской общины по обеспечению церковного причта. Иногда священник, по возможности, устраивал на службу родственников или старших сыновей. Таким образом, в приходах начинали формироваться священнические династии, в том числе и среди болгарского по происхождению духовенства.

Обратимся теперь к возрастному составу духовенства. Интерес к этому показателю исходит от требований Христианской Церкви к хиротонии священнослужителей. Еще с ранних христианских времен был установлен так называемый канонический возраст. Для рукоположения дьякона установлен возраст кандидата в 25 лет, а для священников – 30. Именно поэтому в таблице графа «до 20 лет» у священнослужителей пустует. Однако уже после 20-летнего возраста в священники рукополагались молодые люди как на территории Бессарабии, так и в Болгарии. Ранние рукоположения – следствие нехватки духовенства на местах, обусловлены необходимостью проведения христианских треб и богослужения. В Болгарском водворении наиболее раннюю хиротонию зафиксировали в возрасте 21 года – в священника Рождество-Богородичной церкви Кишинева в 1806 г. был рукоположен Михаил Казанлаклы, позднее переведенный Мелетием, епископом Гушским к Успенскому приходу колонии Ташбунар [11, л. 98об.]. Средний возраст хиротонии священников, служащих в приходах Болгарского водворения – 31, 5 лет.

В 1834 г. среди самых молодых был 30-летний священник Св. Успенской церкви колонии Гайдар Кондрат Нырка [11, л. 187об.]. Наиболее многочисленны возрастные группы священнослужителей «31-40» – 19 (27,5 %) и «41-50»-летних – 34 (49,3 %). В приходах служили и более возрастные священники, но их количество в разы меньше (см.: табл. 7). Самым пожилым высшим клириком был 72-летний священник Архангело-Михайловской церкви колонии Брынза Николай Вульпе [11, л. 227об.].

Таблица 7

Возрастной состав духовенства

Воз- раст	Священники		Дьяконы		Дьячки		Пономари	
	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%
0-20	–	–	–	–	5	8,2	4	11,1
21-30	1	1,5	1	33,3	30	49,2	9	25
31-40	17	25,8	2	66,7	18	29,5	11	30,6
41-50	34	51,5	–	–	5	8,2	4	11,1
51-60	8	12,1	–	–	3	4,9	8	22,2
61-70	5	7,6	–	–	–	–	–	–
71 и ст.	1	1,5	–	–	–	–	–	–

Среди причетников строгих канонических требований не существовало, пономарем мог служить и подросток 14 лет. Такие случаи имели место, когда священник брал в службу старшего сына и подготавливал его к профессии у себя на приходе. В 1834 г. среди причетников встречаем клириков 18 и 19 лет. Наиболее многочисленны в этой категории возрастные группы 21-30 – 39 (40,2 %) и 31-40 лет – 29 (29,9 %). Возрастные группы свыше 60 лет среди дьячков и пономарей отсутствуют. Самым пожилым среди причетников был 60-летний пономарь Успенской церкви колонии Татар-Копчак Василий Челебицкий [11, л. 72об.].

Обычно более молодые причетники – дети священнослужителей, а возрастные – вступившие на духовную стезю выходцы из колонистов или поселян. Если клирики, вышедшие из священнических семей, не продвинулись по служебной лестнице и остались на низших должностях церковнослужителей, то причиной этого являлось отсутствие светского или духовного образования.

Необходимо учитывать то обстоятельство, что среди пономарей было много 30-40-летних и более позднего возраста лиц, являвшимися ктиторами местных храмов, построившими здание церкви или жертвовавших на постройку средства. По распоряжению епархиальной власти их принимали в состав церковного клира.

Таблица 8

Сословный состав духовенства

Сословия	Священники	Дьяконы	Дьячки	Пономари
----------	------------	---------	--------	----------

	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%
Протоиереи	1	1,5	1	33	–	–	–	–
Священники	24	36,5	2	67	30	49,2	13	36,1
Дьяконы	1	1,5	–	–	1	1,6	3	8,3
Дьячки	3	4,5	–	–	–	–	1	2,8
Пономари	–	–	–	–	10	16,4	3	8,3
Дворяне	1	1,5	–	–	–	–	–	–
Мазылы	2	3	–	–	–	–	–	–
Колонисты	2	3	–	–	3	4,9	2	5,6
Поселяне	32	48,5	–	–	17	27,9	14	38,9
Всего	66	100	3	100	61	100	36	100

Социальное происхождение духовенства Болгарского водворения не отличалось гомогенностью, здесь служили выходцы из разных слоев общества. В Бессарабии, на краю Российской империи, в первой трети XIX в. только происходило формирование духовенства. Оно еще не успело закрыться для выходцев из податного сословия, больше половины священников (51,5 %) происходили из числа колонистов и поселян. Немалая часть священнослужителей вышли из семей духовенства (46,4 %), причем высших клириков (40,6 %). Имелись среди священства и выходцы из дворянского сословия – украинской шляхты и мелкого молдавского дворянства – мазылов (см.: табл. 8).

Среди причетников выходцев из духовной среды – основная масса. Среди дьячков их доля составляет 67,2 %, а среди пономарей – 55,6 %. Остальные показатели относятся к поселянам и колонистам.

Интересны и важны для характеристики духовенства сведения о национальной принадлежности клириков. В Христианской Церкви, «где нет ни Эллина, ни Иудея... но все и во всем – Христос» (Кол. 3:11), не важно было какой национальности клирик. Однако в жизни национальные черты, так или иначе, проглядывали во всем, что делал человек и не учитывать их нельзя.

Таблица 9

Национальный состав духовенства

Национальность	Священники		Дьяконы		Дьячки		Пономари		Всего	
	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%
Молдаване	19	28,8	–	–	24	39,3	14	38,9	57	34,3
Болгары	29	44	–	–	32	52,5	16	44,4	77	46,4
Украинцы	14	19,7	3	100	5	8,2	6	16,7	28	16,9
Греки	3	4,5	–	–	–	–	–	–	3	1,8
Русские	1	1,5	–	–	–	–	–	–	1	0,6
Всего	66	100	3	100	61	100	36	100	166	100

В национальном составе духовенства большие изменения произошли после переселения в Бессарабию в 1830 г. большого количества болгарских священно- и церковнослужителей. Основная часть прибывших священников поселилась в новообразованных колониях и окормляла своих прихожан. Именно из-за указанного обстоятельства доля болгарского элемента в церковном клире была наибольшей и составляла более 46 %. Причем доля болгар была высокой как среди священников, так и в кластере церковнослужителей. Среди дьячков их насчитывалось более 52 %, а среди

пономарей 44 % (см.: табл. 9). Данные показатели вполне очевидны, так как в приходах на должностях причетников служили в основном выходцы из местного населения. В болгарских колониях это болгары, а в молдавских поселениях это, соответственно, молдаване. Таким образом, в 1834 г. в селениях Болгарского водворения служило 77 клириков болгарского происхождения, что составляет 46 % от общего числа духовенства.

Вторую позицию после болгар в духовенстве занимали выходцы из молдавского народа – более 34 %. Молдавское духовенство в основном служило в приходах Болгарского водворения с молдавским населением, но много их было и в болгарских колониях, и в украинских селах Буджака. В социальном плане они были более гибкими и подвижными чем украинцы, готовыми к восприятию культуры и языка задунайских переселенцев. Наибольшие количественные и процентные показатели у молдавского духовенства наблюдаются в страте церковнослужителей – среди дьячков их доля превышает 39 %, а среди пономарей приближается к 39 %. Доля молдаван среди священников была также велика и равнялась 29 %.

Третью позицию среди духовенства Болгарского водворения занимали украинцы. Большая их часть состояла в кластере священнослужителей – все дьяконы и почти 20 % священников. На долю именно украинского духовенства приходилось большая часть управленческого состава церковных округов. Выходцы из украинской среды как лучше подготовленные и знавшие русский язык брали на себя основную часть работы в делопроизводстве и общению со светскими и епархиальными властями.

Среди духовенства было 3 священника, которые позиционировали себя как «греческой нации». Имелся и 1 священник русский по национальности – Федор Сергеевич Данилов, большую часть жизни прослуживший в Преображенском соборе колонии Болград [11, л. 4об-5об.].

Важным параметром при анализе состава приходского духовенства выступает вопрос о сроках службы в Болгарском водворении. Часть духовенства, в частности священнослужители, не являлись местными уроженцами, были назначенцами. Более продолжительное время служения в условиях Буджака предоставляло возможность лучше узнать местные условия жизни, культуру, язык, обычаи прихожан и их потребности. Если они не дистанцировались от населения и СО-участвовали в жизненных ситуациях, СО-переживали своим прихожанам, то становились местным жителям ближе, хотя и не выходили у них за рамки «пришлых».

Таблица 10

Сроки службы духовенства в приходах Болгарского водворения

Годы	Священники		Дьяконы		Дьячки		Пономари	
	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%
1-5	22	33,3	2		37		10	
6-10	9	13,6	–	–	10		8	
11-15	11	16,7	1		4		8	
16-20	18	27,4	–	–	10		10	
21-25	4	6	–	–	–	–	–	–
26-30	–	–	–	–	–	–	–	–
31-35	1	1,5	–	–	–	–	–	–
36-40	–	–	–	–	–	–	–	–
Более 41	1	1,5	–	–	–	–	–	–

По данным таблицы № 10 видно, что большая часть священников – 22 (33,3 %) чел. начала службу в приходах Болгарского водворения в 1830-х гг. Причиной этого является переселение большой группы болгарского духовенства в Бессарабию. Официальное их принятие в состав Кишиневской епархии и становление на должности произошло в течение 1831-1832 гг. Необходимо отметить, что, несмотря на более позднее начало служения, на территории Бессарабии, они знали прихожан еще с Болгарии в прежних своих приходах.

Вторая по численности группа священников – 18 (27,3 %), приступила к службе в приходах Болгарского водворения в 1815-1819 гг. когда только начиналось формирование приходов Болгарского водворения. Третья по численности группа высших клириков – 11 (16,7 %) начала службу в приходах в начале 1820-х гг. Имелась среди приходских священников прослойка клириков – 9 (13,6 %), прослуживших в Болгарском водворении от 6 до 10 лет. Были в приходах священники, которые служили более 20 лет, но их единицы (см.: табл. 10).

Священники – наиболее перемещаемая из прихода в приход категория духовенства. Ротация кадров происходила как внутри Болгарского водворения, так и извне. Из внешних приходов священники перемещались либо по необходимости организации службы, замещения вакансий, либо в наказание за допущенные нарушения. Бывали случаи, когда клирик начинал службу в Болгарском водворении причетником и, продвигаясь по служебной лестнице, перемещался за его пределы, а через некоторое время рукополагался к церкви болгарской колонии уже в качестве священника. Так, например, священник Василий Прокофьевич Головатенко начал службу в Св. Георгиевском молитвенном доме колонии Журжулешт пономарем в декабре 1821 г. Прослужив в этой должности 9 лет, в 1830 г. посвящен во стихарь и определен дьячком к Иоанно-Предтечевской церкви г. Рени. В декабре 1832 г. рукоположен к Архангело-Михайловской церкви колонии Слободзеи в священника и вновь определен к молитвенному дому селения Журжулешт [11, л. 95об.].

Анализировать группу дьяконов не представляется возможным из-за малой выборки. Дьяконы по приходам водворения практически отсутствуют и рукоположены к храмам в 1833 и 1834 гг. с перспективой дальнейшей хиротонии. Что же касается причетников, то основная их часть представлена выходцами из семей священнослужителей и являлась для них временной. Поэтому и имели они минимальный служебный ценз – до 5 лет. Дьячков и пономарей, прослуживших в должностях более 20 лет, в приходах Болгарского водворения не было.

Примером наиболее продолжительного служения в Болгарском водворении, причем в единственном приходе является священник колонии Брынза Николай Иоаннович Вульпе. Рукоположенный в священника 25 марта 1793 г. прослужил в Архангело-Михайловской церкви бесценно 42 года [11, л. 72об.].

Православное население Болгарского водворения

Обязательным элементом церковного прихода выступает православное население, проживающее на его территории и составляющая евхаристическую общину. По данным клировых ведомостей за 1834 г. в Болгарском водворении проживало 48259 чел., из них 25254 душ мужского пола и 23005 женского (см.: табл. 1-5). Исследователь истории болгар и гагаузов Бессарабии И.И. Мещерюк в своих трудах приводит несколько иные данные. В 1832 г. по земельным спискам в 5 колонистских округах и новообразованных колониях, находящихся на территории Аккерманского уезда проживало 11754 чел. Понятно, что за 2 года население Болгарского водворения не могло вырасти в более чем в 4 раза. Ситуация интересна по своему результату и нуждается в отдельном исследовании. В данном случае мы только зафиксируем полученные нами данные из церковной документации.

В приходах Измаильского колонистского округа проживало наибольшее количество православного населения – 15989 чел., из них 8408 душ муж. пола и 7581 женского. По количеству прихожан наибольшими были – Болградский Преображенский (3469 чел.), Чийшийский Петро-Павловский (3189 чел.), Тараклийский Георгиевский (1638 чел.) и Ташбунарский Успенский (1456 чел.) приходы (см.: табл. 1).

В Прутском колонистском округе, где было на порядок меньше как приходов, так и селений, проживало 6165 чел., из них 3168 мужского пола и 2997 женского. Самыми большими являлись общины Слободзейского Михайловского прихода, где проживало 1196 чел. прихожан и Чишмекийского Афанасиевского – 1120 чел. (см.: табл. 2).

В Кагульском колонистском округе населения проживало еще меньше и насчитывало 5470 душ обоего пола, из них 2806 чел. мужского и 2664 женского. Селения округа никогда не отличались многочисленностью, поэтому и показатели здесь не в пример меньше чем в других округах. Самыми большими являлись Карагачский Николаевский (838 чел.) и Хаджи-Абдульский Николаевский (708 чел.) приходы (см.: табл. 3).

Верхне-Буджакский колонистский округ являлся одним из самых больших территориальных объединений в Болгарском водворении, хотя и несколько уступал Измаильскому по количеству православного населения. В округе проживало 14173 душ обоего пола, из них: 7490 мужского и 6683 женского (см.: табл. 4). Из крупных приходов можно отметить: Чадыр-Лунгский Афанасиевский (1889 чел.), Казаяклийский Георгиевский (1739 чел.) и Авдарминский Михайловский (1117 чел.). Самым крупным являлся Комратский Успенский приход, не только в округе, но и во всем водворении. В колонии Комрат и приписном селении Новый Кирсов (Башкалия) проживало 3994 чел. [11, л. 164об.].

В Нижне-Буджакском колонистском округе проживало православное население численностью в 6462 чел., из них 3382 мужского пола и 3080 женского. Самым крупным по количеству прихожан имелся только один Код-Китайский Георгиевский приход, состоящий из 2265 прихожан (см.: табл. 5).

По данным, отображенным в таблицах № 1-5, видно, что мужское население Болгарского водворения превышало женское. Этот показатель достаточно динамичный, но

Выводы и обобщения.

В 1834 г. в Болгарском водворении зримо проявились результаты второй волны массового переселения задунайских беженцев в Бессарабию в 1828-1834 гг. В результате изменения статуса Бессарабской области, проведения в ней ряда реформ и основания новых болгарских колоний изменились границы колониетских и церковных округов, православных приходов. Наблюдался процесс, как дробления крупных приходов, так и их образование. Новые переселенцы изменили этническую палитру Буджака и создали в пределах Болгарского водворения «Болгарскую Бессарабию».

Приходы болгарских колоний входили в состав 2-х церковных округов, подчинялись протоиерею Измаильской протопопии, управляющему колониетскими церквями (старшему благочинному) в Болграде, 2-м благочинным и их помощникам священникам-депутатам. Болгарское по происхождению духовенство стало самым многочисленным в Болгарском водворении. Украинское духовенство лучше владеющее русским языком и более образованное занимало большую часть управленческих должностей.

Основу священнослужителей составили клирики 30-50 лет, священство «помолодело». Канонический возраст хиротонии частично соблюдался, средний возраст рукоположения священников – 31,5 лет. Духовное сословие еще не закрылось и принимало в свои ряды выходцев из колониетской и крестьянской среды. Дети духовенства начинали свое духовное служение с низших должностей причетников. В приходах Болгарского водворения новые поселенцы составляли большинство. По количеству прихожан самыми крупными стали приходы в колониях Болград и Комрат. Болград формировался и развивался как единственное городское поселение Болгарского водворения. В нем проживало наибольшее количество населения, сформировалось самое большое поселение по количеству болгар-туканцев.

Чиновники попечительного комитета создавали благоприятные условия для развития в болгарских колониях отдельных приходов, соблюдалось обещание болгарам иметь свое духовенство. В духовной сфере, так же как и в экономической, колониетсы имели относительную автономию, которая позволяла им сохранять православную веру, национальные традиции и устои. При этом наблюдалась тенденция уменьшения прав общины в выборности духовенства.

Источники и литература

1. **Анцупов И.А.** Русское население Бессарабии и Левобережного Поднестровья в конце XVIII – XIX в.: Социально-экономический очерк. – Кишинев, 1996. – С.
2. **Биографический словарь выпускников Киевской духовной академии: 1819–1920-е гг.:** Материалы из собрания проф. протоиерея Ф. И. Титова и архива КДА: в 4 т. / [сост. В. И. Ульяновский] – К.: Издательский отдел Украинской Православной Церкви, 2014 – Т. 2: К–П. – 2015. – 624 с.
3. **Грек И.** Гюлмян-Дюльмен-Яровое: (Очерки истории болгарского села в Бессарабии) / Иван Грек. – Кишинев, 2006. – 200 с.
4. **Думника И.** Духовные лица украинского происхождения, служившие в колониях Болгарского водворения в первой половине XIX в. // Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья. – Одесса: 2011. – Вып. 5. – С. 318-335.
5. **Думника И.** Храм Успения Божией Матери села Кирсово: Исторические аспекты / Иван Думника; науч. ред. Н. Червенков. – Кишинеу: S.Ş.B, 2012. – С. 24.
6. **История народного хозяйства Молдавской ССР (1812 -1817)** / Отв. ред. Я.С. Гросул. – Кишинев, 1977.
7. **Коммунальное учреждение «Измаильский архив»** (далее КУИА). – Ф. 630. – Оп. 1, д. 2. – 57 л.
8. **КУИА.** – Ф. 630. – Оп. 1, д. 5. – 59 л.
9. **КУИА.** – Ф. 630. – Оп. 1, д. 8. – 77 л.

10. КУИА. – Ф. 630. – Оп. 1, д. 15. – 73 л.
11. КУИА. – Ф. 630. – Оп. 1, д. 32. – 228 л.
12. КУИА. – Ф. 631. – Оп. 1, д. 8. – 254 л.
13. **Мещерюк И.И.** Переселение болгар в Южную Бессарабию 1828 – 1834 гг.: (Из истории развития русско-болгарских дружеских связей). – Кишинев: «Карта Молдовеняскэ», 1965. – 208 с.
14. **Мещерюк И.И.** Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в Южной Бессарабии (1808 – 1856 гг.). – Кишинев: АН МССР, 1970. – 342 с.
15. **Полное собрание законов Российской империи с 1649 года (ПСЗРИ).** Собр. I. Т. XXXII. 1812-1815. – СПб., 1830. – 1107, [3], 14, 5, [4].
16. **Пятидесятилетний юбилей кафедрального протоиерея Василия Васильевича Пуришкевича** // Кишиневские епархиальные ведомости. – 1881. – № 18 (15-30 сент.). – Отд. неоф. – С. 826-847.
17. **Руссев Н. Д.** «Формулярные ведомости Измаильского протоиерея Никиты Глизяна за 1820 год» о церквах, священниках и жителях некоторых болгарских колоний // Человек в истории и культуре. Вып. 2. Одесса, 2012, с. 497-506.
18. **Статистическое описание Бессарабии собственно так называемой, или Буджака с приложением генерального плана его края, составленное при гражданской съемке Бессарабии по Высочайшему повелению размежевание земель оной на участки с 1822 по 1828-й год.** – Аккерман: Издание Аккерманского земства; тип. И.М. Гринштейна, 1899. – Лит. F [1], III, 523, IV с.
19. **Устройство задунайских переселенцев в Бессарабии и деятельность А. П. Юшневского:** Сборник документов / Сост. К. П. Крыжановская, Е. М. Руссев; Под ред. д-ра ист. наук проф. Л. В. Черепнина. – История Молдавии. Т. 2. Документы и материалы / Ин-т истории, языка и лит. Молдав. филиала АН СССР. Центр. гос. ист. архив МССР. Глав. ред.: Афтенюк С. Я., Гросул Я. С. (глав. ред.) и др. – Кишинев: Госиздат Молдавии, 1957. – 671 с.
20. **Червенков Н.** Петро-Павловская церковь села Чийшия (Городнее) / Николай Червенков; Науч. о-во болгаристов Р. Молдова. – Кишинев: SŞB: Cu drag (tip. «Bons Offices»), 2013. – 240 р.
21. **Червенков Н.** Създаване на черквите в българските колонии в Бесарабия през първата половина на XIX в. // Българите в Северното Причерноморие: Изследвания и материали. – Т. IV. – Велико-Търново: Унив. изд. «Св.св. Кирил и Методий», 1995. – С. 169-179.
22. **Чийшия:** Очерки истории и этнографии болгарского села Городнее в Бессарабии. – Одесса: Астропринт, 2003. – 792. (Сер.: Материалы и исследования по этнографии балканских этнических общностей Украины).

РАЦЕЕВА, Елена, унив. конф. / доц. д-р – ТДУ „Гр. Цамблак”, Република Молдова – racheeva@mail.ru

СМИСЛОВИ ХОРИЗОНТИ НА ЛИЧНОСТТА ЛЮБЕН КАРАВЕЛОВ ИЛИ ЛЮБЕН КАРАВЕЛОВ– НЕПРОТИВОРЕЧИВИЯТ

Резюме

В дадената статия, чрез анализа на смисловия хоризонт на личността Любен Каравелов, се прави опит да се вземе отношение по въпроса дали са справедливи негативните оценки за поведението на Любен Каравелов през 70-те години на XIX век, отказал се от революционната дейност и дали това е прелом в ценностната му система. Изводът, който се прави е, че в случая Любен Каравелов не става дума за духовен прелом, а за осъзнатата смяна на тактиките, които водят към освобождението на българите.

Резюме

В данной статье анализ смыслового горизонта личности лежит в основе осмысления того, насколько справедливы негативные оценки поведения Любена Каравелова (вплоть до «предательство») в 70-е годы XIX века, когда он отказался от революционной деятельности, и действительно ли это свидетельствует о крушении его ценностной системы. Вывод, к которому приходит автор в результате анализа: речь идет не о духовном кризисе и смене ценностных ориентиров, а об осознанной смене тактики на пути к освобождению болгар.

Ключови думи:

Смислов хоризонт, ценностни смисли, Любен Каравелов, Васил Левски, Христо Ботев, просвета, път към освобождение.

В историческите трудове за Любен Каравелов, наред с безусловното признание на неговите заслуги в национално-освободителното движение на Балканите, често се използва и определението за личността му като противоречива натура. Преди всичко се има предвид неговото отношение към това КАК да се освободи България (самостоятелно или с нечия помощ, по пътя на революция с оръжие в ръце и, ако да – това да става по пътя на четничество или не... или все пак именно просветата ще е по-надеждна основа за освобождението). И какво да е държавното устройство след Освобождението (монархия или републиканска форма, по чий модел да е – като САЩ или Швейцария; каква ще е ролята на Русия в Освобождението и каква е перспективата на възможния съюз на Балканските народи. Съответно, възможна ли е федерация, например сърбо-българска?)

Това е непълният списък на въпросите, по които Любен Каравелов в различни периоди на живота си е мислил различно.²⁷

И в този смисъл оценката за личността му, че тя е *преминала през еволюцията от просвета към революционен либерализъм и отново към просветителство*, хем е вярна, хем отрича определението ПРОТИВОРЕЧИВА, по скоро посочва, че той е – СЛОЖНО и КОМПЛЕКСНО мислеща личност, която не се лута, а с времето развива и задълбочава смисловите си хоризонти.

Нека изредим няколко положения от философията и психологията, важни за нашата тема:

1. Терминът смислови хоризонти, който е въведен в науката от философите (Е.Гусерл, М.Хайдегер), се използва и от психолозите (Л.Виготски, Д.Леонтьев, Б. Братусь), когато те говорят за личностните смисли като основа за осъзнатост на личността в собствената си дейност, когато човек е наясно с подбудите си, ситуациите, процесите в живота си. Осъзнатост е способността на всеки човек да възприема от една страна обкръжаващата го среда (събития, предмети, условия) и от друга - вътрешния си свят (емоции, мисли, чувства, усещания).

2. Терминът *смислови хоризонти* често се използва, когато се обяснява поведението на човека в стресови ситуации. С този термин се означава вътрешният смислов свят на човека, диалогизиращ с другите смислови светове. Този термин е свързан същностно с категориите *съвест* и *жизнени светове* (Леонтьев, Франкл, Хусерл). Според Д.А.Леонтьев, именно задачите на смисъл са винаги и задачите на съвест²⁸, а В.Франкл²⁹ определя съвестта като орган на смисъла, който позволява да открива истинския смисъл във всяка ситуация. Човек без съвест е този, който няма смислови ориентири и който не осмисля своя живот и своите постъпки.

3. Идеята за ядрено-периферийната структура на смисловия хоризонт на личността се свързва с йерархия на смислите, която може и да се променя с течение на времето.

4. Жизненият свят, според Хусерл, практически съвпада със всекидневността, за която са характерни първични естествени установки на човека. Жизненият свят включва цялата им съвкупност на тези първични естествени установки, които се разглеждат като дорефлективна неосъзнаваема даденост, в която сме потопени, като «хоризонт на всичките хоризонти», основа на всички частни светогледни установки.

5. Развивайки идеите на Хайдегер, Гадамер говори за смисловия хоризонт (или смислови хоризонти), съществуващ(-и) в обществото. Ако участниците в диалога принадлежат към един и същ смислов хоризонт, те лесно се разбират помежду си, защото

²⁷**1857-1867 Руският период:** обществената му дейност е подчинена на идеята да се търсят контакти с всички обществени среди, които могат да допринесат за българското освобождение. Печата първите си статии и книги. Самата повест «Българи от старо време» Каравелов е написал през 1861 година в Москва на руски език, за да разкаже на руснаците за един братски народ в Османската империя.

1867-1869 Сръбско-австрийският период. Каравелов е повлиян силно от идеите на европейското просвещение. Трудовете на Дарвин, Хенри Бокл и Огюст Конт засилват неговото убеждение, че е необходима широка просветна дейност за постигането на целите му. Активно пише и печата. Попада в затвор.

1869-1877 Букурещкият период. Издава вестниците «Свобода» и «Независимост». Председател на БРЦК. Работи с Васил Левски и Христо Ботев.

²⁸Леонтьев Д.А. Психология смисла: природа, строение и динамика смысловой реальности. <https://www.litres.ru/d-leontev/psihologiya-smysla-priroda-stroenie-i-dinamika-smyslovoy-realnosti/>

²⁹Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

контекстът се състои от едни и същи пред-мнения, пред-разсъдъци и т.н. Обаче, ако диалогизиращите са от различните смислови хоризонти, всичко става много по-сложно. (Орлов 2009: 175)

За да вземем отношение по въпроса КАКЪВ е Любен Каравелов и ДАЛИ са справедливи негативните оценки на неговото поведение след обесването на Васил Левски, важно е да се разгледа и смисловият хоризонт на личността Любен Каравелов и смисловите хоризонти на българското общество през 70-те години на XIX в., а и взаимодействие на тези структури.

И най-повърхностният анализ на смисловите хоризонти на Любен Каравелов показва, че сред много други изпъкват със своето постоянство няколко ядра: **Отечество, Освобождение, Просвета**. Точно тези ядра позволяват да видим Непротиворечивия Любен Каравелов.

НЕПРОТИВОРЕЧИВИЯТ Каравелов е родолюбецът, човек, който обича своето Отечество. Много добре помним Каравеловата характеристика на Дядо Либен : «Той *обичаше своето отечество, но не цялото, а само* Копривщица“. А повествователят, в случая - самият автор, очевидно обича цялото отечество: *“Обичам те, мое мило отечество! Обичам твоите балкани, гори, сипеи, скали и техните бистри и студени извори! Обичам те, мой мили краю! Обичам те от всичката си душа и сърце, ако ти и да си обречен на тежки страдания и неволи! Всичко, що е останало в моята осиротяла душа, добро и свято - всичко е твое!”*

Цялата биография на Любен Каравелов, който е роден през 1834 г., а умира на 21 януари 1879 г., свидетелства за тази дълбока обич, но има няколко особено символични момента.

- на 3 март 1878 г., когато се подписва Сан-Стефанският мирен договор Любен Каравелов заминава за Цариград, за да присъства там, където се изпълнява мечтата на неговия живот – Освобождението.
- И още един факт, за който съм прочела у проф. Симеон Янев: «В хастара на пардесюто, с което се е обличал в Сърбия и Румъния, намерили вшита карта на България. Тя го топлила много години в тежкия му живот на емигрант», който през целия си живот обичал своето Отечество. Цялото.

И ако говорим за диалога на културите - ето Ви един българин от старо време – дядо Либен, с малкото си отечество и един модерен българин – Любен Каравелов. И какво прави модерният българин в този диалог – своеобразно поучава стария българин, че той също трябва да заобича голямото си отечество - България. Възниква следният въпрос – да кажем, че дядо Либен е последвал Любен Каравелов, значи ли това, че е престанал да обича Копривщица? Не, не значи.

- В последната година на живота си, болен от туберкулоза, веднага след Сан-Стефано, Любен Каравелов заминава за Копривщица, където не е идвал цели 20 години. И му е драго, че всичко е останало така, както си е било. Няма фесове, както и нямаше.

Текстът на повестта «Българи от старо време» излъчва невероятно свеж хумор и безкрайната обич към тези стари българи, които са описани без идеализация, с много закачки, но и с много любов. Макар че нито училището, нито учителят никак не може да се определят като идеал на автора за просветата, това е част от скъпия спомен за родния му град.

Съвсем друга ще е емоцията, когато след 13 години в „Маминото детенце“ Любен Каравелов пише за училището на Николчо, за този «разсадник на образованието» и учителя

Слави, който живее с акъла на Неновица за възпитанието на чорбаджийските деца. Не хумор, но ирония и сарказъм са инструментите, с които Каравелов изобразява домашното и училищното възпитание. Гневът и безпощадността, които се крият зад иронията и сарказма, са също така искрени прояви на смисловите автори хоризонти, както и лирическите отстъпления в «Българи от старо време».

Интересното е, че ценностите на възпитанието в семейството на чорбаджи Марко от романа «Под игото» много лесно и пълно се съпоставят с проблемите, посочени от Каравелов в «Мамино детенце». Сякаш е споделена идеята, че възпитанието на свободни духом, честни и образовани хора, е преди всичко семейна отговорност. И са показани начини КАК се постига това, как именно (с търпение и постоянство) у децата се възпитава господарски нрав и се изживяват пороците на роби – страхът и лъжата.

Тази творба е сякаш своеобразно продължение на спора с Христо Ботев и цялото революционно-демократичното крило в организацията след смъртта на Васил Левски. Сякаш звучи обяснението защо председателят на БРЦК се отказва от революционната борба: без достойно възпитание на младото поколение се обезсмислят жертвите на героите, които дават живота си. Не си заслужават Нено, Неновици и Николчовци такива саможертви, като на Васил Левски...

Боян Пенев много убедително доказва, че Любен Каравелов никога не е бил краен революционер, дори и в ролята си на Председателя на БЦРК, когато крайните революционни идеи биха били съвсем естествени.

Сравнение на документираните изказвания на Васил Левски, Христо Ботев и Любен Каравелов (Пенев 1978:481) по едни и същи въпроси (например, за целите на основаване на БЦРК, за идеалите на Освобождението, за формата на управлението в свободна България и т.н., представя очевидно, доколко възгледите на Любен Каравелов се отличават от формулировките на Васил Левски и Христо Ботев: не само Каравеловата умереност против категоричността на революционния израз на Левски и Ботев, но някои принципи съдържателни моменти. Например, много пъти декларираният интернационализъм на Левски и Ботев срещу установката на Каравелов във вестник «Свобода», че «трайна, щастлива и прогресивна държава може само тая: 1. Която е съставена из една народност или барем из едно племе, което има еднакви права, обичаи и религия. 2. Която е съставена на либералните начала, както Америка, Швейцария или Белгия» (цит по Пенев 1978:482).

Или да вземем за пример момента на коригирането от Любен Каравелов на проектоустава на Централния комитет. Васил Левски пише, а Любен Каравелов зачерква, че управлението на освободената чрез революция България, трябва да бъде републиканско. Редакцията на чл. 1 от проектоустава звучи по следния начин: «Формата на бъдещето българско управление ще бъде неопределена до онова време, дорде българското освобождение не стане дело свършено.»

Цитатите от «Свобода» и «Независимост» от периода 1870-1874 г. позволяват да се съгласим с извода на Боян Пенев за нарастващия скепсис на Каравелов относно революционните планове на българската емиграция и относно готовността на българския народ да се включи в революционната борба, а също така с извода на Б.Пенев, че „логиката на публикациите на Каравелов все по-четливо бележи и формулира убеждението: докато българите не заживеят като просветен народ, няма да бъдат способни да създадат национални идеали и да се борят за тяхното осъществяване.

Но важното е да подчертаем, че тази мисъл за просветата като път за освобождението не се заражда като следствие от разочарованието в ефективността на революционната

дейност. Тази просветителска нагласа не е напускала Любен Каравелов никога. Ярък пример - живото му участие в полемиката във вестник «Дунавска зора», относно изучаването на българския език в Бесарабия.

След Кримската война, когато Болградското централно училище вече е в рамките на Румъния, в Русия се открива Централното Комратско бесарабско-българско училище (1868–1886), което веднага получава широк резонанс сред българската общественост зад пределите на Русия. Любен Каравелов в Поздравителната си телеграма изразява дълбока благодарност и надежда за «възраждане на славянското слово у влашките и заддунавските българи». (цит по Челак 1999: 176). Обаче след известно време българските вестници започват да пишат за асимилаторската политика в това училище. Така например, във в. „Дунавска зора“ от 29 март 1869 г. се съобщава, че всички дисциплини се преподават на руски език, а българският е въведен само като предмет (а не език на обучението) и на същото ниво, както и немският. Обръща се внимание и на това, че не е включена в програмата история на българите (Челак 1999: 177). Кулминацията е донесението на известния учен славист професор Виктор Иванович Григорович, изпратен от властите в Комрат, с цел експертна оценка на ситуацията и препоръките, относно езика на обучението. Най-важният аргумент на Григорович в това Донесение е, че в етнически пълноценен състав на колониите, останали в Русия, българският елемент съставя малцинство и «неотразимата действителност, която показва такова разнообразие на употребяваните езици, принуждава да се прибегне към руския език. Още повече, че българският език е недостатъчно обработен в областта на лексиката, граматиката и др.

Острата реакция на Любен Каравелов, който в това време е много активен именно на революционния фронт, е много показателна и проявява отчетливо мястото на просветата на родния език в смисловия му хоризонт. Той отвърща: «Ако българите се учат на руски, гръцки, румънски и на турски, българският език никога не ще се обработи. Българите желаят да учат и да живеят български, и ако това е запретиено в Русия, то не е крив, ни българският език, ни българската книжовност». (цит. по. Челак 1999: 179). С присъщата му острота Любен Каравелов отбелязва, че името на професор Григорович -автора на многобройни изследвания - ще бъде записано със златни букви в историята на българската книжовност, обаче «Донесението» е написано от чиновника Григорович, «от когото се искало да се пише така, а не другояче» (пак там). Тези емоционални реплики на Любен Каравелов, публикувани като жива реакция на актуалните за него събития през 1869 година – времето на активната дейност на БРЦК, начело с председателя му.

Непротиворечива информация за смисловите хоризонти на Любен Каравелов ще открием, ако погледнем началото и края на неговата журналистическа дейност, провъзгласяваща и защитаваща революционните идеи.

«Целта на «Свобода» е да защитава българските интереси и да показва на българския народ път, по който трябва той да върви, за да може по-лесно да достигне до своето нравствено съвършенство и до своята политическа независимост. Освен това «Свобода» ще употреби сичките сили да опознае българският народ с неговите съседи и обратно.» (цит. по Пенев 1978:466) - с тези думи Любен Каравелов определя програмата на вестника си в брой №1. В последния брой на вестник «Независимост» (ноември 1874) четем: «Братия българи! В продължение на последните пет години аз се борих за българските интереси енергически и оставям публицистическото поле с чиста съвест и със спокойно сърце. С една дума, аз заплатих вече своя на отечеството си. Работил съм добросъвестно, прави ли са били моите идеи и полезна ли е била моята програма – това ще

да реши времето и безпристрастната критика...» Това становище допълва даденият в същия брой отговор на Каравелов на едно писмо³⁰, по повод спирането на вестника: «... вие говорите да се борим до последната крайност...По нашето мнение , ако ние да би послушале вашите съвети, то секи из вас би имал пълно право да ни нарече Дон Кишот, който се бори с ветърничовите воденици. Прощавайте!» Без да назовава името на автора на писмото, Каравелов чрез вестника директно отговаря на Христо Ботев, формулирайки чрез образа на Дон Кихот и вятърните мелници тезата за обезсмисленост на революционната пропаганда в съществуващите условия.

Символичен е самият факт, че следващият му проект е списанието «Знание», което става орган на основаното от Любен Каравелов «Дружество за разпространение на полезни знания».

За идейно-творческия път на Любен Каравелов през този период е написано много, и доста често (включително и при Боян Пенев) се среща думата «прелом». Обаче анализът на смисловите хоризонти показва, че Любен Каравелов не променя принципите си, не изневерява на ценностите си, а променя само тактиката си. Това се потвърждава от направлението и характера на списание «Знание», от неговите публикации и обществени прояви след 1875 година.

Тоест, Каравелов не става, а остава убеден привърженик на възгледа, че просветата е главният фактор на обществения прогрес и именно това е важно условие за истинско Освобождение на родното му Отечество. И на този фронт той се бори до края на живота си.

ПОЛЗВАНА ЛИТЕРАТУРА

- **Братусь Б. С.** Личностные смыслы по А.Н. Леонтьеву и проблема вертикали сознания // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н.Леонтьева / Под ред. А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. М.: Смысл, 1999. С. 284–298.
- **Выготский Л. С.** Психология искусства/**Л. С. Выготский**. -М.: Искусство, 1968. -576
- **Леонтьев Д.А.** Психология смысла. М.: Смысл, 1999.
- **Леонтьев Д.А.** Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности.<https://www.litres.ru/d-leontev/psihologiya-smysla-priroda-stroenie-i-dinamika-smyslovoy-realnosti/>
- **Орлов С.В.** История философии. СПб: Питер, 2009.
- **Пенев Б.** История на новата българска литература. Т.4. София: Български писател. 1978.
- **Соколова Е.Е.** Идеи А.Н. Леонтьева и его школы о поступке как единице анализа личности в их значении для исторической психологии //Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева / Под ред. А.Е. Войскунского, АН. Ждан, О.К. Тихомирова. М.: Смысл, 1999. С. 80–117.
- **Франкл В.** Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
- **Любен Каравелов или историята на твореца-революционер** <https://bulgarianhistory.org/luben-karavelov/>
- **Гадамер Х.-Г. Хайдеггер и греки** / Перевод и примечания М. Ф. Быковой // Логос. — 1991. — № 2. — С. 56—68.

³⁰ Според бележките към изданието това лице е Христо Ботев (Боян Пенев. История на новата българска литература. 4 том, С.:Български писател, 1978, с.705).

СТАНЧЕВ, Михаил, академик, БАН, София, Республика Болгария – профессор, Харьковский университет, Украина – stanchev.m@gmail.com

БОРЩАГОВСКИЕ БОЛГАРЫ – КТО ОНИ И ОТКУДА?

Исследования на эту тему практически отсутствуют. Имеются лишь две заметки историка Андрея Александровича Андриевского, в бытность которого главным редактором «Киевских ведомостей» он собрал и издал известный труд «Исторические материалы из Архива Киевского губернского правления», в котором имеется его информация о киевских (борщаговских) болгарях¹.

И еще одно упоминание о них у известного украинского историка проф. Владимира Мильчева в его монографии о болгарских переселенцах на Юге Украины в XVIII веке.² Источниковая база несколько шире: в Центральном государственном историческом архиве в фондах Киевской губернской канцелярии, Славяносербской комиссии» и личном фонде историка Н.Н. Плохинского, а также в архивах Херсонской области, фондах Днепропетровского исторического музея, отделе рукописей Национальной библиотеки им. Вернадского имеются материалы, относящиеся к нашей теме.

К сожалению, полноценного исследования о т.н. «борщаговских» болгарях отсутствуют и мы попытаемся частично восполнить имеющуюся лагуну.

Заселение южных районов Российской империи иностранными задунайскими колонистами, в частности, болгарями имеет свою давнюю историю. Известный ученый-болгарист, исследующий историю украинско-болгарских связей, чл.-корр., проф. П.С. Сохань указывает, что в «Реестре Войска Запорожского» (1649 г.), среди зарегистрированных запорожских козаков находим и болгарские фамилии типа Болгарин, Болгаренко (на украинский манер), Стойко, Гайдук и др.³ Да и к самому Б. Хмельницкому приезжали представители болгар, в частности, известный деятель Петр Парчевич. В составе первых сербских гусарских полков, в составе группы майора Албанеза (1723 г.) входили болгары, число которых увеличивалось в составе других полков в «Новой Сербии» и «Славяно-Сербии». В 1763 г. в соответствии с царским манифестом в южноукраинские земли приглашали иностранных поселенцев с предоставлением им определенных и весьма существенных привилегий.

¹ Андриевский А.А. Исторические материалы из Архива Киевского губернского правления. Вып.1. –8. Киев, 1882 – 1888.

² Мильчев В.І. Болгарські переселенці на півдні України 1724-1800 рр. Київ-Запоріжжя: РА «Тандем У», 2001. – 196 с.

³ **Сохань П.С.** Болгарська діаспора в Україні: з історії формування. – В кн.: В. Мильчев. Матеріали до історії болгарського населення України. XVIII століття. Запоріжжя: РА «Тандем У», 1999. С. 1.

Это усилило т.н. экономическую иммиграцию в Российскую империю. Так в декабре 1765 г. десять семей-болгар из с. Бобовдол ⁴, что и сейчас находится в Перникском крае Болгарии переселились в Киев в с. Борщаговка, на землях которого были расположены Софиевский, Михайловский и Братский монастыри. Название села происходит от речки Борщаговка, а, возможно и от того, что борщаговками называли земли, выделяемые монастырям «под борщи», т.е. под землепашество и огородничество. Болгары заселились с разрешения царских властей на земли Киево-Братского монастыря ⁵, в зданиях которого сегодня расположилась Киево-Могилянская академия.

Архивные документы представляют нам и имена первых поселенцев из с. Бобов-Дол – Ивана и Георгия Искру (Искров – прим. авт.), Петра и Марка Дмитриевых, Павла Николаева, Милоша и Любена Златановых, которые через своего знакомого переводчика восточных языков Василия Миролобова, нанятого российскими властями для донесения населению балканских стран манифеста императрицы о переселении в Россию и получения всяческих льгот и привилегий и иеромонаха Прохора узнали о царском указе и изъявили желание переселиться в Киев. Под видом пастухов они добрались до Могилева-Подольска, где и встретили грека Ставро, бывшего помощником полковника Филиппоповича и занимавшегося рекрутированием (вербовкой) иностранцев в Россию, использовавшего свою миссию для личного обогащения и обмана переселенцев. Выданные Ставро 30 червонцев на содержание болгар во время переселения (путевые издержки) были использованы наполовину. Более того, полковник Филиппопович уговорил болгар продать лошадей в Могилеве, т.к. в Киеве они смогут купить лошадей подешевле, по 1 рублю за лошадь. Но по прибытию на место, болгары поняли, что их обманули, т.к. лошади в Киеве стоили почти вдвое дороже ⁶. Для Филиппоповича его мошенничество с завербованными переселенцами это обернулось трагедией. 1 июня 1766 г., избитого его подручником, нашли мертвым, хотя, по мнению проф. В. Мильчева, официально его вина доказана не была.

⁴ Бобов Дол – сегодня город (с 1967 г.) в Перникском районе Кюстендилской области. Город шахтеров с населением 5,7 тыс. чел. В тот период – маленькое селение, жители которого занимались земледелием и овцеводством.

⁵ Киево-Братский монастырь (1615), известный как училищный, преобразованный Петром Могилой в коллегиум, а затем с 1659 по 1817 гг. в Киево-Могилянскую академию, а потом – в Киевскую духовную академию, возглавляемую ныне епископом Сильвестром (Стойчевым).

⁶ **Центральний державний історичний архів України** (м. Київ – ЦДІАК. Ф. 2043. Оп. 1. Спр. 95. Арк. 4-5; См. также: **Мильчев В.** Матеріали до історії болгарського населення України XVIII ст. – Запоріжжя: РА «Тандем У», 1999. С. 71-72.

Прибыв в Киев, болгары поселились на дачах Киево-Братского монастыря при с. Борщаговка, заключив с монастырским училищем договор -аренду на обработку земли, домостроительства и продажи произведенной ими с/х продукции училищу. Борщаговским болгарам предложили переселиться в созданную Новороссийскую губернию, но они отказались и предпочли взять землю в аренду, но сохранили статус вольных людей. Как и ожидалось, субсидий, обещанных царским правительством на обустройство, болгары не получили, по сему и обратились с просьбой в Киевскую губернскую канцелярию в марте

1768 года о выдаче им ссуды в размере 550 рублей, которые они обещали вернуть в по истечению трех лет. Болгары писали: «*Ежели таковой ссуды нам выдано не будет, то не имея за что означенного земледельства и домостроительства начать, и живучи без всяких промыслов, против желаний наших праздно, можем прийти в крайнюю бедность и разорение*»⁷. Киевская губернская канцелярия выдала болгарам ссуду в 450 рублей, т.е. по 50 рублей на каждого с обязательством круговой поруки⁸.

Граф П. А. Румянцев (получивший титул «Задунайский» после русско-турецкой войны 1768-1774 гг.) писал 26 мая 1768 г. из Глухова о борщаговских болгарях Киевскому генерал-губернатору Воейкову Ф. М. (1703-1778) следующее: «*Ваше превосходительство, сообщениями настоящего мая от 10-го объявлять изволите: О выданных поселившимся в с. Борщаговке болгарам... по 50 рублей на обзаведение... Означенные болгары в дачах монастыря поселились по контрактам, следовательно выдача на обзаведение их из казны денег до них не простирается, для того, что ни в состоявшемся прошлого 1767 г. 19 мая из Правительствующего Сената указе, тем меньше в манифесте 1763 г. ... не предписано; но ссуда по постановлению купцам и хлебопашцам надлежит единственно поселенным на казенной земле. Благоволите потому приказать на следующую им в выдачу деньги возвратитъ обязанных. А если они не похотят, в таком случае ожидать имеете, что они переведены будут на казенные земли...*»⁹.

⁷ Мильчев В. Указ. соч., с. 74.

⁸ Андриевский А. Болгары-колонисты в Борщаговке // Киевская старина, 1894. Т. 46, № 7. С. 104.

⁹ Исторические материалы их архива Киевского губернского правления. Сост. Александр Андриевский. Вып 10. – Киев, Типография Губернского Правления, с. 60.

Вся эта эпопея с выдачей ссуды длилась достаточно долго. В июне 1770 г. Искра Дмитриев с товарищами вновь обратились в Киевскую губернскую канцелярию с пояснениями относительно казенной ссуды в 450 рублей, 50 из которых они отдали греку Михаилу Афанасьеву, купивший на них 46 овец. Этих овец по решению болгарской общины они отдали своему соотечественнику Ивану Георгиеву, чтобы он, выручив деньги от их продажи, вернул им для погашения долга., которые он так и не отдал казне. Последний купил себе еще 20 овец, 30 коз, 4 быка и 4 лошади¹⁰.

Авторы прошения высказали свое сомнение, что И. Георгиев вернет деньги казне, которые он, вероятно уже израсходовал на свои нужды и просили канцелярию признать его должником указанных казенных денег. Но по истечении года И. Георгиев долг не вернул и болгарской общине пришлось вновь оправдываться перед Киевской губернской канцелярией, которая велела прапорщику Кузнецову взыскать имеющийся долг, что тот и сделал, продав имущество И. Георгиева. Кузнецову удалось взыскать 150 рублей, что позволило богарам вновь обратиться в канцелярию с просьбой отсрочки платежа на один год, в связи с разразившейся в Киеве эпидемией, что затруднило как продажу скота на рынке, так и с/х продукции, пообещав вернуть еще 150 рублей¹¹.

Однако, киевские чиновники, усомнившиеся в том, что болгары выполнят свои обещания, приказали вернуть безоговорочно до 1 ноября 1771 года, ибо по невыполнению сего указания, Искра Дмитриев со товарищами будут подвержены экзекуции и деньги будут возвращены в казну. Однако, власти вновь пошли на уступки и отсрочили платеж еще на год, но болгары вернули только часть денег, а на остальные вновь попросили отсрочку, т.к.

их предводитель Искра Дмитриев уехал маркитантом* в армию, а некоторые члены общины уже умерли. Но киевская губернская канцелярия не дала отсрочку и велела оставшиеся 90 рублей вернуть в казну, а прапорщику Кузнецову осуществить взимание денег.

Кроме тех бед, которые свалились на борщаговских болгар в борьбе с официальными властями, им пришлось вести неустанную борьбу и с настоятелем-армянином Киево-Братского монастыря за постоянно меняющиеся условия аренды при переподписании договора-аренды. Несмотря на то, что дети болгар имели возможность учиться и получить приличное по тем временам образование в монастырском училище, а потом в духовной семинарии и академии, где учились и многие болгары из самой Болгарии, борщаговские болгары, не выдержав постоянных стычек с властями и постоянно меняющимися настоятелями монастыря, скорее всего разошлись по многим болгарским военным поселениям-шанцам, выполняя роль снабженцев для военных подразделений южных границ Российской империи.

¹⁰ Там же, с. 66.

¹¹ Там же, с. 70.

*Маркитанты - мелкие торговцы съестными припасами, напитками и предметами военного обихода, сопровождавшие войска в лагере, в походах, на манёврах и во время войны.

СЫТНИК Александр - доктор исторических наук, профессор,
Мелитопольский государственный педагогический университет им.
Б. Хмельницкого, Украина - oleksander_sytnyk@i.ua

СЕРЕДА Юлия – преподаватель кафедры истории и
археологии - Мелитопольский государственный
педагогический университет им. Б. Хмельницкого, Украина
– super-sereda22@ukr.net

КУЛЬТУРНОТО ВЛИЯНИЕ НА БЕСАРАБСКИТЕ БЪЛГАРИ ВЪРХУ «ТАВРИЙСКИТЕ» («АЗОВСКИ») БЪЛГАРИ

Авторское резюме:

Сделана попытка рассмотреть культурное влияние бессарабских болгар на «таврических» («приазовских») болгар. Отмечено, что процесс культурного возрождения Болгарии, в значительной мере, предопределил формирование профиля целой эпохи в истории болгарской нации. Именно этот фактор, в значительной мере, определил характер национально-освободительного движения против османского ига, которое стало проявлением идейных принципов болгарской нации. Установлено, что на вынужденную миграцию со своей исторической родины решалась наиболее мотивированная часть болгарского народа, которая стремилась к сохранению своей культурной и духовной идентичности. Подчеркнуто, что несмотря на численное превосходство отдельных соседних этносов довольно часто болгары не только сохраняли свою идентичность, но и частично, ассимилировали некоторые проживающие совместно с ними этнические группы. По сравнению с жизнью болгарских колонистов в Бессарабии, на территории Российского государства болгары столкнулись с более сложными условиями сохранения своей национальной культуры и традиций. Но «таврические» («приазовские») болгары смогли сберечь свою национальную и культурную идентичность, во многом, благодаря связям с бессарабскими болгарями. В целом же, идентичность бессарабских и «таврических» болгар сохранилась, в значительной мере, благодаря православной церкви и патриархальным традициям болгарского народа.

Ключевые слова: болгары, Бессарабия, культурные связи, бессарабские болгары, «таврические» («приазовские») болгары, национальная идентичность, культурная идентичность, православная культура, церковь.

THE CULTURAL INFLUENCE OF THE BESSARABIAN BULGARIANS ON THE "TAURIDE ("AZOV") BULGARIANS

A. N. Sytnyk

Professor Department of History and Archeology of the Bogdan Khmelnytskyi Melitopol state pedagogical University (Melitopol, Ukraine)

Yu. A. Sereda

Lecturer at the Department of History and Archeology of the Bogdan Khmelnytskyi Melitopol state pedagogical University (Melitopol, Ukraine)

Abstract:

An attempt is made to examine the cultural influence of the Bessarabian Bulgarians on the "Taurian" ("Azov") Bulgarians. It is noted that the process of the cultural revival of Bulgaria, to a large extent, predetermined the formation of the profile of an entire era in the history of the Bulgarian nation. It was this factor that largely determined the nature of the national liberation movement against the Ottoman yoke, which became a manifestation of the ideological principles of the Bulgarian nation. It was established that the most motivated part of the Bulgarian people, who strove to preserve their cultural and spiritual identity, decided on forced migration from their historical homeland. It is emphasized that, despite the numerical superiority of some neighboring ethnic groups, quite often the Bulgarians not only retained their identity, but also partially assimilated some ethnic groups living with them. Compared to the life of the Bulgarian colonists in Bessarabia, on the territory of the Russian state, the Bulgarians faced more difficult conditions for preserving their national culture and traditions. But the "Tauride" ("Azov") Bulgarians were able to preserve their national and cultural identity, in many respects, thanks to their ties with the Bessarabian Bulgarians. In general, the identity of the Bessarabian and "Tauride" Bulgarians has been preserved, to a large extent, thanks to the Orthodox Church and the patriarchal traditions of the Bulgarian people.

Keywords: Bulgarians, Bessarabia, cultural ties, Bessarabian Bulgarians, "Taurian" ("Azov") Bulgarians, national identity, cultural identity, Orthodox culture, church.

Тематика культурного развития бессарабских болгар рассматривается в работах Е. Беловой [1], И. Грека [2], В. Кондова [8], С. Новакова и Е. Беляниной [10], Л. Милетича [9], Я. Топалова [11] и др. Что касается влияния культуры бессарабских болгар на их ответвление – «таврических» («приазовских») болгар, то этому вопросу определенное внимание уделили Н. Державин [4; 5], В. Калоянов [6; 7], В. Кондов [8] и др. В то же время следует отметить, что, в целом, тема культурной взаимосвязи бессарабских и «таврических» («приазовских») болгар остается недостаточно исследована и освещена в научной литературе.

Культурное развитие бессарабских болгар непосредственно касается болгарского национального возрождения, которое началось с конца XVIII в. солидарно с эпохой европейского Просвещения. По мнению Я. В. Топалова, процесс культурного возрождения Болгарии, в значительной мере, предопределил формирование профиля целой эпохи в истории болгарской нации. Этот фактор стал довольно важным в ходе становления национально-освободительного движения против османского ига, которое стало проявлением идейных принципов болгарской нации, в частности – отстаивания своей свободы и независимости. Практическим воплощением этих идей стало, в частности,

общеславянское духовное пробуждение [13, с. 5]. По мнению Б. Елавич, именно процесс европейского культурного возрождения обусловил на протяжении XIX в., даже несмотря на гнет Османской империи, формирование болгарской национальной культуры и идентичности [15, с. 223].

Постепенно, задолго до начала XIX в., на территории [Буджака](#) формировалась своеобразная колония этнических болгар (так называемые «старые болгары»). Их численность составляла около 4 тыс. Как считает И. Грек, именно эта группа во многом способствовала стойкому укоренению болгарской идентичности в Бессарабии.

Определенная часть «старых болгар» попала сюда вследствие «трудовой миграции», поскольку они мигрировали из болгарских земель на территорию, находящуюся в границах Османской империи.

Но среди них была и часть тех болгар, которые подвергались преследованию со стороны османских властей и вынуждены были покинуть болгарские земли, переселившись на буджакскую окраину Османского государства. После русско-турецкой войны 1806–1812 гг., в этот регион началась миграция «новых болгар», эмигрировавших сюда вследствие военных действий, что привело к увеличению болгарского населения здесь к 21 тыс. [2, с. 126, 127].

Как отметил В. Кондов, сопротивление болгар османскому гнету стало возможным именно благодаря сохранению в их среде чувства национального самосознания, ведь османская политика по отношению к покоренным народам негативно влияла на их идентичность и прежде всего означала уничтожение обычаев, языка и культуры балканских народов. Стремление части болгарского населения к переселению в Бессарабию, прежде всего, означало необходимость болгар сохранить свою национальную и языковую идентичность. Хотя, со временем, на разных территориях их расселения у них появлялись различные диалекты их болгарского языка [8, с. 7, 8]. Сохранение родного языка для болгарских переселенцев означало сбережение своих культурных традиций, национальной идентичности и самосознания [3, с. 20]. Таким образом к миграции стремились наиболее мотивированная, к сохранению своей культурной и духовной идентичности, часть болгарского народа.

Следует отметить, что наиболее ранние мигранты из Болгарии также имели название «македонские»; переселенцы из Добруджи – «гагаузы»; болгарские мигранты из Софийской, Пиротской, Берцовицкой и Кестенджийской областей – «шопы»; мигранты последней «волны» из Румелии – «черными болгарями». Получив колониетские привилегии, болгарские переселенцы сумели сохранить компактность расселения. А непосредственное соседство с молдавскими селами и немецкими колониями способствовало языковой изоляции [1]. Такая ситуация довольно благоприятно сказывалась на сохранении бессарабскими болгарями своей национальной культуры, традиций и национальной идентичности [3, с. 21].

Более того, несмотря на численное превосходство отдельных соседних этносов (например – гагаузов – вследствие значительной рождаемости) довольно часто болгары не только сохраняли свою идентичность, но и частично, ассимилировали некоторые проживающие совместно с ними этнические группы.

Как считают С. З. Новаков и Е. Г. Беянина, миграция болгарского населения в Бессарабию в начале XIX в., ознаменовала новый период духовного возрождения на почве своих исторических культурных традиций. Поскольку попав за пределы своей

исторической Родины, бессарабские болгары стремились сберечь свои национальные традиции и культуру [10, с. 74, 75]. Считается, что миграция болгарского населения в Бессарабию несла для болгар определенные риски утраты своей национальной и культурной идентичности в инородной среде [9, с. 35]. Но развитые патриархальные традиции болгарского народа способствовали не только сохранению, но и приумножению культурного и духовного достояния болгарской нации.

Для болгарских колонистов в Бессарабии были характерными развитые духовные и моральные качества [12, с. 226]. Болгарская нация, воспитанная, в значительной мере, на лучших традициях монастырской православной культуры, проявила стремление к постижению духовных и моральных принципов. Истоки монастырской православной культуры кроются во взаимодействии между канонической христианской культурой, творческой деятельностью монахов и локальной народной традицией, которая сложилась в деревнях, связанных с монастырями [14, с. 51]. Н. С. Державин отмечал, что православие в мусульманской среде сыграло очень важную роль в плане сохранения идентичности болгарского народа, его национальной самобытности и национальной культурой. Положение болгарского народа под двойным гнетом турок казалось безнадежным: над ним нависла угроза культурной деградации и полной денационализации. Самое важное, в чем нуждался в это время болгарский народ, это была «материальная и культурная поддержка монастырей, бывших для того времени культурно-просветительских центров» [5, с. 234]. Подвижническая и просветительская миссия христианского служения монахов и священников на протяжении многих столетий укрепляла национальное самосознание и способствовала защите болгарского народа от массовой насильственной исламизации и уничтожения его уникальной культуры (14, с. 54). Именно православная церковь на протяжении многих веков была главным хранителем национальных традиций и культуры. И хотя патриархат довольно часто сотрудничал с османским правительством, однако церковь постоянно провозглашала моральную исключительность христиан и подчеркивала временное ограничение правления мусульман на болгарских землях [15, с. 223].

Существенным ответвлением бессарабских болгар явились «таврические» (или «приазовские») болгары. Местом их компактного проживания стал юг Запорожской области в Украине, вдоль Азовского моря (так называемое Запорожское Приазовье). Другое название местности – Таврия – связана с тем, что в прошлом она в XIX веке входила в состав Таврической губернии. Большая часть болгарских населенных пунктов в Приазовье (34 села) появилась в 1861–1863 годах в результате переселения болгар из Бессарабии. Ещё два села основали переселенцы из Видинского края Болгарии.

Эти поселения возникали в процессе вынужденной эмиграции части населения из болгарских колоний Бессарабии, включенных в 1856 г. в состав Молдавского княжества.

Приазовские болгарские поселения создавались бессарабскими болгарскими мигрантами как компактный болгарский регион. Им присваивали названия тех колоний, из которых болгары переселились [2, с. 126, 127]. В. Калоянов подчеркивает, что «таврийские» («азовские») болгары являются неотъемлемой частью бессарабских болгар. И переселение болгар из Бессарабии в Таврию состоялось в 1861–1863 гг. [7, с. 22]. При этом болгары не только сохранили родной язык, но и значительным образом развили языковую культуру. Что, среди прочего, отразилось в распространении различных диалектов в местах их расселения [8, с. 8]. По мнению Н. С. Державина, освобождение от османского ига, давало болгарам надежду на сохранение и развитие своей культуры и духовности на территории

Российской империи. Но обстоятельства оказались значительно худшими от ожиданий [4, с. 41, 42]. По сравнению с жизнью болгарских колонистов в Бессарабии, на территории Российского государства они столкнулись с более сложными условиями сохранения своей национальной культуры и традиций. Поскольку, перед болгарам предстала реальная перспектива русификации и интеграции в русскую национальную культуру. При этом, следует учитывать, что основная угроза шла не столько от последней, а – со стороны более низкой бытовой культуры русских.

Более развитая национальная культура болгарских колонистов, несмотря ни на что, довольно благотворно отразилась на соседних украинской и, особенно, русской культурах. По мнению В. Калоянова, существовали случаи «болгаризации» этнических русских [6, с. 361]. Причиной этого была именно более развитая не только национальная, духовная, но и даже бытовые культурные традиции и обряды болгар [11, с. 2]. В значительной мере это было культурное наследие бессарабских болгар.

Следует подытожить, что на протяжении длительного времени болгарский народ был лишен собственного государства. Несмотря на это, он сумел сберечь свою национальную культуру и традиции.

Православная церковь и патриархальные традиции болгарского народа способствовали не только сохранению, но и приумножению культурного и духовного достояния болгарской нации. На протяжении первой половины XIX в. своеобразный центр возрождения болгарской национальной культуры сформировался в Бессарабии. В дальнейшем, в процессе миграции болгарских колонистов в Приазовье, определенные культурные традиции, приумноженные бессарабскими болгарам, были восприняты «таврическими» («приазовскими») болгарам. Именно благодаря связям с бессарабскими болгарам, «таврические» болгары смогли сохранить свою национальную и культурную идентичность.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. **Белова Е. В.** Болгарская колонизация Юга России (1820-1830). Война, открывшая эпоху в истории Балкан: К 180-летию Адрианопольского мира. 2009. URL: <https://secrethistory.su/1754-bolgarskaya-kolonizaciya-yuga-rossii-1820-1830.html>. (дата обращения: 26.02.2020).
2. **Грек И.** Этнодемографические процессы среди болгар Молдовы и Украины в середине XVIII–XX в. Русин. 2006. № 4 (6). С. 123–140.
3. **Демьяненко А. Н., Сизарев К. К., Сытник А. Н.** Культура и традиции бессарабских болгар – как основа сохранения их национальной идентичности в условиях политического влияния Османской и Российской империй в XIX в. *Dunărea – Nistru: Istoria. Filozofia. Culturologia. Genealogia. Ecologia. Lingvistica. Folclor. Literatura. Pedagogia. Cultura muzicală. Audit. Recenzii și avizuri = Дунав – Днестър: История. Философия. Културология. Родознание. Екология. Езикознание. Фолклор. Литературознание. Педагогика. Музикална култура и педагогика. Одит. Рецензии и отзивии.* Тараклия, 2020. Том 7. 2020. С. 17–23.
4. **Державин Н.** Болгарские колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии). Сборник за народни умотворения и народопис. БАН, кн. XXIX. София, Държавна печатница, 1914. 259 с.
5. **Державин Н. С.** История Болгарии. Том 1. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1945. 255 с.
6. **Калоянов В.** Българите в Украйна до разпадането на Руската империя. Мултикултурният човек. Т. 1. Археология и история, език и литература. София: ИК Гутенберг, 2016. С. 349–396.
7. **Калоянов В.** Българската просвета през 20-те и 30-те години на XX век. София, Софттрейд, 2005. 160 с.
8. **Кондов В.** Езикът на българите на Пусто пладне: В Русия, СССР, Украйна и Молдова. История и състояние. Ред. М. Паслар; Univ. de Stat „Grigore Tâmbac“ din Târcălia Rep. Moldova. Тараклия: Б. и., 2018. 290 с.

9. **Милетич Л.** Сборникъ за народни умотворения и народопись издава Българската академия на науките въ София. Кн. XXIX. София: Държавна печатница, 1914. 259 с.
10. **Новаков С. З., Беянина Е. Г.** Традиции бессарабских болгар и проблемы сохранения их идентичности. Новаков С. З. Болгарская общность в Молдове и Украине (XIX–XX вв.): Страницы истории и культуры. Кишинев: Б. и. 2010. С. 70–84.
11. **Ситник А., Ситник Ю.** Запазване на националната идентичност на българите от Северноазовския регион през XX век и първата половина на XXI век: проблеми и перспективи. *Dunărea – Nistru: Istoria. Filozofia. Culturologia. Genealogia. Ecologia. Lingvistica. Folclor. Literatura. Pedagogia. Cultura muzicală. Audit. Recenzii și avizuri = Дунав – Днестър: История. Философия. Културология. Родознание. Екология. Езикознание. Фолклор. Литературознание. Педагогика. Музикална култура и педагогика. Одит. Рецензии и отзиви.* Тараклия, 2020. Том 7. 2020. С. 135–141.
12. **Титоров Й.** Българитѣ въ Бессарабия. София: Печатница на Г. А. Ножаров 1903. 335 с.
13. **Топалов Я. В.** Культурное возрождение Болгарии (конец XVIII–XIX вв.): русский фактор: автореф. дис. ... канд. культур. 24.00.01. Москва, 2005. 28 с.
14. **Шафажинская Н. Е., Топалова Е. А.** Становление монастырской культуры Болгарии в контексте формирования национального самосознания и государственности. *Вестник МГУКИ.* 2018. 3 (83). С. 47–55.
15. **Славич Б.** Історія Балкан XVIII–XIX століття. Київ: Свенас, 2003. 512 с.

ТИХОМИРОВ Андрей – магистр культурологии, заведующий отделом научно-исследовательской и экспозиционно-выставочной деятельности Гродненского государственного музея истории религии, Гродно, Беларусь – cichy77@gmail.com

К ВОПРОСУ О БЕЛОРУССКО-БОЛГАРСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ

On the issue of Belarusian-Bulgarian cultural ties

Andrei Tsikhamirau

The article is devoted to the history of cultural relations between Belarus and Bulgaria. It describes the biographies of Metropolitan Gregory Tsamblak (Chamblak) (1365-1420), engineer and public figure Todor Minkov (1830-1906), and also provides general information about the Bulgarian diaspora in modern Belarus.

Key words: Bulgarians, Belarus, Bulgaria, Moldova, cultural ties.

История развития контактов в области культуры между Беларусью и Болгарией, между болгарским и белорусским народами изучается в Беларуси с 1960-х годов. Одним из основоположников болгаристических исследований в белорусской исторической науке является доктор исторических наук Давид Борисович Мельцер (род. 1925). Историк — автор 10 книг, свыше 200 статей по истории Болгарии, истории отношений между Болгарией и Беларусью, германистике, исторической славистике, истории евреев Беларуси. С середины 1950-х гг. и до 1992 г. Д. Б. Мельцер успешно читал курс по истории западных и южных славян в Белорусском государственном университете, преподавал также в Софийском университете им. св. Климента Охридского, создал собственную научную школу (подготовил 2 докторов и 11 кандидатов наук) [8, с. 100]. Перу учёного принадлежат следующие книги: «Дружба скрозь стагодзі» (Минск, 1970), «Беларусь і Балгарыя – дружба, супрацоўніцтва, братэрства» (Минск, 1973) (обе в соавторстве с П. З. Савочкиным), «Советско-болгарские отношения 1917-1935 гг.» (Минск, 1975), «Национальной свободе Болгарии – 100 лет. 100 години национална свобода на България» (Минск, 1978) (в соавторстве с Йорданом Тончевым), «Белоруссия и Болгария: дружба вечная, нерушимая» (Минск, 1981), «Белорусско-болгарски исторически връзки» (София, 1985) и другие. В Беларуси также развиваются исследования белорусско-болгарских лингвистических и литературных контактов, истории технического сотрудничества в советский период, взаимных литературных переводов.

На протяжении столетий болгары оставили свой след в истории белорусских земель. Так, одной из наиболее знаковых фигур в истории церковной жизни является Григорий Цамблак (ок. 1365 – 1420, по другим данным: 1364 — 1419). С рождения носил светское имя Гавриил, происходил из болгаризированного валашского боярского рода, образование получил в родном Тырново и Константинополе. Там он занимался перепиской и переводом на церковнославянский язык агиографических произведений. Во время османской агрессии Гавриил Цамблак в 1394 г. покинул Болгарию, около 1400 г. принял монашество и поступил в монастырь под именем Григория. Там он

занимался проповедованием, был игуменом монастыря Дечани в Сербии, пресвитером в городе Сучава в Молдавии.

В 1406 г. Цамблак был проездом в Великом княжестве Литовском во время путешествия к своему дяде митрополиту всея Руси Киприану, но во время переправы через реку Неман получил весть о его смерти и остался в Великом княжестве Литовском. Он там познакомился с великим князем Витовтом. Церковный деятель снова появился в Великом княжестве в 1410-х гг., когда Витовт решил воссоздать самостоятельную Киевскую (Литовскую) православную митрополию (независимую от церковной иерархии в Московском государстве) и предложил собору епископов кандидатуру Цамблака. Цамблак поехал в Константинополь, чтобы получить поддержку патриархата в этом вопросе, но получил там отказ, как и отправленные туда же два посольства от Витовта. Не смотря на сопротивление митрополита Фотия в Москве и Константинопольского патриарха церковный собор в Новогрудке 15 ноября 1415 г. избрал Цамблака митрополитом киевским [5, с. 9-10]. Патриарх Евфимий II проклял Цамблака и требовал признать духовную власть исключительно за Фотием. Весной 1416 г., во время осады Киева татарами, Цамблак перенёс митрополичью кафедру из Киева в Вильно (собором стала Богородицкая церковь), а своей резиденцией сделал Новогрудок.

Цамблак был отправлен на собор в Констанце (1414-1418 гг.) (официально считался вселенским) и 19 февраля 1418 г. торжественно въехал в Констанц. Там митрополит был принят папой Мартином V и провозгласил два торжественных послания, в которых выразил желание короля польского Ягайло и Витовта созвать общий собор для католической и православной церкви с целью их объединения. Однако эти предложения не нашли поддержки отцов собора, а сам Цамблак впоследствии подвергался критике в православной среде [5, с. 13-15]. В мае 1418 г. упомянуто о его пребывании в Кракове, когда он возвращался из Констанца в Новогрудок. Одни исследователи считают, что митрополит умер в 1419-1420 году в Киеве (или в Вильно), другие же – что он в 1420 г. уехал из Великого княжества Литовского в Молдавию, где прожил в монастыре до 1450 г. Существует и ещё одна версия о том, что он вернулся в Дечани, где и умер. Белорусские исследователи склоняются к тому, что он скорее всего умер в Вильно во время эпидемии в 1419 г. [5, с. 15].

Считается, что Григорий Цамблак был автором около 50 произведений, из которых сохранилось только 26, в том числе 15, написанных в период жизни на белорусских землях. Основанная их масса – это дидактические, панегирические произведения, проповеди к различным праздничным датам и событиям церковной жизни. Также он занимался переписыванием богослужебных книг, переводами церковных произведений [5, с. 17-18]. Считается, что Григорий Цамблак ввёл в белорусских храмах болгарский распев [5, с. 26].

В конце XIX — начале XX вв. одним из ярких болгарских деятелей в области просвещения был Тодор (Фёдор Николаевич) Минков (2 января 1830 – 5 марта 1906). Он родился в городе Русе (по другим сведениям, в с. Арбанаси около этого города), там закончил начальную школу. Гимназию же он окончил в Вене, учился в Дрезденском политехническом институте, параллельно проходя практику на железных дорогах Саксонии. В этот период Минков познакомился с русскими студентами и в совершенстве освоил русский язык. Впоследствии он участвовал в Крымской войне в составе болгарского добровольческого батальона. Во время обороны Севастополя получил звание батальонного инженера. После войны Минков вернулся в Дрезден и продолжил учёбу, которую успешно завершил в 1861 г.

В том же году в Министерстве народного просвещения и в Министерстве иностранных дел Российской империи родилась идея создания специального пансиона для болгарской молодёжи. 14 июня 1862 г. министр А. В. Головин отдал приказ создать в Николаеве пансион для выходцев из Балкан. Первоначально в нём обучалось 27 болгарских и 2 сербских мальчика. В ноябре 1862 г. Южнославянский пансион был включён в состав Александровской гимназии в Николаеве. 4 апреля 1863 г. должность младшего надзирателя в этом учреждении получил Минков. В 1866 г. пансион был упразднён. Но в феврале 1867 г. благодаря ходатайству Минкова и при поддержке ряда

сановников учебное заведение было восстановлено. Минков стал его директором и получил орден св. Станислава 3-ей степени. Занятия в пансионе начались 1 марта 1867 г. Пансион занял особняк в центре Николаева (в 1990 г. здание было снесено). Большинство воспитанников были болгарами, но были и сербы, русские, македонцы, чехи и арабы. Учебное заведение просуществовало до 1892 г., его закончили от 400 до 800 воспитанников. Его окончили известные военные, политические, общественные деятели: Панайот Волов (1850-1876), Атанас Узунов (1851-1907), Рачо Славейков (1857-1931), Константин Михайлов-Стоян (1853-1914), Симеон Ванков (1858-1937), Анастас Бендерев (1859-1946), Петр Груев (1855-1942), Александр Малинов (1867-1938), Алеко Константинов (1863-1897) и другие. Минков стал, по сути, для своих воспитанников вторым отцом. Не смотря на восстановление независимости Болгарии в 1878 г. директор пансиона решил остаться в Российской империи. Он был награжден многочисленными российскими и болгарскими наградами, в 1886 г. получил чин действительного статского советника. В пансионе ежегодно 11 мая отмечался день Кирилла и Мефодия.

После выхода на пенсию Минков вместе с семьей поселился в имении Ровины Кобринского уезда Гродненской губернии (сейчас это дер. Сиреневка Дрогичинского района Брестской области Беларуси). С 1893 г. он был почетным мировым судьей Кобринско-Пружанского округа. Южнославянский пансион был им возрожден в Дрогичине после длительной переписки с Министерством иностранных дел. Это был уже небольшой частный лицей для подготовки молодежи к обучению в кадетских корпусах. Сын Годора Минкова Павел Фёдорович Минков был земским начальником 5-го участка Кобринского уезда, а в 1915 г. был Гродненским губернским агрономом. Дочь Александра жила в Гродно, дочери Надежда, София и Юлия жили в Ровинах. В 1897 г. Минков последний раз был в Болгарии, умер 15 марта 1906 г. в Ровинах, похоронен в Дрогичине. Архив и усадьба Годора Минкова сгорели во время Первой мировой войны. В 2012 г. памятник на могиле выдающего болгарского просветителя был восстановлен усилиями учащихся Слонимского кадетского училища [1; 4].

Если история развития пансиона в период его развития в Николаеве хорошо изучена [2; 3], то образовательная деятельность Минкова уже в Гродненской губернии ещё ждёт своего исследователя.

После Второй мировой войны болгары составляли весьма малочисленную группу населения Беларуси. После обретения независимости Беларуси численность болгарской диаспоры также очень скромная: так, согласно переписи населения 1999 г., болгар в Беларуси было 806 человек, по переписи 2009 г. — 672 человека, а по переписи 2019 г. — 466 человек [6, с. 4]. Лишь в последние два десятилетия можно говорить о постепенном формировании организационной структуры болгарской диаспоры в Беларуси: болгары принимают участие в Республиканских фестивалях национальных культур в Гродно, в Минске зарегистрировано Международное культурно-просветительское общественное объединение «Славянская речь» и создана воскресная болгарская школа [7].

Развитие белорусско-болгарских культурных связей, роль представителей болгарской диаспоры в истории Беларуси являются перспективными и важными темами для изучения. Стоит также отметить, что это важно не только в контексте изучения контактов между славянскими народами, но и в целом для развития гуманитарных исследований в регионе Восточной и Центральной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаренко, В. «за мной остаётся только труд...»: жизнь и судьба великого славянского педагога Годора Минкова (1830-1906) / В. Бондаренко, К. Честнова [Электронный ресурс] Западная Русь. — Режим доступа: <https://zapadrus.su/slavm/ispubsm/484-2012-11-> Дата доступа: 18. 01. 2022.

2. **Гамза, В.И.** Южнославянский пансион Тодора Минкова и воспитание в нём сербских и черногорских юношей во второй половине XIX – начале XX века / В. И. Гамза // Исторически часопис. — 2019. — Књ. LXVIII. — С. 305-330.
3. **Гамза, В.** Південнослов'янський пансіон та болгарські колонії на півдні України / В. Гамза // Науковий вісник МНУ імені В. О. Сухомлинського. Історичні науки. — 2016. — № 2. — С. 132-138.
4. **Граник, С.** Герой Болгарии Тодор Минков / С. Граник // Наш край – Загородье. — 2013. — № 22-23. — С. 2-3.
5. **Казакова, Т.П.** Грыгорый Цамблак: царкоўны дзеяч і пісьменнік / Т. П. Казакова. – Мінск: ВТАА «Права і эканоміка», 2008. – 127 с.
6. **Национальный состав населения Республики Беларусь.** Статистический бюллетень. — Минск: Национальный статистический комитет, 2020. — 26 с.
7. **Свирко, И.** Как живётся иностранцу вдали от родины? / И. Свирко [Электронный ресурс] Беларусь сегодня. — Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/zdes-ya-chuvstvuyu-sebya-pochti-svoim.html> Дата доступа: 18. 01. 2022.
8. **Стрелец, М.В.** Давид Борисович Мельцер / М. В. Стрелец // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. — Сер. 3. — 2015. — № 1. — С. 100-101.

ТРЕФИЛОВА Ольга, Институт славяноведения РАН, Москва,
Российская федерация – tref@abv.bg

ОБРЯД *ПОМАНА* НА БОБОШАРКАТА У БОЛГАР РУМИНИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ. ТЕЗИСЫ)

Во время экспедиции в болгарское село Бэлэнь-Сырбь, округ Дымбовица (Мунтения), община Бэлэнь (Băleni-Sârbi, comuna Băleni, județul Dâmbovița, Muntenia, 70 км северо-западнее Бухареста) в 2013 и 2016 гг. были собраны материалы по традиционной народной культуре по программе «Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала», составленной А. А. Плотниковой (Плотникова 1996): календарная, семейная, хозяйственная обрядность, мифологические представления.

Среди поминальных календарных обрядов встретился уникальный обряд *помана на бобошаркътъ* ‘поминование (умилостивление, дар для) «бобошарки»’, который, судя по всему, представляет собой контаминацию обрядов возжигания поминальных и очистительных весенних костров. Обряд совершается ночью, однако название получил по ритуалу, который совершается утром грядущего дня. Таким образом, в ритуале, который осмысляется как единый, совмещаются не только поминальные очистительные, но и апотропейные практики.

В ночь на Жен-мироносиц (третье воскресенье по Пасхе) женщины изгоняют на кладбище «бобошарку»³¹. Непосредственно в ночном обряде участвуют только женщины и несколько детей. Ночью с субботы на воскресенье женщины (обычно 20–30) собираются на кладбище, разводят костер (каждая приносит по два-три полена) и поют песни (по-румынски), пока не пропоют первые петухи. Затем женщины обходят всё кладбище, кадят все могилы, возглашая по-румынски: «Hristos a înviat» — «Adevarat a înviat!» [«Христос восресе!» — «Воистину восресе!»], — и раздают друг другу поминальные дары за помин душ усопших. Около 4 утра возвращаются домой. Следует отметить, что кладбище находится в церковной ограде, и чтобы попасть на него, нужно пройти через церковный двор. То есть обряд совершается непосредственно рядом с церковью.

С утра после воскресной литургии во дворе церкви устраивают непосредственно «поминки по оспе» (задабривают оспу) — *прайм поманътъ на бобошаркътъ*. Двух детей, мальчику и девочку, одевают в новую чистую одежду («как на поминки»), готовят еду и после воскресной службы ставят в церковном дворе стол, устраивая большое угощение, «чтобы дети не болели оспой», а заболевшие чтобы быстрее выздоравливали. Мальчика и

³¹ *Бобошарка* < болг. *Баба Шарка*, эвфемистическое обозначение оспы, обычно ветряной.

девочку угощают, а затем уводят их домой. Дети ничего не говорят, только присутствуют за столом как обрядовые персонажи. Этот «поминальный» стол, в сущности, и есть «поминки по бобошарке». Скорее всего, изначально ритуал был призван изгонять именно оспу (болг. *едра шарка*) как тяжелую, не поддающуюся лечению болезнь, но сейчас, когда оспа во всем мире побеждена, считают, что изгоняют ветрянку. Как следует из нарративов, записанных от нескольких информантов, это ночное бдение с песнями и «поминки» по оспе воспринимаются как единый обряд.

Таким образом, в этом обряде совмещаются апотропейные практики с целью умиловить (изгнать) болезнь, пандемию, причем эта практика дала название всему обряду, и весеннее поминовение усопших, сопровождающееся разложением поминального костра, который может быть квалифицирован не только как поминальный, который «грел» умерших, но и как пасхальный. Поминальные костры у славян, а также у румын разжигались, однако, обычно в предпасхальный период — чаще всего в Великий четверг (Агапкина 2002: 270–271; Гребенарова 2009: 151–152; Бизеранова 2013: 352–354). То, что в обследованном селе костер «для мертвых» разжигают в послепасхальный период, а не в Великий четверг, вероятно, связано с верованием о пребывании душ умерших на земле от Великого четверга до Пятидесятницы, для которых, видимо, и предназначен этот костер, ср. (Гребенарова 2009: 151).

ЛИТЕРАТУРА

Агапкина 2002 — Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).

Бизеранова 2013 — Бизеранова С. Между живота и смъртта. Погребални и поменални обичаи при българи и власи във Видинско. [Враца], 2013.

Гребенарова 2009 — Гребенарова С. Огънят в обредите на българите: етнографско-ареално изследване. София, 2009.

Плотникова 1996 — Плотникова А. А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 1996. [2-е изд., испр. и доп.: М., 2009].

ХАТЛАС, Йежи, доктор, Университет „Адам Мицкевич“, Познан, Полша – jurekhatlas@yahoo.com

БЪЛГАРСКИ КОЛОНИАЛНИ СЕЛИЩА В ХЕРСОНСКИЯ КРАЙ. УВОДНИ БЕЛЕЖКИ

Резюме

Началото на българското заселване в Херсонския край датира се от 1752 г. и е свързано със създаването на т.нар. „Нова Сърбия“. Новосъздадените български села в Херсонската и Таврийската губернии могат да бъдат разделени на два типа. Те са военни селища, както и колониални селища (земяделчески селища.). Българските колонии в Херсонския край възникват в началото на XIX век. Хронологично те са: 1801 Малък Буялък, 1802 г. - Голям Буялък и Търновка, 1804 г. – Кубанка, 1806 г. – Катаржино и Паркани (има няколко варианта: 1803, 1804, 1806-1811, 1808, 1808-1810 и 1808-1811). Тези 6 български колонии са били обект на привилегиите, установени от царското правителство за чуждестранни колонисти. Българите са били от православната вяра. Нищо чудно тогава, че те са построили храмовете си малко след основаването на отделни колонии.

С началото на съветската власт навсякъде се създаваха колхози и совхозии. Има политическите репресии и глад. Старите исторически имена на селата бяха сменени с нови. След революцията църквата започва да бъде репресирана. Свещените сгради бяха затворени и унищожени, а духовенството и вярващите бяха преследвани. Обществото претърпя масово атеизиране. Само в село Малък Буялък църквата затворена преди началото на Втората световна война (и отворена отново от румънците), работи до края на комунизма. След падането на сталинисткия режим в Съветския съюз българите получиха малко права да поддържат майчиния си език и култ. Така през 1959 г. в Търновка е открит Музеят на българската култура, а покъсно Дружеството на българската култура на името на Христо Ботев и училище по български език и култура.

След разпадането на Съветския съюз земите на бившата Херсонска губерния се оказаха не само в други административни единици, но и в две отделни държави. В границите на Украйна останаха: Малък Буялък, Голям Буялък, Търновка, Кубанка, Катаржино (в момента Знаменка). Последното българско село Паркани се намира в Молдова, в Приднестровска молдовска република - държава, която не е призната на международната арена. От 6-те български колонии, анализирани в тази статия, които са създадени в Херсонската губерния в началото на XIX-ти век, Парканите са оцелели най-

добре. Населението на селото е 10 500 души, от които 80 % са етнически българи. В момента Паркани е най-голямото българско село извън България. Според преброяването, проведено в Украйна през 2001 г., българите не доминират в нито един от петте село в Одеската област. Най-голям брой от тях живее в село Голям Буялък, където съставляват 45,57% от населението.

Началото на българското заселване в Херсонския край датира се от 1752 г. и е свързано със създаването на т.нар. „Нова Сърбия” (Военно-административна единица в Руската империя, създадена в северозападната част на Запорожие) Първите групи българи, които пристигнаха, бяха малки. Те бяха поединични семейства или малък брой мигранти. Заселват в села, населени с молдовци, сърби или украинци, където живеят с тях. Нееднократно тези българи бързо загубиха своята етническа идентичност. Малко по-късно пристигат по-големи групи от българското население - те не попаднаха в бърза асимилация (Шмидт 1863, 535).

Новосъздадените български села в Херсонската и Таврийската губернии могат да бъдат разделени на два типа. Те са военни селища, както и колониални селища (земеделчески селища.). Военните селища не са предмет на тази статия. Има отделна литература за тях. Типичен пример за този тип селище е село Олианка (Шмидт 1863, 535; Занетов 1891; Гавазов 2004; Дойнов 2005, 167, 168; Петков 2013).

Първата земеделска колония в Херсонския край - Арнаутовка (също се среща Арнаутовка) - е създадена в края на XVIII век (Справочная книга 1906, 82; Дойнов 2005, 168; Андреева 2017, 54)³². Тази колония обаче не е свързана с българския етнос. Тука беше заселена група от 900 арнаути, които като доброволци участваха в Руско-турската война през 1787-1791 г. (Занетов 1892, 380). През 1803-1804 г., близо до Одеса, беше заселена голяма група черногорци, които създадоха земеделска колония.

Българските колонии в Херсонския край възникват в началото на XIX век. Хронологично те са: 1801 г. - Малък Буялък (Шмидт 1863, 535; Занетов 1892, 384; Дойнов 2005, 168; Андреева 2017, 54), 1802 г. - Голям Буялък (Шмидт 1863, 535; Занетов 1892, 384; Дойнов 2005, 168; Андреева 2017, 54) и Търновка (Шмидт 1863, 535; Занетов 1892, 384; Дойнов 2005, 168; Андреева 2017, 54), 1804 г. – Кубанка (Шмидт 1863, 535; Занетов 1892, 385; Андреева 2017, 54), 1806 г. – Катаржино (Шмидт 1863, 535; Занетов 1892, 385; Андреева 2017, 54) и Паркани 1806-1811(?) (Шмидт 1863, 535; Занетов 1892, 385; Андреева 2017, 54). Стефан Дойнов обаче отбелязва, че селата Паркани Кубанка и Катаржино се появяват вече на картата от 1804 г. (Дойнов 2005, 168). По-рано същата година беше съобщена от Николай Севастьянович Державин (Державин 1914, 10). Заселването на българските колонисти в Херсонския край нееднократно е протичало на няколко етапа, ако село Катаржино (Визиров 2020).

I. В Руската империя

Българите бяха трудолюбиви, занимаваха се със земеделие. Когато приключиха полевите работи, мъжете се занимаваха с дребни занаяти, а жените тъкаха, изработваха дрехи и килими. Българите в колониите си пазели добре майчиния си език, обичаи и дори дрехи. Те обаче се открояваха от представителите на други националности по отношение

³² В момента това място се нарича на украински Олександрівка.

на грамотността (Шмидт 1863, 535)³³. В Херсонския край те създадоха споменати по-горе 6 колонии. Те са:

1. Малък Буялък

Селото Малък Буялък, заселено от българите (дошли главно от село Кючук боялък³⁴) през 1801 г., е разположено е на 37 m надморска височина в Черноморската низина, на 11 km северозападно от бреговете на Черно море и на 25 km североизточно от град Одеса. От 1792 година живяха тук ногайци.

Църквата в селото Малък Буялък е основана от жителите през 1805 г. Осветена е на 11 септември в чест на свети Йоан Кръстител. Това име е дадено в памет на храма, оставен в родината му в Румелия. Първият свещеник беше Петър Попандопуло, който също служи в изоставената църква. В началото службите се провеждаха на гръцки език (Значение църкви 2020). Според другите извори (Справочная книга 1906, 62-63), тази църква беше построена малко по-късно, през 18108 година (и беше от камък). Така, може би временно съоръжение е построено през 1805 г., а през 1808 г. каменен храм?

2. Голям Буялък

Село Голям Буялък (Кошково) е основано през 1802 г. от българи (от ямболското село Голям Буялък³⁵) (Андреева 2017, 6). Следващите български колонисти се заселват тук през годините: 1811, 1822 и 1829. По този начин процесът на заселване на колония Голям Буялък протича на няколко етапа. В ревизната сказка, направена на 25 май 1858 г. има информация за живещите в Голям Буялък хора. Те са 328 семейства, а точно 1.304 мъже и 1.273 жени (общо взето прави 2.577 човека). Средно в едно семейство са били около 7-8 души (Андреева 2017, 79). Постепенно броят на жителите се увеличава, както е показано в таблица 1. През 1857 г. е построена нова каменна църква, която замества сградата от 1808 г. Първоначално, веднага след пристигането на колонистите, е отворен молитвен дом, който е временна сграда (Андреева 2017, 86).

3. Търновка

Търновка / Търново (официално название на руски език: Терновка, Турецкая Терновка, Болгарская Терновка) - това село е основано на десния бряг на река Ингул (Велики Ингул). Първоначално руските власти са заселили тук турците, приели руското поданство (крепостничество). През 1802 г. турците са изместени от селото и заменени от български колонисти, дошли от Адрианопол. Паралелно имаше и неофициално име на селото - Болгарка. Православната църква в село Търновка отвори врати за вярващите през 1804 година. За целта е използвана изоставената от турците джамия, която е превърната в християнски храм. Според данни от 1906 г. броят на енорияшите по това време е 2 350 души (включително 1 210 мъже и 1 140 жени) (Справочная книга 1906, 166-167; Крючков 1997, 152).

³³ Подобна ситуация беше и в Бесарабия. Тук най-висок процент от хората, които могат да четат и пишат, са германци, следвани от поляци.

³⁴ Сега селото казва се Малко Шарково и се намира в Югоизточна България (община Болярово, област Ямбол).

³⁵ Сега селото казва се Шарково (община Болярово, област Ямбол).

4. Кубанка

Колонията Кубанка е създадена през 1804 година. Към 1886 г. с. Кубанка е център на Кубанската волост, която се състои от едно населено място на селската общност. Още през 1814 г. в този село е построена православна църква. С течение на времето храмът изпада в лошо техническо състояние. Сградата на църквата е разрушена, а през 1855 г. е пусната в експлоатация нова сграда. Средствата за бюджета са осигурени от жителите на село Кубанка.

5. Катаржино / Катаржина

Катаржино беше е дна от най-важните българските колонии в Херсонския край. През 1817 г. е преместена тука от Одеса „Канцелярия Одесского отделения Попечительного комитета”. През 1826 г. руският цар Николай I остана за кратко в село Катаржино. В началото на XX век Катаржино става център на волоста. В селото има 4 учебни заведения: двугодишно министерско училище, църковно-парафиално училище, държавно мъжко училище за 60 ученици и Земско женско училище за 50 момичета (Визиров 2020). Каменната църква в село Катаржино е построена през 1814 г., но метрикалните книги се датират вече от 1811 г. (Визиров 2020). В началото на XX век в Катаржино имаше вече две православни църкви. Втората църква е построена през 1899 година (Вельможко 2020).

6. Паркани / Паркан

Датата на основаване на българската колония Паркани е спорна. Има цели 6 варианта. Това са годините: 1803, 1804, 1806-1811, 1808, 1808-1810 и 1808-1811 (Аствацатуров 1995, 26; Аствацатуров 2006, 28). Населението на колонията нараства бързо. Докато през 1805 г. имаше само 103 души, през 1916 г. вече имаше 5051 (Аствацатуров 2006, 62).

Светомнхайловската църква на село Паркани е осветена и се счита за действаща от 1826 г., довършителните работи продължават до 1829 г. През същата година около църквата е издигната каменна ограда.

Тези (споменати по-горе) български колонии също са били обект на привилегиите, установени от царското правителство за чуждестранни колонисти. В колониите също имаше търговия - имаше базари. Популацията постепенно се увеличава, както е показано в таблица 1.

Таблица 1 Динамика на нарастването на населението в белгийските колонии в Херсонския край.

Пореден номер	Името на колонията	1859 (1868) (Списки 1868)	1890 (Волости и гмины 1890)	1896 (Список 1896)	1916 (Список 1917)
1.	Голям Буялък	1.110+1.112 = 2.222	2.398+2.417 = 4.815	2.265+2.251 = 4.516	2.733+3.127 = 5.860
2.	Катаржино, Катаржина	1.454+1.415 = 2.869	2.846+2.861 = 5.707	3.052+2.918 = 5.970	2.396+2.835 = 5.231
3.	Кубанка	828+793 = 1.621	1.254+1.130 = 2.384	1.276+1.134 = 2.410	1.114+1.476 = 2.590

4.	Малък Буялък	860+785 = 1.645	1.040+971 = 2.011	949+891 = 1.840	1.140+1.415 = 2.555
5.	Паркани	590+564 = 1.154	1.899+1.831 = 3.730	1.434+1.339 = 2.773	2.236+2.815 = 5.051
6.	Търновка	865+868 = 1.733	2.073+2.040 = 4.113	1.580+1.502 = 3.082	114+103 = 217

Българите са били от православната вяра. Нищо чудно тогава, че те са построили храмовете си малко след основаването на отделни колонии (както е показано в таблица 2). С течение на времето някои църкви бяха възстановени или заменени с нови и по-солидни сгради. На свой ред през втората половина на XIX век църквата в село Кубанка е разширена и направена от камък. По отношение на православната църква в българските колонии в Херсонския край имаме информация не само за отделни църковни сгради, но и за духовенството. В енорията Малък Буялък, от църковните книги е възможно да се възстановят имената на всички свещеници и дякони на църквата, както и на членове на техните семейства до 1917 година. Последният в този списък беше свещеникът Антоний Артасевич (Значение църкви 2020).

Таблица 2 - Православни храмове в българските колонии в Херсонския край (Справочная книга 1906).

<i>Пореден номер</i>	<i>Името на колонията</i>	<i>Покровителят на църквата</i>	<i>Дата на построяване на църквата</i>	<i>Енорияши (мъже, жени, общо)</i>	<i>Годината на основаване на колонията</i>
1.	Голям Буялък	Успение на Пресвета Богородица	1808 1857 (каменна)	2.620+2.359 = 4.979	1802
2.	Катаржино, Катаржина	1. Рождество на Пресвета Богородица	1814 (каменна)	1.390+1.454 = 2.844	1806
		2. Църква на Възнесението Господне	1899		
3.	Кубанка	Света Троица	1814 1855	1.163+1.168 = 2.331 ³⁶	1804
4.	Малък Буялък	Св. Йоан Кръстител	1808 (каменна)	1.124+1.055 = 2.179	1801
5.	Паркани	Св. Архангел Михаил	1826 (каменна)	1.897+1.679 = 3.576	1806-1811 (?)
6.	Търновка	Успение на Пресвета Богородица	1804		1802

Като цяло животът на българските колонисти в Русия не беше лесен. Климатът беше много по-тежък, отколкото в старата родина. Има епидемии от различни инфекциозни

³⁶ 1.214+1.215.

заболявания, както и години на глад, свързани с неуспех на реколтата. През годините 1813, 1834 и 1878 били регистрирани чумни епидемии. Така започва завръщането на българите в старата родина. През 1841 година 64 човека от Голям Буялък и две съседните села се връщат обратно в България. Тенденцията за връщане към България се засилва след Руско-турската война през 1877-1878 г. Тогава 30 български семейства от село Голям Буялък изпращат петиция до властите с молба за преместване в границите на България. Завърнали се обаче на групи, които не са били много големи.

II. В Съветска Русия, в Съветския съюз, под немската окупация и обратно в Съветския Съюз

След въвеждането на съветската власт, новият обществен ред беше един и същ в целия Съветски съюз. Земята и индустрията бяха национализирани навсякъде. Широката репресия се използва както по отношение на отделните националности, така и спрямо социалните групи. На първо място бяха репресирани богати фермери. Навсякъде се създаваха колхози и совхозии. Селяните бяха принудени да работят като роби. За всяко подозрение за нелоялност към властите те са били разстрелвани, или изпращани в лагери (гулаги). Така беше и в селата, създадени в началото на XIX век от български колонисти. Оттам насетне историята на тези места се свежда до историята на действащите там колхози и совхози. Автономията за българите в Херсонския край продължи по принцип само през годините 1925-1928 и след това беше кърваво разбита от НКВД. През 1929 г. в Катаржино започват не само да извършват колективизация, но и да конфискуват зърно от селяните по време на жътвата. По-специално такива демонстрации бяха в Катаржино. Резултатът е не само масови арести и репресии, но и преименуването на Катаржино в Сталино. По време на глада от 1932-33. няколко десетки души загинаха в Сталино. А живите бяха в кошмарно лошо състояние. И тогава, през 1937-1938. арестувани са повече от 70 души, много са разстреляни (Вельможко 2020).

Старите исторически имена на селата (не само Катаржино) бяха сменени с нови. И така например Малък Буялък през 1920 година официалното име на селото е променено на Свердловлово, по името на комунистическия лидер Яков Свердлов. Селото Голям Буялък през годините 1924—2016 е Благоево, а през 1961 г. Катаржино е преименувано от Сталино в Краснознаменка.

След революцията (с настъпването на комунистическия режим) църквата започва да бъде репресирана. Отначало вярващите бяха лишени от правото да гласуват в селския съвет, като по този начин се превърнаха в изгнаници сред своите хора. Тогава активното участие в църковния живот се разглежда като антидържавна дейност и завършва с так наричано на руски език „разкулачание” и изгнание (Значение църкви 2020). Храмовете обикновено са били затваряни и населението е било принуждавано към атеизъм. Пример е село Кубанка. Тук църквата е разрушена вече през 30-те години на миналия век. Запазени са само основите на храма. През 1929 г. е взето решение църквата да бъде затворена. През 30-те години храмът вече е бил разрушен. Енорийското двукласно училище също беше затворено, но сградата на училището оцеля. Превърнато е в държавно училище. В селото Малък Буялък властите затворят църквата едва преди началото на войната. Имаше там склад за известно време. С началото на съветско-германската война през 1940 г. румънците, окупиращи селото, започват да обновяват сградата на църквата и да я отварят, което скоро последва. След края на Втората световна война религиозната ситуация не се променя. Оцелелите

църковни сгради все още бяха унищожени, а духовенството и вяващите бяха преследвани. Съществуването на функциониращ храм беше рядкост в Съветския съюз. Само в село Малък Буялък църквата, отворена отново от румънците, работи до края на комунизма. В село Катаржино старата църква е затворена през 30-те години на миналия век. По време на войната тя е отворена отново от румънци. По-късно отново беше затворена. На свой ред втората църква е разрушена през 1953 г., а през 1959 г. е построен дом на културата върху основите на храма. В Паркани сградата на църквата е взривена през 1960 година (обаче вече през 1935 г. е затворена като свещена сграда) (Аствацатуров 1996, 157).

По време на германската окупация съдбата на жителите не се промени към по-добро. Съветската селскостопанска структура по същество само с малки изменения се поддържа. Единствената разлика беше също така, че църковните сгради бяха отворени и реновирани по това време. В този район бяха разположени румънски войски, а румънците също са православни.

След падането на сталинисткия режим в Съветския съюз българите получиха малко права да поддържат майчиния си език и култ. Така през 1959 г. в Търновка е открит Музеят на българската култура. Също в Търновка (квартал на град Николаев) се намира Дружеството на българската култура на името на Христо Ботев (основано през 1980 г.), училище по български език и култура. През 1991 г. е открита читалня с почти 2000 книги на български език.

III. В независима Украйна и в Република Молдова

След разпадането на Съветския съюз земите на бившата Херсонска губерния се оказаха не само в други административни единици, но и в две отделни държави. В границите на Украйна останаха: Малък Буялък, Голям Буялък, Търновка, Кубанка, Катаржино (в момента Знаменка). В пределите на Одеска се област се намират: Голям Буялък (Великий Буялик) , Малък Буялък (Иванове), Кубанка и Катаржино (Знам'янка). В Николаевска област се намира Търновка. От 1949 година Търновка е квартал на град Николаев, в състава на градския Централен район. Последното българско село Паркани се намира в Молдова, в Приднестровска молдовска република (Stânga Nistrului - държава, която не е призната на международната арена). Според преброяването, проведено в Украйна през 2001 г., българите не доминират в нито един от петте село в Одеската област. Най-голям брой от тях живее в село Голям Буялък, където съставляват 45,57% от населението.

1. Етнически състав на бившите 4 български колонии в Одеска област (2001 г) .

<i>Пореден номер</i>	<i>Националност</i>	<i>Голям Буялък</i>	<i>Катаржино</i>	<i>Кубанка</i>	<i>Малък Буялък</i>
1.	Арменци	0,65%	0,17 %	0,17 %	0,26 %
2.	Българи	45,57%	9,89 %	17,18 %	3,65 %
3.	Беларуси	0,06%	0,02 %	0,34 %	0,45 %
4.	Гагаузи	0,06%	0,02 %	-	0,13 %
5.	Германци	-	-	-	0,06 %

6.	Гърци	-	-	-	2,88 %
7.	Молдовци	9,62%	0,53 %	4,47 %	0,64 %
8.	Поляци	0,06%	-	-	-
9.	Румънци	0,06%	-	-	0,13 %
10.	Руснаци	22,02%	17,51 %	17,01 %	48,21%
11.	Украинци	20,60%	71,67 %	60,31 %	43,33 %
12.	Цигани	0,47%	-	0,34 %	-
13.	Други	-	-	-	0,26 %

В бившата Търновка (Централен район) не може да се каже за точен брой българи. Град Николаев е доминиран от руснаци (56,81%) и украинци (42,17), докато българите представляват едва 0,25%. Населението в квартал, където в миналото е било село Търновка е около 10 хиляди души. Днес около 1/3 от жителите имат български произход. В бивша Търновка (сега квартал на град Николаев) работят: Български културно–просветен център „Търновка“, Дом на културата „Търновка“ и Библиотека за възрастни хора–филиал № 16.

От 6-те български колонии, анализирани в тази статия, които са създадени в Херсонската губерния в началото на XIX-ти век, Парканите са оцелели най-добре. Населението на селото е 10 500 души, от които 80 % са етнически българи. В момента Паркани е най-голямото българско село извън България.

С падането на комунизма в свободна Украйна репресии по религия приключиха. В момента Православието възстановява своите имоти в района на бившата Херсонска губерния. Църквата в село Малък Буялък изпълнява своята религиозна роля и до днес. Там, където храмовете са унищожени, се строят нови сгради. Ако няма достатъчно средства за реконструкцията на старата църква, наблизо се издига малка заместваща сграда - такава ситуация се получава в село Кубанка. Новата църква на Архангел Михаил в село Паркани (Приднестровието) е издигната в центъра на селото през 2008 г.

Представеното по-горе кратко описание на българското заселване от началото на XIX век в Херсонския край изисква задълбочени проучвания (особено архивни изследвания). През последните години се появиха изследвания върху някои колонии, но често това не са чисто исторически изследвания от научна гледна точка, а по-скоро спомени (като например - Кирязов 2015)³⁷. Тази скица е само принос за по-доброто разбиране на тази българска диаспора, която, за разлика от съседна Бесарабия, е малко известна. За тези българи също няма единно име. Така че можете да ги наричате херсонски българи или може би по-добре българите от северното Черноморие.

ИСПОЛЗВАНА ЛИТЕРАТУРА

Андреева 2017 = Ж. Андреева, *Пътница в търсене на корена*. София.

Аствацатуров 1995 = Г. Аствацатуров, *Очерки истории села Парканы. Часть первая*. Бендеры.

Аствацатуров 1996 = Г. Аствацатуров, *Очерки истории села Парканы. Часть вторая*. Бендеры.

³⁷ За целите на популяризирането, село Голям Буялък има собствен уебсайт във Facebook.

- Аствацатуров 2006** = Г. Аствацатуров, *Болгары – 200 лет в Парканах*. Ч. 1. Бендеры.
- Вельможко 2020** = А. Вельможко, *Катаржино – Краснознаменка: болгарский анклав в самом центре Одесской области*: <https://topor.od.ua/katarzhino-v-krasnoznamenka-bolgarskiy-anklav-v-samom-tsentre-odesskoj-oblasti/> (27.09.2020 г.).
- Визиров 2020** = А. Визиров, *Краткая история села Катаржинио (Сталино, Краснознаменка, Червонознаменка)*: <http://kraeved.od.ua/history/k/katargyno1.php> (19.09.2020 г.).
- Волости и гмины 1890** = *Волости и гмины 1890 года*. 47. Херсонская губерния. С.-Петербург.
- Гавазов 2004** = М. Гавазов, *Алфатарските българи в Олианка. Минало, бит, съвремие (230 години от тяхното изселване)*. Силистра.
- Державин 1914** = Н.С. Державин, *Болгарския колонии в России (Таврическая, Херсонская и Бессарабская губернии). Материалы по славянской этнографии*. [в:] Сборник за народни умотворения и народопис. Кн. 29. София 1914, с. 1-204.
- Дойнов 2005** = С. Дойнов, *Българите в Украйна и Молдова през Възраждането (1751-1878)*. София.
- Занетов 1891** = Г. Занетов, *Българските колонии в Русия. I. Военни колони*, „Периодическо списание на Българското книжовно дружество в Средец”. Год. 8, кн. 37/38, с.177-193.
- Занетов 1892** = Г. Занетов, *Българските колонии в Русия. II. Земеделски колонии в херсонската и таврическата губерния*, „Периодическо списание на Българското книжовно дружество в Средец”. Год. 8, кн. 39, с. 377-385.
- Значение церкви 2020** = *Значение церкви - Малый Буялык*: <http://www.ajalik.com.ua/wp-content/istori-cerk.htm> (26.09.2020 г.).
- Кирьязов 2015** = В. Кирьязов, *Благоево и благоевцы. Новый взгляд на историю и современность болгарский диаспоры*. Одесса.
- Крючков 1997** = Ю.С. Крючков, *История улиц Николаева: топонимический путеводитель по городу и окрестностям*. Николаев.
- Петков 2013** = *Очерки истории, языка и культуры ольшанских болгар* (Автор С. Петков, В. Петков, И. Гуржос, И. Бунина, В. Колесник, В. Мильчев). Киев.
- Списки 1868** = *Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. 47. Херсонская губерния (по сведениям 1859 года /обработ. Л. Майковым)*. Санктпетербург 1868.
- Список 1896** = *Список населенных мест Херсонской губернии и статистические данные о каждом поселении*. Херсон.
- Список 1917** = *Список населенных мест Херсонской губернии : (По данным Всерос. с.-х. переписи 1916 г.)*. Александрия.
- Справочная книга 1906** = *Справочная книга Херсонской епархии*. Одесса.
- Шмидт 1863** = А. Шмидт, *Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Херсонская губерния. Часть 1*. Санкт-Петербург.

началото на XIX век в Херсонския край.

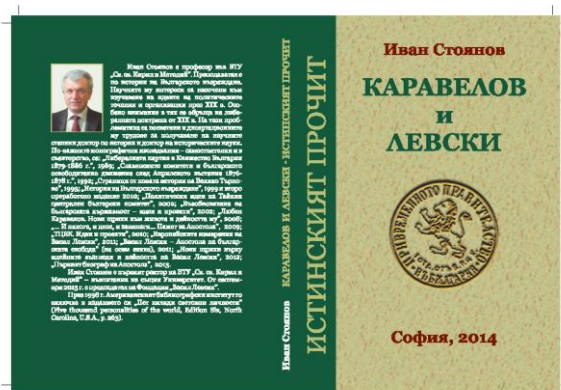
Българите колонии от

ЧАУШЕВА, Дора – родена на 27 април 1961 г. в гр. Хасково. Работи в музея на Апостола в Карлово от 1986 г., а от 1993 г. е директор. Завършила ВТУ „Св. св. Кирил и Методий“ по специалност „История“ – v_levski_muzeum@mail.orbitel.bg

ПОСЛЕДНОТО ИЗСЛЕДВАНЕ НА ПРОФ. ИВАН СТОЯНОВ ЗА КАРАВЕЛОВ И ЛЕВСКИ

Монографичното изследване на проф. Иван Стоянов **„КАРАВЕЛОВ И ЛЕВСКИ. ИСТИНСКИЯТ ПРОЧИТ“** излиза през 2014 г. – една година, посветена на Любен Каравелов, в която се навършват 180 години от рождението му, 135 години от неговата смърт, 145 години от излизането на в. „Свобода“ и 145 години от създаването на БРЦК в Букурещ.

Книгата е факт само няколко дни преди 18 юли.

Така авторът продължава традицията си в навечерието на деня, в който се отбелязва рождението на Апостола, да предлага на читателите свои нови изследвания, които излизат извън налаганите дълго време идеологизирани клишета за Любен Каравелов и за Васил Левски – двамата Големи на Българското възраждане, както ги определя той. Спазва и традицията си като историк в неговите изследвания читателят да намира само документирани истини. И нещо повече – да намира и самите документи, които може да прочете и сам да прецени прав ли е авторът или не.

Книгата на проф. Стоянов не удовлетворява читателите, които очакват едно традиционно цялостно биографично изследване за двамата Големи. Тя отговаря на очакванията на онази читателска аудитория, която разграничава истината от художествената и публицистична измислица, която очаква преодоляване на табута и разчупване на стари стереотипи, осветляване на спорни или нерешени все още проблеми, без хипербола и без героизиране, от които за съжаление и самата историческа гилдия все още не може да се отърси.

Както сам споделя авторът, новата книга представя Каравелов и Левски такива, каквито са. А те според него са много, много големи личности, които биха били чест за всяка нация, уважаваща себе си. Дори днес, във второто десетилетие на XXI в., е трудно да повярваме, да си обясним, да осъзнаем, че е имало такива българи - едно време. Първият е наречен от дипломатите на Великите държави в Османската империя „Мацини на Балканите”, а втория с пълно право можем да окачествим с другия италиански революционер – Гарибалди – смята проф. Стоянов. Отношенията между двамата Големи той вижда като еталон, който няма как да се обясни със съвременните политически нрави. Дори противоречията, които възникват в редки случаи между тях и са факт, не променят общата картина, а по-скоро потвърждават съвместното им израстване и превръщане в символи на българщината. С тази своя книга проф. Иван Стоянов категорично доказва, че трябва да останат само в миналото опитите да бъдат противопоставяни Каравелов и Левски – единият като буржоазен либерал и поради това непоследователен, нерешителен, изменчив и поддаващ се на чужди внушения, а другият – последователен революционер демократ, който върви право към целта и развенчава колебливата и съглашателска политика на Копривщенеца.

Авторът анализира и нови документи, открити от него в руски архиви, и такива, отдавна известни на науката. На широка документална основа той представя и малко известни или неизяснени въпроси, свързани с живота, делото и идеите на Каравелов и Левски, и съвместната им работа. Изграждането на БРЦК в Букурещ, създаването на Вътрешната революционна организация, обявяването на вътрешния център за „I отд. от БРЦК”, т.е. за първи отдел на организацията в Букурещ, възприемането на тактиката на революционния терор от вътрешните дейци по нареждане на емигрантския център, въпреки първоначалното противодействие на Васил Левски, изпращането на събраните средства до Каравелов, а не до касиера на БРЦК Димитър Ценович, търсенето на подкрепа от страна на Каравелов във възникналите спорове с Димитър Общи и Анастас Попхинов, информирането на Букурещкия БРЦК за всяка стъпка на организацията във вътрешността на българските земи са все примери, които изтъква проф. Стоянов, които говорят за едни отношения, между личности, отдадени изцяло на българската национална кауза. Според него дори превратното представяне на задачите и решенията на Общото събрание от 29 април до 4 май 1872 г. от българската „историческа наука” не е в състояние да промени мнението на обективно мислещия човек за отношенията на двамата. На това събрание се демонстрира единство и в мисълта, и в намеренията, и в начина на действие. Съвсем не е случаен фактът, че по инициатива на Каравелов Карловецът получава и известното пълномощно, с което може да представлява БРЦК, където и да се намира.

Безспорно Левски не е теоретик от рода на Каравелов, Касабов, Раковски, но неговите блестящи хрумвания, изказаните прозрения и вроденият реализъм се оказват не по-малко значими като принос в развитието на българската обществено-политическа мисъл през третата четвърт на XIX век. Идеята за свобода и чиста република, идеята за съвършено равенство между различните народностни групи в бъдещата държава, идеята за свобода на вероизповеданията, идеята за уважение и отдаване признание на обикновените хора, идеята за изграждане на държавата като храм на истинната и правата свобода... и още много други възхищават и днес – в XXI век – изтъква авторът.

И с тази своя книга проф. Стоянов остава верен на принципа си на историк – да показва историята такава, каквато е – с методологията на науката история, не с други

методологии. Тези други методологии се демонстрират за съжаление и в наши дни, за съжаление и по отношение на Васил Левски, но от други автори.

„Историята затова е държавна наука – за да поддържа миналото в единство. Иначе нацията губи една от най-важните си спойки и отива на разпад. Именно различният официален възглед към миналото направи македонците такива изметнати българи. Държавата е длъжна по дефиниция институционално да налага единния възглед за миналото върху територията. Докато на най-високо ниво не се реши друго, поп Кръстьо трябва да си остане навсякъде официалният предател на Левски”. Цитираният текст е част от заключението на Росен Янков в книгата му „Предателите на Левски”. И няма как в отговор на тези думи проф. Иван Стоянов да не възкликне: „Има държавна граница, държавна политика, държавна хазна, към която всички се стремят, но за пръв път някой си позволява да налага в писанието си мнение, че историята е държавна наука и държавата трябва да решава кое е историческа истина и кое не!!!”. И да зададе въпросът – освободили ли са се българите след 1878 г. или са си останали все там – в Османската империя, въпреки че живеят в собствена държава? Този въпрос според него се налага и от прозренията на двамата. На 9 януари 1873 г. Левски ще заяви пред следствената комисия „Нашите българи желаят свободата, но я приемат, ако им се поднесе в къщите на тепсия”, а Каравелов ще простене „За пред люде ли сме? / Българине, Българине, / Чуждо мотовило? / Имаш ли ти нещо свето / Или нещо мило”?

Тъжни според автора, но верни констатации и още по-страшни въпроси, на които все пак трябва да се отговори!!!

ЧАУШЕВА, Дора – родена на 27 април 1961 г. в гр. Хасково. Работи в музея на Апостола в Карлово от 1986 г., а от 1993 г. е директор. Завършила ВТУ „Св. св. Кирил и Методий“ по специалност „История“ – v_levski_muzeum@mail.orbitel.bg

„АПОСТОЛА НА СВОБОДАТА”, „ИЗВЕСТНИЯТ БЪЛГАРСКИ АГИТАТОР “ И „НАЙ-РЕВНОСТНИЯТ НАШ РЕПУБЛИКАНЕЦ “

Резюме

В настоящия текст се разглежда личността на карловеца Теофан Райнов и отношенията му с двамата ръководители на българското революционна движение Любен Каравелов и Васил Левски през периода 1869-1872 г. – времето, когато се създава БРЦК и Вътрешната революционна организация. Макар и много накратко се очертават линиите и на единомислие, и на разногласия, и дори на сблъсъци между тях, което доказва сложността на процесите, протичащи вътре в революционното течение – т. нар. „млади“. Цитираните писма между тях, някои от които малко известни, а също и оценки за Райнов, съдържащи се в докради на чужди дипломатически представители, показват утвърждаването му след българската емиграция във Влашко като известен деец още преди Любен Каравелов. Въпреки откритите конфликти, в които той влиза и с Левски, и с Каравелов, Теофан Райнов има достойнството и признава качествата им, както и те неговите.

Теофан Райнов

През есента на 1869 година в Букурещ Любен Каравелов започва да издава политически вестник – в. "Свобода", печели симпатиите на революционната емиграция, а около редакцията се обособява идейна група, дала началото на Българския революционен централен комитет (БРЦК). В този кръг са членове на разпадналия се вече ТЦБК, участници в двете легии в Белград, дейци на читалище „Братска любов“. Редом с Каравелов в създаването на тази нова организация застават Васил Левски, Димитър Ценович, Кириак Цанков, Теофан Райнов, Иван Касабов, Иван Кършовски, Георги Живков, Олимпий Панов, Панайот Хитов.

В столицата на Влашко в късната есен на 1869 г. е създадена българска политическа организация с нова идея – подготовка на масово народно въстание, осъществено главно чрез силите на българския народ, като основно средство за освобождението на България. Най-деен и последователен в това отношение е Васил Левски. Той твърдо отстоява и необходимостта от преместване на комитетската активност вътре в страната, за което влиза в остри спорове с дейците, защитаващи идеите на реформизма и политическия дуализъм. Най-влиятелната личност в комитета, която се откроява още от началните месеци на неговото съществуване, е Любен Каравелов. Той е избран за председател на БРЦК, а вестник "Свобода" се превръща в негов печатен орган.

Ако за Каравелов и Левски като ръководители на новата организация историческата наука е дала своите отговори, пред изследователите продължава да стои задачата да се даде вярна оценка и на дейността, ролята и приносите на другите „млади“ българи, участвали в БРЦК и възприели идеите на Новото време.

Един от тях е карловецът Теофан Райнов. Той също се озовава във Влашко през есента на 1868 г., както и Левски след разпускането на втората Белградска легия, но във връзка със създадената от турското правителство шпионска мрежа. Двамата съграждани са достатъчно познати един за друг – връстници, заедно още от училищните години и читалищната дейност в родното Карлово. Бащата на Теофан Райно Попович пък е учител на младия Васил в църковното пеене, но сам споделя „Намерили човекъ да го покалугерят” Когато в Букурещ през 1869 г. пристига и Любен Каравелов, Теофан Райнов е вече достатъчно известен в средите на българската емиграция. Той е попаднал в полезрението на редица европейски дипломатически представители. Влизайки в сложните лабиринти на шпионската работа, и то двойствена, той печели силната неприязън на „старите” и квалификацията „главен шпионин”. Христо Георгиев пише до Найден Геров: *„Главатарят на шпионите тука е нашият Райнов, а главният помощник негов е Касабов и компанията. Тия дни тази тайфа типари прокламации на турски язык от страна уж на българите из Балканат”* и още *„... нашия Теофан Райнов, който от тази есен се намерва тука със мисия главен шпион турски казувам главен защото има и други по малки, които нямат пари в разположението си, но Теофан има...”* Тези редове показват и мястото на Райнов в шпионската мрежа и свидетелстват за оформения вече кръг, включващ Теофан Райнов, Иван Касабов, Васил Левски.

Тяхната дейност не остава скрита и за чуждите представители, както в Букурещ, така и в Цариград, а и в Русия – за генералния консул на Русия в Букурещ барон Офенберг, за директора на Азиатския департамент Пьотр Стремоухов, за Новорусийския и Бесарабски генерал губернатор Павел Коцебу, за посланика на Русия в Цариград граф Игнатиев. Техните писма и доклади свидетелстват, че още от пролетта на 1869 г. Теофан Райнов е за тях твърде известен, подозиран и във връзки с руски и европейски революционни дейци. Като такъв той е определен в една служебна справка за Каравелов така: *„По задгранични сведения Любим Каравелов е един от приближените на известния български агитатор Райнов. А младата българска партия на която стои начело Каравелов, се намира в отношения с Бакунин и Мадзини.”* През първата половина на 1869 г., когато Любен Каравелов все още не е този утвърден ръководител на „младите” и на БРЦК, барон Офенберг пише за двамата в доклад: *„... един от приближените на Рейнов – някой си Любим Каравелов, сръбски поданик, се е отправил неотдавна за Одеса...”*

Името на Райнов често се среща в дипломатическите преписки. Замесено е и в опитите на „старите” да дискредитират пред руския посланик в Цариград революционно

настроените „млади“, засилващи по това време своите позиции сред българската емиграция. Той вероятно е човекът, изпратен при граф Игнатиев, за да му изясни въпроса за поведението на Офенберг и „съюза“ му със „старите“ срещу тях, един от най-популярните и влиятелните им представители – заедно с Иван Касабов и Левски, основният реализатор на мисията на „младите“ в Европа, за осъществяване на контакти с европейски революционни дейци, най-вече с Джузепе Мацини. Във връзка с това негово пътуване се активизират и контактите му с Любен Каравелов. В единомислие е и с Васил Левски по отношение на работата, предприета от него във вътрешността, подпомагайки го по време на първата и втората му обиколки в Българско и със средства, и с прокламации, както и по-късно като управител на железницата в Пловдив.

Свидетелство за това единодействие е писмото, което Теофан изпраща през юли 1869 г. от Букурещ до Григор Начович във Виена след като се завръща от Европа. В него Райнов потвърждава, че във Влашко имат получено писмо от Левски и че работата му в Българско върви добре: „... преди неделя има писмо от Дяконът. Който ся хвали че има ат за гр. 4000 и че всичко – добре отива.“ Той дава и една изключително висока оценка за Любен Каравелов: „Каравелов и той са развали с Нотабилите... той бил шпионин подкупен от мене и положен, така го оценили тий, **това вярно българско чадо и най ревнустният наш републиканец.**“

В писмото се съдържат и някои принципи, които според Райнов трябва да бъдат в основата на отношенията между дейците за освобождение и въобще между хората. Той пише: „Една пословица казва всичко, что свети не е злато, но аз Ви казвам че и всичко что е ръждясало не са хвърля на боклукът. всеки си има слабостити си от които трябва да гледаме да са ползуваме но и всяко нешто трябва да си има граници... За сега доста е това но моля Ви да ся не сърдите зачтото аз говоря всегда пред приятели истината, и обичам ги и почитам и кога са и тий такива срецо мене.“

Не са ли това принципите и на Васил Левски? Принципи за човешкото общуване, за искреността, за откритото посочване на грешките на всеки. Принципи, които и Апостола сам заявява и провежда като свое поведение. Той пише до войводата Филип Тотю:

„И на често трябва да са съветваме ний дейците, щом спазим един другиму погрешките си, заштого секи бърка на нимои да са съвземи. На драго сърце трябва да обичаме оногова, който ни покаже погрешката: и нека той ни е наш приятел.“, а до Иван Кършовски: „... За Отечеството работим Байо! Кажси ти моити и аз твоити кривици, па да са поправиме и се да си вървим наедно, ако ще бъдем хора.“

Удивителна е приликата в думите на двамата – на Васил Левски и на Теофан Райнов. И двамата желаят откритост в отношенията, издигат в свой принцип добронамерената критика като необходим коректив за развитието на организацията напред.

Въпреки че са определяни с общия термин „млади“, те, включително Каравелов, Левски и Райнов, през този период нямат абсолютно едни и същи политически виждания. Сред тях протичат сложни процеси на еволюция, разграничаване, прегрупиране, противопоставяне. Един от най-разделителните за „младите“ моменти е кризата, избухнала към края на лятото и началото на есента на 1870 г. Започнала с откритото противопоставяне на Каравелов срещу идеята на дуалистите, задълбочила се с игнорирането на мнението на хората около Теофан Райнов, Георги Живков и Иван Кършовски, продължила с взаимни обвинения и компрометиране и опити да бъде привлечен Васил Левски на едната или другата страна. Следват месеци на остри конфликти между Букурещ, където е Каравелов, и Плөөц, където са се установили Живков и Райнов с поддръжниците си. Апостола не

прибързва с крайна позиция до януари 1871 г., когато и той сваля доверието си от „дуалистите” и най-вече от Живков, който до този момент е бил и свързващото звено в кореспонденцията между Левски и представителите на революционната емиграция. Когато се говори за този конфликт, трябва да се има предвид, че концепцията за „дуализъм” в българската политическа мисъл по това време /1870-1871 г./ има своите сериозни и немалко поддръжници, а радикалните революционни идеи нямат все още толкова широка популярност. В крайна сметка противопоставянето стига до изолирането на групата около Райнов, Живков и Кършовски, което в голяма степен е резултат и на непреклонността и самочувствието, с което вече действа Апостола.

Две писма от края на 1871 г., в които като адресати и адресанти стоят имената на Каравелов, Райнов и Левски, показват, че вече е намерен път към преосмисляне на принципи и позиции, към преодоляване на противопоставянето и възстановяване на доверието и съвместните действия. На 25 ноември 1871 г. Апостола изпраща във Влашко своя помощник Ангел Кънчев с препоръчително писмо не до някой друг от емигрантските дейци, а до Теофан Райнов в Гюргево. Левски му пише:

„Бай Т. Райновъ,

Наместо писмо ето Ви А.К. нашъ Братъ и работникъ, с упълномощно писмо иди тамъ за работа, каквато сме, ще Ви каже, дайте му и Вашите бележки, какво мислите, и какво работите.

Така поздравлявамъ всички наши тамъ, така ще пишете и на другите дето са намиратъ...”

Тези думи са показателни, че по това време Апостола има достатъчно доверие на Райнов, за да му изпрати най-добрия си помощник и да го препоръча на емигрантските дейци да споделят с него какво е състоянието на работите отвъд Дунав.

Почти по същото време Райнов е потърсен и от Любен Каравелов. Това се разбира от едно малко известно писмо на Теофан от 16 декември 1871 г. от Гюргево до Каравелов в Букурещ. В него той прави много вярна преценка за положението на българското население в Османската империя, за неговата зависимост и дискриминация, за неговата безправност и невъзможност да се защити дори и пред съда. Според Райнов не е възможно като политическа алтернатива участието на българите в дуалистична държавност на турци и българи. „... братовството с турците е невъзможно защото турците като дошли у нас, не се отнасят като приятели но като Господари в нашите къщи и аз всегда в убеждение че ние сме готови да си дадем къщите на чужди да ни ги управляват а ние да стоим в собствените си къщи като кираджии”.

Тези мисли, макар и твърде пестеливо изразени, би следвало да поставят отново пред изследователите въпроса за категоричната и може би едностранчива политическата характеристика, давана за Райнов, като „дуалист”, противник на Левски и Каравелов. Трябва да се има предвид и писмото, изпратено от Букурещ до Мацини през юли 1869 г., след завръщането на Райнов от мисията в Европа, в чиито текст той има безспорно важна роля: „Заели сме се да преминем тесните граници, които ни поставя Мемоарът от 1867 и да разпространяваме републиканизма, докато нашите братя отвъд Дунава оставяме да действат за Мемоара, тъй като трябва да се знае, че не могат другояче, освен под този претекст.” То показва, че „младите” от една страна възприемат революционните идеи, но съобразявайки се с реалностите оттатък Дунав /в територията на Османската империя/, предвиждат там да остане водеща идеята за „дуализъм”. Това съвпада и с преобладаващите настроения на българите във вътрешността, където очакванията за политически реформи се

засилват особено след признаването на църковната независимост, и с външнополитическата обстановка по това време, когато всички Велики сили са за запазване на статуквото. В същото време много сериозно започва и пропагандата на радикалните революционни действия за извоюване на политическа независимост, свидетелство за което са думите на Каравелов от страниците на в. „Свобода” и разразилата се борба между доскорощни съмишленици.

Дълго време историческата наука представя сериозните противоречия и сблъсъци в средите на емиграцията единствено като борба между революционерите и другите, от които само революционерите и само ръководителите в лицето на Любен Каравелов и Васил Левски вървят по правилния път. А тези процеси, които протичат сред емигрантските дейци във Влашко, общо в националноосвободителното движение и вътре в революционно-демократично течение, са твърде сложни.

Обнадеждаващо е появяването в последно време на изследвания и мнения като тези на проф. Пламен Митев, проф. Иван Стоянов, проф. Илия Тодев, доц. Пламен Божинов, доц. Огняна Маждракова-Чавдарова, Кета Мирчева, доц. Антоанета Кирилова¹, които обективно търсят реалното място на дейци и събития, без да се водят от емоционални настроения и остарели стереотипи.

Приведените тук немного известни писма показват, че един от другите – Теофан Райнов, този, когото сам *Апостола* нарича „*Бай Т. Райнов*”, със своите политически виждания има сериозни позиции и авторитет не само сред своите сънародници, но и пред европейските дипломати, определящи го като „*известния български агитатор*”. Той има достойнството да признае и качествата на бързо утвърждаващия се ръководител на „младите” в лицето на Любен Каравелов през лятото на 1869 г. – „*най ревнустният наш републиканец*”, и бездействието на емиграцията във Влашко в края на 1871 г. – „*Вършилите вие нещо? Ние нищо! Тежко ни!*”

ПРИЛОЖЕНИЕ

Брате Каравелов
Ето ти спортът
целиячески идва и ти
роко описание за това
тевша работа. иже
ми не потисва защо
мука е да наже военна
Крета пакъ уловиха един
Българин и икаше да
го проведат в Русия
така изъ ти и за него
Платимировото иже
не спомитубашъ за
щото и той е в онова
работна в Пловдивъ
загери и иже
та по-всрхъ да не
не спомитуба.
Вдържате ми две
кни...

Писмо от Т. Райнов до Л. Каравелов

Тай М. Райнови!
Вашето писмо ето Ви А. К. най-братски
работникъ, азъ изиднахъ писмо иди твоя да работи
та, каквото ете, иже Ви каже, дайте му и Вашите
белешки, както имаште, и както работите.
Така поздравявамъ всичките наши работници, та
ко иже наши и на другите деноса намираме.
Примете сърдечно-целувката ми.
Вашъ братъ В. Левски.

Писмо от Васил Левски до Т. Райнов

II. ЕЗИКОЗНАНИЕ

ИЛИЕВ, Иван Г., Пловдивски университет, филиал – Кърджали, Република България - ivan_iliev20002000@yahoo.com

МАЛЦИНСТВЕНА СОЦИОЛИНГВИСТИКА. ЗА ЕЗИКА НА АГУПТИТЕ ОТ ГРАД МАДАН, СМОЛЯНСКО

Анотация: *Статията е продължение на предишно проучване на автора върху диалектния български език на малцинствата. Обект на изследване в този случай е езикът на циганите агупти от град Мадан, Смолянско, които използват български родопски диалект.*

Annotation: *This article is a continuation of a previous work of the author on the dialectal Bulgarian spoken by the minorities in Bulgaria. An object of research in this case is the dialect of the Agupti Romani people of Madan, Smolyan region, who use a Bulgarian Rhodopian dialect.*

Ключови думи: *български език, българска диалектология, малцинствена социолингвистика, агупти, Мадан.*

Key words: *Bulgarian language, Bulgarian dialectology, minority sociolinguistics, Agupts, Madan.*

1. Въведение

В статията *Малцинствена социолингвистика. За една социолингвистична тенденция сред малцинствата в България* (Илиев 2019), която постави основите на проучването на малцинствената социолингвистика, бяха изложени теоретичните постановки на изследването на диалектния български език, който се използва от малцинствата (цигани, турци, албанци, арменци, руснаци, различни гръцкоезични и румъноезични групи и т. н.). Беше показан и образец от хасковския български диалект на циганите в село Войводово, Хасковско. В друга своя статия (Илиев 2020) изнесох информация за езика на турското малцинство в село Чакаларово, Кирковска община на Кърджалийска област, където възрастните освен турски говорят и диалектен български – родопски диалект. Настоящата работа се явява продължение на цитираните по-горе и в нея ще се изследва езикът на една друга малцинствена група – циганите агупти от град Мадан, Смолянско, които са двуезични и освен турски диалект също като чакаларовските турци говорят и българско родопско наречие.

2. Досегашни данни за маданските агупти и техния език

В средата на петдесетте години на 20 век Анастас Примовски (Примовски 1955) посвещава специално изследване на ромите „агупти“ от Мадан, като отделя внимание и на езика им. Споменава ги и на друго място (1973: 195). Въпреки това в следващите години нито българските диалектолози, нито социолингвистите обръщат някакво внимание на интересния български диалект на споменатото малцинство, който досега е бил единствената използвана от тях българска езикова форма. Ето какво казва Примовски (Примовски 1955: 253-254) по въпроса:

Мохамеданите ковачи нямат свое песенно творчество. Те си служат с песните на родопското население – на българите християни и на българите мохамедани ... Ковачите агупти не само пеят старинни български песни, но говорят на същото родопско наречие както местното българско мохамеданско население, само че думите произнасят по-провлечено, по-бавно.

От гледна точка на лингвистиката изследването на Анастас Примовски е ценно с наличието на няколко страници с предания, приказки, песни, пословици, поговорки и интервюта, при които авторът се е стремил да записва дословно диалектната реч на информаторите си, макар това не винаги да му се е удавало по разбираеми причини (вероятно е писал на ръка, а и не е диалектолог).

От същото проучване (Пак там: 255) научаваме, че освен в Мадан отделни групи представители на споменатото мюсюлманско малцинство живеят и в околните по-близки и по-далечни до това място села: Средногорци, Влахово, Полковник Серафимово, Смилян, Бял извор. От собствена информация в този списък може да добавя и Върбина, Ерма река, Златоград, Давидково, Райково, Добромирци и др.

Преди няколко години се срещнах и разговарях с живеещите в Мадан роми агупти, като направих и запис, който може да се чуе в интернет ([youtube.com](https://www.youtube.com) – *Българският език на малцинствата: агуптите от Мадан*). Видяното, чуто и записаното в Мадан затвърди впечатленията ми, че старото поколение агупти и до наши дни си служи само с диалектна родопска форма на българския език, въпреки че сега тя вече не е толкова чисто диалектна, колкото вероятно е била допреди 50-60 години. Тоест, с риск да се повтори, става въпрос за един пропуснат от българските диалектолози и социолингвисти феномен. За да илюстрирам и обоснова твърдението си, ще покажа и дадената от Примовски информация, и собствено събраната, групирайки извадените от текстовете най-важни фонетични, морфологични, синтактични и лексикални особености на агуптската реч. Освен българския родопски диалект, както казах, маданските агупти, които са двуезични, ползват и диалектна форма на турския език, на която тук няма да се спирам. Наблюденията ми по отношение езика на изследваната група хора се различават от тези на Примовски предимно по отношение на фонетиката. Докато от текстовете на Примовски се вижда, че става въпрос за преобладаващ *o*-говор (по-вероятно дори *ô*-говор), с десетина *a*-изключения, моят материал показва, че агуптите в Мадан сега използват изключително родопски *a*-говор (като се абстрахираме от примерите с вероятно книжовен *ъ*-изговор, който в някои случаи може да се дължи и на влиянието на съседните родопски *ъ*-говори, примерно на златоградския).

Причините за тези разлики може да са две. Или роденият в Устово Примовски, който по рождение говори *ô*-диалект и не е филолог, малко е изопачил речта на агуптите, или в смесения тогава говор са настъпили промени през последния половин век, като *a*-подговорът се е наложил над *o*-подговора.

3. Особенности на агуптския родопски диалект според информацията на Примовски и моята собствена информация

Тук няма да правя подробно описание на споменатия български диалект, понеже статията разглежда явлението от социолингвистична гледна точка, а само ще приведа достатъчно на брой езикови доказателства, които да илюстрират изказаното по-горе от мен твърдение за наличието на специфичния социолингвистичен феномен и в градчето Мадан.

А. Информация от Анастас Примовски (Примовски 1955)

Тъй като Примовски е отбелязал, че агуптите нямат свой песенен фолклор, а и изследването е със социолингвистичен характер, от показаните песни взимаме само информацията, която се потвърждава и от останалия материал или е много специфична. Конкретната форма се отбелязва с НП (Народна песен) непосредствено след нея.

Фонетични особености

Примерите от цитирания автор ясно показват, че в повечето случаи рефлекс на старобългарската голяма носовка, малката носовка и на големия и малкия ер е *o*, евентуално *ô* (като в смолянския говор):

Рефлекс на ж: *рôки* 'ръце' – но: *ракîсе, н'а̀колко пòти* 'няколко пъти', *да са град'òт кòшти, нàшата кòшта, секòт* 'секат', *да са сакòт* 'да се секат', *дин'ò* 'свят' (обща форма от стар акузатив на **дин'а̀*), *махалò* 'махала' (обща форма от стар акузатив на **махалà*), *душòта* (обща форма от стар акузатив на **душà*), *зем'òса* 'земята' (обща форма от стар акузатив на **зем'а̀*), *бажòто* 'огнището' (обща форма от стар акузатив на **ба̀ца/ба̀жà*, но преосмислена в среден род), *двè прòчки, тòпан*;

Рефлекс на л: *гл'òдали, дèтену са загл'òдвалу, Аллàх ... зòл му душòна, да зòмат* 'да вземат', *гурòшитò жèлезò, трòска* 'трèска (болест)';

Рефлекс на стб. ъ: *сòн, като в сòн'а, като в сòне* 'като на съня', *слòнце, дл'òго врèме, дòну*;

Рефлекс на стб. ь: *отпòрву, л'òсно, сòрце*.

Както казах, в отделни случаи се наблюдава и рефлекс на споменатите гласни в *a*: *знàт* 'знаят' (в *ô*-диалектите е *знòт*), *са врàшта* 'връща се', *дошлò им на акàла, да ги крастòсат, мàйсторат, откадèто излìзал плàмак, вазварì ли брàдвата?* 'извари ли брадвата?', *дарвà*.

Като примери с ъ-рефлекс може да посочим: *пàзил си устал`ька за нèгу си, от с`ьщата махалò* и др.

В информацията на Примовски се наблюдава смесен рефлекс на ятовата гласна: *'a – e* (евентуално и *ê*): *б'а̀гали, н'а̀мало, н'а̀ма и да мòже, йа̀це* 'много', *н'а̀кой, н'а̀колко, байр'ам, б'а̀л, йа̀ аз*, но: *бèлу* 'бяло', *пиштèлу, врèме, жèлезò, пèsак, утпèва* 'отпява', *пèè* 'учи (някого)', *нèма, сèло голèмо* (НП), *секòт* 'секат'. Веднъж има и *a*: *да са сакòт дарвà*.

Други диалектни фонетични явления:

Редукция на неударено *o*: *пиштèлу, кувàч, бубайку ти* 'баща ти', *дèтену, жèл'азуто*;

Ударение на първата сричка при съществителни и при глаголни императивни форми: *дèте, жèлезò, жèл'азуто, турма* 'дим', *нèбону, тèsли, кàжи му, турì* 'сложи!';

По-особено ударение: *от Египèт, падàнето, останàли* (но *стàнало*), *са на докарàли* 'са ни докарали', *да им пèè* 'да им чете, да ги учи';

Акавизъм: *адно̀ агнѝво, кинѝта* 'каквото' (вместо *кинѝто*);

Меки съгласни: *мо̀т 'ките* 'мотиките', *о̀ган 'е* 'огънят', *мечѝт 'е* 'джамията', *л'упѝти* 'лопати', *кал 'не са, г̀дспод 'а*;

Преход *ѐ* → *ѝ* (като в павликянския говор или в говора на Припек, Джебелско): *да се ко̀ви, итѝи да са разбу̀лѝи*;

Преход *с* → *џ* (също типично родопско явление): *агѝџки* (но и *агѝпску*);

Преход *с/з* → *х*: *Стѝни ма, ма̀йчу, ра̀хчеши* (НП);

Употреба на *ж* вместо *џ* (типична за редица села в Златоградско и по други места): *в жандѝма, жѝнс* 'род', *жин 'асал* 'превърнал се в дух, джѝн', *в баж̀дто* 'в огнището', *кужѝ му̀ма* 'голяма мома' (НП), но: *х̀џата, ѝ̀џак* 'навярно';

Рефлекс на **tj*: *са не ф̀ата* 'не се хваща', *ф̀атат*, наред с *клѝште, гур̀дѝтото, детиш̀тата, са вр̀ашта, ко̀штити*.

Морфологични особености

Към тях се също се отнасят редица типично родопски характеристики.

Наличие на троен, при съществителните от мъжки род единствено число най-малкото петорен определителен член, като има *а*-вариант (*ма̀йсторат*) и *о*-вариант (*гарб̀дн, свет̀дс*):

- Член *-а*: *на боба̀ си* 'на баща си', *в жандѝма, занай̀тата, като в со̀н 'а* 'като на сън', *дошл̀д им на а̀кала, чилѝка* 'стоманата', *качам̀ака, г̀дспод 'а* 'г̀дспода';

- Член *-е*: *като ф̀ со̀не* 'като в съня', *о̀ган 'е не ги е па̀рил* 'огънят ...', *о̀ган 'е по̀чнал да ги па̀ри, о̀гане, мечѝт 'е* 'джамията';

- Член *-ат* (за м. р. ед. ч.) и други *т*-варианти за останалите форми: *ма̀йсторат, д'̀аволат; си бил пруд̀ал душ̀дта, ку̀зн 'ата* 'ковачницата', *на̀шата ко̀штита, буба̀йкоту* 'бащата', *агѝптете, рѝмлянете, ту̀ваините* 'тукашните', *ножѝнките* 'краката', *мо̀т 'ките* 'мотиките', *детиш̀тата*;

- Член *-н*: *гарб̀дн* 'гърбът', *Алла̀х ... з̀дл му душ̀дта, дѝтену, нѝбону и звѝздине, ку̀чето си кр̀ст̀дсалу н̀дгине, дру̀гине ма̀йсторе*;

- Член *-с*: *свет̀дс* 'светът', *на̀шишас занай̀ат, зем'̀дса* 'земята', *на̀шисе, клѝштесе, ра̀кѝсе*.

В някои случаи членът се употребява безразборно, без значение дали лицето или обектът, за които се говори, са близо или далеч: *си бил пруд̀ал душ̀дта – Алла̀х ... з̀дл му душ̀дта; пра̀щал дѝтето на мечѝт 'е – да нѐе. Дѝтену, налѝ е агѝпско дѝте, ѝ̀дѝце са загл'̀двалу; На̀шишас занай̀ат, ко̀ва̀чеството, е на̀й-важнѝа*.

Други морфологични особености:

Събирателни съществителни: *г̀дзде* 'гвоздеи';

Умалителни форми на съществителните: *ножѝнките, учѝнки* 'очички' (НП);

Уголемителни форми: *детиш̀тата*;

Окончание *-е* при съществителните от мъжки род множествено число: *агѝпте, агѝптете, рѝмлянете, ма̀йсторе, хай̀ванете* 'животните';

Тройна система при показателните местоимения и наречия: *айс̀дѝ да му ка̀жеши* 'така му кажи', *от нѝа жѝнс* 'от онзи род' и др.;

Форми за неопределено бъдеще време: *итѝи да са разбу̀лѝи* 'ще се разболееш', *пузн̀д ли итѝи си гу̀ ти?* 'ще го познаеш ли?' (НП);

Описателен отрицателен императив: *ним̀дѝ му ка̀зва*;

Форми за синтетично условно наклонение :

- *Ам да си ти дойде л'убено, пузнà ли итйиш си гу тй?*

- *Пузнàвам си гу, познàвам 'бих го познала' (НП);*

Специфични местоимения: *йà 'аз', врит 'всички', пàзил си устал`ька за нèгу си 'пазил майсторлък си за себе си', Мìнка на межò варвèше с нèхина стàра мàйчица '... със своята стара майка' (НП), ... та си хи пòтен присечè 'и пътя ù пресечè' (НП);*

Числителни: *аднòш 'веднъж', адйн, аднò куче, аднò агнйво, аднГ време, двè прòчки железà, д'òрт 'четири' (от турски);*

Специфични предлози: *кадè Мас`ър 'към Египет', упрèш байр`ам 'преди байрям', Утре нивèста тòрнувам нах Топуклù сèло голèмо (НП);*

Синтактични особености

Тук ще изброя различни видове сложни или само подчинителни изречения: *Агуптина, агà стàнал цар, убèсил най-прèш бубайка си 'щом станал цар, агуптинът първо обесил баща си'; ... агà са пойавил '... когато се появил'; агà злезеш от мечит`е ... 'когато излезеш от джамията ...'; ... гà дошлò време '... когато дошло време'; ... га н`àкой мàйстор приближавал '... когато приближавал някой майстор'; и му разпрàвило всйчко, кинàта му кàзал д'àвола 'и му разказало всичко, каквото му казал дяволът'; Нàшияс занайàт е от гòспод`а благословèн, òти сàмо на свòите рòки чàкаш '... защото само от ръцете си чакаш'; Агуптин га има петмès, та гу сòн ни фàта; Агупки, аку гл`òдаш ф сòне, бòлес ще има, пак ку та хàлат, чи итйиш да са разбулèиш 'ако сънуваш агуптки, ще има болест, а ако те бият, ще се разболееш'.*

Лексика

Тук могат да се изброят следните думи: *айол (обръщение към дете – 'синко'), àнцак 'навярно', в бажòто 'в огнището', бобà ти/ бубайку ти 'баща ти', буднòш 'някога', вазварй ли брàдвата? 'извари ли брадвата?', дин`ò 'свят', дүфàло 'духало', èвар и лòш цар 'буен и лош цар', дèтено са запр`алу 'детето спряло', аднò куче избербèтило са е д'òрт будàк,³⁸ йàце 'много', на йòрза 'на наковалнята', казмй 'кирки', кинà(та) 'какво(то)', кұзн`а 'ковачница', се кутех 'растях', л`уде 'хора', най-напрèш 'най-напред', сме го наилй 'намерихме го', кучето си кръстòсалу нòгине, ножйнки 'крака', òти 'защо(то)', откòле'отдавна', да им пèè 'да им чете, да ги учи', пèтали'подкови', подумвал 'казвал', садè 'само', себèп 'причина', түваишните 'тукашните', түри 'сложи!', түрма 'дим', уклунйл са е 'замислил се е', бòрже са усаб`àвали 'бързо се изхажявали', хайвàнете 'животните', хàлат 'бият', хàркомата 'бакъра', хàсул 'всщност', чил`ак 'човек', чилйк 'стомана', чүем 'чувам или чуваме'.*

Б. Моя собствена информация

Информацията от моя запис, в който главен участник е Шукри Карамисиров от Мадан, роден през 1932 година.

Фонетични особености

³⁸ Точното изречение на този израз не ми е ясно. Познавач на родопските диалекти ми обясни, че в Златоградско *избербèтил са е* се използва за мъж, който е станал гей. Възможно е в случая кучето да си е кръстосало краката по необичаен начин, да се е разчекнало. *Д'òрт будàк* на турски буквално означава четири клона, което вероятно е някакво сравнение за кучешките крака.

Както казах по-горе, основният рефлекс на четирите старобългарски гласни е *a*, на с алофони (*a:*, *ǎ*).

Рефлекс на ж: *сме вървѣли пǎ:т ду Чипеларе, пу пǎт ъ, ѿдѣт, ку мѣ пустѣни чувѣшки, но: двѣ пǎти*;

Рефлекс на ж: *гл'адѣх, да ѿа гл'адѣши, нѣмѣ ко дѣ з'амии, з'а пѣрите, дѣ ги з'а:ме, не з'ахѣ, з'амии си адѣн хл'ан* (но и дѣ зѣма цѣревица);

Рефлекс на ъ: *слѣнцено*;

Рефлекс на ъ: *пѣрвите в Мѣдѣн сме нѣ, пѣрву сме нѣ душилѣ тѣка, л'асну, л'асно, крѣвете съ пѣ-л'асну гл'адѣт*.

Срещ се и ъ-рефлекс: *к ъшти, м ъши, , вр ъх, п ървите*.

И тук при рефлекса на ѣ има варианти, но от аудитивния материал ясно личи, че екавият изговор преобладава, като действително има и редица случаи, когато се пази старото произношение като широко *ѣ* и дори като свръхшироко *ǎ*, което вероятно е преходен етап в промяната към *'a*.

ѣ → *ѣ*: *трѣва 'трябва', бѣх, тѣ бѣха, бѣхѣ, избѣгѣ, бѣгѣх, нѣма, ѣ 'аз', имѣх, измр'ѣха, Бѣл извор, шѣ нѣмѣриши, спѣхме, Аламѣфскѣ рѣкѣ, умрѣ'*;

ѣ → *е*: *имѣхме, имѣше, рѣбота имѣ, нѣмаши, нѣмѣхме, нѣмѣхме нѣмѣше, нѣшту, млѣко, млѣку, гулѣми, гулѣмѣ, гулѣмиет, избѣгѣ 'избягах', гурѣхме, ѣ 'аз', ѿа бѣх, ѿа бѣ фѣф рѣдникѣ, мѣн мѣ бѣ стрѣ, излѣзѣме нѣ дивѣти септѣмври, нѣкъде, бѣгаа ..., и бегѣл, мѣсту, цѣл чувѣл, смѣна нѣ стѣрите пѣри, Бѣйрѣмѣ*;

ѣ → *ǎ*: *с'ǎмету*;

ѣ → *'a*: *ѿа 'аз', ср'ǎшинѣх, къд'ǎ, Бѣйр'ǎмѣн*.

В говора на маданските агупти се срещат и редица специфични звукове:

Еры: *п ѣтнѣлу 'смачкало, блѣснало'*. Не е изключено и в два от примерите на Примовски да го им същия звук: *усаб'ǎвали 'изхабявали', хǎсул 'всѣщност'*. Възможно е изследователят или да го е възприел като *у*, защото не е характерен за смолянския говор, или пък да има преход *ѣ* → *у*, какъвто се среща и в други родопски говори.

Ларингално *h*: *бѣ^hме, бѣ^hхѣ, гурѣ^hме, ѿште^hа 'искаха, тѣрсѣха', влѣзнѣхѣ, хѣрѣ, адѣн хл'ан*.

В изследвания говор се наблюдава и преглас *'a* → *е*: *чѣк 'чак', чѣ-е-к 'чак (емоционално)', тѣе 'тоя', едѣт 'ядат', едѣа 'ядяха', чѣн 'чан', чѣнове, сме ѣли, езѣвѣр*.

Преходът *ѣ* → *ѿ* също е представен: *ни сме нѣ ѣтѣка 'ние не сме ѣтѣк'*.

А също и преход *ǎ* → *ѣ* (какъвто има, примерно, в девесилския или дранговския говори): *зѣмин ѣши*.

За разлика от Примовски, редуцията тук се среща при всички неударени тесни гласни: *ду читвѣрти клѣс, дубѣтѣк, усимдѣсѣ кузи, завѣвами, четвѣртѣ, пѣртизѣнитѣ, бѣгѣх, л'асну, аку ѿмѣши пѣри, сирѣчкѣ 'момиче сирѣче', Ёрма рѣка*.

Макар и само с един пример, е засвидетелстван и акавизъм: *куманѣзма*.

Ударение на първата сричка при съществителни и глаголи, включително императивни форми: *млѣко, тѣрби; дѣйде зѣнувет, дѣйдеа 'дойдоха'; вѣри дѣнси хл'аб*.

Специфично родопско ударение има във формите *нѣмѣше, нѣмѣхме, нѣмѣхме, имѣхме, имѣше, имѣх, имѣ*. Вариации в аористното ударение има примерно в *бѣгаа – бегѣл*.

Типична родопска черта е и удареният квантитет: *умрѣ:за, шѣ свѣ:риши, зѣпѣ:лиме 'запалихме', дѣ ги з'а:ме*.

Меки съгласни има в примерите: *ф Мѣдѣнет', трѣ дѣн ѣ*.

И тук има промяна *и* → *ж*: *жъм̀иите* (2 пъти), наред с *Кърм̀џиите* (родово име), *К̀рѝгли*.

Среща се и обратната замяна (много характерна за говора на село Триград, Девинско, но и срещаща се и по други места, примерно в Припек, Джебелско): *не мо̀џиш* 'не можеш'.

А също и *г* → *к* (също засвидетелствана в Припек): *курб̀ет* 'гурбет'.

Или промяната *с* → *ц*: *п̀енциџ*, *бр̀ни* 'бронз'.

От промените на групи съгласни може да се отбележи промяната *дн* → *нн*: *па̀ннџ* 'падна'.

За **tj* тук има по-голямо разнообразие: *ги ф̀ат* 'хващам ги', *сџ вр̀шкџаме*, *ср̀а̀шнџх*, *џиите^{ha}* 'искаха, търсеха да ядат'.

Морфологични особености

При членуването на съществителните от мъжки род, наред с член *-а* (*куман̀изма*), се наблюдава и член *-џ* (*па̀т* 'џ', *вла̀кџ*, *кура̀нџ*, *ру̀дниџ*, *Бџ̀ир̀емџ*). Няма случаи с член *-е*, но има с *-ет* (*ф* *Мџ̀да̀нет*, *гу̀лемџет*). Освен това при прилагателните има и контрахиран член (*до Пуп̀ла̀нова ха̀н* – [на] *Г̀орки Пџ̀п̀ла̀нуф*). В записа липсват и форми с член *-с*, но има с член *-т* (*вуй̀на̀тџ*, *кра̀вете*, *ку̀зите*, *жџ̀миите*, *п̀р̀тиза̀нити*, *п̀р̀тиза̀нете*, *имина̀тџ*) и с член *-н*, който в един и същ контекст с редува с *-т* (*Нѐ му сме пра̀веле ха̀нџн* 'ние му правихме хана', *дџ изгур̀иш нџ сла̀нџено*, *сѐмену ут пра̀соту сџм е(л)* ... *с̀а̀мету*, *Бџ̀ир̀а̀мџн*).

При плуралните форми отново има окончание *-е* за мъжки род (*п̀р̀тиза̀не*, *п̀р̀тиза̀нете*, *тит* 'џне'), както и за женски (*кра̀ве*, *гуд̀ине*). Събирателна форма е *б̀лгарџе* 'българи'.

Формите на личните местоимения за 1 лице единствено число са: *џа̀*, *ѐ*, *ѐ* 'аз', а за 1 лице множествено има *нѐ/нѐ*: *нѐ сме ду̀шл̀е ра̀но*, ... *нѐ сме ут Ег̀ипет!*; *нѐ*: *а̀сџл кум̀андџме Мџ̀да̀н!* Родително-винителната кратка форма за множествено число, наред с *ги*, е *и*: *ги ф̀ат* 'џ', *завџ̀вами ги сџс ка̀л*, *увџ̀ваме ги*, *ту̀га̀ва и гур̀ехме* 'тогава ги горяхме', *трѐва да и вѝдим* 'трябва да ги видим'. Дателната форма за 3 лице множествено число е *ни*: *имина̀тџ ни па̀мн* 'џ имената им помня'.

От показателните местоимения може да се покажат следните примери: *џѝчофџите сџ̀џку са̀ раб̀отили тџа̀*, *тџа̀ гу зна̀е то̀е*, *то̀џ вр̀х*, *џит̀евџ села̀*, *ейна̀ка̀нџ гу̀лем м̀иш* 'толкова голям мъж'.

От обобщителните форми имаме *вр̀ит* 'всички', както и неизменяема обща форма *сџ̀џку* 'всички': *џѝчофџите*, *сџ̀џку са̀ раб̀отили тџа̀*.

При числителните отново могат да се покажат типичните родопски форми *адѝн вѝка*, *адѝн хл̀а̀п*, *адѝн хл̀а̀п*, *анна̀ ку̀ла̀*.

При презентните глаголни форми в 1 лице единствено число се среща окончание *-е*: *дџ ка̀же* 'да кажа', *па̀мне* 'помня', *ду̀нес̀е* 'да донеса'. В 1 лице множествено число има *нѝшеме*, *ни мо̀џме сџ пу̀зна̀џме* 'не можем да се познаем', а в 3 лице множествено се отбелязва *дџ сџ зџ̀тв̀орет* 'да се затворят'.

Футурът се образув с *ша*, *шџ*: *ша та нѝшеме*, *шџ а̀а̀пнеиш*, *шџ нџм̀ериш*, *ѐ шџ му ду̀нес̀е* (*хляб*), *шџ сва̀риши*, при отрицанието се използва, да речем, *нѐма џ сџ прѝџмџт*.

В аористните форми от окончанието често се изпуска *-х*: *џа̀ изл̀а̀зџ с ку̀зите*, *нџра̀ни* 'нахраних', *џа̀ изб̀егџ*, *изб̀егџ* 'избягах', *им̀ех*, *са̀му а̀с уста̀нџ*, *џа̀ б̀е фџ̀ф ру̀дниџџ*. За останалит лица и числа има: *до̀џда̀аме ту̀џџ*, *изл̀ез̀џме нџ див̀ети сеп̀т̀ември*, *утѝдџме в жџ̀миите*, *вл̀езнџнџ*, *измр̀ѐха*.

Типична родопска особеност е и използването на перфект вместо вместо аорист: *нѐ му сме пра̀веле ха̀нџн* 'ние му правихме хана'.

В имперфект също може да се изпусне -х (*ейтѹв ги прикарва йа кузѹте*), като това може да не води до удължаване на предходната съгласна: *ходѹме* 'ходехме', *правѹме т'умбелѹци, вѹрзуахѹме* 'връзвахме', *гурѹхѹме, тѹ не едѹа*.

Има една форма за бъдеще в миналото: *итѹе дѹ б□(да)* 'щях да бъда'.

Отрицателният императив и тук е като у Примовски: *тѹ немѹй пѹта*.

От причастните форми може да се покажат *правѹе* и *душлѹ* (заедно с *душлѹи*).

Срещат се и специфични предлози: *аз дубѹйтѹк 'с добитѹк', ѹскаа дѹ ми пѹшит ѹф ѹтѹкѹ* 'искаха да ме пишат за ятак', *ша та пѹшеме фѹф етѹкѹ, трѹ сѹдмици нѹзѹт* 'преди три седмици'.

Синтактични особености

Тук има редица примери с диалектен словоред: *пѹнциѹѹ гулѹмѹ, гу фѹшитѹт тугѹвѹ пулѹциѹѹтѹ злѹтугрѹтскѹ, ѹмѹ тѹкѹ рѹбѹтѹ гулѹмѹ, с'ѹ сме рѹт гулѹм, нѹ му сме правѹе хѹнѹн* 'ние му правихме хана', *пѹрву сме нѹ душлѹ тѹка, дѹ гу сме нѹ скрѹли* 'да не сме го скрили', *нѹ сме нѹ оттѹка* 'ние не сме оттук', *сѹму еднѹта нугѹ му са видѹли*.

Във втория показан пример (*гу фѹшитѹт тугѹвѹ пулѹциѹѹтѹ злѹтугрѹтскѹ*) има и интересно съгласуване по число.

В един случай се използва частица за подчертаване на лично отношение *кѹ*, вариант на по-често срещаната *ки*: *Штѹм нѹма фурѹш, тѹ не едѹа, кѹ (= ки)*.

Изобилстват и типовете сложни изречения: *Гурѹхѹме, та ги правѹехѹме; Правѹеме чѹнове, та продѹваа; Ё, ма не нѹпѹсаа, мѹ йѹ избѹгѹ; ... и бегѹл, ѹмѹ гу сѹтне (хванаха)...*; *Аѹ ѹмѹш пѹрѹ, шѹ аѹпнеш нѹкѹде. Ку нѹмаш, нѹкой не мѹсли зѹ тѹп; Ё шѹ му дунесѹ (хляб), ку мѹ пѹстѹпи чувѹшки ...; Сѹму еднѹта нугѹ му са видѹли, кугѹнѹ му е п'ѹтналу ѹт минохвѹргѹчкѹтѹ* 'само единия му крак са видели, когато го е смачкала минохвѹргѹчката'; *Гѹ излѹзаа, вѹкат: „Вѹри дѹнси хл'ѹб; Гѹту прит см'ѹнѹ нѹ пѹрѹте ...; Дутѹкѹ ми дѹйде, дугѹ ѹдѹ дутѹм; И гѹ утѹдѹме, инспѹктурѹ нѹ бѹнкѹтѹ кѹзѹ ...; ... ѹти имѹме нѹ фрѹнтѹ чувѹк* 'защото имахме човек на фронта'; *... ѹт (някой) ѹкѹ – сѹму енн□ бѹнкѹ устѹнѹлѹ ...* 'защото някой вика ...'.

Лексика

И тук диалектната лексика изобилства: *ѹи(р)* 'не', *бѹѹт ѹбу, нѹ: ѹсѹл кумѹндѹвѹме, сѹ вдѹгѹме* 'местим се (на друго място)', *вѹннѹ* 'заедно', *ейтѹф* 'тук', *сѹ крѹти* 'сврши, приключи', *курбѹт* 'гурбет', *мухубѹт* 'гощавка', *нугѹ* 'крак', *нѹшитѹс* 'нощес', *ѹт(и)* 'защо(то)', *пѹдим* 'отиваме', *пѹрмаѹцити нѹ ... прузѹриѹѹ* 'железни прѹчки от решетката на прозорец', *п'ѹтналу* 'смачкало, блѹснало', *рѹкаме* 'викаме, каним', *сѹтне* 'после', *сирѹчкѹ* 'момиче сираче', *т'умбелѹк* 'чан, звѹнец', *ѹйку* 'вуйчо', *чамѹр* 'кал', *ѹз□р живѹт* 'лесен живот, живот наготово'.

При съпоставката на данните от Примовски и от мен основните нефонетични разлики са използването на личното местоимение *нѹе* (вместо *нѹ/нѹ:*) от него и футурната частица *итѹ* вместо *ша, шѹ*. Това вероятно се дължи на непрецизното му отношение и идеализирането на споменатите форми.

Изводи

Представянето на материала, което съвсем не се оказа кратко, както в началото предполагах, доказва недвусмислено виждането ми за характера на използваната от маданските агупти форма на българския език, а именно диалектна такава (понеже работата се оказа достатъчно обемна, целия текст на записа, както и текстовете от Примовски ще покажа на друго място). И обемът на диалектизмите, и разнородността им ясно показва, че тук не става въпрос за случайно употребени в речта на агуптите диалектни звукове, форми

и синтактични единици, а за системно използване на диалекта като основно средство за изразяване и комуникация.

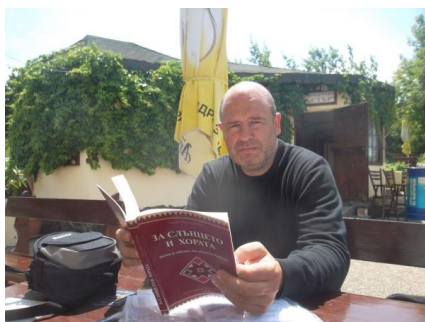
Библиография

Илиев 2019: Илиев, Ив. Г. Малцинствена социоллингвистика. За една социоллингвистична тенденция сред малцинствата в България. В: Онгъл. 16, 2019: 103-117.

Илиев 2020: Илиев, Ив. Г. Малцинствена социоллингвистика. С приме от Чакаларово, Кърджалийско. В: Граматика на духа. Сборник в чест на доц. д-р Любка Стоичкова по случай нейната 70-годишнина. Университетско издателство „Св. св. Кирил и Методий“. Велико Търново. 2020: 241-250.

Примовски 1955: Примовски, Ат. Ковачите агупти от град Мадан. В: Известия на етнографския институт с музей. 2. 1955. Издание на БАН. София. 217-261.

Примовски 1973: Примовски, Ат. Бит и култура на родопските българи. Материална култура. В: Сборник за народни умотворения и народопис. LIV, 1973, с. 5-605.

ИЛИЕВ, Иван Г., доц. д-р, Пловдивски университет, филиал Кърджали, Република България – ivan_iliev20002000@yahoo.com

ГЕОРГИЕВА, Маргарита, асистент, Пловдивски университет, филиал Кърджали, Република България – mrg2002@abv.bg

ПО СЛЕДИТЕ НА ТРОЯНСКИЯ ГОВОР В УКРАИНА

Резюме: *В статията се прави опит за проследяване миграцията на троянския говор в Украйна (с изходна точка село Стар Троян, Килийско), като се дава кратка или по-обширна информация за особеностите му в няколко селища.*

Ключови думи: *български диалекти, Украйна, троянски говор.*

1. УВОД

Целта на статията е да се проследят миграцията и особеностите на троянския говор в Украйна – с изходна точка село (Стар) Троян, Килийско. Макар досега да не е изказвано становище, че той е пренесен в Бесарабия от село Троян, Симеоновградско (България), нашата презентация ще започне именно с описание на особеностите на говора на последното село. Той не е представен в Българския диалектен атлас (БДА 1964). В атласа има данни за съседните на Троян, Симеоновградско, села Навъсен, Дряново, Свирково, чиито говори са близки до неговия. У Илиев и Георгиева (Илиев, Георгиева 2018) бе обосновано съществуването на т. нар. маришко-сакарски макродиалект между Симеоновград и Тополовград, към който спада и село Главан, Харманлийско, от което се образува село Главан(и), Арциско. Най-вероятно, съдейки по диалекта им, от същия регион са мигрирали в Бесарабия и българите в Стар Троян.³⁹ Не е случайно, че между старотроянския и главанския говори

³⁹ В статията за село Троян, Симеоновградско, в Уикипедия (Троян) се прави намек, че от въпросното село, чието старо име е Османли, има изселници в Бесарабия (възможно е да се има предвид Стар Троян), но информацията в посочения източник не е достатъчно ясна. Ето какво пише там: *Старото име на селото е Османли. През 1829 година името Троян в Бесарабия преселниците дават на така наречения Троянов вали или Троянов път - старинен и таинствен паметник от римско-дакски времена. Названието е дадено от българи, които се изселват през 1829 година от село Стари Трояни, край което минава така нареченият Долен Троянов вал и които покръстват новото село в памет за своето предишно местопребиваване.* Явно е, че в цитираната статия се прави някаква връзка между село Троян в Югоизточна България и село (Стар) Троян в Бесарабия. Сред жителите на Троян, Симеоновградско (информаторът, с когото бе разговаряно, се казва Койчо Чобанов), също съществува информация, че изселници от тяхното село поради притеснения от турците са се изселили на север и основали „село Нов Троян в Молдовата”.

в Бесарабия има общи особености: *шòпа* 'шепа', *н`ъш* 'нощ', *мòми* 'моми', *тòо* 'този', *тàа* 'тази' (АБГСССР 1958а: 39), към които може да се добавят и други – примерно кратката винителна форма *га* 'я' при личните местоимения, футурната частица *жъ*, която в Главани е само рядък архаизъм, неспоменатата в атласа фонетична промяна *à* → `ъ и др. Освен споменатите две селища, в посочения регион има и редица други, които (независимо от срещашите се във всяко село специфични говорни особености) споделят някои общи за макродиалекта черти. Говорите на селата в споменатия микродиалект са изключително смесени и разнообразни, като различните им особености преливат от село в село на не съвсем плавен принцип.

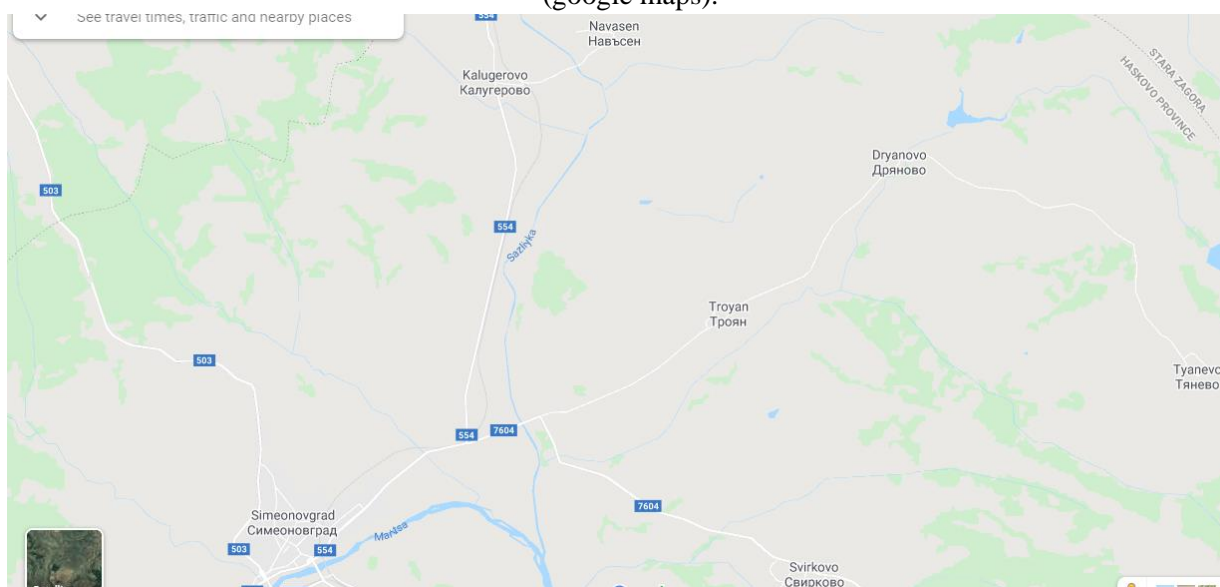
2. ГОВОРЪТ НА СЕЛО ТРОЯН, СИМЕОНОВГРАДСКО

Показаната тук информация за говора на село Троян, Симеоновградско, е събрана от нас. Важна отлика на говорите в Маришко-сакарския регион е споменатата по-горе фонетична промяна *à* → `ъ. За говора на Троян явлението може да се илюстрира със следния пример: *ц`ъл`ден`п`ълни`к`ъшти* ('стаи') *със`хòръ*. Други фонетични особености на автентичния троянски говор са развоят *ѣ* → 'а (*инò`вр`ами*, *бугàт`б`аши*, *мълàчитъ`гул`ами*, *б`алички*, също и *б`аръ`бера*); редукцията *е* → `ъ (*сèтн`ъ*, *йà`тукъ`съ`ужèн`ъ`аз`тук`се`ожених`*, *рàбут`ъхми*, *чубàн`ън*); група *ър* (*п`ържим*, *б`ързъ*, *държй*); промяната *х* → *ф* в глаголни окончания (*дòйдъф`тукъна*); красловната и среднословна мекост на съгласните (*идин`дèн`*, *плл`нъ`пълня`*, *к`ъл`цъми*, *нъ`пъшкъл`читъ`стàнвъ*, *сòл`*); изпускане на съгласни и на цели срички (*удà`вода`*, *дъ`дòйти`да`дойдете`*); ударение на началната сричка при глаголите от сегашно време (*б`аръ`бера`*, *жъ`умре`ще`умра`*, *рàбут`ъхми*, *н`амъ`дъ`рàбут`ъ*, *дòн`ъ`донеса`*, *зàн`ъ`занеса`*); ударение на последната сричка в аористните форми на някои глаголи (*стънах`чубàн`ън*).

Не е изключено тази информация да е късна, легендарна и базирана на логически разсъждения: тъй като в България съществува село Троян, откъдето има изселници в Бесарабия, логично е село Нов Троян там (като на практика се има предвид село Стар Троян) да е основано от нашите троянци. В Бесарабия едва ли има българско селище с изцяло хомогенна група заселници, дори когато има съвпадение между селищните названия в България и Бесарабия, и Главан е типичен пример (освен това жителите на т. нар. главански села в Източния Балкан на практика са от съседни на Главан селища). Безспорно е обаче, че наличната информация за старотроянския говор в Бесарабия показва, че става въпрос за югоизточнобългарски говор от маришко-сакарски тип (каквото е този в Троян, Симеоновградско), а не за балкански, затова хипотезите за пряк произход на старотроянското население от днешния балкански град Троян (вж. у Вòйникова 2008: 187) са несъстоятелни. Съдейки по името Минечево (старо име на сакарското село Орлов дол, недалеч от Троян, Симеоновградско), употребявано успоредно с Троян и Стария Троян от старотроянци за назоваване на Стар Троян (Пак там: 170, 188), може да се допусне, че поне част от тях не е изключено да са дошли от въпросното Минечево, днес Орлов дол, където също се говори маришко-сакарско наречие. Интересно е, че в статията за Орлов дол в Уикипедия (Орлов дол) пише, че селото е заселено от българи, дошли откъм балканския Троян (!) след потушаването на Първото Търновско въстание през 1598 г. (възможно е в местните легенди сведенията за римския император Траян и за вероятно преселение откъм балканското селище Троян да са се наслоили едно върху друго). Ако това е вярно, явно тези българи от Балкана вече отдавна са възприели местния маришко-сакарски диалект. Днес говорите на селата Троян, Орлов дол и Главан, независимо от някои разлики, споделят доста общи особености (вж. Илиев, Георгиева – Под печат).

Местоположение на село Троян, Симеоновградско (google maps).

Симеоновградският регион със село Троян (google maps).

Към морфологичните особености на троянския говор спадат използването на футурна частица *жъ*, *жи*, *ж* (*жъ идъ*, *ж идъ*, *ѹтре жъ ѹмре* 'ще умра', *жи дѡн'ъ* 'ще донеса', *жи зѡн'ъ* 'ще занеса'), както и на кратка местоименна винителна форма за ж. р. ед. ч. *гъ* (*дѡй ми гъ*, *узм'ѡнкѡта д'ѡдѹту гъ прѡй* 'осмянката мъжът ми я прави'); плурална дателна форма на личните местоимения *н(и)* 'им', която може би идва от по-стара **хни* (*удѡ жи н дѡн'ъ* 'вода ще им донеса', *удѡ жи ни зѡн'ъ* 'вода ще им занеса'); съществителни от ж. р. ед. ч. *-а* основа на *-а* (*удѡ* 'вода'), контрахирани презентни глаголни форми (*дѡн'ъ* 'донеса', *зѡн'ъ* 'занеса'), плурални съществителни от ср. род от типа *кѹчетта*.

От синтактичните особености на говора може да се спомене употребата на съчинителен съединителен съюз *чи* 'и', а също и описателния отрицателен императив с *немой* (*нимѡй с'ѡдъ* 'не сядай').

Лексикална особеност на троянския говор е използването на думи като *бунѡлкъ* 'вилаца', *гирмид'ѡл'* 'охлов', мн. ч. – *гирмид'ѡли*, *узм'ѡнкъ* 'коледа', 'колене на прасе' (като в някои бесарабски села): *дъ дѡйти нъ узм'ѡнкъ!* 'елате на прасе' и др.

3. ГОВОРЪТ НА СЕЛО (СТАР) ТРОЯН, БЕСАРАБИЯ

Известно е (АБГСССР 1958а: 12), че изселници от Южна България основали споменатото бесарабско село Троян(и), Килийско, което по-късно става Стар Троян (вж. по-долу). В самия Стар Троян населението не било еднородно (Пак там: 16). Навремето в селището дошли две групи българи, които говорели на два различни тракийски говора (Пак там: 40). В Троян имало и гагаузи,

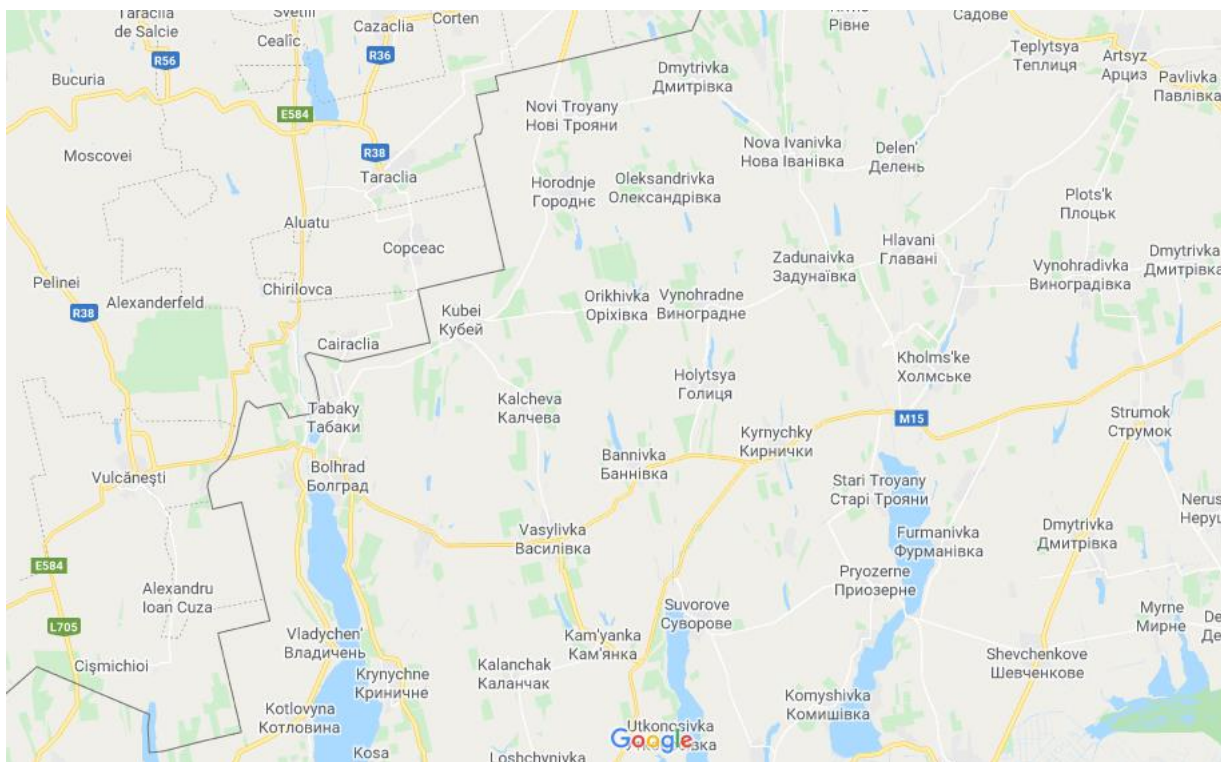
които постепенно станали мнозинство (Пак там: 13,15) и погълнали българското население, макар мнозина от тях сега да са двуезични (Лична информация).

Селата Стар(и) Троян(и) и Нов(и) Троян(и) (Уикипедия).

В АБГСССР (АБГСССР 1958б) са показани основните особености на (старо)троянския говор: рефлекс на старобългарската голяма носовка (ж) и на големия ер в ъ/ǫ (според АБГСССР 1958б: 27 – ǫ е (ударен) звук между а и ъ, като английския звук ^ в *cut* 'режа' – б. н. – Ив. Ил., М. Г.); рефлекс на старобългарския ят в 'а: (*нид'ǫл'а, вр'ǫми, с'ǫми, л'ǫто – л'ǫтен, н'ǫшту*); липса на преглас а → е след меки съгласни (*жа̀ба-жа̀би, ча̀ша-ча̀ши, ша̀пки, Стой̀ане*); група рь (*бр'ьзам, зр'ьно*); местоимение га 'я'; член -ъ/-а за м. р. ед. ч. на съществителните и член от типа *гу̀лѐмиѹ* (по-скоро *гу̀л'ǫмиѹ*) при прилагателните; бъдеще време с *же, жь, ше, ште*; глаголи в сегашно време, завършващи на -а (*пер̀а, плет̀а*); лексеми (думи) като *фтѹчка/фтѹчи, хуртѹвам* 'говоря', *гьлч̀а* 'говоря', *стър̀ни* 'бузи'.⁴⁰

⁴⁰ Вижда се, че наред с общите особености между говорите в Троян, Симеоновградско, и Стар Троян, Килийско, има и разлики: в групата ър (в българското селище) и рь (в бесарабското); в ударението и окончанието на някои глаголи (*б'ǫрь* в българския Троян и предполагаемо по логически път *бир̀д* в бесарабския Троян, което е подбалканска особеност). Тези разлики може да се дължат на първоначалното наличие на два български говора в бесарабския (Стар) Троян. Ако единият от тях очевидно е бил маришко-сакарски, другият ще да е бил от района на Загорския клин в Елховско.

Карта на Бесарабия със селата Стар и Нов Троян (google maps).

Информацията за (старо)троянския говор в Атласа обаче вече е остаряла. В момента там се развиват изключително интересни социолингвистични процеси, като на практика в селото се формира една смесена многоезична гагаузко-българска общност (някои от старите хора говорят гагаузки, български, руски, румънски, украински – образец от български говор на селото може да се чуе в [youtube.com](https://www.youtube.com) – *Българският език на малцинствата: гагаузите от Стар Троян, Бесарабия*). Поради честите смесени бракове с българи от съседни села българският говор в селото вече се различава от описанието в АБГСССР.

Църквата в Стар Троян (Уикипедия) и с кмета на село Стар Троян, Килийско (вляво), гагаузин по произход.

3. ГОВОРЪТ НА СЕЛО НОВ ТРОЯН, БЕСАРАБИЯ

На север от голямото българско бесарабско село Чийший (Городне) през 1829-30 г. възникнало село Нов(и) Троян(и), Болградско, след което Троян, Килийско, започва да се нарича Стар Троян. Населението на Нов Троян е смесено – балканци и тракийци (АБГСССР 1958а: 14), като същото се отнася и за неговия говор (Пак там: 40). Част от неговите жители идва от Стар Троян (Войникова 2008: 170, 187). Основните особености на новотроянския смесен говор според Атласа (АБГСССР

1958б; АБГСССР 1958а: 40) са следните: рефлекс на старобългарската голяма носовка (ж) и големия ер в ъ/а; рефлекс на старобългарската ятова гласна (ѣ) в е/а (*недел'а, вре́ми, се́ми, не́шту, л'ато - л'а́тен*); редуване на случаи с преглас и без преглас 'а → е (*жа́ба – жа́би/жа́би, ча́ши/ча́ши, ша́пки/ша́пки*); група рь (*бр'ъзам, зр'ъно*); член -ь/-а за м. р. ед. ч. на съществителните и член от типа *гулѐмиѣ* при прилагателните; кратка винителна личноместоименна форма за ж. р. а 'я' (но ние се натъкнахме изключително на форма *га* – вж. по-долу); презент на -ь (*пер'ъ, плет'ъ*); футур с *ше, же, жъ*; лексеми като *гълча, бу́зи, фти́чка/фти́чи*.

По лични наблюдения можем да добавим следните особености на новотроянския говор, някои от които, както посочихме, не съвпадат с показаното в Атласа: *д'а́ца 'деца'*, но *ре́жиши* (относно рефлекса на ятовата гласна); начално ударение в глаголи (*дъ гу су́шъ 'да го суша', ре́диши*) (*се́стри, ме́су, но мисо́ту*); случаи с фонетична промяна *а → ъ* (*ни зн'ъм/ни зн'ам, туг'ъвъ, сиг'ъ, к'ък*); преобладаващо затвърдели глаголни окончания (*ръбо́тъ, пра́вѣт/пра́йѣт, п'ълнѣт, ко́лѣт, па́лѣт, пра́вѣт, а́с о́дѣ 'ходя'*); преобладаваща група рь (*дрѣ́жи, нѣ́стр'ъжиши гу, пр'ѣ́внийѣ п'ѣт, тр'ѣ́къши, гу убр'ѣ́къѣт, но та́а ст'ѣ́рнѣ*); член за м. р. ед. ч. на съществителните от м. р. -ь (*син'ъ, принеси́ нѣ́жъ, збо́ръ, стѣ́н', ф са́чѣ, арма́н'ъ 'градината', ба́урѣ 'кървавицата', мъ́ж'ъ*); членуване имена на държави и градове (*Рум'ѣ́нийѣтѣ, Бо́лградѣ*); наличие на бройни форми при съществителните (*че́тири йу́рганѣ, дистѣ́нѣ де́н'ѣ*); футурни частици *и, иѣ, ж, жѣ* (*ко́й и ти о́ди дѣ́ кѣ́лидѣ́въ?, с'а́ и ти ка́жѣ, иѣ́ рѣ́бо́тиши, жѣ́ ути́ѣм, жѣ́ б'ѣ́дѣ, жѣ́ рѣ́бо́тъ, де́ жѣ́ иши?*); кратка винителна личноместоименна форма за ж. р. *гѣ* (*на́скѣ́тѣ у́буѣ́ гѣ́ прѣ́знѣ́въми, и́мѣ́ гѣ́ кнѣ́гѣ́тѣ, ти́къѣ́ гѣ́ нѣ́стр'ѣ́ши и гѣ́ р'ѣ́сим*); кратка дателна местоименна форма за ж. р. ед. ч. *и* (*ту́ргѣ́ши и за́ѣр слагаш ѣ́ захар*); липса на мъжколични числителни форми в някои случаи (*дѣ́вѣ́тѣ (зѣ́тя) сѣ́ б'ѣ́лѣ́гри*); аорист с ударение на последната сричка с редуващи се противоположни форми (*глида́ѣми/гле́дѣ́ѣми, ту́ргайми, дува́д'аа, дѣ́ва́ѣ 'давах', прѣ́вѣ́ѣми, пѣ́лѣ́ѣ, а́с сѣ́ жѣ́ниѣ́ѣ, тѣ́ка́ѣми, прѣ́дѣ́ѣми*); специфични предлози (*нѣ́прѣ́ж вуйна́тѣ 'преди войната'*); специфична лексика (*пу б'ѣ́лѣ́гарски гѣ́л'че́ши, ба́бѣ́чка 'вид колбас', ста́н 'тъкачен стан'*).

В село Нов Троян, Болградско.

5. ГОВОРЪТ НА СЕЛО ТРОЯН(И) В ПРИАЗОВИЕТО

Преселници от Стар Троян основават селата Троян(и) и Андровка в Приазовието, в Бердянски район на Запорожка област (АБГСССР 1958а: 15). Според съставителите на АБГСССР старотроянският говор добре се е съхранил в двете споменати селища (АБГСССР 1958а: 40).

Говорите на Стар Троян и призовското Трояни спадат към т. нар. тракийски (точен само в географско отношение термин) тип говори в Украйна (АБГСССР 1958а: 39), като в призовското село Троян според съставителите на Атласа е представен единият от двата първоначални тракийски говора на Стар Троян (АБГСССР 1958а: 40). В Атласа за говора на Андровка се дава оскъдна информация – че има ред своеобразни особености, които го сближават с източнородопския (също грешен термин – вместо източнорупски) говор на Новоселское или Сатуново в Бесарабия. В Андровка използвали член -ъ и казвали *й'ас, й'agne, й'абълка, преда, м'оми, страмежлѣф, стрѣшна, м'аиц, н'охчи, ш'опа 'шепа'* (АБГСССР 1958а: 40). В Атласа не се дава друга информация за говорите на призовските села Андровка и Троян. Затова тук ще бъде изнесена събрана от нас информация за говора на второто село – Троян(и), Бердянско (до Андровка не успяхме да стигнем)⁴¹.

(В) призовското село Троян(и) (картата е по google maps).

Информацията е получена от следните информатори: Евдокия (Дуся) Василевна Вензова, родена през 1935 г., Васил Паленков – братовчед на Дуся, Валя – жена на Васил Паленков, Оля – балдъза на Васил Паленков (последните може да се видят и в поместения в [youtube.com](https://www.youtube.com) филм *От Тунджа до Евразия – Част 1*).

Бай Васил Паленков от Троян, Бердянско, с жена си и балдъзата си.

⁴¹ Троянци споменаха, че жителите на Троян и Андровка говорели различно. В Андровка се използвал „дрѹк разгъвѹр“, тоест диалект. „Нѣй (в Троян) вѣкѹми „лѹк“, пѣк тѣ (в Андровка) вѣкѹт „суган“ и т. н.

Фонетични особености на приазовския троянски говор

Като рефлекс на старобългарската голяма носовка и на големия ер, наред с ъ, все още може да се чуе и гореспоменатия звук *á* (*български*). Рефлексът на малкия ер като ъ се пази в *т`ънки* (*курй*). Рефлексът на ятовата гласна преобладаващо е *'а* (*б`аши, гу уб`асихти, нър`ажим, п`ай, п`айат, л`ап, той б`аши, б`айми, вр`ами, мл`аку, жъ исп`аат н`айшту, п`асничкъ*), но се срещат и случаи с *е* (*нидѐй, жъ испѐйгъ, бѐйми*), а дори и с *ѐ* (*нъ двънайси дѐнъ б`ѐйми* 'бяхме за дванадесет дена'). При глагола 'цедя' рефлексът е *а*: *хубуу съ исцаждъ ... гу цаждът, и прис тоъ прѐс цадим вину*. Но в един случай бе регистрирано *е*: *чисту мл`аку, цѐдину*. Често срещано е изпускането на съгласни (*прай вину* 'прави', *жъ ми дои нъ ък`ъ(лъ), йас ни мѐъ, оѐа, съ изучиа*), а също и на гласни (*сърни*). Лабиализация на звука *и* има в глагола 'живея': *жув`ай, жувейт, малку жув`а*. При групата **tj*, наред със закономерното *ит* (*баиша, к`иша, кръштинѐ* 'кръщение'), се срещат и изключения: *сършичи* 'сирище', *кръсчѐнкъ* 'кръщение'. Наред със затвърделите глаголни окончания (*прѐсът, рѐбѐтът ф сѐлу, дица одѐт*) се срещат и меки (*йас помн`ъ, при татку си рабулт`ът*). По отношение на меките съгласни може да се посочат примери като *сѐл` на фк`усу сѐлим, напѐл`н`ъ*. В отделни случаи *й* → *х* в глаголни окончания за минало свършено и минало несвършено време (*бѐйми, р`аниши пригладвайми, йас ни зв`арий тв`а, гладувайми, пр`аси им`йми, пр`аейми и бабъ, и д`аду* – 'вид колбаси'). Рупска, дори родопска, особеност е преходът *ѐ* → *у*: *дух`удат сѐнките* 'идват всичките', *туй* 'той', *куйту мѐй* 'който може'. И тук е налице преход *а* → *ъ* (*зн`ъм, испр`ыштът, ни н`ъ зѐбр`въй, к`ък, нът`ъткъ*); група *ръ* (*бр`ъзши, дръжѐй, гу рѐзбр`къми, дръж`аши кравѐ, мѐ с`а ни дръжѐй нйшту, тѐквѐтъ гъ нѐстр`ъжим нъ стрѐгълту, тѐквѐтъ гъ упр`ъжим тѐк`а чут`-чут`*, но *придръжѐй*). Среща се редукция *е* → *'ъ* (*йас съ ужѐн`ъх, сѐтн`ъ*). В руски заемки се среща звук *ы* (*им`ъм два с`ына* – но *мѐйгъ сѐн, витирин`арные врачѐ*). Под украинско влияние се използва фрикативно *у* (*Бълур`арийгъ, винур`ади*). Ударението при много глаголи, като в Троян, Симеоновградско, е на първата сричка (но не винаги в префигирани форми): *дъ тѐ гѐст`ъ, сѐлим – насѐл`а, дѐ р`азбийгъ, кѐпѐт – искѐпѐт, рабути, но и рѐбѐти*. В аористните форми ударението варира: *им`айми, йас ни зв`арий тв`а, йас рабутих, ний ни гладувайми* – срещу *рѐбутих, им`айми, глѐдувайми*. Двойно ударение се чува в думата *грѐбиштатъ*.

Морфологични особености на приазовския троянски говор

Съществителните от женски род единствено число завършват ту на *-ъ*, ту на *-а*: *глѐв`ътъ, но тѐв`атъ*. При съществителните от мъжки род има бройна форма: *три кѐв`алъ, имам два с`ына, чѐтири внука*. Съществителното *д`аду* е в среден род: *мѐйту д`аду* (в случая значението е 'баща на бащата или на майката', а не 'съпруг', както възрастните жени обикновено наричат мъжете си).

Важна особеност на приазовския троянски говор е употребата на два вида определителен член при съществителните от мъжки род единствено число: *-ъ*, но и *-ѐ/у* (у едни и същи лица): *л`абъ, пѐпъ, живѐт`ъ, ф`ънс`амбъл`а, мѐжъ ми, йас мѐ булѐ нус`ъ и мѐ булѐ зѐб`ъ, със хъз`аинъ си, нъ Ур`алъ, но: мѐжѐ и 'мѐжът ѐ', нъ дубѐйтъку, ф`клѐбу ... п`айѐх* 'в читалището пеех', *викѐт пѐпу, пѐпу гу уп`ай, ишумѐку* 'изварата', *рѐстѐчим тѐквинику, с хъз`аину*. Това показва ясно, че в троянското население след преселението в Приазовието се е вляла още една съставка, чийто говор е използвал член *-ѐ/у*. Тази съставка може да е била мизийска – от района на Загорския клин, но може да е била и тронска (западнобългарска). За женски род единствено число освен *глѐв`ътъ, тѐв`атъ, сланинкѐтъ, тѐквѐтъ* има и *крѐфт`а*. В среден род единствено число има *стадуту*. А в мъжки род множествено число: *амб`арти* 'хамбарите', *внуцити ми, мѐжѐти, но сынѐв`атъ*. Интересно членуване се среща при умалителните имена от среден род множествено число: *мумѐчинцаатъ, мумчѐнцаата, птѐченцаата*. Членуване при прилагателните и някои видове местоимения и числителни от мъжки род единствено число: *и малкийа, и гул`амийа, идѐнийгъ; мѐйгъ сѐн, гул`амийгъ сѐн пишѐ ѐ шѐстѐтъ гудѐнъ* (е роден), *пѐк малкийа шийсѐ ѐ сѐдмѐтъ, мѐйгъ хъз`аин* 'моят мѐж' но по руски модел: *там б`аши рудѐл`ний дѐм*. За женски род има *най-гул`амѐтъ, мѐйтъ клѐитъ*, а за среден род *нашту*.

Степенуването при съществителни и наречия се извършва по обичайния начин: *й̀ас м̀ойъ и п̀о-висо̀ку (да нея), п̀о-нът̀атъкъ, н̀ай-гул̀'амътъ.*

Умалителността при съществителните, прилагателните, някои местоимения и наречията е често срещано явление: *слан̀инкътъ гъ н̀др̀обим; п̀'асничк̀ъ; н̀др̀обим к̀джичк̀ъ, хубаа, м̀екичк̀ъ т̀къ 'във; ч̀есън м̀н̀инкичку; т̀иквътъ гъ п̀утсл̀д̀им м̀н̀инкичку; м̀н̀инку; нър̀'ажим с̀итничку м̀'н̀инку сл̀н̀инк̀ъ; нър̀'ажим м̀'н̀инку мисц̀е, ай̀т̀денкѝиа 'този'.*

Личните местоимения в троянския приазовски говор са следните (именителни форми):

й̀а, й̀ас, й̀аз, а̀с *н̀ий*

т̀и *в̀ий*

т̀ой, т̀уй *т̀е, т̀и*

т̀'а

т̀о (тази форма може да се отнася и за лица от м. р.)

Третоличната форма *т̀и 'те'* се среща в главанския говор в Сакар и в Бесарабия.

Примери: *й̀а с̀ъм т̀укъ н̀ай-гул̀'амътъ; й̀аз б̀'ах и в Бъл̀г̀арий̀ъ; й̀ас р̀ьбу̀т̀их; й̀ас т̀укъ с̀ь руд̀их; к̀р̀авъ им̀ах и а̀с; т̀и м̀ь р̀ьзб̀ир̀ъш; т̀'а п̀'ай; гул̀'амий̀ ми с̀'ын, т̀о р̀аб̀ути прицид̀атил; н̀ий б̀'айми у Бол̀г̀р̀ът; н̀ий б̀ейми в Г̀аб̀руу; т̀е в̀икът̀ „суг̀ан“; т̀и витиринар̀ные врач̀и 'те са ветеринарни доктори' и др.*

Косвената винителна форма форма за ж. р. ед. ч. е *га*, *гъ*: *к̀р̀фт̀а с̀етн̀'ъ гъ т̀къ 'въвми; н̀ь м̀ойъ б̀рат̀ жин̀а му Ду̀с 'ъ гъ в̀икът̀; слан̀инкътъ гъ н̀др̀обим; т̀иквътъ гъ н̀др̀обим, гъ н̀стр̀ 'ажим н̀ь стр̀г̀алту и гъ п̀утсл̀д̀им м̀н̀инкичку; т̀иквътъ гъ упр̀ 'ажим, т̀к̀а ч̀ут̀-ч̀ут̀'.*

Съответната дълга форма е *нейъ* или *нези* (*дай л̀'абъ н̀ь нези*). Кратката винителна форма за ж. р. ед. ч. е *и* (*м̀айк̀ и 'майка̀ ѝ*), а за мн. ч. е *им* (*т̀атку̀ им, жин̀итѝ им*).

Като примери за употреба на показателни местоимения могат да се посочат следните: *и прис̀ т̀о̀ь пр̀ес̀ ц̀адим̀ в̀ину, т̀аа к̀н̀иг̀ъ, т̀аа к̀'иш̀тъ, т̀ва п̀уд̀ер̀ вуйн̀ат̀ъ (беше), пр̀ес̀ им̀ми т̀къ 'въф̀ 'такава преса имаме', им̀ь т̀къ 'във п̀'асн̀. Показателното местоимение може да се разширява с елемент *-е* (*и (на) т̀ва̀е му т̀ур̀г̀ми с̀етн̀'ъ ч̀есън м̀н̀инкичку*) или с неопределително местоимение (*т̀ва̀ н̀'аш̀ту 'това'*).*

Като примери за употреба на притежателни местоимения могат да се посочат следните: *м̀ойъ с̀ин, м̀ойъ б̀рат̀, м̀ойтъ̀ м̀айк̀, м̀ойтъ̀ к̀'иш̀тъ, н̀аш̀ту, жин̀а му*. От посоченото по-горе лично-анафорично местоимение *нези 'нея'* се образува притежателното местоимение *незинийа 'нейният'*, та дори и притежателно прилагателно: *Т̀ан̀изинийат̀ м̀'иш̀ 'Таниният м̀ж', 'м̀жът̀ на Таня'*. Формите *нези* и *незин* се срещат в говора на село Холмское в Бесарабия (*с̀ нези 'с нея', незинтѝ ор̀ь 'нейните хора'*), където също се използва определителен член *-о/-у*, и произлизат от западния по характер тронски факийски говор в Югоизточна България (Байрямова-Атанасова 2000: 26).

От останалите видове местоимения могат да се изброят въпросителните (*к̀д̀й, к̀в̀о, к̀о 'какво'*), обобщителните (*с̀инкътъ руд̀н̀'а дъ̀ б̀'ъди ж̀ивъ и зд̀равъ!, дух̀удат̀ с̀инкитѐ 'идват всичките', к̀атъ д̀ен̀ 'всеки ден'*), отрицателните и неопределителните (*н̀иш̀ту, н̀икуй, с̀'а р̀атку̀ к̀д̀й др̀ъж̀и пр̀аси 'сега рядко някой гледа прасе'*), относителните (*п̀'аат, к̀уйту̀ м̀д̀й; к̀д̀йту̀ к̀олку̀ту (иска); к̀д̀йту̀ к̀оту̀ ѝскъ (прави); как̀в̀оту̀ (сложи); к̀д̀йту̀ ни призн̀авъ (религията, не вика поп); жъ̀ исп̀'аат̀ н̀'аш̀ту, к̀оту̀ ги н̀к̀ар̀ъш; ку̀в̀'ату*).

Като числителни бройни имена се използват и български форми (*ин̀а л̀ж̀ичк̀ъ т̀ур̀; р̀азб̀ийъ ин̀о ѝц̀е; в̀ два̀ чис̀а с̀ь вр̀'иш̀тъ (автобус̀ът); т̀рѝ к̀в̀алъ; й̀мам ... ч̀етирѝ вну̀ка и дв̀'а прав̀нучки уж̀е; пр̀улиж̀ах̀ ин̀а н̀д̀'ал̀'ъ ... с̀ед̀ 'ъм д̀ен̀; д̀сим; уж̀е дв̀ьнай̀си г̀одинѝ к̀ту̀ умр̀'а; т̀д̀й ѝч̀ас̀ уж̀е (на) ш̀ийс̀е й̀ т̀рѝ гуд̀йни*), и руски (*им̀ъм дв̀а̀ с̀'ына; в̀осемсѐ т̀рѝ*). Ето и числителните редни: *п̀ 'р̀вътъ̀ (голодовка) – т̀рий̀с̀ т̀р̀ет̀тъ̀ (година) бил̀а, ап̀къ̀ ф̀т̀орт̀тъ̀ ф̀ф̀ с̀ор̀къ̀ с̀ед̀мътъ̀; т̀укъ̀ с̀ъм*

руден(а), трійси й пѣттѣ гудѣнь; б'ах годѣни двѣнайси фѣф сорѣк сѣдмѣтъ гудѣнь; гул'амийѣ сѣн пиисѣ й шѣстѣтъ гудѣнь (е роден), пѣк малкѣи шийсѣ й сѣдмѣтъ.

Като глаголни форми за сегашно време можем да посочим, например: *дѣ иба, с'айми, турим ... рѣстѣчим, маѣлу турѣгѣми ... турим, нѣмаѣжим тѣвѣтъ* и др. (вж. още при футура по-долу).

Бъдеще време или футур се образува с два типа частици – *жѣ* и *шѣ* (с варианти *ша, ши*): *жѣ изл'аим 'ще излезем', ши ти нѣр'аѣжим, кѣ жѣ с'айми, жѣ исп'аат н'аѣшту, шѣс шѣ кѣжѣ жѣ испѣйѣ, кѣд ... жѣ ми дѣи нѣ ѣк'ѣ(лѣ)*. Отрицателния футур може да се излюстрира с *н'амѣ дѣ мѣйѣ дѣ фл'айѣ 'няма да мога да влезна'*. Бъдеще намерение се изразява със спомагателния глагол *збѣрѣм сѣ 'каня се'*: *шѣс нѣкуй ни с'ѣ збѣрѣ (да играе хоро)*.

Аористните форми според ударението, както бе отбелязано и по-горе, биват два типа (могат да се употребяват при един и същ глагол) – с ударение на последната сричка в единствено число (*фѣѣрѣ бѣлѣкѣ 'вчера приказва', йѣс рѣбутѣх, свѣдѣи рѣвѣйѣ, крѣвѣ имѣх и ѣс, ѣс сѣ рудѣх, нѣй ни глѣдувайми, ѣс тѣм гу рудѣх, прѣлижѣх инѣ нѣ'ѣл'ѣ*) и с ударение преди последната сричка в единствено число (*и сѣ ужѣн'ѣх, тѣмнѣ сѣ ужѣних, сѣ изѣучѣа, йѣс рѣбутѣх, прѣси имѣйми, йѣс ни зѣварѣй тѣвѣ, нѣй ни глѣдувайми, пѣк имѣши (хора) глѣдуѣа*). Също така в някои окончания *-х* се пази (*рѣбутѣх и сѣ ужѣн'ѣх, йѣс рѣбутѣх*), а в други преминава в *-й* (*имѣйми крѣвѣ, йѣс ни зѣварѣй тѣвѣ*). Формите на глагола 'сѣм' са от един тип (*и тѣм б'аѣши рудѣл'ний дѣм, б'айми*), като липсват форми като **бѣйши, *бѣйми, *бѣа*.

В материала ни има засвидетелствани и перфектни форми: *сѣм чувѣлѣ, ни с'ѣм чувѣлѣ, пудир малку вр'аѣми ужѣ сѣ фѣналѣ* (сирището или закваската), както и форми за бъдеще в миналото:

бр'ѣзѣши, (иначе) шаѣ дѣ тѣ гѣст'ѣ; н'амѣши дѣ гу зѣмѣт.

Като пример за императивни употреби могат да се посочат *йѣла сѣтнѣ! 'ела после', фл'аѣни! 'влез', сѣнкѣтъ рудн'ѣ дѣ б'ѣди жѣвѣ и здрѣвѣ!* Описателният отрицателен императив се образува с *нидѣй*: *нидѣй чѣти тѣа кнѣгѣ!* Интересен пример за отглаголно съществително е *ср'ѣбнѣвѣни 'пиене на алкохол'* (в село Маломирово, Елховско, глаголтѣ също се използва с това значение: *тѣй убѣчѣ дѣ си ср'ѣбѣвѣ 'обича да пие алкохол'*).

В троянския говор паралелно се използват наречия с български произход (*тѣк, тѣкѣ, тѣкѣнѣе 'тук', тѣмнѣ 'там', пѣ-нѣтѣтѣкѣ, к'ѣк, с'ѣ 'сега', малку, сѣтн'ѣ 'после', хубѣуѣ, дѣта си (!) 'някъде', сѣдѣ 'само', нѣйди 'никъде'*) и наречия с руски произход (*тѣѣжѣ 'също', шѣс 'сега', ужѣ 'вече', рѣнѣши 'преди', ѣчен 'много', чѣт'-чѣт' 'малко'*). Примери: *малку жув'ѣ; и тѣм б'аѣши рудѣл'ний дѣм и ѣс тѣм гу рудѣх; крѣфтѣ сѣтн'ѣ гѣ тѣк'ѣвѣми; сѣдѣ мумчѣнцаѣта; йѣс н'айѣ вс'ѣ врѣм'ѣ; тѣй умр'ѣ ужѣ; йѣмам два с'ѣна, чѣтири внѣка и дв'ѣ прѣвнѣчки ужѣ; с'ѣ рѣтѣку кѣй дрѣжѣи прѣси; рѣнѣши пригѣлашѣвайми (хора); ѣчен фѣкѣснѣ крѣв'ѣнкѣтъ; шѣс шѣ кѣжѣ; шѣс нѣкуй ни с'ѣ збѣрѣ (да играе хоро); йѣс тѣкѣ сѣ рудѣх, апѣк тѣмнѣ сѣ ужѣних; хубѣуѣ сѣ исѣѣждѣ; дѣта си имѣ гагаѣзи 'някъде има гагаѣзи; тѣкѣвѣтъ гѣ упр'ѣжим, тѣкѣ чѣт'-чѣт'.*

От другите несамостоятелни думи в троянския говор могат да се отбележат частиците *ейгѣ 'ето го', ейгѣ 'ето я', мо (ейгѣ утѣрѣде нѣс, к'ѣк б'аѣши мо?)* и предлозите: *нѣй б'айми у Бѣлѣгѣт; йѣз б'ах и в Бѣлѣрѣйѣ; нѣй бѣйми в Гѣбруу; ф тѣа к'ѣшѣтъ; утѣйми ф чѣркуѣ; ейгѣ утѣрѣде нѣс 'ето я пред нас'; тѣвѣ пудѣр вуйнѣтъ (бѣше) 'след войната бѣше'; пудир малку вр'аѣми ужѣ сѣ фѣналѣ (сирището или закваската); нѣ двѣнайси дѣнѣ б'ѣйми 'за 12 дѣна бѣхмѣ'; пу бѣлѣгѣски (говорим); сѣс хѣзѣинѣ си; с хѣз'ѣину; испрѣашѣтъ мѣжѣѣти нѣ Урѣлѣ; куту пѣрѣлизѣвѣн б'аѣши; тѣй шѣс ужѣ (на) шийсѣ й трѣ гудѣни.*

Синтактични особености на приазовския троянски говор

Широко използвано е изпускането на копулата в трето лице: *мѣжѣ ми тѣтѣкѣ; тѣ витѣринѣрнѣе врачѣ; ѣчен фѣкѣснѣ крѣв'ѣнкѣтъ; гул'амийѣ сѣн пиисѣ й шѣстѣтъ гудѣнь (е роден), пѣк малкѣи шийсѣ й сѣдмѣтъ; к'ѣкту пѣлѣджину 'както се полага'.*

Наред с използването на глагола *имам* (*прѣс ѝмъми тѣк ъф* 'такава преса имаме') притежанието може да се изразява и със синтактична конструкция (*у мѣни дв'а мумчѣтъ* 'имам две момчета').

Подлогът може да се изпуска, когато е същият като в предното изречение: *ѝмъм двѣ с ъна ... съ изѹчиа* – в.м. **тѣ съ изѹчиа*.

Логическият подлог или топикът може да се изразява с частица (*нѹ, Болгрѣт съм чувѣлъ*) или с употреба на косвена местоименна форма вместо именителна: *и нѣе* (в.м. *нас*) *нѣ свѣлѣѹ уттѣм; ѝѣс мѣ булѣ нѹсѣ и мѣ булѣ зѣб ъ*.

Местоименните клитики могат да стоят пред глагола: *ми съ пунрѣви в Бѣлѹарийѣ, ми съ ѣрѣсъ; си р'ѣжим и идѣм ... тѹргами*.

Определението може да стои след определяемото: *и (на) тѣѣ му тѹргѣми сѣтн ъ чѣсѣн мѣнѣнкѣчкѹ; и прис тѣѣ прѣс ѹѣдим вѣну, вѣну дубрѣ; чѣсту мл'ѣку, ѹѣдинѹ*.

Примери за съставно сказуемо: *ѝѣс тѣчнѹ ни мѣѣ дѣ ти рѣскѣжѣ, сѣтн ъ зѣѣ дѣ рѣшир'ѣвѣт*.

Ето и примери за сложни изречения (или словосъчетания, свързани със същите предлози).

Сложно съчинено съединително: *... ачи тѣти п'ѣйши, ачи с'ѣ ѣс пѣк (пѣех); ... и мѣлкийѣ, и гул'ѣмийѣ; си р'ѣжим и идѣм ... тѹргами;*

Сложно съчинено противопоставително: *дрѣж'ѣши крѣвѣ, мѣ с'ѣ ни дрѣжѣ нѣшѣту; ѝѣс тѹкѣ съ рудѣх, апѣк тѣмнѣ съ ужѣнѣх; п'ѣрѣвѣтъ (голодовка) – трѣйс трѣттѣ (година) билѣ, апѣк фтѣртѣ фѣф сѣрѣк сѣдмѣтъ; нѣй ни глѣдѹвѣйми, пѣк ѝмѣши (хора) глѣдѹваѣ;*

Сложно съставно с подчинено подложно: *кѣйту ни признѣвѣ (религията, не вика поп);*

Сложно съставно с подчинено определително (може да мине и за обстоятелствено за място): *мѣйтѣ к ъшѣтъ, дѣту ѣс съ рудѣх ф тѣѣ к ъшѣтъ;*

Сложно съставно с подчинено обстоятелствено за време: *мѣлку жѹв'ѣ ... ужѣ двѣнѣйси гѣдини кѣту умр'ѣ; ѝѣс пѣмн'ѣ, гѣту нѣмѣцити утѣстѹпѣваѣ;*

Сложно съставно с подчинено обстоятелствено за цел: *и тѣѣ тѣм (скрит), кѣту дѣ ни гѹ зѣмѣт ъ... за да не ги вземѣт ъ;*

Сложно съставно с подчинено обстоятелствено за условие: *пѣнѹ, кѹту ѣ мумчѣнѣци, ф ѣлтѣр'ѣ жѣ гѹ фнѣсѣ;*

Сложно съставно с подчинено обстоятелствено за начин: *..., к ъкѣту пѣлѣжѣнѹ ъкакто се полага ъ;*

Безсъюзни изречения: *и т ъпѣкѣми д'ѣдѹту, сѣтн ъ гѹ свѣрѣм; вѣкѣт пѣнѹ, пѣнѹ гѹ уп'ѣй*.

Лексикални особености на приазовския троянски говор

Наред с донесените от българските земи архаични и интересни диалектни думи, каквито са *збѣрѣйти съ* 'пригответе се', *патлаѹѣн* 'червен домати', *бѹлкѣ* 'снаха', *ни зѣстѣнѣ* 'не спрѣ', *ѣлѣс пѹ бѣлгарски* 'точно по български', *дрѣжѣ прѣси* 'гледа прасѣ', *лѹкѣнки, ишѹмѣк* 'извара', *прѣѣйми и бѣбѣ, и д'ѣдѹ* 'вид колбаси', *п'ѣснѣ нѣ субѣт* 'песен за трапеза', в говора се използват и украински, и руски заемки. Към украинските спада глаголят *бѣлѣкѣм* 'говоря' (*фчѣрѣ бѣлѣкѣ* 'приказвѣ', *нѣй тѣкѣ бѣлѣкѣми*). Към руските, наред с числителните и наречията, които са най-засегнати от русификацията, може да се изброят още: *рудн'ѣ* 'семеѣство', 'род' (*сѣнкѣтъ рудн'ѣ дѣ б ъди жѣвѣ и здрѣвѣ!*), *прѣданѹ* 'чеиз', *прѣс* 'преса (за грозде и т. н.)' (*прѣс ѝмѣми тѣк ъф* 'такава преса имаме'), *чиридѣ* 'стадо' (*чиридѣ ... стѣдѹту*), *крѣв'ѣнкѣ* 'кървавица', *хѣз'ѣин* 'съпруг', *станѣк* 'тъкачен стан', *винѣурѣди* 'лозя', 'грозде', *улѣткѣ* 'охлюв', *жѣ пѹдѹмѣм* 'ще помислѣ' и др.

6. ИЗВОДИ

Троянският говор в Украйна и в пряко, и в преносно значение е изминал дълъг път, като се е обогатявал и променял в пространството и времето. Определено това е един смесен говор (не само с елементи от различни български диалекти, но и от различни славянски езици) и смесеният му характер, конкретно в приазовското село Троян, се изразява в съвместната употреба на различни определителни членове (-ѣ – -ѣ/-ѹ), различни местоименни форми (*тѣ – тѣ, нѣйѣ – нѣзи*) и т. н.

БИБЛИОГРАФИЯ

АБГСССР 1958а: Атлас болгарских говоров в СССР. Вступительные статьи. Комментарии к картам. Издательство Академии наук СССР. Москва. 1958.

АБГСССР 1958б: Атлас болгарских говоров в СССР. Карты. Издательство Академии наук СССР. Москва. 1958.

Байрямова-Атанасова 2000: Байрямова-Атанасова, Д. Факийският говор. Автореферат на дисертация. Специализиран научен съвет по езиковедение при ВАК. София. 2000.

БДА 1964: Български диалектен атлас. I. Югоизточна България. Част първа. Карти. Част втора. Стаии. Коментари. Показалци. БАН. София. 1964.

Войникова 2008: Войникова, А. Селища с българско население в Югозападния Буджак. Ономастика. Топонимия. Групонимия. Знак 94. Велико Търново. 2008.

Илиев, Георгиева 2018: Илиев, Ив. Г., М. Георгиева. Главанският говор: от Сакар до Бесарабия. Увод и преглед на досегашните изследвания. Дзяло. 11, 2018, с. 1-17.

Илиев, Георгиева – Под печат: Илиев, Ив. Г., Св. Георгиева. Към въпроса за произхода на населението в българското село Заря (Камчик) в Бесарабия (Под печат).

Орлов дол: bg.wikipedia.org.

Троян (България): bg.wikipedia.org.

КЛЮШИНА Алёна, кандидат филологических наук, доцент, Самарский государственный социально-педагогический университет, Российская федерация – klyushina@pgsga.ru

ФЕНОМЕН Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ БЫТОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С НАЦИОНАЛЬНО- МАРКИРОВАННЫМ КОМПОНЕНТОМ В ЕГО ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ)

Ф. М. Достоевский занимает особое место в русском национально-культурном пространстве; его художественные произведения отражают национальную действительность и передают национальные ценности русского народа; его персонажи символизируют национальный русский характер.

Фразеологизмы как семантически нечленимые языковые единицы с яркой образностью способны выражать ту или иную семантику, быть конститuentами функционально-семантической категории. К числу функционально-семантических категорий относим исследуемую нами семантику крайности. Мы считаем, что фразеологические единицы с семантикой крайности являются конститuentами поля функционально-семантической категории крайности. Проанализируем особенности бытования фразеологизмов с семантикой крайности для создания художественного образа Дмитрия Карамазова в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Ранее нами были изучены разнообразные языковые средства выражения семантики крайности в романе «Братья Карамазовы» [Клюшина, 2021a], вербальная репрезентация функционально-семантической категории крайности в образе Дмитрия Карамазова [Клюшина, 2021b], взаимодействие семантики крайности с семантикой уменьшительности в художественном пространстве произведений Ф. М. Достоевского [Клюшина, 2021c], разнообразные языковые единицы для выражения семантики крайности в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» [Клюшина, 2021d]. В рамках настоящего исследования изучим фразеологические единицы, содержащие компонент *до*, и различные варианты фразеологизма *бросаться из крайности в крайность*, которые употребляются для передачи семантики крайности в образе Дмитрия Карамазова, персонажа, отражающего русский национальный характер.

Функционально-семантическая категория крайности является значимой для русской лингвокультуры. Как иностранцы приписывают русской ментальности черту стремиться к крайности в поведении, силе чувств, иногда экспрессии выражения; так и сами носители русского языка отмечают ориентацию на крайность в «русском характере», русской ментальности. Подтверждением этому служат высказывания ученых, критиков. Приведем лишь некоторые из них.

Немецкий историк и филолог В. Шубарт в книге «Europa und die Seele des Ostens» [Schubart, 1938] пишет: «В чисто русской манере, доводить любое начинание до крайности» [Шубарт, 2000, с. 40]. Английский лингвист и военный журналист М. Бэринг в книге «The Mainsprings of Russia» [Baring, 1914] характеризовал Россию как страну «крайностей <...> и экстравагантного потворства самому себе» <...> [Бэринг, 2018, с. 245].

Русский философ и богослов С. Н. Булгаков статью «The Russian Public and Religion» начинает словами: «Россия – страна крайностей и противоречий» [Bulgakov, 1912, p.11]. Русский философ И. А. Ильин считал, что природная суровость и многообразие повлияли на становление русского характера: «Россия поставила нас лицом к лицу с природой, суровой и захватывающей, с глубокой зимой и раскаленным летом, с безнадежной осенью и бурной, страстной весной. <...> Нам открылся весь размах страстей и все крайности верха и низа...» [Ильин, URL: <http://project03.ru/cod/ii.php#PART1>]. Российский филолог и культуролог XX века Д. С. Лихачев писал: «Совершенно правы те, кто говорит о склонности русских к крайностям во всем» [Лихачев, URL:

https://www.gazeta.ru/comments/2014/12/24_a_6358085.shtml].

Современный лингвист А. Д. Шмелев, рассуждая о фразеологизме *широкая русская душа*, отмечает: «Однако выражение широта души может интерпретироваться и иначе, обозначая тягу к крайностям» [Шмелев, URL:

http://www.lib.ru/CULTURE/SHMELEW_A/shirota.txt_with-big-pictures.html].

Современный социолог А. Н. Малинкин отмечает: «Историческое развитие через взрыв и скачок, шарахание из крайности в крайность – характерная для России особенность цивилизационного процесса» [Малинкин, 2001]. Данные цитаты можно продолжить, они свидетельствуют о распространенности такого взгляда и косвенным образом указывают на актуальность нашего исследования, подтверждает новизну исследования.

Жизнь и творчество Ф. М. Достоевского насыщены проявлением понятийной категории крайности. Подтверждение мы находим в статье А. Б. Криницына: «Как выразитель «русского хаоса», Достоевский означал <...> прежде всего «поэтику крайностей» – всего чрезмерного, в направлении страстности, болезненности и асоциальности <...>» [Криницын, URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/45052.php>]. В другой работе А. Б. Криницына мы также знакомимся с идеей о том, что исследуемого писателя можно считать поэтом крайности; ученый пишет, что у Ф. М. Достоевского с его «поэтикой крайностей» все характеры персонажей отличаются преувеличением вплоть до полной исключительности и фантастичности, которая однако представляется Достоевским как типическое и нормативное [Криницын, URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/45835.php>].

Современный шведский теолог Я. Эрикссон отмечает: «Происходило ли это сознательно или бессознательно, но Достоевского явно влекло к крайностям человеческого поведения, его интересовали поступки, выходящие за грань общепринятых норм» [Эрикссон, 2010, с. 119]. Сходные мысли мы находим также у современного итальянского богослова и литератора Д. Барсотти, который, подробно проанализировав творчество Ф. М. Достоевского, с сочувствием и состраданием описывает борьбу и причудливое переплетение света и тьмы, любви и смерти, пламенной веры и ледяного безверия. Ученый пишет: «Мир Достоевского это мир крайностей <...> истинное противостояние в творчестве Достоевского – <...> добро отождествляется с миром Божиим, а зло — с властью лукавого» [Барсотти, 1999, с. 213].

Российский философ, культуролог конца XX – начала XXI веков Г. С. Померанц, исследуя стиль Ф. М. Достоевского, отмечает: «Достоевский всегда был человеком крайностей. Его всегда отталкивала умеренность» [Померанц, 2013, с. 13]. Кроме того, сам Ф. М. Достоевский пишет: «Что же собственно до меня касается, то ведь я только доводил в моей жизни до крайности то, что вы не осмеливались доводить и до половины <...>» [Достоевский, 1989, с. 549].

Подобные высказывания аргументируют наше положение о том, что языковая личность Ф. М. Достоевского ориентирована на поэтику крайности. Отметим, что роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» насыщен примерами проявления семантики крайности. Образ Дмитрия Карамазова можно рассматривать как отражение национального менталитета всего русского народа. О соответствии образа анализируемого нами персонажа русскому национальному менталитету пишут ученые, приведем цитату. С. Григорьева, В. Сузи пишут: «Митя Карамазов воплощает грань русского характера» [Григорьева, Сузи, 2017].

Кроме того, высказывания ученых подтверждают мнение о том, что Дмитрия Карамазова можно считать персонажем, для которого свойственно бросание из крайности в крайность. Н. М. Чирков писал: «Наконец, роман «Братья Карамазовы» в связи с темой положительного человека выдвигает и тему возрождения, возрождения морального, вообще возрождения жизни в широком смысле слова в индивидуе, тему духовного исцеления личности. Эта тема проходит прежде всего в судьбе Дмитрия Карамазова — любимого брата Алеши. Человек буйных страстей, низвергнутый ими в низины жизни, дошедший до крайностей морального падения, он более других способен к моральному возрождению» [Чирков, 1967, с. 294]. Г. Фриндлендер написал: «Осознав свою вину, каждый из братьев не может остаться прежним человеком. Гордый и непокорный Иван сходит с ума, а благородный и непосредственный, хотя в силу страстности своей натуры во всем доходящий до крайности, не знающий меры в добре и зле Митя смиряется, признавая не только свою моральную ответственность за прошлое нравственное безобразие, но и свою вину за общее горе и страдания всех тех, о ком он раньше не думал» [Фриндлендер, 1988, с. 24.]. С. Григорьева, В. Сузи пишут: «Образ Мити очень сложен, в том числе из-за страстности Мити, он является в какой-то степени человеком крайностей. Митя совершает и неблагородные поступки и великодушные: это, в свою очередь, делает его для многих неоднозначным персонажем» [Григорьева, Сузи, 2017].

Во всех приведенных выше цитатах употребление абстрактного существительного *крайность* выражает радикальный выход за норму описываемой ситуации, чрезвычайность; о лексикографическом портретировании лексемы *крайность* см. [Клюшина, 2020].

Анализ языкового материала приводит нас к следующим результатам. Исследуемые нами фразеологизмы с семантикой крайности наиболее частотно (10 примеров) представлены в речи автора при описании Дмитрия Карамазова. Приведем некоторые примеры:

Митя вздрогнул, вскочил было, но сел опять. Затем тотчас же стал говорить громко, быстро, нервно, с жестами и в решительном исступлении. Видно было, что человек дошел до черты, погиб и ищет последнего выхода, а не удастся, то хоть сейчас и в воду. (Достоевский. Братья Карамазовы, 1991, Т. 9, с. 413)

*Развивая эту новую свою мысль, Митя доходил до восторга, но так с ним и всегда случалось при всех его начинаниях, при всех его внезапных решениях. Всякой новой мысли своей он отдавался **до страсти**.* (Достоевский. Братья Карамазовы, 1991, Т. 9, с. 428)

*«Так вот нет же, достучусь, достучусь!» — бормотал он, с каждым звуком злясь на себя **до остервенения**, но с тем вместе и усугубляя удары в ворота.* (Достоевский. Братья Карамазовы, 1991, Т. 9, с. 457)

*Он [Дмитрий] же в эти два дня буквально **метался во все стороны**, «борясь с своею судьбой и спасая себя», как он сам потом выразился, и даже на несколько часов слетал по одному горячему делу вон из города, несмотря на то, что страшно было ему уезжать, оставляя Грушеньку хоть на минутку без глаза над нею* (Достоевский. Братья Карамазовы, 1990, Т. 9, с. 406).

*Митя был бледен. Лицо его имело изможденный и измученный вид, несмотря на то, что он был **до крайности** разгорячен* (Достоевский. Братья Карамазовы, 1991, Т. 9, с. 550).

При рассмотрении речей других персонажей романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» о Дмитрие выявлено 6 примеров употребления фразеологизмов с семантикой крайности. Например:

[слова Ипполита Кирилловича] *По натуре своей он [Дмитрий] тотчас же **бросился в крайность** и сам начал нас изо всех сил уверять, что Смердяков не мог убить, не способен убить. Но не верьте ему, это лишь его хитрость: он вовсе, вовсе еще не отказывается от Смердякова, напротив, он еще его выставит, потому что кого же ему выставить как не его, но он сделает это в другую минуту, потому что теперь это дело пока испорчено* (Достоевский. Братья Карамазовы, 1991, Т. 10, с. 234).

[слова Ипполита Кирилловича] *Нет, именно так должен был поступить убийца испуганный, уже плохо рассуждающий, убийца не вор и никогда ничего до тех пор не укравший, да и теперь-то вырвавший из-под постели деньги не как вор укравший, а как свою же вещь у вора укравшего унесший — ибо таковы именно были идеи Дмитрия Карамазова об этих трех тысячах, дошедшие в нем **до мании**.* (Достоевский. Братья Карамазовы, 1991, Т. 10, с. 228)

[слова защитника] *Отчего откажете вы подсудимому в чувстве чести? Нет, чувство чести в нем есть, положим неправильное, положим весьма часто ошибочное, но оно есть, есть **до страсти**, и он доказал это.* (Достоевский. Братья Карамазовы, 1991, Т. 10, с. 249)

Также достаточно частотным является употребление фразеологических единиц с семантикой крайности в речи анализируемого персонажа. Было выявлено 5 примеров употребления фразеологических единиц с семантикой крайности с компонентом *до*:

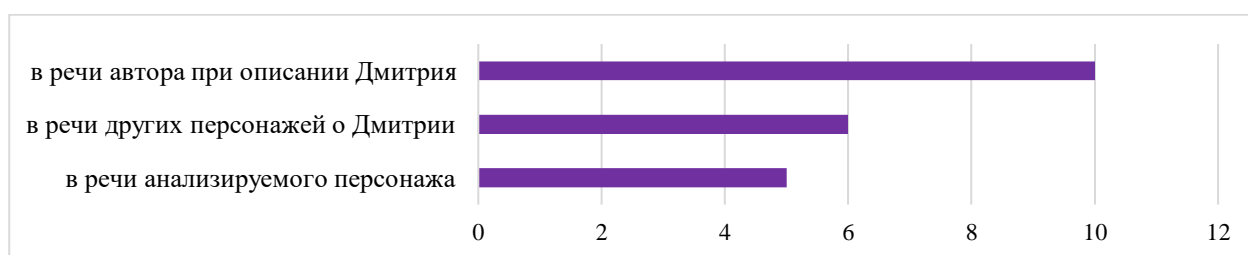
[слова Дмитрия] *Потому женщина — это, брат, черт знает что такое, уж в них-то я по крайней мере знаю толк! Ну попробуй пред ней сознаться в вине, «виноват, дескать, прости, извини»: тут-то и пойдет град попреков! Ни за что не простит прямо и просто, а унизит тебя **до тряпки**, вычитает, чего даже не было, всё возьмет, ничего не забудет, своего прибавит, и тогда уж только простит.* (Достоевский. Братья Карамазовы, 1991, Т. 10, с. 94)

[слова Дмитрия] *Я вас извиняю, господа, вполне извиняю. Я ведь и сам поражен **до эпидермы**, потому что кто ж его убил, наконец, в таком случае, если не я? Ведь не правда ли? Если не я, так кто же, кто же?* (Достоевский. Братья Карамазовы, 1991, Т. 9, с. 514)

[слова Дмитрия] *О нет, совсем не в беспамятстве, всё помню. Всё до нитки. Соскочил поглядеть и платком кровь ему обтирал* (Достоевский. Братья Карамазовы, 1991, Т. 9, с. 531)

[слова Дмитрия] *Но все-таки я намерен с вами бороться и это вам возвецаю. Буду бороться с вами до последнего конца, а там решит бог!* (Достоевский. Братья Карамазовы, 1991, Т. 9, с. 567)

Анализ языкового материала позволяет заключить, что категория крайности анализируемого персонажа выражается фразеологическими единицами с семантикой крайности. Функционально-семантическая категория крайности находит свое выражение в речи автора при описании Дмитрия Карамазова; в речи других персонажей об анализируемом персонаже; в речи самого Дмитрия. Представим полученные результаты исследования в графике:

Наиболее частотно исследуемые языковые единицы представлены в речи автора при описании анализируемого персонажа, менее частотно фразеологические единицы с семантикой крайности употребляются в речи других персонажей о Дмитрии и в речи самого Дмитрия Карамазова.

Творчество Ф. М. Достоевского изобилует примерами обращения к конститuentам семантики крайности. Персонаж его художественного произведения Дмитрий Карамазов считается отражением русского национального характера, которому свойственно обращение к крайности. Фразеологические единицы с семантикой крайности являются конститuentами функционально-семантической категории крайности. Перспективу нашего исследования мы видим в выявлении иных конститuentов категории крайности в художественном образе Дмитрия Карамазова или других персонажей произведений Ф. М. Достоевского.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Барсотти Д. Достоевский. Христос — страсть жизни. М.: Паолине, 1999. 249 с.
- Бэринг М. Что движет Россией. Пер. с англ. М.Л. Коробочкина. – М.: Изд-во «Весь мир». 2018. 248 с.
- Ильин И.А. Избранное. URL: <http://project03.ru/cod/ii.php#PART1>
- Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1989. Т. 4. С. 452—551.
- Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука, 1991. Т. 9. С. 5-570.
- Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука, 1991. Т. 10. С. 5-295.
- Григорьева С., Сузи В. Старший брат в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: к ключевой для автора теме семьи и братства // Парус. 2017. № 9. <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/content/starshiy-brat-v-romane-fm-dostoevskogo-bratya-karamazovy-k-klyuchevoy-dlya-avtora-teme-semi-i>

- Клюшина А.М.** Лексикографическое портретирование лексемы «крайность» // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2020. №4, <https://sfk-mn.ru/PDF/39FLSK420.pdf>
- Клюшина А.М.** О некоторых средствах выражения семантики крайности в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Libri Magistri. – 2021a. – № 2(16). – С. 36-45.
- Клюшина А.М.** Вербальная репрезентация функционально-семантической категории крайности в образе Дмитрия Карамазова // Русский язык и культура в зеркале перевода. – 2021b. – № 1. – С. 462-472.
- Клюшина А.М.** О взаимодействии семантики крайности с семантикой уменьшительности в художественном пространстве произведений Ф. М. Достоевского / А. М. Клюшина // Семантика. Функционирование. Текст : межвузовский сборник научных трудов. – Киров : Общество с ограниченной ответственностью "Радуга-ПРЕСС", 2021с. – С. 51-58.
- Клюшина А.М.** О семантике крайности в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // С любовью к Слову : Сборник статей участников Всероссийской с международным участием научной конференции, приуроченной к 80-летию юбилею доктора филологических наук, профессора Людмилы Алексеевны Климковой, специалиста в области лексикологии, диалектологии, ономастики, словообразования, Арзамас, 09–10 февраля 2021 года / Отв. редактор О.В. Никифорова. – Арзамас: Арзамасский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", 2021d. – С. 122-125
- Криницын А.Б.** Достоевский и Стефан Цвейг: переключки двух веков. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/45052.php>.
- Криницын А.Б.** Достоевский и Шиллер. Часть четвертая. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/45835.php>.
- Лихачев Д.С.** Никакой особой миссии у России нет и не было. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2014/12/24_a_6358085.shtml
- Малинкин А.Н.** «Новая российская идентичность»: исследование по социологии знания // Социологический журнал. 2001. № 4. С. 66-86.
- Померанц Г.С.** Открытость бездне. Встречи с Достоевским. 2-е изд., доп. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 416 с.
- Фридлендер Г.** Ф.М. Достоевский и его наследие // Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1988. Т. 1. С. 5-30.
- Чирков Н.М.** О стиле Достоевского: Проблематика, идеи, образы. М.: Изд-во Наука, 1967. 301 с.
- Шмелев А.Д. Широга русской души. URL: http://www.lib.ru/CULTURE/SHMELEW_A/shirota.txt_with-big-pictures.html
- Шубарт В.** Европа и душа Востока. Пер. с нем. З.Г. Антипенко и М.В. Назарова. – М.: Альманах «Русская идея» (вып. 3, 2-е исправленное издание), 2000. – 448 с.
- Эрикссон Я.** «Кто-то посетил мою душу»: духовный путь Достоевского / Пер. со швед. Л.П. Олдыревой-Густафссон. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. 215 с.
- Baring M.** The Mainsprings of Russia. – London: Thomas Nelson & Sons. 1914. 332 p.
- Bulgakov S.** The Russian Public and Religion // The Russian Review. 1912. Vol. 1, No. 4. P. 11–28.
- Schubart W.** Europa und die Seele des Ostens. Luzern, Switzer land: Vita Nova Verlag, 1938. P. 317.

КОНДОВ, Васил, унив. конф. / доц., д-р – катедра по филология и история, ТДУ „Гр. Цамблак”, Република Молдова – kondov55@abv.bg

ЗА ОТНОШЕНИЕТО НА ГЕОРГИ РАКОВСКИ КЪМ ИЗГРАЖДАЩИЯ СЕ НОВОБЪЛГАРСКИ КНИЖОВЕН ЕЗИК

Георги Раковски се оформя като книжовник още през 50-те години на XIX в. Първият му писателски опит са спомените му „Неповинен българин”, писани през 1854 г., в които все още личи неумението му да си служи със средствата на книжовния език. Но в първите му печатани трудове – „Предвестник горскаго пътника” /1856/ и първата част на поемата „Горски пътник” /1857/ - езикът и стилът са вече почти напълно оформени във вид, в който ги познаваме и от по-късните му произведения.

Романтичният му подход към българската история и към българския език се проявява и във възгледите му за характера на книжовния език. Воден от патриотични подбуди, той се стреми да докаже старинността на българския език и прякото му родство с най-стария, санскритски език, да го постави в основата на другите езици и по тоя начин да докаже превъзходството му над тях. Тези идеи дават отражение и върху опита му да изгради модел на книжовния език. Той добре е познавал новогръцкия книжовен език, силно архаизиран под влияние на старогръцкия език, и практиката в него, теоретически обоснована от гръцки филолози, е станала изходно начало при оформяне на неговия език. На новогръцкия книжовен език /катеревуса/ той иска да противопостави модел на новобългарски книжовен език, който е силно архаизиран под влияние на старобългарския език.

Че когато започва да пише, Раковски има пред очи новогръцкия книжовен език, се вижда най-ясно от „Горски пътник”. На съвременния читател правят странно впечатление съкратените форми на някои думи, което се използва от някои като доказателство за липса на поетически талант у Раковски. В същност тези съкращения трябва да се обяснят с влияние от новогръцката поезия която той има за образец /по това време той не е познавал руската метрическа система/. М. Янакиев правилно отбелязва: „Наистина от времето на Чинтулов и стария Славейков в нашата мерена реч такива съкращения не се използват с метризаторска задача, защото те са напълно чужди на руската мерена реч, но при внимателно вглеждане може да се забележи, че се подчиняват на строго правило: съкращава се само гласна в края на дума, ако следващата дума също започва с гласна. Макар и непривично за нас днес, този вид съкращаване на гласни се среща редовно даже в най-

високо ценени стихови творби на новогръцки език”. Примери: „Святины наши д’освободимы”; „Село върбица м’ е отъчество”.

Изхождайки от романтичния си блян да възкреси историческото и културно минало на българите, Г. Раковски показва мечтае и новобългарският книжовен език да възприеме повече елементи от старобългарския език.

Езикът на Г. Раковски показва известно сходство с канона на Пловдивската книжовна школа, но не се покрива с него. Общото тук е това, че и Раковски, и преставителите на Пловдивската школа използват старобългарския език за доустрояване на новобългарския книжовен език.

Подобно на Пловдивската школа и той пише **Я, Ю** след съгласните **Ж, Ч, Ш** /например: **участие, начяло, чювство, овчяря, държяло** и др./, възприема кратката форма на възвратното лично местоимение **СЯ** /напр. „**Бодра ся стража околъ поставя**”/. Обаче в стремежа си да възстанови употребата на някои старобългарски езикови форми отива и категории Раковски отива по-далече, отколкото Пловдивската школа. Той си служи с остарели вече падежни форми, въпреки че не винаги съумява да ги употреби в истинското им значение и функция, изоставя употребата на члена, защото го няма в старобългарския език, възстановява употребата на сегашни деятелни причастия от типа на **-аѣщъ, -юшть** /напр. **занимаѣщъ, знаѣщи, обящаѣщи** и др./, на старобългарските минали деятелни причастия от типа на: **избравъ, поставашъ в преселивши ся** и др., прибягва в някои случаи до употребата на инфинитивни форми /напр. „**А то чрезъ ничто друго неможе получить, токмо чрезъ истинское образование**”; „**кто незнае уцѣнити достоинство своихъ подданиковъ**”, стреми се да архаизира фонетиката и правописа на думите /**отъчество, мѣднь, каваль, чърно, гръчески**/.

Обаче архаичните елементи в езика на Раковски съставят все пак един по-горен, допълнителен пласт, който не може да измести народната му основа. Съчетанията **-ър, -ъл/ръ, лъ** между съгласни се предават според изговора им в североизточните говори, напр.: **кръвници, кървъвъ, българинъ, първый, търпѣль, гръкъ, върха**. Глаголите от I и II спрежение сегашно време 1 л. ед.ч. и 3 л. мн.ч. имат тъмни окончания, напр. **обержтъ, пасжтъ, кладжтъ, бержтъ, чужтъ**. Глаголите от II спрежение, чиято основа завършна на мек съгласен звук, имат меки окончания в 1 л. ед. и мн. ч. сег. време, напр.: **носѣжтъ, мыслѣжтъ, помнѣжтъ, кольжтъ, свирѣжтъ**. Раковски предпочита архаични форми за бъдеще време, образувани с помощта на спрегаем глагол **ща** и старата инфинитивна основа /”съкратен инфинитив”/, напр.: **щжтъ поживѣ, щѣмъ съобщава, раздѣлищж** и др., но наред с тях използва и съвременни форми, напр.: **ще купишъ, ще имжтъ** и др.

ИЗПОЛЗВАНА ЛИТЕРАТУРА

Георгиева, Е. и др., История на новобългарския книжовен език, Издателство на БАН, С., 1989, с. 182-191 (вж. Г. Раковски).

Русинов, Р. История на новобългарския книжовен език, С., 1984 (вж. Опити на Г.

Раковски и на Н. Първанов за създаване на книжовноезикови модели – с. 128-132).

КРИВОШАПОВА Наталья, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации филологического факультета Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика.
krivoshapova@spsu.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ПОЭТИКЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО (НА ПРИМЕРЕ ОНОМАСТИКОНА РОМАНА «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»)

В лингвистической науке часто предпринимается попытка филологического комментирования одного из самых известных романов Ф.М. Достоевского. Используя метод лингвостилистического анализа, мы рассматриваем особенности языковой реализации идей Достоевского в тексте романа. Стержнем внутренней композиции романа служит система семантических оппозиций: «грязное–чистое», «мрачное–светлое», «мертвое–живое», «медленное–быстрое», «незнание–осознанность», «существование–жизнь». Важными для организации структуры авторского повествования являются переключения точек зрения, реализация намеков путем многократного повторения ключевых слов, каламбур, игра слов, апелляция к ономастикону.

В романе «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевский применяет не только свой хорошо известный прием – внутренний монолог, который обеспечивает самоанализ и самобичевание, но в беспрецедентной степени разрабатывает игру с языковым материалом, с принципами повествования, с семантикой слов. Эти процедуры включают предсказания будущего, возвращение в прошлое, систему повторения и вариации, создавая большое семантическое пространство за многими словами и выражениями.

Множество семантических перспектив, ссылок на скрытые смыслы и неизвестное содержание, таинственные смысловые шифры – неотъемлемая часть Достоевского. Прослеживается связь с его резким отходом от рационализма. Достоевский отказывается от рационального мнения и устанавливает символический язык искусства, который лучше способен выражать сложность мира и человека. В его романе тексты представлены как логическое использование языка в целях наименования и классификации (чего стоит его почти полный перечень описания деталей преимущественно мужской одежды), отсюда и поэтика Достоевского.

В языковом плане можно увидеть параллель с сюжетным планом, в котором всегда есть больше углов обзора, больше перспектив — в обоих планах есть таинственные моменты, которые должны волновать читателя. Отличительная черта сложной личности Достоевского и его романов – тексты представляют собой предсказания, предвосхищения, прогнозы, перспективы будущих событий. Сам Достоевский присвоил себе пророческую роль в предсказании будущего России и показал, что он не ошибся (революция). Главные герои его романов – пророки, например, князь Мышкин прав вначале он предсказывает, что Рогожин убьет Настасью Филипповну, и даже указывает на орудие убийства.

Старец Зосима засвидетельствует свое почтение Мите во время посещения Карамазовых в монастыре, скажет о страданиях, которые его ждут – он предвидит, что его

приговорят к Сибири за убийство, которого он не совершал (об этом пока никто ничего не знает, убийство еще не произошло). В письме, адресованном Аглае, Настасья Филипповна описывает свою будущую смерть. Смердяков заранее знает, что будет. С ним якобы случился эпилептический припадок и тот упал в подвал — такое тоже случается, и читатель дополнительно он знает, что все это спланировано и сыграно великолепно. Многочисленные сны многих героев также являются пророческими.

В романах об убийствах («Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы») в начале мы узнаем, что произойдет или было совершено убийство, есть многочисленные предсказания катастрофы, и поэтому читатель должен читать дальше, чтобы узнать подробности убийства, и прежде всего, кто убийца? В то же время главные герои выглядят так, как будто у них может быть причина убийства и каждый мог его совершить. Читатель, как в настоящем детективе, все еще находится в предвкушении.

Предвосхищение — это ‘знать заранее’ (об убийстве, затем о революции) и раскрыть правду. В то же время устоявшаяся история постоянно подвергается сомнению при проявлении других исполнителей, которые предоставляют противоречивые, противоположные мнения, в этом и кроется подход автора к развитию сюжета. А «пророки», как предвестники, авторитетно объявляют о том, что будет.

Можно считать, что пророчества резонируют с Писанием, к которому Достоевский привык. За четыре года тюремного заключения в его распоряжении была одна единственная книга — Библия, которую он читал не переставая, изучал без усталости. Это чтение, вероятно, также было связано с созданием его отвращения к рациональным аргументам. В Библии множество предчувствий, пророческих знаков. Сам Иисус считал себя пророком и с самого начала знал, кто его предаст. Слово «предсказывать» в Новом Завете означает как Божье Провидение, так и Предопределение, а для Достоевского то, что произойдет в будущем, предвосхищается, и таким образом обновляется в большом количестве преднамеренных (иногда скрытых, таинственных) ссылок на действия в будущем, без очевидных причинно-следственных связей.

Непрерывные ссылки на будущее означают прорыв будущего времени в настоящее время, и они создают перспективную сеть, связанную с пророческой миссией Достоевского и его верой в особое предназначение России. Предопределение имеет основу главным образом религиозную — православие, русское монашество имеет на земле необычайную задачу, эта звезда будет сиять с востока. Поэтому Достоевский представляет старика Зосима и Алешу, двух в высшей степени положительных персонажей в противоположность бесовским тенденциям в обществе, также доказывает, что спасение для России видели в основном в православном христианстве. (В случае с Алешей образ абсолютной добродетели не удался).

Страх за Россию побуждает его искать идеал и спасение с помощью Евангелия и его предвидения, и пророчестве, чтобы предупредить крах и катастрофу.

У Достоевского предвосхищение ассоциируется с творческими лингвистическими практиками: выделение слов, наделенных метафорическими и символическими значениями, поэтические отсылки к скрытому контенту. Красноречивым является следующий пример выражения символа убийства как предсказание трагедии. Ревнивая Мила наблюдает за своим отцом, который ждет Грушеньку — темно, и Митя неожиданно шепчет, сам не зная почему: «Калина, ягоды, какие красные!» Митя, как и все пророки, является видит в темноте и заглядывает в будущее.

Устоявшееся выражение «Калина Красная» встречается в фольклоре, поэзии и прозе как предвосхищающий символ убийства (например, в одноименном произведении В.М. Шукшина). Достоевский включает этот символ непосредственно в свой собственный текст таким образом, что на первый взгляд не имеет ничего общего с контекстом. Это послание, метафорическое и в то же время метонимическое, имеет поэтический порядок слов, ритмизирован и действует наводяще.

Даже оним *Кармазов* символичен – говорит о носителе и намекает на трагический конец. (тюрко-татарское «кара» означает ‘черный’, в тексте также на семантическом и символическом уровнях фигурирует вариант Кармазова-Черномазова).

Пророки, провидцы являются носителями особой способности обнаруживать скрытое, внезапно замечая то, чего мы раньше не замечали. В конце главы, где Иван рассказывает Алеше «Легенду о великом Инквизиторе», которую он сам создал и где провозглашает формулу «все позволено», имея в виду сотрудничество с дьяволом, Алеша вдруг заметил, что уходящий Иван идет как-то вразвалку и смотрит из-за своего правого плеча, которое ниже чем левое. Это ассоциация Ивана, возможно, с Иваном Грозным, но, безусловно, с дьяволом, которого всегда изображают с физическими недостатками. Это предвкусение убийства, с чем дьявол всегда как-то связан, предвещает моральный и физический конец Ивана, из-за пособничества убийству приведут его к повторяющимся кризисам, пока он не впадает в безумие.

Достоевский четко выделяет моменты, которые становятся образом, символом, предвестником.

Пророческим считаем и ономастикон романа. В качестве ссылки на конкретный пример мы можем воспринимать безымянность Смердякова, только перед его смертью мы узнаем, что его зовут Павел Федорович. Отсутствие имен, вероятно, связано с тайной личности Смердякова, который живет в доме своего фактического отца в качестве прислуги. Как незаконнорожденный, он должен быть исключен из социальных бесед и дискуссий (вступает в первоначально) только потому, что к соседу по комнате следует обращаться по имени даже по отчеству. Точно так же в конце мы узнаем, что Грушенька была Светловой и что местом сюжета представляется собой небольшой городок с сумасшедшим названием Скотопригоньевск. Аналогичные процедуры обнаруживаются в любой части романа.

По словам Е.Г. Луговской, *«для русской литературной традиции характерно использование так называемых говорящих фамилий, наличие которых исследователи отмечают и в произведениях Ф.М. Достоевского, когда фамилия, а часто и имя персонажа становятся элементом его характеристики. Показательна в этом отношении фамилия персонажа романа «Братья Кармазовы» Смердяков. Оним, как и сказано в романе, происходит от слова смердящий, то есть вонючий: ...Впоследствии Федор Павлович сочинил подкидышу и фамилию: назвал он его Смердяковым, по прозвищу матери его, Лизаветы Смердящей. Но если в имени матери Смердякова понятие «смердящая» имело только буквальное значение, то фамилия Смердяков обретает глубоко символический смысл в определенном контексте: именно Кармазов Федор Павлович сочинил имя Павлу Федоровичу Смердякову (Кармазов Федор Павлович — Павел Федорович Смердяков — своеобразный словесный палиндром).* (Луговская. Проблемы языковой актуализации культурного компонента значения онима, 2008, с.18-23).

Склонность Достоевского искать пути и средства уменьшения, рассекречивания, деградации отражаются и на ономастиконе. Типичной чертой, пронизывающей все романы Достоевского, являются повторения и вариации. Повторяющиеся слова и онимы помещаются в новые контексты и часто приобретают иные значения.

Проницательный читатель обнаруживает в тексте романа аллитерационную структуру, ритмизованную и рифмованную, интегрированную в прозу как поэтические элементы. Достоевский любит выделять предметы и высказывания, которые становятся картиной, в тексте они проходят через спектр символов, которые не связаны друг с другом.

Автор пользуется именами латинского и древнегреческого происхождения, особое место у него занимают библейские имена. Оказиональным считается образование фамилий у Достоевского, но одно можно с уверенностью сказать, что онимы писателя говорящие, хотя в тексте романа редко встречается трехсловное именование героя (фамилия, имя, отчество). Сам Достоевский считал, что так герой раскрывается и обнаруживается, переставая быть загадкой для читателя.

По натуре своей он [Дмитрий] тотчас же бросился в крайность и сам начал нас из всех сил уверять, что Смердяков не мог убить, не способен убить. Но не верьте ему, это лишь его хитрость: он вовсе, вовсе еще не отказывается от Смердякова, напротив, он еще его выставит, потому что кого же ему выставить как не его, но он сделает это в другую минуту, потому что теперь это дело пока испорчено (Достоевский. Братья Карамазовы, 1991, Т. 10, с. 234).

Фамилии образованы классическим морфологическим способом образования посредством суффиксации (-ов, -ин), имена в единичном употреблении без отчеств и фамилий используются автором в полной или уменьшительно-ласкательной форме, но за ней симпатий автора мы не находим, разве что сочувствие или смирение.

Митя вздрогнул, вскочил было, но сел опять.. (Достоевский. Братья Карамазовы, 1991, Т. 9, с. 413)

Он [Дмитрий] же в эти два дня буквально метался во все стороны, «борясь с своею судьбой и спасая себя», ..., несмотря на то что страшно было ему уезжать, оставляя Грушеньку хоть на минутку без глаза над нею (Достоевский. Братья Карамазовы, 1990, Т. 9, с. 406).

Отчества остаются чисто русским элементом, в современном мире во многих странах отсутствует, но у Достоевского встречается в сочетании с именем при отсутствии фамилии. А когда известно имя и фамилия, отчество писатель опускает, чтобы раньше, чем планируется, не рассекретить героя. Достоевского в связи с отсутствием отчеств частот причисляют к европейским авторам, забывая о его национальной идентичности и об иных писательских целях и мотивах редукции отчеств.

С уверенностью можно сказать, что ономастикон романа «Братья Карамазовы», как и именования героев и мест действия в других его произведениях, является элементом языковой игры и неотъемлемой частью поэтики и художественного образа героя.

Мы заметили, что в современной художественной литературе авторы также уделяют особое внимание выбору имени своего героя, поскольку оно является одним из концептуальных основ всего художественного текста и выражает позицию автора по ключевым моментам повествования (Кривошапова. Полифункциональность антропонимов в прозе Захара Прилепина, 2021, с.41-46).

Антропонимы и антономазии (выражающиеся в замене имени через указание какой-нибудь существенной особенности лица или отношения его к чему-либо), интертекстуальная именная игра также выступают немаловажной характеристикой героя, а эти «художественные приемы включают имя героя в систему сравнений и противопоставлений, реальный текст на его различных уровнях, служат ключом к организации худшего в подтексте произведения, выделяют его мифологический фольклор и т. д.» (Николина. Филологический анализ текста, 2003, с. 256).

ЛИТЕРАТУРА

Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука, 1991. Т. 9. С. 5-570.

Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука, 1991. Т. 10. С. 5-295.

Кривошапова, Н. В. Полифункциональность антропонимов в прозе Захара Прилепина / Н. В.

Кривошапова // Вестник Приднестровского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – № 1(67). – С. 41-46.

Луговская, Е.Г. Проблемы языковой актуализации культурного компонента значения онима (на примере анализа функционирования онима Смердяков в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы») / Е. Г. Луговская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2008. – № 2. – С. 18-23.

Николина, Н.А. Филологический анализ текста / Н. А. Николина. – Москва: Издательский центр Академия, 2003. – 256 с.

СУХИНИНА, Мария, Тараклия, Република Молдова – caracon@list.ru

ЗООНИМИ В ЕЗИКА И КУЛТУРАТА НА ТАРАКЛИЙЦИ

Настоящата статия представя проучване на лексико-тематичната група за названия на неопитомени животни в Тараклия. За лексикалните единици, с които се наричат представителите на фауната, най-често в научната литература се използва термин «зооним» [21: том 5, 103-107]. Мнозинство от българските зооними в Тараклия са на изчезване, защото са изместени с руски думи. Голяма част от българските имена за животни се помнят само от по-възрастните хора или са запазили във фолклора. Сега е трудно да се установи, дали е имало тук изобщо български названия за кълвач, папагал, славей и др., защото те отдавна се изгубени. Във всекидневната реч все още се употребяват български имена *гълъб, гарван, косарче, врабчушка/врабченци, гаргашка, попоо прасе, зъмя* и др., но те не са много на брой. Затова е важно да успеем да документираме термините от местната народна зоология, особено тези, които притежават диалектни особености. Проучването има съпоставителен характер. Целта е не само да се представят регистрираните зооними, а и да се разкрие връзката им с българската лексикална система.

ПТИЦИ

Повечето от названията за птици са общобългарски и нямат различия с книжовния език: *паун, гълъб, кукувица, жерав, люлек, кукумявка, яребица, пъдпъдък, врабче, гарван, врана, фазан, гугутка* (S. decaocto). Думата *щъркел* съвпада с книжовната, а в Българския диалектен атлас (БДА) са посочени доста нейни варианти в България: *штърк, штъркол, клика, чапла, чаплик, лелек, кой* [3: 442].

Фонетични различия са отбелязани в отделни случаи: *буал* бухал, *урел* орел, *ластовичка* лястовица, *дуган* доган. Зоолексемата *фтичи* е фонетичен вариант на общобългарската дума «птиче», която е широко разпространена в Западните покрайнини и Североизточната България. В БДА са посочени и лексикални варианти на същият зооним: *вранче, гат* [3: 443] (Думата «*гат*» в Тараклия и на други места в Бессарабия се употребява само за назоваване на домашната птица. [19.:171], *гадина* [13:97].

Морфологични особености има названието за Урура ерорс – *папуница*, женски род, за разлика от книжовното «папуняк», мъжки род.

Семантични различия: не съвпадат по значението си с общобългарските зооними названията *косарче* и *гаргашка*. В Тараклия *косарче* е чавка *Corvus monedula*. В Кортен (Молдова) *кос'ар* е термин за птица *Turdus merula* [19.:100], за която не открихме термин в Тараклия. Зоолексемата *гаргашка* се употребява за название на сврака *Pica pica*, може би защото свраката, също както и гаргата, е от семейство Вранови.

Прави впечатление, че някои от зоонимите са общо название за множество птици. Например, зоонимът *дуган/дуг'ан* в Тараклия е общо название за соколоподобни Falconiformes и ястребоподобни Accipitriiformes, защото с този термин информаторите назовават и орела, и ястреба, и сокола. По всяка вероятност и зоонимът *врана* е бил общо название за птиците от семейството Вранови. Тази лексема откриваме само в поговорката «дету иди врана, се' усрана», иначе тя не се употребява. Забравена и думата *абройка*, която присъства само в народната песен от Тараклия «Кацнала й фтичка абройка в Стояновата градина...»

Названия на частите на птиците: *шайгун* шия, *удиничка* (водиничка) -- стомах на птицата, *джигер* черен дроб, *пиришуна* перушина, *ице* яйце, *мишничка*, *кукуруишка* -- птиче изпражнение. За назоваване на горната част от крака на птицата са отбелязани названия *копан* и *кълка*. Терминът *калфун* е фонетичен вариант на диалектната дума «калвун», която е разпространена в източните Родопи, Странжа, Малко Търново, Смолянско, Хасковско, Дедеагач (Александруполис в днешна Гърция). В БДА са регистрирани също и варианти кл'ун, кл'уница, клъфка, човка, чопка, чоџка, пупунец, гага [3: 444].

ВЛЕЧУГИ

Зоолексемите *жаба*, *гуцер* и *рак* са книжовни, обаче думата *гуцер* можем да чуем само от по-възрастните хора.

Фонетични различия с книжовния език имат термините *змя* змия и *черуф* червей.

Лексикални особености са отбелязани при названията за охлюв – *тодър-модър* и за стоножка – *зъмски запъртък*: «*Куту уапи човека, той пучернява къкту негу и умира*».

За *смок* смятат змия от семейство смокообразни Colubridae, «*дету на упаишката има гармуда*». Специално внимание заслужава зоолексемата *кочер*, която има локално значение. Тя съответства на руския зооним 'лягушка' – вид жаба, живееща във водата.

Интересни са имената на костенурката в Тараклия. Макар че тя не се явява представител на местната фауна, тя е имала дублирано название *куру'ба жаба* /*ко'кал'на жаба*, което е диалектно. Тези имена са записани от старите хора. В България е регистриран голям брой названия за костенурката: желва, желка, желбаба, костеница, коштанка, коританка, коруба, костена жаба, коруба жаба [14].

РИБИ

Българските названия за риби в Тараклия са твърде малко: *шаран*, *щ'ука*, *сом*.

Фиксиран е терминът *зъмска риба* – змиорка Anquillidae. С това име възрастните хора понякога наричат и скумрията, вероятно по аналогия със змиорка заради шарките ѝ.

НАСЕКОМИ

Общобългарски са зоолексемите: *скакалец*, *кърлиш* кърлеж, *въшка* въшка, *буба* буба, *мушичка* мушичка, *пипируда* пеперуда, *паек* паяк, *гъгърица* гъгрица, *бубулечка* буболечка, *пчелъ* пчела.

Фонетични особености притежават зоонимите: *муйъ* муха, *б'йла* бълха, *гъс'анка* гъсеница, *бумбар* бръмбар, *кушинка* кокошинка, *трънтул* търтей от рум. trântor [19:154]. Молците старите хора наричат *бабина душица* заради поверието, че това са душите на покойниците. Молецът има и друго название -- *мол'*, ж.р. (от рус. моль, ж. р.). *Калинка-малинка* казват на калинка (Coccinella septempunctata), *бо'жа кравичка* -- на великденче (Puffinoris apterus). Зоонимът *к'мар* е акцентен вариант на книжовното ком'ар. Заедно с думата *мравка* в Тараклия се употребява и локален зооним *марфунка*.

Многобройни са диалектните названия за поповото прасе (G. gryllotalpa) в България: «коньоцип» в Самоков, «конощреп» в Троянско, «рачка» в Петричко, «куркумишка» в някои части на

Североизточна България, «конопищица» в Свищовско, «конощипица» в Ловешко, «щипоконица» в Поповски регион[27]. Обаче местният вариант съвпада с общобългарския и има незначително фонетично отличие – *попоо прасе*.

БОЗАЙНИЦИ

Имената *видра, диву прасе* диво прасе, *заек, лисица, пор, плъх, лалугер, тарлеш* таралеж, *прилип* прилеп, *катрица* катерица, *камила* камила, *маймуна* маймуна имат незначителни звукови различия с книжовните. Звукови промени има и думата *въ'лък* – влък. В българските диалекти се срещат още: *вълк* (Западна България), *волк* (Югозападна България), *вък* (Пирин), *вольк* (Смолянско), *волек* (Ксантийско), *вук* (Ботевградско) и др. [17:126]. За носителите на традиционната българска култура вълкът е опасно, нечисто животно, свързано със зли сили. Вярват, че произнасянето на неговото име може да го предизвика. По табуистични причини евфемизмите, които се използват за вълка, са *сивият, сивчо, кум, кумашин* (Кюстендилско) [26:51]. В Тараклия казват: «*Сивите си утидаа*» за детето, което «*си изкара ината*» и се успокои.

Местното название за мишка съвпада с книжовното -- *мишка*. Мишките на различни места на българската езикова територия често са назовавани с табуистични имена като «момци», «глухари» [11], «глувци». [16]. Термините «миш», «поганец», «глуфар» са картографирани в БДА [3:436]

Диалектни са местните варианти: *сляпу кучи* къртица, *чирвена мишка* скачаща мишка Dipodoidea.

Названието за мечка е дублирано: *мечка / мецана*. *Мецана* е оценъчна лексема и най-често се употребява като иронична характеристика за едра жена. Същият зооним се открива и в други български говори: *меца* (Самоков), *мецан, мецана* (Долновардарско) [26:51].

Бозайник от семейство Порови, невестулката *Mustela nivalis* е най-малкото животно от разред Хищници. Поверия и практики, свързани с невестулката, я характеризират като свръхестествено същество. В различните региони на българската етническа територия за нея се използват евфемистични имена, което е начин да се направи опасно и чуждо същество свое [17:122-124], Повечето от названията за нея са свързани с родството по сватовство. В Тараклия невестулката наричат *батъоа булка/ батъоа бул'чица*. Названието означава 'съпруга на по-големия брат'. Семантичният модел *невеста, булка* е тясно свързан с българската етиологична легенда за невестата, която от човек се превръща в малко мъстително животно, защото не проявява послушание към свекърва си.

Ефемистични названия за невестулката, в които основен компонент е роднински термин по сватовство, са следните:

- названия с компоненти невеста или булка: *невеста, невестичка, невестица, невяска* [2: 227; 7:589-590], *гелинджик* [4:236], *байнова булчица* (Кортен, Новоагорско), *байнова булка* (Мальк. манастир, Ямболско), *байновица* (Бургаско), *батюва невестка* [2: 21], *банова булчица* (Харманлийско), *байновка, радева булчица, царева невеста* (Арх. Романски), *невестульчичка* (Сярско, *лелина булка*. В Ихтиманско невестулката наричат *невестица-оруглица* (оруглица е сватбено знаме.) [8], На места невестулката е още «*попадийка*», «*попова булка*» или «*попова снаха*», която е играела ролята на невеста при погребение на умрял хайдутин. Погребението се провеждало като сватба [24].
- названия с вътрешна форма кума: *калманна, калиманна* (Югоизточна България), *калиманка, кръсничка, мишкина калиманка, миша калиманка* (Смолянско). Названието

кръсничка се свързва с факта, че в традиционната култура кумът изпълнява функцията и на кръстник на децата. Имената *мишкина калиманка*, *миша калиманка* са свързани с ритуалните практики за прогонване на мишки, за които невестулките са природни неприятели. «Калиманко, ела у дома на миша сватба» така почитателно-лукаво селяните примамвали невестулката да им помогне срещу мишата напаст [28; 16].

Срещат се и названия, свързани с кръвното родство с компонент *майка*, *сестра*, *леля*, които са сравнително редки: *кумова сестра* (Арх. Романски), *миша майка* (Смолянско), *леля* (Еленско).

Отбелязани са умалителни и умилюващи имена за невестулката като «*убавичка*», «*ненагледница*», «*кадънка*» (Чирпанско); «*благовче*». Праславянското *laska* ‘проявена към някого нежност’, изходното за повечето славянски езици евфемистично назоваване на невестулката, [31:59–62; 25: 274] се е запазело в Югозападна България и Северна Македония като зооним «ласица».

В някои краища на българската етническа територия невестулката е по-известна като «*кокарджа*», която в превод от турски е ‘якичка’: Родопи; Бояна, Варненско; Pietreni, румънска Добруджа [5:5331;18;22].

Интересни названия за невестулката привежда Борислав Попов [26:49]: *безимник* (Илинден, Гоцеделчевско), *бизимелец* (Тешево, Гоцеделчевско), *незнаенче*, *незнайник* (Гърмев, Гоцеделчевско), *що си нема име* (Делчево, Гоцеделчевско),), които ни връщат към етимологията на думата *невеста* като ‘непозната’, ‘неизвестна’. Непознатото и неназованото в народната култура на българите е опасно и чуждо. Според народните вярвания, нейното име не бива да се споменава на глас. Названията *безимник*, *бизимелец*, *що си нема име* може да се свържат с табуирането на името ѝ [17:122-124].

Названия на части на тялото на животните: *гръчмул* трахея, *ципа*, *було*, *рибица*, *далак*, *бъбрек*, *пуска* пикочен мехур на животно, *злъчка* жлъчка, *шкембе*, *джигер* (*бял и черен*) дроб, *гуша*, *козина*. За назоваване на горната част от крака се употребяват названия *плешка* и *бут*, които не притежават диалектни особености. Местното название за опашка на животно е дублирано: *упашка/ куйрук*. Лексемата *куйрук* в България има мозаично разпространение: Сливенско, Ямболско, Бургаско, Драмско (днешна Гърция). В БДА са регистрирани и варианти *пашка*, *опаш*, *упашка*. [3:438]

ФАМИЛНИ ИМЕНА, СЪДЪРЖАЩИ ЗООНИМИ

В тараклийската атропонимна система са отбелязани редица фамилни имена с зоокомпоненти: Дериволков, Боримечков, Лисица, Пител, Азман (овен = хазман в Твардица [13:109], Кочев, Гергеледжи (коњар), Чебан(овчар), Кавлак (от тур. ‘стар вол’) – разпространено в България на различни места [23:141], Карамалак (от тур. ‘черно биволче’) – в България не е регистрирана [23:142], Малак.

ПРЯКОРИ, ОБРАЗОВАНИ ОТ ЗООНИМИ:

Гълъбуйти, Рацуйти (Урдеците), Паунуйти, Жабити, Зайкуйти, Въл’чущкити, Вълкуйти, Вълкануйти, Письонкити, Сомчуйти, Питела Моню, Куришкув Сашу (съкратено от *кукурушка* – ‘птиче изпражнение’), Бумбароо Степанъца, Фцъта Васил, Кучката Димитър, Урела Валя, Шарана Петър, Дуганя, Гарванчиту, Гарвана Улян, Мечиту, , Дятил’читу, Видра, Фъшка, Гашка (съкратено от *гаргашка*).

ПОВЕРИЯ И ПРАКТИКИ НА ТАРАКЛИЙЦИ, СВЪРЗАНИ С НЕОПИТОМЕНТЕ ЖИВОТНИ

Старите хора казват:

- *Мишката излязла нафура, и' пураснали крила и тя се преубърнала на прилип.*
- *Койту иска да намери разковниче, загражда вечертъ манинкити тарлежчатя с камъни. Майка им нуц'а утива да тръси таа тревъ. Турга га на камънти, камънти падат, пък ти си зимаши тревъта.*
- *Рану времи, да съ утървът ут плъуи, зимаа пръс ут дупката им и вързваа га в платочи. На пазаря, да не види никуй, мушкаа платочиту в чужда каруца и казваа «Утивайти еди – де (утдету й каруцата), там въ викат на свадба»*
- *Крилоту ут прилип гу държаа в сандъка или гу зараваа пуд прагъ, зам да привлича има'нету*
- *куту гръчи гаргашката пред къця ду пладн'а – за убоо, пудър пладн'а зад къцата – за просту.*
- *Куту си чул пролеттъ първия път пупуница и ни си турил на тоо ден нищу в устата, жаа вуни ут устата ти цяла гудина*
- *Не е убоо в март да вали дъж. Дажи **мишката** да не пикай на нивата!»*
- *«Нидей плачи, чи жаа напощи мишкити», – казват на детето.*
- *На **въл'чи/вълчишки** празници (23и 24 февруари, на св. Харламтий и св. Влас) ни са преде, ни са режи, ляп ни са пече, нойцити са върсоът, зам да не режат – са върсоъ устата на вълъка, зам да не накъса дубитъка.*

Лястовичката е любимата птичка на тараклийците. Всички искат да имат нейното гнездо под стряхата си, защото тя носи щастие.

Когато видят щъркел или лястовичка през пролета, сваяят мартеничките си, слагат ги под камък и следят.. Ако се явят буболечки под камъка, ще има богата реколта.

Забраняват на децата да убиват жаби. Заплашват ги, че ще умре майката им.

Бесят попово прасе за да вали дъжд.

Щом закрепци кукумявка по покрива на някоя къща: «Куку-мяу, куку-мяу», хората се страхували, че ще умре някой от своите...

Старите хора вярвали, че невестулката е изключително отмъстително животно Ако и' причиниш зло, тя непременно ще намери начин да «ти го върне. Който ще и' се пресмей или я разсърди, тя ще разкъса дрехите му. Затова, като я видиш, трябва да и' казваш, колко е красива и хубава.

Момите слагали в пазвата си крило на прилеп, заклан със сребърна гривна, за да се лепят по тях ергените, както прилепът се залепва по стените под стрехите..

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бояна (Кокарджа). Изгубената България** <https://www.lostbulgaria.com>
2. **Българска митология. Енциклопедичен речник.** Съст. А. Стойнов. София, 1994.
3. **Български диалектен атлас.** Обобщаващ том I-III. Фонетика. Акцентология. Лексика. София, 2001.
4. **Български етимологичен речник.** Т. 1. София, 1971.
5. **Български етимологичен речник.** Т. 2. София, 1979
6. **Български етимологичен речник.** Т. 3. София, 1986.
7. **Български етимологичен речник.** Т. 4. София, 1995.
8. **Генчев, Ст.** Български ритуални практики, свързани с невестулката. Известия на Етнографския институт с музей, т.13, 1974
9. **Геров, Н.** Речник на българския език. Т. 2. София, 1977.
10. **Геров, Н.** Речник на българския език. Т. 5. София, 1978.
11. **Домашни мишки** – Уикипедия <https://bg.m.wikipedia.org>
12. **Зеленин, Д. К.** Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии. Запреты на охоте. – В: Сборник музея антропологии и этнографии. Т. 8. Ленинград, 1929, 1–63.
13. **Зеленина, Э. И.** Сравнительный тематический словарь трех болгарских сел Молдавии. Българска диалектология. Проучвания и материали. Книга X. София, 1981

14. **Идеографски диалектен речник на българския език**, том I: А –Д, С., 2012
15. **Илчев 1969: Илчев, Ст.** Речник на личните и фамилните имена у българите. С., БАН, 1969.
16. **Како ловеле глувци во минатото** — Невестулката во македонските народни верувања
<https://www.mkd-news.com>
17. **Китанова, М.** Евфемизмите в българската традиционна култура. Известия на института за български език, БАН. Книга XXX
18. **Кокарджа** | Wikiwand <https://www.wikiwand.com>
19. **Кондов, В.** Кортенските колонии в Бессарабия. в светлината на езикова археология. Ономастика. Език. В. Търново, 2005
20. **Кънчева Мурджева (Панчева) И.** Етнографско изследване на с. Свобода (Алипашиново), Чирпанско. София, 2007
21. **Марудова А. С.** К вопросу о содержании термина «зооним». Идеи. Поиски. Решения: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., ВГУ им. Машерова Минск, 2015 г. : в 6 т. <https://elib.bsu.by.com>
22. **Невестулка. Как да се отървем от кокарджа?** <https://zona98.com>
23. **Неделчев, Н.** Бесарабските българи в Тараклия (история, диалект, речник). Социолингвистично изследване. В. Търново, 1998
24. **Ненов, Н.** Хайдутинът на бесило и неговата невеста. Фолклористично общество – гр. Руссе <https://www.ongal.net>
25. **Попов, Б.** Общ модел за табуистичност на индоевропейски названия на диви животни. – В. Езиковедски проучвания в памет на проф. Йордан Заимов. София, 2005, 273-280.
26. **Попов, Б.** Табуистични названия на хора и животни в югозападните български говори. Македонски преглед, 1998, 3
27. **Попово прасе** – Уикипедия <https://bg.m.wikipedia.org>
28. Празници, обичаи, традиции от община Чипровци.
<https://web.archive.org/web/20111115002148/http://chiprovec.top-board.com/t255-topic>
29. **Речник на родопските думи.** <https://napenalki.com>
30. **Симеонов, Б.** Прабългарска ономастика. Пловдив: Фондация „Българско историческо наследство“, 2008.
31. **Трубачев, О. Н.** Русские ласка, ласточка. – В: Этимологические исследования по русскому языку. Вып. 2. Москва: Издательство Московского университета, 1962.

Д-р **Николай Тодоров** – преподавател по български език и литература в Тараклийския държавен университет „Григорий Цамблак“ (гр. Тараклия, Република Молдова) – nictodorov@gmail.com

БЕЛЕЖКИ

ЗА БЪЛГАРСКИЯ ПРЕВОД НА ИНСТРУКЦИЯТА ЗА ЗАДЪЛЖЕНИЯТА НА СЕЛСКИТЕ КМЕТСТВА (РУС. „ИНСТРУКЦИЈА В ОБЯЗАННОСТАХЪ СЕЛСКИХЪ ПРИКАЗВЪЗ“),

Общи характеристики

Инструкцията е съставена на руски език от главния попечител на отвъддунавските колонисти в южна Русия генерал-лейтенант Иван Никитович Инзов, после е преведена на български и публикувана за пръв път през октомври 1821 година (после е преиздавана няколко пъти). Името на преводача остава неизвестно¹, но очевидно е че е бил образован човек и българин по народност¹, който познава езиковата ситуация в района, владее руски и черковнославянски език. Текстът е преведен на народен източнобългарски диалектен език, тъй като формирането на новобългарския книжовен в началото на двадесетия век е било едвавам в началото си. Необходимостта от превод вероятно е продиктувана от факта, че преселниците наскоро са пристигнали от метрополията в Бесарабия, и все още не са разбирали добре руския език. От гледна точка на историята на българския език текстът на превода представлява извънредна ценност.

Някои графични и правописни особености

Текстът както на руския оригинал, така и на българския превод е набран не с граждански, а със старобългарски (черковнославянски) шрифт. При това графичните и правописните особености на руския оригинал очевидно оказват влияние и върху българския превод. И в руския оригинал, и в българския превод за номериране се използват не арабски или римски цифри, а старобългарски букви, респективно за числото 1 е използвана буквата А, за числото 2 буквата В и т.н.

Буквата А (малка носовка) се използва вместо по-късната буква Я, ср. рус. *обязанностиахъ* вм. *обязанностиахъ*, *христианѣ*, *ѡтаахъ*, , Словоотделянето в българския текст понякога се различава от приетия

¹ Най-вероятно преводът на български език да е осъществен от Васил Ненович – родолюбив и високообразован българин от Свищов, който представлява пред руските и влашките власти българските заселници

днес, ср. *занаєрзѣлаване, надобръ ретъ*, за покорение народителите, *даса испълнава*; впрочем и в руския текст има подобни грешки, ср. *в нераздєлении семѣнствѣ, въ селскомъ сообществе*

Буквата Ъ както в руския, така и в българския текст се използва за означаване на звук Е, ср. рус. *о взборѣ* бълг. *за извиранѣ, вардѣнѣ почѣтъ на свѣщеницитѣ*

Буквата Ъ се използва за означаване на твърдостта на съгласния както в руския така и в българския текст, ср. рус. *сельскихъ Старшинъ*; бълг. *даса обрацаватъ сас тѣхъ*, има обаче случаи на употреба на Ъ в българския текст за обозначаване на гласен звук Ъ, и то ударен, ср. *испѣнава, кѣщити* *вм. кѣщите прѣвѣн, надлѣжѣтъ какъ съ длѣжни спѣнава*

Буквата Ѡ, вкл. и лигатурата Ѡ̄, в някои позиции (вероятно по черковнославянска традиция): ср. *вглавление, вблзаность, в повиновени, в содержани, бѣлг. даса вбращават сасъ тѣхъ, раздѣлване Ѡ̄тѣхъ вбщество, втъ господарството си даса не втлсчава*

Отражение на фонетичните свойства на българския диалект

Силна фонетична редукция на гласните А в Ъ, О в У, Е в И, в неударена позиция, ср. *зѣпочет* *вм. за почит, селскити, кѣга, дѣтъ, гѣлеми, вардини* *вм. вардене, въ кѣщити си, искоринаване*
Затвърдяване на съгласните: *ходѣтъ, правѣт вардѣт* *не съ примѣт съ* *вм. се*

Използване на падежни конструкции: *за развиране работите селскимъ приказомъ; присѣдствие єдного старшини; скасѣване семѣнственихъ раздорѣв*

Използване на пълен член на място на непълен: *да ходѣт прѣвѣн при тѣхнѣтъ приказъ, за приказѣтъ селски и неговѣтъ долгъ за варденѣ зговорѣтъ*

Специфична форма на глаголна форма от несв. вид: *наглѣдѣват* *вм. наглѣждѣтъ*
Форми за бъдеще време – *шатъ да вѣдѣтъ*

Лексикални особености, вкл. и грешни преводи

рус. статья е преведено като *глава*

рус. съществ. вблзанность е преведено с конструкция *да +прилагателно – длѣжни са*

повиновени – за покорение

порѣдок – русизъм, но се употребява в текста и *ретъ*, ср. *надобръ ретъ*

Даса – възвратната частица СЕ се пише (съответно се е и произнася) като СА – така е и днес. Тя не се възприема като отделна дума, може би под влияние на руската правописна норма възвратната частица да се пише слято с глагола, ср. *возвращаться*.
здрѣди вѣ. за

относящихся – дету надлежѣтъ удачен превод, за пръв път неудареното Ъ си е на мястото, обикновено се обозначава с А

в почитании – зъпочетъ на Свѣщениците Предлогът ЗА написан слято вместо А е Ъ.

Свѣщеници – запазено е свойственото на българския език редуване К/Ц пред предноезичен гласен И

неразделение семѣнствъ – занаеразделѣванѣ от тахъ

в уважении престарѣлыхъ людѣи – за почитане престарелите хора

в сохрании согласѣ в сельскомъ сообществе – за варденѣ зговоратъ в селското общество, общество е с ударение на последната сричка, както и днес.

Удачен превод на руската дума согласие – зговоръ.

Своеобразен превод на думата *сохранение* – варденѣ.

Селскити – пълна редукция на неударения И във втора следударена позиция

Съ длѣжни – Ъ под ударение и без ударение

Кѣгда = кога, пълна редукция на О

Спѣлѣва – изпълнява

Производство – произвеждат!

в разворѣ – за разбирѣнѣ – неправилен превод

За разбирѣнѣ работите сельскимъ приказомъ – творителен падеж! Синтактична заемка
рус. запрещение – запрено

рус. не в очередь преведено неидетъ. Отражено е обеззвучаването на неударения звук Д в краесловието, въпреки наличието на краесловен „гласен“ Ъ, което означава, че в живата реч тази буква вече е нямала реална звукова стойност

собиране приказа род.-вин. падежна форма

За катѣдневното присѣдствие єдного Стѣршини заемка от руски на падежна форма заедно с грешката

Форма за бъдеще време – щѣтъ да вѣдатъ

о недопущении — за не допущаване

За примиряване и скласяване семейственнихъ разборов род. падежна форма
хозяйственными занятиями — господарско занимание

кабахатени и глобени какво имат да теглатъ рус. провинившиися преведено с турцизма
кабахатени

Подвергать наказанию — какво има да теглат

Заклучение

Както вече е отбелязано по-горе, текстът на българския превод на Инструкцията в
обязаностхъ сельскихъ приказовъ на генерал Иван Инзов представлява извънредна ценност като
писмен езиков паметник, чиято уникалност се състои не само в ценността му като извор на
информация за езиковата ситуация сред българското население в Бесарабия
в началото на 19 век, но и като пръв опит за съставяне на официален канцелярски документ на
новобългарски език. Този паметник е ценен не само за историята на българския език в
Бесарабия, но и също и в метрополията.

III. ФОЛКЛОР. ЛИТЕРАТУРОЗНАНИЕ

БАНКОВА, Емилия, научен сътрудник – Научно дружество на българистите в Република Молдова, Кишинев - emilia_bankova@mail.ru

ГЕОРГИ РАКОВСКИ КАТО ЕТНОГРАФ И ФОЛКЛОРИСТ

Една от най-светлите и велики исторически личности от епохата на Българското възраждане 18-19в. е Георги Стойков Раковски. Той се откроява блестящо като разностранна и богата личност: поет, писател, публицист, журналист, фолклорист, езиковед, етнограф, историк, военен ръководител, дипломат, борец за духовно и политическо освобождение на българския народ. И всичко това правил от безкрайна и гореща обич към поробеното отечество България.

Между видните дейци на българското Възраждане, започнали към средата на миналия век да обръщат по-сериозно внимание на език, поетическата страна и народен бит, особено видно място - както по широта на интересите си така и по страстна любов към делото – държи Г.С. Раковски (Арнаудов, с. 236).

През одеския период от своята дейност главно място заемат неговите научни исторически издирвания, разбира се с основна цел да ги направи достойние българския народ за повдигане на неговото национално самочувствие и воля за освобождение. Той пише: « Народ, който не може да опознае себе си, нищо важно не може никога да извърши!». Този период от живота му се характеризира с голяма плодовитост в книжовна област. Ценна помощ в материално отношение, за да се занимава с книжовна дейност получава от Николай Миронович Тошков, щедрий български благодетел, у когото Раковски бил настанен при пристигането му в Русия, в Одеса.

Изследванията на Раковски върху фолклора образуват само една страна от замисления му план за реставрация на българската история, тъй тъмна в своите начала. Раковски си поставя за задача да пръсне светлина в мрака на миналото и да възстанови за простия ум и за всички досегашни учени верига, която свързва днешното състояние на българския народ с най-отдалечените му исторически съдби.

Отчасти под прякото влияние на Венелин, отчасти под влиянието на ония народнически идеи, възвестител на които в Сърбия се явява Вук Караджич и които пълнят духовната атмосфера, гдето ще се движи, когато напуща България, Раковски се предава с всичката си жар на етнографско-исторически проучвания и проявява широка дейност както в събиране, така и научна разработка на материалите.(Арнаудов, с. 249).

Когато става на Раковски ясно какви съкровища за науката, особено за историята, храни народната памет и каква роля могат да изиграят те в делото на националното съвземане, той извиква в ума си видено и чуто в детинството, всичко преживяно през

многократните странствувания из България. В неговото творчество поразява ни богатството от ясни спомени и вярно описани – по собствени впечатления отнякога – сцени из живота и разни обичаи и поверия. В книги и вестници, в писма и разговори той апелира да се намерят събирачи на материали и изследвачи на българската старина. Особено държи той на това, да бъдат материалите вярно записани, според народния говор.

В Одеса в 1859 г. той завършва своя капитален труд «Показалец», един богат сборник от материали за бита и душевността на българина, представляващ същевременно и една своеобразна програма за етнографското проучване на живота му. В него са отбелязани българските народни обичаи и обреди, свързани с раждане, женитба и погребение, с домашните занаяти, религиозни и други празници, народни игри и танци, детски игри, врачувания, баяния и гадания. В програмата му широко място заемат народните песни, старинните предания и легенди, ръкописи, сведения за стари кърджалийски времена и пр. Той смятал да изложи живота на българския народ в три последователни части. В първата част, която успял да издаде в Одеса, той дава географски, етнографски и културни сведения за «днешните българи», разглежда актуални въпроси на тогавашната действителност, засягаща проблеми на собствеността на българина в Турция, данъчната система и пр.

«Показалец» остава и до днес великолепен паметник на българския фолклор и на българската етнография. Достоверност на свидетелствата, живост и топъл тон на описанията, неподправена любов към всичко архаично-наивно в поезията препоръчват от най-симпатична страна автора, сближавайки го така с Л. Каравелов. Характерно е вече пълното заглавие на труда: « Показалец или ръководство, как да се изисквът и издирят най-стари чърти нашего бытия языка, народопоконения старого ни правления славнаго ни прошествия и пр. от Г. Раковского Часть първа. (Одеса, 1859, 144с.) За епиграф съчинението има пословицата: « Бащино огнище не оставяй, стари обичаи не презирай».

Съчинението си Раковски дели на три части. Първата част обхваща: програма за изворите, от които можем да почерпем за старата си култура и за историята от покръстването на Преславския двор до падането на България под турското иго; днешните българи в етнографско-географско отношение; очерки за българското земеделие, ораченство, градинарство, лозарство, виноделие и други есенни и зимни работи; описание на народното облекло; после на седенки, тлаки, сборове и сватбени обичаи; най-сетне очерк за българското скотовъдство, занаяти и търговия.

Втората част трябва да обхваща обичаи при раждане и смърт, сравнени със съответните староиндийски; старобългарски митологични песни.

Третата част дава описание на село Котел.

Прави впечатление, че Раковски смесва в труда си задачите на етнографа, фолклориста, филолога и историка. Планът му е твърде широк и иска да обгърне целокупното минало на народа – с умисъл да се докаже по живите свидетелства в езика, бита, топонимията и пр. произходът на българите от най-старото огнище на цивилизацията и от люлката на индоевропейските народи - Индия.

Становището на Раковски при описание и обяснение е това на романтика-патриот. Във всичко, дори в най-невинната подробност, той вижда дълбоко езическа старина, автохтонно славянско начало и навред той тълкува обичаи или песни като свидетелства

за някогашна висока култура на българите. Редом с това върви тенденцията към идеализация на народния бит, в духа на морална чистота, и на народната песен, смятана естетически за нещо, което не се срами от сравнение с всяка друга поезия.

«Показалецът» бил възторжено възприет от българската интелигенция: свищтовски учител Тодор Хрулев му пише: «Слава и благодарение на скъпите ви трудове, с които откривате темната завеса на българската народност! Живейте, новий Венелине! Нека ви бъде халал българското мляко, което ви е отдоило, нека ви бъде халал живота и таланта!...» Българските ученици в Киев му пишат: «Достоуважаемий Ваш плод, називаемый «Показалец» или «Ръководство» наистина ще зарадва нашата бедна книжнина, дето ся обогатява с една такава първоклассическа книга: той не само от съвремените българе ще ся приеме с радост, но и от потомството им. Вярно, че те Вашето имя ще запишат в нашата народна история безсмъртно!». С този си труд Раковски се утвърждава не само като голям български патриот, но и като учен.

Наред с работата си по «Показалеца» Раковски бил в кореспондентски връзки с редица будни и интелигентни българи и събирал народни фолклорни материали, особено народни песни, които много ценял като верен източник за културния и душевен живот на българския народ, а и като изразители на неговото историческо минало. От кореспонденцията му от пребиваването му в Одеса узнаваме, че той вече е събрал «близо 4000 български народни песни и още събирам».

На 1 септември 1860г. Раковски започва да издава вестник «Дунавски лебед», който играе епохална роля в развитието на българската общественост и култура и най-вече за националноосвободителното движение. На страниците на вестника се дава насока на общественото мнение на всички злободневни въпроси през онази епоха. В програмната си статия той оповестява, че на страниците на вестника ще помества материали за българската книжовност, история, фолклор, четива и др., ще разглежда «положението на народа според обстоятелствата».

Заедно със статиите по международна политика и борбите по църковния въпрос, Раковски помества на страниците на «Дунавски лебед» серия от литературни материали, народно творчество, наред с многобройните дописки от българските земи, изпълнени със сведения за живота и проблемите на българския народ. Например, в брой 6 и 7 Раковски обнародва изпратена му песен за Индже войвода, която придружава със свои обстояйни фолклорни и исторически обяснения. «Дунавски лебед» изиграл изключителна роля вътре в България. Той бил посрещнат с радост и възторг от българските родолюбци навсякъде, където попаднал. До излизането му такъв вестник българите не са имали.

В 1865г. продължава книжовните си занимания, подготвя дълго проектираното списание «Българска старина», от което излиза само един брой.

Като завършваме прегледа си на по-важните изследвания на Раковски, можем да кажем в заключение:

Научните трудове на Раковски, и специално тези из областта на фолклора, имат за изходен момент един *национален идеал*, общ за всички поколения от Паисий до Освобождението. Не интересите на чистата наука, а практически цели ръководят изследователя и обуславят неговите общи гледища. В това отношение Раковски е

представител на една от основните тенденции на немското романтично движение, проникнало по разни пътища и в славянското народоведение.

Макар и остарели като теория, изследванията на Раковски все пак пазят цената си поради събрания в тях фактически материал и са достойни за добра памет по силата на своята просветителна-научна роля. Те не само допринасят за делото на общественото самосъзнание, като откриват една, макар и своеобразна, историческа перспектива, но и подтикват към фолклорни занятия мнозина съвременници (Арnaudов, с. 256).

С научната си дейност, макар и не винаги прецизна, той поставя началото на грижливи езикови и етнографски проучвания, фолклорни издирвания и събиране на исторически документи и материали.

И днес голяма част от нравствените идеи и оценки на Раковски звучат съвременно и могат да служат като светъл пример на подрастващото българско поколение. В този смисъл Раковски е жив между живите.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. **Арnaudов М.** Очерци по българския фолклор. Том 1. – София, Български писател. – 1968. - 683с.
2. **Българската възрожденска интелигенция** . Учители, свещеници, монаси, висши духовници, художници, лекари, аптекари, писатели, издатели, книжари, търговци, военни.... Енциклопедия. Съставители проф. д-р Н.Генчев, Кр. Даскалова. – София, 1988.- 739с.
3. Георги Раковски.- В: **Кънчев И., Колев И., Мишев М.,** Българската история в 100 личности.- София, 2014. – с.93-96.
4. **Христо М. Йонков.** Георги Стойков Раковски. Биографичен очерк. – София, 2005. – 95с.

БАТЫР Татьяна, д-р, унив. конф. / доцент – ТГУ имени Гр. Цамблака, Республика Молдова – tbbatir@gmail.com

ПОЭЗИЯ И ПРАВДА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация. В статье рассматриваются различные интерпретации понятия реализм, правда, их сопряженности с поэтикой в творчестве Ф. М. Достоевского как самим писателем, так и видными философами, учеными–специалистами в области достоевведения.

Ключевые слова: *Ф. М. Достоевский, реализм, поэтика, поэзия, правда*

«POETRY AND TRUTH» IN THE CREATION OF FYODOR M. DOSTOEVSKY'

Abstract. The article considers various interpretations of the concepts realism and truth, as well as their relationship to poetics in the works of Fyodor M. Dostoevsky, both by the writer himself and by the prominent philosophers and scholars in Dostoevsky studies.

Keywords: *Fyodor M. Dostoevsky, realism, poetics, poetry, truth*

Имя Ф.М. Достоевского внесено в скрижали мировой культуры наряду с выдающимися пророками, гениями, историческими личностями, воспринято теми, кто жил, и кому предстоит сохранить на века и тысячелетия высшие и лучшие проявления человеческих дарований. Вопреки утверждению Державина, «реке времен» не подвластно унести своим течением живое, вечно пульсирующее слово писателя. Жизнью и творчеством, составляющими единство Федор Михайлович открыл человека человеку.

«Опыт Достоевского» философ М.К. Мамардашвили называет важнейшим эпизодом «духовной истории, культуры», являющим нам «как бы первый пример современного интеллектуального труда» [10, с. 152].

С одной стороны, Логос Достоевского вобрал в себя макрокосм эпохального, воспроизводящий массив знаний и чувствований, с другой – неисчерпаемый микрокосм самости, самопостижения и самополагания, глубину и широту *каждой* отдельной личности с ее неповторимой ранимостью, болью, светом, надеждами, отчаянием и разочарованием, сосредоточенностью и углубленностью, смиренностью, покорностью и бунтарскими порывами.

Мир идей у Достоевского совсем особый, оригинальный мир. Поистине в Достоевском есть что-то от Гераклитова духа. Все в нем огненно и динамично, все в движении, в противоречиях и борьбе. Идеи у Достоевского – не застывшие, статические категории, это –

огненные токи. Все идеи Достоевского связаны с судьбой человека, с судьбой мира, с судьбой Бога. <...> Мир идей у Достоевского совсем особый, оригинальный мир [3, с. 8].

Мир Достоевского тревожит, волнует, увлекает, вызывает интерес, порой отталкивает, но никогда не оставляет наши сердца неизменными, порождая новые чувства, мысли, и всегда – движение, изменение. Это происходит оттого, что талантом художника судьба наделила реалиста, жаждущего найти и донести правду.

«Поэзия и правда: из моей жизни» так озаглавил свое автобиографическое сочинение немецкий поэт и ученый И.В. Гёте «Поэзия и правда истории» – название мемуаров французского дипломата и военачальника Л. де Сен-Симона. *Поэзия и правда творчества*: такое определение наиболее точно передает смысл и содержание созданного великим русским писателем.

Мамардашвили в работе «Сознание и цивилизация» ссылается на Л. Х. Борхеса, назвавшего поэзию таинственной «по определению» ибо никто не знает до конца, что удалось написать. То есть поэзия содержит нечто в принципе не до конца известное и самим автором» [10, с. 153]. Сказанное в полной мере можно отнести к творческому методу писателя Достоевского. Как автор и мыслитель он «рождался <...> дискретными мгновенными рождениями внутри своего писания. <...> И на волне такого усилия и напряжения и создается какое-то особое время жизни, не текущее хронологически, но то, в котором ты пребываешь. Создаётся напряженная зона сознания» [10, с. 154].

Фёдор Михайлович считал, что «не внешнее правдоподобие», «не копирование с действительного факта» является правдой. Правда художника всегда сопряжена с поэзией, она всегда символична, настоящая правда «всегда неправдоподобна». В письме к Тургеневу от 23 декабря 1863 г. писатель наречёт реализм, понимаемый как копирование «действительного факта» «убогим», а реалистический метод, применяемый в писательском деле ограниченной утилитарностью. Напишите им самое поэтическое произведение; они его отложат и возьмут то, где описано, что кого-нибудь секут. *Поэтическая правда* считается дичью. [6, с. 60,61]. И раньше, и сейчас Достоевского продолжают упрекать в том, что он изображает жизнь в столь резких столкновениях, конфликтах, даже катастрофах, что он чрезмерно жесток в своем восприятии действительности. В связи с этим неоднократно ставился вопрос о том, можно ли назвать Достоевского реалистом, т. е. писателем, правдиво отражающим действительность.

В декабре 1868 года Фёдор Михайлович писал Аполлону Майкову: «Ах, друг мой! — Совершенно другие я понятия имею о действительности и реализме, чем наши реалисты и критики. Мой идеализм — реальнее. это исконный, настоящий реализм! Это-то и есть реализм, только глубже, а у них мелко плавает... Ихним реализмом сотой доли реальных, действительно случившихся фактов не объяснишь. А мы нашим идеализмом пророчили даже факты. Случалось...». [5, с. 65]. Спустя 13 лет, в конце жизни в Дневнике писателя за 1881 год Фёдор Михайлович напишет: «Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой». [5, с. 65].

«При полном реализме найти в человеке человека» [5, с. 65] — вот кредо писателя. «Это русская черта по преимуществу, и в этом смысле, я конечно, народен. При полном реализме найти в человеке человека. Это русская черта по преимуществу, и в этом смысле я конечно народен (ибо направление моё истекает из глубины христианского духа народного) — хотя и неизвестен русскому народу теперешнему, буду известен будущему [5, с. 65].

Современный литературовед К.А. Баршт, специалист по творчеству Достоевского отмечает, что писатель пользовался словом «реализм» в своих спорах с журналами «Современник», «Русское слово» и изданиями А. А. Краевского. В статье «О реализме в высшем смысле и символ веры» Баршт дает следующую интерпретацию художественного метода

писателя: «Герой-философ Достоевского создает сюжетное событие, жизненную ситуацию за пределы бытовой нормы, где человек действует «не так как все» и «не так как должно», Поступки героя Достоевского мотивируются принципиально иначе, нежели поступки человека, погруженного в заботы об общественном признании, поэтому выглядят необычными, немотивированными, неоправданными, ‘донкихотскими’ или попросту глупыми. Задача художника – поймать этот «высший смысл» и подключить его к решению насущных жизненных задач, поступков. Основной принцип художественного метода Достоевского заключается в связывании обыденной реальности с историей мироздания на уровне вопроса о смысле бытия в целом и жизни отдельного человека, в частности.» [2, с.35] Полагаем, что данная трактовка задач, поставленных перед собой писателем, метода, которому он следовал для их достижения, ближе представлениям самого Достоевского о реализме в высшем смысле. «Развитие» понимаемой таким образом идеи реализма нашло отражение как в его художественном и идеологическом содержании. Литературоведы, критики, писатели по разному определяли реализм в высшем смысле: «опытный» (Д. Н. Овсянко-Куликовский) «христианский» (В.Н. Захаров) «онтологический» (Т. А. Касаткина). Нам представляется, что характеристика Вяч. Иванова метода писателя как «идеализм-реализм», «мистический реализм», «реалистический символизм» наилучшим образом отражает небесно-земную слиянность вечного с преходящим, микроуниверсума с непостижимостью макросоциума; заглядывание по *ту* сторону реализма, его гравитационное обнуление, критерием правды которого не могут быть ни понятия, ни опыт, ни нормы обыденного, привычного. Герои Достоевского, если и не ломают эти нормы, то скрупулезно подвергают их сомнению, предлагая иную оптику, иное звучание, берутся за лечение хронической глухоты и слепоты, невозможность избавления от которых общеприняты и общепризнаны.

Русский литературный критик Ю. И. Айхенвальд, называя Достоевского «писателем катастроф, психологом метаний», [1, с. 91] считает, что действительность писателя «запутаннее, богаче, сложнее, чем это кажется другим», а человек у него «слишком чувствует жизнь, <...> редко в состоянии ее выдержать» [1, с.93].

В 1869 г. Федор Михайлович, находясь во Флоренции, напишет своему первому биографу, философу и публицисту Н.Н. Страхову «У меня свой особенный взгляд на действительность (в искусстве), и то, что большинство называет почти фантастическим и исключительным, то для меня иногда составляет самую сущность действительности. Обыденность явлений и казенный взгляд на них, по-моему, не есть еще реальное, а даже напротив. В каждом номере газет Вы встречаете отчет о самых действительных фактах и самых мудреных. Для писателей наших они фантастичны; да они и не занимаются ими; а между тем они действительность, потому что они **факты**. Кто же будет их замечать, их разъяснять и записывать! Они поминутны и ежедневны, а не **исключительны**» [7, с. 19] Гениальность Достоевского-художника проявляется в редкостной способности сочетать странное, трудно поддающееся пониманию с очевидным и этом глубоко реалистичным. В этом кроется одна из загадок притягательности писателя. Его правда – трудная ноша, с которой не хочется расставаться даже в самых непроходимых местах. Её удивительное свойство – не обременять, а помогать преодолеть, сохранять, принимать, преобразовывая и преобразовываясь. Правда, способная удивлять, увлекать, постигать... Реальность в чистом виде как отображение, копирование отталкивает, пресыщает, а «неправдоподобной» правде автора «катастроф» невозможно не верить. Не это ли есть «вечная правда Достоевского» [8, с. 8]?

В предисловии к публикации «Три рассказа Эдгара По» Фёдор Михайлович писал: «Он почти всегда берет самую исключительную действительность, ставит своего героя в самое исключительное внешнее или психологическое состояние и с какою силою пронизательности, с какою поражающею верностью рассказывает он о состоянии души этого человека». Однако,

считая По одним из своих главных учителей, Достоевский ставил Гофмана намного выше. В той же заметке он отмечает, что у автора «Кота Мура» «есть правда, идеал иногда не точно поставленный; но в этом идеале есть чистота, есть красота действительная, истинная, присущая человеку» [4, с. 89] «Правду» Гофмана Достоевский не отделял от нематериальной фантастичности, поэтики. Сказанное в отношении американского и немецкого писателей вполне можно отнести к методу Достоевского, к его поэтической правде.

Время со всей ясностью показало, что в писателе, у которого «действительность «невероятна», а «правда неправдоподобна», человечество испытывает онтологическую потребность, а его идеи и образы будут продолжать находить отклик в сердцах людей разных культур и эпох.

Литература:

1. Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. М., 1908. – 166 с.
2. Баршт К.А. О «реализме в высшем смысле» и символе веры Ф. М. Достоевского// *Russica Romana. Rivista internazionale di studi russistici.*–2017. – Vol.XXIV. – С.29–46.
3. Бердяев Н.А. Мировоззрение Достоевского. Прага, 1923. – 238 с.
4. Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 30 томах. Т. 19. Л.– 1979. – 359 с.
5. Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 30 томах. Т. 27. Л.–1984. – 463 с.
6. Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 30 томах. Т. 28. Кн. 2 –Л. .– 1985. – 616 с.
7. Достоевский Ф.М. Собр.соч. в 30 томах. Т. 29. Кн. 1 –Л. .– 1986. –573 с.
8. Захаров В.Н. Имя автора –Достоевский. Очерк творчества. М.,2013.– 456 с.
9. Иванов В. Собрание соч. в 6 томах Т. IV 1987 Брюссель. – 800 с.
10. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. М. – 2004. – С. 149-166.

БИЛАОНОВА Марина,

кфн, доцент кафедры философии философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия.

ПУРЫНЫЧЕВА Галина,

дфн, профессор, заведующая кафедрой
философии Поволжского государственного
технологического университета, ФГБОУ ВО
«ПГТУ», ВОЛГАТЕХ, г. Йошкар-Ола, Россия.

О ФИЛОСОФСКИХ ИСКАНИЯХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО В ЧЕЛОВЕКЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация: В статье дана реконструкция темы человека в творческих исканиях Достоевского.

Abstract: The article reconstructs the theme of man in Dostoevsky's creative quest

Ключевые слова: русская духовность, человеческая природа, бытие, зло, добро, свобода, ответственность, чувства, переживания, страдания.

Keywords: Russian spirituality, human nature, being, evil, good, freedom, responsibility, feelings, experiences, suffering.

Ф.М.Достоевский при жизни не был признан духовным выразителем нации, однако, этот сильный мыслитель, великий художник был популярен в России, а сейчас его творчество в значительной степени интересно и западному читателю. Этот интерес объясняется глубоким проникновением мыслителя в строй русской души, глубины человеческой природы. Вероятно поэтому, его часто называют главным философом России, постигнув замыслы которого, можно приоткрыть тайны русского духа, России. (Шишкина В.И., Пурнычева Г.М. История русской философии (XI – начала XX вв): Йошкар-Ола: МарГТУ, 1997. - С.233-246).

Споры вокруг его творчества возникли с первых произведений и продолжают в XXI веке: стремление угадать смыслы, дать новые интерпретации, необычные описания реальности бытия русского человека или представить как странное сочинительство, непонятное западному уму. (См.: Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. – М., Изд-во И.Захаров, - 2001.) Методологические решения, критические установки, мировоззрение таких специалистов – достоевсковедов часто приводят к уничтожению подлинных смыслов произведений Ф.М. Достоевского. Его героев трактуют, например, в духе Фрейда, а проблематику романа «Братьев Карамазовых» как рассказ писателя о самом себе.

Экзистенциалисты в оценке Достоевского исходят из собственных смыслов и понимания, перенося их на героев Федора Михайловича, что собственно приводит к искажению его творческих замыслов. Им сложно понять взволнованную русскую чувствительность и смысл нравственных недугов личности.

Представляется, что погружение в сюжеты Ф.М.Достоевского требует знания русской социальной реальности, психологии русского человека, его переживаний, эмоциональных состояний, мотивов поступков, поднимающих человека до святости и низвергающих в бездну бесчестия и преступлений.

Если исходить из формального определения философии как систематического, теоретического мировоззрения, то Ф.М.Достоевского трудно назвать философом, например, В.С.Соловьев не считал Достоевского философом. У него много чувствительных переживаний, субъективности. А вот Альбер Камю не отрицает связи философии с литературным творчеством: «Думают только образами. Если хочешь быть философом, пиши романы».

Известна попытка систематизировать философские идеи Ф.М.Достоевского, особенно после ссылки в Сибирь, представленная работой Р.Лаужа (Философия Достоевского в систематическом изложении. М.: Республика, 1996. 447 с.).

Эффективными кажутся методологические решения, предложенные Ю. Г. Кудрявцевым трехкругового анализа творчества писателя (См.: Три круга Достоевского. Событийное, временное, вечное. М., 1991.).

В центре внимания Достоевского – человек и его жизнь, полная исканий, страданий, переживаний. Это «философия человека», философская антропология. Человек – это сложно: человеческая природа иррациональна, антиномична. В ее глубинах – огненное движение. За внешней простотой скрывается динамичная сложность. Проявление этой сложности и исследует Достоевский поиском в человеке добра и зла. Иногда они разводятся по разным героям (например, ранний Достоевский, роман «Бедные люди»), а иногда уживаются в одном человеке. Нет людей абсолютно добрых или абсолютно злых. Граница добра и зла видится Достоевским в биологическом, внутреннем, а не в социальном. Зло, он полагал, заложено в глубине человеческой природы, в ее иррациональной свободе. И человек (а не социум) ответственен за зло. На трагическом жизненном пути, в опыте жизни зло сгорает и человек приходит к свету. Через страдания, искупление вины освобождается он от зла.

Герои Достоевского мучают друг друга, страдают, живут с огромным напряжением... Старец Зосима и Алеша познали зло, сумели преодолеть пороки и выйти к высшему состоянию. А Раскольников, считая себя избранным, могущественным, полагает, что ему все можно (где правильные границы свободы?). Можно убить зло - ничтожное, безобразное существо – старуху процентщицу? Оказывается, нет! Этот поступок – убийство самого себя. Никакие благородные, возвышенные цели не оправдывают преступления. Всякий человек, сотворенный по образу Бога, имеет безусловное значение.

Эта тема пересекается с темой свободы. Достоевский не отождествляет свободу с добром, истиной, совершенством, поскольку в противном случае мы приходим к отрицанию свободы, к признанию принуждения и насилия. Принудительное добро становится злом, перерождается в зло. Принудить к добру нельзя (это трагедия свободы и тайна христианства).

Заметим, что уже с первых литературных опытов (роман «Бедные люди») Ф.М. Достоевский – это оригинальный мыслитель для современников, потому что в поле его зрения оказался «маленький человек» (мелкий чиновник Макар Девушкин), и этот герой заговорил, обрел голос, рассказывая о себе и судя других, оценивая окружающую реальность. Оказалось, что в соотношении личность – общество, открывается новая

форма познания – психологический портрет героя. Деушкин – бедный человек, но с амбициями – он болезненно гордый. Его волнует оценка других, что о нем думают «наверху», что говорят о нем. Он – раб «чужого мнения» и поступает в обычной жизни, ориентируясь на него. При этом теряет всякое уважение (и к себе) и любовь Вареньки. Помраченный гордыней и тщеславием Макар Деушкин нарушает все христианские заповеди и из глубины его души поднимается зло. Ф.М.Достоевский показал эволюцию «бедного человечества», воспротивился утопическим идеям возможности нравственного перевоспитания богатых через «благодеяния».

Для познания глубин человеческой души во всем ее многообразии, отстаивания достоинства человека потребовались изощренные методы психологического анализа: наблюдение, самонаблюдение и самоанализ, внутренний опыт – индуктивный, созерцание, «озарение», практическая дедукция.

Достоевский смог показать все возможные формы насилия человека над человеком, их корни – в общественном бытии людей. Но он открыл и другое: какой внушительной силой может обладать бесконтрольное «Я», даже если у него добрая воля. Думается, что подчас страшные, но яркие описания психологических состояний героев, их подлинность, порой нервное возбуждение до физической боли, стали возможны не столько из-за изобретательности писателя, сколько из-за глубокого погружения автора в ситуации непримиримости к злу.

Так, будучи потрясен фактом убийства до глубины души, Достоевский ищет причины поступков убийцы, постигает его душу, страдания и делит ответственность за содеянное с ним. Мы все, общество, люди из тупого равнодушия цивилизованных эгоистов причастны к содеянному... Переживая потрясение сам, он смог взволновать и читателя.

Сложность человека выясняется Достоевским через соотношение сознательного и бессознательного. Многие проявляется через чувства, которые часто трудно объяснимы (объяснить, за что любят, ненавидят средствами логики не возможно).

Бессознательное проявляется в снах, и у героев романов они играют важную роль, наполнены большим смыслом. Страх – глубокое чувство, но причину его бывает не назвать (страх покойника, например, по логике надо бояться живых). У Достоевского большую роль играет смех, он служит для определения сущности человека. Если он искренний – это глубокое бессознательное, без причины, а лже-смех Раскольникова – попытка продемонстрировать беззаботность, обмануть следователя.

Обмороки, галлюцинации, припадки служат в романах способом проникновения в глубины человеческого бессознательного, выполняя охранительную, защитную, профилактическую функцию.

В творчестве Достоевского много страстной любви, она, как поедающий огонь, захватывает героев, заставляет страдать, тяжело мучиться. Это трагедия на путях человеческого бытия.

Часто в сюжетах любовь двойится (у Достоевского часто любовь двоих), нет прекрасных, романтических образов. Женщина в мужской антропологии не является самостоятельной ценностью. Она оттеняет трагические события в жизни мужчины (любовь Ставрогина ко многим женщинам, Мышкина к Настасье Филипповне, Мити Карамазова к Грушеньке, любовь Версилова к Екатерине Николаевне). В таком изображении чувства любви много демонического, темного, истребляющего. Все это нагнетает обстановку, усиливает напряжение. Все мучаются и мучают друг друга, в итоге остаются одинокими. Таким образом мыслитель удерживает нас в текстах, восполняет сознание в интерпретации душевных мук (отношение Раскольникова с Сонечкой Мармеладовой, которая сострадательно самоотверженно любит).

Возможно ли среди «униженных и оскорбленных» героев романов найти идеал человека Достоевского? Действительно, мало светлых красок в описании героев. Человек у него одинок, живет в стихии равнодушия, не надеется ни на чью помощь, дистанцируется от людей, от мира. Реальность сурова и неприглядна. И даже дети в ней несчастливы, вечно задумчивы, тихи. Много тайны в сюжетах. («Записки из Мертвого дома», «Подросток»). И все же некоторые черты идеала выведенные, как нам представляется, в образе князя Мышкина («Идиот»), являются воплощением нравственности и красоты, каким для Достоевского был Христос, как совершеннейшее существо («Легенда о Великом инквизиторе»). В Христе человечество нашло свое сущностное измерение, свой общий идеал. (Marina Bilaonova, Tatiana Karandaeva, Galina Purynycheva THE PROBLEM OF IDEAL IN THE SOCIAL AND HUMANITARIAN REFLECTION в журнале Proceedings of SOCIOINT 2018 - 5th International Conference on Education, Social Sciences and Humanities, 2-4 July 2018 - Dubai, U.A.E, с. 274-278).

«Самый русский из всех русских писателей Ф.М. Достоевский часто воспринимается еще и как источник современного нигилизма, как анархического, бесцельного бунтарства, стремящегося к разрушению всего существующего. Умонастроение с установкой на отрицание общепринятых идеалов, ценностей, норм морали и культуры. А. Камю современную его историю обозначает словами Ивана Карамазова «все позволено», раз Бога нет.

Общеизвестно признание Ф.М.Достоевского и как предтечи экзистенциализма. Можно обратиться к французской литературе XX века для подтверждения. Так, А.Камю считал себя его учеником и последователем: «мы похожи, у нас одно сердце... (с его героями). Культ психологической сложности – это реабилитация всех источников, чувств и мыслей только потому, что они исходят из «Я». «Нет любви к жизни без отчаяния в ней». В своем первом эссе Альбер Камю пишет: «Я привязан к миру каждым моим жестом, к людям – всей моей жалостью и не люблю, когда другие выбирают между изнанкой и лицевой стороной мира». (Бунтующий человек. // Изнанка и лицо. : (сборник; пер. с фр.) / Альбер Камю. – Москва: АСТ, 2014. – С. 51-54). Романы Достоевского Камю считал практической философией.

Безусловно, что размышления о философских исканиях Достоевского о загадках природы человека и человеческого бытия, воспринимаются по-разному в силу различий мировосприятия. У каждого, получается, свой Достоевский и говорим мы о нем на разных языках, фиксируя каждый свое понимание.

Важно, что и в XXI веке Ф.М.Достоевский держит, растит читателя, побуждает к раздумьям над смыслом бытия, к поискам и защите человеческого в человеке.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 томах. – М., Изд-во Наука, - 1972.
Бердяев Н.А. Мирозерцание Достоевского. – М., Изд-во И.Захаров, - 2001.
Кудрявцев Ю.Г. Три круга Достоевского. Событийное, временное, вечное. М., 1991.
Лауж Р. Философия Достоевского в систематическом изложении. М.: Республика, - 1996.
Камю А. Бунтующий человек. // Изнанка и лицо. : (сборник; пер. с фр.) – Москва: АСТ, 2014.
Шишкина В.И., Пурынычева Г.М. История русской философии (XI – начала XX вв): Йошкар-Ола: МарГТУ, 1997.
Marina Bilaonova, Tatiana Karandaeva, Galina Purynycheva. THE PROBLEM OF IDEAL IN THE SOCIAL AND HUMANITARIAN REFLECTION в журнале Proceedings of SOCIOINT 2018 - 5th International Conference on Education, Social Sciences and Humanities, 2-4 July 2018 - Dubai, U.A.E, с. 274-278.

ВОЛКОВСКАЯ Мария, кандидат педагогических наук, унив. конф. / доцент, Тараклийский государственный университет им. Г. Цамблака, Республика Молдова – mariavolc@mail.ru

ТВОРЧЕСТВО Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ

В настоящее время большое внимание в мире уделяется проблеме глобализации как в экономическом плане, так и в культурном. Многие процессы унифицируются, утверждаются общечеловеческие ценности. Учащиеся и студенты приобщаются к мировой культуре в целом, в том числе и к всемирной литературе. Знакомясь с художественными произведениями разных стран, они обогащают свой жизненный опыт, учатся сравнивать, как одни и те же проблемы раскрываются авторами разных эпох и стран.

Существует ряд писателей мирового уровня, которые знакомы каждому культурному человеку. Одним из таких авторов, безусловно, является Ф.М. Достоевский. Несмотря на определенную сложность его произведений, он на протяжении уже достаточно длительного времени входит в «топ» самых известных авторов. Если смотреть на рейтинги, популярные на Западе, вроде «100 популярных писателей» или «100 известных книг», имя Достоевского будет обязательно там присутствовать.

Выходит большое количество публикаций о писателе, которые рассматривают его творчество с литературоведческой, культурологической, философской точек зрения. Достоевский стал феноменом современной мировой культуры.

Его произведения неоднократно экранизировались, воплощались на сцене не только драматических театров, но на оперной и балетной сцене. Например, в Японии, где интерес к Достоевскому велик, его произведения предлагаются в виде комиксов.

В середине 80-х- начале 90-х годов, с приходом нового взгляда на мир, демократию, революцию многие читатели открыли для себя роман «Бесы», который в советские времена был полузапрещенным произведением. Если на Западе этот роман был популярен еще в XIX веке, то в России он воспринимался как злобная критика революционного движения. Только в самом конце XX века наши современники поняли идеи Достоевского, который еще век назад пытался показать опасность радикализма революционных и атеистических идей.

Когда люди на постсоветском пространстве вновь обратили свои взоры к православию, на первый план вышел роман «Идиот».

В последнее время возник интерес к мало знакомому широкому кругу читателей рассказу Ф. Достоевского «Кроткая».

Традиционно в лицах изучается роман «Преступление и наказание».

Невольно возникает вопрос: в чем притягательность этих произведений? Почему они востребованы как у русскоязычных читателей, так и у читателей Европы, Америки, Азии? Чтобы ответить на этот вопрос, попробуем рассмотреть основные проблемы, раскрываемые в произведениях Достоевского, типологию его характеров, сравнить некоторые произведения Достоевского с западноевропейскими произведениями.

Часто объясняется этот мировой интерес попытками познать «загадочную русскую душу». Но, на наш взгляд, этот феномен надо рассматривать шире.

Можно сказать, что у представителей разных стран и культур «свой» Достоевский, который помогает им найти ответы на волнующие их вопросы. А именно эти вопросы и являются актуальными.

Более того, хотя герои Достоевского обычно надломленные, рефлексирующие, что было характерно для многих произведений русской литературы XIX века, они близки к героям западноевропейской литературы. Достоевский, живший в Европе достаточно долгое время, отразил в своих романах как национальные русские черты характера, так и общечеловеческие, западноевропейские со своими порокам и достоинствами. Мы можем говорить в этом плане о двустороннем процессе влияния творчества Достоевского на европейскую литературу и европейской культуры на русского писателя.

Часто говорят, что национальные характеры и судьбы людей в России и Западной Европе разные, что усложняет их взаимодействие. Но еще великий русский критик В. Белинский писал: «...Каждый народ заимствует у другого особенно то, что чуждо его собственной национальности, отдавая в обмен другим то, что составляет исключительную собственность его исторической жизни и что чуждо исторической жизни других» [2, с. 45]. Безусловно, это видно и на творчестве Достоевского и таких европейских авторов, как Стендаль, В. Гюго, О. Бальзак и др.

Можно проследить влияние Виктора Гюго на Достоевского, который высоко ценил его творчество.

Христианская мораль, восстановление падшего человека, который становится таковым в силу неодолимых жизненных обстоятельств, интерес к униженным обществом людей – вот те проблемы, которые неоднократно поднимает в своих романах В. Гюго и которые будет анализировать в своих произведениях Ф. Достоевский.

Легко прослеживается параллель между судьбой Мармеладова из романа «Преступление и наказание» и Тенардьё из романа Гюго «Отверженные», Сонечкой и Фантиной.

Весьма похожи образы епископа Мириэль из романа «Отверженные» и старца Зосимы из романа «Братья Карамазовы». Оба призывают к любви к ближнему, смирению, добру. И хотя эти образы не являются главными, в них отражены идеалы самих авторов.

Нет никаких фактов о знакомстве Ф. Достоевского с творчеством французского писателя Стендаля, но трудно не заметить типологическое сходство героя Достоевского

Ф. Раскольников из романа «Преступление и наказание» и героя романа Стендаля «Красное и черное» Жюльеном Сорелем.

В романе Ф. Стендаля «Красное и чёрное» идет речь о молодом честолюбивом Жюльене Сореле, который любыми средствами готов взойти по карьерной лестнице вверх. Его кумир – великий полководец Наполеон Бонапарт. История Раскольникова в какой-то степени – русский вариант Жюльена Сореля. Для них обоих очень важна идея безграничного самоутверждения личности, и оба сторонника этой идеи пришли к преступлению. И лишь в самом конце произведений, после сильнейших душевных потрясений герои отказываются от первоначальных убеждений: Жюльен – в тюрьме, а Раскольников – на каторге.

Эта идея двух великих романистов не умерла и по сей день. Мы и сегодня, в XXI веке, можем встретить таких раскольниковых и сорелей. Поэтому весьма важно читать эти произведения с подрастающим поколением, обсуждать эти проблемы. Эти герои стали уже типажам.

Еще одним французским писателем, который был близок по духу Достоевскому, был Оноре де Бальзак. Достоевский напрямую указывает, что свою первую повесть «Бедные люди» он написал под впечатлением романа О. Бальзака «Евгения Гранде».

Особое влияние на Достоевского оказал роман Бальзака «Отец Горио». История молодого Растиньяка – это эволюция нравственного падения, который готов на всё ради положения в обществе. Перед ним, как и перед Раскольниковым, встают те же жизненные проблемы бедности, желания помочь своим близким.

Однако если Бальзак считал, что в современном ему обществе неизбежно падение нравов, то Достоевский верит в раскаяние и подъем после падения.

Есть еще два произведения мировой литературы, которые можно сравнить с точки зрения идей, заложенных в них. Это роман испанского писателя Мигеля Сервантеса «Дон Кихот» и роман Достоевского «Идиот». Как Дон Кихот, так и князь Мышкин, являются исключительными нравственными личностями, настолько не похожими на остальных, что их принимают за сумасшедших. Оба автора сравнивают своих героев с Христом, которого тоже не понимали окружающие его люди.

Дон Кихота и князя Мышкина объединяет то, что они, с одной стороны, по-детски наивны, чисты, беспомощны перед жестоким реальным миром, а с другой стороны, обладают глубоким умом, любящим сердцем и стремлением помочь всем, желанием служить высоким идеалам.

Эти два образа стали уже нарицательными. Наши современники, даже если не читали эти бессмертные произведения, знают особенности характеров их героев.

Нельзя не согласиться с известным литературным критиком Ю. Айхенвальдом, который писал: «Русская судьба «Дон Кихота» – не просто национальная версия общекультурного процесса, но один из редких в истории культуры примеров превращения частного литературного явления одной страны в доминанту культурной и общественной жизни другой страны, с неизбежной утратой многих, если не большинства конкретных историко-литературных особенностей». [1 с. 18]

Мы провели только некоторые параллели между произведениями Ф.М. Достоевского и западноевропейскими писателям. Как мы видим, русский писатель вдохновлялся идеями своих предшественников. В XX и XXI веке многие деятели культуры,

литературы вдохновляются, в свою очередь, произведениями Ф.М. Достоевского. Сравнивая произведения разных авторов, мы приходим к выводу, что происходит постоянный диалог культур, перед читателями предстает не только одно произведение, но целый спектр разнообразных проблем, идей. Они являются актуальными практически во всем мире. Именно поэтому 200-летний юбилей Ф.М. Достоевского отмечается повсеместно, подчеркивая значимость его творчества, общечеловечность.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Айхенвальд Ю.** Дон Кихот на русской почве. Нью-Йорк, 1982. – т.1. https://vtoraya-literatura.com/publ_3066.html
2. **Белинский В.Г.** Полное собрание сочинений. М., 1953 – 1959. – т.7.
3. **Кривицын А.Б.** Творчество Достоевского в контексте европейской литературы. <https://portal-slovo.ru/philology/42345.php>

ДИМИТРОВ Эмил – доктор, доцент Института литературы БАН, София, Болгария. Председатель болгарского общества имени Ф.М. Достоевского. По его предложению публикуем статью-рецензию А.Н. Кочеткова „Диалоги с вечным современником“, посвященной сборнику «Антропология Достоевского, изданному в Болгарии, см. Рецензии.

СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ У ДОСТОЕВСКОГО: ИМЕНА И ТОПОСЫ

Резюме⁴²

Тема *Достоевский и Святая земля* – одновременно и маргинальная, и центральная для творчества Достоевского. Она – маргинальная, потому что писатель никогда не бывал в Святых землях, неизвестно и об его попытке совершить такое поклонническое путешествие. С другой стороны, наша тема – важная, центральная тема всего творчества русского писателя, потому что Святая земля является *метонимией* Библии, она есть привилегированный топос Слова Божия, которое не только было единственным спутником писателя в каторге, но является еще и важнейшим, центральным „действующим лицом“ в симфонии „голосов“ Достоевского, смысловым предельным горизонтом его мира.

В докладе сделана попытка выявить источники познаний Достоевского о Святой земле и показать „присутствие“ библейских топосов в его художественных произведениях. На основе текста „Дневника писателя“ (июль-август 1877), высказана идея о том, что в конкретном историческом моменте Болгария была воспринята Достоевским как некоей *метонимией Святой земли*; глубочайший мотив и импульс русского народа в освободительной войне 1877/1878 г. в действительности носил религиозный, а не славянофильско-политический характер.

⁴² К сожалению, автор не смог в указанные сроки подготовить свой доклад для публикации в сборнике. Но тем не менее мы, безусловно, очень признательны ему за участие в нашей конференции.

КАРА Надежда, доктор филологии, унив конф. / доцент, старший научный сотрудник, Институт культурного наследия, Кишинев, Республика Молдова – knadejda50@yandex.ru

ЖЕНЩИНА И ПРЕДМЕТНЫЙ МИР В СКАЗКАХ БОЛГАР МОЛДОВЫ

Резюме

В статье на примере сказок болгар Молдовы рассматривается роль предметных реалий в фольклорном тексте как маркеров этнической картины мира в ее локальном варианте (болгар Бессарабии). Показана символическая и аксиологическая функция предметов, проявленная в контексте повествования, а также их роль в раскрытии образа женщины как носителя традиционных ценностей.

Ключевые слова: *локальный вариант традиционного текста, этнические особенности предметного мира, символика и аксиология предметных реалий, традиционные качества женщины.*

Сказки болгар Молдовы, представленные в сборнике «Кортенски фолклорни приказки, пословици и поговорки от България и Молдова. 190 години от преселването на кортенци в Бесарабия» (Кортенски...2019), дополняют материалы сборника «Късметливата Неда», куда вошли тексты, собранные в среде болгар Бессарабии (сегодня Украина и Молдова) и Таврии (Късметливата Неда 1994).

До сих пор сказки болгар Молдовы не были объектом изучения для филологов, в частности специалистов-фольклористов. Можно назвать только несколько работ, в которых представлен материал по изучению этих сказок (Кара 2020: 274-280; Кара 2021: 119-124; Кара 2020: 37-44; Кара Н. В. Жилище в новеллистических сказках и анекдотах болгар Молдовы (этнокультурные особенности) (в печати).

В современной науке сказки изучаются не только фольклористами, но и специалистами ряда наук о человеке – изучается история народа, традиционная культура, картина мира и этническая ментальность, отраженная в языке и текстах фольклора. Один из современных подходов к изучению сказок – этнокультурологический, где сказка рассматривается как отражающая особенности этнической культуры.

Исследователь И.П. Черноусова, касаясь вопроса о представлении этнической ментальности в языке фольклора, подчеркивает: «Фольклор как моделирующая система

традиционной народной культуры отражает и воплощает социальный опыт, ментальные установки, духовные ценности носителя этой культуры в фольклорной концептосфере, представляющей собой систему традиционных культурно-этнических смыслов и выраженной в характерных для этнического мировидения данной культуры языковых формах, поэтому он выступает выразителем этнической ментальности» (Черноусова 2015).

Мир человека в текстах сказочного фольклора представлен как мир природный, предметный, социальный и духовный. В сказках болгар Молдовы нас интересуют, в частности, особенности предметного мира, который, как известно, отражает не только элементы повседневной жизни персонажей (с их общечеловеческими и этническими особенностями), но и несет аксиологическую информацию, т.е. представляет систему ценностей этноса, что является одной из основных характеристик сказки.

В последнее время появилось немало работ, затрагивающих проблему предметных реалий в фольклоре, входящих в картину мира человека. Большинство таких исследований осуществляется в рамках этнолингвистического направления. Особый интерес в этом отношении представляют, безусловно, словари народной культуры: «Славянские древности», «Словарь народных стереотипов и символов» (Славянские древности 1995–2012; Słownik stereotypów 2012). Внимание некоторых исследователей направлено, в том числе, и на особенности предметного мира волшебной сказки (Пропп 1981: 215-226; Добровольская 2009). Предметный мир в сказках, как и в фольклоре в целом, – это часть традиционной культуры, представленная в жизни и отраженная в текстах.

В нашей работе мы рассматриваем предметный мир на материале текстов новеллистических сказок и анекдотов, вошедших в сборник Кортенски фолклорни приказки (Кортенски...2019). Как подчеркивает целый ряд исследователей фольклорных текстов, фольклорная традиционная культура в своем конкретном наполнении всегда региональна и локальна. Ее естественная, нормальная жизнь повязана с жизнью определенного, ограниченного теми или иными рамками, коллектива, включена в его деятельность, необходима ему и регулируется характерными для него социально-бытовыми нормами. «Поскольку этнический коллектив занимает определенное исторически сложившееся пространство, обладающее своими географическими, природными и иными характеристиками, то его традиционная культура региональна как в историко-социальном, так и в пространственном отношении. Одно с другим, как правило, жестко связано» (Путилов 1994:144). Болгарский исследователь фольклора Т.И. Живков считает, что для функционирования и развития фольклорной культуры необходимо, чтобы она была составной частью коллектива, ограниченного в пространственном плане. Нужно иметь в виду прежде всего его региональную характеристику (Живков 1977: 105).

Особенность фольклорной культуры как феномена состоит в том, что она жизнеспособна лишь как составная часть всей традиционной этнической культуры. В.Я. Пропп в своей работе «Специфика фольклора» (Пропп 1976: 16-33) подчеркивает, что между фольклористикой и этнографией существует самая прямая связь и что вне этнографии не может быть подлинно исторического изучения фольклора, когда важно

знать, где и когда записан фольклорный текст, и понять, что происходит со старым фольклором в новых условиях. Понятие региональности (на всех ее уровнях) в конечном счете сводится к наличию специфики данной фольклорной культуры (или отдельных ее составляющих), взятой в более или менее жестких границах. В чем эта специфика выражается? Какими причинами она порождена? По мнению Б.Н. Путилова, эти вопросы взаимосвязаны (Путилов 1994:145-148).

Специфика локальной этнической культуры выявляется в том числе и через предметный мир, который в исследуемых нами новеллистических сказках и анекдотах представлен разнообразно. Новеллистические сказки относятся к бытовым сказкам, а анекдоты к ним приближаются, так как возникают в значительной мере на их основе. Известно, что бытовые сказки берут свое начало в реальной жизни и раскрывают отношения между людьми в трудовой деятельности, в семье и обществе. В них отражены представления народа о добре и зле, о справедливости, о счастье и несчастье и других сторонах жизни. Эти представления очень часто в тексте бытовых (новеллистических) сказок получают форму, а затем и статус афоризмов, пословиц и поговорок. Именно в бытовых сказках, к разновидности которых можно отнести новеллистические сказки, выражено осмысление народом жизненного и духовного опыта, представлен нравственно-эстетический идеал. Значительная часть бытовых сказок содержат юмор и сатиру, что сближает их с жанром анекдота (Кортенски 2019: 9). В текстах обоих жанров встречается участие в событиях самых разных предметов, которые входят в ткань повествования как актуальные.

Всего в новеллистических сказках (14 текстов) и анекдотах (17 текстов) представлено около 140 предметов, которые при классификации по функции образуют следующие группы: 1) типы жилища и его убранство, 2) одежда и обувь, 3) еда и питье, 4) утварь, 5) орудия труда и материалы, 6) предметы культа, ритуала, 7) предметы роскоши. Все предметы изображены не сами по себе, а показаны во взаимодействии с персонажем, в процессе которого, особенно если вещь используется не по назначению, выявляется семиотический (мифо-символический) план, обычно присутствующий в сказке. Фольклор сам по себе, как вид словесного творчества, содержит два плана – реальный и семиотический (проявляется в символических свойствах предметов и событий) (Байбурин 1981: 215-226; Вранчан 2015: 41-44; Топоров).

Предметы в тексте сказки (вещи, предметные реалии) (Добровольская 2009) представлены или как маркирующие часть пространства, в котором действует или присутствует персонаж, или как взаимодействующие непосредственно с персонажем. Любая вещь в повседневной жизни человека связана, так или иначе, с его действиями. В подавляющем большинстве текстов присутствует или является активно действующим персонажем женщина. Исследовавшая сказки болгар Молдовы Снежана Кассир, характеризуя персонажей сказки, отмечает: «Создается впечатление, что это персонажи в основном женского пола и отражают как основные те качества, которыми обязательно должна обладать девушка, чтобы стать невестой – это плодовитость и умение делать традиционную женскую работу... Тема о работающей, трудолюбивой девушке, которая доказывает, что способна стать (невестой) невесткой, - любимая тема рассказчиков» (Кассир 2019: 125).

Предметный мир в новеллистических сказках и анекдотах болгар Молдовы выявляет место женщины и ее функции в этническом социуме. Предметы (вещи) важны как сами по себе, так и важна их культурно-семиотическая значимость в тексте.

«Сам факт того, что мы можем рассматривать (оценивать) вещи как утилитарные или семиотически значимые – есть акт интерпретации, который показывает, что мы изначально воспринимаем вещи как осмысленные (несущие смысл, имеющие значение). Таким образом, мы с самого начала склонны обращаться с вещами (какую бы функцию мы им ни приписали) как с предметами, имеющими семиотическую природу (то есть как с полноценными семиотическими объектами, чей смысл надлежит установить)» (Лобанова 2019: 203).

То, что в процессе повествования в событийном пространстве появляется определенная вещь, не случайно, а связано с характеристикой действующего персонажа, прямо или косвенно. Кроме функции, присущей вещи в обычной жизни (часть материальной культуры), в контексте повествования, в соотношении с персонажем и его действиями, вещь приобретает определенную коннотацию, символичность: это уже не привычная вещь, а знак чего-то – с коннотацией оценки, дополнительного смысла. В контексте вещь часто воспринимается через оппозиции *мужское – женское, добро – зло, богатый – бедный, свой – чужой, труд – лень, внутри – снаружи*.

Часто наблюдается скрытая двуплановость, которая состоит в том, что у каждой вещи есть прямое предназначение, но еще и то, которое появляется в контексте. Когда в сказке речь идет о событиях с участием женщин, эта двуплановость имеет отношение к характеристике женщины, которая раскрывается через взаимодействие с предметами.

Как отмечают исследователи, существует множество определений понятия «вещь». Это связано как с культурными, этимологическими причинами, так и с теми многочисленными функциями, которыми обладает вещь в современном мире. В «Словаре современного русского литературного языка» указано, что слово «вещь» обозначает понятие о всяком неодушевленном предмете. Вещь – это отдельный предмет материальной действительности, обладающий относительной независимостью и устойчивостью существования. Вещь – культурный феномен. В любой вещи, наряду с ее практической функцией, есть и иная, аксиологическая, отражающая отношение предметного бытия к духовным потребностям человека. «Любая вещь имеет не только определенное утилитарное назначение, но несет на себе и бремя довольно трудно расшифровываемой семантики. Вещь может выступать в качестве индикатора власти, показателя социальной принадлежности владельца, может выражать его конфессиональную принадлежность. К такому роду вещей относятся, например, предметы роскоши» (Чиркова 2016: 2).

Известно, что сказка, как и фольклор в целом, – это культурный код, задающий членам этноса нормы жизни, ее организацию, ценностные отношения через образы и действия персонажей. Оценка с точки зрения приемлемого – неприемлемого, добра – зла и т. д. может быть скрытой (проявляться в повествовании через поощрение или наказание персонажа) или явной (как выраженная определенным образом мораль). Рассмотрим несколько известных сказок из двенадцати текстов о женщинах, представленных в сборнике (Кортенски 2019).

Женщина в сказке – образец хитрости, ума, глупости, трудолюбия, лени и других человеческих качеств, одобряемых или осуждаемых обществом, в котором она живет. Характеристика женщины как положительного или отрицательного персонажа раскрывается в действиях, которые могут быть связаны как с миром людей, так и с предметным миром. Конкретные предметы – часть того мира, в котором действует женщина. Они делают этот мир узнаваемым, придают достоверность тому, о чем повествуется.

Из всего разнообразия *предметных реалий*, представленных в наших текстах, мы рассмотрим только те, что находятся в поле действия женщины. Попытаемся определить смысловую, изобразительную и семиотическую функцию каждой из них. (Добровольская 2009: 21-22).

В предлагаемом аспекте (вещь в поле действия женщины) могут быть рассмотрены выявленные в текстах сказок предметы из следующих групп:

внутреннее убранство жилища – леглото (*постель*), одеяло, кровать (*кровать*), маса (*стол*), параля (*низкий круглый столик*), сандък (*сундук*), чеиз (*приданое*);

одежда – гащи (*штаны*), пола (*юбка*), булчинска рокля (*платье невесты*), було (*фата*); *орудия труда* – хурка (*прялка*), талига (*телега*), мотика (*мотыга*); *еда* – манджа (*жаркое*), пита (*лепешка*), боб (*фасоль*); *предметы культа* – кандило (*лампада*); *предметы роскоши* – алтъни (*золотые монеты*).

Взаимодействие женщины с вещью (предметом, *предметной реалией*) помещает ее в пространство узнаваемого мира и определенным образом ее характеризует.

- 1) Предмет может быть косвенной характеристикой женщины, присутствуя рядом с ней как часть ее мира (пола, чеиз, сандък, кандило, одеяло, мамалига, манджа, питка и др.) (*юбка, приданое, сундук, лампада, одеяло, мамлыга, жаркое, лепешка* и др.).
- 2) Предмет может характеризовать женщину через ее взаимодействие с ним (гащи на годеника, кола с камъш, бъчви, казан, кофи с вода, кровать, легло, тояга, параля и др.) (*штаны жениха, телега с камышом, бочки, котел, ведра с водой, кровать, постель, посох, стол* и др.).

Вещи присутствуют в сказке как предметные реалии с определенной функцией, но в то же время – они часть бытовой культуры и поэтому получают символическое (и, шире, семиотическое бытие).

- 1) **«Мързеливата Донка»** («Ленивая Донка») – анекдот, записанный в селе Кортен, Тараклийско. (Омечен в Каталоге... как III – 370A) (**Даскалова-Перковска и др.** 1994) (далее – Каталог...) (Кортенски 2019: 250).

Анекдот о ленивой Донке (как разновидность бытовой, новеллистической сказки) широко известен как в Болгарии, так и в среде бессарабских болгар. В сказке представлено несколько главных предметных реалий, взаимодействующих с персонажем (ленивой Донкой): *сандък, талига, чеиз, питка, манджа, хурка, параля*⁴³, *ядене, мотика (сундук, повозка, приданое, лепешка, жаркое, прялка, столик, еда, мотыга)*.

⁴³ Параля (паралия – в Болгарии) – низкий круглый столик, за которым традиционно ела семья в болгарском селе.

Как назидание, наставление, совет анекдот заканчивают слова: «Свекор сказал Донке, что она воистину заслуживает *еду*». Так Донка научилась быть хозяйкой. Еда здесь – награда девушке, которая помогает ей утвердиться в определенном статусе и одновременно означает ее моральную оценку.

В начале сказки Донка еще не имеет права быть хозяйкой в доме, да к тому же хорошей, так как она молодая невестка, только что поселившаяся в доме свекрови и свекра. Она красивая, богатая, но ленивая. Но она сама считает, что в доме жениха должны быть ей рады: на повозку, в которой она направляется в новую семью, грузят сундук, полный приданого. Донка восседает на сундуке, как на троне, и болтает ногами (*Пък Донка сидяла на сандъка и си махала краката и си мисляла: „Каква й хубава свикърва и как хубаву аз ша жувея!“*). И сундук, и приданое – знаки богатой невесты. То, что она болтает ногами (как с легким юмором подчеркивает рассказчик), показывает ее беззаботность и уверенность. Она радуется и не сомневается, что будет жить хорошо в доме жениха, теперь уже мужа. Кроме того, обычно ногами болтают дети, взобравшись на высокое не по росту сиденье. Так рассказчик подчеркивает незрелость и некоторую глупость девушки.

Следующий предмет, о котором пойдет речь, уже не относится к миру Донки. Утром свекор сказал ей, что все идут в поле копать (*на нивата да копаят*). Донка ему объяснила, что до сих пор не держала в руках мотыгу (*досега не е държала мотика в ръцете си*). Мотыга – не ее предмет. Просидев два дня в голоде (свекор ничего не дал ей поесть), Донка на третий день начала действовать, но не мотыгой, а другими предметами: «Тя станала, ошетала, измела двора и на пътя, опекла красива *питка*, сготвила *манджа*, взела *хурката* и започнала да преде. ... Като си дошли копачите от нивата, ... Донка сложила *паралята*, нагласила *вечерята* и подала на свекъра *питката*. Той я разчупил на четири парчета и най-голямото парче подал на младата булка. Казал й да яде, защото днес тя наистина заслужава това *ядене*». («Она встала, прибралась, подмела двор и часть улицы перед домом (*на пътя*), испекла красивую *лепешку*, приготовила *еду* (*жаркое*), взяла *прялку* и начала прясть. ... Когда работники пришли с поля, ... Донка накрыла стол (*паралята*), приготовила *ужин* и подала свекру *лепешку*. Он разломил ее на четыре части и самую большую часть подал молодой невестке. Сказал ей, чтобы она ела, потому что сегодня она заслужила эту *еду*») (Кортенски 2019: 104).

Вместо мотыги Донка выбирает *метелку*, *печь*, готовит *еду* (*жаркое*, *лепешку*) накрывает на *стол*, берется за *прялку* и прядет (избира *метлата*, *пецта*, готви *ядене* (*манджа*, *питка*), слага *масата* (*паралята*), *взема хурката* да преде).

В этом коротком тексте содержится информация как прямая, так и скрытая, внутренняя, которая передается через участие предметных реалий, окружающих персонаж – Донку. Донка начинает с *сундука*, *приданого*, *повозки*, на которую нагружено ее приданое. Она уверена, что счастливая жизнь ей уже обеспечена. Очень точно описано ее состояние – сидя на сундуке, «болтает ногами» («*клати крака*»).

Следующий этап – неожиданно тяжелая для нее жизнь: *мотыга* и отсутствие *еды*. И в конце – компромиссный вариант: она отказывается от мотыги, но понимает (и поневоле выбирает), что должна стать хорошей хозяйкой, если не хочет копать в поле. Это показано через описание того, как она подметает утром: не только двор, но и часть улицы перед домом. Отметим, что мести каждое утро часть улицы перед домом (*на пътя*)

– это очень характерно для хозяйки в болгарских селах Молдовы и Украины (Бессарабии). Донка печет не просто *лепешку* (питка), а красивую лепешку (*красива питка*).

Предметами ее добровольного выбора и предпочтения становятся не мотыга, а *метелка*, *печь* (печет лепешку), *лепешка*, *еда* (*манджата* – блюдо бессарабских болгар) и *прялка* (*хурката*). И наконец – стол (сложила *паралята*), за которым собирается на ужин вся семья.

Если уточнить еще раз значение слова *параля* (БТР: паралия – народна дума, ниска кръгла маса за хранене [гр.]), можем добавить, что этим столом Донка объединяет семью, за что и получает самую большую часть лепешки из рук свекра. Правильный выбор предметов и взаимодействие с предметным миром в семье ведет к добрым результатам.

Еще раз отметим, что в тексте анекдота-сказки через предметные реалии мы касаемся болгарских особенностей повседневной жизни: традиционных предметов (*манджа*, *параля*, *хурка*, *чеиз* и др.) – и взаимодействия с ними. Подметание части улицы перед домом; то, что из рук свекра невестка получает свою часть лепешки за общим столом, так как он глава в доме, справедливый и добрый, следящий за соблюдением порядка в доме – все это характерно для традиционной жизни бессарабских болгар.

2) Второй текст – это новеллистическая сказка «**Умна мома**» («Умная девушка»), записана в с. Кортен, Тараклийско (номер в Каталоге...– 954). (Кортенски 2019: 216).

В сказке показаны ум, своенравный характер и сообразительность девушки. В семье одного старика младшая дочь, как это всегда бывает в сказках, – самая красивая. Но ее достоинство не только в этом. Характер этого женского персонажа раскрывается через целый ряд предметов, которые оказываются в поле ее действий.

Старик (*дядото*) отправляется в лес и находит там случайно ход в подземелье – жилище разбойников (*хайдутти*), где есть комната с золотом (*алтъни*) и комната с убитыми (*изклани* - зарезанные) людьми. Он берет себе немного золотых монет (*алтъни*). Разбойники поняли это и отправились следом за стариком, добрались до его дома и захотели убить его дочь, под видом сватовства к ней одного из них. Самой девушке понравился один из разбойников. Отец ее говорит разбойникам, что его дочь еще мала для замужества. Тогда девушка сама решает убежать к разбойникам и стать женой того, который ей понравился (*Но на момата ѝ харесал един, и когато ги изпровождали, каза му: - Въпреки че баща ми не ме дава, аз ще ти пристана!*).

Как только стемнело, она отправилась в лес и спряталась в комнате разбойников под кроватью (*под леглото*). Кровать – знак того, зачем девушка пришла в дом разбойников, одновременно – это место, где в комнате обычно прячутся дети. Приходят разбойники и говорят между собой о том, что хотят выколоть глаза девушке, в отместку за то, что ее отец взял у них золотые монеты. Так чужое золото приносит не богатство, а несчастье тому, кто его берет.

К удивлению слушателей сказки (и читателей) рассказчик говорит о том, что когда девушка услышала, что разбойники хотят выколоть ей глаза, а не сделать ее невестой одного из них, она надевает брюки (*гащи* – штаны) предполагаемого жениха и убегает из их дома (из пещеры). Мужские брюки (*гащи*), которые надевает на себя девушка, –

знак ее смелости, но одновременно способ посмеяться над разбойниками. Не совсем ясно, почему эта деталь введена в сказку. Но все-таки она показывает, как и сам приход девушки в пещеру к разбойникам, ее решительный, мужской характер. Разбойники преследуют ее. Она скрывается в дупле дерева. Разбойники засовывают туда острый шип, чтобы ее найти. Девушка выдерживает боль, не выдает себя голосом, только вытирает с шипа кровь от ран. И в этом тоже раскрывается сильный характер девушки, проявляющийся через действие с предметами (*брюки, дупло, шип*).

Возвращается девушка домой, спрятавшись на повозке, на которой мужчина вез камыш. Дома девушка говорит отцу, что надо готовиться к бою. Она просит домашних приготовить котел (*казан*) с кипятком и ведра. Вскоре во двор приезжает торговец бочками. В этих бочках прячутся разбойники. По приказу девушки в бочки наливают кипящую воду, и разбойники погибают.

Известно, что в болгарском хозяйстве кипятком обрабатывают бочки, предназначенные для хранения вина или брынзы. Бочками и обработкой их кипятком обычно занимаются мужчины. Но ум девушки, как и характер, тоже не женский, а мужской, воинственный. Вот поэтому в поле ее действий оказываются соответствующие предметы – *повозка с камышом, мужские брюки, большой котел, ведра с кипятком, краденое золото (кола, камыш, мужские панталон, казан и кофе с вряла вода, крадени алтъни)*. Эти предметы, связанные с действиями девушки, получают дополнительное символическое значение – служат для выражения ее воинственности. В ряде текстов (сказки и анекдоты) через предметный мир, с которым взаимодействует женщина, показаны различные черты ее характера – воинственность, ум, житейская мудрость, хитрость и другие.

3) Анекдот «**Сметливата жена**» («Сообразительная жена») (Кортен, Тараклийско) (в Каталоге... не отражен) (Кортенски 209: 224).

В анекдоте рассказывается о том, как жена приготовила еду из барана (*овен*), которого ее муж украл у соседа. Когда семья села за стол, по своей хитрости и предусмотрительности она нарядилась в платье и фату невесты. Это было сделано специально для детей, чтобы они ее не выдали. Сосед поинтересовался у детей, не ели ли они дома мясо. Они ответили, что ели мясо, когда мать их была в платье невесты. Платье здесь – это не только наряд, одежда, но и средство для обмана. Это знак, который может быть понят, прочтен только в контексте. Одежда одновременно и показывает, и скрывает. Фата и платье невесты (*було и булчинска рокля*) – знак другого времени и места, а не того, момента, когда его используют.

4) Анекдот «**Майчино сърце**» («Сердце матери») (с. Стояновка, Тараклийско) (в Каталоге... не отражен) (Кортенски 2019: 114).

В этой новеллистичной сказке сюжет раскрывается через действия трех персонажей – матери, сына и невестки. Две женщины – невестка и свекровь – представлены в не традиционных для фольклора отношениях. Обычно невестка страдает от злобной свекрови. В таких сказках осуждается свекровь за ее недоброе и несправедливое отношение к невестке, которая, наоборот, заслуживает одобрения, так как отвечает всем требованиям и нормам представления о качествах хорошей невестки. Но в нашем анекдоте свекровь оказывается жертвой злой невестки.

Предметный мир, который здесь участвует в раскрытии сюжета, – это *дом, сад, внутренние помещения дома и домашняя утварь*. Именно благодаря этим предметным реалиям, ситуации, описанные в анекдоте, становятся узнаваемыми, привычными и знакомыми слушателю (читателю). Зло, будучи отвлеченным понятием и явлением, приобретает бытовые черты. Оно рождается в частностях, которые, казалось бы, не так уж значимы, но в конце оказывается, что именно за этими частностями скрывается большое зло, которое нарушает основы жизни.

Анекдот короткий, но в каждой детали его повествования, как и в каждой предметной реалии, кроется смысл, который прочитывается в большом контексте. Каждый предмет выполняет не только свойственную ему, прямую функцию, но и символизирует нечто другое. Сюжет анекдота следующий. Одна женщина женит своего сына. Невестка очень красивая и знает свое достоинство. Она чувствует себя главной, хозяйкой, не хочет, чтобы свекровь находилась в доме, и отправляет ее в *коридор (хаят – диал.), под кровать*. Здесь отметим, что кровать в коридоре (*креватът в хайетя*) – типично для жилища в болгарских селах Молдовы и Украины (в коридоре, перед внутренними комнатами, есть кровать, где обычно хозяин в самую жару может прилечь летом). Эти реальности относятся не к прастарому периоду бытовой жизни болгар, а к более позднему, в частности, бессарабскому периоду.

Почему невестка отправляет свекровь под кровать? Здесь чувствуется насмешка со стороны рассказчика. Прятанье под кроватью – детский поступок (см. сказку об умной девушке), что говорит о глупости и незрелости невестки. Но и покорность прихотям невестки подчеркивает жертвенный характер свекрови, как матери своего сына.

Весной, когда расцвели фруктовые деревья (*цъфнали фиданите*), невестка увидела, что припекло солнце, и пошла в сад, постелила себе одеяло и легла. Таким образом, место свекрови – в коридоре, на полу, под кроватью, а место невестки – в цветущем саду, на солнце, на мягком одеяле. И кровать, и одеяло уже не просто предметы быта, а символы хорошей жизни в холе и неге, и их отсутствие (для свекрови) – символ лишений и скудости быта. Интересна еще одна местная особенность бессарабских болгар (да и других народов) – дети в селе в горячий солнечный день любят играть на одеяле, посланном в тени садовых деревьев. Невестка опять ведет себя как избалованный и незрелый человек.

Свекровь видит, что невестка вышла в сад, и решила тоже посмотреть на солнце и выглянула на свет. Но невестка заметила ее и разгневалась. Она сказала мужу, чтобы он отвел свою мать в лес, убил ее там, вынул ее сердце и принес невестке. Сын сделал это. Когда он возвращался, то споткнулся и упал. И тут он услышал, как сердце матери сказала ему: «Осторожно, наверно, у тебя заболело колено!» («*Пулека, мале, тря та забуля кулянуту!*»).

Обычные предметные реалии в тексте – *коридор, кровать, сад, одеяло (хаята, кревата, градината, одеялото)* – при взаимодействии с невесткой и свекровью получают дополнительный смысл, символическое значение: *коридор* – тюрьма для свекрови, *кровать* – укрытие от белого света, *сад* – место лени и неги, а не место для труда, *одеяло* служит не для того, чтобы давать тепло, а мягкой подстилкой в тени при солнцепеке, чтобы холить невестку.

Зло все извращает, даже предметы, созданные человеком для добра, вовлечены в совершение зла по воле злой женщины. Нарушены изначальные функции предметов, а также порядок отношений в семье: *свекровь – невестка, мать – сын*, что ведет к трагедии.

5) Анекдот «**Мъдрата жена**» («*Мудрая жена*») (с. Кортен, Тараклийско) (в Каталоге... отсутствует) (Кортенски 2019: 225).

В анекдоте говорится о молодой семье – муже и жене. Муж – неопытный хозяин, незрелый человек, жена его – молодая, но мудрая хозяйка. Как и другие анекдоты, этот краткий текст содержит информацию о правильном устройстве жизни, представление о порядке, а также о нарушении принятых норм (*на реда*).

Сын получил в подарок новый дом, построенный для него отцом, который дал ему и пять овец, для обзаведения новым хозяйством. Молодой хозяин предлагает своим друзьям приготовить угощение на ужин. Для этого он собирается тайком от жены украсть из собственного стада барана, которого они и должны приготовить. Наутро его жена обнаружила пропажу и сказала мужу, что накажет вора: зажжет лампаду и бросит в огонь три зерна *фасоли*. Как только лопнут зерна, тут же разорвет и вора, и он умрет.

Муж работает в поле, заботится об овцах. Жена заботится о печке и молится. И тут обнаруживается, что в ее веру входит и язычество, и колдовство. Слова жены пугают мужа. Он знает о силе колдовства. И тогда он решает вернуть барана на место. Так он и сделал. А жене сказал, что нашел барана на краю села. Тогда жена погасила лампаду, и, как сообщает рассказчик, муж спасся.

И *лампада*, и *фасоль* – предметные реалии, которые в тексте уже не просто бытовые предметы, а являются символами, которые характеризуют женщину через взаимодействие с ними. *Печь, хворост* (шума), который заготавливает женщина для печи – предметные реалии из ее жизни, характерные для болгарской женщины-хозяйки в селе. *Лампада* в тексте – это не только предмет для религиозных (церковных) ритуалов, но и то, что может быть использовано для магических (языческих) действий.

Интересно, что в отношении фасоли (бобов) в Словаре символов Ганса Бидермана встречаем информацию о том, что это растение в Египте считалось жрецами оскверняющим. Пифагор запрещал его употребление для еды, так как растение вбирало в себя души покойников. Римские жрецы считали, что не следует смотреть на фасоль, даже упоминать о ней, так как в ее цветах содержатся знаки скорби. В поминальные дни (*Задушница*) души умерших могут пребывать в мире живых людей, а колдуньи (*вещици*) в это призрачное время с помощью черной фасоли «связывали злые языки» «*обвързвали злите езици*» (Бидерман 1996: 35).

Таким образом, мы рассмотрели несколько фольклорных текстов, в которых персонаж женщина может быть молодой девушкой («Умна мома»), молодой невесткой («Мързеливата Донка», «Майчино сърце», «Мъдра жена»), пожилой женщиной («Майчино сърце»), женщиной с детьми («Сметлива жена»). Положительные качества женщины, показанные в этих фольклорных текстах, – это ум, сообразительность, хитрость, смелость. Отрицательные качества – прежде всего лень и неуважение к старшим.

Все главные качества женщины, доминирующие в тексте, раскрываются через ее взаимодействие с бытовыми предметами. Обычно у этих предметных реалий традиционного быта есть свои функциональные особенности. Но женщина, в силу своих положительных или отрицательных качеств, вовлекает эти реалии в такие отношения, где их функция усложняется и становится символической. *Одеяло* – символ холености (*охолност*), *лампада* – служит для магических действий, колдовства, *кровать* – для укрытия под ним, *фата* служит для обмана, *сундук* – демонстрация благосостояния, а не только место хранения вещей, *параля* (круглый столик) – символ семейного единства.

Важно отметить, что все выделенные предметы характерны для традиционного быта болгар. При этом все предметные реалии, изображенные в фольклорных текстах болгар Молдовы, кроме прямой функции наделены и специфической символической функцией, выявляемой в контексте повествования, что сопровождается и их аксиологической нагрузкой, как правило, положительной.

ЛИТЕРАТУРА

- Байбурин А.К.** Семиотический статус вещей и мифология // Материальная культура и мифология. Сборн. МАЭ, т. 37. Л., 1981, с. 215-226.
- Бидерманн Ганс.** Энциклопедия Символов. М., 1996 – 335 с.
- Вранчан Е.В.** Понятие «вещь» как объект семиотической системы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 4 (46). Ч. 1.
- Даскалова-Перковска, Лиляна, Доротея Добрева, Йорданка Коцева, Евгения Мицева.** Български фолклорни приказки. Каталог. София, Университетско издателство „Св. Климент Охридски“, 1994.
- Добровольская В. Е.** Предметные реалии русской волшебной сказки. М. 2009. - 224 с.
- Живков Т.И.** Народ и песен: Проблеми на фолклорната песенна традиция. София, 1977.
- Кара Н.В.** Етнокултурните компоненти в новеллистическата сказка на българ Молдова // Patrimoniului cultural: cercetare, valorificare, promovare. Vol. I. Materialele conferinței. Editia a XII-a, Chisinau, 28-29 mai, 2020.
- Кара Н.В.** К вопросу об изданиях и степени изученности сказочного фольклора болгар Молдовы и Украины // Materialele Simpozionului National de Etnologie: traditii si procese etnice/ Editia I. Chisinau, 2020.
- Кара Н. В. Этнические особенности сказочного фольклора болгар Молдовы как элемент традиционной культуры в региональном проявлении // Simpozionul de Etnologie: Traditii si procese etnice. Editia II. Materialele simpozionului. Chisinau, 30 martie 2021/ Chisinau, 2021. 260 с.
- Кара Н.В.** Жилище в новеллистических сказках и анекдотах болгар Молдовы (этнокультурные особенности) (в печати).
- Кассир С.** Разказна традиция на българите от Молдова // Кортенски фолклорни приказки, пословици и поговорки от България и Молдова. 190 години от преселването на кортенци в Бесарабия. Съставители: С. Новаков, Н. Гургуров. Тараклия, 2019. С. 123 – 130.
- Кортенски фолклорни приказки, пословици и поговорки от България и Молдова. 190 години от преселването на кортенци в Бесарабия.** Съставители: С. Новаков, Н. Гургуров. Тараклия, 2019. 305 с.
- Късметливата Неда.** Български народни приказки от Бесарабия и Таврия. Съставители: Елиза и Иван Стоянови. София, 1994. 127 с.
- Лобанова Н.И.** Вещь между знаком и символом (о семиотической деятельности вещи) // Журнал Манускрипт. 2019. Том 12. Выпуск 10, с. 202-210.
- Пропп В.Я.** Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
- Пропп В.Я.** Специфика фольклора // Он же. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976.

– 325 с.

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994.

Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Т.1-5/ Под ред. Н.И. Толстого. – М.: Институт славяноведения РАН, 1995–2012.

Słownik stereotypów i symboli ludowych /Koncepcja całosci i redakcja: J. Bartmiski; zastępcza redaktora: S. Niebrzegowska-Bartminska. Lublin, 2012.

Топоров В.Н. Вещь в антропоцентрической перспективе [Электронный ресурс]. URL: <http://ec-dejavu.ru/v/Vesh.html#toporov>

Черноусова И.П. Язык фольклора как отражение этнической ментальности (на материале фольклорной концептосферы русской волшебной сказки и былины). Автореф. дисс. докт. филол. наук. Елец-2015 - <https://cheloveknauka.com/yazyk-folklora-kak-otrazhenie-etnicheskoy-mentalnosti>

КАРАИВАНОВ, Никола – преподавател по история, София, Република България – karaiwanov_n.b@abv.bg

ЗА НАУЧНОТО СЪТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ ПРОФ. ОЛЕКСАНДЪР КОТЛЯРЕВСКИЙ И ЛЮБЕН КАРАВЕЛОВ

В доклада се разглежда личната дружба и научното сътрудничество между проф. Олександър Котляревский (1837-1881), виден украински филолог, историк и етнограф и Любен Каравелов (1834-1879) бележит български възрожденски писател, поет, публицист, фолклорист и национал-революционер. Проф. Котляревский и Каравелов се запознават вероятно през 1857 г. в Москва. Ще посочим два значими факта, които отразяват научните връзки между проф. Котляревский и Каравелов. Това е рецензията, която прави Котляревский на „Памятники народного быта болгар“, Москва, 1861 г. и етнографските сведения, които българският възрожденец дава на своя украински колега за неговия труд „О погребальных обычаях языческих славян“, Москва, 1868 г. Сърдечната дружба и научното сътрудничество между проф. Олександър Котляревский и Любен Каравелов е от полза и за двамата. От нашия възрожденец украинският учен е получил интересни сведения за българските народни обичаи, разширил е познанията си в областта на българистиката, което му помага и в лекционната работа при изнасянето на лекциите по българска литература в Киевския университет през 1877-1878 г. Каравелов дължи на проф. Котляревский ценни указания и методологията за своите етнографски проучвания и трудове, изясняване и утвърждаване на редица възгледи, свързани с целите и методите на изследване на българското народно творчество.

Олександър Олександрович Котляревский е известен украински филолог-славист, историк, етнограф и педагог. Той е роден през 1837 г. в Крюков (днес предградие на гр. Кременчуг). Средно образование получава в гимназията в гр. Полтава, а след това учи в Историко-филологическия факултет на Московския университет, където слуша с особено увлечение лекциите на проф. Фьодор Буслаев и проф. Осип Бодянский. По внушение на последния, Олександър Котляревский подготвя кандидатска дисертация на тема: „О времени приятия христианской веры болгарами и об участие в этом деле Св. Кирилла Солунца – историко-хронологическое исследование“. Поради неприятности, възникнали за него при изпита по богословие, Котляревский защитава кандидатската си дисертация през 1857 г. не в Московския, а в Петербургския университет. Проф. Осип Бодянский високо оценява дисертацията и има намерение да я напечата в своето списание „Чтения в Обществе истории и древностей российских“, но по неизвестни причини това не става. [Брокхаус, Ф. и Енфорт, Е. 1895, с. 441-442].

През 1862 г. заради среща с политически емигрант, Олександър Котляревский лежи шест месеца в затвора. След като е освободен, той е вече друг човек – сломен, подтиснат, изплашен. През 1867 г. той става завеждащ катедра по славянско и руско езикознание в Дерптския университет. От 1872 до 1874 г. Котляревский е на лечение в Италия. През 1874 г. той защитава две дисертации: „О древностях и истории поморских славян в XII веке“ и „Древности юридического быта балтийских славян“, за които му е присъдена степен „Доктор по славяноведение“. В края на 1875 г. Олександър Котляревский е преподавател в Киевския университет „Св. Владимир“, а на следващата 1876 г. е вече професор в този университет. [Булахов, Михаил. 1976, с. 129-130].

През учебната 1878-1879 г. проф. Котляревский пръв въвежда в Киевския университет „Св. Владимир“ изучаването на българска литература, като чете на студентите от трети и четвърти курс дисциплината „История на българската и сръбската литература“. [Минкова, Лиляна. 2005, с. 111] В Киев проф. Котляревский е избран за председател на Киевското дружество „Нестор-летописец“, а също известно време е председател на Славянския благотворителен комитет в Киев. Поради влошеното си здраве през май 1881 г. проф. Олександър Котляревский заминава за лечение в Италия и там на 29 септември 1881 г. почива в гр. Пиза. Тленните му останки са пренесени и той е погребан в Москва. Това е накратко биографията на този виден украински учен.

В изследването ще разгледаме личната дружба и научните връзки между проф. Олександър Котляревский и крупния български възрожденски революционер, общественик, поет, белетрист, публицист и етнограф Любен Каравелов. За него писахме, когато разглеждахме проф. Осип Бодянский и неговите грижи за много видни възрожденски българи.

Любен Стойчев Каравелов е роден през ноември 1834 г. в гр. Копривщица, Софийска област. Учи в родния си град и в гр. Пловдив и през 1857 г. заминава за Русия с намерение да постъпи във военно училище. Не успява и затова се записва свободен слушател в Историко-филологическия факултет на Московския университет. Тук Каравелов общува с представители на различни политически течения, изявява се като журналист, писател, фолклорист и политически мислител. [Ерихронов, Л. 1959, с. 18].

Много са причините, породили големия интерес на Любен Каравелов към украинския народ, неговия фолклор и литература, като на първо място трябва да посочим близостта на историческата съдба между украинци и българи. В Москва той започва да учи и отлично овладява украински език, занимава се с украинско народно творчество, чете и превежда украинска литература. Каравелов бързо се ориентира в политическия живот на Русия. Той следи с интерес обществените борби и определя своите демократични позиции. Българският възрожденец не може да остане безучастен и към украинските проблеми, които през 50-те и 60-те години на XIX век са предмет на особено оживени дискусии и чести сблъсквания между представителите на различни идейни групировки. Като български родолюбец Каравелов е солидарен с обществените борби в Украйна, която също изживява своето мъчително възраждане. Син на поробен народ, той вижда отношението на руското царско правителство към украинците и как всички прогресивни люде в Русия отстояват правото на украинския народ на самостоятелен живот. И това е една от сериозните причини, отблъснали твърде рано Любен Каравелов

от славянофилите, които по украинския въпрос са на страната на руския царизъм. [Минкова, Лиляна. 2005, с. 80-81].

През 1867 г. Любен Каравелов се установява в Белград, като активно се включва в революционната дейност на българската емиграция, заради което сръбските власти го изгонват от страната. Установил се в гр. Нови сад, Австро-Унгария, той е арестуван несправедливо и лежи в затвора на Будапеща около 200 дни.

През 1869 г. Любен Каравелов пристига да живее в Букурещ и застава начело на революционната емиграция, започва да издава в. „Свобода“, като постепенно редакцията се оформя като учредител на Българския революционен централен комитет като единен ръководен център на национално-освободителната борба на българския народ. По-късно орган на революционното движение става Каравеловият вестник „Независимост“. Най-високата точка в революционното израстване на Каравелов е брошурата му „Български глас“, където той разглежда самостоятелната революционно-освободителна борба на българския народ като единствен път за неговото национално освобождение. След залавянето на главния апостол на революционната пропаганда в поробените български земи Васил Левски и неговото обесване през 1873 г., Каравелов се оттегля като ръководител на българското освободително движение и започва просветителска дейност, с издаването на сп. „Знание“. Любен Каравелов дочаква освобождението на България през 1878 г. и почива в гр. Русе на 21 януари 1879 г. [Кой кой е... 2000, с. 127-129].

Но да се върнем на московския период (1857–1867 г.) от живота на Любен Каравелов. Както посочихме по-горе в първите години от живота на Каравелов в Москва той отлично научава украински език. Освен това той подробно е запознат с идеите на организацията от 1846 г. и Кирило-Методиевото братство на украинските патриоти: историка Микола Костомаров, писателите Пантелеймон Кулиш и Тарас Шевченко. По замисъла на тези мислители всички славянски народи трябва да заработят по взаимно съгласие за обединението си в една федерация, като всеки от тях опази националната си свобода и автономност. В състава на тази голяма политическа общност трябва да влязат руси, украинци, чехи, словаци, поляци, хървати, сърби, българи. Всяка отделна република от това славянско държавно обединение трябва да има свой език, просвета и книжнина, да се избират органите на управление с всеобщо избиращо право. Преди да се премине към пропагандирането на този проект, членовете на братството са арестувани от руската царска полиция и наказани най-строго. Но тези техни идеи са възприети по-късно изцяло от Любен Каравелов.

Белетристиката заема централно място в годините, прекарани от Любен Каравелов в Москва. През 1860 г. той отпечатва разказа „Войвода“, следват „Неда“ и „Бедно семейство“. След това в разни периодични издания Каравелов отпечатва много разкази и повести, част от които са събрани в сборника „Страници из книги страдания болгарского племени“, Москва, 1868 г. Споменатият разказ „Войвода“, който е дебют на Каравелов в белетристиката, според неговото признание, е написан по подражание на разказа „Кармелюк“ на украинската писателка Мария Вилинская-Маркович (1834-1907 г.), която е известна под литературния псевдоним Марко Вовчок. Силното литературно влияние на Вовчок върху белетристиката на Каравелов има и в следващите му разкази, но постепенно българският писател овладява белетристичните похвати и в следващите разкази и повести е видна една самостоятелност и по-голяма писателска зрелост.

Любен Каравелов е и първият преводач на български език на Марко Вовчок. Три разказа на украинската писателка той отпечатва в изданията от него в „Свобода“, който има обществено-революционна, а не литературна тематичност. Най-напред е отпечатан разказът „Два сина“, след това „Робиня“ и „Кармелюк“. В издаването от Каравелов сп. „Знание“ той превежда и отпечатва още две произведения на Марко Вовчок – разказа „Данило Гурч“ и повестта „Горпина“.

Любен Каравелов е горещ поклонник на поезията на Тарас Шевченко. Видно е влиянието на великия украински поет върху стиховете му и това се отнася най-вече за стихотворението му „Беглец“. Каравелов прави опити да преведе на български език и „Кобзар“, но разбира, че преводът му е несполучлив и не го отпечатва. В една своя статия българският възрожденец пише: „Има стихотворения, които помагат народния напредък, но те трябва преди всичко да са хуманистични, правдиви и разумни, както са стихотворенията на малоруския поет Тарас Шевченко“.

Любен Каравелов издава фолклорния сборник „Памятники народного быта болгар“, Москва, 1861 г. Украинската етнография и народоведение тогава е в период на разцвет и младият български учен има какво да вземе като образци за своето етнографско изследване. Той отлично познава и се ползва от книгите на Михайло Максимович „Украинския народния песни“ (1834 г.), на Пантелеймон Кулиш „Украинския народния предания“ (1846 г.), на проф. Амвросий Метлинский „Народния южнорусския песни“ и други. Любен Каравелов отлично познава тези трудове и често се позовава на украинската народоведска литература. В своята книга „Памятники народного быта болгар“ авторът превежда изобилие на украински успоредици към българските обичаи и вярвания. Особено влияние върху Каравелов има книгата на Микола Закревский „Старосветский бандурист“, томове I, II и III, Москва, 1860 г., в които томове влизат песни, пословици, поговорки и речник на украинските думи и това служи на Каравелов като образец за неговата книга. А Микола Маркивич с книгата си „Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян“ (1860 г.) му подсказва да нареди българските обичаи според календарния ред на празниците. [Минкова, Лиляна. 2005, с. 82-86].

В „Памятники народного быта болгар“ Любен Каравелов се вдъхновява до голяма степен от националните тежнения в научните трудове на украинските етнографи. Причината за това се крие не само между близкото родство между бит и народно творчество на украинците и българите, но и в еднаквите стремежи на двата народа да извоюват политическа независимост, да утвърдят културната си самобитност и автентичност, използвайки живото народно устно и песенно творчество на селяните. Каравелов използва широко украинския фолклор за своите сравнения с българското народно творчество.

Но за да проследим и анализираме по-подробно пътя на Любен Каравелов като фолклорист, да си изясним методологията, която той прилага в своите научни проучвания можем да направим, като разкрием връзките на българския възрожденец с украинския учен Олександр Котляревский. Не знаем кога точно се запознават Любен Каравелов и Олександр Котляревский, но това ще да е станало след 1857 г., когато българският възрожденец пристига в Москва. Най-вероятно те да са се запознали при проф. Осип Бодянский, който е техен любим преподавател. Известно е, че Олександр Котляревский е много отзивчив и контактен, помагал е на всеки, който се обърнал към

него за съвет или помощ и затова не трябва да ни изненадва личната дружба и научното сътрудничество между двамата.

В монографичната биография за Любен Каравелов акад. Михаил Арнаудов се спира на двата значими факта, които отразяват научните връзки между Котляревский и Каравелов. Това е рецензията, която прави Котляревский на „Памятники народного быта болгар” и сведенията, които българският учен дава на своя украински колега за неговия труд „О погребальных обычаях языческих славян”, излязал през 1868 г. Ще разгледаме по-подробно тези факти, за да прибавим и своите анализи и изводи. [Арнаудов, Михаил, 1972, с. 175].

Отзивът на Котляревский за „Памятники народного быта болгар” е отпечатан в големия му обзор „Старина и народность за 1861 год”, 1862 г. Общата оценка за книгата на Каравелов е положителна и се посочва, че тя е сериозен принос към скромната като брой заглавия и обем научна литература за българския фолклор. Но рецензентът посочва редица важни публикации, които не са взети предвид от Каравелов в книгата на Й. Хануш за словашкия народен календар, изданията на Руското географско дружество „Этнографический сборник”, „Этнографический вестник” и „Карманная книжка”, пропусната е статията на Сементовский „Замечания о праздниках у малоруссиян” („Маяк”, 1843, том XI, кн.21), Алманахът „Молодик” от 1843 г., статията на Михайло Максимович „Дни и месяцы украинского селянина” (сп. „Русская беседа, кн. 1 от 1856 г.), книгата на А. Новоселский „Люд украински” и други. В тези допълнения на Олександър Котляревский голямо място заемат източниците за украинския фолклор. Тези източници са особено важни за разкриване близостта на българското народно творчество с това на украинския народ и в това са убедени както Котляревский, така и Каравелов. [Арнаудов, Михаил. 1972, с. 176].

Авторът на „Памятники народного быта болгар” възприема много сериозно критиката на Котляревский и се съобразява с нея в по-нататъшната си работа като етнограф. Любен Каравелов си дава сметка, че като самоук му липсва системна подготовка, че трябва да положи много усилия, за да попълни знанията си и е благодарен за бележките на такъв авторитетен учен като Котляревский. Това, че Каравелов се съобразил с критиката се установява в следващите му етнографски работи.

В споменатата по-горе книга на Любен Каравелов „Страницы из книги страданий болгарского племени”, Москва 1868 г. на стр. 12 и 160 е цитирана книгата на Й. Хануш, използвани са изданията на Руското географско дружество „Этнографический сборник, том , VI, стр. 231, „Вестник географского общества”, том IX , стр. 288, а в бележките към песента „Построила се Милица” Каравелов отправя към книгата на А. Новоселский, която е цитирана на няколко места в книгата.

През 1865 г. Олександър Котляревский пише на Стрезневский, че работи върху дисертация на обредите на езическите славяни при раждане, сватба и погребение, като му съобщава, че е събрал твърде богат материал по тази тема. През 1865 и 1866 г. той получава от Каравелов сведения за тези български обичаи. Материалите са използвани в третия дял от дисертационния труд, озаглавен „Славянские порядки”, където Котляревский пише: „...по верованию болгар - душа в образе птички или бабочки летит за телом до могилы и садится на ближайшее дерево, ожидая погребения; по совершении его она отправляется со своим проводником (ангелом) в далекий путь”. Под черта

авторът е отбелязал: „Сообщено Л. Каравеловым”. По препоръка на Каравелов, Котляревский използва в дисертацията си и сборника на братята Димитър и Константин Миладинови „Български народни песни”, Загреб, 1861 г. както и статии на Захари Княжевски. [Минкова, Лиляна. 2005, с. 109].

Като обобщение на научното сътрудничество между Олександър Котляревский и Любен Каравелов в областта на етнографията можем да посочим извода, че и двамата учени са свързани с прилагането на сравнително-историческия метод, който е общ за всички сериозни фолклористи от онова време. Те съпоставят народното творчество на различните славянски народи или пък славянския фолклор с този на други нации: немци, французи, скандинавските народи и други. Котляревский е насочвал Каравелов към използването на този метод, а също го предпазва от крайностите, до които може да стигне изследователят. В „Старина и народност за 1861 г.” Олександър Котляревский разгръща възгледите си за сериозните резултати, до които довежда сравнително-историческият метод, когато се прилага с необходимата научна прецизност. Особено ясно той подчертава, че без сравнително и историческо проучване може да се стигне до задълбочено разбиране на духовността на даден народ.

Тези мисли съответстват напълно на мирогледа на Любен Каравелов и в неговите изследвания е видна радостта на ентузиаста, че строгото научно мислене подкрепя идеите, че романтичните представи за древността и единството на славянските народи се потвърждават от изследванията на езиковеди, историци и фолклористи. Използването на сравнително-историческия метод за установяване на сходствата и различията между славянските народи характеризират, както трудовете на Олександър Котляревский, така и етнографските проучвания на Любен Каравелов. Тази близост показва основата на тяхното дългогодишно приятелство и научно сътрудничество. [Минкова, Лиляна. 2005, с. 111].

През 1867 г. току-що установил се в Белград Любен Каравелов пише на Олександър Котляревский: „Что, можно печатать Вашу диссертацию „О времени принятия христианской веры болгарами и об участии в этом деле Св. Кирилла Солунца – историко-хронологическое исследование”. Я не шучу”. В архива на Любен Каравелов в Народната библиотека “Св. Св. Кирил и Методий” – София се пази преписът, който той е направил собственоръчно на цялата кандидатска дисертация по ръкопис, който в Москва му е предоставил Котляревский. Явно Каравелов е имал най-сериозни намерения да публикува тази дисертация, но последвалите преследвания, а и материалните затруднения са му попречили да стори това. [Димитров, Михаил. 1959, с. 583].

Затова колко близки са Любен Каравелов и Олександър Котляревский свидетелстват и следните редове от цитираното по-горе писмо, писано от българския възрожденец в Белград:

„Александър Александрович!

Что ж, батюшка, не подаете о себе никакого голоса? Живы ли Вы? Отдайте, пожалуйста, кому-нибудь на поддержание (хоть Погодину) свою малороссийскую лень и напишите мне хоть строчку – не о делах, а о самом себе, чтоб я знал по крайней мере, что Вы, здравствуете, лежите на диване после обеда, поете „Неня скачет, труба пляшет” и пр. Что Неня голубчик? Растет, бегает и пакость иногда Вам чинит. Напишите мне страничку и я за это пришлю Вам око дувана (табаку) или око альву”. [Каравелов, Любен.

1968, с. 501] Неня сигурно е галеното има на някое от децата на Котляревский. Това показва, че Любен Каравелов е познавал добре цялото семейство, щом знае подробности и разпитва за детето на приятеля си.

Сърдечната дружба и научното сътрудничество между Олександър Котляревский и Любен Каравелов е от полза и за двамата. От нашия възрожденец украинския учен е получил интересни сведения за българските народни обичаи, разширил е познанията си в областта на българистиката, което му помага и в лекционната работа при изнасянето на лекциите по българска литература в Киевския университет през 1877-1878 г. Каравелов дължи на Котляревский ценни указания и методологията за своите етнографски проучвания и трудове, изясняване и утвърждаване на редица възгледи, свързани с целите и методите на изследване на българското народно творчество. Любен Каравелов е запознат и с литературоведските работи на Олександър Котляревский, например великолепната му рецензия за Марко Вовчок. Тази рецензия е много близка по оценките си до тези, които дават за украинската писателка руските революционни демократи. Рецензията на Котляревский повлиява силно за оформянето на възторженото отношение на Любен Каравелов към прозата на основоположничката на реализма в украинската белетристика Марко Вовчок.[Минкова, Лиляна. 2005, с. 112].

В заключение трябва да отбележим, че по право Любен Каравелов се счита за основоположник на българската украинистика още в 60-те години на XIX век. Той първи дава ясно и неведнъж израз на своите определени политически позиции по наболелия украински въпрос, широки са неговите интереси, свързани с историята на Украйна и нейната литература и култура.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Арнаулов, Михаил, 1972.** Арнаулов, Михаил. Любен Каравелов. Живот, дело, епоха. 1834-1879. Второ издание. София, 1972.
2. **Брокхаус, Ф. и Ефрон, Е. 1892.** Брокхаус, Ф. и Е. Ефрон. Энциклопедический словарь. Санкт Петербург, 1892.
3. **Булахов, Михаил. 1976.** Булахов, Михаил. Восточнославянские языковеды. Библиографический словарь. Том I, Минск, 1976.
4. **Димитров, Михаил. 1959.** Димитров, Михаил. Любен Каравелов. Биография. София, 1959.
5. **Ерихронов, Л., 1959.** Ерихронов, Л. Любен Каравелов в Русия // Литературна мисъл, Кн. 1, София, 1959.
6. **Каравелов, Любен. 1968.** Каравелов, Любен. Събрани съчинения. Том IX, София, 1968.
7. **Кой кой е... 2000.** Кой кой е сред българите XV - XIX век. София, 2000.
8. **Минкова, Лиляна. 2005.** Минкова, Лиляна. Български възрожденци в Русия. София, 2005.

КИРЯКИН Александр, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры лингвистики и гуманитарно-педагогического образования Педагогического института, ФГБОУ ВО Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Российская федерация - kiryakinalek@bk.ru

СРЕДА ИЛИ ДУША? О СУЩНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ У Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И Л.Н. ТОЛСТОГО

Статья исследует природу преступления и наказания в творчестве великих русских писателей Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. И Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой дают оригинальные суждения о том, где зарождается преступление: в душе человека или под влиянием социальной среды. Герои Достоевского склонны искать ответ на поставленный вопрос в себе самих, доходя до глубинных основ человеческой души, тогда как у Толстого среда, сами люди, как создатели этой среды, толкают других людей на преступления, за которые потом их наказывают. Суть наказания у писателей состоит в следующем: человек наказывает преступлением сам себя, и тогда преступление выступает наказанием (Достоевский), либо его наказывают другие, сами при этом совершая преступление – нарушая по Толстому божественную заповедь «не судите да не судимы будете».

Ключевые слова: преступление и наказание, деструктивность, социальная среда, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой.

The article explores the nature of crime and punishment in the work of great Russian writers F.M. Dostoevsky and L.N. Tolstoy. And F.M. Dostoevsky and L.N. Tolstoy give original judgments about where the crime occurs: in the soul of a person or under the influence of a social environment. Dostoevsky's heroes tend to look for an answer to the posed question in themselves, reaching the deep foundations of the human soul, while at Tolstoy thinks, people themselves, as the creators of this environment, push other people to crimes for which they are later punished. The essence of the punishment among writers is as follows: a person punishes himself with a crime, and then the crime acts as a punishment (Dostoevsky), or he is punished by others, while committing a crime themselves - violating the divine commandment according to Tolstoy "do not judge and you will not be judged."

Key words: crime and punishment, destructive, social environment, F.M. Dostoevsky, L.N. Tolstoy.

Книга Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» своего рода Вергилий, ведущий нас по кругам уголовного процесса и позволяющий нам взглянуть на его изнанку. Фуко показывает нам, как процесс наказания за совершенное преступление в Новое время проходит определенную эволюцию: с наказания тела (книга начинается с яркого примера на этот счет – публичного четвертования Робера-Франсуа Дамьена за покушение на Людовика XV⁴⁴) к наказанию души, когда «наказание перестает быть театром», зрелищем на потеху публике. Когда постепенно уходят в прошлое публичные казни, где палачи разных стран как бы соревновались друг с другом в искусстве убийства своей жертвы⁴⁵.

Одновременно это означало и известное внешнее смягчение наказания. Впрочем, смягчение наказания на деле означает и смещение акцента в наказании: «Искупление, которое некогда терзало тело, должно быть заменено наказанием, действующим в глубине, – на сердце, мысли, волю, наклонности». Сам процесс установления обстоятельств по делу приобрел совершенно новые элементы. В частности, для правосудия стала важна личность преступника: что толкнуло его на совершение преступления, а также, какого рода наказание может способствовать его исправлению⁴⁶. Вопросы, которые не должны оставаться без ответа, и на которые давались ответы в т.ч. и двумя великими русскими писателями – Ф.М. Достоевским и Л.Н. Толстым.

Оба вопроса можно свести к одному, и поставить его следующим образом: какова сущность преступления и наказания? На счет преступления все кажется довольно очевидным (есть уголовное право, человек, преступивший его, совершает противоправное деяние, именуемое преступлением), как и на счет наказания (полагается наказание, предусмотренное нормами уголовного права). Но эта очевидность является кажущейся, превратной: внешний формализм не позволяет проникнуть в сущность этих категорий. Так, первая сущность касается самой природы закона.

В свое время Франц Кафка весьма остро поставил вопрос о природе закона, сведя его к абсурдистскому выводу: люди повинуются законам, которые не знают. А есть ли на самом деле эти законы, не плод ли они коллективной галлюцинации? Вторая же сущность касается души. В какой-то степени кафкианский «Процесс» можно свести к человеческой жизни: процесс открыт, и человек лишь его жертва. Человек умрет, как и жил: абсурдно, подчинив свою волю внешним обстоятельствам, не добившись ответов на вопросы, ни ради чего он жил, ни за что умирает. Человек не имеет права получить на них ответы, единственное, что у него осталось, это право их задать, и это право само под вопросом – таков вердикт Франца Кафки⁴⁷.

Однако же, мы таковы, каковы есть. Законы же – суть внешние флажки, ограждающие наше бытие-в-мире от бытия-в-мире себе подобных. Они могут быть абсурдными в кафкианском смысле, греховными и ненужными в толстовском правовом нигилизме, необходимыми, несмотря на все свои изъяны, по Ф.М. Достоевскому. Мы наделяем судей правом быть говорящим законом, надеясь, что он не коснется нас самих,

⁴⁴ Фуко, Мишель Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. С. 6-7, 14.

⁴⁵ Там же. С. 9, 12.

⁴⁶ Там же. С. 14-16.

⁴⁷ Кафка, Франц Процесс. Замок. Новеллы и притчи. Афоризмы. Письмо отцу. Завещание. М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 800 с.

мы создаем теорию разделения властей и окружаем ее системой сдержек и противовесов, чтобы власть законодательная, идущая от людских масс, имела возможность принимать те законы, которые люди считают для себя необходимыми, и не принимать иных. Но при этом мы те, кем мы являемся.

Если прибегнуть к сартровскому языку, можно продолжить кафкианскую логику в следующем ключе: «Абсурдный мир, противостоящий человеку, позволяет ему стать только тем, кто он есть глубоко внутри себя: если он палач, то палачом, если равнодушный конформист, то равнодушным конформистом, с чьего молчаливого согласия совершается все зло на земле»⁴⁸. И из этого круга человеку крайне сложно вырваться. Человек есть то, что он есть сам по себе. Его душа, которая при известных обстоятельствах может создать феномен преступления, преступна по своей сути. Но было бы слишком легко свести это к первородному греху. Так, создатель интенциональной этики, Пьер Абеляр, не случайно в свое время ввел понятие внутреннего согласия со своим грехом, и только тогда его можно полноправно таковым назвать. Но все же: душа или среда?

В «Дневнике писателя» за 1873 год Ф.М. Достоевский относительно среды, т.е. социального окружения личности, заметит, что делая ответственной за все среду, мы руководствуемся учением, противоположным христианству. Тогда как христианство провозглашает единство свободы и ответственности, теория среды низводит человека к зависимости «от каждой ошибки в устройстве общественном». Христианство провозглашает достоинство личности, теория среды обезличивает и, тем самым, освобождает человека «от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства»⁴⁹.

Здесь интересно и то, что по Ф.М. Достоевскому русский народ действительно жалостлив, и даже склонен оправдывать людей, совершивших преступление, сознавая и собственную греховную природу, разделяя, таким образом, вину преступника, а как может судить тот, кто сам не без греха?⁵⁰ Здесь проходит важнейший водораздел между точками зрения Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Последний действительно настаивает на том, что тот, кто сам греховен, не вправе судить другого человека. И, если Бог дал эту заповедь, то она не терпит исключений. А кто судит у нас? Люди, которые более заняты самими собою и своими личными интересами, а не истиной⁵¹.

А.С. Гольденвейзер не случайно именно в моменте описания судебной процедуры в романах Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского сопоставляет двух великих писателей: оба они показывают, что люди, которым вменили в обязанность вершить суд, заняты чем угодно, но не разбором дела по существу. Каждый из них руководствуется собственными страстями, и в обоих случаях суд заканчивается осуждением невиновного лица. Однако на этом сходство заканчивается. И, если для Ф.М. Достоевского суд и осуждение необходимы, что будем рассмотрено ниже, то для Л.Н. Толстого «дело уголовного суда

⁴⁸ Кирякин А.В. Абсурдность человеческого бытия (на примере пьесы Жан-Поль Сартра «Дьявол и Господь Бог»). С. 51.

⁴⁹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя: Книга очерков. С. 63.

⁵⁰ Достоевский Ф.М. Дневник писателя: Книга очерков. С. 62.

⁵¹ Гольденвейзер А.С. Преступление, как наказание, а наказание, как преступление. С. 23.

есть дело не только лишнее, напрасное и жестокое, но дело, противное человеческой натуре»⁵².

Делая выбор в пользу души, Ф.М. Достоевский и наказание трактует как часть индивидуального подвига души, без которого невозможна *μετάνοια*. Подлинное раскаяние по Ф.М. Достоевскому невозможно без санкционированного извне (со стороны государства) наказания. В подтверждение этой мысли писатель приводит свой опыт каторги. Каторжане «большою частью народ был мрачный, задумчивый. Про преступления свои никто не говорил. Никогда я не слыхал никакого ропота... Но, верно говорю, может, ни один из них не миновал долгого душевного страдания внутри себя, самого очищающего и укрепляющего... я видал их в церкви молящихся перед исповедью...; помню их лица, – о, поверьте, никто из них не считал себя правым в душе своей!»⁵³.

Преступление, как феномен одновременно индивидуального и общественного бытия, рождается внутри человека, в его душе, и в душе же и должен быть преодолен – таков вердикт Ф.М. Достоевского. Эту свою мысль писатель высказывал и ранее, на страницах своего романа «Преступление и наказание». Известно, что Родион Раскольников объясняя суть своего преступления, одновременно говорит, «что черт-то меня тогда потащил... Да ведь как убил-то? Разве так убивают? Разве так идут убивать, как я тогда шел! Я тебе когда-нибудь расскажу, как я шел... Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку! Тут так-таки разом и ухлопал себя, навеки!.. А старушонку эту черт убил, а не я...»⁵⁴.

И так объясняет свои мотивы: «Я захотел, Соня, убить без казуистики, убить для себя, для себя одного! Я лгать не хотел в этом даже себе! Не для того, чтобы матери помочь, я убил — вздор! Не для того я убил, чтобы, получив средства и власть, сделаться благодетелем человечества. Вздор! Я просто убил; для себя убил, для себя одного... Я это всё теперь знаю... Пойми меня: может быть, тою же дорогой идя, я уже никогда более не повторил бы убийства. Мне другое надо было узнать, другое толкало меня под руки: мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или право имею»⁵⁵.

Сам феномен личности, «право имеющей», восходит одновременно к карлейлевской теории героев и толпы, и к лицам, с которыми Ф.М. Достоевский делил каторгу. Причем если первый тип сознательно сводится писателем к «твари дрожащей», посягнувшей на убийство, то второй тип если и имеет право, то явно не на убийство. Здесь следует ввести категорию права на раскаяние. Зачастую именно сильная личность способна на подлинное раскаяние, личности слабой, как правило, мешает мнимая гордость. Именно это показывает нам Ф.М. Достоевский в эпилоге романа. Отсутствие

⁵² Там же. С. 24.

⁵³ Достоевский Ф.М. Дневник писателя: Книга очерков. С. 66-67.

⁵⁴ Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. Полное собрание сочинений в тридцати томах Т. 6. С. 322.

⁵⁵ Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. Полное собрание сочинений в тридцати томах Т. 6. С. 321-322.

смирения как бы отделяет Раскольникова от прочих каторжан, и они это интуитивно чувствуют.

В отличие от глубинной взаимосвязи преступления и наказания у Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстой утверждает, что наказание суть такое же преступление, и даже больше, раз нарушается божественная заповедь. И дело даже не в том, что наказанием может выступать смертная казнь (оба писателя ее последовательные противники), которая суть убийство, несмотря на всевозможную казуистику. В любом случае, смертная казнь в христианском смысле восстает против божественного замысла относительно человека. Бывает так, что смертная казнь, как приговор, лишь озлобляет человека перед смертью. Христос учил возможности покаяния даже на смертном одре (согласно Луке, один из разбойников на кресте раскаялся, и его раскаяние – подлинная μετάνοια), и никто не вправе его искусственно приближать, восставая, таким образом, против того, что Бог отмерил.

На это можно возразить тем, что Христос сам избирает позорную казнь на кресте. Этим он показывает подлинную свободу и превосходство над ressentiment, над всякой враждебностью – и это главное доказательство его учения («сколь образцова его смерть, сколь свободен, сколь выше он всякого ресентимента... Ведь Иисус, умирая, ничего иного и не мог желать, кроме как публично представить самое сильное свидетельство в пользу своего учения и этим доказать его...»⁵⁶ – такова, в частности, интерпретация известного сюжета Фридрихом Ницше. Величайшее смирение – простить своих убийц находясь в шаге от смерти. Но на это мало кто способен.

Однако Ницше не ставит перед собой задачи научить, что такое добро в христианском духе. В отличие от Ницше, свою задачу Л.Н. Толстой видит именно в этом. Необходимо показать людям это добро, показать людям истину в подлинно христианском смысле. Ведь почему люди совершают зло? Потому что думают, что это добро, и они просто не знают истины⁵⁷ (интеллектуалистская этика, восходящая к Сократу). Так отвечает на вызов зла Л.Н. Толстой. В мире был только один подлинный христианин, да и того распяли на кресте – как бы отвечает ему Ницше. Однако вслед за Л.Н. Толстым, Ницше видит отличительный признак истинного христианина «лишь в практическом поведении, в жизни, подобной той, какую вел распятый»⁵⁸.

По Ницше Иисус Христос умирает «не ради искупления, а чтобы показать, как надо жить... Он ничему не противится, не защищает своих прав, не делает и шага ради того, чтобы предотвратить самое страшное, – более того, он еще торопит весь этот ужас... И он молит, он страдает и любит вместе с теми и в тех, кто чинит ему зло... Все евангелие содержится в словах разбойнику, сказанных на кресте. «Истинно человек этот был праведник, сын Божий», говорит разбойник. «Если ты это чувствуешь – отвечает спаситель, – ныне же будешь со мною в раю, будешь, как и я, сыном Божим...». Не противиться, не гневаться, не призывать к ответу... И злу не противиться – любить его...»⁵⁹.

⁵⁶ Ницше Ф. Антихрист. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 148-149.

⁵⁷ Толстой Л.Н. В чем моя вера? С. 197.

⁵⁸ Ницше Ф. Антихрист. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 147.

⁵⁹ Ницше Ф. Антихрист. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 143-144.

Это уже знакомое нам толстовское непротivление злу насилieм. В сущности Л.Н. Толстой, как и многие до него, подметил такую общую направленность уголовных судов, как обвинительный уклон⁶⁰. Зачастую человек вынужден пройти множество судебных инстанций, чтобы наконец получить пресловутую презумпцию невиновности по отношению к собственной личности. Часто в отношении него работает обратный принцип – презумпция виновности, и необходимо приложить немало усилий, чтобы доказать порой очевидное, или смириться, как кафкианский Йозеф К., но участь последнего печальна. Впрочем, там, где «родились, чтоб Кафку сделать былье», порой виновен тот, кто помог разоблачить преступление, например, факт тюремных пыток.

Л.Н. Толстого тяготит то, что суд может допускать ошибку, еще более его тяготит то, что это может быть процессуальная ошибка, бюрократическая, но за ней может скрываться судьба конкретного человека, как, например, вышло в деле Катюши Масловой из романа «Воскресенье»: «Посмотрите, какую они <суд присяжных> нелепость вынесли..., ведь это каторжные работы, а она не виновата»⁶¹. Это понуждает его сделать категоричный вывод о неправде всех человеческих судов. Причем суды объявляются Л.Н. Толстым частью общественного зла, ведь для него «преступление настолько лишь подлежит исследованию, как общественное явление, насколько в нем получило реальное выражение то общественное зло, которое его породило»⁶², т.е. среда. «Наказание есть в его <Л.Н. Толстого> глазах самое вопиющее из преступлений. Преступление это, однако, не такое, как те, за которые судят преступников, а преступление всего человеческого общества»⁶³.

Однако было бы слишком просто, если бы Л.Н. Толстой построил все повествование романа на судебной ошибке. Так считает, например, А.С. Гольденвейзер, утверждая, что не сама вероятность судебной ошибки тяготит писателя, «а моральная ошибка самого существования уголовного суда»⁶⁴. Причем весь роман «Воскресенье», этот первый не календарный, а экзистенциальный роман XX века, выступает как приговор тому обществу, в котором важна правильность процедуры, а не человек. Роман предвосхитил абсурдизм «Процесса» Франца Кафки, угадал XX век, как угадал его Ф.М. Достоевский в пророческом романе «Бесы». Вместе они породили то зеркало, в котором мы узнаем себя до сих пор.

Романом «Воскресение» Л.Н. Толстой вынес приговор человеческому обществу на многие годы (столетия?) вперед, от которого не так просто отмахнуться. И, если для Ф.М. Достоевского рождает преступление душа, и лишь она вполне может его преодолеть, то для Л.Н. Толстого каждый частный случай преступления суть часть всеобщего зла, которое возможно преодолеть только совместными усилиями, только путем исправления общества. Прошлый век показал, что попытки деятельного исправления общества (сопротивления злу силой) приводят ко все новым случаям зла, и мы попадаем в своего рода квадратуру круга. Л.Н. Толстой предлагал непротivление, трактуя его в разные периоды жизни и в моральном смысле, и в религиозном. Возможно

⁶⁰ Гольденвейзер А.С. Преступление, как наказание, а наказание, как преступление. С. 27.

⁶¹ Толстой Л.Н. Воскресенье. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 10. С. 89.

⁶² Гольденвейзер А.С. Преступление, как наказание, а наказание, как преступление. С. 37.

⁶³ Там же. С. 61.

⁶⁴ Там же. С. 43

правы те, кто утверждает, что «религиозно развитые личности, достигшие соединения с полнотой бытия (с Богом), обретают мистические, не связанные с физическим насилием средства для воздействия на злодея и на весь окружающий мир, поэтому они могут предотвратить распространение зла не прибегая к насилию»⁶⁵, но в глобальном опыте человечества примеров действия именно на весь окружающий мир нет.

XX век обнажил «банальность зла», зияющую бездну, в которую окунулись человек и человечество. Во второй половине XX века Эрих Фромм придет к своему собственному заключению касательно спора – среда или душа? Во фрейдистском учении о влечении к έρωσ и влечении к θάνατοσ, Фромм нашел основание считать, что люди делятся на тех, у кого нет врожденной тяги к деструктивности, и на тех, у кого она есть. Конечный же вердикт по Фромму – среда: даже деструктивная по природе личность способная на положительное созидание, если ее природа была скорректирована воспитанием, социальным окружением, т.е. в сущности средой. Эрих Фромм определяет это как социальные условия жизни человека⁶⁶. Что же, опять пытаться исправить социальные условия? Хотя в этом и есть часть правды.

Известно, что после периода мировых войн, в целом юстиция в развитых странах мира пошла путем смягчения уголовного наказания. Но если, в конечном счете, смягчение уголовного наказания суть смещение фокуса с наказания плоти на наказание духа, то современная уголовная статистика дает основание для нетривиального вывода. Известный факт того, что в странах, в которых уголовное наказание имеет более мягкую природу, процент повторного совершения преступлений ниже, нежели в странах, где уголовное наказание остается тяжелым, позволяет сделать следующий вывод. Смягчение акцента на наказание духа сослужило неоценимую услугу правосудию и обществу в целом. Практика показала, что реакция людей на частичное ограничение своих прав всегда острее, нежели на полное их ограничение. Это же касается и смертной казни, которая суть полное умаление права человека на жизнь.

В таких условиях частично ограниченные права и человеческая реакция на это, выявляют следующую особенность: в ход идет влияние социального окружения, которое, как правило, осведомлено о том, по какой причине ограничены права того или иного человека. Осведомлено и о том, как это ограничение мешает ему вести полноценную жизнь в среде привычного для него социального окружения. Именно это способствует более эффективному становлению человека на путь исправления. Наказание в таком случае работает и как дополнительная возможность реабилитации. И напротив, данная закономерность не работает, если человек помещен в среду, не способствующую его индивидуальному пути к социальному исправлению.

Итак, среда, т.е. социальное окружение, социальные условия жизни, играют довольно заметную роль в становлении человека как личности. И здесь правота Л.Н. Толстого несомненна: социальные условия жизни зачастую выступают как решающий фактор становления и развития разного рода социальных девиаций и на индивидуально-личностном уровне, и на уровне «психологии народов и масс», как это показал

⁶⁵ Евлампиев И.И., Матвеева И.Ю. Принцип «непротивления злу насилием» Л.Н. Толстого в контексте русской религиозной философии конца XIX — начала XX века. С. 178-179.

⁶⁶Фромм, Эрих *Анатомия человеческой деструктивности*. С. 339.

исторический опыт прошлого века. Однако не стоит сбрасывать со счетов и то, что преступление, прежде чем стать социальной реальностью, рождается в душе человека, и здесь прав Ф.М. Достоевский. И это рождение не детерминировано исключительно социальной средой: и душа греховна, и мир во зле лежит.

ЛИТЕРАТУРА

- 1) **Гольденвейзер А.С.** Преступление, как наказание, а наказание, как преступление: (Мотивы толстов. «Воскресения»). Киев : изд. товарищей в ознаменование 35-летнего юбилея адвокат. деятельности авт., 1911. 75 с.
- 2) **Достоевский Ф.М.** Дневник писателя: Книга очерков. М.: Эксмо, 2007. 672 с.
- 3) **Достоевский Ф.М.** Преступление и наказание. Полное собрание сочинений в тридцати томах Т. 6. М.: Наука, 1973. 426 с.
- 4) **Евлампиев И.И., Матвеева И.Ю.** Принцип «непротивления злу насилием» Л.Н. Толстого в контексте русской религиозной философии конца XIX — начала XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2020.Т. 24. No 2. С. 165-180.
- 5) **Кафка, Франц.** Процесс. Замок. Новеллы и притчи. Афоризмы. Письмо отцу. Завещание. М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 800 с.
- 6) **Кирякин А.В.** Абсурдность человеческого бытия (на примере пьесы Жан-Поль Сартра «Дьявол и Господь Бог) // Достоинство человека: основания, перспективы, угрозы. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. В 2-х частях. Ч. 2. Под общей редакцией А.В. Грехова, А.Н. Фатенкова. Нижний Новгород, 2021. С. 43-51.
- 7) **Ницше, Фридрих.** Антихрист. Полное собрание сочинений. Т. 6., Москва, Культурная Революция, 2009. 408 с.
- 8) **Толстой Л.Н.** В чем моя вера? Москва, Амрита-Русь, 2020. 208 с.
- 9) **Толстой Л.Н.** Воскресенье. Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 10. М.: Издательство «Правда», 1987. С. 5- 468.
- 10) **Фромм, Эрих.** Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ: Астрель, 2010. 621 с.
- 11) **Фуко, Мишель** Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Москва: Ад Маргинем Пресс, сор. 2016. 383 с.

ЛУГОВСКАЯ Елена, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, Тирасполь, ПМР – lugowska@spsu.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА «ЗАПИСОК ИЗ ПОДПОЛЬЯ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И МУЗЫКАЛЬНАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА ТЕКСТА

Введение в проблему

Когда речь заходит о герменевтическом анализе текста, упор в большей степени делается на интерпретационную сущность такого подхода и некоторую свободу читателя в декодировании авторского сообщения. Но что такое есть эта самая интерпретация? Каким образом обеспечивается понимание – через функциональную семантику истинности, благодаря использованию метода сократического диалога, или с помощью процедуры герменевтического круга и фальсификации? И как от понимания перейти к интерпретации, не потеряв при этом самого понимания?

Выделяя базовые принципы герменевтического анализа текста, необходимо определиться, в первую очередь, с тем, о какой герменевтике идёт речь – репрезентативной (семиотической), диалогической или структуралистской. Чаще всего анализ художественного текста реализуется в рамках структуралистского подхода, целью анализа в этом случае выступает восстановление структурной основы анализируемого произведения – выделение основных его элементов. Работа с конститутивными элементами текста в рамках такого подхода базируется на понимании текста как совокупности авторских приемов, составляющих «лицо» произведения и, в какой-то мере, навязывающих читателю определенный вектор интерпретации. Во многом, это действительно помогает восприятию художественного текста, так как позволяет принять авторскую модальность как свою, но это возможно только в случае наличия соответствующей потенции принимающего, если же читатель не настроен на соответствующие модальности, текст не раскрывается перед ним с этой стороны - в этом смысле нарушается основное правило функциональной семантики истинности (См. Соболева, 2013, С.26-27).

Филологический анализ включает в себя герменевтическую категорию предпонимания как необходимое и достаточное условие проникновения в замысел автора, и в этом смысле определяет границы понимания художественного текста. *Пред-рассудок* (по М.Хайдеггеру) или *пред-убеждение* (по М. Шеллеру) как априорная установка интерпретатора, как особый социально детерминированный вид знания, с

одной стороны, позволяет интерпретатору оставаться в границах эпохи, литературного направления, идиостиля, др., но затрудняет диалог с автором и почти исключает возможность схватывания образа художественного текста, с другой стороны, потому что в большей степени имеет дело с тем, что сказано в тексте, а не с тем, что за этим стоит. И хотя актуальный художественный текст не может исчерпываться только тем, что в нем изначально сказано автором, но каждое его прочтение, понимание и интерпретация призваны рождать новые смыслы (и в этом, в том числе, воспитывающая роль художественной литературы), *акцент на включении текста в практическую ситуацию через его деятельностное освоение отличает герменевтический подход к содержанию и значению текста от других интерпретативных подходов, развитых в современном гуманитарном знании* [Немцев, 2008].

Герменевтический анализ и музыка текста

Герменевтический анализ в отличие от филологического позволяет посмотреть на текст шире. Герменевтический анализ художественного текста – это, по сути, попытка отождествления с самой текстовой ситуацией, которая включает в себя и автора, и читателя, и код, когда интерпретатор оказывается одновременно объектом текста, исполняющим свою функцию, и самим текстом (в широком понимании этого феномена) как деятельным субъектом, творящим художественную действительность и пребывающим в ней. Это не субъективная интерпретация ситуации, не попытка встать на позицию автора, и не взгляд со стороны, – это отождествление с самой текстовой ситуацией, и, в этом смысле, целостное включение текста в сферу практики его читателя в качестве средства ее трансформации.

Поэтому образ текста при герменевтической интерпретации как образ собеседника, адресата в коммуникации постоянно корректируется, в том числе, и за счет корректировки образа самого адресанта, то есть читателя, интерпретатора. И если сам интерпретатор вдруг осознает себя читающим не художественный, но сложный многослойный музыкальный текст, то стоит прислушаться к его звучанию и включить в сферу интерпретации концепты и понятия из музыки и музыковедения.

В частности, очень интересна методология целостного анализа в музыке как относительно самостоятельной научной и учебной дисциплины, быстро превратившейся в один из важнейших нервов нашего музыкознания» [Мазель, Цуккерман, 1994, С. 8–24, 12 (Цит по: Григорьева, 2014)] и интертекстуального метода анализа, *в новых художественно-эстетических условиях возродившего сущностные признаки «бывшего» метода анализа целостного* [Григорьева, 2014]. Преимущество такой методологии в том, что она *с большой полнотой охватывает все стороны музыкальной формы произведения, все элементы музыкальной речи в их взаимодействии, и на этой основе точно характеризует образную природу целого и частей, их индивидуальную выразительность в самых разнообразных и тонких её оттенках. При этом любая констатация, касающаяся того или иного технического приёма, связывается с его художественным смыслом*» [Мазель, Цит по: Григорьева, 2014].

О музыкальности и чрезвычайной сценичности [Voitkevich, 2016, С. 6-7] произведений Ф.М. Достоевского говорили К.Н. Леонтьев Г. Фридендер, Вяч. Иванов М.М. Бахтин, А.А. Гозенпуд и мн. др., композиторы разных национально-культурных традиций стремились переложить сюжеты и идеи Ф.М. Достоевского на музыку [См. Хексельшнейдер, 2005, С. 248-266], о любви писателя к музыке, его музыковедческой грамотности также сказано немало.

Что же касается повести «Записки из подполья», выступающего объектом настоящего описания и анализа, в пользу тезиса о его исключительной музыкальности выступает и то, что есть указания самого Ф.М. Достоевского на то, что, работая над текстом повести, он оперировал в том числе и музыкальными конструктами (в письме брату: *Ты понимаешь, что такое переход в музыке. Точно так и тут. В 1-й главе, по-видимому, болтовня; но вдруг...*), так и то, что, несмотря на отмеченную самим рассказчиком бессвязность мемуаров (*Порядка и системы заводить не буду. Что припомнится, то и запишу*), текст целостен, закончен и достаточен.

«Записки из подполья»: целостный анализ сонатной формы

Исследователи творчества Ф.М. Достоевского обращаются к таким музыковедческим определениям как опера, симфония, сонатная композиция, др., музыкальные термины полифония, контрапункт прочно вошли в терминологический аппарат изучения творчества Ф.М. Достоевского, для настоящего исследования определяющим выступает понятие *сонатной формы*.

Формальная и содержательная разнородность повести «Записки из подполья», могущая составить первое впечатление от знакомства с текстом, осознавалась самим автором еще на этапе разработки текста: в письме брату Ф.М. Достоевский писал: *«В 1-й главе может быть листа 1,5, может быть обделана вся дней через 5. Неужели ее печатать отдельно? Над ней насмеются, тем более что без остальных 2-х (главных), она теряет весь свой сок»*.

В журнальном варианте (1864 г.) повесть была разделена не на три, а на десять глав, однако содержательно она по-прежнему представляет собой трехчастную структуру: первая часть «Подполье» целостна (в ней «по-видимому, болтовня», как определяет это сам автор), а вторая «По поводу мокрого снега» комплексна («эта болтовня в последних двух главах разрешается катастрофой») – последовательно разделить ее на композиционные отрезки помогает используемый автором прием репризы, оформленной в виде цитации некрасовских строк. Усложняет интерпретацию линейной организации текста его полифония (терминология М.М.Бахтина) и двойной и даже тройной контрапункт (терминология А.А.Гозенпуда), однако именно эти «музыкальные особенности» текста «Записок...» позволяют погрузиться в глубины его смысла.

Сонатную форму определяет сопоставление главной и побочной партий, развитие конфликта в разработке как месте реализации основной идеи произведения и представление результата развития конфликта в репризе и коде; специфика раздела разработки сонатной формы в его неустойчивости, реализованной в виде модуляций, видоизменении основной темы, ее переосмыслении. В то же время сама сонатная форма

характеризуется максимальной стройностью, устойчивостью и сущностным многоголосием (гомофонная форма), что позволяет *объединить самый разнообразный материал, иногда на очень большом временном пространстве* [Горяйнова, 2018, С. 4]. Все эти особенности сонатной формы естественно проецируются на «Записки из подполья».

Двухчастная форма повести сопоставима с *формальным делением сонатной формы на два отдела, второй из которых состоит из разработки тем первого отдела, причем вся тема или ее часть (мотив) повторяется на разных ступенях*. Конец второго отдела оканчивается *органным пунктом на доминанте главной тональности, после чего переходят к третьему отделу, составляющему повторение первого, с той только разницей, что все три партии - главная, побочная и заключительная - пишутся в той же главной тональности*⁶⁷.

Тематический (то мелодический, то тональный) параллелизм находим в строении двух частей повести – с учетом того, что первая глава первой части представляет собой вступление (первый формальный элемент сонатной формы), обе части имеют одинаковое количество глав – десять – сопоставимых по тематике и идеям. В некотором приближении можно сопоставлять главы как теоретические выкладки (для первой части) и их практическую реализацию (во второй части).

Сонатная форма повести: тематический параллелизм

Так, если вторая глава первой части постулирует наслаждение от унижения и что *«не только очень много сознания, но даже и всякое сознание болезнь»*, и что *«в те же самые минуты, в которые я наиболее способен был сознавать все тонкости «всего прекрасного и высокого», как говорили у нас когда-то, мне случалось уже не сознавать, а делать такие неприглядные деянья, такие, которые...»*, то первая глава второй части в подробностях представляет пример этих деяний – случай в *трактиришке*, тоже со ссылкой на *«всё прекрасное и высокое»* с рассуждениями о нашем романтике.

Третья глава первой части предлагает рассуждения о двух типах людей - *людях думающих, а следственно, ничего не делающих и непосредственных людях или деятелях* - соотносимая с ней вторая глава второй части намечает круг возможных примеров для описания этих типов людей – подпольный человек рисует картину выхода из состояния мечты *обо всем прекрасном и высоком* в общество, при этом предлагая себя как представителя первого типа (*То ли дело все понимать, все сознавать, все невозможности и каменные стены...*).

Тезисом четвертой главы первой части можно считать высказывание *«в этих-то всех сознаниях и позорах и заключается сладострастие»* (метафора зубной боли как причины стонов и повода к наслаждению от унижения), третья же глава второй части дает практическое описание того, как *«стонет человек тронутый развитием и европейской цивилизацией ... лучше всех знает, что он только напрасно себя и других надрыгает и раздражает; знает, что даже и публика, перед которой он старается, и все семейство его уже прислушались к нему с омерзением, не верят ему ни на грош и понимают про себя, что он мог бы иначе, проще стонать, без рулад и без вывертов, а что он только так со злости, с ехидства балуется»*. Эта метафора разворачивается

⁶⁷ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. (82 т. и 4 доп.). — СПб., 1890—1907

описанием того, как подпольный человек навязался компании своих школьных товарищей, и как вполне осознавая неуместность своего присутствия в их компании, как и свою повсеместную неуместность (воспоминания о школьных годах), *«бесился, что наверно знал, что поеду; что нарочно поеду; и чем бестактнее, чем неприличнее будет мне ехать, тем скорее и поеду»*.

Тема *«разве сознающий человек может себя хоть сколько-нибудь уважать»* развивается в пятой главе первой части, и теоретические положения о том, что *«все непосредственные люди и деятели потому и деятельны, что они тупы и ограничены»*, а *«прямой, законный, непосредственный плод сознания – это инерция, то есть сознательное сложа-руки-сиденье»* подкрепляется описанием собственно встречи подпольного человека со своими школьными товарищами в соотносимой с ней главе четвертой второй части. В ней подпольный человек углубляет степень своего унижения и, следовательно, пропасть, разделяющую представителей двух типов людей: *«Порой с глубочайшею, с ядовитой болью вонзалась в мое сердце мысль: что пройдет десять лет, двадцать лет, сорок лет, а я все-таки, хоть и через сорок лет, с отвращением и с унижением вспомню об этих грязнейших, смешнейших и ужаснейших минутах из всей моей жизни. Бессовестнее и добровольнее унижать себя самому было уже невозможно, и я вполне, вполне понимал это и все-таки продолжал ходить от стола до печки и обратно. «О, если б вы только знали, на какие чувства и мысли способен я и как я развит!» – думал я минутами; мысленно обращаясь к дивану, где сидели враги мои. Но враги мои вели себя так, как будто меня и не было в комнате»*.

Шестая глава первой части - своеобразная ода лени как сущностной причины ничегонеделанья и деятельностного повода *«пить за здоровье всего прекрасного и высокого»*. В соотносимой пятой главе второй части решимость подпольного человека дать пощечину Зверкову (из компании школьных товарищей) представляется вначале как та самая деятельность, для которой достаточно *«ближайших и второстепенных причин»*, что влечет за собой мечты в духе *прекрасного и высокого*. Однако *«Ведь чтоб начать действовать, нужно быть совершенно успокоенным предварительно, и чтоб сомнений уж никаких не оставалось»*, а подпольный человек эмоционально неустойчив, взбудоражен (*Что было делать? И туда было нельзя – выходил вздор; и оставить дела нельзя, потому что уж тут выйдет... Господи! Как же это можно оставить! И после таких обид!*), потому субъектная решимость трансформируется в объектную предназначенность, рок (*– Нет! – вскрикнул я, снова кидаясь в сани, – это предназначено, это рок! погоняй, погоняй, туда!*).

Идея о том, что *«человеку надо – одного только самостоятельного хотенья, чего бы эта самостоятельность ни стоила и к чему бы ни привела»* седьмой главы первой части наглядно иллюстрируется разговором подпольного человека с Лизой в главе шестой второй части – тему обыгрывает и указание на то, что Лиза из отцовского дома ушла по *самостоятельному хотению*, а не по какому-то *нормальному, какому-то добродетельному хотению*, и на то, что подпольный человек в разговоре с ней навязывает ей рационально (*Что-то вы... точно как по книге, – сказала она...*) и эмоционально (*«Картинками, вот этими-то картинками тебя надо! – подумал я...*) *благоразумно выгодного хотенья* обычной семейной жизни.

Так же как седьмая глава второй части содержит продолжение разговора подпольного человека с Лизой, так и восьмая глава первой части представляет читателю продолжение рассуждения о сущности хотения, о том, что *«рассудок, господа, есть вещь хорошая, это бесспорно, но рассудок есть только рассудок и удовлетворяет только рассудочной способности человека, а хотенье есть проявление всей жизни, то есть всей человеческой жизни, и с рассудком, и со всеми почесываниями»*. В седьмой главе второй части повествование сосредоточивается на сомнениях и страхах подпольного человека по поводу возможности прихода к нему Лизы, здесь, наконец, обозначается тема аполлонического как закосневшего в своих формах начала в человеке (до этого она была обозначена в третьей главе второй части: *«Но об этой каналье, об этой язве моей, я когда-нибудь после поговорю»*), выраженного через образ слуги подпольного человека – Аполлона (говорящее имя). Тема Аполлона (то есть аполлонического) реализована как побочная партия – она появляется в результате развития материала главной партии произведения и главной партии героя повести. Это отдельная и очень интересная тема, поэтому здесь только обозначим ее в необходимом в рамках настоящего исследования объеме. Говорящее имя слуги, описание его характера и поведения, противопоставление характеров подпольного человека и его слуги прямо и недвусмысленно указывает на систему понятий, обозначающую противоположные по характеру начала бытия и культуры (по Шеллингу – силы, концентрирующихся в глубинах сознания человека) – аполлоническое и дионисийское.

Восьмая глава первой части, развивая тему, содержит теоретические рассуждения по поводу неблагодарности, неблагодария и неблагоразумия человека, который *«Рискнет даже пряниками и нарочно пожелает самого пагубного вздора, самой неэкономической бессмыслицы, единственно для того, чтобы ко всему этому положительному благоразумию примешать свой пагубный фантастический элемент. Именно свои фантастические мечты, свою пошлейшую глупость пожелает удержать за собой единственно для того, чтоб самому себе подтвердить (точно это так уж очень необходимо), что люди все еще люди, а не фортепьянные клавиши...»*, утверждая таким образом дионисийское живое, витальное начало в человеке.

Девятая глава первой части содержит тезис о том, что *«Страдание – да ведь это единственная причина сознания. Я хоть и доложил вначале, что сознание, по-моему, есть величайшее для человека несчастье, но я знаю, что человек его любит и не променяет ни на какие удовлетворения»*. Соотносимая с ней восьмая глава может быть рассмотрена как музыкальный сдвиг, перелом – внезапное нарушение характера образности и появление контрастных элементов относительно главной партии; такой прорыв выступает ярким отражением основного конфликта, который полностью раскроется в разработке. Сама глава поделена на три части – в первой части герой повести ведет себя скорее как человек деятельностный нежели подпольный – он хлопочет о спасении своей репутации и предпринимает ряд разумный и рациональных действий для этого (находит деньги отдать Симонову, пишет извинительное письмо, просит Аполлона его отнести, выходит прогуляться) и это состояние отмечено тем, что *«А про Лизу я даже совсем и забыл в это утро, захлопотавшись»*, в следующей части подпольный человек прорывается *«Что-то подымалось, подымалось в душе беспрерывно, с болью, и не хотело угомониться»*, но реализуется вариациями образа

всего прекрасного и высокого в мечтах подпольного человека и достигает кульминации на первом знаке репризы *«и в дом мой смело и свободно хозяйкой полною войди»*. За знаком репризы следует пространная часть, которая реализует тему Аполлона, она ярко контрапунктирует основной теме и завершается закрывающим знаком репризы.

Реприза

Под знаком репризы мы понимаем цитацию некрасовских строк, которая придает всей повести особое звучание. И функция ее не только в том, чтобы смягчить повесть, потому что *по тону своему она слишком странная и тон резок и дик; может не понравиться; следовательно, надобно, чтоб поэзия все смягчила и вынесла*» в письме брату Михаилу 20 марта 1864 года), - и Ф.М. Достоевский реализует своеобразный перепев темы стихотворения в «Записках...» (вторую часть своих «Записок из подполья» (1864) построил на полемике с комментируемым стихотворением. Впрочем, отношение Достоевского к нему было сложным; он цитировал его в «Селе Степанчикове» и «Братьях Карамазовых», декламировал (21 ноября 1880 г.) на чтении в пользу Литературного фонда (см.: Гин, 1971, с. 119-120).

Эпиграф в виде первых трех катренов стихотворения Н.А. Некрасова в начале второй части повести – открывающий знак репризы, указывает на ту часть сонатной формы, в которой повторяется экспозиция, содержательно и эти строки Некрасова, и прозаический пересказ похожей ситуации в повести достаточно близки, однако четыре заключительных катрена стихотворения, оканчивающиеся патетическим *И в дом мой смело и свободно / Хозяйкой полною войди!* реализованы в тексте повести как столкновение книжного представления ситуации с действительностью, что отдельно уточняется в заключительной части произведения: *«все отвыкли от жизни, все хромаем, всякий более или менее. Даже до того отвыкли, что чувствуем подчас к настоящей «живой жизни» какое-то омерзение, а потому и терпеть не можем, когда нам напоминают про нее. Ведь мы до того дошли, что настоящую «живую жизнь» чуть не считаем за труд, почти что за службу, и все мы про себя согласны, что по книжке лучше»*.

По большому счету весь текст от эпиграфа до первой цитации патетической концовки представляет собой прозаическую вариацию некрасовских строк, включающему в себя сочувственное и одновременно полемическое отношение к ним [Примечания... 1989]. Цитация концовки некрасовского стихотворения выполняет функцию знака репризы – повторяющиеся два раза в тексте повести строки *«И в дом мой смело и свободно хозяйкой полною войди»* представляют собой первую и вторую вольты как обозначение содержания, изменяющегося при повторении (репризе). Между двумя этими «знаками» в повести реализована тема Аполлона с характеристикой как *«язва моя, бич, посланный на меня провиденьем»*; указание самого подпольного человека на то, что *«точно он был слит с существованием моим химически»* позволяет трактовать этот образ в рамках приема двойничества.

Рефлексия подпольного человека первой части повести повторяется в репризе как части сонатной формы, содержательно соответствующей цитируемому стихотворению *«Но теперь, теперь – ты моя, ты мое созданье, ты чиста, прекрасна, ты – прекрасная жена моя. <...> Затем мы начинаем жить поживать, едем за границу и т. д., и т. д.»*, которая снимает (но не разрешает) конфликт. Вторая вольта указывает на тонально-

гармоническое изменение - девятая глава второй части представляет собой описание визита Лизы - теперь не в мечтах, но в неприглядной действительности. Соотносимая ей десятая глава первой части сводит все рассуждения о хотении, о человеческой природе, развиваемые в предыдущих главах к вопросу «*Зачем же я устроен с такими желаниями? Неужели ж я для того только и устроен, чтоб дойти до заключения, что все мое устройство одно надувание? Неужели в этом вся цель?*» - углубление, расширение этой темы обозначено в конце описания свидания с Лизой «*Глаза мои блеснули страстью, и я крепко стиснул ее руки. Как я ненавидел ее и как меня влекло к ней в эту минуту! Одно чувство усиливало другое. Это походило чуть не на мщение!.. На лице ее изобразилось сначала как будто недоумение, как будто даже страх, но только на мгновение. Она восторженно и горячо обняла меня*». Последнее предложение как апофеоз «*живой жизни*», которая с непривычки придавила <...> до того, что даже дышать стало трудно.

Заключительная партия сонатной формы и кода

Десятая глава второй части как и одиннадцатая глава части первой звучат *ritenuto*, а тематически как бы закрывают основные вопросы, которые ставила повесть:

(первая часть) / (вторая часть)

Вот нынче, например, меня особенно давит одно давнишнее воспоминание. Припомнилось оно мне ясно еще на днях и с тех пор осталось со мною, как досадный музыкальный мотив, который не хочет отвязаться. А между тем надобно от него отвязаться / Ужасно тяжело мне было.

Вы знаете, что остроты ваши неостроумны, но вы, очевидно, очень довольны их литературным достоинством. Вам, может быть, действительно случалось страдать, но вы нисколько не уважаете своего страдания. В вас есть и правда, но в вас нет целомудрия; вы из самого мелкого тщеславия несете правду на показ, на позор, на рынок... / А в самом деле: вот я теперь уж от себя задаю один праздный вопрос: что лучше – дешевое ли счастье или возвышенные страдания? Ну-ка, что лучше?

можно ли хоть с самим собой совершенно быть откровенным и не побояться всей правды? / фантазировал я уже дома, после, заглушая фантазиями живую сердечную боль; Так мне мерещилось, когда я сидел в тот вечер у себя дома, едва живой от душевной боли.

Это заключительная партия сонатной формы – десятая глава тематически обобщает весь материал первой части, а в одиннадцатой главе представлен и крайний сюжетный элемент, и одновременно заключительная часть всего произведения: вторая часть главы (после завершения повествования о Лизе) оформлена в виде диалога с читателем, так же как и вся одиннадцатая глава первой части.

Последняя глава первой части начинается возгласом «*Конец концов, господа: лучше ничего не делать! Лучше сознательная инерция! Итак, да здравствует подполье!*», который коррелирует высказыванию противоположной модальности «*Но довольно; не хочу я больше писать „из Подполья“...»* Эти два фрагмента образуют кольцевую композицию всего произведения. А последняя фраза повести «*Впрочем, здесь еще не кончаются «записки» этого парадоксалиста. Он не выдержал и продолжал далее. Но нам тоже кажется, что здесь можно и остановиться»* представляет собой

коду – в тематическом отношении она имеет новую тему - здесь впервые появляется рассказчик.

Таким образом, вторая часть повести содержит разработку (второй отдел сонатной формы) и репризу (третий) - в музыкальной терминологии.

Органный пункт

В конце разработки сонатной формы возможно использование так называемого органного пункта, что обуславливает переход от разработки к репризе (третий отдел сонатной формы, который повторяет первый) и обеспечивает удержание главной тональности. Таким органным пунктом можно назвать «*мокрый снег*»: впервые этот знак появляется как раз в конце первой части, а затем на протяжении всего повествования второй части актуализует значимые сюжетные переходы. Но главная функция этого знака в том, чтобы подтвердить мертворожденность подпольного человека: первый раз снег он видит через форточку (*О, как я молил бога, чтоб уж прошел поскорее этот день! В невыразимой тоске я подходил к окну, отворял форточку и вглядывался в мутную мглу густо падающего мокрого снега...* (конец 1 части), снег пока еще не касается его, не обозначает его как мертвеца. Знак снега появляется в тот момент, когда подпольным человек принимается решение поехать на встречу школьных товарищей, предвкушая предстоящее унижение, и вполне осознавая всю бессмысленность и бесполезность мечтания *одержать верх, победить, увлечь, заставить их полюбить себя – ну хоть «за возвышенность мыслей и несомненное остроумие»*.

Второй раз появляющийся знак снега указывает на неотвратимость социальной и нравственной смерти подпольного человека: «*Мокрый снег валил хлопьями; я раскрылся, мне было не до него. Я забыл все прочее, потому что окончательно решился на пощечину и с ужасом ощущал, что это ведь уж непременно сейчас, теперь случится, и уж никакими силами остановить нельзя. Пустынные фонари угрюмо мелькали в снежной мгле, как факелы на похоронах. Снег набился мне под шинель, под сюртук, под галстук и там таял; я не закрывался: ведь уж и без того все было потеряно!*».

Образ похорон и мертвого тела в мокром снегу закрепляется в диалоге с Лизой: «— *Сегодня погода... снег... гадко!* – проговорил я почти про себя, тоскливо заложив руку за голову и смотря в потолок. Она не отвечала. Безобразно все это было. / – *Снег, мокрять...* (Я зевнул). – *Все равно, – вдруг сказала она после некоторого молчания. – Нет, гадко...* (Я опять зевнул). *Могильщики, верно, ругались, оттого что снег мочил. А в могиле, верно, была вода. / В могиле слякоть, мразь, снег мокрый, – не для тебя же церемониться?* После такого повторения образ мокрого снега как знак смерти маркирует расставание с Лизой как олицетворением живой жизни: первый раз подпольный человек сам уходит от нее «*Мне так хотелось уйти... Я прошел всю дорогу пешком, несмотря на то, что мокрый снег все еще валил хлопьями. Я был измучен, раздавлен, в недоумении. Но истина уже сверкала из-за недоумения. Гадкая истина!*», второй раз Лиза уходит от него: «*Мгновение спустя я, как безумный, бросился одеваться, накинул на себя, что успел впопыхах, и стремглав выбежал за ней. Она и двухсот шагов еще не успела уйти, когда я выбежал на улицу. Было тихо, валил снег и падал почти перпендикулярно, настилая подушку на тротуар и на пустынную улицу. Никого не было прохожих, никакого звука не слышалось. Уныло и бесполезно мерцали фонари. <...> Я стоял на снегу, всматриваясь в мутную мглу, и думал об этом*».

Заключительные пояснения

Реализуя герменевтический подход к анализу художественного текста, можно значительно увеличить синергию интерпретационных усилий, представив художественный текст как музыкальное произведение, конечно же, в том случае, если к тому есть указания самого автора, если на то указывает специфика его идиостиля.

Это позволяет рассматривать универсальные семантические алгоритмы и законы формообразования текста художественного произведения, проявляющие себя в любом коммуникативном акте, в том числе и художественном, и музыкальном, в рамках целостного анализа (В.А. Цуккерман, И.Я. Рыжкин, Л.А. Мазель). Несмотря на спорность и неоднозначность методологии целостного анализа в музыковедении, постулируемое данным методом комплексное исследование историко-стилистическое и эстетическое рассмотрение целостной структуры музыкального произведения на основании универсальности семантических алгоритмов и структуры музыкального формообразования, дает возможность расшифровывать музыкальные знаковые системы в их философско-эстетической конкретности и обобщённости.

Семантическая сложность и языковое богатство делают художественный текст в какой-то мере автономной сущностью, для понимания и интерпретации которой в рамках герменевтического анализа важны следующие допущения.

Во-первых, основополагающим выступает принцип *герменевтической открытости текста* как принципиальной непостижимости текста, его бесконечной вариативности, когда каждая новая интерпретация рождает новый вариант (но не вариацию на тему) текста. Такая герменевтическая открытость поддерживается требованием *культурологичности текста*.

Вторым допущением, позволяющим рассматривать смысловое пространство текста как результирующую взаимодействия культурных парадигм, аксиологически значимых для автора. В этом аспекте важно, чтобы соответствующая аксиология считывалась читателем, интерпретатором, из чего вытекает третье важное допущение: *сам предмет текста должен быть понятен читателю* (интерпретатору, исследователю), то есть адекватен предмету интерпретации.

И, в-четвертых, интерпретатор рассматривает художественный текст как *характеризующийся смысловой завершенностью*. Это означает, что определив границы текста как объекта анализа, интерпретатор работает с ним как с целостностью, и обращение к метатекстовым компонентам и гипертекстовым связям призвано не сделать границы текста проницаемыми, но подтвердить их наличие— это важно, потому что в ином случае читатель становится не со-беседником, со-автором, а автором вариации на тему текста, вариации по предмету изображения, автором иной вымышленной реальности, похожей на авторский актуальный художественный текст.

ЛИТЕРАТУРА

Аспекты поэтики Достоевского в контексте литературно-культурных диалогов / Под ред. Кроо К., Сабо Т. и Хорвата Гезы Ш. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 320 с. (Dostoevsky monographs / A series

of the International Dostoevsky society; Вып. 2). Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: Реферативный журнал.

Васильев Д.В. Исповедь и покаяние в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы // Проблемы исторической поэтики. 2014. С. 265-273. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispoved-i-rokayanie-v-romane-f-m-dostoevskogo-bratya-karamazovy>

Гин М. Некрасов и Достоевский. Север, 1971, No 11, с. 119-120.

Григорьева Г.В. Метод целостного анализа В. А. Цуккермана: традиция и её обновление в современной отечественной науке // Журнал Общества теории музыки: выпуск 2014/4А (8А).

Живолупова Н.В. Любовь в художественной системе исповеди антигероя (от Достоевского к литературе XX века) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lyubov-v-hudozhestvennoy-sisteme-ispovedi-antigeroya-ot-dostoevskogo-k-literature-hh-veka>

Исполнение крупной формы в рамках предмета фортепианное исполнительство / сост. Горяйнова Т.А.; ГБПОУ Иркутский областной колледж культуры. Иркутск, 2018. 18 с. (Школа молодого преподавателя).

Криницын А.Б. Исповедь и самоанализ героя в романах Достоевского // Литературоведческий журнал. 2002. С.109-116. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispoved-i-samoanaliz-geroya-v-romanah-dostoevskogo>

Мазель Л. В.А. Цуккерман и проблемы анализа музыки // В.А. Цуккерман — музыкант, учёный, человек. Статьи. Воспоминания. Материалы. М., Композитор, 1994.

Немцев М.Ю. О понятии «текст» в философской герменевтике (Г.-Г. Гадамер и П. Рикёр) «Философия, социология, политология» 28 февраля 2008 г. URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/309/image/309-36.pdf>

Примечания к повести из Собрания сочинений в 15-ти томах. Т.4. Л., «Наука», 1989 // Составители примечаний к тому А.В. Архипова, Н.Ф. Буданова, Е.И. Кийко.

Соболева М.Е. Философская герменевтика: понятия и позиции. М.: Академический Проект, 2013. (Философские технологии).

Соловьёв Н.Ф. Сонатная форма // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890-1907

Хексельшнейдер Э. Опера «Раскольников» Братьев Генриха и Петера Зутермейстеров (1948) // Достоевский. Материалы и исследования Ответственные редакторы: И.Ф. Буданова, И.Д. Якубович. Санкт-Петербург. «Наука», 2005. С.248-266.

Чемодуров К.В. Художественные исповеди в творчестве Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого: философско-антропологическая интерпретация // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 8 (390). Философские науки. Вып. 41. С. 52-56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennye-ispovedi-v-tvorchestve-f-m-dostoevskogo-i-l-n-tolstogo-filosofsko-antropologicheskaya-interpretatsiya>

Voitkevich S.G. On the problem of the nature of musical interpretations of F. M. Dostoyevsky's prose / S.G. Voitkevich // Russian Linguistic Bulletin. 2016. № 1 (5). С.6-7. URL: <https://rulb.org/ru/article/k-voprosu-o-prirode-muzykalnyx-prochtenij-prozy-f-m-dostoevskogo/>. doi:10.18454/RULB.5.17

МАДЭЙ-ЦЕТНАРОВСКА Моника, кандидат филологических наук, адъюнкт – Институт иностранных языков, Государственная высшая профессиональная школа, Новый Сонч, Польша – monikacet@poczta.onet.pl

«САМООБОЖЕНИЕ» В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО. ПРОРОЧЕСТВО ТРАНСГУМАНИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МЫШЛЕНИЯ

Тема настоящей статьи может показаться спорной и провокационной. Однако если мы посмотрим на трансгуманизм как на целостную философскую или идеологическую систему, поиск трансгуманистических мотивов в творчестве Федора Достоевского становится полностью понятным и оправданным.

Концепция заглавия статьи возникла благодаря российской ученой, Татьяне Ковалевской, которая в своей книге «Мифологический трансгуманизм в русской литературе: Достоевский и Серебряный век» [Ковалевская, 2018] пытается найти источник трансгуманистической парадигмы и находит его в «самообождении».

Если, как замечает Ковалевская, примем во внимание «<...> две формы самообождения – субстанциальное и функциональное» [Ковалевская, 2011, с. 31] то:

Первая форма предполагает физическую трансформацию человека, вплоть до достижения бессмертия я; вторая – исполнение им функций божества [Ковалевская, 2011, с. 31].

Ученая подчеркивает, что анализируя идею «самообождения», необходимо понимать ее как *утверждение своей воли* в отличие от христианского «обожения» («теозиса»), которое человек сможет достичь путем отказа от своей воли и покорности перед Божьей волей [Ковалевская, 2011, с. 31].

Ковалевская в своей книге ставит также правильный тезис о том, что вопреки общепринятым мнениям, трансгуманизм отнюдь не является инновационной теорией, так как этот феномен «<...> сопутствовал человечеству с первых мгновений самосознания» [Ковалевская, 2018, с. 7] и на самом деле «<...> трансгуманизм и стремление к нему – это изначально метафизическая концепция, которая сопровождает рефлексию человечества с зарождения его самопознания и является неотъемлемой частью человеческой телеологии» [Ковалевская, 2018, с. 7-8]. Суть проблемы состоит лишь в том, что как явление, трансгуманистический образ мышления приобретал на протяжении веков разные формы. Даже современные трансгуманисты, в том числе российские, объединенные в Российском трансгуманистическом движении (РТД), признают, что мечта о вечной жизни и попытка преодолеть человеческие ограничения

уходит своими корнями в глубокое прошлое. Хватит вспомнить популярный среди трансгуманистов иммортализм. В статье на сайте РТД прочитав, что возможно, древнейшим литературным произведением в истории человечества был «*Энос о Гильгамеше*» (созданный ок. 2000 г. до н. э.) [Трансгуманистическое движение, URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/71/95/>].

Учитывая вышесказанное, Ковалевская предлагает рассмотреть трансгуманизм в мифологическом ключе, понимая его «<...> как преодоление когнитивной, пространственной и временной ограниченности человека и человеческой смертности» [Ковалевская, 2018, с. 7].

Следует отметить, что Достоевскому, как и многим другим авторам, тема бессмертия и воскрешения также не была равнодушна. Необходимо помнить, что он жил в одно время вместе с апологетом всеобщей борьбы со смертью, Николаем Федоровым. Писатель не был знаком с философом лично, однако благодаря Николаю Петерсону, ученику философа, описавшему «проект «московского Сократа», он смог познакомиться с основными положениями проекта «общего дела» и восхититься ими до такой степени, что после прочтения письма Петерсона в ответ напишет:

<...> кто этот мыслитель, мысли которого Вы передали? <...> Он слишком заинтересовал меня <...>. Затем скажу, что в сущности совершенно согласен с этими мыслями. Их я прочел как бы за свои [Достоевский. Письмо Н.П. Петерсону, 2004, с. 95]⁶⁸.

Писатель нашел в Федорове родственную ему душу. Очарованный проектом, он просит Петерсона подробно объяснить теорию. Федоров, узнав о реакции Достоевского, решает дать все ответы и прояснить вопросы и сомнения писателя. Письмо, которое изначально задумывалось как краткое обобщение проекта, превратилось в лекцию объемом более трехсот страниц, посвященную философии «общего дела». К сожалению, до адресата оно так и не дошло, потому что Достоевский умер до того, как текст был закончен, и, не сумев изучить богатую и многосюжетную концепцию, он так и не понял, в чем заключается идея воскрешения мертвых, самое важное и центральное в философии Федорова. Писателю удалось лишь исследовать вопрос о распаде межчеловеческих отношений и проблему небратства, которое, по мнению мыслителя, является основным препятствием во всеобщем объединении в борьбе со смертью на физическом и духовном уровнях.

О значении Федорова в контексте творчества Достоевского важно говорить по двум причинам. Во-первых, как отметили Светлана Семёнова и Анастасия Гачева: «Для позднего Достоевского знакомство с идеями Федорова, пусть и опосредованное, стало важной вехой» [Гачева, Семенова, 2000, с. 441]. Игнорирование этого факта равносильно

⁶⁸ Приведенные слова являются ответом на письмо Петерсона от 24 марта 1878 г., в котором ученик Федорова изложил Достоевскому основные положения философии «общего дела». Эта статья, при сотрудничестве Федорова с Петерсоном, была опубликована в газете «Дон» в номере 80 за 1897 год. Статья снабжена предисловием Федорова в виде приложения, поясняющего письмо Петерсона в редакцию. В этом предисловии Федоров изложил основные тезисы своей философии, пытаясь представить эту идею как логическое следствие мировоззрения самого Достоевского. Сравните: Н.Ф. Федоров, Н. Ф. Федоров, Собрание сочинений в четырех томах, т. 1, Москва 1995, с. 511.

неверному истолкованию многих теорий писателя. Во-вторых, современные, не только российские трансгуманисты, считают Федорова предшественником трансгуманистического движения. Конечно, с этим мнением можно и даже положено спорить, но факты остаются фактами, и если мы посмотрим на российский сайт РТД, то узнаем, что сам термин «трансгуманизм» был введен довольно не так давно, в 1957 году британским биологом, Генеральным директором ЮНЕСКО, Джулианом Хаксли, а популяризировали его многие другие западные ученые и мыслители англоязычного пространства. Российские трансгуманисты, признают роль западного пространства, но одновременно убеждают, что:

<...> взгляд в прошлое российской мысли позволяет утверждать, что многие из идей, относимых сегодня к трансгуманистическим, впервые возникли или получили своё развитие в России [Трансгуманистическое движение, URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/29/110/>].

Среди перечисленных фамилий представителей российской философии бессмертия находим именно и «московского Сократа», однако глубокий анализ его проекта и сопоставление его с основными тезисами трансгуманизма, заставляет критически отнестись к трансгуманистическим ссылкам на Федорова.

Федоров, который выступал за борьбу против смертного статуса человека, а также призывал к разумной регуляции земной природы и Вселенной, никогда не согласился бы с лозунгами трансгуманистов. Достоевский тоже критически относился бы к трансгуманистическим предложениям. Необходимо подчеркнуть, что как писатель, так и философ, проповедовали ценности, которые в трансгуманистическом кодексе либо игнорируются и промолчиваются либо совсем исключаются. Для обеих наиболее важной категорией, определяющей суть человечества, должен быть принцип всеобщего братства, а также единства каждого со всеми и ради всех.

Центральной идеей Достоевского и Федорова было также обожение, понимаемое как участие человека в Божественных делах, благодаря чему произойдет соединение человека с Богом. Обожение в понимании как Достоевского, так и Федорова, это цель и судьба человека, иными словами это совершенное человечество.

В этом контексте интересным может показаться сопоставление «всечеловека» автора романа «Бесы» и «Сына человеческого» «московского Сократа». Конечно, в философском плане они немного отличаются друг от друга, прежде всего в отношении к вопросу воскрешения. Для Федорова «сын человеческий» это не только верный сын своих отцов, в смысле всего человеческого рода, продвигающий в частности идею культа предков, но это прежде всего это существо, которое мысль о реальном воскрешении умерших реализует на практике.

Что касается Достоевского, стоит вспомнить сказанное выше, о том, что писатель, хотя принял мысли Федорова за свои и никогда не читал ничего логичнее размышлений философа, не успел изучить полное содержание проекта «общего дела». Может быть, если он успел бы перед смертью узнать в чем заключается главная идея концепции «скромного библиотекаря», он по-другому взглянул бы на вопрос о жизни и смерти и создал бы литературный образ проекта воскрешения. Именно поэтому его «всечеловек» несравним вполне с «сыном человеческим», но несомненно их общей чертой является

упомянутое обожение, то есть понимание жизни человека как восстановление образа Божьего в человеке, независимо от того, на какой стадии духовного и нравственного развития данный человек находится. Будет ли он скромным Алешей Карамазовым, либо гордым Раскольниковым и другими похожими на него героями.

Противоположностью обожения в творчестве Достоевского будет «самообожение», которое, хотя и не принимается писателем, становится частым мотивом его литературных поисков.

Ковалевская отмечает, что тема самообожения возникла в творчестве Достоевского под влиянием литературы Запада. Писатель, продолжая учения, не мог черпать вдохновение в собственном культурном пространстве, поскольку древнерусская литература [Ковалевская, 2018, с. 41]. и последующие эпохи не культивировали эту тему. Конечно, проблема самообожения, так часто появляющаяся в творчестве Достоевского, сыграла большую роль в столкновении двух систем ценностей, двух антропологий, христианской и светской, или, другими словами, системы богочеловека и человекобога.

Человек, живущий по принципам самообожения, является создателем будущих античеловеческих идеологий, перед которыми писатель предупреждал в своих величайших романах, включая «Преступление и наказание», «Бесы» и «Братья Карамазовы». Апогей самообожения представляют собой не только Раскольников, Шигалев или Иван Карамазов и его Инквизитор, но и многие его взбунтованные герои, противостоящие божественному порядку в мире. Как правильно отмечает Ковалевская, уже в «Записках из подполья», мы имеем дело с самообожением мелкого беса⁶⁹, предшествующим величайшим бесов, будущих творцов философии человекобога [Ковалевская, 2018, с. 46].

Достоевский известен не только как поклонник христианской оптики, но и также как писатель, которого многие считают пророком античеловеческих идеологий, в том числе тоталитарных. Он многократно подчеркивал, что именно «самообожение» является той основой, на которой строятся всякие квази-человеческие, а также квази-религиозные идеи.

Что касается трансгуманистического образа мира, в самом начале необходимо подчеркнуть, что конечно Достоевского нельзя назвать борцом против этого движения, так как оно, как явление и движение было названо во второй половине двадцатого века. Однако, что было уже сказано, трансгуманистическое видение человека и окружающего мира, существовало в мифологическом пространстве испокон веков. Современные критики, в том числе и автор данной статьи [Мадей-Цетнаровска, 2019, с. 43-51], часто ставят тезис о том, что трансгуманизм трудно назвать философией, так как подробный анализ положений членов трансгуманистических обществ, заставляет определять его идеологией.

Трансгуманизм, презирает религиозным типом мышления, хотя, конечно, использует множество религиозных атрибутов, вследствие чего в его рамках возникают разные квази-религиозные культы и ритуалы.

⁶⁹ «Записки из подполья»: самообожение мелкого беса – заглавие одной из глав книги Т.В. Ковалевской, цитируемой в данной статье [Ковалевская, 2018, с. 46-57].

То, что несомненно соединяет трансгуманизм со многими тоталитарными системами, против которых резко выступал Достоевский, это своеобразный «культ личности», однако в случае трансгуманизма, это не культ избранного конкретного человека-вождя, но культ существа, которое, благодаря достижениям науки и техники займет место человека.

Культ трансформированного человека, пересекающего человеческие физические и психологические границы, имеет много общего с идеей деификации (обоотворением), а также с самообожением. Следует помнить, что трансчеловек и постчеловек, следующий за трансчеловеком, как указывает само название, не будет напоминать известного нам человека (гомо сапиенс), так как он будет обладать чертами присущими только Богу.

В трансгуманистическом пространстве, члены которого открыто признаются в атеизме, человек не нуждается в Божественной поддержке и не рассчитывает на чудеса ниспосланные свыше, потому что роль помощника играет только человеческий разум и созданная им наука и техника. Достижения этих областей фетишизируются, а сама позиция человека напоминает демиурга, который участвует в образовании нового транссущества.

Достоевский, конечно, не отвергал развития и прогресса, но предостерегал перед возможными отрицательными влияниями слишком большого упования на науку. В христианской оптике писателя, наука, на которую человек возлагает все свои надежды, никогда не сможет решить проблемы физического или психологического метаморфоза человека, а совсем даже наоборот, может лишь привести к его гибели. В «Дневниках писателя» Достоевский напишет:

Наука не в силах решить проблему личности. Она атомизирует личность, сводит ее до безличного, она неспособна быть созидательной силой личности. Она не в состоянии даже решить общественные проблемы, ей недостает творческой сущности, динамика. Поэтому в качестве созидательной силы не может выступать ни личная, ни общественная научная нравственность. Законы духа человеческого науке, не известен ей корень зла [Достоевский. Дневник писателя, 1894, Т. 9, с. 248].⁷⁰

Стоит заметить, что трансгуманисты не скрывают свои настоящие замыслы, признаваясь в том, что наука в будущем, будет служить уже не человеку, так как человек просто исчезнет. Наука продолжит процесс модификации и трансформации постчеловеческих существ. Человек, по мнению трансгуманистов, исчерпал уже свой эволюционный потенциал и единственный шанс на качественный скачок в его преображении дают научные достижения, которые смогут переработать человека, вытесняя все его физические пороки и заменяя их искусственными органами, а тем самым обеспечивая даже и бессмертие. О духовном и психологическом процветании трансгуманизм промолчивает, вспоминая лишь о таких чертах, как способность к телепатии, телекинезу, невербальной коммуникации, а также других возможностях относящихся к умственным талантам.

Достоевский многократно предостерегал также перед восторгом, порожденным возможностями науки. Все достижения исполняют свою роль, но они не могут подавлять

⁷⁰ Цит. по: В.Ю.Катасонов, Достоевский о науке, капитализме и последних временах, Москва, Издательский дом «Кислород» 2020, с. 43.

и поработать человека, в том числе не могут внушать человеку мысль о том, что границы человеческих границ закрыты и чтобы их пересечь, необходимо использовать искусственные научные методы и технические устройства. Писатель убеждает, что наука никогда не удовлетворит потребностей человека, «Человек обширнее своей науки» [Достоевский. Записные книжки и тетради 1860-1881 гг., 1971, Т. 83, с. 447].

Данное предложение стоит в очевидной оппозиции мировоззрению современных трансгуманистов, в основе которого лежит убеждение в том, что ради удобной, вплоть до бессмертия жизни, пришло время пожертвовать самим собой и даже своей свободой. Наука, на которую трансгуманисты уповают, становится фетишом. В романе «Бесы», Достоевский словами Шатова, назовет именно такую науку *полунаукой*. Герой произведения объясняет, что:

<...> полунаука, самый страшный бич человечества, хуже мора, голода и войны, не известный до нынешнего столетия. Полунаука – это деспот, каких еще не приходило до сих пор никогда. Деспот, имеющий своих жрецов и рабов, деспот, пред которым преклонилось с любовью и суеверием, до сих пор невысказанным, пред которым трепещет даже сама наука и постыдно попускает ему [Достоевский. Бесы, 1999, Т. 4, с. 232].

Оказывается, что полунаука поработает своего творца, то есть самого человека. С этой точки зрения, трансгуманизм культивирует, сказал бы писатель, именно полунауку. Он никогда не поддержал бы движения, которое провозглашает, что человек без научных и технических продуктов не способен существовать и продвигаться.

В качестве доказательства, что Достоевский критически оценил бы трансгуманизм можно привести факт, что он многократно отрицательно высказывался о дарвинизме, а ведь дарвинизм глубоко повлиял на развитие трансгуманистического образа мира и человека.

Достоевского называют писателем-пророком. Несомненно, такое определение вполне оправдано. Чаще всего его считают автором пророчеств политического направления, ведь в своих произведениях он сумел предвидеть тоталитарные системы двадцатого века.

Что касается других предвидений, не будет преувеличением сказать, что именно в идее «самообожения» человека, а также в культе полунауки, ему удалось также предвидеть трансгуманистическое движение. И хотя трансгуманистическая действительность кажется привлекательной, она скрывает различные угрозы, в том числе сегрегацию людей, на достойных и недостойных лучшей жизни. Именно и это явление предвидел писатель: Выборочность, неуважение и устранение недостойных попасть в рай звучат на страницах романа «Бесы»:

- Я предлагаю не подлость, а рай, земной рай, и другого на земле быть не может, - властно заключил Шигалев.

- А я бы вместо рая, - вскричал Ляшин, - взял бы этих девять десятых человечества, если уж некуда с ними деваться, и взорвал их на воздух, а оставил бы только кучку людей образованных, которые и начали бы жить-поживать по-ученому [Достоевский. Бесы, 1999, Т. 4, с. 368].

В настоящее время похожие диалоги найдем в трансгуманистических текстах. Достоевский не скрывал, что наступит время, когда человек, попавший в самообожение, поверит в свои возможности до такой степени, что почувствует себя

богом, который в праве решать кому жить, а кому умереть. Наука и техника послужат поддержкой в эвгеническом процессе. В этом контексте творчество писателя можно рассматривать не только как пророчество тоталитарных систем, но и трансгуманистической модели мышления, которая имеет многие черты тотальности, а даже и тоталитарности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гачева А.Г., Семенова С.Г.** *Приложения* // Федоров Н. Ф. Собрание сочинений в четырех томах. Дополнения. Комментарии к четвертому тому. Составление и подготовка текста А. Г. Гачевой. Комментарии А. Г. Гачевой при участии С. Г. Семеновой. М.: «Традиция», 2000. 638 с.
- Достоевский Ф.М.** Бесы. Собрание сочинений в 4 томах. Т.4. М.: Полиграфресурсы, 1999. 605 с.
- Достоевский Ф. М.** Дневник писателя // Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского в 12 томах. Т. 9. СПб.: Издание А. Ф. Маркса, 1894. 652 с.
- Достоевский Ф.М.** Письмо Н.П. Петерсону. 24 марта 1878. Петербург // Н. Ф. Федоров. Pro et contra. К 175-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти Н. Ф. Федорова. Антология, Книга первая, СПб: 2004. – С. 95-97.
- Катасонов В.Ю.** Достоевский о науке, капитализме и последних временах. М.: Издательский дом «Кисларод», 2020. 377 с.
- Ковалевская Т.В.** Место категории «самообожение» в истории европейской культуры. 2011. – С. 31-37, <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-kategorii-samoobozhenie-v-istorii-evropeyskoj-kultury-1/viewer>
- Ковалевская Т.В.** Мифологический трансгуманизм в русской литературе: Достоевский и Серебряный век. М.: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 2018. 212 с.
- Литературное наследство: Неизданный Достоевский.** Записные книжки и тетради 1860-1881 гг., 1971, Т. 83, М: АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; Ред. И.С. Зильберштейн и Л.М. Розенблум. 727 с.
- Мадей-Цетнаровска М.** Трансгуманизм: культ разума или духа // Рациональное и иррациональное в литературе и фольклоре : Сборник научных статей по итогам X Международной научной конференции «Рациональное и иррациональное в литературе и фольклоре» (Волгоград, 30-31 октября 2019), / Отв. редактор Е.Ф. Манаенкова. – Волгоград. Волгоградский государственный социально-педагогический университет. Издательство «Фортесс», 2019. с. 43-51.
- Федоров Н.Ф.** Собрание сочинений в четырех томах. Составление, подготовка текста и комментарии А. Г. Гачевой и С. Г. Семеновой. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. Т. 1. 518 с.
- Введение в иммортализм.** URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/71/95/>
- История трансгуманизма в России.** URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/29/110/>

МЕЩЕРИНА Елена, доктор философских наук, профессор кафедры философии Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство). Москва, Российская Федерация – Egm18@bk.ru

ФЕДОРОВ Андрей, кандидат философских наук, ст. преподаватель кафедры философии Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство). Российская Федерация – atsignmaildotru@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННО-КРИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ИСКУССТВА: ПО СТАТЬЯМ 60-х-70-х ГОДОВ XIX ВЕКА

Русская классическая литература, предопределившая пути развития музыки и реалистической живописи, создала тот высокий уровень литературно-критической мысли и ее полемического обоснования, который характерен для культуры России первой половины и середины XIX века. Вместе с тем состояние художественной критики, в отличие от литературной, было не столь благополучным и подчас доходило до обидного комизма, что зафиксировано в сатирической типологии критиков, данной В.Г. Перовым, и в возмущенных отзывах об освещении выставок живописи, принадлежащих И.Н. Крамскому и В.М. Гаршину [Мещерина, 2020, с. 403-429]. В сравнении с западноевропейскими рецензентами - ведущими художественных обозрений в авторитетных изданиях (Т. Тэйлор, Э. Дюранти), профессиональными художниками и искусствоведами (Ф. Пехт), литературными критиками и поэтами (П.Ф. Тёрнер), авторами исторических трудов и известными журналистами (Ж. Клареси) - российская художественная критика сильно проигрывала и по сути не отражала состояния живописи того времени (сохраняя лишь интересный для историка «аромат эпохи»). К тому же она была представлена весьма немногими профессионалами: защищающий русское национальное искусство В.В. Стасов и критически настроенные к нему (особенно к жанристам) П.М. Ковалевский, А.В. Прахов, Ф.И. Булгаков. Время от времени о русской живописи высказывались известные писатели, посещавшие художественные выставки в России и Европе - В.М. Гаршин, И.А. Гончаров, В.Г. Короленко и Я. П. Полонский, который как известно, сам увлекался живописью.

Особое место среди писателей, затрагивающих проблемы реалистической живописи (в связи с исторической интерпретацией евангельских событий, проблемами жанра с его социальной тематикой), принадлежит Ф.М. Достоевскому, посвятившему статьи о живописи двум событиям - выставке в Академии художеств за 1860-1861 год и Венской всемирной выставке 1873 года, на которой были представлены произведения

русских художников самых разных жанров. Рассуждения писателя о достоинствах выставленных картин, особенностях их восприятия западным зрителем ведутся в связи с важными для эстетики того времени вопросами о функциях искусства, его пользе и бесполезности, особенностях реалистического метода как верности действительности, «боязни идеализации» и ценности красоты «самой по себе».

В известном споре о целях искусства «утилитаристов» и сторонников теории «чистого искусства» Достоевский расставляет важные акценты. Прежде всего, представители как той, так и другой партий, по его мнению, далеки от последовательного проведения своих главных идей, что влечет за собой парадоксальность суждений и выводов. Поэтому по отношению как к реальной жизни, так и к самому искусству и та и другая точки зрения в крайнем своем проявлении обнаруживают свою несостоятельность.

Так, требование «утилитаристов», понимающих пользу, как правило, слишком узко, как непосредственный социально-этический результат от художественного произведения, имеет весьма ограниченное применение и может иметь право на существование лишь в периоды социальных катаклизмов. «Какое-нибудь общество, - замечает писатель, - положим, на краю гибели; все, что имеет сколько-нибудь ума, души, сердца, воли, все, что сознает в себе человека и гражданина, занято одним вопросом, одним общим делом. Неужели ж тогда только между одними поэтами и литераторами не должно быть ни ума, ни души, ни сердца, ни любви к родине и сочувствия всеобщему благу? Служенье муз, дескать, не терпит суеты» [Достоевский, 1978. с. 77].

Соглашаясь с тем, что искусство может помочь всякому делу, поскольку заключает в себе «огромные средства и великие силы», Достоевский сочувственно относится к идее сторонников «искусства для искусства» о великой пользе красоты. Действительно, «трудно измерить всю массу пользы, принесенную и до сих пор приносимую всему человечеству, например, “Илиадой” или Аполлоном Бельведерским, вещами, по видимому, совершенно в наше время ненужными» [Достоевский, 1978, с. 77-78]. Данное признание силы и пользы искусства, далекого от узко утилитарной позиции критиков, говорящих в то же время именно о необходимости пользы искусства. Вместе с тем оно не оправдывает и идеологии воинствующего эстетства: поэты не должны слишком удаляться «в эфир» и смотреть оттуда свысока на остальных смертных. Поэтому, «хотя греческая антология и превосходная вещь, но ведь иногда она бывает просто не к месту». [Достоевский, 1978, с. 77]. Примером непоследовательности со стороны «эстетов» является и то, что несмотря на многочисленные талантливые произведения социальной тематики, само существование обличительной литературы вызывает их неприятие: «Обвиняется сам г-н Щедрин, родоначальник обличительной литературы, несмотря на то, что г-н надворный советник Щедрин во многих из своих обличительных произведений – настоящий художник» [Достоевский, 1978, с. 79].

Таким образом, парадокс состоит в том, что сторонники утилитаризма не видят огромной пользы искусства на протяжении всей истории развития человечества, а исповедующие теорию «чистого искусства» и свободу творчества критики отказывают писателям и художникам в их праве искренне вдохновляться остро социальными темами и сюжетами, взятыми из окружающей действительности.

Отвергая крайности утилитарной и эстетствующей точек зрения, Достоевский выдвигает идею об антропологической сущности природы искусства, которое родилось вместе с человеком и никогда его не оставляло, отвечая его потребностям и помогая в отыскании идеала. Творчество, по мысли писателя, как основание всякого искусства живет в человеке «как проявление части его организма», нераздельно с человеком и поэтому не может иметь никаких других целей, кроме тех, к которым стремится весь человек. Изменяя человеку, искусство изменяет самой своей природе. Писатель допускает, что в своей жизни человек может уклоняться от нормальной действительности, от законов природы и это приведет к тому, что вместе с ним будет уклоняться и искусство, что лишь доказывает его «тесную, неразрывную связь с человеком, всегдашнюю верность человеку и его интересам» [Достоевский, 1978, с. 101]. Свобода творчества и верность действительности в своей нераздельности с человеком – главный закон искусства, исполнение которого дает ему возможность выполнять важную функцию пользы, которая проявляется в виде участия в глубинных процессах развития человеческого сознания.

Ключевым понятием в «старом споре» утилитаристов и эстетов-теоретиков выступает понятие художественности, которое в это время приобрело некий символический статус, допускающий самые разнообразные толкования, зависящие от вкуса автора. Утилитаристы (Н. Добролюбов, Д. Писарев) в своем утверждении приоритета идеи, хотя и отводят от себя обвинения в принижении эстетического начала, вызывают возмущение Достоевского своими нападками на Пушкина и Тургенева, «самого художественного из всех современных русских писателей». Для самого Достоевского в статьях указанного периода художественность – это согласие идеи (по возможности полное) с той формой, в которую она воплощена, это способность ясно выражать в лицах и образах свою мысль, то есть «способность писать хорошо». Отмечая «боязнь идеализации», проистекающую от однозначного понимания принципа верности действительности (пишу как вижу), Достоевский утверждает права на существование действительности исторической, психологической, существующей в сознании художника. «Задача искусства, - подчёркивает писатель, - не случайности быта, а общая их идея, зорко угаданная и верно снятая со всего многообразия однородных жизненных явлений» [Достоевский, 1973, с.223].

Вместе с тем художественность как «умение излагать свои знания и наблюдения» в это время была прочно связана с понятиями реализма как верности действительности и вырастающей на этой основе художественной правде. С позиций достижения правды художественной как главной цели искусства Достоевский дает свою оценку произведениям, представленным на выставке в Академии художеств за 1860-1861 академический год.

Помимо подробного разбора картины В.И. Якоби «Привал арестантов» (1861. ГТГ), которая более других привлекала к себе внимание публики, писатель затрагивает многие вопросы не только живописи и ее жанров, но и искусства в целом. Анализ картины осуществляется Достоевским на разных уровнях. Во-первых, с точки зрения запечатленных художником общей сцены (сюжета) и составляющих ее более частных ситуаций; во-вторых, при «расшифровке» выражения лиц «этапников» (здесь антропологический подход писателя представлен в гуманистическом ракурсе) и

наконец, с позиции отражения в картине самого художника, которое неизбежно проявляется даже против его воли. В связи с характеристикой метода написания картины и ее недостатков Достоевский касается рутинного и утилитарного стиля преподавания в Академии художеств.

Прежде всего, писателя не устраивает психологически неверное «портретирование» типов заключенных, которое стало результатом поверхностного, фотографического, «внешнего» взгляда художника и поэтому неизбежно ведет к «отсутствию художества». В результате живописец не картину написал, а совершил «следственную ошибку» [Достоевский, 1861, с. 151]. Здесь необходимо подчеркнуть, что именно в это время Достоевский начал публиковать первые главы своих знаменитых «Записок из Мертвого дома», над которыми начал работать в еще 1855 году. В одном из писем брату он дает характеристику своего подхода к изображению жизни каторжан, в каждом из которых он видел неповторимую индивидуальность: «Там будет и серьезное, и мрачное, и юмористическое, и народный характер с особенным каторжным оттенком (...), и изображение личностей, никогда *не слышанных* в литературе, и трогательное...» [Достоевский, 1956, с. 681]. Писатель видит в чертах изображенных Якоби этапников, возможно, то, чего не могли видеть ни захваченные эффектным сюжетом зрители, ни сам художник с его методом фотографического реализма. «Черствое лицо этого человека, - описывает Достоевский каторжника с израненной кандалами ногой, - вероятно высидевшего многие годы в разных тюрьмах, несколько раз пересланного из одного острога в другой на целые тысячи верст, приняло отпечаток довольно общий людям этого рода, - отпечаток совершеннейшего равнодушия ко всему на свете: и к погоде, и к времени года, и к истязанию приятеля, и к своему собственному страданию» [Достоевский, 1979, с. 153]. Но даже в таком состоянии человеку нельзя отказать в том, что он человек, что все этапники при всем их безобразии и равнодушии к окружающему – люди. Поэтому задача художника, настаивает писатель, состоит в том, чтобы «найти человека в человеке», а фотографиями пусть занимаются френологи и судебные следователи. Напротив, все герои картины Якоби – равно негодяи, равно безобразны, начиная с кривого этапного офицера до клячи, которую отпрягает мужик.

В затронутой выше статье «Г-н –бов и вопрос об искусстве» (обращенной преимущественно к Н. Добролюбову) Достоевский подчеркивает роль знания действительности, отсутствие которого ведет к «кабинетности» суждений, означающей, что с действительностью автор обходится подчас даже слишком бесцеремонно, «нагибает ее в ту и другую сторону, как захочет, только б поставить ее так, чтоб она доказывала его идею» [Достоевский, 1978, с. 81]. Такое же вольное обращение с реальностью представляет и картина Якоби, демонстрирующая формальное понимание реалистического метода.

Сюжет всей картины, по мнению Достоевского, обнаруживающий прежде всего, погоню художника за эффектом, представляет собой натяжку, а поэтому мелодраму, а не действительность. С психологической точки зрения, не выдерживают критики такие сцены, как кража перстня (сама по себе бессмысленная на этапе) с пальца умершего, игра в карты и драка арестантов в присутствии офицера. О том, что автор сюжета совершенно «не справился с действительностью», говорит и такая «фотографическая неверность», как отсутствие подкандалников у перевязывающего ногу арестанта, помещенного

художником в правом углу картины. Вместе с тем, по замечанию Достоевского, «не только несколько тысяч, а даже одной версты нельзя пройти без кожаных подкандалников, чтоб не стереть себе ногу» [Достоевский, 1979, с.155]. Хотя точность и верность действительности – это только первая, подготовительная, ступень работы, только материал, над которым трудится мастер, но они вместе с тем представляют собой и «орудие творчества», его «азбуку и орфографию», без которых нельзя подняться на высоту правды художественной.

Именно с этой точки зрения писатель считает важными такие «мелочи», как характер одежды персонажей и ее состояние. В этом отношении картина Якоби дает примеры несуразности (нелепо, «вдоль по всей спине» разодранный тулуп), которые существуют и в понравившейся Достоевскому картине Репина «Бурлаки». Отметив талант художника («фигуры Гоголевские»), он обращает внимание на ошибку в одежде двух бурлаков: «Такие лохмотья даже и быть не могут. Эта рубашка, например, нечаянно попала в корыто, в котором рубили сечкой котлеты. Без сомнения, бурлаки костюмами не блистают. Всем известно, откуда этот народ /.../но такую рубашку и надеть нельзя, если раз только снять: не влезет» [Достоевский, 1973, с.217-218].

Причину поверхностного подхода к избранному сюжету, небрежности в исследовании реальности Достоевский видит в порочности академического обучения по причине его узкого утилитаризма. При таком положении дел «теория изящного» преподается без общего «философского приготовления», анатомия – «с точки зрения костей, мускулов и покровов», без естественной истории человека. Воспитанный в духе академизма (ложного классицизма) художник в восприятии действительности направлен на внешнее, поэтому история воспринимается им, как читалась в Академии, то есть «с точки зрения костюмов», что, в свою очередь, порождает театральность в постановке исторических сюжетов и «стройный кордебалет» в бытовом жанре.

Гуманистическая направленность творчества, реализм, понимаемый как постижение глубин человеческого страдания и трагических основ жизни сближали Достоевского с В.Г. Перовым, к тому времени признанным лидером психологического жанра. Их общение во время работы Перова над портретом писателя, разговоры о «красоте-правде», типизации и понимании идеального как некоего рода лжи, о мастерстве портретиста не могли не отразиться на их творчестве. Так, в написанной вскоре после окончания его портрета (1872 год) статье о Венской выставке 1873 года Достоевский наряду с признанием несомненных успехов жанровой живописи, которая у нас «вот уже столько лет, почти исключительно царствует», указывает и на то, что русскому жанру еще далеко до Диккенса, его «Пиквика» и «Оливера Твиста». Наш жанр, по его словам, «на хорошей дороге, и таланты есть, но чего-то недостает ему, чтобы раздвинуться или расшириться», он еще стоит на «Охотниках» и «Соловьях» (имеются в виду картины Перова «Охотники на привале» и В. Маковского «Любители соловьев»), которых у Диккенса много «на второстепенных местах» [Достоевский, 1973, с. 218].

Ссылаясь на разговоры с «иными из наших крупнейших художников», Достоевский указывает на причину такого положения дел, которую видит в уже упоминаемой «боязни идеализации»: «идеального они боятся вроде нечистой силы». В этом отказе от идеализации, по мысли писателя, «благородном», но «предрассудочном и несправедливом», кроется и причина отставания исторического жанра, с

необходимостью требующего идеализации, поскольку он основан на «идее», с которой живописец подходит к сюжету, взятому из прошлого. Достоевский утверждает право на существование исторической действительности: «Идеал ведь тоже действительность, такая же законная, как и текущая действительность» [Достоевский, 1973, с.219]. Для выполнения задачи «расширения» бытового жанра, то есть представления частной сцены в ее исторической перспективе, в связи с будущими ее последствиями, Достоевский желает русским художникам «побольше смелости», самостоятельности мысли и «может быть, побольше образования» [Достоевский, 1973, с. 218-219].

Возможно, под влиянием тех же бесед с Достоевским мастер жанра и портрета Перов в конце 70-х – начале 80-х годов обращается к сюжетам евангельским («Христос в Гефсиманском саду (Моление о чаше)», «Снятие с креста» - обе 1878. ГТГ) и историческим («Никита Пустосвят. Спор о вере». 1881-1882. ГТГ). При этом художник не допускает принижения библейского события до уровня бытового и даже исторического, что было близко Достоевскому, считавшему недопустимой обыденную, бытовую трактовку евангельских сюжетов, поскольку такая трактовка не отражает исторической и духовной роли христианства.

Говоря о «наделавшей когда-то много шуму» «Тайной вечере» Н. Ге, писатель утверждает, что смешав обе действительности – историческую и текущую – художник совершил серьезную ошибку, в результате чего евангельская «Тайная вечеря» - это всего лишь «совершенный жанр», в котором отсутствует историческая правда и все «несоразмерно и непропорционально будущему». «Спрашивается, - заключает писатель, - где же и при чем тут последовавшие восемнадцать веков христианства? Как можно, чтоб из этой обыкновенной ссоры таких обыкновенных людей, как у Ге, собравшихся поужинать, произошло нечто столь колоссальное?» [Достоевский, 1973, с. 221].

Несомненно, что общение с Перовым во время его работы над портретом и после, при посещении Достоевским Москвы, позволило писателю сделать выводы относительно таланта портретиста, сути портретного жанра, который также невозможен без «идеи» и следовательно, обобщения и идеализации. Хороший портретист, по словам Достоевского, знает на практике, что «человек не всегда на себя похож». Поэтому он ищет подходящую для него позу, ракурс, «отыскивает главную идею его физиономии, тот момент, когда субъект наиболее на себя похож» [Достоевский, 1973, с. 219]. В умении найти и «захватить» этот момент и состоит дар портретиста.

В том, что исполненный Перовым портрет Достоевского стал не только событием в русском портретном искусстве, но и по словам позднейших критиков, наделен «принудительной силой образа» (Федоров-Давыдов), важную роль сыграла взаимная высокая оценка творчества писателя и художника. Сочувственное отношение Достоевского вызывали работы Перова «Тройка», «Приезд гувернантки в купеческий дом», «Крестный ход», «Чаепитие в Мытищах», «Проповедь на селе» [Достоевский, 1861, с. 165]. Перов же, по свидетельству биографов, весьма ценил «Преступление и наказание» Достоевского. Отношения писателя и художника продолжались и по завершении работы над портретом. Будучи в Москве в октябре 1872 года по делам публикации «Бесов» Достоевский несколько раз посещал Перова в его квартире при Училище живописи, ваяния и зодчества на Мясницкой и ездил вместе с ним в галерею Третьякова, по заказу которого был написан портрет.

Антропологическое измерение в рассуждениях Достоевского об искусстве, представленное в гуманистическом, социально-психологическом и эстетическом аспектах, является основанием для утверждения ценности реалистического метода, создавшего европейскую и русскую классику, для понимания самой природы искусства в его нераздельности с онтологическим статусом жизни человека и его творческой свободой. В целом можно согласиться с Н. Крыстевой, которая, ссылаясь на Д. Чижевского, М. Хайдеггера, С. Франка, утверждает, что понятие антропологии «в применении к творчеству Достоевского требует расширения дискурса: антропология и теология, антропология и аскетика, антропология и философия и т.д» [Крыстева, 2019, с.325]. К этому незаконченному списку можно добавить тему «антропология и искусство» (в данном случае живопись).

ЛИТЕРАТУРА

- Достоевский Ф.М.** Г-н – бов и вопрос об искусстве//Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 т., т. 18. Статьи и заметки 1845-1861. Л.: «Наука» Ленинградское отделение, 1978. с. 72-103.
- Достоевский Ф.М.** Выставка в Академии художеств за 1860-1861 год//Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. в 30 т. т. 19. Статьи и заметки 1861 г. Л.: «Наука» Ленинградское отделение, 1979. с.151-168.
- Достоевский Ф.М.** По поводу выставки//Достоевский Ф.М. Об искусстве. М.: «Искусство», 1973. С. 207-223.
- Достоевский Ф.М.** Записки из Мертвого дома//Достоевский Ф.М. Повести и рассказы. В 2 т. т. II. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. с. 134-424.
- Достоевский Ф.М.** Выставка в Академии художеств за 1860-61 год// «Время». Журнал литературный и политический. 1861. №10. Октябрь. с. 151-165.
- Крыстева Нева.** Достоевский: Антропология как MUSICA HUMANA//Язык. Культура. Коммуникация. 2019. Вып. 22. с. 324-341.
- Мещерина Е.Г.** Русская культура XIX века: личность и эпоха. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2020. 496 с.

НАЛБАНТОВА, Елена, проф., д-р – Великотърновски университет
„Св. св. Кирил и Методий“, Република България -
elena.k.nalbantova@gmail.com

МИТЪТ „ГЕНЕРАЛ ИВАН ИНЗОВ“ В ПРОЗАТА НА ИВАН НЕНОВ

Преди да започна да конструирам този текст дълго се колебах дали заглавието да е „Образът на ген. Инзов“ или пък „Митът за ген. Инзов в прозата на Иван Ненов“. Първата формулировка щеше да облекчи значително работата ми, докато втората ме поставя пред предизвикателството да я мотивирам. В действителност писателят се движи максимално плътно до онова, което историческата наука е установила за живота на неговия герой. Но заедно с това навред, където той се докосва до генерала, около името му витае специфичната атмосфера на мита за златния век, за началото и за демиурга. Мита за твореца, който залага основата, темелите на единство, подложено на изпитания от бѣдните времена. А в историческия контекст на последната книга на Ив. Ненов, това единство, така грижовно градено от генерала, дори бива проблематизирано от различни външни сили, които използват идеите на сепаратизма. Ето защо образът на ген. Иван Инзов в прозата на Иван Ненов придобива измеренията на мит за сътворението на бесарабската общност.

За това свидетелстват два епизода от първата повест на Ив. Ненов „Мостът на раздялата“ (1993), в която за пръв път се споменава името на ген. Ив. Инзов. Това споменаване е привидно епизодично, но то става в знаменателни епизоди на творбата. Чрез реплики на Елена и Георги Генови, чиито прототипи са родителите на писателя, е изтъкната изключителната роля на генерала за съдбата на бесарабци. Към неговата памет героите се обръщат в най-напрегнати моменти от своя живот – опитът за евакуация пред настъпващите немски войски през лятото на 1944 г. и последните минути преди ареста на бащата от представител на НКВД. Тези събития поставят на изпитание именно основите на онзи живот, който генералът се е стремил да построи за преселниците. Дватама герои са учители и с това свое битие те са илюстрация на осъществената мечта на генерал Инзов за просперитет и интелектуално израстване на потомците на бежанците.

Интересът към ген. Иван Никитович Инзов оформя специфичния профил на Ив. Ненов като писател, като по негово признание „личността на Иван Инзов [...] от млади години привлича моето внимание.“ (Ненов 2018: 6). Първият текст, в който той споменава за генерала, е най-рано публикуваната му повест „Мостът на раздялата“ (1993). След три години издава втората си повест „Попечителят“ (1996), която разказва за щастливата среща между надеждата на бежанците за нов живот и мечтата на ген. Иван Инзов да направи за тях земен рай в Буджака. Книгата е посветена на темата за вкореняването на българите в Буджака, а основното събитие, което се разгръща в сегашното на сюжета, е препогребването на ген. Иван Инзов от Одеса в Болград. Чрез репликите и спомените на множество герои, повечето въведени в повествованието епизодично и с единствената цел да доуплътнят представата за Попечителя, писателят успява да изгради портрета на един добронамерен и справедлив човек, отдаден на благоустройството на тяхната нова родина.

След като е публикуван още един роман, един пътепис и един сборник с разкази, през 2018 г. се появява последната засега книга на Иван Ненов, романът „Баща на бесарабските българи“, където към разказаното в „Попечителят“ са прибавени нови страници за житието на генерала.

Книгите, чийто централен персонаж е ген. Ив. Инзов, са юбилейни. От посвещението на „Попечителят“ се разбира, че повестта е създадена по повод 175 години от раждането на Болград, „столицата на Нова България, както обичаше да се изразява [...] самият“ генерал (Ненов 1996: 19). Романът „Баща на бесарабските българи“ се появява във връзка с 200-годишнината от назначаването му за председател на Попечителния комитет за чуждестранните колонисти в Южна Русия. Вероятно склонността за създаване на текстове по повод конкретни юбилеи е част от журналистическите рефлексии, които писателят е придобил от работата си в различни медии.

За създаването на романа „Баща на бесарабските българи“ Ив. Ненов се готви целенасочено, като в анкета от 2017 г. (Налбантова 2017) разказва, че мечтае отново да преиздаде повестта „Попечителят“ и че е събрал нови материали за своя герой, улеснен от обстоятелството, че „архивите, свързани с името на Инзов, станаха достъпни и са открити нови биографични данни за него“ (Ненов 2018: 6). На следващата година във връзка с 200-годишнината от знаменателното за бесарабци решение именно ген. Иван Инзов да оглави Попечителния комитет за чуждестранните колонисти в Южна Русия романът „Баща на бесарабските българи“ става факт.

Времето на управление на генерала е представено от Ив. Ненов като единственият епизод в историята на бесарабските българи, през който щастието и благополучието им са поставени в центъра на отношението на властта към тях. „Генерал Инзов за нас българите е като баща – казва още в началото на повестта „Попечителят“ един от десетките безименни герои. – [...] Ние сме му благодарни за нашето спасение“ (Ненов 1996: 4). В романа „Баща на бесарабските българи“ писателят влага в устата на генерала реплика, представяща неговата мечта: „Ние изграждаме в буджашките степи Нова България ... Тя ще стане цъфтяща градина, край на грамотни и образовани хора – учители, лекари, свещеници ...“ (Ненов 2018: 25).

Както във всичките книги на Иван Ненов, така и в посветените на ген. Инзов централните герои са еднопланови. Въпреки вътрешните монолози, те са твърде схематични, което се дължи на факта, че са носители на строго очертани нравствени качества. Независимо от обстоятелствата, проявите им са съгласувани и предвидими, което лишава творбите от разбирането за сложност на света. За автора са интересни онези черти в поведението на човека, които традиционната култура определя като положителни – добротворство, състрадание, емпатия.

Две са големите теми в книгите на Иван Ненов, които илюстрират модела за свят на автора. Те звучат и в творбите с главен герой ген. Иван Инзов. Това са темата за самотата на човека въпреки всенародната почит и темата за единството на бесарабската общност. Стремещът на писателя за съхраняване на заложената още от ген. Инзов единна и уникална бесарабска общност се разчита в маниера да се отпечатват книгите на езиците на етносите, които формират тази общност.

Самият писател споделя, че решението произведенията му да бъдат издавани на няколко езика в едно книжно тяло е отзвук на времевия контекст, в който се появяват: „Особено сега не ми достига разноречието на народите и националностите, които живеят дружно на бесарабската земя.“ (Ненов 2014) Периодичното връщане към образа на ген. Инзов в прозата на Иван Ненов засилва контраста с всички следващи прекеждия на бесарабци.

ЛИТЕРАТУРА

Налбантова 2017: Налбантова, Елена. Български творци от Бесарабия. Представяне. Анкети с Иван

Вълков, Иван Ненов, Анна Малешкова, Николай Куртев. – В: Проглас (Велико Търново), т. 26, бр. 1, 2017, с. 109 – 128. Online: <[СПИСАНИЕ "ПРОГЛАС" \(uni-vt.bg\)](#)> (08.11.2021)

Ненов 1996: Ненов, Иван. Попечителят. Одеса: Маяк, 1996.

Ненов 2014: Ненов, Иван. Надо торопиться жить. Online: <<http://izvestiya.odessa.ua/ru/2014/01/13/ivan-nenov-nado-toropitsya-zhit>> (08.11.2021).

Ненов 2018: Ненов, Иван. Башата на бесарабските българи. Роман. Болград: ИРБИС, 2018.

ПАНИОТОВА Таисия, доктор философских наук, профессор, Институт философии и социально-политических наук Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Российская Федерация – tspaniotova@sfedu.ru

ДОСТОЕВСКИЙ И СОЦИАЛИЗМ: «ПЕРЕРОЖДЕНИЕ УБЕЖДЕНИЙ?»

В истории русской общественной мысли Ф. М. Достоевский занимает особое место. Как писал Н. А. Бердяев, «Наша духовная и умственная история XIX в. разделяется явлением Достоевского... Между славянофилами и идеалистами 40-х годов и духовными течениями начала XX в. лежит духовный переворот – творчество Достоевского» [Бердяев, 1993, с. 215]. По заслугам оценивая духовный переворот, произведенный творчеством писателя в отечественной культуре, обратимся к другому «перевороту», который касается взглядов Достоевского на социализм. Имело ли здесь место «перерождение убеждений» или писатель оставался верен своим юношеским взглядам всю жизнь? А если убеждения менялись, то как, в какую сторону? Попытаемся ответить на эти вопросы в данной статье.

Для того, чтобы понять истоки взглядов Достоевского на социализм и в целом – отношение к социализму, необходимо обратиться к социокультурному контексту, к тем историческим условиям, в которых происходило формирование взглядов писателя. После поражения восстания декабристов (1825) в России наступает эпоха т. н. «никтолаевской реакции». В то же время во Франции (1830) вспыхивает революция, свидетелем которой оказался, в частности, А. И. Герцен. В Европе получают широкое распространение идеи утопического социализма, развивается рабочее движение, возникает марксизм. В 1848 г. выходит в свет «Манифест коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, а 1848- 1850-е гг. серия революций охватывает уже несколько европейских государств.

В России 40-е годы XIX века в среде демократической общественности усиливаются критические настроения по отношению к самодержавно-крепостническому строю и возникает интерес к европейской социалистической мысли. Образуются различные кружки, в которых прогрессивно мыслящие люди обсуждают изданные на Западе произведения Ш. Фурье, В. Консидерана, Л. Блана, П. Прудона, Э. Кабе, П. Леру, Ж. Санд и др. На страницах "Отечественных записок" о западноевропейском утопическом социализме пишут П. Анненков, В. Боткин. В романтической поэзии

Огарева, философских и публицистических статьях Герцена пробиваются ростки социалистических идей. Как позднее напишет Герцен в работе "О развитии революционных идей в России", "мало-помалу литературные произведения проникались социалистическими тенденциями и одушевлением. Романы и рассказы, даже писания славянофилов, протестовали против современного общества с точки зрения *не только политической*. Достаточно упомянуть роман Достоевского "Бедные люди" [Герцен, с. 252]. Этот роман, получивший статус социального, сразу же высоко оценили Белинский, Григорович, Некрасов. Можно сказать, что именно он и послужил поводом для знакомства Достоевского с Белинским и первоначального приобщения к идеям социализма.

Первая встреча с Белинским произошла в мае 1845 года, и знакомство продолжалось около двух лет. Достоевский пишет в "Дневнике писателя": "Я застал его страстным социалистом, и он прямо начал со мною с атеизма". Как раз ко времени знакомства общество жадно зачитывалось французами-утопистами. "Эти двигатели человечества" – пишет Достоевский в "Дневнике" за 1873 год – "были тогда все французы: прежде всех Жорж-Занд, теперь совершенно забытый Кабет, Пьер Леру и Прудон, тогда еще только начинавший свою деятельность. Этих четырех, сколько припомню, всего более уважал тогда Белинский" [Достоевский, 1989, с. 42].

"Все эти тогдашние новые идеи нам в Петербурге ужасно нравились, казались в высшей степени святыми и нравственными и, главное, *общечеловеческими, будущим законом всего без исключения человечества*. Мы еще задолго до Парижской революции 48 года были охвачены обаятельным влиянием этих идей. Я уже в 46 году был посвящен во всю *правду* этого грядущего обновления мира и во всю *святость* будущего коммунистического общества еще Белинским" [Достоевский, 1989, с. 99]. Но уже тогда молодой Достоевский смог увидеть основное противоречие во взглядах Белинского: с одной стороны, понимание, что без нравственных основ «разум, наука и реализм могут создать лишь муравейник, а не социальную «гармонию», а с другой стороны- отрицание религии, на которой основывается нравственность [Там же, с. 40-41]. Атеизм Белинского и стал главной причиной расхождений Достоевского с критиком.

Второе приобщение Достоевского к социалистическим идеям связано с участием в кружке русского фурьериста Михаила Буташевича-Петрашевского. Кружок вошёл в историю не по причине смелых революционных замыслов его участников – их особо и не было. Уникальность кружку придавал его литературный состав. На квартире Петрашевского в начале 1840-х велись бурные споры о губительности крепостного права и самодержавия, продажности чиновников и притеснениях цензуры. Гости читали вслух труды социалистов Шарля Фурье, Этьена Кабе и Жозефа Прудона. В домашней библиотеке хозяина дома было немало книг, запрещенных в России. Но дальше обсуждения и разговоров дело не шло. Тем не менее, в апреле 1849 года Петрашевский и несколько десятков участников кружка были арестованы по доносу. Среди арестованных был и Фёдор Достоевский. Высочайшая резолюция, наложенная Николаем Первым гласила: "Я все прочел; дело важно, ибо ежели было только одно вранье, то и оно в высшей степени преступно и нестерпимо".

Основаниями для привлечения обвиняемых к суду послужили несколько фактов. Первый из них был связан с либеральными статьями «Краткого словаря иностранных

слов», который был составлен Петрашевским и не раз публично обсуждался в стенах его собственной квартиры. Вторым поводом стало прочтение запрещенного письма Виссариона Белинского к мастеру сатиры Николаю Гоголю.

Ф.М. Достоевскому было предъявлено следующее обвинение: "Военный суд находит подсудимого Достоевского виновным в том, что он, получив в марте месяце сего года из Москвы от дворянина Плещеева (подсудимого) копию с преступного письма литератора Белинского, – читал это письмо в собраниях... Достоевский был у подсудимого Спешнева во время чтения возмутительного сочинения поручика Григорьева под названием "Солдатская беседа". А потому военный суд приговорил его, отставного инженер-поручика Достоевского, за недонесение о распространении преступного о религии и правительстве письма литератора Белинского и злоумышленного сочинения поручика Григорьева, – лишить чинов, всех прав состояния и подвергнуть смертной казни расстрелянием" [Бельчиков, 1936, с. 173].

Дело получило известность, в том числе, и из-за необычной даже для тех лет инсценировки публичной казни его членов. После императорского помилования одни заключенные были сосланы на каторжные работы, другие попали в арестантские роты. Главного обвиняемого, Михаила Буташевича-Петрашевского отправили на бессрочную каторгу в Восточную Сибирь. Фёдор Достоевский получил 4 года каторги с лишением дворянства. После смерти Николая I, к началу 1860-х, всех, кроме Петрашевского, амнистировали и восстановили в гражданских правах.

По мнению многих исследователей, именно ссылка и каторга привели Достоевского к "переоценке ценностей". Собственно говоря, это признает и сам Достоевский в письме к Эд. Ив. Тотлебену 24 марта 1856 г., где он так говорит о себе, о своем участии в деле петрашевцев: «Я был виновен, я сознаю это вполне. Я был уличен в намерении (но не более) действовать против правительства; ...я был осужден законно и справедливо; долгий опыт, тяжелый и мучительный протрезвил меня и во многом переменял мои мысли. Но тогда — тогда я был слеп, верил в теории и утопии... Я знаю, что был осужден за мечты, за теории" [Бельчиков, 1936, с. 43]. Встает вопрос: за какие именно мечты и теории? И в чем конкретно состояла «перемена мыслей» писателя?

Петрашевцы, за принадлежность к кружку которых пострадал Достоевский, были фурьеристами, однако сам он не был апологетом учения французского социалиста-утописта. Еще в «Объяснении следствию» в 1849 году Достоевский довольно критически выразил свое отношение к фурьеризму: "Фурьеризм – система мирная; она очаровывает душу своей изящностью, обольщает сердце тою любовью к человечеству, которая воодушевляла Фурье, когда он создавал свою систему, и удивляет ум своею стройностию. Привлекает к себе она не желчными нападкамии, а воодушевляя любовью к человечеству... Реформы политической фурьеризм не пролагает; его реформа экономическая. Она не посягает ни на правительство, ни на собственность... наконец, эта система кабинетная, и никогда не будет популярною... Но, без сомнения, эта система вредна, во-первых, уже по одному тому, что она *система*. Во-вторых, как не изящна она, она все же *утопия, самая несбыточная*. Но вред, производимый этой утопией... *более комический*, чем приводящий в ужас" [Достоевский, с. 232-233]. Следовательно, перемена во взглядах касается чего-то иного.

Суть произошедшей перемены во взглядах Достоевского и ее причины Н. О. Лосский выразил следующим образом: «Глубокие потрясения, перенесенные им, и расширение опыта благодаря жизни среди простого народа сначала на каторге, а потом среди солдат на военной службе в Сибири, произвели существенные изменения в мировоззрении Достоевского. Он понял недостатки социализма, как попытки в н у т р е н н о усовершенствовать человечество внешними средствами новой социальной системы. Он и раньше догадывался, что это невозможно. Образ Христа, любимый им и раньше, выдвинулся теперь для него на первый план. Жажда социальной справедливости продолжает сохраняться в нем, но средств для осуществления ее он ищет в области духа, а не во внешнем строе общества» [Лосский, 1953, с. 22].

Когда Достоевский вернулся в Петербург в 1859 году, в правительственных кругах готовилась, а затем и была осуществлена реформа по освобождению крестьян от крепостной зависимости. В обществе обострилась борьба мнений, активизировались революционные настроения. Но писатель убежден, что в России не должно быть вражды классов и сословий, как везде в Европе, потому что вражда не может служить основанием будущих начал жизни. «Нет, у нас в России надо насаждать другие убеждения, – пишет он, – и особенно относительно понятий о свободе, равенстве и братстве» [Достоевский, с. 416]

В произведениях писателя пореформенного периода пародируются или высмеиваются различные социалистические принципы и идеи. В "Записках из подполья" – вера в добрую природу человека, принцип разумного эгоизма, стеклянные дворцы (аналог фаланстеров) Чернышевского; в "Бесах" – нечаевщина с ее диктаторскими претензиями и аморализмом. Но означает ли сказанное, что Достоевский отказался от идеи социализма? Ведь сам он в "Дневнике" подчеркивает: "Я не сколько не изменил идеалов моих и верю - но лишь не в коммуны, а в Царствие Божие".

Что же теперь не устраивает Достоевского в социализме, или «в коммуне»? Не устраивает отсутствие нравственности. Прежде, говорит он, в социализме было нравственное содержание: «были фурыеристы и кабетисты, были споры и дебаты об разных весьма тонких вещах. Но теперь предводители пролетариата все это до времени устранили» [Достоевский, с. 413]. Любые средства считаются при этом дозволенными. Современными социалистами нравственные основы построения общества отвергнуты, а потому и социальное единство окажется неосуществимым. «Нынешний социализм», который Достоевский называет «политическим», везде устраняет Христа и хлопочет прежде всего о хлебе, призывает науку и утверждает, что причиною всех бедствий человеческих являются нищета, борьба за существование. Н. О. Лосский интерпретирует идеи Достоевского следующим образом: замысел построить общество без нравственного обоснования, опираясь только на науку сопоставим с построением Вавилонской башни. Устраивая «муравейники», люди не обретут богатства, а наоборот, они придут к такому разорению, которое закончится антропофагиею.

В свою очередь, Бердяев, называя гениальной диалектику идей "Записок из подполья", отмечает, что в понимании Достоевского человек по самой своей природе отвергает всякую рациональную организацию всеобщей гармонии и благополучия во имя свободы; жизнь в социалистическом "муравейнике": он претендует на право считать, что "дважды два есть пять". То есть математическое изящество фурыеристской (и

аналогичных) утопий уже не прельщает писателя, даже если они движимы любовью к человечеству. Упорядоченность, "механистичность" форм жизни, требование "исправления" человека пугают его. Что же предлагает он взамен?

Достоевский оказывается считать социализм *будущим законом всего без исключения человечества* и выдвигает идею *национальных форм* социализма. «Родиться и всходить нация, в огромном большинстве своем, должна на земле, на почве, на которой хлеб и деревья растут». Если во Франции или Германии коммунизм был связан с атеизмом, то социализм народа русского заключается «не в коммунизме, не в механических формах не в «механических формах» коммунизма, а во *всесветном единении во имя Христово*. В этом суть русского социализма. Как отмечал Н.О. Лосский, «Любовь к России и русскому народу, всегда присущая Достоевскому, вместе с христианскими идеалами выдвинулась в мировоззрении и деятельности его на первое место» [Лосский, 1953, с. 22].

«В земле, в почве есть нечто сакраментальное. Если хотите переродить человечество к лучшему, почти что из зверей поделайте людей, то наделите их землею – и достигнете цели. По крайней мере у нас земля и община». Пусть каждый фабричный работник знает, что у него где-то там есть сад, под золотым солнцем и виноградниками, собственный или, вернее, общинный сад, и что в том саду живет и его жена, славная баба, которая любит его и ждет; с женою – его дети, которые играют в лошадки и все знают своего отца». «Пусть он знает, по крайней мере, что там его дети с землей растут, с деревьями, с перепелками, которых ловят, учатся в школе, а школа в поле, и что сам он, наработавшись на своем веку, все-таки, придет туда отдохнуть, а потом и умереть» [Достоевский, 1989, с. 303]. Основы для развития такого строя он находил в России

Таким образом, проект "русского социализма" Достоевского предполагал тесную связь будущей религиозной коммуны с землей, на которой она бы существовала. Эту жизнь в единстве с землей писатель противопоставлял "фабричному разврату". Он утверждал, что дети должны родиться на земле, а не на мостовой. Мы видели, что по отношению к своей утопии писатель использовал термин "Сад": "Человечество обновится в Саду и Садам выправится – вот формула" – пишет он в "Дневнике писателя" [Достоевский, 1989, с. 303].

ЛИТЕРАТУРА

- Бельчиков Н. Ф.** Достоевский в процессе петрашевцев. М.-Л.: Изд-во Академии наук, 1936.
- Бердяев Н.А.** Мирозерцание Достоевского // Бердяев Н. А. О русских классиках. М.: Высшая школа, 1993.
- Герцен А.И.** О развитии революционных идей в России // Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30-ти т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. Т. 7.
- Достоевский Ф. М.** Дневник писателя. М.: Современник, 1989.
- Достоевский Ф.М.** Объяснения и показания Ф. М. Достоевского по делу петрашевцев // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 15 т. СПб: Наука, 1994. Т. 12.
- Лосский Н. О.** Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953.
- Чулков Г.И.** Последнее слово Достоевского о Белинском / Достоевский. М., 1928. Вып. 3. С. 61-81.

ПРОКУРОВА Наталья, профессор, доктор филологических наук,
Волгоградская академия МВД, Российская Федерация – vprokurov@mail.ru

ГЛАВНАЯ ИДЕЯ И ОБРАЗЫ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» В СВЕТЕ РЕЛИГИОЗНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ АВТОРА

Впечатления, вынесенные Достоевским из Омской уголовной тюрьмы, где он отбывал срок за участие в кружке М.В. Буташевича-Петрашевского, были настолько сильными, что тема преступления и наказания впоследствии получила художественное воплощение почти во всех произведениях Ф. М. Достоевского, в том числе и в романе «Преступление и наказание».

В каторге началось перерождение убеждений писателя. В. С. Соловьёв так охарактеризовал это явление: «Худшие люди мёртвого дома возвратили Достоевскому то, что отняли у него лучшие люди интеллигенции. Если там, среди представителей просвещения, остаток религиозного чувства заставляет его бледнеть от богохульств передового литератора, то тут, в мёртвом доме, это чувство должно было воскреснуть и обновиться под впечатлением смиренной и благочестивой веры каторжников»⁷¹.

1865 году писатель приступает к созданию романа «Преступление и наказание». В романе Достоевского две центральные проблемы — преступление и наказание. Проблема преступления связана с вопросами о границах дозволенного человеку и о свободе его выбора между добром и злом. С христианской точки зрения, самое большое зло есть гордость, которая обнаруживается на высшем уровне развития одарённой и духовно богатой личности. Гордость в своем крайнем выражении есть утверждение своей личности превыше всех. Гордый человек, по мнению Достоевского, одержим сатанизмом, его ведёт дьявол и закономерным следствием греха гордыни является подмена идеи Богочеловека идеей человекобога. Путь освобождения от этого зла лежит всегда через преодоление трудностей, через страдание. Свобода гордого человека неизбежно переходит в своеволие, и тогда он не знает ничего святого, ничего запретного.

Таков главный герой романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» Родион Раскольников. Рядом с ним в романе стоит Соня Мармеладова. На глубочайшем

⁷¹ Соловьёв В.С. Философия искусства и литературная критика. М., 1928. С.60.

психологическом проникновении в эти образы автор пытается решить проблему преступления и наказания, раскрыть её нравственно-психологические аспекты.

В соответствии с первоначальным замыслом, главный герой романа — верующий молодой человек, который сознательно берёт на свою душу грех - убийство богатой старухи-процентщицы, чтобы помочь близким и обездоленным, а потом добродетельным поведением вымолить у Бога прощение. Герой нарушил христианские заповеди, отошёл от Бога, позволил себе усомниться в его существовании («Да, может, и Бога-то совсем нет...»⁷²). Отошедший от Бога Раскольников под влиянием молодых современных веяний создаёт теорию о «людях обыкновенных» и «необыкновенных» и выдвигает идею, допускающую «кровь по совести».

Со страниц своего нового романа «Преступление и наказание» писатель поведёт решительную борьбу с утилитаризмом, начатую им еще в «Записках из подполья», «понимание которых, по справедливому мнению Б.Н. Тарасова, чрезвычайно важно для уяснения всесторонней проблематики «Преступления и наказания»⁷³.

«Особенно резкое неприятие, – считает Тарасов, – вызывало у Достоевского объяснение преступления, обусловленного социальным неравенством и свободным выбором человеком зла, физиологическими причинами, что снимало с преступника всякую ответственность за содеянное. В такой системе размышлений собственно человеческие понятия совести, долга, ответственности, любви, свободы, чести и т.п. растворялись в биологических законах самосохранения и борьбы за существование. По мысли Достоевского, подобная «игра на понижение» имеет свои неизбежные последствия, ведёт к упадку духовного настроения человека, к его нравственному разложению, усиливая эгоизм и отчуждённость людей, делая собственный корыстный интерес основой его существования»⁷⁴.

Понимание человека как «продукта среды», лежащее в основе вульгарно-социологического позитивизма, было также неприемлемо для Достоевского.

Не принимает Достоевский и этики «разумного эгоизма» Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова, которая отрицала роль непосредственного нравственного побуждения в поведении людей и, подобно этике Милля, основывалась на том же принципе «разумно понятого личного интереса».

Всем этим вредным идеям и теориям буржуазного толка Достоевский противопоставляет в романе иное обоснование нравственности, воспитанной религиозными, православными традициями, оформленной в виде природного нравственного закона, живущего в душе каждого, даже самого испорченного человека (См. 2-ю редакцию: «Али есть закон природы, которого не знаем мы и который кричит в нас» (7, 137).

В третьей редакции романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевский окончательно формулирует идею своего произведения – «православное воззрение, в чём

⁷² Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. Л., 1972. Т. 7. С. 246. В дальнейшем цитирование будет производиться в тексте с указанием тома и страницы.

⁷³ Тарасов Б.Н. Два пути Родиона Раскольникова // Непрочитанный Чаадаев. Неуслышанный Достоевский. М., 1999. С. 147.

⁷⁴ Там же. С. 148.

есть православие» – и далее писатель объясняет эту идею: «Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием. Таков закон нашей планеты, но это непосредственное сознание, чувствуемое житейским процессом, – есть такая великая радость, за которую можно заплатить годами страдания.

Человек не рождается для счастья. Человек заслуживает своё счастье и всегда страданием.

Тут нет никакой несправедливости, ибо жизненное знание и сознание <...> приобретается опытом pro и contra, которое нужно перетащить на себе» (7, 154–155). Такова главная идея романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». В дальнейшем писатель будет решать все проблемы произведения, исходя из своей православной веры.

Раскольников не осознаёт, что, разрешив себе «кровь по совести» и переступив через святую христианскую заповедь «не убий», он нарушил первооснову православного уклада жизни. Герой Достоевского видит свою трагедию не в том, что он пролил кровь, а только в том, что он не сумел переступить нравственный закон, приобщиться к сильному миру сего, а, отъединившись от людей, остался один на один со своими страданиями. «Разве я старушонку убил? — восклицает он в отчаянии. — Я себя убил, а не старушонку! Тут так-таки разом и ухлопал себя навеки!..» (6, 322). Дьявол, однажды овладев душой Раскольникова, продолжает «тащить» его дальше, И неотступно в романе за героем следует наказание: болезнь, постоянный страх, резкие переходы от страха к «животной радости» и нервные потрясения, связанные с этим; сны, граничащие с галлюцинациями, привидения — всё это изматывает душу героя, разрушает его организм.

Поэтому со страниц своего нового романа «Преступление и наказание» писатель поведёт решительную борьбу с утилитаризмом, начатую им еще в «Записках из подполья», «понимание которых, по справедливому мнению Б.Н. Тарасова, чрезвычайно важно для уяснения всесторонней проблематики «Преступления и наказания»⁷⁵.

«Особенно резкое неприятие, – считает Тарасов, – вызывало у Достоевского объяснение преступления, обусловленного социальным неравенством и свободным выбором человеком зла, физиологическими причинами, что снимало с преступника всякую ответственность за содеянное. В такой системе размышлений собственно человеческие понятия совести, долга, ответственности, любви, свободы, чести и т.п. растворялись в биологических законах самосохранения и борьбы за существование. По мысли Достоевского, подобная «игра на понижение» имеет свои неизбежные последствия, ведёт к упадку духовного настроения человека, к его нравственному разложению, усиливая эгоизм и отчуждённость людей, делая собственный корыстный интерес основой его существования»⁷⁶.

Понимание человека как «продукта среды», лежащее в основе вульгарно-социологического позитивизма, было также неприемлемо для Достоевского.

⁷⁵ Тарасов Б.Н. Два пути Родиона Раскольникова // Непрочитанный Чаадаев. Неуслышанный Достоевский. М., 1999. С. 147.

⁷⁶ Там же. С. 148.

Не принимает Достоевский и этики «разумного эгоизма» Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова, которая отрицала роль непосредственного нравственного побуждения в поведении людей и, подобно этике Милля, основывалась на том же принципе «разумно понятого личного интереса».

Всем этим вредным идеям и теориям буржуазного толка Достоевский противопоставляет в романе иное обоснование нравственности, воспитанной религиозными, православными традициями, оформленной в виде природного нравственного закона, живущего в душе каждого, даже самого испорченного человека (См. 2-ю редакцию: «Али есть закон природы, которого не знаем мы и который кричит в нас» (7, 137).

В третьей редакции романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевский окончательно формулирует идею своего произведения – «православное воззрение, в чём есть православие» – и далее писатель объясняет эту идею: «Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием. Таков закон нашей планеты, но это непосредственное сознание, чувствуемое житейским процессом, – есть такая великая радость, за которую можно заплатить годами страдания.

Человек не рождается для счастья. Человек заслуживает своё счастье и всегда страданием.

Тут нет никакой несправедливости, ибо жизненное знание и сознание <...> приобретается опытом pro и contra, которое нужно перетащить на себе» (7, 154–155). Такова главная идея романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». В дальнейшем писатель будет решать все проблемы произведения, исходя из своей православной веры.

Религиозный философ Н.О. Лосский так определял мировоззрение автора романа «Преступление и наказание»: «Бытие Бога и бессмертие души прочно стоит в центре миропонимания Достоевского. Он не сомневается в истинности веры в них и твёрдо знает всепроникающее значение их; если Бога нет, то нет и собственного добра, нет абсолютного смысла жизни, нет совершенной добродетели»⁷⁷.

Достоевский обстоятельно прослеживает в романе путь греха и возрождения своего героя Родиона Раскольникова, одержимого гордостью, отошедшего от Бога и людей под влиянием «ложных воззрений, усвоенных из книг по доверию». Раскольников не осознаёт, что, разрешив себе «кровь по совести» и переступив через святую христианскую заповедь «не убий», он нарушил первооснову православного уклада жизни. «Неподозреваемые и неожиданные чувства» мучают героя, отчаяние его беспредельно, тоска – безысходна. Героя преследуют видения, неразрешимые вопросы встают перед ним: «Мать, сестра, как любил я их. Отчего теперь я их ненавижу? Да, я их ненавижу, физически ненавижу, подле себя не могу выносить...» (6, 212).

Намеченные в черновых редакциях мотивы разъединенности и разомкнутости с внешним миром всё более усиливаются по мере развития сюжета. Соне Раскольников говорит: «Я сегодня родных бросил... мать и сестру. Я не пойду к ним теперь. Я там всё разорвал» (6, 252). Он прячется от матери и сестры, от друзей, бесцельно бродит по

⁷⁷ Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк. Изд-во им. Чехова. 1953. С. 144.

городу, спит в кустах. Ему тяжело, он невыносимо страдает.

Путь героя «на плаху» мучителен, долг и имеет свои фазы развития: ужас и отчаяние от содеянного сменяются в сознании героя очередными вспышками дьявольской гордости и презрения к людям. Достоевский прослеживает все движения души героя в этот сложный для него период жизни, тонко подмечает мгновенные переходы от, казалось бы, безвозвратной гибели к неожиданному спасению и желанию жить.

В эпилоге романа мы видим героя в одном из сибирских острогов, где и начинается духовное возрождение героя. В остроге ему снятся сны. Сны Раскольникова созданы на основе 24 главы Евангелия от Матфея и глав 8–17 Апокалипсиса – Откровения Иоанна Богослова, где Иисус Христос говорит о «признаках» своего второго пришествия: «...услышите о войнах и военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь; ибо надлежит всему тому быть. Но это ещё не конец: ибо восстанет народ на народ, и царство на царство, и будут глады, моры и землетрясения по местам; всё же это начало болезней. И тогда соблазнятся многие и друг друга будут предавать, и возненавидят друг друга; и многие лжепророки восстанут и прельстят многих; и, по причине умножения беззакония, во многих охладет любовь» (Мф., XXIV, 6–8; 10–12).

Достоевский говорит здесь о микроскопических существах – «трихинах», проникавших в тела людей, которые после этого становились «бесноватыми и сумасшедшими». С.В. Белов отмечает, что само название этих существ было взято писателем из газет, которые в конце 1865 – начале 1866 г. печатали «тревожные сообщения о неизвестных в то время медицине микроскопических существах - трихинах и о повальной болезни, причиняемой ими»⁷⁸. С.В. Белов справедливо считает, что Достоевский придал этому эпизоду «философский и символический смысл: болезнь беснования и безумия, охватившая Россию и весь мир, – это индивидуализм, гордость и своеволие»⁷⁹.

«Бредовым» сном, «горячешным грёзам» главного героя Достоевский придавал большое значение. В данном случае сны Раскольникова – не что иное, как доведённая «до последствий» теория Раскольникова о людях «обыкновенных» и «необыкновенных». Таким образом, доведя до логического завершения «недоконченную» теорию своего героя, Достоевский наглядно и зримо показывает, чем может обернуться для мира своеволие гордого человека, одержимого сознанием собственной непогрешимости.

Встав однажды на православную точку зрения, автор последовательно воплощает её в романе «Преступление и наказание». В итоге у Достоевского торжествует нравственный человеческий закон, основанный на евангельской этике. Все герои Достоевского, преступившие этот закон (Мармеладов, Лужин, Свидригайлов) — закон Божьей правды, расплачиваются за грехи свои, всем им автор справедливо воздаёт по заслугам.

⁷⁸ Белов С.В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Комментарий. М., 1985 С. 228.

⁷⁹ Там же. С. 229.

РАДЕВ, Иван, академик (1943-2020), Република България.

ФОЛКЛОРНИЯТ СБОРНИК НА ЛЮБЕН КАРАВЕЛОВ – ВАРИАНТИ, ИНФОРМАТОРИ, СЪДБА....

В опита си да изясня характера и съдбата на сборника с народни песни, който Любен Каравелов замисля още в началото на 60-те години и чиято идея продължава да го занимава почти до края на живота му, ще тръгна от фактите на неговото полупублично заявяване. Предлага ни ги архивът на проф. Осип М. Бодянски /1808-1877/. Там казват, че и сега се съхранява предаденият ръкопис с надслова „Болгарские народные песни, собранные Любеном Каравеловым 1866“. Под заглавието с почерка на видния професор-славист било записано: “Получено 11-го генваря 1867, во среду“. Очевидно надеждата на автора, а и уговорката му с проф. Бодянски е била, предложената сбирка да бъде включена в излизащото тогава авторитетно академично издание „Чтения в обществе истории и древностей российских“.

Така или иначе, докато Любен Каравелов е в Русия, не се стига до публикуването на неговия свитък с български народни песни. Предположения за причините читателят може да намери в книгата на Л. Минкова „Осип Максимович Бодянски и Българското възраждане“ /С., 1978, с. 161 и сл./. Там са документирани и последвалите на два пъти лични усилия на Каравелов като автор-съставител да предизвика публикацията или поне ръкописът да му бъде върнат. Първо става дума за бележката с дата 15 август 1869 г., получена в Москва на 10 октомври с.г. според личното твърдение на професора:

„Осип Максимович!

Прошу Вас, передайте г. Бончову мой сборник „Болгарских песен“, потому что я намерен напечатать их в Бухаресте“.

Липсват данни Каравелов да е получил писмен отговор, или това да е станало чрез Нешо Бончев. Второто напомняне от негова страна в този дух до проф. Осип М. Бодянски е по-разгърнато и предоставя повече подробности около характера на ръкописа и неговата съдба. Налице е също и бележка от адресата, че на 24 октомври с. г. писмото „от Л. Каравелова из Букурешта“ е получено в Москва. Ето неговото съдържание:

„Милостивый государь, Осип Максимович!

Восем лет тому назад я вам оставил сборник болгарских песен для напечатания в вашем многоуважаемом журнале „Чтения“. Я обещался прислать вам примечания к песням, но не мог исполнить свое желание, потому что самые песни не напечатаны, чтоб означить страницы. Теперь прошу вас меня известить намерены ли вы печатать мой сборник. Если ненамерен, то прошу вас мне его выслать по следующему адресу: „Букаресте, в редакции „Свобода“...

Букарест 1872, септ, 29“.

Възникнал и така очертан, проблемът между съставителя на сборника през 1866 г. и евентуалния му издател проф. Осип М. Бодянски, продължава и след тяхната смърт да бъде загадка. Със своята неизясненост той налага отпечатък, както върху опитите за конституиране мястото на Любен Каравелов в нашата фолклористика, така и фазите, през които минава неговата идея по-късно, свързана с намерението му за цялостно, представително издание на песенния ни фолклор. Не малко са свидетелствата, които ни убеждават, че превратностите, които неизменно го връхлитат и съпътстват, не са пречка за усилията му също така неизменно да задълбочава и доразгръща своите наблюдения над миналото на своя народ и онова, което придава плът и значимост на това минало. Тази формирана и ненапуснала го до края на живота му философия ни кара да мислим, че ако сборникът наистина е излязъл съевременно, т.е. през 1867 г., той би му осигурил друга перспектива на присъствие във възрожденската ни фолклористика и народоука.

Тъй като именно това е един от въпросите, който ме занимава като отправна точка за навлизане в териториите на сборника, ще си позволя да надникна в „загадката“ Каравелов-Бодянски. Тя е засягана и от други, но сравнително по-пълно и с нагласата да бъде изяснена, я срещаме прокоментирана в по-горе цитираната книга на Лиляна Минкова. Причината за така случилото се решаващо съдбата на ръкописа разминаване, според нея, е високата възискателност на проф. Бодянски към всичко, което намира място в редактираната и издавана от него поредица „Чтения...“ и неизпълненото задължение на автора да предостави в пълнота нужните „бележки“ към включените народни песни. Това предположение е приемливо само във връзка с решението на професора да не даде път на Каравеловия сборник в издаваните томове на „Чтения...“ през продължителния период от 1867 до 1877 г. Но в същността си то не дава отговор на второто, на изявеното от автора-съставител категорично желание - ръкописът просто да му бъде върнат, за да го публикува лично в Букурещ. Мълчанието на проф. Бодянски и по единия, и по другия вариант трябва да има своето обяснение, което няма как да произтича единствено от неговата строгост и професионална възискателност спрямо липсата на задоволяващи го бележки и подробности около песенните текстове. За да се схване хипотетичността на това като причина, свидетелства отбелязаният от същата авторка факт, че подготвяйки през 1905 г. изданието на същия този, задържан от редактора на „Чтения...“ проф. Бодянски ръкопис, проф. П. А. Лавров съкръщава немалко именно от разгърнатите в него бележки.

Ще продължа с изясняване на причината, мотивирала въздържаността на проф. Осип М. Бодянски не само да публикува ръкописа на Любен Каравелов, но и изобщо да не откликне на желанието му да влезе във връзка с него и му ги препрати. Авторката Л. Минкова, изненадана от липсата в архива на професора на какъвто и да е знак за интерес към по-сетнешните прояви и съдба на българина, търси отговора в неговата близост с арестувания и осъден Иван Гаврилович Призов, както и у самия Каравелов, оказал се „под

наблюдение на полицията“. С още по-голямо основание можем да приемем, че точно тези са предпоставките проф. Бодянски да не свърже името си с издание, съдържащо и „бележки“ от ръката на Прижов, да преустанови писмовните си контакти и да не препраща ръкописи на „неблагонадеждния“ Любен Каравелов. Това значи да се откажем от приemanото до сега, поддържано и от Л. Минкова, твърдение:

„Българските народни песни“, събрани от Любен Каравелов чакат у Бодянски години наред изискваните от него бележки и коментари и затова виждат бял свят едва през 1905 г.“/Вж. цит. книга, с.15/.

Така или иначе, в резултат на проявената по политически причини предпазливост от проф. Бодянски са пропуснати възможностите Каравеловият сборник да излезе през 1867-1869 г. и така да заеме мястото си след изданието на братя Миладинови и преди осъщественото издание от Васил Чолаков/1872/. Появата му в Русия през 1905 г. - близо четири десетилетия след неговата подготовка и 26 години след смъртта на писателя - има значение само за занимаващите се с историята на българската фолклористика. По тази причина за него ще стане дума по-късно, а несвоевременната му поява е с последици дори за личното израстване и присъствие в духовния живот на съставителя Любен Каравелов.

По стечение на обстоятелствата, заел се през 80-те години на XIX в. с подготовката на Каравеловите събрани съчинения пръв, който проявява интерес към събираческата дейност на фолклориста се оказва не друг, а Захари Стоянов. При подготовката на многотомника с неговото литературно наследство, наред с усилията си да събере пръснатите му поетически творби, той предприема същото и по повод на публикуваните от Каравелов народни песни. След кратък общ предговор, под формата на два самостоятелни дяла, те съставят първия от осемте тома на осъщественото издание. Самият Зах. Стоянов - като съставител, ни е оставил категоричната си оценка за фолклориста, спестил ни е ровенията и съпоставките за изясняване обхвата на събираческата му работа, както и принципа на подредбата, чрез следния пасаж от въвеждащия текст:

„Не забравяйте още и това, че Л. Каравелов беше един от най-старателните и знаещи да записват, събират, ценят народните песни. Той е давал твърде висока цена на тях, дълбокото му знание на народното творчество го научило да може с пръв поглед да узнава дали песента е чисто народна, няма ли в нея премесено фантазия и пр. Ето защо публикуваните от него песни са най-избраните и най-чистите.

Тия песни ние не разделихме по съдържание, т.е. на юначни, любовни, сватбени, хороводни и пр.; едно, че по своето малко количество не заслужаваха разпределение, а второ, тия са почти отделени от самите обстоятелства с твърде дребни изключения. Тъй например читателите ще видят, че до № 21 песните са изключително юнашки, а оследующите – разни. Причината за това е, че първите са поместени в революционните издания „Свобода“ и „Независимост“, а вторите в литературното „Знание“/Вж. Съчинения на Любена Каравелов, 1987, т.1, с.VII/.

Както се убеждаваме, З. Стоянов в случая сам дава ключа, за да разберем от какви позиции и на базата на какво представя фолклориста Каравелов. Оказва се, че не разполага със сведения за оставения на проф. Осип М. Бодянски в Москва ръкопис, не познава намиращото се в архива на писателя, не му е известно и отпечатаното през 1878 г. лично от него томче „Нова песнопойка“, за което тук ще стане дума. В замяна на това е проследил съдържанието на редактираните от Каравелов три периодични издания и

извлякъл от тях народнопесенните текстове – 67 на брой. За прегледност, след първата с надслова „Българска помашка песен“, ни ги представя със своя номерация, а в съдържанието ги отрзвява и с началния стих.

Впечатлението е, че З. Стоянов се е отнесъл с нужната отговорност към представянето на народните песни. Преобладаващата част от тях са придружени от собствените бележки на Каравелов, които заслужават специално внимание. Колкото до намеси на самия редактор – тях ги откриваме афиширани от самия него, във връзка с две от песните - всяка от тях по своему интересна и показателна. Едната е по повод на песента „Остана Ненчо сираче...“/№ 7/, чийто текст е съпътстван от следните реплики на резервирано отношение:

„Ние нямаме под ръка друга вариация на тая песен, за да направим сравнение, но струва ни се, че тия два стиха: „да сече глави читашки и роби турски робини“ са вмъкнати. Ред.“

„И края на песента ни се вижда да е изменен, именно със сръбското въстание. Тая любима тенденция на Каравелова – въстанието, или нарочно е притурено от него, като балсам за ония времена, или пък в Неготин е претърпяла изменението си. Ред.“

Ако горният коментар има характера на коректив спрямо текстовата автентичност на народната песен „Остана Ненчо сираче“ и е в някаква степен упрек към Каравелов, друг е смисълът на редакторския апостроф под последната в сборника фолклорна творба – „Излязла е бяла Рада“. Макар и кратка, тя е от голямо значение със свидетелството си:

„З а б е л е ж к а. Тая песен, която намерихме между ръкописите на Любен Каравелова, е записана с Хр. Ботева ръка“.

Това твърдение не бива да ни изненадва или да предизвика усъмняване в истинността му. Някои от стигналите до нас спомени ни уверяват, че по времето на съвместната дейност на Каравелов и Ботев народните песни са били част от атмосферата на тяхното общуване. За съжаление, не ми е известна съдбата на този ценен ръкопис...

Разбира се, в случая от особено значение и за редактора Зах. Стоянов се оказват съпътстващите песни „бележки“, оставени от самия Каравелов. Те съдържат сведения както за информаторите му, така и за географския и етнографски обхват на тяхното разпространение. Справката ще изясни разликите - ако ги има - спрямо използваните от редактора източници. Но тук те са показателни за варианта, в който тръгва свитъкът народни песни към Каравеловите почитатели след Освобождението...

№ 7 – „Остана Ненчо сираче“: „Записана в Неготин“;

№ 12 – „Слънцето трепти, захожда“ – „Записана в Сливен“;

№ 14 – „Мануш войвода“ – „Като гледал, че момчето е добре въоръжено, той е помислил, че е помак /потурченик/ и го замерил. Види се тая песен е произлязла още в онова време, когато са се потурчили помаците. Помаците са носили български дрехи и Мануш не е можал отдалеч да отличи от тях брата си“;

№ 22 – „Не вей, ветре, не вей“ – „Записана в Тараклия, Бесарабия“;

№ 27 и 28 – „Седнал е Стефан, Стефане, Мама Стоенки думаше – „Наречието на тия две песни е Копривщенско“;

№ 29 и 30 – „Що ми са белее“, „Мама Стояна годила“ - „Тия две песни са записани в село Шоп-Тараклия в Бесарабия“;

№ 32 – „Коня води, китки вие“ – „Записана в Калофер“;

№ 34 – „Момиче, момиче... – под линия: „Тази песен се свързва много по-поетически в сборникът на Верковича /Песме македонских Бугара“, с. 165/;

№ 35 – „Добре ми дошъл, драгинко“ – „Наречието на тая песен е Копривщенско“;

№ 36 и 37 – „Легнала мома, заспала“, „Мито са болел поболял“...

„Примеч.“ Тия две песни и много още други – които ще бъдат отпечатани след време в „Знание“ – са записани от покойния Константин Герова. Първата от тия песни е записана в с. Копривицица, а втората е била съобщена Герову от един доспатски българин, родом от Дери-дере. Да кажем първо няколко думи за първата песен.

В тая песен се повтаря едно от многочислените народни вярвания или суеверия, които са свойствени на секи един неразвит народ. Българите и до днес още вярват, че после смъртта на човекът душата му се скита по светът и обикаля сичките ония места, които е той видял през животът си. Народът говори още, че душите на мъртавците дохождат в петък вечерта на гробът си и слушат как плачат или как наричат майките им.

За втората песен ние ще да кажем само това, че наречието ѝ е полутракийско и полумакедонско, че Мито е бил доспатски свирец и че славеят не е можел да слуша от завист неговата свирня и неговите песни. Той умрял от чумата и затова е лежал в ливадите“./с.188/.

Под това „Примечание“ – оставено от ръката на самия Каравелов, в съставения от Зах. Стоянов т. 1, са включени и следните „Бележки“ във връзка с употребата на отделни думи в текста на втората песен – „Мито са болен поболял“. От издателя не е указано те на кого принадлежат – на Каравелов или на съставителя. Обичайната практика е: ако паратекстът е от първия - липсва името му, както е в този случай, а ако е от Зах. Стоянов – пише „Ред.“. Пък и справка с публикацията на този малък блок/народна песен+ „примечание“+ речников фрагмент/ в самото сп. „Знание“ категорично ни убеждава, че и те са плод на Каравеловото перо/Вж.сп. „Знание“, Букурещ, 30 априлия 1875, бр. 8, с. 126/:

1/. *Даа/тур./* планина, даалие – планински жители. Даалие въобще се наричат доспатските турци, а техните пушки – даалишки.

2/. *Селоно* наместо селото; членът/ср. род/ се изменява на –но.

3/. *Кайно* – наместо като, кото, туко, како.

4/. Тук се е съхранил творителният падеж, ако а-та и да се изменила на и. Напр., наместо „черешкам“, се произнася „черешким“

5/. *Бално* - Болно жално“.

№ 40, 41, ...42 – „Първи ми петли пропяха“ – „Тия песни са записани във видинските села“;

№ 43 – „Заспала ми е царица“ – „Записана в с. Панагюрище“;

№44 – „Събрали са триста краля“ – „Наречието ѝ е Копривщенско“;

№ 45 – „Стоенке, ситен маргарец“ – „Записана в с. Панагюрище“;

№ 46 – „Стояла Рада, Радо ле“ – „Тази песен, която се пее между пловдивските навликяне, е записана преди 25 години от Константин Геров в Пловдив“ –т.е. през 1850 г.;

№ 47 – „Стоян надолу отива“ – „Наречие на тая песен е пловдивско“;

- № 49 – „Син си на майка говори“ – „Записана в Лом“;
- №50 – „Горката Марга, кръгло сираче...“ – „Записана в село Торлашката махала – Захарски окръг“;
- № 51 – „Гердан през гора вървеше...“ – „Наречието на тая песен е Копривщенско“;
- №52 – „Събрали са седемдесет краля – „Наречието на тая песен е тракийско“;
- № 53 – „Нещо ми, мамо припадна ...“ - „Наречието на тая песен е Копривщенско“;
- № 54,55,, 56 – „Наречието на тия песни е Копривщенско“;
- № 57, 58, 59, 60 – „Записани в село Тараклия, Бесарабия“;
- №61 – „Мома Калина, Калино...“ – „Наречието на тая песен е Тревненско“;
- № 64 „ Мама Стоенки думаше“ – „Пеяна от баба Неделя из с. Копривицица“;
- № 65 – „Мама Чавдарю думаше...“ – „Записана в с. Копривицица“;

Определен интерес и показателна специфика предизвиква практиката и готовността на Ботев като събирач и популяризатор на песенния фолклор да привлече за свои информатори и представители на българското монашество. Това е рядък случай за възрожденското време – особено като специално се има предвид фактът, че става дума не за свещеници от вътрешността на страната, а за божи служители в българските манастири на Света гора Атонска. За да се схване, че в случая не става дума за случаен и епизодичен жест от страна на фолклориста Ботев, ето как строго документално е отразено присъствието им чрез посочване на предоставените от тях песенни текстове:

- „Протекла е вода тунджалия...“. „Записана от Л. Каравелов с думите на архим. Софроний, наречие тракийско“/с. 17/;
- „Записана от дякон Евстатия с думите на отец Паусий на Атон“/с. 26/;
- „Записана от архим. Софроний в с. Клисура“/с.41/;
- „Записана от архим. Софроний в с. Клисура“/с. 46/;
- „Записана йером. Германом в гр. Пазаджик“/с. 48/;
- „Записана от монах Евстатий на Атон със словата на нищия Илия“/с. 53/;
- „Записана от Л. Каравелов със словата на архим. Софроний“/с.54/;

Същата практика от страна на записвача Ботев е продължена и с включените народни песни в раздела „Мъжки песни:

- „Записана от отец Евстатий на Атон със словата на нищия Илия“/с. 65/;
- „Записана от монаха Евстатий със словата на нищия Илия“/с.76/;
- „Записана от Л. Каравелов със словата на архим. Софроний“/с. 104/;
- „Записана от Л. Каравелов със словата на архим. Софроний, наречие тракийское“/с.108/.
- „Записана от Л. Каравелов със словата на архим. Софроний, наречие тракийское“/с.115/;
- „Записал Л. Каравелов със словата на архим. Софроний, който слушал да я пеят в Доспатската планина и вярно е съхранил в паметта си тамошното наречие“/с.116/;
- „Записана от отец Евстатий на Атон със словата на нищия Илия“/с.123/.

В последно време към съдържанието на сборника е проявявал интерес Георги Митринов – занимаващ се с миналото на Родопския край. Имам предвид статията му „Любен Каравелов

анализира стара златоградска песен“. Неин обект е народната песен „Мито са болен поболил“, както се разбира - публикувана от Каравелов през 1875 г. в редактираното от него сп. „Знание“ /бр. 8, 1875, с. 126/. Изводите, които прави този автор са два – че това е първа публикация на народна песен от Златоградския район на Родопите, че тя е дала повод на редактора – също първи по време опит, въз основа на нея да посочи някои особености на тукашния говор. Статията на г-н Георги Митринов е печатана първо в „Златоградски вестник“ /бр.23 от 1991 г./, а по-късно влиза в сб. „Златоградски страници“ /2016, част 3, с. 82-85/. Става дума именно за песента „Мито са болен поболил“ - възпроизведена от изследвача по текста от Каравеловото сп. „Знание“ и дала му повод за следните обобщения:

„Текстът е предаден без почти никакви изменения. Интересно би било да се възстанови автентичния облик на песента, ако тя все още съществува днес в Златоград“ /нак там, с. 85/.

За пълнота на актуализирания интерес към песента „Мито са болен поболил“ ще добавя, че по-късно я намираме включена и в специално подготвения и издаден сб. „Златоградска народна поезия“ /С., 2002, с. 67/:

*Мито са болен поболил,
вов даа, вов Дери-дере,
срещу селоно в ливаде,
под адна вишня черешка.
Кайно си Мито плачеше,
черешким листе падаха.
Сабрали са са, набрале
Деридеренскине девойки
и тъжно Мита питаха:
Мито ле, добро юначе,
кайно си лежиши, умираши,
що ти е, Мито, най-жално,
най-жално, Мито, най-бално?
Най- жално ми е, най- бално,
кайно си иде Великден
Великден, добар Гергьовден –
кой ще ви води хороно,
кой ще ви свиря свиркята,
съ свиркята и кепенено?*

Публикацията на песента „Мито са болен поболил“ във въпросния сборник е придружена от следната бележка:

„Песента е публикувана в бр. 8 на в. Знание“ от 1875 г., списван от Л. Каравелов в Букурещ. За нея великият възножденец обяснява, че наречието е полутракийско, полумакедонско. Днес този текст не е известен, но финалната му част се среща в някои от вариантите на песните за Дельо Воевода“ /Вж. сб. „Златоградска народна поезия“, 2002, с. 157/.

Не е тук мястото за усилия и догадки във връзка с изясняване личността и делото на монасите-светогорци, които в случая са се изявили като поклонници и популяризатори на българския фолклор. Очевидно и двамата са сред тези, които през 60-те години също пребивават в Русия. Ще си позволя само да предположа, че зад единия от тях вероятно стои

архим. Софроний Хилендарец – издал тогава, в Петербург, кигата „Двама млади християни, от които единият изпитва, а другият е уверен в православието на Източната църква“/1862 г./ Колкото до духовника-светогорец отец/дякон Евстатий – в случая би могло да става дума или за Евстатий Хилендарски, следвал в Духовната академия в Петербург до 1860 г., или за бъдещия митроп. Евстатий Пелагонийски, завършил Московската духовна академия през 1866 г./ Вж. „Българската възрожденска енциклопедия“, 233-234, с. 605/. Еднократно споменатият с инициалите „Г-мъ“ е възможно да се отнася за йером. Герасим, игумен на манастира „Св. Апостол“ в Пазарджик, без да разполагаме с данни за негово общуване с Каравелов...

Имайки предвид признанието на Зах. Стоянов, че включените в том 1-ви на „събраните съчинения“ са само „публикуваните лично от Каравелов в изданията „Свобода“, „Независимост“ и „Знание“ народни песни“, справката и съпоставките ни убеждават, че като издател той си е свършил коректно работата. Единственото, което остава загадка е, как и по каква причина му е останала непозната една от последните издадени приживе от автора на „Хубава си моя, горо“ книги: „Нова песнопойка. Народни песни и стихотворения“/В. Търново, 1878, 108 с./ А тя със своите така оповестени два дяла, има пряко отношение към съдържанието на подготовения от Зах. Стоянов том първи от Събраните съчинения на Каравелов. Очевидно причините за този пропуск от негова страна са обективни и се дължат на факта, че сборникът излиза през есента на 1878-ма в старопрестолния град, разпространението му в тогавашната напрегната ситуация е ограничено, а само след месец-два е предприето прехвърляне на семейството и печатницата в Русе. Реално погледнато томчето „Нова песнопойка“ потъва в анонимността, както за библиографите, така и за изследвачите, до края на 70-те години, когато негов екземпляр бива открит в ОДА- В. Търново/Вж. Ив. Радев, „За една антология на поезията от 1878 г., сп. Литературна история, 1987, кн. 2, с.69-74/.

Това е само една от предпоставките, която ни задължава да насочим поглед към „Нова песнопойка. Народни песни и стихотворения“, издадена в редакцията на в. „Знание“ през есента на 1878 г., която въвежда читателя с цикъла „Народни песни“, включващ 41 фолклорни творби. Другата, не по-малко важната е, че подборката принадлежи на самия Любен Каравелов - т.е. това е вариант на държалата го в орбитата си в продължение 12 години идея за лично издание в този дух. Разбира се, в изключително напрегнатата, наситена с войнствен дух и емоционано въодушевление ситуация, добила друг характер...

Цикълът „Народни песни“, намерил място в този сборник, тук ще бъде характеризиран най-общо, тъй като и евентуалната роля, която е възложена на изданието като цяло, произтича от актуалните потребности на историческата ситуация и общонародния подем около Руско-турската война. За това говори подборката на песните, чието начало са „Ангел войвода“, „Мануш войвода“, „Индже войвода“, „Страхил“, след които се нареждат „Цар Иван Шишман“, „Кара Мустафа“, „Кара Танас“, „Мома бошнакия“... Имайки предвид популяризаторската си задача, съставителят Каравелов е лишил песенните текстове от какъвто и да е коментар и съпътстващи бележки. По дух и насоченост е държал фолклорният цикъл да партнира на раздела „Стихотворения“, съставен от негови творби и творби на Ботев, Стамболов и Иван Вазов.

С това си съдържание и облик „Нова песнопойка. Народни песни и стихотворения“ в случая предполага коментар в един аспект. Той трябва да даде отговор на въпроса за съотнесеността на включения тук цикъл песни към едно от трите, разхвърляни във времето „ядра“ – оставения през 1967 г. на Бодянски сборник, възпроизведен от Лавров през 1905-та,

съхранявания ръкопис в архива на Каравелов, и обособения от Зах. Стоянов „свитък“, въз основа на Каравеловите издания „Свобода“, „Независимост“ и „Знание“.

Може би при възможност за осъществяването на подобно издание, е оправдано първо да изясним близостта и различията на цикъла от 41 песни в изданието от 1878 г. спрямо подборката, намерила място в тома от 1887 г. на редактираните от Зах. Стоянов „Събрани съчинения“ . Тъй като при него подредбата не припокрива лично дефинирана схема, а обикновено следва публикациите във всяко от използваните издания, тук ще става дума, както за застъпените творби в тях, така и за липсващите във второто. Илюстрирам съвпаденията и разминаванията само на част от съдържанието:

<i>„Нова песнопойка“/1878 г./</i>	<i>Том I-ви/1887 г./</i>
1.Ангел войвода	-№ 10
2.Мануш войвода	№14
3. Индже войвода	№ 9
4.Страхил	№ 18
5. Стефан	-
6.Вълко	№ 2
7. Стоян	-
8.Робини	-
9.Цар Иван Шишман	-
10. Кара Мустафа	-
11.Кара Танас	-
12.Бяла Рада	-
13.Бена	-
14.Мома бошнакия	-
15.Булка върви из гора зелена	

Целта на предложените тук бележки, отправки и позовавания на един или друг факт, документиращ интереса на Любен Каравелов към родния фолклор, както и предприеманите от него практически варианти за утвърждаването на народните песни като част от българската духовност и култура, е пореден опит да се актуализира необходимостта от самостоятелно представяне на тази част от наследството му. Комплектуването на един негов сборник „Български народни песни“ – дано дойде това време! – наред с предлаганото от съхранения му ръкопис от 60-те години и публикувания том от проф. Лавров /Москва, 1905 г./, дава възможност в някаква степен да се обогати от намерилото място в изданието, осъществено от Зах. Стоянов, а и в „Нова песнопойка. Народни песни и стихотворения“ /В. Търново, 1878 г./. По обхвата и значимостта на съдържанието си той би могъл с основание да се нареди до онези издания, които дължим на Димитър и Константин Миладинови, Стефан Веркович, Васил Чолаков....

РАДЕВ, Иван (1943-2020), академик, Република България.

СКАНДАЛ С КАРАВЕЛОВАТА ПОВЕСТ „ДОНЧО“ - ПОТЪНАЛ В АНОНИМНОСТТА

По време на пребиваванията си през годините в Копривщица, обикновено отделях време и за библиотеката към тамошното читалище. Както трябваше да се очаква, не се оправдаваха надеждите ми да попадна на неизвестни ръкописи или оригинални документи от Възраждането – предвидливо и с основание вече заели мястото си в сбирките на тукашния музей. Но в замяна на това имах възможност да откривам за себе си недосягани от мен на наши и чужди издания, на вестници и списания от XIX и началото на XX в. Бях доволен, че някои от тях със свидетелствата си залегнаха в основата на отделни статии... Тук ще спомена екземпляр на книга с автор изгнаникът Александър Херцен, издадена в Лондон с дарствен надпис от него на копривщенеца Тодор Нейков, данни за заслужили личности като Хаджи Нейко, даскал Никола от Самоков и Георги Бенковски, некомментираният като факт от популярния през Възраждането „жанр“ на „песнопойките“, солиден том *„Ученическа песнопойка Любен Каравелов с 180 ученически и народни песни“/София-Копривщица, 1897 г., 268 с/*, екземпляр от анонимния иначе възрожденски превод на *„Капитанска дъщеря“ с твърдението, че негов преводач от руски е самия Каравелов...*

Сред „находките“ ми тогава намери мястото си и бе сканирано, за да го ползвам след време, скромно по обем издание с надслова: „ДЕЛАТА НА ДОНЧО ВАТАХА ПРЕЗ ВОЮВАНЕТО МУ С ТУРЦИТЕ. Превел Докторов, Сливен, 1896 г.“. Макар и скромна по обем /27 с./, книжката ме изненада с факта, че не съм я срещал библиографски, впечатли ме и със следното си съдържание:

- 1.Ето що разказва за Донча един от четата му;
- 2.Защо е станал Дончо хайдутин?;
- 3.Обесването на Детелина;
4. Повторна клетва;
5. Боят с Назив бей;
6. В Копривщица;
7. Боя с Мурад.

Копирах тогава „Делата на Дончо Ватаха...“, воден от прибързаното и повърхностно впечатление, че в случая вероятно става дума за спомени и свидетелства за реалната личност, послужила като прототип на Каравелов за изграждане на героя в едноименната повест. В момента ми стана малко „чоглаво“, че като университетски преподавател по възрожденска литература и вече автор на томчето „Каравеловото творчество“/1996 г./ въпросният „превод“ е убягнал от вниманието ми. Но напусайки Копривщица, както направеното копие, така и редица други записки, отидоха на заден план, а с тях и намерението евентуално да си изясня загадката около това издание, некомментирано от специалистите-възрожденисти, несрещано в био-библиографския справочник, посветен на автора на повестта „Дончо“...

Всъщност „Дончо“ е сред първите творби, които белетристът Любен Каравелов публикува в руския периодичен печат /сп. „Петербургские ведомости“, 1864 г./, а малко по-късно тя намира място и в сб. „Страницы из книги страдания болгарского племени“ /М., 1868 г./. Срещаме я в съдържанието и на второто издание на белетристичния му сборник, което авторът прави, отново осъществено в Русия през 1878 г. Междувременно с подглавието „Разказ от един български войвода“ - на български и преработена! – повестта „Дончо“ намира място в редактирания от Каравелов в Букурещ в-к „Свобода“ /бр. 9-18 от м. януари-март 1870 г./.

Тези са фактите около публичното присъствие на Каравеловата повест „Дончо“ преди Захари Стоянов през 80-те години да подготви и издаде в осем тома „Съчинения на Любен Каравелов“. Там, в том втори „Повести и разкази“/1887 г./ той включва и въпросната творба в нейния окончателен вид – вече ориентирана към широките кръгове читатели в условията на освободена България...

И на този фон - при доказаната популярност на Любен Каравелов, който заедно с Петко Славейков, са двамата „класици“, завещани от Възраждането в българската литература – появата през 1896 г. на същата тази негова творба без името му, а под формата и с претенциите на „превод“ от някой си „Докторов“?!... Какви по-фрапиращи основания за шумен скандал и дъмгосването на подобни опити и такова отношение към таланта на белетриста Любен Каравелов!...

Уви – като факт, литературното събитие потъва в анонимността – както тогава, така и досега... И ако днес – време, може би, също така не особено чувствително към ставащото в българската литература - истината по случая има възможност да добие публичност, това намира оправданието си, поне тя, като факт да бъде отразена в справочната литература, да се има предвид при евентуални бъдещи изледвания, посветени на повествованията в сб. „Страницы из книги страдания болгарского племени“...

Тъй като тук не е възможно, а и не е нужно, да се осъществи цялостна съпоставка на Каравеловия разказ „Дончо“ и представения като „превод“ текст „Делата на Дончо Ватаха...“, ще си послужи с няколко паралела на включеното в тях, за да се схване общото помежду им. Първият – това са застъпените персонажи: Детелин, войводата Дончо, хайдутите Петко /от името на когото се води разказът и в двата случая/ Кунчо, Добра... Показателен в това отношение е още въвеждащият пасаж и в двата текста:

**„Ех, какви ти са днешните хайдуци! Днешните хайдуци са нищо и никакво – боклук и повече нищо! Нима чистият и истинният хайдутин е убивал сиромасите, за да им вземе*

окъсаната дреха или да обере от тях и останалия в джоба им бешлик, който е добиен с кървав пот и с тежки мъки? Нима старите хайдуци закачяха някога жените, когато тия им се попаднеха насреца, както правят днешните хайдуци-кокошкари? У старите и чистите хайдуци това бива не така: аз съм и сами бил хайдутин и добре познавам хайдушките работи.

Аз бях на двацет и две години момък, когато се събрах с дружината на Донча войвода и станах хайдутин.../ из повестта „Дончо“ според авторския текст на Л. Каравелов/.

* „Ах! За какво са нужни сегашните хайдуци. Те право да се каже са вредни хора в човечеството. Дали хайдука в старо време мразеше новоизлезлия, както сега и диреше удобен случай да го погуби! Не! Това не приемаше хайдукът в старо времеꝑ той се сдругаряваше с новоизлезлия – и му помагаше във време на опасност, но и новоизлезлия го почиташе, като по-стар и по-опитен. Те не ставаха хайдуци по причина на бедност, или пък ленност, а ставаха – да отмъстят на своите сестрограбители или пък притеснителите.

Аз съм бил хайдушки знаменосец, затова зная делата и работите на хайдуците. Аз, когато станах хайдук, бях на 22 години и влязох в юнашката чета на Дончо Ватаха“.../“Делата на Дончо Ватаха...“, превод на Ив. Докторов/.

В този дух на видимо текстово припокриване и единични разминавания е издържан резултатът от съпоставката на двете повествования. В някои от случаите „връзката“ е доста обстоятелствено размита в поднасянето, но запазва свидетелската си роля:

* „ – Петко, ако ти се не спи и ако искаш да ми направиш добро, то те моля да останеш с мене и да вардиме заедно стража.... Дълго време ние ходихме назад и напред мълчешком, най-после аз не можах да се утърпя и попитах Донча...

- А що Дончо, отдавна ли си ти станал хайдутин?

..... – Чуй, Петко, какво ще ти разкажа и ако се случи да умра, ти да ме оправдаеш пред моето отечество България и пред моите братя българи. Това лято ми чукна на вратата 39-та година: осемнайсет години съм аз хайдутин, а десет години става как съм хайдушки войвода...“/из повестта „Дончо“ според авторския текст на Л. Каравелов/.

Ето я предадена същата ситуация в публикацията от 1896 г.:

* „Вечерта, когато си дойде Дончо, беше много угрижен. Той седна близо до огъня и си напълни лулата с тютан... И ми каза:

„Чувай, Петко, изпрати едного да извести на всичките утре да се съберат близо до Неновата воденица.... А ако не ти се спи, Петко, ела да станем тази нощ пазачи...

Аз като не знаях от кога хайдутува, попитах го: - Много време има ли, войвода, от както са занимаваш с този занаят, хайдутството? – Да! Каза той, като си оклати главата, но ако искаш да научиш историята на моя живот слушай, да ти разкажа, че подир смъртта ми възхвалявай на братята ми българе.

- Аз съм сега на 39 години и 18 години мина от тогава, от както почнах да се наричам хайдук и 10 години става от както съм хайдушки войвода“/според “превода“ на Ив. Докторов/.

Известно сходство характеризира и финала на повестта в изданията, които представят Л. Каравеловото наследство и в т.нар. „превод“, осъществен и публикуван през 1896 г. от името на Докторов:

* *„На Благовец нашата останала дружина и още мнозина наши копривцени – мъже и жени, деца и стари – преминаха през Стара планина, достигнаха Дунавът и преселиха се в Бесарабия, дека живеят и до днес. Аз не можах да живея в Бесарабия и някакво пъти се връщах в България и хайдутувах. Ако даде Господ, скоро ще пак да хайдутувам и ще да хайдутувам дорде умра, дорде България бъде свободна – аз не съм още отмъстил за Донча, за Добра и за България... Ала дай боже, здраве!“* /из повестта „Дончо“ според авторския текст на Л. Каравелов/.

* *„В това положение ний стоехме 2 недели. Раните ни бяха вече заздравели... Тогава мене избрах за войвода и ний тръгнахме: мъже, жени, старци и деца за Бесарабия, а аз от там отидох в Русия“* /според „превода“ на Ив. Докторов/.

Поради важността си за цялостното въздействие на разработения сюжет, във всяко от преизданията на Каравеловата повест определено място заема писмото-завет на воеводата Детелин до героя на повестта Дончо. Става дума за неговия вариант със следното начало:

* *„Войводата свали от главата своята рошава овча шапка, извади из нея някакво си писмо, подаде го мене и каза:*

-Прочети, Петко, това писмо и нека моите другари чуят какво е в него написано.

Ето какво бе написано в това писмо:

„Сине мой и брате мой Дончо! Утре аз ща не ща, а трябва да умра като юнак и българин; не ща аз да моля моите джелати да ме простят, защото аз не съм чифутин; не ща да плача, защото не съм бабичка... защото съм роден от юнашко коляно и юнак майка ме е родила. Не бери ти грижа за мене, аз зная как умираат хората и как трябва да умре Детелин войвода...“

В т.нар. „превод“ на повестта „Делата на Дончо Ватаха...“, осъществен от „Докторов“, ето как е предадена същата ситуация:

* *„Сутринта всички дойдоха около Донча... И като видя, че ний всички сме готови да го слушаеме, извади една хартия и я подаде на мене, като каза: „прочети, Петко, това писмо и всички да чуят, какво е в него написано. Аз поех хартиятката и почнах да чета:*

„Любезний ми брате, Дончо! Да си задължен пред Бога, ако не изпълниш волята ми. Подир смъртта ми ако те изберат за предводител, нека свети Георги да ти помогне за премахването на нашите врагове и да им дадеш да разберат, че българина е воинствен и решителен мъж. Но ако не изпълниш тия мои желания, моля се Богу да те постигне същото мое наказание, вѣже.

Стара планина

Детелин“.

Редно е евентуалните читатели на предлаганото тук изложение да бъдат озадачени от голямата разлика в съдържанието на така поднесеното епистолярно послание. Всъщност то може да послужи като разколебаващ истината аргумент, че в случая става дума за „превод“ и скандално игнориране на Каравеловото авторство от страна на „преводача“ Докторов. Именно тази успоредица превърна едно от подозренията ми, че може би има нещо, което е „спестено“ в така очертаващата се картина - и то е, което превръща т.нар. „превод“ в своеобразен „плагиат“. За вникването в случая се оказа необходимо съобразяване с битието на Л. Каравеловата творба „Дончо“ като част от излезлия на руски език сб. „Страници из книги

страдания българското племени“/1868, 1878/. С нито едно от двете не разполагам, но на помощ ми дойдоха „бележките“ към включената повед в събраните му съчинения /Вж. Съчинения в 9 тома, С., 1965, т. 1, с. 609/. От тях става ясно, че писмото, предназначено от Детелин войвода за Дончо в изданието през 1868/1878 г. сб. „Страницы...“ е със следното съдържание, което отговаря изцяло на цитирания му вариант в коментирания тук „превод“ на поведта:

„Сын мой Дончо!

Заклинаю тебя и заказываю, чтоб ты слушался моей воли, а моя воля такова: если ты по моей смерти будешь выбран в атаманы, то да поможет тебя Св. Илия избит многих из наших врагов, если же твоя рука подыметя и ты дерзнешь убит болгарина или ограбить его, то да накажет тебя бог и веселица да будет тебе последним утешением.

Стара планина

1839 година

Войвода Детелин“.

Този факт води до логичното заключение, без да стават ясни причините и обстоятелствата, че лицето, което стои зад „превода“, се заема за осъществяването му по една от Каравеловите публикации на поведта през 1864-та, 1868-ма или 1878-ма година на руски език. Без отговор остава обаче по-интересният въпрос – появата на този „превод“ като самостоятелно томче на „Делата на Дончо Ватаха...“ в далечната 1896 година. Възможно е текстът в този си вид да е битувал като „ръкопис“ и през времето, след като поведта „Дончо“ се е появила на български по страниците на в. „Свобода“/1870/, пък и чрез издадените от Зах. Стоянов „Съчинения на Любен Каравелов“/1887/... Загадката е какви мотиви са залегнали в основата на добилият намерението тази творба да се представи като „превод“, като самостоятелно, анонимно издание – кому е бил нужен нейният първи вариант, и то със зачеркването на нейния автор...

Вече изразих изненадата си, че при всепризнатия голям и постоянно поддържан интерес на специалистите филолози, историци и краеведи към всичко, свързано с личността и литературното наследство на Л. Каравелов, изданието „Делата на Дончо Ватаха през воюването му с турците“ от 1896 г., остава незабелязано, изобщо неотразено в няколкото посветени му справочници /Вж. „Любен Каравелов. Био-библиографски указател“, С., 1989, 509 с./ Впрочем, оказва се, че въпросната книга се знае от специалистите-библиографи, работещи в тази област. Но заради някои формални стандарти при подготовката на подобен тип издания, тя не се представя във вид, който да я идентифицира чрез нейното съдържание и ангажираност с Каравеловото наследство. Това ми твърдение отчита факта, залегнал в книгописа „Български книги“/С., 1978, т. II/ в раздела за издания, които са без посочено авторство. В него под № 11207 четем:

„Делата на Дончо Ватаха през воюването му против турците“ /превод Иван Докторов/, Сливен, печ. Д. П. Костов, 1896, 27 с.“.

Без да е в пряка връзка със занимаващото ни издание и да променя оценката за него като скандална и трудно обяснима от професионална и морална гледна точка, ще отбележа, че в случая зад името „Докторов“ не стои „фантом“ или псевдоним. В това ни убеждават осъществените две документирани издания, които излизат по същото време с пълното му, граждански утвърдено име: **Иван С. Докторов**. Пък и наистина става дума за открояваща се личност, със свое място и в общественно-политическия живот в края на Възраждането, както и през следващите години... Ето принадлежащите му две книги, отразени в по-горе цитирания библиографски корпус „Български книги“/С., 1978, т. 2, с. 288/:

„12829. Докторов, Иван. „Законопроект за награждаване с пенсия на поборниците и опълченците, които са действали и борили за освобождението на България от петстотин годишното ѝ робство под турците/Съставител/, Ловеч, печ. „Труд“ 1906 г., 17 с.“.

„12830. „Записки по движенията на първоначалните доброволчески чети в Сръбско-турската война и подробно описание на неизвестната до сега чета от 51 човека, която се движела с цел да търси четата на Хр. Ботева и се присъедини към нея през 1876 г.“/С. и Пловдив, печ. Единство, 1891 г., 142 с.“

Колкото до усилията ми да издира повече данни за отбелязаната като преводач на изданието „Делата на Дончо Ватаха...“ с фамилията „Докторов“личност, както и на тези две книги, свидетелствата за нея като участник в обществения и литературния живот, се оказаха пределно оскъдни. С известна сигурност трябва да приемем, че става дума за Иван С. Докторов, родом от гр. Ловеч. Занимаващите се историци със състава на Ботевата чета през 1876 г. наистина го включват сред оживелите нейни участници. Сочен е и като един от „сподвижниците“ на Васил Левски в Ловешкия край, където и завършва живота си. За това говори следната вест:

*„В двора на храма „Успение Богородично“ са погребани сподвижници и съратници на Васил Левски – Марин п. Луканов, Величка Хашинова, **Иван Докторов**“...*

Предполагам, че в немалкото краеведчески изследвания, посветени на Ловеч и Ловешкия край, могат да се намерят конкретни данни за участието на Иван С. Докторов в революционната комитетска мрежа през 70-те години, за неговото присъствие в обществения живот през първите десетилетия на освободена България. Целта на тук предлаганите страници е скромна – да се извади от анонимността и авторизира книгата „Делата на Дончо Ватаха през воюването му против турците“ 1896 г. - по неизвестни причини битувала досега като „превод“ от съчинение с анонимен автор - а в същността си възпроизвела повестта „Дончо“ на Любен Каравелов.

САРАСКИНА Людмила, доктор филологических наук. Член Международного общества Ф. М. Достоевского, член правления Российского общества Ф. М. Достоевского. Член редакционного совета альманаха «Достоевский и мировая культура», член редколлегии ежегодника «Достоевский и современность». Член Союза российских писателей и Союза писателей Москвы (с 1992). Член жюри Литературной премии Александра Солженицына (с 1997). Главный научный сотрудник Государственного института искусствознания (ГИИ), Москва, Российская федерация – l.saraskina@gmail.com

МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ ДОСТОЕВСКОГО: ВЕЧНОЕ И ЗЛОБОДНЕВНОЕ

Я не раз задавала себе вопрос: что есть мир без Достоевского, до Достоевского?

Без Достоевского читающий мир жил столетиями, не подозревая, что лишен чего-то большого, огромного, самого важного. Но обретя Достоевского, он ощутил размер приобретения. В творчестве Пушкина, Лермонтова, Гоголя содержится огромный потенциал Достоевского – исследователи научились видеть этот потенциал. С Достоевским люди смогли увидеть себя сложными и не бояться этого. С ним стало не так страшно жить, потому что он научил, как выжить, когда совсем плохо и безнадежно. Он свято верил в будущую Россию честных людей, которым нужна лишь одна правда. Он завещал на века: хочешь переделать мир – начни с себя. В его романах действуют персонажи самых разных, часто противоположных убеждений. Им всем писатель предлагал не вражду, а дискуссию – о вере и истине, приобщая к опыту рефлексии, духовного творчества. Всех без исключения он приглашал к разговору, не грозя санкциями и анафемами. Человек, которого всю жизнь Бог мучил, проявлял высшую философскую любознательность и колоссальный интерес к земной истории. Все непреложные, незыблемые истины Достоевский ввел в сферу вопрошания, дав участникам большого диалога равные права. Достоевский вывел своих читателей, если они того сами хотели, из духовной темницы на вольный воздух, на свободу.

«Достоевский принадлежит к самым счастливым открытиям моей жизни». Это написал Фридрих Ницше в своей книге «Сумерки идолов, или как философствуют молотом». Фразу, которой сегодня 133 года, могли бы сказать многие из нас. Достоевский не просто занял культурную нишу России. Он стал еще и экологической нишей – жизненным пристанищем для тех, кто в детстве и юности испытал кислородное голодание, кто не знал, куда ему деться, куда плыть и к какому берегу причалить. Достоевский стал для многих из нас духовной родиной Родины, родной почвой. Потерять ее страшно.

Еще один насущный вопрос: кто он, человек Достоевского? Понятно, что человек Достоевского – это ни в коем случае не герой Достоевского.

Его героями были такие противоположности как Раскольников и Лужин, Ставрогин и фон Лембке. Можно привести примеры еще более диковинных пар. Каждый персонаж в этих парах – плод творчества Достоевского, но это люди разных групп крови, диаметрально разные. По какому критерию определять свое кровное родство с людьми Достоевского – по степени их несчастья, трагичности, по мере страданий или inferнальности? По одержимости большими и

чаще всего гибельными страстями? Но человек обычно хочет жить долго и быть, по возможности, благополучным, успешным, счастливым. Дурной вкус стремиться к несчастью и гибели, чтобы походить на героев Достоевского.

Но если все же пытаться найти какой-то маркер «достоевскости», то это, конечно, способность быть горячим, а не теплохладным, не скользить по верхам, а идти вглубь. Это тяга к глобальным вопросам, это стремление во что бы то ни стало «мысль разрешить», которая мучит лично, сердечно, а не в порядке выполнения научной работы по гранту. Но кто сегодня захочет взять на себя бремя Кириллова или Шатова?

Иной женщине льстит, когда ее нет-нет да и назовут Настасьей Филипповной. В каждой женщине есть от этой героини одна-две молекулы такого характера. Но Настасья Филипповна – это сгусток качеств, несовместимых с жизнью. А кто из женщин хочет, чтобы ее зарезали?

«Одна Даша ангел», – говорит о Дарье Шатовой Марья Лебядкина. Но это ангел несчастный, жертвенный, с опаленными крыльями.

Кто остается? Остается сам Достоевский, который показал пример поразительной живучести, колоссальной энергии преодоления. Он птица Феникс нашей литературы. «Трудно было быть более в гибели, но работа меня вынесла». Вот девиз его на все времена. Человек Достоевского это понимает и этому следует.

Романы Достоевского – это территория, где можно осмысленно жить, свободно дышать и чувствовать себя человеком, способным противостоять идеологическому насилию и культурному диктату. Пяти его главным романам присуще поразительное свойство: на крутых виражах истории «вечные» творения оказываются жгуче злободневными – и новая реальность будто иллюстрирует страницы его романов. Казалось, только что российское общество, пройдя через все фазы социальной утопии, выкарабкалось из трагической ситуации «Бесов». И вот нас вновь, будто взрывной волной, отбросило назад, в стихию «Преступления и наказания».

Россия и во времена Достоевского переживала либеральные реформы: тотальная жажда наживы рождала *новых богатых и новых бедных* — Лужинных и Свидригайловых, Мармеладовых и Раскольниковых. Честный читатель должен сказать себе: бедственная судьба Мармеладовых сыграла решающую роль в созревании преступного замысла Раскольникова; горестный удел девяти десятых человечества, растоптанных и обездоленных, раскалял воображение бунтаря-одиночки. Но с того момента, когда человек разрешит себе «кровь по совести», и начинается дьяволов водевиль бунта. Значит, опять нашему обществу, огромная часть которого живет бедно и трудно, предстоит испытать коллизии романа «Бесы» — с новыми политическими маньяками и новыми технологиями их воспроизводства...

Раскольников честен, когда признается Соне, что если бы убил чиновницу и ее сестру из-за мучительного голода, то был бы счастлив.

Путь петербургского студента – это путь революционного насилия и террора, который отчетливо предвидел Достоевский. От этого альтернативного пути большинство критиков отшатывается, не желая видеть пылающую красную стрелку, которая ведет от топора Раскольникова к топору всех русских революций. Потому слишком сильно порицать Раскольникова за двойное убийство у нас было как-то не принято – ибо это значило метить в саму революцию и в революционеров, которых спустя несколько лет после «Преступления и наказания» под именем «бесов» покажет Достоевский в одноименном романе. Потому удобнее видеть в Раскольникове одиночную, исключительную фигуру, которая никак не может быть связана ни с русской революцией, ни с русскими революционерами, ни с массовым террором. Видеть в нем предтечу революционных бесов, опознавая их прародителя, – считается занятием ошибочным и предосудительным. Собственно, именно так и отнеслась к роману современная ему демократическая критика, увидевшая в Раскольникове вовсе не тип, а одиночное,

исключительное или вовсе даже не существующее явление, а в его преступлении – банальное убийство с грабежом, частный случай.

Что же до советского кинематографа – как мог он обличать в Раскольникове потенциального революционера, а его идею крови по совести – как идею революционную, когда в течение десятилетий, с 1918 по 1996 годы, страна праздновала день 7 ноября как главный государственный праздник и слагала гимны героям революции, многие из которых как раз и были убийцами по убеждению.

Что такое судьба Раскольникова после семи лет каторги? Кинематограф – а он тоже пристальный читатель Достоевского, читатель современный – не берет на себя решение вопроса об этом, оставляя раскаяние и обновление героя-убийцы на усмотрение зрителя. И это станет главной проблемой мирового кино последующих лет. У меня была лекция в Пекинском университете в 2015 году, где мы со студентами как раз беседовали о романе «Преступление и наказание». На мой вопрос: «Что, как вы думаете, будет с Раскольниковым после восьми лет каторги, которые он проведет в остроге»? Ответ меня поразил. Отвечала студентка – как само собой разумеющееся: «Пойдет снова убивать. Это заразная болезнь. Каторга убийц не исправляет».

Практически ни в одной из 14 звуковых картин или совсем эпилога, или нет его судьбоносных слов: «Начинается новая история, история постепенного обновления, перерождения человека...» Дмитрий Светозаров, режиссер экранизации 2007 года, прямо сказал, что романному эпилогу не верит: дескать, он написан другим слогом, впопыхах.

Почему кинематограф – искусство XX и XXI века – не хочет верить последним страницам романа, где Достоевский побуждает героя-убийцу осознать глубокую ложь своих убеждений, сочиняет для него сон о неслыханно страшной моровой язве, охватившей человечество, и как будто толкает его на путь раскаяния, – это вопрос вопросов. Замысел романа, где Раскольников будет «*принужден* сам на себя донести... чтобы хотя погибнуть в каторге, но примкнуть опять к людям», был целиком выполнен в романе, но формальное признание в преступлении вовсе не есть истинное раскаяние и горькое сожаление о содеянном. Чистосердечное признание (а у Раскольникова оно случилось «из-под палки») не равно чистосердечному раскаянию.

XX век явил такие опыты нераскаянных массовых убийств, совершенных революционерами, террористами, борцами за самое разное «правое дело», что теоретическая и практическая способность убийц раскаяться приобрела неслыханную и небывалую проблематичность. Революционеры не каются, не ведают сожалений о содеянном, не знают жалости к своим жертвам, которые в их борьбе – щепки, мусор, двуногие твари. Кино как искусство XX века, быть может, первым зорко разглядело, что представляют собой убийцы по убеждению, и первым поняло, что они не ведают покаяния, ибо причисляют себя к разряду супергероев.

Стоит вспомнить в этой связи реалии спектакля Театра на Таганке в постановке Ю.П. Любимова (1979). Театральный критик писал по свежим впечатлениям: «Спектакль строится как обвинительное заключение не столько по делу убийцы Раскольникова, сколько по существу его “проклятой мечты”... Маниакальная идея – предана публичному суду. Факт преступления указан и объявлен с самого начала, затем одно за другим отметаются все якобы смягчающие вину обстоятельства. Сострадание к Раскольникову в пределы спектакля проникнуть не может, даже тени симпатии к нему тут не возникает, а “пробудившаяся совесть” убийцы поставлена под вопрос и объявлена недостойной внимания. Режиссер сосредоточен на другом: на том, как самоутверждается и мечется в поисках аргументов идеология, согласно которой убийство – необходимо, преступление – разрешено. Сорвать все словесные покровы, такую идеологию драпирующие, высмеять любые ссылки на “русскую романтическую натуру”, будто бы

заслуживающую – и после крови, и после убийства! – снисхождения или уважения, – вот нескрываемая цель Любимова, цель, к которой он идет напролом».

В фойе театра была вынесена школьная парта, на которой грудой лежали подлинники школьные сочинения, собранные в московских школах. Ученики, авторы сочинений, восхищались Раскольниковым как романтическим героем. Для целей спектакля этот прискорбный факт был использован исчерпывающе. Когда в финале Родя (Александр Трофимов) зажигал свечи в руках убитых им женщин – их муляжные манекены пребывали тут же на сцене все время спектакля – появлялся Свидригайлов (Владимир Высоцкий) и свечи задувал, давая понять, что прощения не будет. Затем он выходил в центр сцены и громко восклицал: «Молодец Раскольников, что старуху бил. Жаль, что попался». И через паузу объяснял: «Из школьного сочинения».

Любимов избежал в своем спектакле и оправдания Раскольникова и снисхождения к нему. Он увидел его не сверхчеловеком, а недочеловеком. Театр на Таганке «не обещал ему искупления вины, не придавал значения проблескам пробудившейся совести, не предвидел раскаяния».

Подавляющее большинство экранизаций «Преступления и наказания», снятых за столетие в форматах «буквально», «по мотивам», «по ассоциации», «с отсылкой», режиссерами России, Европы, Азии, Израиля и обеих Америк, при всех художественных различиях, сошлись в одном: судьба Раскольникова до сих пор «болит» кинематографу, и вылечиться от этой болезни в обозримое время вряд ли удастся. Слишком вписался герой в истекшее столетие, слишком точно рифмуется он с трагической судьбой века.

Оказалось, что войти в историю, если ты громкий убийца (чем больше скандальных подробностей убийства, тем вернее), куда проще и надежнее, чем если ты благонамеренный гражданин: в историю входят и остаются в ней надолго Раскольниковы, а не Разумихины. Читатели и зрители задумываются о том, что и как случится с парой Родион Раскольников – Соня Мармеладова, но им, как правило, нет дела до пары Дмитрий Разумихин – Дуня Раскольникова. К этой паре относятся как к случаю заурядному, обыкновенному, почти что посредственному. За 150 лет бытования «Преступления и наказания» Родя претерпел чудную трансформацию: в момент убийства и сразу после него он был «тварью дрожащей», но спустя время стал героем, который «право имеет». Яркое зло история помнит лучше и дольше, чем обыденное добро.

Героизация Раскольникова и ему подобных деятелей пошла полным ходом фактически сразу после появления романа, даже уже на фоне романа. «Русский вестник» еще не закончил печатать роман, как в апреле 1866 года Дмитрий Каракозов, отчисленный из Московского университета за неуплату, как и Раскольников, стрелял в императора Александра II. Бывший студент стал адептом индивидуального террора и считал, что убийство царя может послужить толчком для пробуждения народа к социальной [революции](#). Каракозов, так сказать, «однокашник» Раскольникова, признав убийство (вслед за идеологом террора П. Зайчневским) нормальным средством достижения социальных и политических изменений, и открыл эпоху терроризма в России. Накануне покушения Каракозов, как это принято у убийц по убеждению, распространял прокламации «Друзьям-рабочим!».

В конце 1870-х по России прокатилась кровавая волна террора: все тогдашние убийства – губернаторов, чиновников, офицеров, жандармов – осуществлялись «по совести», согласно убеждениям. В истории остались имена убийц, которых страна провозгласила героями; особенных почестей заслужили цареубийцы – и те, кто только покушался, и те, кто добился «результата». Провидческий гений Достоевского предсказал появление людей, из которых «всякий думал, что в нем в одном и заключается истина». Кажется, что сон о трихинах, которые поразили человечество, приснился не Раскольникову, а Достоевскому. Россия по инерции продолжает славить и вымышленных романтиков Раскольниковых, и реальных героев террора

Каракозовых, Каляевых, Желябовых, Кибальчичей. Никаких сведений об их раскаянии, сожалении, чувстве вины история не сохранила – они стояли перед судом и/или шли на казнь с гордо поднятой головой, имели (и имеют) массу сторонников и последователей.

Стать убийцей и террористом оказалось наиболее быстрым и громким способом добиться славы и войти в историю.

Ни либералы, ни консерваторы конца XIX века не могли понять, почему после героев, инфицированных микробом смуты, Достоевский вывел на сцену молодого героя, зараженного «ротшильдовской идеей». Нашему современнику, однако, признание Аркадия Долгорукого из романа «Подросток» («Моя идея – это стать Ротшильдом, стать так же богатым, как Ротшильд») вряд ли покажется фантастическим или безумным.

Современникам Аркадия, молодежи 1870-х годов, его ротшильдовские завихрения и планы казались пустым и диким вздором. Советскому времени желание молодого человека (допустим, студента или заводского рабочего, маляра или санитара) стать Ротшильдом представлялось попросту вредным, во всяком случае, не советским и не социалистическим, в целом – буржуазным и мещанским. Незадачливый бухгалтер Александр Иванович Корейко тоже сильно хотел разбогатеть и таки стал подпольным миллионером, не смея, однако, потратить из своего миллиона ни одного лишнего рубля на еду и развлечения. Свою «тарелочку с голубой каемочкой» получил в конце концов и Остап Бендер, выманив и отняв у подпольного Корейки его миллион, но вожденная тарелочка тут же треснула, как и голубая мечта Остапа.

Встает неизбежный вопрос: Аркадий Долгорукий – *какого* времени он герой? Кто сможет признать его *своим*? Когда и где он станет *героем своего, нашего времени*? Он страдал, что родился в *случайном семействе*. Но сейчас в России, после всех войн и революций, перестроек и ускорений, все семейства *случайные*.

Разочаровавшись в ротшильдовской идее и отвергнув ее, к чему и к кому сможет прислониться Аркадий, став взрослым? И осуществи он свою мечту о сверхбогатстве, разве бы в сегодняшней России, с ее растущим год от года числом «ротшильдов», кто-нибудь осудил бы его или хотя бы посмотрел косо? Напротив, не было бы отбоя от поклонников, сторонников, соратников, сотрудников, стипендиатов, грантополучателей, лауреатов премий, групп поддержки, свиты, прихлебателей и т. п. Пресса с уважением писала бы про социальную ответственность капитала, ожидая от нового русского Ротшильда адресного золотого дождя.

Телевизионная игра «Как стать миллионером», или «Кто хочет стать миллионером?», присутствует на центральных каналах уже с десятков лет. В ней заняты популярные ведущие, конкурирующие за право проводить престижный эфир; приходят «играть» и зарабатывать вожденный миллион известные медийные персоны. Психологи мира соревнуются в создании универсальных пошаговых инструкций в помощь желающим выиграть много и быстро, и желаний таких давно никто не стесняется, выигрышами гордятся, на проигрыши досадуют и упорно ищут «подходы» к ведущим телеигры.

Неужели Достоевский предвидел и такой поворот в пристрастиях своего молодого героя? В публичных развлечениях страны?

XXI век взглянул на юношеские мечты Аркадия стать русским Ротшильдом хмуро, без иронии и без скепсиса: как оказалось, в России могут осуществляться самые невозможные мечты...

Наверное, «неразвитый мальчик» действительно был задуман автором как герой *на вырост*.

Роман «Подросток», можно в этом не сомневаться, еще преподнесет своим читателям многие сюрпризы, из разряда неожиданных и невероятных. Именно миллион фигурирует сегодня как единица измерения общественного идеала; «новый богатый» усилиями пропаганды рисуется как герой времени; чем больше за ним криминала, тем больше он герой; от него, магната

и «финансового гения» (в сравнении с которым ученый, художник, военный всего лишь единица электората), ждут спасения России в виде золотого дождя.

Идея миллиона как символа новой веры, отвергнутая Достоевским, сорвалась с цепи и выскочила на улицу; и теперь уже не только персонажи романа «Подросток», а всё российское общество узнаёт, чего стоят национальные традиции и культурные ценности – ввиду соблазна больших и внезапных денег. Как правило, грязных денег. Впрочем, разгул страстей вокруг денежных мешков хорошо знаком читателю Достоевского и по роману «Идиот». Мы живем в уникальное время, когда в России «работают» не *один*, а *все* романы Достоевского.

Сто пятьдесят лет назад он писал: «Я – дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки...» Подобное признание мог бы сделать сейчас едва ли не каждый русский. Мы все – дети неверия и сомнения куда в большей степени, чем писатель Достоевский, чьи слова: «каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить» рисуют историю России последнего столетия. За роковые заблуждения молодости Достоевский был наказан каторгой и ссылкой. А всего через одно поколение вся Россия была захвачена в духовный плен тотального атеизма; только теперь каторга и ссылка должны были лечить не от атеизма, а от веры и жажды верить.

Какая страшная и какая глубинная связь между судьбой страны и судьбой ее национального писателя!

В 1921 году, в столетний юбилей Достоевского, журнал «Печать и революция» опубликовал статью, где утверждалось: *всё сбылось по Достоевскому*. «Он, – писал автор статьи, Валериан Переверзев, – все еще современный писатель; современность еще не изжила тех проблем, которые решаются в творчестве этого писателя. Говорить о Достоевском для нас все еще значит говорить о самых больных и глубоких вопросах нашей текущей жизни».

Прошло еще сто лет, и мы можем видеть, сколь многое попадает в перечень «всё».

Жизнь будто бы начиталась Достоевского, само время ставит эксперимент, проверяя на живучесть и злободневность каждый роман русского писателя.

Прочитано на Международной научно-практической конференции „Всемирная отзывчивость“ Ф.М. Достоевского, приуроченной к 200-летию юбилею писателя – 8 ноября 2021 г. в Университете имени Гр. Цамблака, Республика Молдова.

СТРОКАНОВ Александр,
профессор истории, Директор Института русского языка,
истории и культуры при Линдонском государственном
колледже (Линдонвилль, Вермонт, США) –
alexandre.strokanov@lyndonstate.edu

РОМАН Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» И ТЕОРИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ

В статье предпринята попытка интерпретации романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» с позиций политологии: автор устанавливает параллель между идеей исключительности Раскольникова и современной внешней политикой США, основанной на концепции Американской исключительности. Новое прочтение классического романа позволяет глубже понять актуальность заложенных в него идей и соотнести эти идеи с сознанием современной американской политической элиты.
Ключевые слова: роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», теория американской исключительности, концепция «смены режимов», интерпретация художественного текста, современная внешняя политики США.

В текущем 2021 году мы отмечаем 155-летний юбилей романа Федора Михайловича Достоевского «Преступление и наказание». Роман исследуют не только литературоведы и культурологи: его ценят и используют в своих работах психологи и социологи, политологи и историки. Перечитывая в очередной раз «Преступление и наказание», я пришел к неожиданному для себя самому выводу. Ф. М. Достоевский натолкнул меня на некоторые размышления по поводу... – и это может показаться весьма неожиданным – американской и в целом западной внешней политики.

Конечно, любая параллель, сопоставление современных событий с прошлым имеют определённые пределы. Никакая политология, разумеется, не может раскрыть художественной глубины классической литературы. Вместе с тем, классическая литература называется *классической* потому, что она бессмертна, потому, что произведение «живёт в веках» и каждое новое поколение читателей и критиков открывает в нём новое актуальное содержание. Настоящая литература раскрывает имплицитные, потаённые стороны природы человека и причины его поступков, многие из которых находятся вне временных рамок и конкретных условий обыденной жизни. Роман «Преступление и наказание» является именно таким, подлинно *классическим* произведением и позволяет увидеть в новом свете события, происходящие сегодня в мире, интерпретировать их не только как поступки конкретной частной личности, но и,

как я постараюсь показать, проявление сознания политической элиты отдельного государства или даже группы государств.

Давайте обратимся к словам, услышанным Раскольниковым в трактире:

«...С одной стороны, глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому не нужная и, напротив, всем вредная, ..., и которая завтра же сама собой умрет...

С другой стороны, молодые, свежие силы, пропадающие даром без поддержки, и это тысячами, и это всюду! Сто, тысячу добрых дел и начинаний, которые можно устроить.... Убей ее ..., с тем чтобы... посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу: как ты думаешь, не загладится ли одно, крошечное преступленье тысячами добрых дел? За одну жизнь — тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен — да ведь тут арифметика! Да и что значит на общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не более как жизнь виши, таракана, да и того не стоит, потому что старушонка вредна»⁸⁰.

Как мы знаем, эти слова выражают мысли главного героя Родиона Раскольникова — того, кто в итоге и убивает старуху-процентщицу. Но вдумайтесь в эти слова и сравните их с высказываниями многих современных политических лидеров Запада, в частности американских, которые призывали, а некоторые и продолжают призывать к «смене режимов», войнам за освобождение от диктаторов и коррумпированной верхушки, распространению «западной модели демократии» по всему миру. Не являются ли призывы и действия политической элиты США, направленные на уничтожение Садама Хусейна, Муамара Каддафи, отрешение от власти Виктора Януковича и попытки свержения Башара Асада чем-то подобным убийству «глупой, бессмысленной, ничтожной, злой, больной старушонки»?

Давайте вспомним типичное для американской политической элиты объяснение необходимости и «законности» смены политических режимов в других странах. Эти режимы, подлежащие смене по воле и решению, принятому в США, обычно объявляются коррумпированными, установленными тиранами или просто «плохими парнями». Как следствие, они подлежат свержению, и их исчезновение послужит освобождению их наций от произвола, принесет столь ожидаемую народами демократию, всеобщее счастье и процветание. При этом американская элита часто использует и откровенную ложь, как это было с утверждением о якобы имеющемся в распоряжении Садама Хусейна оружием массового поражения. Столь пекущаяся о законности внутри страны, американская элита готова при этом закрывать глаза на беззаконие, творимое при и после свержения неугодных режимов.

Но в романе есть и еще один очень интересный аспект. Как мы знаем, Раскольников убивает не только старуху-процентщицу, но и ее сводную сестру, беременную Лизавету, описанную Достоевским как абсолютно невинную жертву преступления. Мой вопрос: сколько же таких Лизавет погибло под ударами американской армии и других стран НАТО в Афганистане, Ираке и Ливии? Сколько же неродившихся детей были лишены

⁸⁰ Достоевский Ф.М. Преступление и Наказание [Электронный ресурс] // Название сайта: Классика ру. URL: <http://www.klassika.ru/read.html?proza/dostoevskij/prestup.txt&page=13> (дата обращения: 12.05.2016).

жизни и своего шанса в этом мире в результате такого «освобождения»? Эти современные Лизаветы получили в XXI веке новое имя - “collateral damage” или «сопутствующий ущерб». Тысячи мужчин и женщин, стариков и детей, в том числе и еще не родившихся, погибшие под бомбами и снарядами «освободителей» и «благотворителей, несущих народам демократию и процветание», смотрят на них сегодня так же, как Лизавета смотрела на Раскольникова, заносающего свой топор над ее головой.

Конечно, Достоевский специально включает Лизавету в повествование о Раскольникове и его преступлении, чтобы усилить страдания героя романа от содеянного им преступления. Трагизм же нашего времени заключается в том, что те кто вовлечены в «смены режимов», в большинстве своем совсем не озабочены судьбами тысяч современных «лизавет». Их число никому не известно, и они сбрасываются со счетов просто как «сопутствующий ущерб», неизбежный при проведении этих «благородных миссий» по смене режимов. Почему же граждане на Западе, столь часто и справедливо пекущиеся о нарушении прав человека в своих странах, не обращают никакого внимания на страдания и гибель людей из числа «сопутствующего ущерба»? Может быть, подобное качество всегда было свойственно западному обывателю?

Давайте посмотрим на итоги «смен режимов» и устранения «старух-процентщиц» от власти в Ираке, Ливии и Украине. Принесли ли все эти убийства и насильственное отстранение от власти лидеров в XXI веке счастье и процветание народам, так разрекламированные западными идеологами перед вторжением в Афганистан, Ирак и Ливию, или в связи со сменой режима на Украине? К величайшему сожалению, все обстоит как раз наоборот: мы видим коллапс тех самых «освобожденных от диктаторов» государств и нарастание в них влияния ещё более радикальных сил.

Одной из мыслей, которую Достоевский пытался донести до читателя, является та, что преступление – это всегда *преступление*, и оно не может служить путём к новой и лучшей жизни. Слова: *«За одну жизнь — тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения»* – выражают явно несостоятельную идею. На самом деле смерть старухи-процентщицы влечет за собой смерть невинной Лизаветы и ее еще неродившегося ребенка, но это не делает счастливым ни Раскольникова, ни кого-либо другого. Многие ли представители американской политической элиты отдают себе отчет в том, что страна наступает сегодня на те же грабли, что и Раскольников? Все «смены режимов», проводимые за последние два десятка лет, на самом деле являются просто преступлениями. Преступлениями, которые не несут освобождение, демократию и процветание гражданам тех стран, в которых они были совершены; не несут они процветания и самим американцам. Политическая слепота и глухота не могут продолжаться бесконечно, но чем дольше политическая элита страны будет отрицать провал идеологии американской исключительности, тем серьёзнее в дальнейшем будет расплата за это отрицание, тем все более непредсказуемой станет и сама Америка.

Возникает закономерный вопрос: почему это происходит? Как ни странно, ответ на этот вопрос мы опять-таки можем найти в романе Достоевского «Преступление и Наказание». Давайте обратимся к тексту романа:

«...Люди, по закону природы, разделяются вообще на два разряда: ...первый разряд, то есть материал, говоря вообще, люди по натуре своей консервативные,

чинные, живут в послушании и любят быть послушными... Второй разряд, все преступают закон, разрушители или склонны к тому, судя по способностям. Преступления этих людей, разумеется, относительно и многообразны; большею частью они требуют ... разрушения настоящего во имя лучшего. Но если ему надо, для своей идеи, перешагнуть хотя бы и через труп, через кровь, то он внутри себя, по совести, может, по-моему, дать себе разрешение перешагнуть через кровь, — смотря, впрочем, по идее и по размерам ее...»⁸¹.

Это были слова Достоевского. А теперь обратимся к другому источнику.

23 сентября 2013 года, Президент Обама с трибуны ООН заявит следующее:

«Некоторые могут не согласиться, но я считаю, что Америка является исключительной... Отчасти потому, что мы показали готовность, даже жертвуя кровью и богатством, постоять не только ради наших собственных интересов, а ради интересов всех»

А вот его же слова, произнесенные в речи на церемонии выпуска в военной академии Вест Пойнт 28 мая 2014 года:

«Вот моя основополагающая позиция: Америка всегда должна быть ведущей на мировой арене. Если этого не сделаем мы, этого не сделает никто. ...Я верю в американскую исключительность всеми фибрами моего существа».

150 лет назад великий русский писатель Федор Михайлович Достоевский предупреждал о пагубности разделения человечества на категории, различающиеся тем, что одни – «твари дрожащие» – должны следовать за другими – теми, кто «право имеет», «двигает мир и ведет его к цели».

Президент США Барак Обама, юрист по образованию, любит рассуждать о «законности» и «законе». Герой романа Достоевского Раскольников тоже изучает юриспруденцию. Цинизм слов Обамы о законности и следовании международным правовым нормам просто зашкаливает. Но это и не удивительно, поскольку он твердо убежден в «американской исключительности».

Как убеждена в этом и его соратница по партии Хилари Клинтон *«Соединенные Штаты это исключительная нация.»* заявляла она на конференции Американского Легиона в Цинцинати в 2016 году. *« И это не только потому что мы имеем самую великую армию, или что наша экономика самая крупная в мире, но это и сила наших ценностей... Когда мы говорим, что Америка исключительна это означает что мы признаем Американскую уникальную и беспрецедентную способность быть силой для мира и прогресса, поборником свободы и возможностей»*

“The United States is an exceptional nation,” she said on Wednesday at the American Legion’s national convention in Cincinnati. “It’s not just that we have the greatest military, or that our economy is larger than any on Earth, it’s also the strength of our values.” Clinton added: “Our power comes with a responsibility to lead.” “When we say America is exceptional,” she

⁸¹ Достоевский Ф.М. Преступление и Наказание [Электронный ресурс] // Название сайта: Классика ру. URL: <http://www.klassika.ru/read.html?proza/dostoevskij/prestup.txt&page=13> (дата обращения: 12.05.2016).

said “ it means that we recognize America’s unique and unparalleled ability to be a force for peace and progress, a champion for freedom and opportunity.”⁸²

Но эта идея разделяется и многими республиканцами. В 2012 году Платформа Республиканской партии подчеркивала свою приверженность «Американской исключительности» подтверждая, что «наша страна имеет уникальное место и роль в человеческой истории». The 2012 Republican Party platform outlined a commitment to “American exceptionalism,” defining it as “the conviction that our country holds a unique place and role in human history.”

Это опасная идея и её последствия прекрасно описаны Федором Достоевским.

Вечный вопрос: что делать? Задаёт его и Достоевский. Обратимся опять к роману.

*«Что делать! — воскликнула она, вдруг вскочив с места, и глаза её, доселе полные слез, вдруг засверкали. — Встань! ... Поди сейчас, сию же минуту, стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслух: «Я убил!» Тогда Бог опять тебе жизни пошлет»*⁸³.

Как мы знаем из романа, Раскольников сделал то, о чём просила его Соня. Он признался в содеянном преступлении и принял заслуженное наказание. Достоевский заканчивает роман надеждой на то, что Раскольников вместе с Соней обретут силу через веру в Бога и вместе выйдут на правильный путь. Сможет ли американская нация, однажды уверовавшая в благословление Бога, найти свой правильный путь в будущее? Америка ушла из Афганистана, вероятнее всего уйдет и из Ирака и Сирии, но сможет ли она понять всю опасность следования мыслям Раскольникова, изложенным в великом романе Федора Достоевского «Преступление и наказание»? Время покажет!

⁸² <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2016/08/hillary-clinton-american-exceptionalism-donald-trump/498212/>

⁸³ **Достоевский Ф.М.** Преступление и Наказание [Электронный ресурс] // Название сайта: Классика ру. URL: <http://www.klassika.ru/read.html?proza/dostoevskij/prestup.txt&page=13> (дата обращения: 12.05.2016).

СЫРФ Виталий, доктор филологических наук, Институт культурного наследия, Кишинев, Республика Молдова – vsirf.64@gmail.com

ОТРАЖЕНИЕ ЭПИЗОДОВ КОЛОНИЗАЦИИ БУДЖАКА В УСТНОМ НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ ГАГАУЗОВ

Проблема появления гагаузов как этнической общности на исторической арене и исследование их дальнейшей эволюции в самостоятельный этнос сопряжены с отсутствием или с незначительным числом каких-либо документальных (письменных) свидетельств. Одним из вспомогательных источников для изучения указанных вопросов служило и продолжает служить устное народное творчество, особенно те его жанры или виды, в которых различные исторические объекты, события, личности находят свое отражение – исторические песни, этиологические, исторические и топонимические предания.

Для изучения темы, предлагаемой в нашем сообщении, мы использовали не только опубликованную литературу (см. список в конце нашего сообщения), но и рукописные фольклорные материалы 1959–1993 гг., хранящиеся в архиве Сектора «Этнология гагаузов» Института культурного наследия (мун. Кишинев), а также собственные полевые записи, начиная с 1994 г.

Наше небольшое исследование не претендует на полноту раскрытия поставленных вопросов, оно представляет собой попытку обобщения изученного материала.

Тема настоящего исследования ранее специально не изучалась, однако в небольшом числе научных публикаций можно все же обнаружить попытку частичного или фрагментарного ее освещения⁸⁴. Так, российский этнолог М. Н. Губогло в научно-популярной статье «Буджак, Буджак – степь и гагаузы» сообщает читателю, что одна из наиболее известных народных легенд, бытовавшая среди гагаузов, «повествует, как гагаузы вынуждены были осторожно продвигаться к русской границе со своими обозами только в ночное время, прибегая при этом к хитрости. Останавливаясь на дневной отдых,

⁸⁴ См., напр.: **Губогло М.** Буджак, Буджак – степь и гагаузы // *Кодры*. Кишинев, 1971, № 11, с. 119-122; **Курогло С. С.** Отражение освободительной миссии России на Балканах в гагаузском фольклоре // *Россия и Юго-Восточная Европа*. Ред. коллегия: А. Л. Нарочницкий (отв. ред.), Н. Н. Червенков (отв. секр.) [и др.]. Кишинев: Штиинца, 1984, с. 157-158; **Куроглу С. С.** Использование гагаузского народного творчества на уроках истории // *Унеле проблеме привинд предаря историей ын шкоала медие*: Кулежере де артиколе. Суб ред. луй И. Руссу, М. Доготару. Кишинэу: Лумина, 1969, п. 182-183; **Сырф В. И.** Предание как вид народной прозы гагаузов // *Gagauz Yerinin 15-ci yıldönümünä baalı "Gagauzologiyanın ilerlemesi: dil, kultura, istoriya, literatura" Halklararası bilim-praktika konferençiyasının materialları*. 22.12.2009. Komrat, 2010, s. 157-159..

они всякий раз поворачивали дышла своих повозок в сторону, противоположную России. На вопрос турецких пограничных отрядов, откуда едут, неизменно отвечали: „Ивандан”, т. е. от Ивана. (Иваном в те времена называли в Турции каждого русского)»⁸⁵.

До него об этом же эпизоде пишет другой российский исследователь – В. А. Мошков: «В память о Ватикюти одна из гагаузских колоний, Дмитровка, была названа его именем. Воспоминание о “*капитане Димитри*”, кроме того, сохранилось и в устных преданиях гагаузов. Перемешав в своей памяти события разных лет и утратив представление об их хронологической последовательности, гагаузы в настоящее время передают следующий, записанный мною, рассказ:

“Наши деды переселились сюда, в Бессарабию, из-за Дуная, из местности, называемой Добруджа. Это было в царствовании императора Николая I-го. Один из наших гагаузов, капитан Димитри, спас жизнь Императора от какого-то араба, который покушался на цареубийство. В виде признательности за такой похвальный поступок государь призвал гагаузов в Россию и дозволил им селиться на свободных землях. Османам такое переселение наших стариков не понравилось, и они всячески его тормозили. Поэтому пришлось переселенцам прибегнуть к хитрости и двигаться со своими обозами только ночью. Днем они останавливались в поле и поворачивали дышла повозок в сторону противоположную России. Если случалось, что османы спрашивали переселенцев, куда они едут, то всегда получали неизменный ответ: от Ивана (т. е. из России)”»⁸⁶.

В одной из наших научных статей, посвященных преданию как виду народной прозы гагаузов, в качестве приложения к ней приводим три текста вариантов этиологических, исторических и топонимических нарративов соответственно: «Керван кыран йылдызы» («Звезда Керван кыран (букв. Погубившая караван)»), «Бир рус-түрк жэнк ичин аннатмак» («Рассказ об одной русско-турецкой войне»), «Этулия (Түлүкүү) дүзүлмеси ичин» («Об основании села Этулия (Түлүкүү)»)»⁸⁷.

Надо отметить особое значение топонимических преданий, ибо они, на наш взгляд, являются наиболее интересным с точки зрения историко-географического познания далекого прошлого края, и, безусловно, представляют ценность при изучении и словесного поэтического творчества. Исторические предания гагаузов в целом содержат иллюстративный материал, помогающий уяснить роль эпохальных событий в их истории, народное понимание общественной жизни и даже политическую ориентацию народа.

Особое место в творческом наследии известного бессарабского просветителя М. М. Чакира занимает деятельность по изучению и популяризации таких сложных вопросов, как происхождение, история, религия и традиционно-бытовая культура гагаузского народа, в которой он показывает, что православная вера, наравне с языком, была и остается их опорой и столпом в повседневной жизни. Все перечисленные аспекты нашли свое отражение в одной из самых значимых для гагаузов книге, каковой является

⁸⁵ Губогло М. Указ. соч., с. 121.

⁸⁶ Предисловие // Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. Часть X. Наречия бессарабских гагаузов / Тексты собраны и переведены В. Мошковым (С двумя прибавлениями). СПб.: [Б. и.], 1904, с. IX-X.

⁸⁷ Сырф В. И. Указ. соч.

труд Михаила Чакира «*Besarabială Gagauzlarân Istorieasâ*» («История бессарабских гагаузов») ⁸⁸. Данная работа с первого же своего появления вызвала живой интерес среди бессарабских гагаузов и представляла собой великую ценность для них по той причине, что в то время у гагаузов не было никаких других источников, которые могли бы их просветить относительно своего этногенеза, истории, языка и традиционной культуры в целом. В нее вошли издававшиеся ранее статьи в нескольких номерах журнала «*Viața Basarabiei*» («Бессарабская жизнь») ⁸⁹.

В двух очерках, посвященных религиозности и нравственности гагаузов, автор использует исторические предания, исторические песни и стихи, появившиеся в XIX веке и передающиеся из поколения в поколение в назидание потомкам, как следует блюсти религиозный и соответственно церковный порядок жизни (предание о том, как благодаря активному участию генерала И. Н. Инзова, главного попечителя и председателя Попечительного комитета об иностранных поселенцах южного края России, болгарские колонисты села Балбока (совр. Котловина Измаильского р-на Одесской обл., Украина) стали регулярно посещать церковь. «Эти уроки оставили такой след в гагаузских и болгарских колониях, что даже появилась поговорка. Колонисту, который по каким-либо причинам пропустил церковную службу, говорили: “Ты почему не был в церкви? Ждешь военной музыки?”») и к чему приводит криминальная деятельность в любом ее проявлении (песни и стихи о том, как пострадал из-за своего преступления конокрад Иван Ишмер, колонист села Кортен (Кирютня), оказавшись сосланным пожизненно в сибирскую ссылку, однако сумевшим сбежать и вернуться в родное село, где был пойман и вновь сослан в Сибирь, несмотря на искреннее раскаяние) [Чакир 2018: 75-76, 100-101].

Еще один эпизод колонизации Буджака задунайскими переселенцами нашел свое место в устном народном творчестве гагаузов. Попечитель задунайских колоний с 1832 по 1844 гг. статский советник Михаил Григорьевич Бутков оставил о себе память в их народных песнях, тексты которых опубликованы в фольклорных сборниках: «Наречия бессарабских гагаузов» (Мошков 1904: 297), «Гагауз фольклору» (Бабоглу 1969: 30-31) и «Народные песни гагаузов» (Покровская, Чернышева 1989: 40-42). Приведем высказывание по этому поводу В. А. Мошкова: «Из числа попечителей над болгарскими колониями особенно выделялся своей деятельностью статский советник Бутков, управлявший колониями 12 лет с 1832 по 1844 год. По словам г. Сокальского (Скальковского – В. С.), он пользовался большим уважением среди болгар и утилизировал это уважение, искореняя некоторые „вредные обычаи“ колонистов, а также упорядочивая их сельское хозяйство. И действительно, у гагаузов осталось о г. Буткове воспоминание в виде песни, прилагаемой мною ниже, в которой он описывается как человек некрасивой наружности, но обладавший „железной волей“» ⁹⁰.

Таким образом, мы видим, что устное народное творчество гагаузов содержит достаточно богатый материал для изучения темы колонизации Буджака до и после

⁸⁸ Ciachir M. Besarabială Gagauzlarân istorieasâ. Chișinău, 1934.

⁸⁹ Ceachir M. Origina Găgăuzilor // VB. Chișinău, 1933, nr. 9, p. 15–24; 1934, nr. 5, p. 3–20.

⁹⁰ Предисловие // Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. Часть X. Наречия бессарабских гагаузов / Тексты собраны и переведены В. Мошковым (с двумя прибавлениями). СПб.: [Б. и.], 1904, с. XII.

присоединения его к России. Черты общего в этом плане у гагаузов с соседними народами и специфического в их эпических традициях представляют научный интерес и требуют своего продолжения.

ЛИТЕРАТУРА

- Баллада тұркүлери. Сәлпет топлуму** / Хазырлайан М. А. Дурбайло. Кишинев: Штиинца, 1991.
- Буджактан сәсләр. Литература йазылары** / Хазырлайан: Д. Танасоглу. Кишинев: Карта Молдовеняскэ, 1959.
- Гагауз фольклору** / Собираатель и составитель Н. И. Бабоглу. Кишинэу: Карта Молдовеняскэ, 1969.
- Грек И.Ф.** Село Гайдар: очерки истории и культуры (монография в журнале) // Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья. Вып. 5. Одесса, 2011, с. 82-312.
- Губогло М.** Буджак, Буджак – степь и гагаузы // Кодры. Кишинев, 1971, № 11, с. 119-126.
- Курогло С.С.** Отражение освободительной миссии России на Балканах в гагаузском фольклоре // Россия и Юго-Восточная Европа. Ред. коллегия: А. Л. Нарочницкий (отв. ред.), Н. Н. Червенков (отв. секр.) [и др.]. Кишинев: Штиинца, 1984, с. 155-159.
- Куроглу С.С.** Использование гагаузского народного творчества на уроках истории // Унеле проблеме привинд предаря историей ын шкоала медие: Кулежере де артиколе. Суб ред. луй И. Руссу, М. Доготару. Кишинэу: Лумина, 1969, п. 173-188.
- Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым.** Часть X. Наречия бессарабских гагаузов / Тексты собраны и переведены В. Мошковым (С двумя прибавлениями). СПб.: [Б. и.], 1904.
- Покровская Л.А., Чернышева М.Б.** Народные песни гагаузов: [Сборник]. М.: Сов. композитор, 1989. (Серия «Из коллекции фольклориста», с нотацией и пластинкой).
- Сырф В.И.** Предание как вид народной прозы гагаузов // Gagauz Yerinin 15-ci yıldönümünä baalı "Gagauzologiyanın ilerlemesi: dil, kultura, istoriya, literatura" Halklararası bilim-praktika konferençiyasının materialları. 22.12.2009. Komrat, 2010, s. 153-160.
- Сырф В.И.** Протоиерей Михаил Чакир как фольклорист // Протоиерей Михаил Чакир – просветитель и религиозный деятель Бессарабии: Сборник материалов Национальной научной конференции, посвященной 80-летию со дня кончины протоиерея Михаила Чакира (мун. Кишинев, 10 сентября 2018 г.). Кишинев, 2020.
- Тукан Б.П.** Вулканештский диалект гагаузского языка: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Кишинев – Москва, 1964.
- Gavril Gaydarci. Gagauzların halk yaratmaları / Hazırlayannar: P. Çebotar, V. Sırf. T. I. [Komrat: S. n.], 2018.**
- Protoiereul Mihail Ceachir.** Articole privind istoria și cultura găgăuzilor din Basarabia publicate în revista „Viața Basarabiei” = Протоиерей Михаил Чакир. Статьи по истории и культуре гагаузов Бессарабии в журнале „Viața Basarabiei” („Бессарабская жизнь”). Сост.: В. Цвиркун, Ив. Думиника, В. Сырф. Кишинев, 2018.

IV. ПЕДАГОГИКА

ГОРБАЧЕВА Нина – доктор педагогики, унив. конф. / доцент кафедры «Педагогика», Тараклийский государственный университет им. Гр. Цамблака, Республика Молдова – ninagor58@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ВНЕДРЕНИЯ ИНТЕГРИРОВАННОГО ПОДХОДА В ШКОЛЬНЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Авторское резюме:

Статья посвящена проблеме внедрения интегрированного подхода в школьный образовательный процесс (на основе предмета «Русский язык и литература в школах Республики Молдова с русским языком обучения»). Анализируя различные точки зрения на данную проблему, автор предлагает наиболее перспективные, по его мнению, пути методической реализации интегрированного подхода к изучению русского языка и литературы.

Ключевые слова: *интегрированный подход, культурологическая компетенция, концепт.*

To the problem of introduction of integrated approach into the school education process

N. Gorbacheva

Doctor of pedagogics, lecturer of the chair of pedagogics; The State University of Taraclia “G. Tsamblac” (Taraclia, Republic of Moldova).

Abstract:

The article is dedicated to the problem of the introduction of integrated approach into the school education process. (Based on the subject "Russian language and literature in the Moldovan schools with the russian language as the basic one). The author analyses different points of view and offers from his perspective the most progressive ways of methodical realisation of the integrated approach of the Russian language and literature studying.

Keywords: *Integrated approach, culturological competence, concept.*

Интегрированный подход – явление не новое в образовательной практике, однако по отношению к изучению русского языка и литературы данный подход воспринимался неоднозначно. В преподавании этого предмета в школах с румынским языком обучения интегрированный подход сомнений не вызывал, но в школах с русским языком обучения

он большой поддержки не находил. Возможно, сказывалась традиционная ориентация процесса обучения на грамматическую систему языка и правописание, овладение суммой лингвистических знаний и умений. С другой стороны, у учителей-русистов не было единого понимания интеграции. В интерпретации ряда учителей интегрированный подход рассматривался как использование в речи языковых знаний, как лексико-тематическая взаимосвязь на базе текста. Другие представляли интегрированный подход как связь литературы и языка с другими предметами (история, география, биология и т.д.), которые помогают ученику глубже изучить связи предмета с реальной жизнью, лучше понять сущность самого предмета. По мнению учителей, такая интеграция давала возможность учащимся более эффективно применять полученные знания в жизни.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что большинство учителей русского языка и литературы в школах с русским языком обучения воспринимали интегрированный подход как реализацию межпредметных связей на уроке. То есть, в данном случае имела место тематическая интеграция. Такие уроки учителя-филологи проводили совместно с учителями других предметов – в зависимости от темы, которая могла быть объектом совместного изучения (тема крепостного права в творчестве И.С. Тургенева, Отечественная война 1812 года в творчестве Л.Н. Толстого, тема экологии в творчестве В.А. Астафьева, В.Г. Распутина и т.д.).

Следует сказать, что интегрированный подход в традиционной практике обучения русскому языку и литературе ограничивался уровнем тематической интеграции, что, безусловно, не исчерпывает понятия интеграции как полифункционального явления.

Прежде чем перейти к рассмотрению специфики интегрированного подхода в преподавании русского языка и литературы, попробуем ответить на вопрос: почему интегративные процессы в образовании стали настолько активны в последнее время?

Становится очевидным, что в эпоху ускорения ритмов социально-экономического прогресса предметноцентричный подход в образовании себя исчерпал. Перед современной школой стоит задача не только дать учащимся основательные знания, но и научить их самостоятельно применять эти знания в различных жизненных ситуациях. Изменившиеся социально-исторические условия заставили сменить образовательную парадигму от знаниевого к компетентностному подходу, поскольку компетенция – это совокупность знаний, умений, навыков, ценностных отношений, которые становятся качеством личности, «легко перестраивающей свой информационный потенциал, свободно ориентирующейся в новых ситуациях [3, с. 13]. Следовательно, компетенция уже сама по себе является интегрированной учебной единицей.

В этих условиях переход методики преподавания русского языка и литературы в школах с русским языком обучения на интегрированную основу представляется вполне закономерным, так как школьная практика обучения, ориентированная, в основном, на грамматическую систему языка, не позволяет выстраивать четкую и ясную линию речевого развития учащихся. Нельзя не согласиться с одним из известных российских ученых-методистов В.Г. Маранцманом, который справедливо полагал, что в школе учат не языку, а лингвистике, и считал, что это во многом снижает способность школьников точно и свободно выражать свои мысли, более того, затрудняет понимание и осознание учениками себя через речь [2].

В.Г. Маранцман одним из первых выдвинул идею об интегративной методике изучения русского языка и литературы, в ходе которой происходило бы естественное и свободное взаимодействие речевого и литературного развития учащихся, эстетическое и этическое освоение речи [2].

О гармонизации целей и содержания обучения русскому языку и литературе неоднократно писал в своих работах известный лингвист И.Г. Милославский. По мнению ученого, основной целью обучения русскому языку является не научение грамотному письму, а научение точному и полному пониманию того, что заложено в тексте (любом): информация, оценка, отношение и т.д. Вторая важная цель, по утверждению И.Г. Милославского, - это научить школьников выражать свои мысли и чувства с максимальной эффективностью. В этой ситуации вопросы правописания выполняют функцию формального требования для адекватного понимания текста адресатом, то есть знания становятся не целью обучения, а его средством.

Основное внимание при обучении русскому языку и литературе, считал И.Г. Милославский, должно уделяться *слову* (выделено мною – Н.Г.), причем не в плане расширения словарного запаса, а в постижении культурных, ценностных и коммуникативных характеристик слова. С этой целью необходимо вводить в процесс обучения элементы компонентного анализа слова и активизации ассоциативных связей [4].

Безусловно, переход в преподавании русского языка и литературы от предметного центризма к рассмотрению языка как ценностной единицы является важным шагом в образовательной практике, потому что позволяет формировать «человека культуры», т.е. человека, обладающего целостным и ценностным мировоззрением, нравственными принципами, гражданской позицией, эстетическим вкусом, ведь вся ценностно-смысловая сфера человека воплощается в языковом сознании и коммуникативном поведении.

В этом контексте наиболее оптимальным средством организации процесса обучения русскому языку и литературе является, на наш взгляд, интегрированный подход, позволяющий интегрировать образование и воспитание, формировать посредством предмета «Русский язык и литература» целостную и ценностную личность, для которой «Русский язык и литература» является не только предметом, а «живым личностным знанием» (М.М. Бахтин), соединяющим в себе культуру слова и культуру чувств. Интегрированный подход позволяет формировать у учащихся личностное отношение к слову: слово становится для ученика ценностью, ретранслятором культуры русского народа. Необходимо подчеркнуть еще один важный аспект внедрения интегрированного подхода: в процессе освоения слова на интегрированных уроках происходит формирование индивидуальной ценностной картины мира ученика, которая оказывает влияние на его нравственное поведение и поступки.

Исходя из требований времени и современных условий, на наш взгляд, представляется вполне логичным установка нового предметного курса (2019) на организацию процесса обучения русскому языку и литературе на основе интегрированного подхода, ориентированного на интеграцию филологического знания «двух фундаментальных гуманитарных наук: лингвистики и литературоведения» [1, с. 4]. Как заявлено в курсе, интегрированный подход направлен на «формирование

у учащихся ценностного отношения к языку как хранителю культуры, обеспечение языкового развития личности» [1, с. 4], а также на «обладающего гуманистическим мировоззрением читателя, способного понять эстетическую ценность произведения в историко-литературном контексте» [1, с. 5].

Однако концепция интегрированного (интегративного) подхода, представленная в курсе, по нашему мнению, не имеет ясного и четкого характера как с теоретической, так и с методологической точек зрения, что вызывает значительные трудности у учителей-русистов в реализации ее положений на практике.

С одной стороны, предмет «Русский язык и литература» назван в курсе интегрированным предметом [1, с. 57], что предполагает тесную взаимосвязь лингвистики и литературоведения (в таком случае предмет должен называться «Русская словесность»), с другой – утверждается, что интеграция не должна заменить обучение классическим учебным предметам, она должна лишь соединить получаемые знания в единую систему [1, с. 64]. Правда, не уточняется, в какую систему. В курсе утверждается исключительно предметная интеграция, которая обязывает учителей на *каждом* (выделено мною – Н.Г.) уроке на базе ведущего предмета (хотя предмет заявлен один – «Русский язык и литература») отбирать количество лингвистического и литературоведческого материала с опорой на *художественный текст* (выделено мною – Н.Г.). И в то же время долгосрочной целью интегрированного курса языка и литературы является формирование личности, готовой к различным формам коммуникации и социализации [1, с. 66]. Но на основе только художественных текстов такую личность сформировать представляется достаточно сложным: для этого нужны тексты разножанровой и разностилевой направленности и активная работа с ними.

В контексте предложенного в курсе интегрированного подхода вызывает вопрос соотносимость интегрированного урока русского языка и урока словесности (словесность как отдельный предмет или что-то иное?). Смущает и то, что в центре внимания на уроке словесности находится художественный текст, преимущественно классический, а между тем «постоянная цель изучения словесности – использование языка как средства воплощения смысла любого *художественного* и *нехудожественного* (выделено мною – Н.Г.) текста [1, 66].

К сожалению, в представленной концепции не раскрыты и не аргументированы форма и степень интеграции, а лишь дается рекомендация «на одном из уроков больше внимания уделять языковой теме, а на другом – литературной» [1, с. 66].

Безусловно, при всей важности и необходимости внедрения интегрированного подхода в практику обучения русскому языку и литературе в школах с русским языком обучения на современном этапе и отражения этой установки в курсе фрагментарность некоторых положений концепции данного подхода вызывает опасения учителей в реализации его на уроках.

На наш взгляд, основная цель интеграции русского языка и литературы и интегрированных уроков – это не «объединение знаний двух предметов» [1, с. 66], а формирование на их основе компетенций, которые будут способствовать успешной интеграции ученика в современный социум и реализации в нем себя как личности. Знания не должны иметь автономный характер, они должны служить ученику

инструментом, способным оказать помощь в решении различных проблем, которые ставит перед ним жизнь.

Таким образом, установка куррикулума на внедрение интегративного подхода в процесс изучения русского языка и литературы ориентирована прежде всего на гуманизацию образования и формирование ключевых компетенций, прежде всего – культурологической компетенции, под которой мы понимаем «совокупность системно организованных знаний о культуре, воплощенных в национальном языке, и готовности к сознательно-активной ценностной интерпретации языковых знаний в диалоге культур как основы формирования устойчивой системы ценностных мировоззренческих ориентиров школьника»[5, с. 2]. Соответственно, учитель-словесник в своей практической деятельности не должен быть ограничен только одним уровнем интеграции – он должен использовать различные виды интеграции на уроках: внутрипредметную, тематическую, проблемную, концептуальную и т.д. Интеграция – это полифункциональное явление, она не количественный, а качественный результат, о котором мы говорили выше.

В рамках изучения предмета «Русский язык и литература» не обязательно на каждом уроке объединять лингвистический и литературоведческий материал. В контексте интегрированного подхода достаточно выделить *систему* (выделено мною – Н.Г.) уроков, направленных на результат (продукт интеграции). Один из вариантов системы может быть представлен следующим образом (возможны и другие варианты).

1. Знакомство с речевыми характеристиками изучаемого грамматического материала (1 урок). Ученики определяют, с какой целью они изучают этот материал, в каких речевых ситуациях его можно использовать.
2. Работа над грамматическими характеристиками изучаемого материала (1-3 урока). Ученики знакомятся с грамматическими свойствами и особенностями изучаемого материала, тренируются в их усвоении (формирование специфических компетенций).
3. Развитие речи на основе изученного грамматического материала (1 урок). Ученики тренируются использовать грамматический материал в различных видах речевой деятельности на базе текстов различной жанрово-стилевой направленности (в рамках речевой темы).
4. Работа над литературным произведением (2-4 урока). Ученики читают литературное произведение, анализируют его содержание, тематику, проблемы.
5. Работа над художественными средствами читаемого произведения. Ученики проводят анализ роли изученного языкового материала в художественном тексте.
6. Создание продукта (1-2 урока). На основе изученного языкового и литературного материала ученики создают собственный продукт (эссе, сочинение, проект и т.д.) с учетом речевой темы.

В этой системе важен результат – сформированность посредством предмета необходимых ученику компетенций, выраженных в продукте.

Еще один, и на наш взгляд, перспективный путь методической реализации интегрированного подхода – изучение русского языка и литературы на основе концептов русской культуры.

Рамки данной статьи не позволяют детально осветить дискуссионные моменты терминологического характера, связанные с данным словом. В качестве рабочего будем использовать определение концепта, данное Н.Л. Мишатиной, одним из основоположников методической лингвоконцептологии, с точки зрения которой концепт рассматривается как элемент языка и культуры, как «вербально выраженная содержательная единица национального сознания, которая включает понятие, но не исчерпывается им, обогащается культурными смыслами и индивидуальными ассоциациями и изменяется вместе с развитием языка и культуры» [5, с. 14]. Общечеловеческие и национальные ценности, заложенные в концепты (*семья, дом, дружба, добро, вера, совесть, милосердие* и т.д.), формируют целостную и самое главное – ценностную – картину мира, к тому же являются хорошим стимулом для собственной продуктивной речетворческой деятельности.

В современных условиях РМ работа с концептами русской культуры при изучении русского языка и литературы представляет собой задачу первостепенной важности, так как позволяет раскрыть перед учениками весь спектр основных концептов русской культуры, понять их значимость в жизни и судьбе русского народа, сформировать собственную нравственную позицию. В контексте интеграции курсов русского языка и литературы концепт может рассматриваться как междисциплинарная единица, являющаяся эффективным средством сближения языкового и литературного образования учащихся. В самом широком контексте концепт – это культурно-нравственная доминанта процесса обучения.

Целенаправленная и системная работа со словами-концептами должна быть организована как речевая деятельность школьников на основе тематически связанных текстов, содержащих концепты. Тематический принцип организации изучения литературных произведений, представленный в курсе, позволяет выделить следующие слова-концепты и проводить работу с учащимися по их усвоению.

5-й класс: *дом, семья, детство, добро;*

6-й класс: *Родина, природа, счастье;*

7-й класс: *дружба, судьба, история;*

8-й класс: *человек, время, мечта;*

9-й класс: *слово, душа, любовь, красота.*

Восприятие и усвоение этих концептов школьниками в гимназическом звене представляется очень важным, поскольку позволяет в большой степени оказывать влияние на нравственное формирование личности в этом возрасте. Ценностно «нагруженное» слово содержит в себе большой объем информации, которая духовно обогащает школьника. Например, работая с концептом *дом*, ученики определяют это слово как место проживания человека (пословицы, поговорки о доме); знакомясь с текстами о природе, рассматривают природу как дом для птиц и зверей, а Землю как общий дом для всех людей, таким образом, расширяя свое понимание концепта «дом». Изучая литературное произведение, они стараются определить ценность дома для героев и автора, одновременно выясняя значимость этого концепта для себя.

В заключение отметим, что проблема внедрения интегрированного подхода как средства организации процесса изучения русского языка и литературы в школах с русским языком обучения является важной и своевременной по многим причинам, о которых мы говорили выше. Последовательная реализация данного подхода значительно повышает внутреннюю познавательную мотивацию учащихся, придает результатам речевой деятельности личностно и социально значимый характер, создает условия для целенаправленного формирования целостной и ценностной картины мира, способствует освоению необходимых компетенций, в том числе культурологической как одной из общепредметных и ключевых компетенций.

Литература

1. **Curriculum național. disciplina** Русский язык и литература для гимназий с русским языком обучения (V-IX классы). Chișinău, 2019.
2. **Маранцман В.Г.** Речевые способности школьников и их развитие в процессе обучения /Русский язык в школе. 1994, № 6. С. 41-49.
3. **Маранцман В.Г.** Цели и структура методической подготовки студентов в педагогических вузах России /Литература. Методика. Краеведение: сборник научных трудов под ред. С.М. Скибина, Т.Е. Беленькой. Оренбург, изд-во ОГПУ, 2004. С.9-33. С.13.
4. **Милославский И.Г.** Традиции и инновации в преподавании русского языка. Выступление на круглом столе / IV Международный педагогический форум. Сочи, 16-17 октября 2017.
5. **Мишатица Н.Л.** Методика и технология речевого развития школьников: лингвоконцептоцентрический подход. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук. Санкт-Петербург, 2010.

ГОРБАЧЕВА Нина, доктор педагогики, унив. конф. / доцент,
Тараклийский государственный университет, Республика Молдова -
ninagor58@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Творчество Ф.М. Достоевского всегда вызывало интерес. И связано это с тем, что проблемы духовной жизни, гуманного отношения к человеку занимали в творчестве великого русского писателя главное место. Эти проблемы актуальны и сегодня, когда мы часто слышим о снижении уровня образованности молодых людей, о падении их интереса к культурному наследию, о «матрице» потребления, овладевшей многими из них и т.д. Необходимость милосердного отношения к человеку, возрождения и сохранения гуманного начала в молодом поколении, которому предстоит строить будущее, заставляет нас обратиться к творчеству Ф.М. Достоевского. Проблемы воспитания и образования подрастающего поколения всегда интересовали писателя, хотя он не оставил специальных трудов, посвященных педагогическим вопросам. Но свои педагогические взгляды и идеи он отразил во многих своих произведениях (романы «Идиот», «Подросток», «Братья Карамазовы»), а также в публицистике: переписке, заметках, «Дневнике писателя». Важность и актуальность этих идей и сегодня, в XXI веке, сомнения не вызывает.

Одна из основных проблем в философско-педагогических взглядах Ф.М. Достоевского – это духовное становление личности в семье. Именно семья, по мнению писателя, ответственна за нравственное воспитание ребенка; он подвергал критике семьи современного ему общества, которые безразличны и равнодушны к собственным детям: «Наши юные люди ... развитые в семействах своих, в которых всего чаще встречаете теперь недовольство, нетерпение, грубость невежества и где почти повсеместно настоящее образование заменяется лишь нахальным отрицанием с чужого голоса; где материальные побуждения господствуют над всякой высшей идеей; где дети воспитываются без почвы, вне естественной правды, в неуважении или в равнодушии к отечеству и в насмешливом презрении к народу... из этого ли родника наши юные люди почерпнут правду и безошибочность направления своих первых шагов в жизни?» (1; XXI,131-132).

Развивая свои идеи семейного воспитания, Ф.М. Достоевский писал, что пяти-шестилетний возраст ребенка играет значительную роль в становлении его личностных качеств. Более того, он считал, что самые главные впечатления своей жизни человек выносит из детства, которые ребенок приобретает в первые три года жизни: «целую треть тех идей и познаний, с которыми ляжет стариком в могилу» (1; XXII, 9). О значении

детских воспоминаний в жизни человека Ф.М. Достоевский писал в своем «Дневнике писателя», а также в романе «Братья Карамазовы»: «...воспоминание, сохранное с детства, может быть, самое лучшее воспоминание и есть. Если много набрать таких воспоминаний с собой в жизнь, то спасен человек на всю жизнь. И даже если и одно только хорошее воспоминание при нас останется в нашем сердце, то и то может послужить когда-нибудь нам во спасение» (3, 509). Главным условием вот такого «хорошего воспоминания», а по большому счету - духовно-нравственного воспитания - должна быть, по мысли писателя, прежде всего любовь родителей, вера в ребенка, «ибо только подобная великая вера и в состоянии породить прекрасное в воспитании дитё, - даже так, несмотря даже на самую лютую обстановку детства, бедность и даже самую нравственную грязь, окружавшую их колыбели» (1; XXV, 180).

В педагогических взглядах Ф.М. Достоевского нашла отражение проблема наказания и жестокого отношения к детям в семье. Он считал, что многие родители вместо родительской любви прибегают «к строгости, к жестокости, к истязанию, к розге». «Все, что можно бы сделать трудом и любовью, неустанной работой над детьми и с детьми, все, чего можно достигнуть рассудком, разъяснением, внушением, терпением, воспитанием и примером, — всего того слабые, ленивые, но нетерпеливые отцы полагают всего чаще достигнуть розгой: «Не разъясню, а прикажу, не внушу, а заставлю»» (1; XXV, 190). Ф.М. Достоевский был убежден, что жестокое отношение к детям и их наказание — это результат лени родителей, забвение ими долга перед детьми и понимания того, воспитание — это прежде всего терпение и труд. Наказание может только ожесточить, искалечить нравственно ребенка. «Ребенок хитрый, скрытный непременно покорится и обманет вас, и розга ваша... только развратит его. Ребенка слабого, трусливого и сердцем нежного — вы забьете. Наконец, ребенка доброго, простодушного, с сердцем прямым и открытым — вы сначала измучаете, потом ожесточите и потеряете его сердце» (1; XXV, 190).

Вызывает интерес точка зрения Ф.М. Достоевского о взаимосвязи духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения с пониманием человеческой жизни как высшей ценности и ее основного смысла — веры в бессмертие души. Возможно, с позиций современной педагогики эта мысль писателя не является бесспорной, но с нравственной точки зрения в ней есть рациональное зерно. Без веры в свое бессмертие, по убеждению писателя, у человека может появиться идея «вседозволенности», права на любое преступление. А для неопытной души ребенка такие идеи выглядят привлекательно. Эту мысль он доказывает в «Преступлении и наказании», эта мысль является краеугольной в романе «Братья Карамазовы» (идея Ивана Карамазова). Вера же в бессмертие своей души дает человеку нравственную опору и эта опора, считает Ф.М. Достоевский, должна создаваться в семье заботой родителей, но «в семьях наших об высших целях жизни почти и не упоминается, и об идее о бессмертии не только уж вовсе не думают, но даже слишком нередко относятся к ней сатирически, и это при детях, с самого их детства, да еще, пожалуй, с нарочитым назиданием» (1; XXIV, 51). Большое значение в духовном воспитании ребенка писатель придавал молитве. Он рассматривал ее как общение души с Богом. В романе «Братья Карамазовы» словами старца Зосимы Ф. М. Достоевский обращается к молодому поколению: «Юноша, не забывай молитвы. Каждый раз в молитве твоей, если искренна,

мелькнет новое чувство, а в нем и новая мысль, которую ты прежде не знал... и поймешь, что молитва есть воспитание» (2; 359).

Кроме семьи, Ф.М. Достоевский значительную роль в духовно-нравственном формировании ребенка отводил школе и школьному учителю. В «Дневнике писателя» он неоднократно высказывался о проблемах образования, о роли личности учителя в воспитании подрастающего поколения. «Образить», — писал Достоевский, — слово народное: дать образ, восстановить в человеке образ человеческий (1; XXIV, 126). Учитель должен не только учить, но и воспитывать в детях нравственные чувства, любовь к Родине и своему народу. Осознавая, что дети в большинстве своем склонны к подражанию, писатель в дневнике указывал на то, что только учитель своим примером и своими убеждениями способен научить ученика «во что верить, что уважать, обожать, к чему стремиться, — а все это так нужно, так необходимо молодежи, всего этого она жаждет и жаждала всегда, во все века и везде!» (1; XXIV, 51). Известный русский философ В. В. Розанов писал об учителе: «Школа — это только и всецело учитель: учитель — это во-первых, учитель — во-вторых, учитель — в-третьих, и только в-четвертых ... программа, штат, здание...» (5; 217). Достоевский был уверен: «Даже самый беднейший какой-нибудь школьный учитель и тот бы ужасно много мог сделать и единственно одной лишь своей инициативой, захоти только сделать!» Образ русского национального учителя для Достоевского был связан с такими понятиями, как личность, характер. Он писал, что ничего не получится у человека «мнительного и недоверчивого», который «после первых, иногда самых горячих и благородных, усилий быстро утомляется, смотрит угрюмо, начинает считать свое место за нечто переходное к лучшему, а потому — или спивается окончательно, или за лишние десять рублей бросает все и бежит куда угодно, даже даром бежит, даже в Америку, «чтобы испытать свободный труд в свободном государстве"» (1; XXI, 95-96).

Формирование духовно-нравственной личности Ф.М. Достоевский связывал с обучением родному языку, так как «язык есть, бесспорно, форма, тело, оболочка мысли..., так сказать, последнее и заключительное слово органического развития» (1; XXIII, 80). Язык - это душа народа, его история, средоточие нравственных идеалов и норм поведения. В одном из своих писем писатель рекомендовал круг произведений и авторов для детского чтения, говоря, что чтение книг «производит прекрасные впечатления и родит высокие мысли» (1; XXX, кн. 1, 238). Ф.М. Достоевский рекомендовал для чтения произведения Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, Диккенса, Евангелие. Одной из главных задач образования писатель считал воспитание у молодого поколения национального самосознания, духовно-нравственных основ и значительное место в этом отводил русскому языку.

В нашей статье мы рассмотрели некоторые педагогические проблемы, нашедшие отражение в творчестве Ф.М. Достоевского, постарались обозначить их актуальность в наше время. Великий русский писатель не разработал целостной педагогической системы, как это сделал Л.Н. Толстой. Однако вопросы воспитания, духовно-нравственного созревания личности ребенка были для него первостепенными и на страницах своих произведений он давал на них свои ответы. Время доказало актуальность вопросов и ответов великого русского писателя-гуманиста.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Достоевский Ф. М.** Поли. собр. соч.: В 30 т. — Л., 1972-1991. — Т. XXIV, с. 308. В дальнейшем при ссылках на это издание в скобках римской цифрой указывается том, арабской — страница.
2. **Достоевский Ф. М.** Братья Карамазовы: Роман в 4-х частях с эпилогом. Ч. I. — М.: Современник, 1981. — 368 с.
3. **Достоевский Ф. М.** Братья Карамазовы: Роман в 4-х частях с эпилогом. Ч. II. — М.: Современник, 1981. — 542 с.
4. **Иванов В.В.** «Церковь-Семья» Алеши Карамазова вместо «случайного семейства» // Литературоведческий журнал. — М., 2001. — №16. (Ф.М.Достоевский в современном мире. Материалы международного симпозиума) — С.86-97.
5. **Розанов В. В.** Сумерки просвещения. — М., 1990.
6. **Юрьева О.Ю.** Тема семьи и семейного воспитания в «Дневнике писателя» Ф.М.Достоевского // Литература в школе. — 2003. — №8. — С. 26-28.

ДАРМАНЧЕВА, Светлана учителка по български език и литература,
Теоретичен лицей «Иван Вазов», Тараклия, Република Молдова –
darmancheva75@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧНИ ПРОБЛЕМИ ПРИ ПРЕПОДАВАНЕ НА РОДНИЯ ЕЗИК В НАСЕЛЕНИТЕ МЕСТА С КОМПАКТНО БЪЛГАРСКО НАСЕЛЕНИЕ

Повече от 30 години, откакто Република Молдова провъзгласи своята независимост и се обяви за многонационална държава. За това време тя отделя сериозно внимание за създаване на оптимални условия за развитие на националните малцинства, в това число и на българите.

В началото на 90-те години държавата приема два документа на висшите органи на властта, които са много важни за българското население, живеещо на територията на Република Молдова.

Първият документ е Указ № 79 на Президента на Република Молдова „Някои мерки за развитието на българската национална култура” от 30 март 1992 г. Вторият документ е Постановление на Правителството на РМ „За развитието на националната култура на българското население на Република Молдова” от 23.06.1992 г.

Указът на Президента и Постановлението на Правителството на Република Молдова са изключително важен фактор за развитието на културата на българите в републиката, които дадоха и дават силен тласък за развитие на обучението на роден език, за запазване и развитие на българската култура.

Въз основа на тези документи – Министерството на образованието и изследванията на Република Молдова постоянно работи по въпроса за създаване на оптимални условия за обучение и възпитание на родния език в детските градини и средните училища, в местата с компактно българско население.

Днес, децата-българчета, граждани на република Молдова могат да се приобщават към родния си език и националната култура чрез изучаване на българския език като учебен предмет или чрез обучаване в училище само на български език.

За българите-преселници изучаването на родната словесност и образованието на роден език винаги се е смятало за изключително важна задача.

Но контекста, в който днес се осмислят проблемите на образованието на българите в Молдова, значително се отличава от реалиите на глобализацията: се свят: родният език и родната култура са необходима основа за развитие на поликултурна личност.

Главната задача на училищата в Република Молдова е формиране на инициативна и способна за саморазвитие личност, която притежава системни знания и необходими компетенции, за да е успешна на трудовия пазар и да е открита за межкултурния диалог в контекста на усвоените национални и универсални ценности (Кодекс за образованието на РМ).

Образователният процес по български език и литература се осъществява в съответствие с учебния план и други документи, издадени от Министерството на образованието и изследванията на Република Молдова.

Основните и едни от най-важните нормативни документи, с които се ползва учителят, за да преподава българския език и литература е Курикулумът, училищният курикулум за 1. – 4., 5. – 9., 10. – 12. клас (който периодически се модернизират) и методологическият гид.

Новият курикулум - 2019 по български език и литература продължава основната линия на предишния и се базира на културологическа основа, отчита сложния социокултурен контекст на преподаването на родната словесност.

Основната цел на организацията на обучението по родна словесност е създаване на условия за развитие на хармонична личност – определена в своята етнокултурна идентичност и открита за диалога на културите.

Учебната дейност трябва да осигурява формиране на умения за пълноценно участие в речевото общуване, това означава ученикът да умее с езикови средства „да разпитва, да отговаря, да благодари, да насърчава, да приветства, да преразказва, да изказва предположения, да се шегува». Условие за успешно изпълнение на речевите актове в учебната и извънучебната дейност на подрастващите е умение за създаване и възприемане на текстове, предпочитани в определени комуникативни ситуации.

За да се повиши степента на адекватност на речевото поведение по отношение на комуникативната задача и условията на общуване, е нужно на всяко занятие:

- да се обогатява запасът от езикови средства, необходими за решаване на определена комуникативна задача;
- да се формират умения за ориентиране в комуникативната ситуация чрез осъзнаване ролята на социалните фактори в общуването;
- да се усъвършенстват уменията за създаване и възприемане на текстове, пълноценни в комуникативно отношение;
- да се развият умения за преодоляване на слабости в общуването чрез замяна на една речева стратегия с друга.

Най-важното в езиковото обучение е себеизразяване и разбиране на другия.

Учебното съдържание да е целенасочено към пълноценното използване на българския език, за разкриване на богатите му изразни възможности, за обогатяване на индивидуалния речников запас на учениците и развитие на реалните им възможности да се себеизразяват с помощта на българското слово, за овладяване на книжовната форма на българския език чрез развитие на устната и писмена реч на учениците.

През 2019 година светът неочаквано се сблъска с глобален проблем – пандемията от COVID-19. След наложения локдаун системата на образованието трябваше да се реформира по възможно най-бързия начин с помощта на съвременните технически средства и учителят отново да намери възможност за връзка с учениците и

да продължи своята преподавателска дейност. Пандемичната обстановка наложи по необходимост да се преподава ОРЕС – обучение от разстояние в електронна среда.

В контекста на пандемията COVID-19 се открояват няколко проблема:

- невъзможност да се повишава езиковата квалификация на учителите в Република България;

- осигуряване на технически средства за дистанционно обучение (лаптоп, интернет връзка) както за учителя, така и на ученици.

Проблеми от методическа гледна точка:

- липсва помощен материал за работа на местно ниво, адаптиран към диалектна среда;

- липсват методически пособия и примерни разработки на уроци;

- липсват методически пособия и примерни разработки за извърочната дейност: празници, традиции и обичаи на българския народ.

Но първи стъпки в решаването на този методически проблем бяха направени миналата 2020-2021 учебна година.

Учителите българисти от район Тараклия заедно със специалисти от Р България взеха участие в Програмата на МВнР-2020 г. за подкрепа на български общности в Република Молдова с българско самосъзнание, в Проекта «Запазване и разширяване обхвата на обучението по български език и литература в Република Молдова, който беше успешно реализиран от Неправителствената организация «Асоциация на учителите българисти в РМ» и Посолството на Република България в Република Молдова.

Бяха създадени «Книги за учителя» от 1. до 12. клас. Авторите на учебното помагало са преподаватели с първа професионално-квалификационна степен. Целта на «Книгата за учителя» е да подпомогне учителите българисти като им даде методически насоки за разработването на часовете по език и литература, изработване на тестове за оценяване на знанията и уменията на учениците след всеки модул и подготовка за матури (БАК).

Тя включва:

- примерно годишно разпределение от 1. до 12. клас;
- тестови задачи след всеки модул (в т.ч. входно и изходно ниво);
- разработка на един урок.

Реализирането на проекта се осъществи с финансовата помощ от страна на Р България, но да се надяваме, че това е само началото, защото учителите българисти имат нужда от методическа помощ и пособия, които да подпомогнат обучението и преподаването на роден език в мултиезична среда. Основите са положени и от нашия труд и взаимодействие, зависи да извървим останалата част от пътя.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Български език и литература.** Курикулум за 5.-9. клас. Методическият гид. Кишинев, 2020.
2. **Делибалтова М.** Дисертационен труд на тема: „Методика на преподаване на българска литература в диалектна среда – Тараклийски район, Р Молдова” Велико Търново, 2009.
3. **Димчев К.** Проблеми на обучението по български език в началото на 21 век. *LiterNet*, 2002.
4. **Методически препоръки за преподаване на българския език и литература 2021-2022 учебна година.** Кишинев, 2021.

5. **Червенков Н.** Обучение на български език в Република Молдова: исторически предпоставки // Преподаване на българския език в Република Молдова: опит и перспективи // Материали от научната конференция с.12-14. Кишинев, 2017.

НЕВЗОРОВА Валентина – унив. конф. / доцент, доктор – Тараклийский
государственный университет имени Гр. Цамблака –
vdnevzorova59@gmail.com

ВЪЗПИТАНИЕ НА МУЗИКАЛНО-ИЗПЪЛНИТЕЛСКО МИСЛЕНЕ У СТУДЕНТИТЕ ОТ СПЕЦИАЛНОСТТА „МУЗИКА” ПО ВРЕМЕ НА ЗАНЯТИЯ ПО ПИАНО

Ключови думи: *пиано, етюд, методи, пиеса, слухов контрол, акорд.*

В статията са дадени препоръки за възпитание на музикално-изпълнителско мислене като условие за творческо развитие на студентите от специалността „Музика“.

Целият комплекс от музикални дисциплини, които се водят в музикално-педагогическия факултет, служи на целта за всестранно развитие на музикалните способности у студентите и възпитание у тях на широк музикален кръгозор. Доброто владение на инструмента повишава общата квалификация на випускниците от факултета и им помага по-добре и по-бързо да усвояват другите предмети. За изпълнението на музикални произведения, за реализация на музикални замисли на пиано професионално грамотно, което е важно и за учителите по пеене, и за педагога по пиано в музикално-педагогическите училища, необходимо е колкото се може по-пълно да овладеят изпълнителските навици, да развият и усъвършенстват техниката на изпълнението.

Формирането на изпълнителските навици неизменно е свързано с възпитанието на музикално-слухови представи, с определен характер на звученето, тоест с тембровия слух. Навик за бързо свирене – това не е просто механичен процес, а сложно осъзнато действие. Осмислянето на нови способности за решаване на художествено-изпълнителски задачи, търсене на нови неща във възпитанието на технически умения трябва да бъдат в центъра на работата върху всяко произведение, в това число и върху учебните етюди. Важно е да се помни, че изпълнението на музикален инструмент е сложна дейност, в нея се съчетават навици и творчество.

Пътищата за развитие на техниката, методите на работа върху етюдите носят все повече индивидуализиран характер. Всеки учащ се притежава способности и определен характер, които са характерни само за самия него, което изисква особен подход от страна на педагога.

Ако учащи се, надарени с музикалност, с чувство на стил относно изпълняваните произведения, но малко са надарени в двигателно отношение, с такива студенти може да се правят повече инструктивни етюди, упражнения, и това няма да бъде спирачка в

техното музикално развитие, напротив, техните изпълнителски възможности ще станат по-широки и, следователно, на тях ще им бъде достъпно изпълнението на по-голямо количество художествено ярки произведения.

Със студентите обаче, у които не е достатъчно развито музикалното въображение, към изучаването на инструктивна литература трябва да се подходи по-внимателно. Струва ни се, че първоначално по-добре ще е да им се дадат технически подвижни пиеси с образни названия: «Светлячки» на Лукомски; «Волчок» на Илински, «Лесной ручей» на Назарова; «Пчолка» на Ромм.

Тези произведения ще помогнат за събуждане на въображението у ученика, а след това може да се изберат по-мелодични етюди. Всъщност във всеки инструктивен етюд има определен звуков образ и съответстващо звучене. Паралелно може да се подберат два-три технически трудни откъса от художествени произведения. Желателно е етюдът и тези откъси да са от един вид техника и да допълват един друг. Ако студентът в своето музикално развитие постигне успехи, може и работата върху двигателната страна да се подкара по-интензивно. Важно е да се помни, че студентът трябва да се развива в музикално, художествено отношение и да се обучава на техника за изпълнение.

Мислещият педагог във всяка конкретна ситуация ще намира нов път, необходим именно за дадения случай. Важна при това е постановката на ясна цел. Например: да се изспири етюд или упражнение с определена скорост, сила; ако целта на етюда е развитие на равно звучене – да не се допуска нито един случаен акцент, нито едно закъснение или ускорение.

Съвършено необходимо е упражнение за придобиване на физическите качества: сила, беглост, ловкост на пръстите, движение на ръцете постоянно да бъде свързано с възпитанието на психически фактори на изпълнителския апарат: на музикално-слуховите представи, емоционалността, внимателността. Работата върху звуковия образ на всеки учебен етюд неизбежно трябва да бъде свързана с хубаво легато. Главното в изпълнението на легато е слуховото усещане. Може старателно да се свързват с пръстите звуковете и да не бъде постигнато впечатлението за плавно свирене. Работата обаче върху техническата последователност, свързана с възпитанието на слухови емоционални представи, с хубава фразировка неизбежно води към развитието на техниката.

За пример на ефективността на препоръчаната методика нека проследим музикално-техническото развитие на студентките от I курса редовно обучение. В началото на учебната година в характеристиката на студентките ние отбелязахме качеството на тяхната музикална подготовка. По-нататък ще разгледаме два случая от нашата практика, всеки от които показва индивидуалното своеобразие на възникващите трудности и пътищата за тяхното преодоляване.

Студентката А. е завършила музикало училище. Нейното свирене е формално, технически небрежно. Почти изцяло отсъства слухов контрол. Движенията ѝ не са организирани, затрудняват изпълнението. На първите занятия отсъства интерес към работата, отношението към забележките на педагога е пасивно.

Като открива по време на първите занятия слабите страни в музикалната подготовка на студентката, педагогът набелязва ориентировъчен план за поправка на създадените навици. По този план учебният репертоар трябва да се състои от полифонично произведение, соната, инструктивен етюд и пиеса. Важно беше да се

определи развитието на техническите навици върху материал от етюда и умението съзнателно да се пренесе върху изучаването на други произведения. На занятиято студентката донесе разбор на етюд № 1 от Крамер, изпълнен небрежно. Тя свири неритмично, технически неясно, през цялото време се стараяше да вземе по-голям темп. След указание от страна на педагога обаче започна да свири по-спокойно и по-чисто, но не успя да поправи изпълнението си. Пролеча слабото развитие у нея на слуховия контрол и умението да слуша своето изпълнение.

Като използвахме различни методи, ние се спряхме върху най-ефективния от тях на този етап, ориентирайки студентката върху мисловното изпяване на техническите комплекси и осъзнаване на тяхната структура. Не веднага ни се отдаде да направим това: пречеше придишният навик на формално изпълнение (не ѝ се отдаваше да съсредоточи своето внимание върху изпяването на всяка нота), нямаше и интерес и желание да свири по-добре.

В пиесата винаги има ярък художествен образ, затова е и по-леко да се създаде интерес у ученика. В етюдите пък е важно да се покаже, че работата върху тясно-техническата задача помага по-добре да се изпълни основният художествен материал. Ние се постаряхме да направим паралел между етюда и сонатата на Хайдън в ми минор. При изпълнението на сонатата се създадоха същите недостатъци: слаб ритъм, техническо несъвършенство, формално отношение към музиката.

По-нататък ние определихме няколко най-трудни откъса в сонатата и започнахме да ги учим успоредно с етюда, използвайки общи методи в работата. След това се върнахме към мисловното изпяване в бавен темп. След няколко дни се набеляза развитие в посока към подобряване на изпълнението, студентката успя по-спокойно и ритмично да изпълни етюда и техническите места в сонатата. Мисловното прочитане на текста помогна да се създаде звуков образ, който стана водещ в изпълнението.

Методът на мисловното изпълнение на технически комплекси помогна да се подобри легатото на студентката А. Макар и не веднага, тя разбра основния принцип на свързаното изпълнение — умението да се дочува всеки звук. Стана по-добър и ритъмът в етюда: ако по-рано преобладаваше набор от бързи звукове, то сега тя можеше да свири по групи, изпълнявайки замисъла на автора, групирайки звуковете по четири, леко опирайки се на силните дялове.

Поправката на посочените недостатъци вървеше бавно. За да се повиши интересът към занятията, ние проведохме още един паралел в обучението: започнахме да изучаваме етюдите и да четем от листа несложни пиеси от репертоара за средните класове на музикалното училище, в които имаше несложни технически фигури от етюден план. Първите опити се решаваха трудно, ученичката се спираше пред всяка малка група от шестнадесети. Освен основния етюд на Крамер, ние взехме още няколко неголеми по обем етюди на Черни. Към четене от листа се връщаме след всеки 2-3 занятия. Съзнанието на ученичката ние през цялото време се стремихме да насочваме към осмисляне на комплексите от звукови съчетания, към умение да си ги представя още преди те да бъдат въплътени в звукове.

Тази трудоемка работа върху поправяне на недостатъците от слуховия контрол и неправилните навици за свирене към края на учебната година даде положителни резултати. Студентката изпълни своята изпитна програма по-осъзнато и технически

точно. В нейното изпълнение нарасна и чувството на увереност. На педагога му се отдаде да преодолее затормозеността на нейната познавателна дейност в процеса на подготовка и изпълнение на музикални произведения.

Нека да разгледаме друг случай. По време на занятията със студентката Т. Необходимо беше да се търсят други пътища. Тази студентка бе по-емоционална в психическо отношение. По време на занятията тя активно и бързо реагираше на забележките. С желание се наемаше да изпълнява всяко произведение от приетия индивидуален план. Обаче се затрудняваше да довежда започнатото до нужния завършек, понижаваше се и качеството на нейното изпълнение. В подготовката на студентката (в обема на музикалното училище) имаше много пропуски. Ние се стремихме да уточним представата за нейната музикална подготовка. В този план беше поставена задачата: да се анализират общите недостатъци в изпълнението на финала на соната № 1 на Бетховен и етюда в сол минор на Мошковски и да се отбележи взаимната връзка на методите в работата върху тях.

Първото изпълнение на студентката на тези произведения по време на занятието показва неумението ѝ да обхваща със слуха си дори малките по обем части. Затруднение предизвика още 2-ят такт на сонатата: никак не се получаваше фигурацията от триоли с лявата ръка. Т. често се спираше в процеса на изпълнението. Вниманието ѝ беше изцяло погълнато от трудността на партията с лявата ръка. На въпроса на педагога, къде са главната и акомпаниращата партии и в какво се състои трудността на техническата фигурация, студентката не можа да отговори. Нужно беше да се помогне на Т. логически да осмисли построението на главната партия.

Още по време на първото занятие педагогът с помощта на насочващи въпроси помоли да се направи анализ на акомпанеента на първите пет такта на сонатата. Т. отбеляза точното повторение на фразите (При изпълнението това не беше забелязано и Т. се опита да ги изпълнява като нов епизод). Педагогът я насочи към извода, че е достатъчно да се отработи първата половина на композицията и след това, като се обединят, двете части да се изпълнят като едно цяло.

По-нататък Т. сама можа да осмисли структурата на акордите (кратките и дълги арпеджио). Преди да се изпълни анализираният по такъв начин акомпанемент, беше предложено мисловно да се изпее цялата композиция и отново да се обърне внимание на всички штрихи. Следващото изпълнение с лявата ръка на акомпанеента вече не предизвикваше у Т. трудности. Техническите последователности звучаха свободно, с широко дихание, нямаше ги и предишните сринове и спирания. По качеството на звученето можеше да се каже, че слуховата памет и въображението ръководят изпълнението и е създаден звуков фон за решителни акорди на главната партия.

Техническата трудност на акомпанеента беше премахната чрез осмислена работа. Тези методи за Т. бяха нови, и тя с удовлетворение отбеляза явно напредване в своето изпълнение. Вкъщи Т. успя самостоятелно, използвайки класните указания, да поработи върху първата страница от етюда. Тя правилно намери общите трудности в тези две произведения.

Етюдът на Мошковски по своя художествен образ представлява ярка виртуозна пиеса, с блестяща фигурация в партията на лявата ръка. Паралелната работа върху етюда помогна по-добре да се преодолеят трудностите в сонатата. Ученичката разбра, че

изпълнението на най-добрите от етюдите способстват за развитето на един или друг изпълнителски навик. Тя се убеди, че тяхното изучаване помага за повишаване равнището на изпълнението на музикалните произведения.

В музикалното развитие на студентката Т. положително значение имаха също така нейната емоционалност и устойчивият интерес от процеса на обучение. Нейното механическо изпълнение започна да отстъпва място на изпълнение в съответствие с формиращите се музикални представи.

Въз основа на проведения опит за повишаване на професионалната грамотност на студентите в музикално-педагогическия факултет бяха открити необходимите психолого-педагогически условия за формиране на музикално-слухови представи и развитие на умения да оперират с тях. В този план особено са важни устойчивото интелектуално-волево внимание и активната съзнателна насоченост на музикалната дейност в процеса на обучение.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. **Шульгина В.Д.** Методические основы подготовки учителя музыки по курсу игры на фортепиано. Учебное пособие. Киев. КППИ, 2003г.
2. **Муцмахер В.** Тайны музыкального мира. М.2004г.
3. **Теплов Б.М.** Психология музыкальных способностей. М. Наука, 2003г.
4. **Воронина Н.И.** Музыкальное мышление как форма креативной деятельности. Дисс. Кан. Наук. 2003г.
5. **Баренбойм А. А.** Фортепианная педагогика. М. 2007г.
6. **Нейгауз Г.Г.** Об искусстве фортепианной игры.
7. Савшинский С. Работа пианиста над музыкальным произведением. М. Классика – XXI, 2004г.
8. **Бочкарёв Л.П.** Психология музыкальной деятельности. М. Издание. Институт психологии, РАН, 2007г.
9. Фортепианное обучение студентов разных специальностей в музыкальном Вузе. Сб. ст. (Государственный, музыкальный педагогический институт им. Гнесиных), М., 1987 г.

НЕВЗОРОВА Валентина, унив. конф. / доцент, доктор, Тараклийский государственный университет имени Гр. Цамблака – NevzVal@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РИТМИЧЕСКИХ НАВЫКОВ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В ПРОЦЕССЕ МУЗЫКАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ

Аннотация: *Статья посвящена анализу особенностей формирования ритмических навыков у младших школьников в процессе музыкального воспитания. Рассматриваются особенности формирования ритмических навыков у младших школьников в процессе музыкального воспитания и процесс музыкально-ритмического воспитания. Значительную роль в создании благоприятных условий для гармонизации отношений ребенка с природной и социальной средой, с окружающими людьми и самим собой играет система образования, обеспечивающая ритмизацию жизненного пространства детей, что является основой их здоровья, эмоционального благополучия, интеллектуального, эстетического и физического развития.*

Resume: *This article focuses on the peculiarities of formation of rhythmic skills regarding young learners in the process of musical education. The topic under discussion is the features of rhythmic skills formation related to young learners in the process of musical and rhythmical education.*

The educational system plays the important role in the creation of the favorable conditions for the child's harmonious relationship with the natural and social environment, people and him self in person, so that it provides the rhythm of children's living space, which is the base of their health, emotional, intellectual, aesthetic and physical development.

Ключевые слова: *ритм, чувство музыкального ритма, ритмика, музыкальное воспитание, ритмические навыки.*

Keywords: *rhythm, sense of musical rhythm, rhythmic, musical education, rhythmic skills.*

В условиях современного общества одной из актуальных проблем является формирование ритмических способностей и навыков у младшего школьника в процессе музыкального воспитания. Современная цивилизация отличается ускорением темпа жизни и многообразием жизненных ритмов, с которыми постоянно сталкивается каждый ребенок. Такое многообразие ритмов, а нередко и аритмичность жизненных процессов, обусловленных социальными проблемами, создает хаотичность в отношениях ребенка с миром и носит разрушительный характер.

Вопрос ритма и его влияния на развитие человека всегда интересовал педагогов, философов, психологов и представителей других наук.

Еще с древних времен музыке и движениям под музыку придавали большое значение в воспитании детей. Учителя использовали в своей работе, особенно с младшими школьниками, отдельные методы и приемы, разработанные как отечественными ритмистами - И.Гаджим, М.Морарь, Д.Христов, так и зарубежными педагогами исследователями – Эмиль-Далькроз, К.Орфом, Золтан.Кодаем и другими.

В раннем возрасте музыкально-ритмическое чувство проявляется в том, что слышание музыки совершенно непосредственно сопровождается теми или другими двигательными реакциями, более или менее точно передающими ритм музыки.

Чувство музыкального ритма – это комплексная способность, включающая в себя восприятие, понимание, исполнение, созидание ритмической стороны музыкальных образов.

Ощущение ритма – природная особенность человеческого организма, и это ощущение присуще ребенку с первых дней его жизни. Так как чувство ритма трудно поддается воспитанию, то начинать его развивать нужно именно с младшего школьного возраста.

Чувство ритма в основе своей имеет моторную природу. Это дает возможность отметить следующие психологические особенности проявления музыкального чувства ритма у младших школьников:

1. Восприятие ритма обычно включает те или другие двигательные реакции. Это могут быть видимые движения головы, руки, ноги или качание всем телом.
2. Большинство школьников не осознает этих двигательных реакций до тех пор, пока на них специально не будет обращено внимание.
3. Все сказанное особенно проявляется по отношению к восприятию ритмического акцента. С психологической стороны ритмический акцент выражается в своеобразном переживании активности, «чувства деятельности».

Младший школьный возраст чрезвычайно важен для дальнейшего овладения музыкальной культурой. Современные научные исследования свидетельствуют о том, что развитие музыкальных способностей, формирование основ музыкальной культуры нужно начинать с раннего возраста. Музыкальное развитие оказывает ничем не заменимое воздействие на общее развитие: формируется эмоциональная сфера, совершенствуется мышление, ребенок делается чутким к красоте в искусстве и жизни. Только развивая эмоции, интересы, вкусы ребенка, можно приобщить его к музыкальной культуре, заложить ее основы. Младший школьный возраст чрезвычайно важен для дальнейшего овладения музыкальной культурой. Если в процессе музыкальной деятельности будет сформировано музыкально-эстетическое сознание, это не пройдет бесследно для последующего развития человека, его общего духовного становления.

Одним из условий всестороннего развития музыкальных способностей детей является разнообразная музыкальная деятельность на уроках музыки. Музыкальное восприятие развивается не только в процессе слушания музыки, но и в других видах музыкальной деятельности. Поэтому очень важно, чтобы учащиеся приобретали навыки и умения в области пения, ритмики, игры на детских музыкальных инструментах,

осваивали азы музыкальной грамоты, способствующей осознанному, выразительному исполнению песен, чтению ритмических партитур. Чувство ритма здесь выступает как одно из условий формирования музыкальной культуры. С помощью игры на детских музыкальных инструментах чувство ритма можно развить. Развитие этой способности предполагает умственные операции: сравнение, анализ, сопоставление, запоминание – и, таким образом, влияет не только на музыкальное, но и на общее развитие ребенка.

Именно ритм является в человеке и духовной и физической сущностью. При помощи ритма происходит отражение школьниками духовного мира в двигательных действиях, выразительности чувств и эмоций, ярко проявляется индивидуальная духовность учащегося в процессе эстетического воспитания.

Творческие проявления детей в ритмике, танцах являются важным показателем музыкального развития. Для развития танцевального творчества необходимо, чтобы ребёнок эмоционально отзывался на музыку, верил в необычную ситуацию, мог выполнить движения с воображаемыми предметами.

Педагог должен особо позаботиться о создании благоприятных условий для обучения. Повышенное внимание следует уделять отбору музыкальных произведений.

Репертуар должен содержать и классическую, и современную музыку, чтобы постоянно обогащались их музыкальные впечатления, воспитывался эстетический вкус на лучших образцах музыкального искусства. При этом педагог должен учитывать возрастные и индивидуальные особенности детей, а также их склонности и интересы.

Для развития чувства ритма младших школьников, есть интересные игровые упражнения, нацеленные на развитие этого компонента музыкальных способностей. Дети с интересом играют в игру “Повтори ритм”. Один ребенок выполняет хлопками, притопами или на музыкальном инструменте (допустим, бубен), ритм, все остальные повторяют. В игре “Ритмический кубик” можно разделить детей на подгруппы. На сторонах кубика графически изображены различные комбинации ритмических рисунков. Дети, по очереди бросают кубик и отбивают соответствующий ритм. Для более точного воспроизведения ритма при разучивании песни используем игру в дирижёра. Кто-то из детей, “волшебной палочкой” подсказывает ритм при исполнении мелодии.

Работа над развитием чувства ритма проводится на каждом уроке и на разных его этапах: в пении, слушании музыки, музицировании на детских музыкальных инструментах и играх.

Методика обучения ритмике содержит три этапа:

1) знакомство детей с новым упражнением, пляской или игрой. Создается целостное впечатление о музыке и движениях. Это начало разучивания в общих чертах.

2) углубление разучивания. На этом этапе происходит уточнение, создание целостного музыкального образа, настроения музыки;

3) закрепление представлений о музыке и движении, поощрение детей на самостоятельное выполнение разученных движений; творчество детей, придумывание новой композиции хоровода из разученных элементов танца.

Для активизации и последовательного формирования чувства ритма, ритмических навыков используются небольшие и несложные по форме произведения, освоенные учащимися в пении, игре на звуковысотных инструментах или в процессе слушания.

Развитие чувства ритма идет параллельно в нескольких направлениях: одно дает детям понимание соотношения различных длительностей, другое – обеспечивает усвоение разных ритмических фигур и через их запоминание – развитие внутреннего ритмического слуха, третье закрепляет представление о сильных и слабых долях благодаря воспроизведению их пульсации, четвертое способствует формированию представления об эмоциональной сущности ритма через инструментальное сопровождение.

Таким образом, музыкально-ритмическая деятельность привлекает детей своей эмоциональной окрашенностью, возможностью активно выразить отношение к музыке в движениях. Благодаря этой деятельности удовлетворяется естественная потребность детей в движениях.

Система упражнений, выстроенная по принципу «от простого к сложному», с учетом всех необходимых музыкально-ритмических навыков и навыков выразительного движения, при условии многократного повторения заданий, поможет успешному выполнению требований программы.

В заключении хочется отметить, что главная задача педагога - приобщить детей к удивительному миру музыки и танца, способствовать их всестороннему эстетическому развитию, используя накопленный опыт, а также открывая новые неизведанные направления, позволяющие найти что-то новое в педагогике.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. **Апраксина О.А.** Музыкальное воспитание в школе. – выпуск 2 – М.:1963. – 110 с.
2. **Борщ, А., Морарь, М., Стынгэ, А.** Музыкальное воспитание. Пособие для учителя. – Кишинев: Ştiinţa. – 2011.
3. **Белобородова В.К.** Музыкальное восприятие к теории вопроса.
4. Музыкальное восприятие школьников. – М.: 1975. – 506 с.
5. **А. Курачицки, Т. Демченко, И. Лахтина.** Гид по внедрению Куррикулума для начального образования. – Кишинэу, 2018.
6. **Невзорова В.,** Болгарская национальная специфика хорового творчества Добри Христова – Кишинев, 2016.
7. **Тарасов Г.С.** Музыкальная психология. Спутник учителя музыки. – М.: 1993. – 704 с.

НЕВЗОРОВА Валентина – унив. конф. / доцент, доктор – Тараклийский государственный университет имени Гр. Цамблака – vdnevzorova59@gmail.com

ГАГАУЗСКИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ УРОКОВ МУЗЫКАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ

Ключевые слова: *творческие способности, гагаузский музыкальный фольклор, инновационные методы, куррикулум «Музыкальное воспитание», условия формирования.*

Современный ребенок живущий в условиях многонационального региона находится в постоянном общении с носителями иных культурных традиций. Творчество на протяжении всего исторического периода становления педагогической науки вызывает интерес как теоретиков, так и практиков образования. Стратегия современного образования заключается в предоставлении возможности всем учащимся проявить свои таланты и творческий потенциал, подразумевающий возможность реализации личных планов. Видное место в выполнении этой задачи отводится музыкальному фольклору, особенностью которого является ярко выраженная региональная принадлежность. С точки зрения педагогики, наиболее актуален вопрос о формировании творческих способностей именно у детей младшего школьного возраста. Поэтому на социально-педагогическом уровне актуальность проблемы определяется многоэтничностью большинства регионов нашей страны, социальным заказом государства на формирование творческой личности, что открывает широкие возможности педагогическому поиску инновационных методов обучения и воспитания.

Таким образом, обращение к творчеству как педагогической проблеме является одним из приоритетных направлений современной науки и практики. Кроме того, механизм его адаптации требует нахождения компенсаторных процессов в собственной жизни и жизни общества в целом. Одним из таких компенсаторных механизмов выступает фольклор вообще и музыкальный фольклор в частности. На стыке двух актуальных проблем действительности - творчество и вечные ценности, - носителем которых выступает музыкальный фольклор, и находится данная проблема: гагаузский музыкальный фольклор как средство развития творческих способностей учащихся.

Куррикулум определяет содержание и организацию образовательного процесса на ступени начального общего образования, которые направлены, в том числе, на развитие творческих способностей учащихся. Они предусматривают принцип творчества, который

означает максимальную ориентацию на творческое начало в образовательном процессе, приобретение учащимся собственного опыта творческой деятельности. Большое место уделялось игровой деятельности учащихся с использованием музыкального фольклора, как ведущей в младшем школьном возрасте [5].

В 4-ом классе, в котором проводилось исследование, 15 часов изучаются 2 темы: «Музыка моего народа – музыкальный фольклор»- 8 часов и «Сокровищница музыкального фольклора» - 7 часов. Единицами компетенций являются:

- ✓ Выразительное исполнение несложных фольклорных произведений.
- ✓ Сопоставление фольклорных произведений с другими музыкальными произведениями: язык, содержание, предназначение.
- ✓ Объяснение собственной точки зрения относительно особенностей музыкального народного искусства.
- ✓ Описание идей и эмоциональных переживаний после прослушивания произведений, относящихся к сокровищнице музыкального фольклора [12].

Фольклор в учебно-воспитательном процессе выступает как средство для гармонического развития детей. Мы согласны с мнением Г.В. Лобковой о том, что "внедрение фольклорного материала как стержневой составляющей образовательного процесса, начиная с дошкольной ступени и заканчивая старшими классами, позволит естественным действенным путем решить задачи углубленного постижения не только языка, но и основ мировосприятия, мироощущения, свойственных народу" [11; 2].

В формировании творческих способностей школьника значительную роль играет приобщение к народному музыкальному творчеству, к народной песенной культуре. Для развития творческих, музыкальных, коммуникативных способностей необходимо выполнение ряда условий:

- ✓ единство процесса обучения и воспитания;
- ✓ осуществление межпредметных связей в рамках фольклора;
- ✓ разнообразие видов деятельности, форм занятий (урок, праздники, посещение музеев, выставок);
- ✓ наличие благоприятных условий (специально оформленные помещения, оборудованный интерьер).[13]

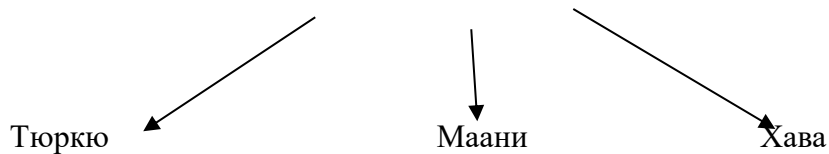
Соблюдение перечисленных условий позволит построить процесс развития творческих способностей школьников на основе гагаузского фольклора.

Необходимость обращения к истокам народного искусства, традициям, обычаям гагаузского народа не случайна, не секрет, что помимо экономических трудностей, АТО Гагаузия сейчас переживает кризис воспитания подрастающего поколения. Нарушились традиции, порвались нити, которые связывали старшее и младшее поколения. Поэтому, очень важно возродить преемственность поколений, дать детям нравственные устои, патриотические настроения, которые живы в людях старшего поколения. Безжалостное отрубание своих корней от народности в воспитательном процессе ведет к бездуховности. Мы проводили эксперимент с детьми преимущественно гагаузского этноса, поэтому использовали гагаузский фольклор.

В общей гамме духовных потребностей, сопровождающих жизнь гагаузского народа, не последнюю роль играет сфера музыкального творчества, основой которой, как, собственно, и многих других народов, является песенно-инструментальный пласт

народного творчества, сохранившийся в форме устной традиции. В народном музыкальном быту гагаузов утвердились относительно самостоятельные три жанра, каждый из которых имеет свое специфическое название:

Гагаузский фольклор

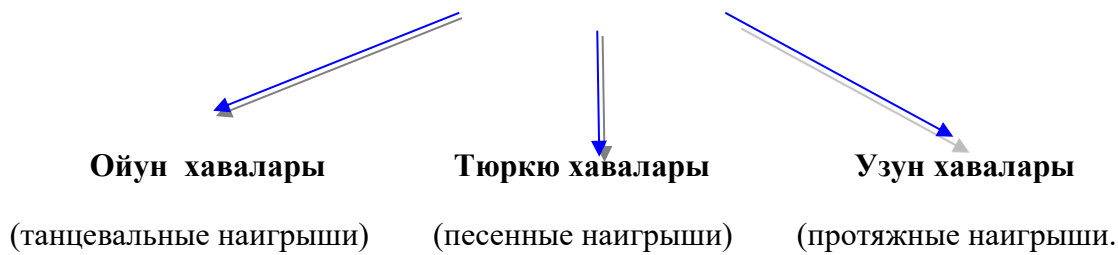
«Тюркю» - в переводе с гагаузского означает - песня, основной народный музыкальный жанр гагаузов, поднявшимся до большого уровня обобщения черт национального характера народа, яркого воплощения его героических образов. Тюркю (türkü) –означает степенная песня. Он является основным народным музыкальным жанром, поднявшимся до уровня обобщения черт национального характера гагаузского народа, яркого воплощения его героических образов. Напевы большинства песен отличаются красивой интонационностью, богатством метроритмических оборотов развернутой повествовательной мелодикой, разнообразной ладовой основой, в которой, преобладает минорный строй, что роднит этот главный жанр гагаузов с общетюркской любовно-страдальческой музыкой «Ашик гарип». Интересны и поэтические тексты «тюркю», начиная от глубоко эпических, исторических, обрядовых и заканчивая группой бытовых и любовно-лирических песен с весьма обширным кругом жизненной тематики. «Тюркю» отличаются большим жанровым разнообразием (лирические, эпические, лирико-бытовые, свадебные, баллады, плачи, сиротские и т. д.), их мелодии нередко являются вариантами напевов, известных в фольклоре народов Балканского полуострова. Нередко в основе их ладовой структуры лежит пентатоника. [4].

«Маане» - вокальный жанр, в переводе с гагаузского означает частушка – призвана раскрыть народный оптимизм, веселье, радость. Для текста обязательно четверостишие. Тематически подразделяется на бытовые, обрядовые, любовно-шуточные, сатирические.

По своему общему характеру, мани является противоположностью «тюркю». Если «тюркю» отличается серьезной, значительной тематикой и соответствующими формами и приемами воплощения, то «мани» поистине призван раскрыть народный оптимизм, веселье, радость. Это четверостишие семидольного размера, диапазон мелодии — в пределах кварты, квинты; Все «мани» характеризуют игровая подвижная ритмика, четкий метрический рисунок, скорый темп, квадратность построения и яркий эмоциональный подъем. Для текстов «мани» обязательно четыре строчки. В каждом стихе должно быть не более восьми и не менее пяти слогов, но чаще всего встречается семислоговый размер. Тематически «мани» подразделяются на следующие виды: обрядовые, бытовые, любовно-шуточные, сатирические. [14].

Третий жанр гагаузского музыкального фольклора **«Хава»** - в переводе с гагаузского означает - наигрыш – представляет инструментальную область, в которой в свою очередь наблюдаются 3 поджанра

«ХАВА»

Ойун хавалары связаны непосредственно с народной хореографией гагаузов, охватывающей немалое количество типов танцев и движений. Каждый вид танца сопровождается своей неповторимой мелодикой и ритмом. Наиболее популярными же являются танцевальные мелодии в различных смешанных метрах: 5 / 16; 7 / 16 и, в особенности, 9 / 16 – которые наиболее выражают специфику гагаузской музыки. Самыми известными гагаузскими танцами и, соответственно, танцевальными мелодиями являются следующие виды со своими характерными названиями: «Кадынджа», «Фырли кундак», «Дюз хава» («Хору»), «Ельжа», «Марамжа», «Аар оюн» и другие. Общий характер музыки энергичный, темпераментный, хотя встречаются мелодии и в более спокойном размере 4 / 4 (хору). В основе второго поджанра – тюркю хавалары – лежат мелодии популярных гагаузских или инонациональных песен, переработанных на инструментальный лад и исполняемых специально для слушания. Среди обрядовых мелодий — «Гелин хавасы» (мелодия невесты), «Ааламак хавасы» (плач), и целый ряд других мелодий, посвящённых обряду невесты. Некоторые образцы этого типа наигрышей благодаря талантливым народным исполнителям приобрели новые высокохудожественные качества (кираца хавасы). Третий поджанр – узун хавалар – представляет вполне самостоятельный вид гагаузских инструментальных наигрышей, проникнутый повествовательно-импровизационным характером и основанный на оригинальной мелодии. Такого рода наигрыши рождались главным образом в чабанской среде и исполнялись, как правило, сольно на духовых инструментах – кавал, чиртма, дюдюк.

С гагаузской народной инструментальной музыкой связаны и распространенные в народе музыкальные инструменты. Гагаузские народные инструменты делятся на три группы: струнные, духовые и ударные. К струнной группе принадлежат два смычковых (кеменча, кауш(трёхструнный смычковый)) и два щипковых (кобза, тамбура) инструмента. В группу духовых инструментов входят: кавал, жиртма, гайда (вид волынки) и дюдюк. Ударную группу представляет барабан среднего размера -даул или доба и редко применяемые звеняще-ударные инструменты типа бубна. Кроме перечисленных инструментов в среде гагаузских народных музыкантов широко используются и классические инструменты: скрипка, контрабас, кларнет, труба, саксофон и, в особенности, аккордеон. Все инструменты могут использоваться как сольно, так и ансамблево. [1].

Во все периоды своей непростой истории в гагаузской народной среде появлялись талантливые самородки, своеобразные «баяны», которые в своих песнях или инструментальных наигрышах отражали происходящие в жизни народа как печальные (порою и трагические), так и радостные события. Из самобытных гагаузских музыкантов, в разные исторические периоды созидавших на ниве народного музыкального творчества и находившихся в самой гуще народа, благодарная память того

же народа сохранила следующие имена: певцы – Елена Димова (Кыпчак), Михаил Мичкарь (Чадыр-Лунга), Гудора Дукал (Казайак), Мария Радова (Комрат); скрипачи – Иван Юварлак (Комрат), Степан Лазарек (Чадыр-Лунга), Афанасий Дишли (Александровка, Украина), П. Недов (Дезгинжа); кавалисты – Петр Кара (Конгаз), П. Петкович (Джолтай); трубачи – Григорий Данаджи (Казайак), Иван Гергеледжи (Гайдар); баянисты-аккордеонисты – Иван Ерыгин (Комрат), Михаил Орманжи (Чадыр-Лунга), Иван Данаджи (Казайак) и многие другие. В некоторых селах гагаузского региона в разное время создавались и интересные инструментальные и вокальные фольклорные ансамбли. Среди них наиболее известны семейный оркестр «Данаджи» (Казайак), «Гагаузлар» (Вулканешты), вокальные ансамбли «Седеф» (Бешалма), «Севда» (Казайак), народно-эстрадный ансамбль «Арзу» (Джолтай). Особая страница в истории народной музыки гагаузов связана с именем Дионисия Танасоглу. Известный гагаузский писатель, поэт, ученый был наделен от природы и прекрасным музыкальным талантом. Создавая свои самобытные песни и инструментальные мелодии, он сам же их и исполнял, неплохо владея своим голосом и игрой на скрипке.[8].

Интерес к собиранию и изучению гагаузского музыкального фольклора впервые был проявлен в конце XIX – начале XX веков известным русским этнографом-тюркологом В. А. Мошковым. Наряду с другими фольклорными материалами его живо интересовал и музыкальный быт гагаузов, что подтверждается записанными им (свыше 100) образцами гагаузских народных песен и инструментальных наигрышей, помещенных в приложении к его научной работе «Гагаузы Бендерского уезда Бессарабии». В 30-е годы 20-го века судьбой родной культуры, был заинтересован и й гагаузский священник и просветитель Михаил Чакир.

Приобщение детей к народной культуре осуществляли через систему музыкальных занятий, праздников и развлечений.

Считаем, что ребёнок должен быть не просто слушателем, а активным участником процесса познания, а развитие творческих музыкальных способностей детей посредством гагаузского народного фольклора начинать надо с раннего возраста. Детям этого возраста наиболее понятен фольклорный материал. Учащиеся начальных классов воспринимают в песне прежде всего её словесное и наглядное содержание. Народные песни вызывают у детей огромный интерес, эмоциональную отзывчивость, побуждают детей подпевать, то есть способствуют развитию ладового чувства, музыкально-слуховых представлений.

На формирующем этапе эксперимента мы определили структуры модулей, используемых на уроках и внеклассных занятиях, опираясь на учение о целостности процесса приобщения детей к музыкальному искусству, о доминировании деятельности восприятия в данном процессе, а также на идеи включения в процесс приобщения репродуктивной и продуктивной деятельности детей. Поэтому все модули имели одинаковую структуру, включающую восприятие, репродуктивное и творческое музицирование. Были разработаны следующие модули: «Восприятие примеров народной гагаузской музыки», «Диалоговое музицирование», «Импровизация на народных гагаузских инструментах».

Цель первого модуля – формирование знаний о музыкальной культуре гагаузского народа и накопление опыта восприятия гагаузской народной музыки;

второго – освоение традиций гагаузского музыкального исполнительства – (диалог и соревнование); третьего – освоение традиций народного исполнительства – (инструментальная импровизация). В каждом модуле доминирует определенный вид деятельности, а последовательность введения видов деятельности зависит от цели и задач каждого модуля.

Введение в содержание Куррикулума репертуара и содержания, связанного с гагаузским фольклором, по которой велись уроки музыки в экспериментальной группе происходило с целью восполнения недостающего материала по приобщению детей к музыкальному гагаузскому фольклору: при этом содержание программы не менялось. Данное содержание было симметричным, а содержание модулей – вариантными при наличии единой структуры, которые были обусловлены задачами урока – ознакомление или закрепление знаний и умений, содержанием музыкального произведения, которое было выбрано на конкретном уроке для восприятия и желанием детей заниматься той или иной деятельностью.

Разработка содержания, определение последовательности видов музыкальной деятельности детей, а также действий учителя в нашем эксперименте вели в опоре на такие направления работы по приобщению их к традиционной культуре, которые имелись в школьном музыкальном образовании. В нашем эксперименте модуль «Восприятие примеров народной гагаузской музыки» включал: формулировку задачи для учащихся, небольшое вступительное пояснение и представление музыкального произведения (его восприятие), организацию процесса размышления о произведении, включавшего и рассказ о музыкальных традициях, творческое музицирование, исполнение на гагаузском народном музыкальном инструменте фрагментов произведения (ритмических и мелодических).

Использование в нашем эксперименте такой структуры показало, что наибольший интерес у младших школьников вызывала деятельность, связанная с творчеством по музыкальному произведению.. Она включала: формулировку задачи на создание творческого продукта, связанного с образом предлагаемого в последующем музыкального произведения, творчество в художественном контексте музыкального произведения, восприятие музыкального произведения, размышление по поводу воспринятого в опоре на музыкальный и жизненный опыт детей, рассказ о народных музыкальных традициях. В эксперименте при повторении изученного использовалась первая, несколько измененная структура модуля, включающая ознакомительную беседу, при знакомстве с новым музыкальным материалом – вторая структура. Музыкальный материал включал композиторские, например, Semion Pometco „TURNALAR” , „TEPELAR”, Pavel Fusu” LELEC” или народные, например, «Keratsa avasi» Методами, используемыми при внедрении этого модуля являются: размышление о музыке, сравнение, наглядно-слухового показа, ретроспектива и перспектива.

Для второго и третьего модуля после ознакомления с более чем двадцатью народными гагаузскими инструментами был выбран определенный набор инструментов, включающий:

ударно-шумовые: даул, доба (барабан), бубен;

духовые: кавал(свирель), чиртма(флейта) , гайда (волынка), дюдюк (дудочка).

Структура модуля «Диалоговое музицирование» в нашем эксперименте была одинаковой: постановка задачи для выполнения творческого задания, прослушивание музыкального произведения, имеющегося в программе по музыке, или составление рассказа по выбранной теме; выбор инструмента из тех народных гагаузских инструментов, которые находились в классе, демонстрация учителем игры на данном инструменте, исполнение диалога (учитель-ученик), оценка учащимися класса исполнения диалога. Спектр видов музыкального диалога был расширен, т.к. ритмический диалог мог включать только ударные инструменты и отчасти шумовые, кроме того, осуществление музыкального диалога только в паре (учитель-ученик, ученик-ученик) не давало возможность охвата такой деятельностью всех учащихся класса. Виды диалога: вокальный и инструментальный диалог (диалог-повтор, диалог-аккомпанемент), ритмический диалог, мелодико-ритмический диалог (по строкам стихотворения); инструментальный диалог (диалог-соревнование на заданную тему с одним и несколькими народными инструментами), полилог, включающий все виды диалога с участием всех школьников класса, поделенных на диалоговые пары. Для диалогов учащимся предлагались на выбор такие темы, как, например, «Секиргă» (Кузнечик), «Кесигик» (Козленок), Iortu kadînjasi (Праздничная кадынжа), «Праздник Kolada» (Рождество Христово), «Uiku turkusu» (Колыбельная) и др.. Методы, используемые при внедрении этого модуля в уроки музыки: ролевая игра, моделирования художественно-творческого процесса.

Разработка содержания, определение последовательности видов музыкальной деятельности детей, а также действия учителя в эксперименте вели в опоре на такие направления работы по приобщению их к традиционной музыкальной культуре гагаузского фольклора, которые имелись в школьном музыкальном образовании. В эксперименте модуль «Восприятие примеров народной гагаузской музыки» включал: формулировку задачи для учащихся, небольшое вступительное пояснение и представление музыкального произведения (восприятие его), организацию процесса размышления о произведении, включавшего и рассказ о музыкальном фольклоре, творческое музицирование, исполнение на народных музыкальных инструментах фрагментов произведения (ритмических и мелодических).

С 4-классниками мы ходили к пожилым людям села, собирая и записывая песни, пословицы, поговорки и сказки. Нами были организованы, отрепетированы и проведены праздники, включающие традиции и обряды гагаузов села: Колада, Баба марта, Лазари, Пипируда, День вина. Выучили гимн Гагаузии, гагаузские народные песни «Oglan», «Kesesik». Познакомились с биографией гагаузских композиторов М. Kolsa, P.Petković, а также с творчеством фольклорных коллективов «Sevda», «Sedefi», «İldizcik».

Анализ результатов в процессе наблюдения за выполнением учащимися заданий показал, что при выполнении заданий дети показывали улучшение результатов, практически не было тех, кому было безразлично гагаузская музыка, ребята с удовольствием посещали уроки музыкального воспитания. Стало больше желающих участвовать в различных школьных и внешкольных мероприятиях. Дети подобрали для гагаузских танцев картинки с гагаузскими танцами, гагаузским костюмом, обратив внимание на национальный колорит картинки. Дети успешно выполняли музыкальный диалог, но, все-таки, некоторые учащиеся повторяли музыкальные и ритмические фразы

экспериментатора буквально, не меняя их, хотя возможность импровизации им предоставлялась. Учащиеся с удовольствием импровизировали на выбранные сюжеты и художественные образы. При этом дети использовали для собственных импровизаций именно гагаузские народные музыкальные инструменты, включая в импровизации словесные вставки-рассказы. Следует заметить, некоторые из школьников повторяли сюжеты известных гагаузских музыкальных песен.

Ребенок, почувствовав себя сопричастным к процессу создания и озвучивания песни, инструментального наигрыша, сочиняя собственные варианты мелодии, подголоски к ней, «составляя» композицию, исполнительский план песни, сможет проникнуться мыслью о том, что творчество неизвестных композиторов и исполнителей, народных образцов музыкального фольклора неразрывно в своем единстве. Исполнение фольклорных наигрышей и мелодий обогащает представления ребенка о роли и месте исполнителей в сохранении музыкального наследия. Постигание народной музыкальной культуры в школе идет по двум направлениям: во-первых, это изучение подлинных или стилизованных образцов народного фольклора; во-вторых, это знакомство с музыкальными произведениями композиторов, в которых ярко выражено фольклорное начало или использованы подлинные народные мелодии. Опора на молдавскую музыкальную культуру делает естественным и органичным приобщение детей к музыкальному фольклору других народов Молдовы и мира, когда дети выявляют общность жизненного содержания образцов народной музыки, «сходство и различие» родных напевов с фольклором других стран. Несмотря на то, что учебное время ограничено, можно реализовать много задач, включая полезные в начальной школе образцы музыкального фольклора для детских импровизаций (речевых, пластических, инструментальных). Первые опыты формирующего эксперимента свидетельствовали о возможном приобщении ребенка к созданию своего «сочинения» в структуре гагаузской мелодии в любой форме самовыражения. Они дают относительно положительные результаты и способствуют развитию устойчивого интереса и болгарских и русских, и гагаузских детей к сокровищницам народной гагаузской музыки.

Считаем, что одной из главных задач деятельности учителей музыкального воспитания является формирование творческих способностей учащихся в результате обогащения детей знаниями о музыкальном фольклоре своих дедов, прадедов на основе деятельностного подхода.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. **Liuba Cimpoeș**, Gagauz halk tiurkiuleri Editura Pontos, Chișinău, 2001.
2. **Metodologia privind implementarea evaluării criteriale prin descriptori**, IȘE,
3. **Morari, M.**, Criterii de evaluare a rezultatelor educației muzicale. În: Evaluarea în sistemul educațional: deziderate actuale. Materialele Conferinței Științifice Internaționale, 9-10 noiembrie 2017, Institutul de Științe ale Educației, Chișinău, 2017. c. 186-189
4. **Булгар С.С.**, История и культура гагаузов, Комрат-Кишинэу, 2006
5. **Выготский, Л.С.** Игра и ее роль в психологическом развитии ребенка: Вопросы психологии / Л.С. Выготский. – М., 2006. – 541с.
6. **Гагаузские праздники, обычаи, обряды**, часть 1, Pontos, Chișinău, 2017.
7. **Гагаузские праздники, обычаи, обряды**, часть 2, Pontos, Chișinău, 2017.
8. **Kolsa M.**, Turkular (cîntece), Editura Lumina, 1995.

9. **Колса М.**, Turkular(песни), Литература артистикэ, 1989.
10. **Марина Морарь, Павлина Заватин, Нина Тома**, Методология критериального оценивания через дескрипторы, 4-й класс. Кишинэу: МОКИ, ИПН, 2018.
11. **Мехнецов А.М., Лобкова Г.В.** Традиции народной культуры: итоги и перспективы комплексного изучения // Кулев А.В. На пути к возрождению: Опыт освоения традиций народной культуры. - СПб., 2001. - С.9-17.
12. **Морару М., Стынгэ А.** Музыкальное воспитание: Гид по внедрению модернизированного курикулума начального и гимназического образования. – Кишинев: Luceum, 2011.
13. **Национальный курикулум. Начальное образование.** Кишинев: МОКИ, 2018.
- 14.

НЕВЗОРОВА Валентина – унив. конф. / доцент, доктор – Тараклийский государственный университет имени Гр. Цамблака –

vdnevzorova59@gmail.com

РОЛЬ КЛАССИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ В РАЗВИТИИ И ВОСПИТАНИИ ШКОЛЬНИКОВ

Ключевые слова: музыка, восприятие, жанры, формы, стили, художественный вкус.

Из всех видов искусства музыка обладает наибольшей силой воздействия на человека, непосредственно обращаясь к его душе, миру его переживаний, настроений. Ее называют языком чувств моделью человеческих эмоций. Музыкальное искусство играет огромную роль в процессе воспитания духовности, культуры чувств, развитие эмоциональных и познавательных сторон личности человека. В самой природе человека лежит интерес к музыке. Еще находясь в утробе матери, ребенок слышит звуки окружающего мира. Влияние музыки на развитие личности огромно, поскольку она обладает специфическими возможностями воздействия на сферу чувств, внутренний мир человека.

В настоящее время, благодаря достижениям технического прогресса, в повседневной жизни человек постоянно окружен музыкой. Избыток всевозможной звуковой информации приучает его слух скользить по поверхности, слушать музыку, не вникая в неё, воспринимать её как фон. Для того чтобы ребенок не потерялся в этом мире звуков, чтобы музыка стала для него значимой, приобрела личный смысл, необходимо научить его воспринимать и понимать её образную и нравственную сущность. Восприятие музыки – процесс трудоемкий. Для развития способности к восприятию музыки нужны как внешние (звучащая музыка), так и внутренние (психологические) условия. Кроме того, требуется период накопления музыкального опыта. Такое накопление наиболее эффективно происходит в процессе активного участия в музыкальной деятельности – во время пения, игры на инструменте, слушания музыки. И чем раньше начать учить детей слушать и понимать музыку, сопереживать ей, тем быстрее ребенок раскроется эмоционально.

Ведущая роль в реализации познавательной и коммуникативной функции музыки - ее восприятии и анализе, принадлежит такому виду музыкальной деятельности как слушание музыки. Оно является одной из лучших форм работы для развития

способностей воспринимать музыку и внимательно вслушиваться в разные ее особенности. К тому же, слушание позволяет познакомить детей со значительно более сложной музыкой по сравнению с той, которую они сами исполняют. Слушание дает возможность услышать музыку разных жанров, форм, стилей, эпох. Способствует расширению музыкально слухового запаса, формированию определенного музыкального слухового сознания. Большое значение здесь имеют словесные объяснения учителя, его беседа с учениками. Учитель призван помочь учащимся выявить нравственную направленность произведения, его положительное влияние на человека, научить детей выражать личное отношение к прослушанной музыке или передавать настроение музыкального произведения. Но слово педагога о музыке должно быть кратким и ярким, образным и направленным на характеристику содержания произведения. Живое восприятие звучания не следует подменять измененными разговорами о музыке, ее особенностях.

В наше время слушание музыки становится доступной формой общения с искусством для широких слоев населения благодаря широко развитой концертной деятельности, развитию многообразных видов технических средств, способных воспроизводить музыку (радио, кино, телевидение). Поток музыкальной информации практически безграничен. А это обостряет проблему организации целенаправленного слушания музыки, помогающей формировать избирательность потребления музыкальных впечатлений в соответствии с уровнем развития художественного вкуса. Задача заключается именно в том, чтобы процесс восприятия был активным, творческим. Наблюдения показывают, что научить детей активно слушать музыку – процесс весьма сложный.

Центральным моментом восприятия музыки остается эмоциональный отклик на нее, переживание ее содержания. Эмоциональная отзывчивость на музыку формируется и воспитывается вместе с развитием музыкальных способностей, к которым относятся музыкальный слух, музыкальная память. Первым условием развития всех этих способностей в процессе восприятия музыки является правильный отбор музыкальных произведений не только по содержанию и художественным качествам, но и по их доступности соответствующему их возрасту и уровню, как общего, так и собственно музыкального развития школьника. В этом случае музыка вызывает у детей интерес и положительные эмоции. У ребенка в процессе восприятия и слушания музыки возникают чувства сопереживания, которые он сам не сможет понять, пока ему не объяснят, что происходит под воздействием музыки.

Слушание классической музыки – это важный элемент в процессе музыкального развития школьников. Так же одна из лучших форм работы для развития способностей активно воспринимать музыку и внимательно вслушиваться в разные её особенности. Мир музыкальных звуков безграничен. Он таит в себе несметные богатства и располагает с неисчерпаемыми возможностями для расширения и обогащения эмоционального опыта. В музыке кристаллизуется богатство интонаций, выражающих разнообразные оттенки человеческих чувств и переживаний. Музыка наиболее глубоко захватывает человека и организует его эмоциональную сущность, в общении с ней ребенок легко находит выход своей эмоциональной активности и творческой инициативе. А активность эмоциональной сферы личности дошкольника является

условием его успешного музыкально - творческого развития. Именно она дает ребёнку возможность реализовать свои музыкальные способности, становится средством эмоционального общения, важным условием развития эмоциональной отзывчивости на музыку у школьника. В. И. Петрушин утверждает, что эффект, производимый музыкальным произведением на слушателя, часто зависит от того, каковы особенности психологического склада слушателя, какие были условия его воспитания и как складывался его музыкальный опыт.

Восприятие музыки направлено на освоение слухового опыта. У детей необходимо развивать способность переживать музыкальное содержание как специфическую выразительную речь. Для этого следует постепенно частично отказаться от словесно-описательной интерпретации музыкального произведения. Слово должно быть лишь ориентиром для развития творческого воображения ребенка. А само музыкальное восприятие следует развивать на интонационной основе. Такая модель восприятия опирается на природу собственно музыки, на ее специфику и на интонационно-слуховой опыт детей. Учащийся со временем должен осознать, что музыка выражает и изображает; понять, что она имеет свой особенный язык, различается по жанрам и способам исполнения. Эстетическое сознание детей формируется в соответствующих возрастных границах: чувства и эмоции, потребности и интересы, оценочные отношения. Активное восприятие музыки, способствует привитию навыков внимательного вслушивания в музыкальную ткань, осмысления ее художественно-образных особенностей. И все это работает для достижения основной цели - получению эмоционально-эстетического воздействия, обогащения духовно-нравственного мира личности.

Музыка занимает особое, уникальное место в воспитании детей школьного возраста. Это объясняется и спецификой этого вида искусства, и психологическими особенностями школьников. Музыка называют «зеркалом души человеческой», «эмоциональным познанием»: она отражает отношение человека к миру, ко всему, что происходит в нем и в самом человеке. А наше отношение – это, как известно, наши эмоции. Следовательно, эмоции являются главным содержанием музыки, что и делает ее одним из самых эффективных средств формирования эмоциональной сферы ребенка. Эмоциональная сфера является ведущей сферой психики в школьном детстве. Она играет решающую роль в становлении личности ребенка, регуляции его психических функций, а также поведения в целом. Только полноценное формирование эмоциональной сферы ребенка дает возможность достичь гармонии личности. Можно сказать, что в школьном возрасте ребенок – сама эмоция, и поэтому значение его встречи с высокохудожественной музыкой трудно переоценить.

Однако учащиеся живут и развиваются в непростых условиях музыкальной действительности. Современная музыка различных жанров и различной, подчас и сомнительной ценности, звучит повсюду, и, независимо от нас, культивируется средствами массовой информации. Эту музыку слышат и наши дети. Её сверхвысокие и сверхнизкие частоты, излишняя громкость - минуя сознание, «попадают» в область подсознания, оказывая, таким образом, сильнейшее отрицательное воздействие на эмоциональное состояние ребенка, разрушая его душу, интеллект, личность.

Педагоги, да и родители должны сделать все возможное, чтобы максимально оградить от такой музыки детей, дать им возможность узнать и полюбить другую – настоящую – музыку. Уже в раннем и дошкольном и школьном возрасте необходимо формировать у них музыкальный вкус, подлинные эстетические ценности. Основы музыкальной культуры дошкольника и школьника закладываются, прежде всего, на музыкальных занятиях в детском саду, на уроках музыки. Именно здесь он может приобщиться к искусству, от которого, по словам Гете, «расходятся пути по всем направлениям».

К числу основных задач, которые стоят перед учителем музыки, можно отнести формирование у детей музыкальности, то есть системы музыкальных способностей, создание условий для широкой ориентировки в музыке, прежде всего классической, и для накопления запаса высокохудожественных музыкальных впечатлений.

Необходимым условием работы с детьми является тесное сотрудничество с родителями, которым мы можем посоветовать какую музыку слушать дома. В случае, если родители предпочитают слушать эстрадную музыку, можно предложить замечательные классические произведения в эстрадной обработке: «Полет шмеля» Н. Римского-Корсакова, «Танец маленьких лебедей» П.И.Чайковского, «Космическая рапсодия» Берлиоза и другие.

На музыкальных занятиях дети слушают разнообразную музыку: веселую, озорную, и грустную, печальную, сопереживая музыкальным персонажам. Печальная, грустная музыка заставляет детей задуматься, вспомнить о тех, кому плохо. А разве может вызвать такие чувства и переживания тяжелая рок-музыка, которая тревожит и ранит нежную маленькую душу. Детство является периодом, наиболее благоприятным для становления музыкальности и музыкальных способностей. Упущение этого периода невосполнимо. Трудно не согласиться со словами В. Асафьева: “Детство и юность всякого человека – это слышимый лишь ему одному камертон, по которому он потом всю жизнь настраивает свою душу” [5, стр. 56].

В музыке и музыкальной деятельности чувства и эмоции составляют главное содержание. Музыка — искусство «интонируемого смысла», что и определяет богатство смыслового содержания музыкальных произведений. Благодаря музыке в ребенке пробуждается представление о возвышенном, прекрасном не только в окружающем мире, но и в самом себе. Музыка помогает детям познать мир, развивает не только их художественный вкус и творческое воображение, но и любовь к жизни, природе, ко всему окружающему. Это помогает формированию полноценной личности человека, способного чувствовать и сострадать.

Вышеизложенное позволяет говорить о том, что приоритетным направлением в музыкальном развитии современных школьников является обогащение духовного мира через высокохудожественные образцы музыкального искусства. Знакомство с ними вносит черты целостности и гармонии в мироощущение и характер детей, определяет нормы поведения и взаимоотношений. Так складывается основополагающий принцип — принцип художественности. Как он реализуется? Известно, что жизнь музыкального произведения можно представить как триаду: композитор — исполнитель — слушатель. Исполнитель, т. е. музыкант-педагог, занимает в этом процессе ведущее место. От его вкуса, выразительного исполнения зависит художественность вкуса и предпочтений

маленького слушателя. Поэтому важно развить у дошкольников потребность в постоянном общении с настоящей музыкой — народной, классической, современной.

Помня о том, что музыкальная деятельность весьма значима для школьника, необходимо организовать ее так, чтобы она вызывала положительное эмоциональное отношение к ней. Процесс приобщения к музыке и музыкальной деятельности должен быть основан на хорошем знании ребенка: его интересов и предпочтений, музыкального опыта, эмоционального состояния, возрастных психофизиологических особенностей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. **Абдулин Э.Б.** Теория и практика музыкального обучения в общеобразовательной школе. М., 1983.
2. **Абдулин Э.Б.** О недостатках и достоинствах, актуальные проблемы образования учащихся начальных классов. М., 1998.
3. **Алиев Ю.Б.** Методика музыкального воспитания детей. Воронеж, 1998.
4. **Апраксина О.А.** Музыкальное воспитание в школе. Выпуск 14. Издательство: Москва, 1979.
5. **Асафьев Б.В.** Музыкальная форма как процесс. 1971.
6. **Борш А., Еуджен Корой, Ион Гажим.** Музыкальное воспитание. Учебник для 7-8 класса, 2007.
7. **Ветлугина Н.А.** Методика преподавания в общеобразовательных учреждениях, стр. 139-144.
8. **Ветлугина Н.А.** Развитие музыкального слуха, певческого голоса и музыкально-творческих способностей учащихся общеобразовательной школы: Сб. тезисов VI Всесоюзной научной конференции. М., 1982. — С. 15-19.
9. **Невзорова В.Д.** Музыкальный классицизм: Методическая разработка по курсу "История музыки и музыкальная фольклористика", Министерство культуры Р. М. 2017 г.
10. **Невзорова В.Д.** Романтизм в музыке: Методическая разработка по курсу "История музыки и музыкальная фольклористика", Министерство культуры Р.М. 2018 г.

ПЛЭТИКЭ Адина – д-р психологии, унив. Конференциар / доцент,
ТГУ им. Гр. Цамблака – platica1980@yahoo.com

ТАБУНЩИК Анна – студент, III курс, специальность
«Педагогика дошкольного образования и румынский
язык», ТГУ им. Гр. Цамблака – annatabunscic@mail.ru

РОЛЬ МАТЕРИ В ФОРМИРОВАНИИ ЗДОРОВОЙ ПСИХИКИ РЕБЕНКА ДО 1 ГОДА

Аннотация: *Статья посвящена анализу психологического развития детей до одного года. Рассматривается эмоциональная привязанность ребенка к матери как важнейший фактор психологического развития. Доступность и настроение матери влияют на развитие ребенка во всех сферах его жизни. Зависимость ребенка от психики матери является основой для последующего обретения самостоятельности. Мать-зеркало, через которое новорожденный познает себя и окружающий мир.*

Resume: *The article is devoted to the analysis of the psychological development of children under one year old. The emotional attachment of the child to the mother is considered as the most important factor in psychological development. The availability and mood of the mother affects the development of the child in all areas of his life. The child's dependence on the mother's psyche is the basis for the subsequent acquisition of independence. The mother is a mirror through which the newborn learns himself and the world around him.*

Ключевые слова: *младенчество, мама, привязанность, общение, реакция на разлуку, типы поведения.*

Keywords: *infancy, mom, affection, communication, separation reactions, types of behavior.*

В настоящее время в мире происходят существенные изменения. В этих условиях семья претерпевает изменения. Изучая семью у специалистов в разных областях исследований, большой интерес вызывает какую роль мать играет в формировании и

развитии личности ребёнка. Известно, что особенности воспитания, отношения к ребёнку, оказывают значительное направляющее влияние на личность ребенка, формируя основные установки личности на восприятие себя, других и окружающий мир в целом.

Изучением проблематики детско-родительских отношений и их влияния на развитие ребенка занимались такие психологи как: Болбочану Аглаида, Железку Пётр, Кузнецов Лариса, Гонца Виктория, Роджерс К., Эриксон Э.Г., Боулби Д., Баумринд Д., Шафер Е., Бэлл Р.А., Броди С., Спиваковская А. С., Захаров А.И., Столин В.В., Личко А.Е., и др.

Младенчество - период, когда ребенок развивается в физическом, психическом и социальном плане чрезвычайно быстро, проходя за короткое время колоссальный путь от беспомощного новорожденного с малым набором врожденных реакций до активного младенца, способного смотреть, слушать, действовать, решать некоторые наглядно воспринимаемые ситуации, взывать о помощи, привлекать внимание, радоваться появлению близких [7, с. 54].

Л.С. Выготский [7, с. 17] считал, что отношение ребенка к миру - зависимая и производная величина от самых непосредственных и конкретных его отношений к взрослому человеку.

Психическое развитие ребенка происходит через мать. Мама - это самый главный человек для ребенка, поэтому все, что она чувствует и делает, влияет на ребенка. Личность матери формируют первый и, очевидно, единственный мир человека, пока он маленький ребенок, пишет К. Юнг [4, с. 149].

Всегда, когда маленький ребенок демонстрирует симптомы невроза, не стоит терять много времени на исследование его подсознания. Нужно присмотреться к матери, ибо родители, как правило, являются или прямыми источниками неврозов у детей, или, как минимум, важнейшей составной частью этого источника утверждал К. Юнг [4, с. 105]. Настроение и доступность матери влияют на развитие ребенка раннего возраста во всех сферах жизни. Новорожденный воспринимает мать — как зеркало, через которое он изучает себя и внешний мир. Эмоции матери передаются ребёнку, оказывая либо положительное, либо отрицательное влияние на его психику. Именно поведение мамы, ее проявление эмоциональных реакции, служат основой для формирования гармоничной личности ребёнка. Первое общение, ощущение благополучия, удовольствие, утешение, — ощущения, которые нужны младенцу от матери для развития здорового самопознания. Зависимость ребенка от психики матери является основой для последующего обретения самостоятельности. Особое значение имеет голос матери, оно настолько велико, что зачастую удается снимать напряжение у ребёнка и возвращать его в состояние равновесия. Опираясь на опыт близких отношений, у ребенка в первый год жизни формируется стиль привязанности, который начинает оказывать влияние на его последующие навыки создавать и поддерживать отношения [7, с. 243].

Психоаналитик Джон Боулби [2, с. 32] описал теорию привязанности, по которой ребенку для гармоничного развития необходимы близкие эмоциональные отношения с матерью. Теория рассматривает взаимоотношения ребенка раннего возраста (до 1 года) с матерью и их влияние на последующую жизнь ребенка. В процессе взаимоотношений, при наличии отклика и заботы матери формируется привязанность у ребенка. Если же

ребенку недостает каких-либо аспектов во взаимоотношениях с матерью, то возникает нарушение привязанности, которое по мере взросления ребенка проявляются различными образами.

От того насколько сформирована привязанность с матерью зависит то, как будущая личность будет строить взаимоотношения со сверстниками, как будет создавать диалог и участвовать в нем и насколько удачно пройдет путь его самореализации. Так же отмечено влияние привязанности на формирование характера, состояние здоровья, интеллектуальное развитие ребенка. Так происходит благодаря реакциям, проявляемым чувствительной матерью, ребенок еще с до вербального возраста учится справляться со своими эмоциями, осознавая их. Если же мама не чувствительна к потребностям ребенка, тогда он справляется с эмоциями не на психическом уровне, а на другом: физическом, с помощью соматических заболеваний [9, с. 301].

Джон Боулби [2, с. 158] обратил внимание на поведенческие аспекты младенца и выделил следующие основные типы поведения: плач, улыбку, сосание, хватание, реакцию следования, лепет, которые являются, по его мнению, врожденными средствами стимуляции материнской заботы. С точки зрения учёного, ориентированная на родителя активность младенца имеет сигнальное значение для взрослого и активирует генетически запрограммированную комплементарную систему поведения.

Плач является уникальной характеристикой младенца, и дает матери возможность уже на второй день после родов отличать своего ребенка от других детей. Кроме того, плач может передавать различные сообщения о состоянии младенца, которые мать очень быстро обучается расшифровывать. Плач младенца действует на мать и на уровне физиологических реакций.

В отличие от плача, который побуждает мать прийти на помощь, когда ребенок голоден, одинок или болен, улыбка и лепет довольного младенца побуждают ее к действиям, демонстрирующим их одобрение. К. Лоренц [6, с. 198] рассматривает человеческую улыбку как ритуализированную форму агрессии, сопоставимую с церемонией «приветствия», сдерживающей агрессивные побуждения у многих высших животных. Когда мать утомлена, испытывает раздражение по отношению к своему малышу, его улыбка, общая беспомощность обезоруживают ее, а милый лепет, как правило, вызывает ответные речевые реакции.

Д. Боулби [2, с. 103] утверждает, что большое значение для формирования общения имеет установление контакта взглядов взрослого и ребенка. Сначала новорожденный скользит взглядом, не фиксируя его на глазах взрослого, чаще смотрит на границу лба и волос. Постарайтесь встретить взгляд новорожденного и, перемещая лицо в направлении взгляда, удерживайте его на себе.

Контакт взглядов сопровождайте ласковыми словами и улыбкой, которые помогают его продлить. Социальная улыбка и контакт глаз являются своеобразным поощрением, наградой за материнскую заботу. Можем ли мы сомневаться, что чем больше младенец улыбается, тем больше его любят и тем больше о нем заботятся. С пользой для выживания младенцы так устроены, что они используют и порабощают матерей.

Детский психолог М.И. Лисина [5, с. 83] выделила четыре критерия, на основании которых можно утверждать, что у младенца сформировалось общение с другими людьми:

- Взгляд в глаза взрослого, который появляется примерно в конце третьей недели жизни и характеризует интерес к взрослому, настроенность на коммуникацию.
- Знаменательным этапом в развитии взаимоотношений матери и ребенка является появление первой социальной улыбки, адресованной матери
- Ответная улыбка на воздействия взрослого. Она появляется в конце первого месяца жизни и выражает удовольствие ребенка от общения с взрослым.
- Инициативная улыбка и оживление, которые младенец использует, чтобы привлечь внимание взрослого путем демонстрации своих умений и способностей.
- Реакция на внимание взрослого, проявляющаяся в стремлении ребенка удержать и продлить эмоциональный контакт.

По мнению М.И. Лисиной, только присутствие в поведении всех четырех критериев свидетельствует о наличии общения. Проявление же отдельных признаков говорит о том, что общение еще только складывается.

Д. Стерн [8, с. 148] установил, что мать ведет себя с младенцем иначе, чем с взрослыми или детьми постарше. Прежде всего это выделяется в речи матери, обращенной к младенцу. Исследование материнской речи показало сходные черты, которые выражались в том, что мать при общении с младенцем использует простые, короткие предложения, делает длинные паузы, включает в речь бессмысленные звуки и часто изменяет слова. Кроме того, повышается тон голоса, речь замедляется, становится протяжной, изменяются ритм и ударение. Возникает своеобразный вокальный диалог между матерью и младенцем: общаясь с ребенком, она задает вопрос и от его имени сама на него отвечает. Это скорее монолог матери в форме воображаемого диалога. Такая экзотическая форма поведения имеет большой смысл для психического развития ребенка.

Взаимодействие матери и ребенка - это процесс взаимного приспособления, в котором ответы партнеров взаимообусловлены и ритмически организованы. Одним из наиболее ярких примеров ритмической согласованности действий матери и младенца является синхронизация. В одном из экспериментов Е.С. Шефера мать и ребенок помещались в светлую комнату с множеством ярких игрушек. В результате выявилось, что они смотрят преимущественно на один и тот же объект, причем ведущую роль играет ребенок, выбирая предпочитаемую игрушку, а мать лишь подстраивается к его действиям. Учёный пришёл к выводу что, ребенок и мать изменяют друг друга. Они развиваются оба. Социализация - не одностороннее, а двустороннее предприятие: как и воспитание, оно, по существу, дело совместное [7, с. 124].

Авдеева Н.Н., Хаймовская Н.А. [1, с. 24] исследуя реакцию детей до 1 года на разлуку с матерью, определили тип привязанности к ней. Суть проводимого ими исследования заключается в изучении реакции ребенка на уход мамы из комнаты, где он находился и последующее ее возвращение. В процессе эксперимента мать выходила из комнаты, в которой находился ребенок, в этот момент в данную комнату заходил

незнакомый человек. Незнакомый человек уходил из комнаты, когда мать возвращалась. Все реакции ребенка на происходящее фиксировались. В результате авторы выявили 4 типа эмоциональной привязанности к матери и их поведенческие проявления:

- Надежная (безопасная) привязанность – характеризуется тем, что ребенок с грустью отпускает маму, без нее продолжает свою игру, радуется, когда она вновь заходит в комнату, восстанавливает телесный контакт. Сделан вывод: данный тип привязанности формирует в ребенке уверенность, спокойствие.
- Избегающий тип – при данной привязанности ребенок спокойно переносит расставание с мамой, сам продолжает играть. По возвращении, ребенок не спешит воссоединиться с мамой, восстановить телесный и эмоциональный контакт, выражает желание сначала доиграть. Данная категория детей характеризуется повышенной тревожностью.
- Тревожно-сопротивляющийся тип (амбивалентная привязанность) – дети тяжело отпускают мать. Не хотят оставаться без нее, плачут, кричат. С посторонними не взаимодействуют, проявляют страх, не хотят играть. После того как мама возвращается, ведут себя агрессивно противоречиво – бегут к ней, но могут отворачиваться, биться, кусаться и т.п.
- Дезорганизованная (патологическая привязанность) достаточно редко встречается, чем предыдущие. Ребенок спокойно переносит расставание с матерью, играет самостоятельно. При возвращении мамы, ребенок не идет сразу к ней или идет, а потом останавливается, может даже пойти в противоположную сторону. Подобный тип привязанности характерен для детей со сложными внутрисемейными взаимоотношениями, при применении в семье насилия к ребенку.
- Иногда выделяют симбиотическую привязанность. Ребенок не отпускает маму рыдает и держится за мать. Встречается данный вид привязанности не часто.

Бурменская Г.В., Борисова И.А., Пупырева Е.В. [3, с. 204] обращают внимание, что надёжная эмоциональная привязанность возникает у ребенка, если мать достаточно чутко реагирует на потребности и запросы ребенка. У ребенка формируются такие чувства как: открытость, уверенность и защищенность. Ребёнок с ненадежной привязанностью сомневается в себе и в собственной ценности для родителей и окружающих, в последствии у такого ребёнка формируются негативные эмоции.

В заключение хочется отметить что, гармоничное раннее развитие психики ребенка зависит от психического здоровья его матери. Как родитель обращайте внимание на собственное настроение и способность справляться с жизнью. Доказано что дети, которых любят, с которыми много разговаривают и играют, развиваются быстрее тех, которые лишены такого интенсивного внимания. Младенец не является пассивным объектом материнских воздействий, он иницирует, поддерживает, подкрепляет и регулирует материнское поведение. По мере развития ребенка внешние стимуляции изменяется, появляются новые типы, соответственно меняется и поведение матери. Все это позволяет сделать вывод: не только мать социализирует младенца, но и младенец обучает и воспитывает мать.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. **Авдеева Н.Н., Хаймовская Н.А.** Развитие образа себя и привязанностей у детей от рождения до трех лет в семье и доме ребенка. М., 2003. – 152с.
2. **Боулби Джон.** Привязанность. — М.: Гардарики, 2003. — 477с.
3. **Бурменская Г.В., Борисова И.А., Пупырева Е.В.** Привязанность ребенка к матери и особенности его самооценки // Психологические проблемы современной российской семьи: Материалы Всерос. науч. Конференции (Москва, 14—16 октября 2003 г.). Ч. 1. М., 2003. С. 202-207.
4. **К.Г. Юнг.** «Проблемы души нашего времени» Изд. «Питер», Санкт-Петербург Москва – Харьков – Минск 2002г., стр. 105-106, 14, 149-158 (157), 254-257.
5. **Лисина М.И.** Формирование личности ребёнка в общении. – СПб: «Питер», 1-е издание, 2009. — 320 с.
6. **Лоренц К.** Агрессия (так называемое «зло»). – М.: Прогресс: Универс, 1994. – 360с.
7. **Обухова Л.Ф.** «Возрастная психология.» Москва, ЮРАЙТ, МГППУ 2011г. – 458с.
8. **Стерн Д.Н.** Межличностный мир ребёнка. Взгляд с точки зрения психоанализа и психологии развития / Пер. О. Лежиной. – СПб: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2006. – 384 с.
9. **Эрик Г. Эриксон.** Детство и общество. – Изд. 2-е, перераб. и доп. / Пер. с англ. – СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. – 592 с.

Plătica Adina, conf. univ., dr., Universitatea de Stat "Grigore Țamblac" din Târgu Mureș – platica1980@yahoo.com

PREVENIREA BULLYING-ULUI ÎN MEDIUL ȘCOLAR

Adnotare: În articol se dă definiția bullying-ului, clasificarea, se descriu unele cauze și consecințe. Sunt exemplificate câteva practici internaționale. Sunt date niște recomandări generale părinților și profesorilor în combaterea bullying-ului.

Resume: The article gives the definition of bullying, the classification, describes some causes and consequences. Some international practices are exemplified. Some general recommendations are given to parents and teachers in combating bullying.

Cuvinte-cheie: bullying, bullying direct, bullying indirect, abuz, agresor, victimă, susținători.

Keywords: bullying, direct bullying, indirect bullying, abuse, bully, victim, supporters.

Problema bullying-ului este relevantă în zilele noastre și ar trebui studiată împreună cu problema climatului psihologic din mediul educațional. În ciuda faptului că situații de violență școlară au fost remarcate de mult timp, în actuala etapă a sistemului de cercetare științifică nu există încă programe specifice, universal recunoscute de prevenire, reglementare și corectare a lui. Problema rezolvării bullying-ului școlar este polivalent, deoarece este un fenomen complex și afectează multe aspecte ale interacțiunii copiilor între ei.

În definiția bullying-ului dată de Dan Olweus [2], acesta apare ca o acțiune deliberată, efectuată în mod repetitiv, care implică acțiuni negative răsfărânte asupra celorlalți, realizate de un grup de persoane sau de o persoană care deține un statut social superior victimei/victimelor. Același autor afirmă că pentru ca o interacțiune să fie clasificată ca bullying, ea trebuie să implice intenționalitate în săvârșirea actului de către agresor și inegalitate/dezechilibru de putere între actorii implicați.

Bullying-ul poate fi un abuz pe termen lung sau un incident izolat și este de regulă o hărțuire fizică sau psihologică. Spre deosebire de o ceartă sau un conflict întâmplător, bullying-ul este un proces de violență deliberată pe termen lung a unei persoane sau a unui grup împotriva altei persoane care nu se poate apăra și ai cărei participanți interacționează în același grup social [3].

Bullying-ul presupune marginalizare socială, blamare, violență, umilire, insulte, șantaj, tachinare, zvonuri, distrugerea proprietății, etc. În literatura de specialitate bullying-ul se divizează în:

- bullying direct – care include lovitul, împinsul, mușcatul, etc.
- bullying indirect – abuz verbal, prin utilizarea insultelor sau a unui limbaj indecent la adresa unei persoane, șantaj, zvonuri, utilizarea de porecle răutăcioase sau excluziune și marginalizare socială.

Celelalte forme de bullying (fizic, verbal, relațional, social, etnic, infrațional, cyberbullying, etc.) sunt manifestate prin bullying-ul direct și indirect.

Literatura de specialitate notează că actele agresive de tip bullying în rândurile adolescenților predispun la comportamente anti-sociale, infracțiuni cu violență, consum de droguri, duc la sentimente de singurătate, lipsă de speranță, sinucidere, comportamentelor de auto-agresiune, etc.

Cowie H. și Jennifer D [1] afirmă că bullying-ul în mediul școlar duce la stres și ofensă, care apar în interacțiunea dintre colegi. Rigby [3] constată că elevii agresati periodic prezintă un nivel scăzut al bunăstării psihice, al nivelului de sănătate generală și de adaptare socială, în schimb ridică nivelul de stres.

În procesul de bullying școlar, se disting mai multe roluri ale participanților la acest proces. Principalele sunt: agresor/victimizator, victimă sau de agresat și martori susținători/spectatorii pasivi.

În anumite contexte, victima prezintă slăbiciuni pe care agresorul le poate exploata. Ea manifestă imposibilitate de apărare și sentimente de neputință. Susținătorii sau spectatorii activi sunt cei care încurajează manifestarea comportamentului de bullying prin acțiuni ca: râsul, aplaudarea, urletele, etc. în momentul producerii acestuia. Д.Н. Гриненко [6, p. 19] afirmă că martorii au o mare importanță în dezvoltarea comportamentului de bullying, întrucât nu condamnă un astfel de comportament, ceea ce duce la consolidarea lui și la creșterea nivelului de agresivitate. Colegii de clasă în acest caz au o influență dublă, pe de o parte, tăcerea lor poate fi interpretată ca un sprijin tăcut, iar pe de altă parte, agresorul se va strădui să lase o impresie din ce în ce mai tare, care să îi sperie pe ceilalți, alegând metode și mai crude de hărțuire.

Potrivit lui Д.А. Кутузовой [7, p.75] adulții joacă, de asemenea, un rol important în menținerea bullying-ului. Dacă adulții nu dau o evaluare negativă a acțiunilor agresorului și nu iau măsuri pentru eliminarea comportamentului negativ din clasă, în acest caz comportamentul agresiv este înrădăcinat la copii. În plus, Е.А. Пономарева [8, p.37] constată că lipsa pedepsei și condamnării de către ceilalți accentuează situația victimei, care are nevoie de sprijin în timpul bullying-ului școlare, iar acordul tacit al susținătorilor cu acțiunile agresorului creează impresia că sunt de partea lui.

Unul dintre motivele dezvoltării și consolidării bullying-ului în sala de clasă poate fi frica. Potrivit О.А. Гребенникова și М.И. Добролюбова [5, p.3] susținătorilor le este frică să nu părăsească poziția victimei din clasă, așa că nu manifestă simpatie față de victimă, și nici nu

încearcă să o apere. Profesorii și părinții se simt confuzi, pentru că nu știu cum să procedeze în acest caz, pentru a nu face și mai rău victimei. Dramatică este situația când, unii profesori consideră că bullying-ul este o modalitate bună de a antrena abilitățile de comunicare ale victimei. În acest caz, victima învață să reziste acțiunilor agresive și dobândește o nouă abilitate.

Astfel, absența pedepsei și permiterea tacită a comportamentului agresiv condiționează un impact negativ semnificativ asupra dezvoltării personale a tuturor participanților la bullying-ul școlar și perturbă climatul psihologic din sala de clasă.

Profilaxia complexă a bullying-ului contribuie la cea mai bună rezolvare a problemei. În diferite țări sunt implementate programe socio-educative menite de a reduce bullying-ul în rândurile elevilor. În Finlanda, este realizat programul de prevenire a agresiunii "KiVa", care acoperă trei domenii: prevenire, managementul cazurilor și controlul schimbărilor. Acest program încurajează managerii școlii să formeze profesorii cu abilități eficiente de prevenire a bullying-ului.

Turcia înregistrează un program creat sub forma unui plan strategic pe o durată de cinci ani Avclar District National Education Directorate (ADNED). Beneficiarii sunt reprezentați de cadre didactice, reprezentanți ai domeniului politicilor educaționale, cercetători științifici, precum și specialiști în domeniul prevenirii violenței și a abuzului la copii. Programul cuprinde activități menite să sensibilizeze elevii împotriva actelor de abuz, de violență și formarea deprinderilor de recunoaștere a situațiilor de risc și de combatere a acestora [4].

Spania studiază fenomenul bullying-ului la nivel de gimnaziu și liceu prin intermediul unui sondaj. Inițiative de prevenție și intervenție asupra bullying-ului sunt cuprinse la nivelul unităților școlare prin intermediul proiectelor, a ONG-urilor existente sau a politicilor educaționale locale sau naționale [4].

În România au apărut acțiuni de combatere a bullying-ului începând cu anii 2012, unde Stop Bullying este un proiect al Asociației Telefonul Copilului și cu o pagină de facebook cu denumirea Comunitatea Bullying-ului în România.

În Republica Moldova a fost lansat proiectul UNICEF „Bullying în rândul adolescenților din Republica Moldova”. Acesta își propune să consolideze abilitățile profesioniștilor locali de a identifica și de a interveni în cazurile de violență și hărțuire în rândul copiilor, inclusiv hărțuirea online, și de a crește gradul de conștientizare a publicului cu privire la fenomenul de bullying.

Locul primordial în prevenirea bullying-ului se datorează activităților, menite pentru fiecare copil individual, cât și cu întreaga clasă. Aceste activități sunt îndreptate spre corectarea dereglărilor sociale pe care le au deja elevii, precum și prin promovarea viziunii unui stil de viață sănătos și securizat pentru ei. Apariția bullying-ului într-un mediu școlar este individual și unic. Profesorul ar trebui să acorde atenție majoră fiecărui caz separat, deoarece problemele în comunicare cu care se confruntă copiii sunt individuale.

Copilul care a trăit experiența bullying-ului are nevoie de sprijin emoțional și de securitate din partea părinților, unui psiholog și a profesorilor. Aceștia trebuie să înțeleagă dificultățile cu care se confruntă copilul la școală. Deseori, copiii care au trecut prin bullying, nu pot lăsa în urmă ceea ce li s-a întâmplat și nu pot să meargă mai departe. Este important să se întreprindă măsuri pentru a proteja copilul, iar adulții să se poziționeze în raport cu situația. Categorie este interzis de a învinui copilul pentru ceea ce i s-a întâmplat. Este important ca el să fie sprijinit. În acest sens, îl poate ajuta grupurile de interese, cercurile și secțiunile

suplimentare. Aici, trebuie avut în vedere faptul că acest copilul se simte deprimat, are tendințe depresive și se pot forma diverse temeri. Dacă se descoperă un caz de bullying, părinții ar trebui să contacteze profesorii, psihologii, administrația școlii sau alte instanțe competente.

Prevenirea eficientă a bullying-ului este facilitată de un model de sprijin pedagogic pentru potențialii participanți, bazat pe ideile de educație colectivă. Acest model cuprinde toți elevii și se caracterizează prin individualizarea activităților educaționale, axate pe unicitatea fiecărui elev și pe situația „aici și acum”. Acest model este complex și implică nu doar un psiholog și elev, ci și un profesor de clasă. Profesorii în activitățile clasei trebuie să creeze condiții de interacțiune, responsabilitate reciprocă, asistență reciprocă, bunăvoință, etc.

Violența la vârsta școlară sub formă de bullying duce la consecințe negative care îi afectează pe toți participanții la proces. Cel mai nefavorabil este impactul asupra victimelor bullying-ului, în urma căruia o astfel de expunere poate duce copilul chiar și la sinucidere. Prevenirea globală și locală a bullying-ului contribuie la cea mai bună soluționare a problemei din mediul școlar.

Bibliografie

1. **Cowie H., Jennifer D.** New perspectives on bullying. McGraw-Hill International, 2008, 173 p.
2. **Olweus D.** Bullying at school: Long-term outcomes for the victims and an Effective school Based Intervention program. Aggressive Behavior, current perspectives, Ed. LR Hues Mann. NY. 1994. https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-1-4757-9116-7_5 (văzut: 21.10.2021)
3. **Rigby K.** Bullying in Schools: And what to do about it (Londres, Jessica Kingsley), 1996, 346 p.
4. **Tocai (Sîrbu) Ioana.** Studiu sociologic asupra fenomenului de bullying școlar efectuat în județul Bihor. Teză de doctor. Universitatea din Oradea. 2017, 254p .
5. **Гребенникова О.А., Добролюбова, М.И.** Буллинг в образовательной среде как угроза здоровью школьников // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. - No 59. – 1-6 с.
6. **Гриненко Д.Н.** Взаимосвязь условно допустимой агрессии и развитие личности участников буллинга // Психология и педагогика: Методика и проблемы практического применения. – 2014. - No 41. – 70 с.
7. **Кутузова Д.А.** Травля в школе: что это такое и что можно с этим делать // Журнал практического психолога. – Вып. 1. – 2007. – 72-90 с.
8. **Пономарева Е.А.** Буллинг как социально-педагогическая проблема взаимоотношений в подростковой среде: профилактика, преодоление и предотвращение // Социальная безопасность семьи и детства. – 2014. – 254 с.

V. СТУДЕНТСКИ ИЗСЛЕДВАНИЯ

ВАСИЛИОГЛО, Юлия, студентка, III курс,
Специалност «Български и английски език и литература», ТДУ „Гр.
Цамблак” – yulia_vasilioglo@mail.ru

РАЦЕЕВА, Елена, унив. конф. / доц.,
д-р, научен ръководител –
raceeva@mail.ru

ЖИВОТ И ДЕЛО НА БРАТЯТА ДИМИТЪР И КОНСТАНТИН МИЛАДИНОВИ

Анотация: *Статията, посветена на живота и делото на родолюбивите възрожденци, братя Миладинови, е опит да се очертаят личностните профили на българските възрожденци, Димитър и Константин Миладинови в контекста на ключовите идеи и ценности на Българското възраждане. През целия си живот те смело се борят за утвърждаване на българската нация чрез утвърждаване на родния език, чрез разширение на българската просвета, чрез извоюване на независимостта на българската черква и повдигане на патриотичното съзнание на българския народ.*

Ключови думи: *национално възраждане, национална идентичност, ценностна система, будителство, нация, език, култура.*

Най-важната задача на Българското възраждане е формирането на нацията и националната ценностна система (общ национален език, съзнанието за общо велико минало, национално пространство, национална идея, национална култура, национален пантеон на героите). През възрожденската епоха българите се осъзнават като народ и започват да отстояват своите права. Те се стремят да станат равни на другите народи и да се превърнат в нация. В този период сред личности, които утвърждават културата и националната идентичност на народа си, особено място заемат братята Димитър и Константин Миладинови. В нашето съзнание съществува обща представа за големите български възрожденци Димитър и Константин Миладинови – свикнали сме да ги възприемаме като едно цяло, макар че всеки от тях и сам по себе си има конкретни приноси и заслуги в нашето историческо, културно и литературно развитие [11, стр. 109].

Целта на този материал да се синтезира информация за живота и делото на видните възрожденци Димитър и Константин Миладинови, да се открият личностните им профили сред народните будители. Използвахме при подготовката на материала работите на Петър Динеков, Илия Конев, Михаил Арнаудов, Иван Сестримки, Кирил Топалов и др., които са отразили в своите трудове ключовите идеи и ценности на Българското възраждане, а също така са представили информация за ролята и заслугите на братя Миладинови.

През периода на Българското възраждане братя Миладинови са активни борци за националната идея и имат огромна заслуга в историческо, културно и литературно развитие на народа. Дейността им съвпада с периода, когато започва националното възраждане на Македония и когато особено остро изпъква опасността от великогръцката шовинистична пропаганда.

Трябва да се отбележи, че в първите десетилетия на XIX в. много от будни българи «се учеха на гръцки не защото мислеха себе си за гърци или за да станат такива, а просто защото на тоя език съществуваша училища и учебници» [10, стр. 151]. Това са Н. Бозвели, Н. Рилски, Раковски, Р. Попович, Ив. Селимински, Г. Кръстевич, Ив. Добровски, К. Фотинов, П. Берон, Ил. Макариополски, Д. Миладинов, К. Миладинов, Р. Жинзифов, Гр. Пърличев и други известни български възрожденци. В този смисъл трябва да говорим за положителната роля на гръцкото образование в началния период на българското национално възраждане до момента, докато то не се свързва с денационализаторски задачи, с «оная жажда за погръчване», както «след появяването на българския черковен въпрос» [10, стр. 151]. Както отбелязва К. Шапкарев, «тогава нямаше оня гръцки фанатизъм и всички се признаваха за българи...» [10, стр. 151].

През 30-те и 40-те години на XIX век нещата се променят: започва се използване на гръцкото духовенство и гръцкото образование за панелинистичните цели. Във връзка с това избухва и борбата срещу фанариотското духовенство. Черковната борба е всъщност борба за утвърждаване на българската националност в Турската империя срещу елинизацията. Тогава българската народност не се признаваше нито от Турция, нито от гръцката патриаршия. Турция наричаше българите с обидното име "оруммилети", "гръцки народ", под което се разбираха всички християни. Въпросът беше - да се накара Турция да признае българите за отделна от гърците нация, със самостоятелно право да се учи на български, да си отваря български училища, да има българска черква с българско духовенство. Тъй че "черковната борба" беше чисто национална политическа борба за признаване българската народност в Турция като отделна национална единица, равнопознава с гръцката. Елинизаторските стремежи на гръцката патриаршия особено личат в Македония, където гръцкото влияние - поради географската близост с големите гръцки икономически и културни центрове - е проникнало по-дълбоко, гръцкият език се е наложил в черквата и училищата. Това влияние е толкова силно, че дълго време българите си служат с гръцко писмо (пишат на своя език с гръцки букви); дори сборникът на Миладиновци е бил написан първоначално с гръцко писмо. Тъкмо в борбата срещу гърцизма, в движението за въвеждане на родния български език в черквата и училищата се състои основният смисъл на делото на двамата братя [10, стр. 151-152], които първи откриват борбата за утвърждаване на родния език

в училищата и църквите и заговорват на народа за политическо освобождение [7, стр. 10].

Миладиновци се борят за утвърждаване на българската националност чрез утвърждаване на родния език, чрез разширение на българската просвета, чрез извоюване на независимостта на българската черква, чрез повдигане на патриотичното съзнание на българския народ. Те използват и едно могъщо средство, което никой преди тях не е използвал с такъв успех и с такова умение – народното поетическо творчество. Чрез него те показват героичното минало на народа, изключителната поетическа надареност на необикновените трудови хора, богатството и красотата на езика, бита, легендите и преданията на българския народ.

Родният град на двамата братя Струга е разположен на северния край на Охридското езеро – там дето изтича р. Дрин. Със Струга, Охрид и Охридското езеро е свързана голямата част от дейността на Миладиновци. Прекрасната природа на този край и особено красотата на езерото и историческите паметници и легенди са изпълвали с гордост душата на Миладиновци и немалко са спомогнали за пламения им патриотизъм... В тая обстановка, изпълнена с природна красота и исторически спомени, израстват двамата братя – Димитър, роден в 1810 г., и Константин – 1830 г.

Струга е град на земледелие, риболовство, дребно занаятчийство. Семейството е многолюдно – шест синове и две дъщери [2, стр.325-326]. Майката на двамата прославени братя, чието име и до днес не е познато, обичала да пее и знаела наизуст много македонски народни песни. Още от най-крехка детска възраст, чрез песните, възпитавала у децата си усет и любов към красотата и хармонията на народната песен. Христо Миладинов, бащата на Димитър и Константин Миладинови, бил беден, но трудолюбив и изкусен грънчар [8, стр. 9-10]. Въпреки своята неграмотност този баща бил ученолюбив и буден българин и неговото най-голямо желание било да се изучи поне най-възрастният му син на „Глубока книга“ [6, стр. 369].

Димитър Миладинов е по-големият от братята. Още от ранна възраст той научава до съвършенство гръцки език и усвоява постижения на гръцката култура, което е отличителен белег за всички видни представители на филологическото движение и дискуссионното направление, каквито са Емануил Васкидович, Христати Павлович, Райно Попович, Неофит Рилски. Обаче, получил образованието си на гръцки език, Димитър Миладинов със силата на цялата си пробуденост се обръща към историческото минало, културата и езика на своя народ, именно на тези ценности той остава верен до края на живота си. След като осъзнава българското в себе си, Димитър Миладинов се бори последователно в няколко посоки: учителствува в няколко селища на Македония и въвежда новите педагогически принципи на училищното образование, издирва старини и подготвя граматика на родния език, с полемична страст брани чистотата и националната самоличност на този език, оспорва претенциите на фанариотизма с умения, които го приобщават към дискуссионното начало в българската култура, поощрява младежите в желанието им да се учат, събира фолклорни творби и заедно с брат си издава сборника «Български народни песни» (Загреб, 1861 г.). Неслучайно Райко Жинзифов го нарича «муж добрий и великодушен и най-голем родолюбец в Македония» [5, стр. 293].

Той е активно ангажиран с националната идея, поддържа близки връзки с чужестранни слависти. Наскоро след раздялата си с руския славист-българист В. И. Григорович в Охрид той пише на 25.II.1846 г.: «Между това моите старания за нашия български език и българските песни, според Вашата поръка са ненадминати. Не преставам да продължавам изпълнението на моите обещания към Ваша милост, защото българите спонтанно (навсякъде и по свое убеждение – б.а. И. К.) се стремят към истината» [5, стр. 293]. Съобщава още на Григорович, че се старее да подбира «най-добрите песни» и работи «върху граматиката». Когато бъде готов, ще му изпрати песните и граматиката, издирва и «търсените каменни надписи» [5, стр. 293].

С присъщите му исторически и филологически познания той пита Александр Екзарх: «Сегашното време не е ли време за възторг към златния ни век? Век на просветата?» И пояснява с логиката на просветения родолюбец: «Пороят на гръцкия език ще стане за тукашните места неудържим, ако не се вземат силни мерки.» Обхванал в погледа си повсеместните прояви на спонтанния «стремеж към истината», той представя обстановката в Кукуш така: «Овде, фала богу, училищата на успехот по славянски език многуо лепо ходат и имат що предават а граматика славянска... и со истълкуване на Болгарски езика... Колку себап ке беше, ако се отвореше славянско училище и во Струмица! За три години баре колку да се зафатит езикот Болгарский...» [5, стр. 294].

И все в тази връзка споделя в знаменитото си писмо до българските първенци в Кукуш: «Аз скачам от радост, като гледам Вашия стремеж и любовта Ви към нашия майчин език, и особено за това, че мнозина от младежите и свещениците са решили усърдно да учат славянския език... Имате гърди и показвайте славянските си гърди. Корят нашия славяно-пелагически език, един от най-древните и богати езици, кат ого наричат варварски език! С пръст им показвайте славянските филолози, физици, математици и други учени хора на Русия, Чехия, Далмация, Полша, Галиция, Словения, Хърватско и така да се каже, начевайки от Северния ледовити океан до Адриатическо море и от вътрешността на мнима Германия до Епир и Тесалия, които се наслаждават на плодовете на просветата» [5, стр.294].

Д. Миладинов е първият оформен и много заслужил представител на филологическата мисъл в Македония до 60-те години на миналия век, действувал в родния си край. Към средата на XIX век българската филологическа мисъл в Македония познава схващанията и постиженията на видни европейски учени – историци и филолози. Историко-филологически подход е характерен и за Димитър Миладинов. Важно доказателство са писмата на Миладинов до руски слависти и съдържащите се в тях конкретни сведения. В писмо до П. И. Севастьянов от 26.IV.1858г. той повдига въпроса за «съдбата на българските пергаментови ръкописи в Македонска България», съобщава за славянски ръкописи и надписи в различни манастири, а по друг повод пояснява: «изпращам пергаментните първообрази на изпратените по-рано преписи, както и иконата на евангелист Марко...» [5, стр. 294]. Други писма документират заслугите му относно издирването и описването на различни старини, фолклорни творби, интересни археологически находки. Заедно с А. В. Рачински Д.Миладинов обикаля три седмици из Македония с определени

историко-филологически задачи, като получените знания и впечатления оценява твърде високо.

Освен отделните факти, съществено значение в случая имат документираните обобщения, които представят личността на Д. Миладинов в контекста на българското филологическо движение. Най-същностните интегративни черти на движението – привързаност към просвещенския култ за истината, родолюбие, професионални познания и умения, обогатяваща се филологическа култура, компетентност в областта на историята и родния език, грижи за учебната литература на български език, издирване на нови извори, предимство на исторически, географски, филологически и фолклорни трудове. Става ясно, че съавторът на «Български народни песни» заема в това движение средишно място. Тъкмо върху основата на тези общонационални черти на движението се откроява многопосочното сродство между Димитър Миладинов и Неофит Рилски. Димитър Миладинов обхваща в дейността и разбиранията си почти всички направления, свойствени за Неофит Рилски и българското филологическо движение. Той е за светско образование и за новите педагогически идеи, цени постиженията на гръцката култура и дава решително предимство на българските начала, издига авторитета на училището и на учителя в обществото, застъпва се за широка народна просвета, създава възпитаници от общонационална величина, има разбиране за необходимостта от взаимодействие с чуждестранни култури и поддържа лична връзка с някои техни творци, цени високо ролята на печатната книга, подготвя граматика и издирва разновидни свидетелства за миналото и културата на българите [5, стр. 295].

Константин Миладинов е по-малкия брат, който има място в развитието на българската поезия през втората половина на XIX век. Учи при по-големия си брат Димитър в Струга (1839-1840), в Кукуш (1840-1842) и в авторитетната новогръцка гимназия в Янина (1844-1847). След завършване на гимназията става учител в с. Търново, Битолско. През есента на 1849 г. се записва за студент по гръцка филология в Атинския университет, където учи в продължение на три години. За кратко време е в Зограф. Там йеромонах Партений Зографски го запознава с черковнославянския език. Връща се за малко в Струга и оттам заминава за с. Магарево, Битолско, за да заеме освободеното учителско място. През 1856 г. Константин участва в конкурс за преподавател по старобългарски език в гимназията в Сремски Карловци на освободеното от Сава Доброплотни място. Конкурсът обаче спечелва словенецът Лука Зима и Константин заминава за Одеса да се специализира в славянските езици, където е подпомогнат от Одеското българско настоятелство. В молба до него Константин между другото пише: „Знайте още колку нашата старна изгуби свойот язык, и колку ке останит назод от горна Бугария на ученето, ако не заватит да се учит на Бугарскиот язык. За тоа ви се милно моля да ме приберете под вашето крило, и да ми помогите со двесте рубли стребро на година, за да изуча Рускиот язык и Славянскиот язык на Москва и после, како реков горе, да се врата на наше место учител на Бугарскиот язык, али одам каде вие ке ми намерите некое место угодно“ [4, стр. 228]. На молбата Николай Хр. Палаузов, тогава председател на Одеското българско настоятелство, поставя резолюция да се отпусне исканата сума от Константин. Резолюцията е с дата 13 ноември 1856 г. От 1857 до 1860 г. Миладинов е студент в Историко-филологическия факултет на Московския университет.

В Москва се сближава с другите български студенти, между които Любен Каравелов, Райко Жинзифов и Васиlaki Попович. Става един от основателите на Московската българска дружина през 1857 г. и сътрудничи със стихове в нейния орган – сп. „Братски труд“. Печата също в сп. „Български книжици“ (1858-1859) и във вестника на Георги Раковски „Дунаавски лебед“ (1860). В Москва Константин Миладинов работи усилено върху сборника с български народни песни. Онова, което е събрал по-рано със своя брат Димитър, сега попълва с нови фолклорни материали, дадени му в Москва от някои български студенти, а по-късно в Загреб и от Васил Д. Чолаков. Без да завърши образованието си, Константин Миладинов напуска Москва през юни 1860 г. и отива във Виена да се срещне с хърватския епископ Йосип Щросмайер. От Виена тръгва с епископа за Дяково, където е епископското му седалище. Там младият фолклорист и поет завършва окончателно сборника. Той излиза в Загреб на 24 юни 1861 г. със заглавие „Български народни песни“. В „Огласа“, печатан във в. „Дунава зора“, Константин Миладинов между другото пише: „Песните пред шест години зафатихме да собираме од секакви стърни от Западната България, т. е. од Македония, напр. од Охрид, Струга, Прилеп, Велес, Костур, Кукуш, Струмица и други места; още и од Восточна България [1, стр.32]. Сборникът, който съдържа 665 песни с общо 23, 559 стиха, разкрива неподозираното фолклорно богатство на българите и ги поставя „в семейството на ония народи, които в XIX в. учудиха света със своите поетически творения“ [9, стр. 229].

Вероятно към края на юли 1861 г. Константин тръгва за България, а оттам за Цариград, където брат му Димитър е затворен от турците, но през октомври с. г. и той попада в затвора. Макар да се застъпват за тях Йосип Щросмайер, А. С. Аксаков, Вл. Фринцев, както и охридчани, живеещи в Цариград, братята не са освободени. На 18 януари 1862 г. умира Константин, а на 23 – Димитър и двамата от тифус според една версия, а според друга те са отровени от гръцките фанариоти. Допускаме, че е възможно и от двете едновременно, като се има предвид, че за по-малко от седмица смъртта настига и Константин, и Димитър... [9, стр. 229].

Константин бе главният събирач и редактор на знаменития сборник от народни песни на братя Миладинови. Той пръв достави на учените езиковеди и етнографи в голямо изобилие материал за определение народността на македонския българин и с този сборник за пръв път се доказва, че и българите притежават епос и че тоя епос в много отношения не е по-малко богат от сръбския, тъй високо ценен и от Гьоте [3, стр. 368].

Оттук може да има спор: не дали Константин заслужава еднаква слава като брат си, а чия заслуга е собствено по-голяма: тая на по-стария или по-младия Миладинов. Ала тоя спор е излишен. Обществено-патриотичната, просветната и фолклорната дейност на братя Миладинови са най-гясно свързани, представят неразлъчно единство. Безкрайната преданост, с която те служат на на националното възраждане и патриотичните възжеления на своя народ, ги довежда до цариградската тъмница, където трагично загиват.

„Всичко добре претеглено, можем с чиста съвест да кажем, че единият и другият имат еднакво право върху нашата най-дълбока признателност» - пише Иван Д. Шишманов [3, стр. 369].

В своето литературно творчество Христо Ботев, Любен Каравелов, Иван Вазов дават високи оценки за народностното дело на братя Миладинови. Оценени са личността им, подвига им, възвеличен е родолюбивият им дух, както и жертвоготовността им.

В заключение трябва да се отбележи, че братя Миладинови са славни синове на Отечеството, народни будители и просветители, които напълно се отдадоха на своята мисия. Чрез своя подвиг те остават дълбока следа в историята на българския народ и техните имена завинаги ще се останат в списъка на народните будители.

Будител е този човек, който се е посветил на това да извърши или остави дела, достойни за пример и уважение. Тогава, когато е нямало толкова налична информация, когато е нямало толкова финансови средства, когато хората са били скромни, но мислещи, тогава е било истинско предизвикателство да направиш нещо за културата и просвета.

Имената на братя Миладинови завинаги ще останат изписани със златни букви в сърцата ни, защото те са истински герои, просветители и духовни стожери на нацията. Днес ние можем да продължим тяхната мисия – да разпространяваме българската култура, език, традиции, фолклор. Ние винаги трябва да помним тези имена – чисти и сияйни, имената, които запалвали пламъка на родолюбието и оставили дълбока следа в историята и в сърцата на българския народ. Затова нека да припомним каменния надпис от времето на хан Омуртаг: «Човек и добре да живее, умира. И друг се ражда. И нека родените по-късно помнят!» Ние сме родени по-късно. Други ще се родят още по-късно. Нека помним, нека предаваме тази памет на следващите поколения!

БИБЛИОГРАФИЯ

1. **Георги Данчев, Анчо Калоянов**, «Христоматия по българска фолклористика», издателство «Наука и изкуство», София, 1977 г.
2. **Иван Сестримски, Кирил Топалов, Красимир Станчев**, «Творци на българската литература, том първи», издателство «Български писател», София, 1984.
3. **Иван Шишманов**, «Избрани съчинения, том I», издателство «Българска академия на науките», София, 1965.
4. **Ив. Д. Шишманов**, «Иван Вазов — спомени и документи», издателство «Български писател», София, 1976.
5. **Илия Конев**, «Българското възраждане и просвещението, том II», университетско издателство «Св. Климент Охридски», София, 1991.
6. **Михаил Арнаудов**, «Творци на Българското възраждане, Том II», държавно издателство «Наука и изкуство» - София, 1969.
7. **Никола Табаков**, «Братя Младинови. Биографичен очерк», издателство «Български писател», София, 1963.
8. **Никола Табаков**, «Братя Миладинови, биография», издателство «Български писател», София, 1966.
9. **Николай Димков**, «Българско възраждане, литературни студии и портрети», книга II, издателство «Хелион» - Шумен, 2000 г.
10. **Петър Динеков**, «Възрожденски писатели», държавно издателство «Наука и изкуство», София, 1962.
11. **Стоян Жерев, Валентин Станков, Ралица Цойнска**, «История на българския книжовен език», учебник за 11 и 12 клас на националното средно училище по култура, държавно издателство «Народна просвета», София, 1989.

КАРАМАЛАК Валентина, студентка, III курс, специальность «История», ТГУ им. Григория Цамблака – v.karamalak99@mail.ru

ПОЛИВЦЕВ Владимир, унив. конф. / доц., д-р, научный руководитель – polivtev@mail.ru

БЕССАРАБСКИЕ БОЛГАРЫ НАИБОЛЕЕ ЯРКО ПРОЯВИВШИЕ СЕБЯ В НАУКЕ, КУЛЬТУРЕ И ВОЕННОМ ДЕЛЕ (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX- XX В.)

Аннотация: *Статья посвящена анализу деятельности бессарабских болгар наиболее ярко проявившие себя в науке, культуре и военном деле. Следует отметить тот факт, что наше исследование способствует в дальнейшем изучить более доступно биографии многих бессарабских личностей, о которых возможно до этого момента не писали в биографическом стиле. Учитывая педагогический профиль Тараклийского университета, настоящая дипломная работа также расширит возможности воспитания патриотизма у подрастающего поколения.*

Ключевые слова: *исследователи, педагоги, писатели, поэты, культуртрегеры, краеведы, родолюбцы, музыканты, военные.*

В истории Бессарабии можно заметить множество выдающихся личностей, которые внесли важный вклад в ее развитие. Рассмотреть их всех в рамках настоящей дипломной работы не представляется реально возможным. Выбор для изучения личности был продиктован её особыми способностями и достижениями, определяющими ее внесение в список биографий наиболее выдающихся бессарабских болгар последней трети XIX в. и XX.

Ученые - люди из разных поколений, показавшие, что их труды дали огромные плоды и запечатлелись на страницах истории, как важный этап того периода. Полученный результат в ходе их исследований показал, что спрос на изучение их трудов в дальнейшем возрастал и находились другие исследователи, которые хотели продолжить научные изыскания, как, например, новыведение сортов винограда или изучать ту же историю бессарабских болгар. Некоторые исследователи смогли добиться успеха не только в науке, но и в политике, как Иван Федорович Грек [1, стр. 262]. Из этого следует отметить, что не важно откуда ты родом и из какой семьи, если человек хочет развиваться и вести исследования, то он может добиться не малых высот.

Далее следует отметить, биографические портреты известных преподавателей университетов и школ. Эти личности внесли огромный вклад в развитие образования бессарабских болгар. В их руках сила, которая может изменить будущее. Сила, которая может разрушать и созидать – это знания. Благодаря этим знаниям, поколение, которое подрастает, будет иметь фундамент для дальнейшего развития. Оно сохраняет и укрепляет свою этническую идентичность. Уроки Стоянова Стефана Фёдоровича отличались педагогическим мастерством, разрабатывались и публиковались ценные методические указания музыкальных дисциплин [1, стр. 303].

Бессарабские писатели и поэты смогли увековечить на страницах болгарской литературы свои труды. Некоторые из них столкнулись с ужасными событиями нашей истории, это могла быть война или голод из-за засухи. В своих произведениях они могли описывать реальность и жестокие условия, в которых проживали, а некоторые писатели смогли в своих произведениях забыть и представить себе спокойную и умиротворенную жизнь без войн, голода и тирании. Поэты в своих стихах тоже проживали свою жизнь. Надо подчеркнуть и тот факт, что, читая их произведения можно прочувствовать всю боль или радость, которую они переживали, когда писали свои произведения. Бурлак – Вылканов Петр по праву считается патриархом болгарской бессарабской литературы, давшим дорогу в литературу свои более молодым последователям – Нико Стоянову, Михаилу Бычварову, Петру Люленову и др. [4, стр. 81].

В данной дипломной работе, изучена деятельность бессарабских болгарских культурников, краеведов, родолюбцев, которые приложили большие усилия, чтобы собрать по крупицам сведения о родословном прошлом, восстановить и закрепить те или иные народные традиции, вызвать стойкий интерес к своему историческому прошлому. Они научили нас доброте, самопожертвованию и ценить, то что имеем и заслуживаем. В больших и малых делах, в заботах о сохранении народных традиций и болгарской культуры проходили дни, месяцы, годы этих деятелей. Нередко, они сами были инициаторами и авторами рождения новых традиций. Петру Афанасьевичу принадлежит идея создания Болгарской общины в республике, в Тараклии [4, стр.21]. Это его материалы под рубрикой «Знай и люби свой край» печатались в нашей районной газете. Степан Танов оставил яркий след в истории и культуре Тараклийского района. Он был инициатором и автором строительства ротонды в городском парке, принимал активное участие в восстановлении храма святого Георгия Победоносца [3, стр. 96]. А также есть множество других деятелей, чьи заслуги способствовали сохранению идентичности бессарабских болгар.

Музыкант - специалист в области музыки или тот, кто занимается игрой на музыкальном инструменте; занимающийся музыкой профессионально или как знаток и любитель. Именно этот человек приносит в нашу жизнь музыкальные композиции. Музыканты могут исполнять песни и сочинять их. И именно эти действия и являются миссией музыканта. Болгарские музыканты познакомили многоэтническую Молдавскую республику с болгарской народной музыкой, сделали её достоянием и населения Украины.

В последнюю треть XIX в. и первую половину XX в. имели место целый ряд войн, которые принесли несчастья и в болгарские семьи. Матери и отцы страдали, оплакивая

своих детей, а дети – родителей. Но так распорядилась судьба, чтобы болгарская диаспора в Бессарабии пережила вместе с другими народами, населяющими край, все тяготы и невзгоды – войны, репрессии, голод.

В войнах участвовало немало болгар, родившихся на территории Пруто-Днестровья. Деды рассказывали, что регулярных наборов в армию в те времена не было, но во время войны болгар призывали на фронт. Разные судьбы постигли новобранцев, многие из которых погибли или пропали без вести, так и не увидев больше отцовского дома.

Трагизм ситуации, в которой оказались болгары Бессарабии, состоит в том, что с друг другом воевали наша старая родина и новая. Сведения о бессарабских болгарях, воевавших на стороне России очень скудны, так как это были, с основным, младшие чины, о которых почти ничего не известно. Редко какие солдаты дослуживались до офицерских чинов.

Однако, несмотря на это, их родные и близкие до сих пор помнят своих солдат, ушедших на «царскую войну».

В истории остались более известными бессарабские болгары, воевавшие на стороне Болгарии. Это, в первую очередь, объясняется тем, что бессарабский офицерский состав в болгарской армии представлен поколением военных, поступивших на службу сразу после освобождения Болгарии в 1878 году. Большой знаток болгарской военной истории Калчо Калчев отмечает, что в Первую мировую войну на стороне Болгарии участвовало не менее 50 бессарабских офицеров. Высший офицерский состав был представлен такими известными личностями, как генерал пехоты Георгий Ст. Тодоров [2, стр. 107]., генерал – лейтенант Иван Колев из с. Бановка [6, стр. 3].

В заключение хочется отметить, что проведя биографические исследования о бессарабских болгарях следует подчеркнуть, что их вклад весьма весомый в развитие науки и культуры, упростил жизнь нынешнему поколению. Вклад, который они внесли в культуру и науку, военное дело имеет специфическую особенность, т. е. подобного их развитию больше не будет и поэтому он считается уникальным с исторической точки зрения. Можно не иметь возможность увидеться с ними, но есть возможность изучать и читать их биографии и труды, тем самым пополнять свой багаж знаний. Чтобы впоследствии рассказывать о них следующим поколениям.

Изучение биографий выдающихся и видных болгар Бессарабии подводит нас к выводу, что бессарабская болгарская диаспора сыграла важную роль плодovitого «родового гнезда», поставившего молодому Болгарскому государству длинный ряд очень ценных кадров как в области науки и культуры, так и в сфере военного дела и политики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. **Думиника И.** Историческа българистика в Република Молдова. Кишинев. 2018.
2. **Недев С.** Командаването на българската войска през войните за национално обединение. София. 1993.
3. **Перонков П.** Славим тебя, край родной. Кайраклия. 2005.
4. **Стоянов Н.** Учебник по Родолубию. Кишинев. 2001.
5. **Червенков Н., Думиника Ив.** Тараклия и Тараклийци. Кишинев. 2014.

6. **Амуров И.** Пмятник в Бановка на «башата на българската кавалерия» // Роден край, бр. 39. Одеса. 25.09.2010.

КОЛАР, Михаил, студент, 4 курс – специалност „Български и румънски език и литература” – ТДУ „Гр. Цамблак” – mihailkolar@mail.ru

КОНДОВ, Васил, унив. конф. / доц., д-р, научен ръководител - kondov55@abv.bg

РОМАНЪТ НА КОНСТАНТИН ПЕТКАНОВ „ПРЕСЕЛНИЦИ” КАТО ОТРАЖЕНИЕ НА СЪДБАТА НА БЪЛГАРИТЕ В БЕСАРАБИЯ ПРЕЗ 1828-1830 г.”

Ние избрахме тази тема, защото, преди всичко, тя е свързана с една литературна творба, която ни разказва нашата история, история, творена от нашите предци. Тя ни разкрива как е ставала «живата раздяла» на нашите прадеди с родната им земя.

Считаме, че темата е актуална, защото вече повече от двеста години на територията на днешните независими държави републиките Молдова и Украйна компактно живее многобройно българско население, което до ден днешен се смята за най-голямата диаспора на българите. Историята на българските преселници е постоянен обект на внимание на мнозина писатели, публицисти, историци, изследователи. Но все пак темата, според Н. Червенков, не е проучена и разработена докрай и засега липсват трудове, които да отразяват цялостната картина на този исторически процес. И самият роман на К. Петканов, публикуван през 1937 г., който допринася за разкриването на миналото ни, за съжаление не е станал известен на широката читателска публика.

Целта на тази работа беше да се изследва как романът «Преселници» отразява съдбата на българите преселили се в Бесарабия.

Във връзка с така формулираната цел в настоящата работа бяха поставени и постигнати следните задачи:

- кратко описание на процеса на преселването от историческа гледна точка;
- проучване на жизнения и творческия път на писателя К. Петканов;
- проучване на романа «Преселници»;
- сравняване и съпоставяне на романа «Преселници» със спомените на Балчо Нейков (публикувани в две издания), въз основа на които е написано самото произведение.

Отделно внимание заслужава задачата за популяризирането на романа. Целият роман беше напечатан и публикуван на сайта на он-лайн вестника «Светлина». Много хора коментираха, че романът трябва да се преиздаде. Изненадващо беше и това, че главният редактор на българския вестник «Роден край» в Одеса Дора Костова изяви желание да съдейства за преиздаването на «Преселници», а бургаският филолог Пламен Пенчев се нае да осъвремени правописа на произведението.

В първата глава се дава кратка информация за историята на българското население в Украйна и Молдова до тридесетте години на XIX век. Доскоро диаспората се е развивала отделно от митрополията. Обаче след разпадането на бившия Съветски Съюз се появи възможността за възтановяване на прекъснатите в миналото всестрани връзки с цел взаимопомощ и взаимобогаляване, които не се нарушават и до ден днешен.

Във втората глава се проследява жизнения и творческия път на писателят и класикът на българската литература Константин Петканов, дава се кратко сведение за битовизма (изображение на бита, на битови подробности) в произведенията на писателя, което доказва способността му да разбере и опише душата на селянина, дава се кратка справка за понятието «исторически роман» и се описва романа в общи линии.

В третата глава се говори за книгата «Факийско предание. Сбирки от народния живот», която съдържа спомените на Балчо Нейков, послужили на К. Петканов като източник при написването на романа, отбелязва се темата и структурата на романа, самото съдържанието на романа кратко се преразказва и се прави сравнителен анализ глава по глава на романа «Преселници» и спомените на Б. Нейков.

В настоящата дипломна работа се опитахме да покажем как романът на Петканов отразява съдбата на българите-преселници. Целта беше реализирана, тъй като поставените в хода на това изследване задачи бяха постигнати.

Ние стигнахме до извода, че романът «Преселници» на 90 – 95% състои от исторически правдивы събития, събрани и записани от Балчо Нейков. Различията между тези две творения са незначителни и не играят важна роля в развитието на сюжета на романа. Събитията от началните глави на романа, които не откриваме в спомените на Нейков, имат за цел да ни въведът в пространството на романовия сюжет, изграждат образите на героите и подготвят основата за развитие на централната част на романа. Също така Петканов въвежда любовна линия чрез образите на Златка и Калина.

Общо взето, можем да твърдим, че авторът Константин Петканов е направил една достойна за неговото ниво работа. От многото разхвърлени по ръкописа на Балчо Нейков разкази, той написва един много ценен и забележителен роман.

Романът «Преселници» заслужава своето право на съществуване и заслужава да бъде известен и изучаван от всички, а най-вече и от нас, бесарабските българи, потомци на точно тези преселници, за които четем в това произведение.

ОСНОВНА БИБЛИОГРАФИЯ

1. **В.К.** «И новият роман...» / В.К.// Читалище. —1937.—№7.—С.252;
2. **Горянский, Петър.** Преселници, роман от Константин Н. Петканов / П. Горянский// Сред книгите и списанията. —1939.—№7.—С.66;
3. **Грек, Иван.** Българите от Украйна и Молдова. Минало и настоящее / И. Грек, Н. Червенков. — София: Христо Ботев, 1993. — 7 – 26 с.
4. **Нейков, Балчо.** Факийско предание. Сбирки от народния живот / Е. Харбова, Е. Миладинова. — София: Български писател, 1985.
5. **Нейков, Балчо.** Факийско предание. Сбирки от народния живот / Е. Харбова, Е. Миладинова. — София: Изток-Запад, 2018.
6. **Петканов, Константин.** Преселници / К. Петканов. — София: Древна България, 1937.
7. **Цанев, Георги.** Преселници. Роман от Константин Петканов. / Г. Цанев // Изкуство и критика. — 1938.—№ 1.— С. 95 -99;

ЛУЖАНСКАЯ Диана, студентка, II курс, специальность «Педагогика начального образования», ТГУ им. Григория Цамблака – diana_1983_12@mail.ru

ПЛЭТИКЭ Адина, унив. конф. / доц., д-р, научный руководитель – platica1980@yahoo.com

ФОРМИРОВАНИЕ МОРАЛИ И ПРАВСТВЕННОСТИ У ДЕТЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ НА УРОКАХ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

Аннотация: *Статья посвящена анализу формирования морали и нравственности у детей начальных классов на уроках духовно-нравственного воспитания. Рассматриваются понятия и значимость духовно-нравственного воспитания младших школьников. Решение главных задач обучения должно обеспечивать формирование личностного отношения к окружающим, овладение этическими, эстетическими и духовно-нравственными нормами. Современная школа активно воздействует на формирование мировоззрения младших школьников, способствует их духовно - нравственному воспитанию. Педагог помогает школьникам устранять проблемы, связанные с преодолением духовно - нравственного кризиса.*

Resume: *The article is devoted to the analysis of the formation of morals and morality in primary school children at the lessons of spiritual and moral education. The concepts and significance of spiritual and moral education of primary school children are considered. The solution of the main tasks of training should ensure the formation of a personal attitude to others, the mastery of ethical, aesthetic and spiritual and moral norms. The modern school actively influences the formation of the worldview of younger schoolchildren, contributes to their spiritual and moral education. The teacher helps students to eliminate the problems associated with overcoming the spiritual and moral crisis.*

Ключевые слова: *духовность, мораль, нравственность, школа, духовно-нравственное воспитание, личность.*

Keywords: *spirituality, morality, moral, school, spiritual and moral education, personality.*

Перед общеобразовательной школой ставится задача подготовки ответственного гражданина, способного самостоятельно оценивать происходящее и строить свою деятельность в соответствии с интересами окружающих его людей. Решение этой задачи связано с формированием устойчивых духовно-нравственных свойств личности школьника.

Проблема духовно - нравственного воспитания была отражена в работах Мария Волковская, Нина Горбачёва, Анжела Кара, Анна Вартик, Татьяна Никулча, Лариса Кузнецова, Лагодиной Е.Н. и др., в которых выявляется сущность основных понятий теории духовно - нравственного воспитания.

Руководствуясь моральными нормами, личность тем самым способствует жизнедеятельности общества. В свою очередь, общество, поддерживая и распространяя ту или иную мораль, тем самым формирует личность в соответствии со своим идеалом. В отличие от права, которое также имеет дело с областью взаимоотношений людей, но опираясь на принуждение со стороны государства. Мораль поддерживается силой общественного мнения и обычно соблюдается в силу убеждения. При этом мораль оформляется в различных заповедях, принципах, предписывающих, как следует поступать.

Сущность духовно-нравственного воспитания по настоянию многих учёных, педагогов заключается на единомыслии духовного и нравственного воспитания, а не обращаются только к одному из данных понятий.

Духовно - нравственное воспитание - это процесс, нацеленный на единое формирование и развитие качеств личности ребенка. Оно предполагает становление положительного отношения ребенка к Родине, к труду, к своим обязанностям, к обществу, к окружающей среде, к самому себе [5, с.31].

В процессе духовно - нравственного воспитания школа формирует у младшего школьника чувства патриотизма, коллективизма, активное отношение к действительности, глубокое уважение к людям труда. Основная задача духовно - нравственного воспитания заключается в том, чтобы социально необходимые требования общества превратить в высокие нравственные внутренние стимулы каждого ребенка, чтобы дети были заинтересованы в таких понятиях как, долг, честь, совесть, достоинство [1, 15].

Духовно - нравственное воспитание учащихся одна из самых важнейших задач школы. Такое воспитание является важной стороной формирования и развития личности ребенка и предполагает его положительное отношение к родителям, окружающим, коллективу, обществу, Родине, отношений к труду, своим обязанностям, и к самому себе. Общественная направленность коллективной деятельности пробуждает у детей желание замечать, что же можно сделать, чтобы жизнь стала лучше, помогает оценивать и сознательно выстраивать на основе полученных знаний, традиционных норм и духовно-нравственных идеалов отношения к себе, другим людям, обществу, государству [5, с.56].

Младший школьный возраст предоставляет большие возможности для формирования духовно - нравственных качеств и положительных черт личности [7, с.85].

Понятие духовно - нравственное воспитание проникает во все стороны жизнедеятельности человека. Собственно поэтому выдающийся педагог В.А.

Сухомлинский, разработав воспитательную систему всестороннего развития личности, вполне обоснованно считал, что ее главный признак духовно - нравственное воспитание.

В.А. Сухомлинский считал, что «незыблемая основа нравственного убеждения закладывается в детстве и раннем отрочестве, когда добро и зло, честь и бесчестье, справедливость и несправедливость доступны пониманию ребенка лишь при условии яркой наглядности, очевидности морального смысла того, что он видит, делает, наблюдает» [9, с.170].

В младшем школьном возрасте происходит активное формирование личностных нравственных ценностей (ценность жизни, ценность природы, ценность добра, ценность истины, а также ценность красоты и гармонии) и общественных (ценность человека, ценность семьи и др.).

Традиционно главную роль в нравственном воспитании играет семья, которая является первым для ребёнка социальным организмом. В самый сензитивный период своего развития ребёнок через общение с родителями и другими членами семьи познает нравственные нормы и формирует гуманистическую модель поведения [3, с.153].

Гуманистический кризис современного мира повысил требования к школе в плане нравственного воспитания молодежи. Главная цель школы формировать нравственно устойчивую личность. Школа может и должна нести ответственность за моральное воспитание [1, с.56].

Целью духовно нравственного воспитания является формирование духовно-нравственного сознания учащегося, понимание смысла жизни, самосовершенствование (нравственное выражение), формирование гармоничной личности учащегося (духовное выражение) [8, с.34].

Уроки по Духовно-нравственному воспитанию проводятся с целью формирования поведения, взаимообусловленного приобщением к духовно-нравственным ценностям, национальным традициям, установлением положительных межличностных отношений [6, с.11].

В рамках уроков духовно-нравственного воспитания особое внимание уделяется аффективной, мотивационной, поведенческой и социальной составляющей образования. В рамках уроков духовно-нравственного воспитания педагогические кадры направляют образовательный процесс на осознание учащимися связей между: знать, уметь делать, уметь быть в целях повышения мотивации обучения учащихся, использования приобретенных знаний и способностей в реальной жизни. Акцент сделан на аффективной, мотивационной, поведенческой и социальной составляющей образования [8, с.2].

Духовно-нравственное сознание учащихся подтверждается отношениями, поведением/компетенциями и знаниями о значении концепций и норм в сфере человеческих ценностей.

Успех внедрения дисциплины Духовно-нравственное воспитание означает быть сознательно мотивированным и активным для продвижения общечеловеческих ценностей: истины, добра, доброты, мира, патриотизма, веры, мудрости, духа сотрудничества, веры в добродетель. Внедрение этих ценностей способствует установлению необходимых связей между содержанием образования и социокультурной средой; знанию/продвижению культурного наследия народа; формированию и развитию

адекватного, инклюзивного социально адаптированного поведения; формированию и развитию позитивного, автономного отношения, которое гармонизирует отношения с собой и другими людьми, с окружающей средой [6, с.5].

В рамках уроков по Духовно – нравственному воспитанию продвигается активная и партисипативная педагогика, направленная на обеспечение равных шансов каждому ребёнку; создание школьной среды, в которой каждый ученик чувствует себя в безопасности; развитие дифференцированного образования; приобщение учащихся к искусству эффективного общения; принятия разнообразия характеров и независимости духа, благоприятствующего сотрудничеству между всеми членами школьного коллектива [8, с.25].

Успешность внедрения предмета Духовно- нравственное воспитание отражается в формировании у учащихся активности, сознательности и мотивированности следования общечеловеческим ценностям: истина, добро, доброта, мир, патриотизм, вера, мудрость, дух сотрудничества, уверенность в добродетели [1].

Важным принципом, который требует уважения в процессе внедрения духовно-нравственного воспитания, является принцип, основанный на использовании положительных аспектов личности ученика [8, с.59].

Смысл этого принципа заключается в том, что каждая личность обладает рядом положительных физических, интеллектуальных, аффективных и моральных качеств. Роль учителя заключается в выявлении позитивных сторон каждого ученика и использовании их для определения изменений в своем поведении [8, с.60].

Младший школьный возраст – важный период в жизни ребенка, когда происходит его вхождение в мир социальных отношений, усвоение элементарных морально-нравственных требований, приучение к их выполнению. Именно в этот период и происходит формирование у них основ духовно- нравственных представлений, являющихся важнейшим условием формирования нравственной культуры. В решении данной проблемы участвуют многие социальные институты. Их общей задачей является духовно- нравственное развитие младших школьников, формирование у них нравственных представлений, воспитание нравственных чувств и опыта нравственного поведения [3, с.87].

Духовно - нравственное воспитание младших школьников является главной задачей педагога, в зависимости от того, что вложил учитель в душу ребенка в этом возрасте, будет зависеть, что предпримет он сам в дальнейшем, как будет выстраивать свои отношения с окружающими. Одна из задач духовно-нравственного воспитания младших школьников - правильно организовать деятельность ребенка.

Духовно-нравственное развитие личности младшего школьника предполагает осознание ребенком самого себя, развитие личностных механизмов поведения, развитие нравственных представлений, понятий и на их основе моральной оценки, возникновение новых мотивов поступков. Оно связано с общим процессом социального и психического развития ребенка, становлением целостной личности [8, 5].

Педагогический смысл работы по духовно-нравственному становлению личности младшего школьника состоит в том, чтобы помогать продвигаться от элементарных навыков поведения к более высокому уровню, где требуется самостоятельность принятия решения и нравственный выбор.

Успешность данного вида деятельности в формировании духовно-нравственных качеств школьников зависит от грамотности педагога, разнообразия применяемых им методов и эмоциональном отклике детей [8, с.2].

В рамках уроков по Духовно- нравственному воспитанию поощряется методология центрирования на ученике; использование кооперативных стратегий, стратегий социализации, сосредоточенных на взаимоуважении, позитивном отношении.

В заключение хочется отметить, что кроме педагогического воздействия на формирование духовно-нравственных качеств личности оказывают влияние многие факторы: социальная среда, различные виды деятельности, ведущие типы общения, полоролевые различия детей, при этом каждый возраст вносит свой вклад в формирование духовно-нравственного сознания личности; социальная обстановка, сложившаяся в нашей стране, накладывает отпечаток на формирование личности.

БИБЛИОГРАФИЯ

10. **Monica Opreș, Dorin Opreș, Irina Norga**, Ghid pentru profesori, București, 2013.
11. **Архангельский Н.В.** Нравственное воспитание. - М.: Просвещение, 1979, с.189.
12. **Байбаков А. М.** Учебник для студентов пед. вузов. Волгоград.: ВГИПК РО. – 2006, с. 218.
13. **Белоусова Т. Л.** Духовно - нравственное развитие и воспитание младших школьников. Методические рекомендации. М.: Просвещение, 2011, с. 66.
14. **Виноградова Н.Д.** Основы нравственного воспитания// Педагогика, нр. 5, 2002, с. 19.
15. **Волковская М., Горбачёва Н.** Духовно-нравственное воспитание. Учебник для 2 класса, Prut Internațional, Chișinău, 2017, с. 64.
16. **Мартьянова А.И.** Нравственное воспитание: содержание и формы// Начальная школа, нр.7, 2007, с. 116.
17. **Никулча Татьяна.** Духовно – нравственное воспитание: 2 класс: Методологический гид; М-во образования, культуры и исслед. Респ. Молдова. - Кишинэу: Liceum, 2019 – 64 р.
18. **Сухомлинский В.А.** О воспитании. М.: Просвещение, 1980, с. 170.

ОРЛОВА Надежда, студентка, III курс, специальность «Педагогика начального образования», ТГУ им. Григория Цамблака – Orlova.Nadejda@taraclia.edu.md

ВОЛКОВСКАЯ Мария, унив. конф. / доц., д-р, научный руководитель – ТДУ „Гр. Цамблак” – mariavolc@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ КАК СРЕДСТВО АКТИВИЗАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ

Аннотация: *Статья посвящена анализу внедрения и использования информационных технологий в учебный процесс. Рассматриваются понятия и значимость того, как происходит постепенная компьютеризация преподавания конкретных дисциплин. Грамотное использование современных информационно – коммуникационных технологий в начальной школе способствует активизации познавательной деятельности, повышению качественной успеваемости школьников; достижению целей обучения с помощью современных электронных учебных материалов, предназначенных для использования на уроках в начальной школе; развитию навыков самообразования и самоконтроля у младших школьников; повышению уровню комфортности обучения; снижению дидактических затруднений у учащихся; повышению активности и инициативности младших школьников на уроке; развитию информационного мышления; формированию информационно-коммуникационной компетенции, также вызывает положительный эффект на любой стадии педагогического процесса.*

Resume: *The article is devoted to the analysis of the introduction and use of information technologies in the educational process. The concepts and significance of how the gradual computerization of teaching specific disciplines takes place are considered. Competent use of modern information and communication technologies in primary school helps to activate cognitive activity, improve the quality of school performance; achievement of learning goals with the help of modern electronic educational materials, preliminary materials for use in primary school lessons; the development of self-education and self-control skills in younger*

students; increasing the level of learning comfort; reducing didactic pregnancies in students; increasing the activity and dedication of younger students in the classroom; the development of information thinking; the formation of information and communication competence, also causes a positive effect at any stage of the pedagogical process.

Ключевые слова: *информационно-коммуникационные технологии, познавательная активность, школа, информатизация, русский язык, личность.*

Keywords: information and communication technologies, cognitive activity, school, informatization, russian language lesson, personality.

Сегодня учитель – это прежде всего наставник, сотрудник и единомышленник. Как же в данное время заставить ребенка учиться? Нередко такой вопрос встает перед учителем. Исходя из своего современного образа, педагог сам себе отвечает: «Для того чтобы смотивировать ребенка на учебу, нужно на уроке дарить ученику интересные, яркие эмоции. Только яркость, эмоциональность, разнообразие видов работ, вызывающих самостоятельный поиск ребенка, могут удовлетворить активность его пытливого ищущего ума, развить интерес к предмету. К этому стремится каждый современный педагог.

Сегодня нет такого преподавателя, который не мечтал бы о том, чтобы его общение с учащимися было бы увлекательным, интересным, эмоциональным, а главное - тем ценным приобретением, которое бы ученики смогли преобразовать в собственное мировосприятие и мироощущение. Формирование нового мышления неразрывно связано с тем информационным пространством, в котором проживает ученик, в котором познает окружающую действительность, в котором он активно действует. Это и есть познавательная активность младшего школьника. Активизация познавательной деятельности – важная проблема для каждого учителя, особенно начальной школы.

Эффективным средством активизации познавательной, рефлексивной деятельности учащихся является использование информационных технологий в образовательном процессе. ИКТ - обобщающее понятие, описывающее различные устройства, механизмы, способы, алгоритмы обработки информации. В образовании информационными технологиями обучения называют все технологии, использующие специальные технические информационные средства (компьютер, аудио-, видео-, кино).

Современный этап развития общества характеризуется интенсивностью и глубиной информатизации всех его институтов. Существенную роль в этом процессе играет информатизация системы образования, которая осуществляет формирование и становление членов общества в целом [4].

Внедрение в традиционную систему «учитель – класс – ученик» компьютера кардинально меняет характер учебной деятельности ученика и роль учителя. Диалоговые и иллюстрированные возможности компьютера существенно влияют на мотивационную сферу учебного процесса и его деятельностную структуру. Компьютер обладает достаточно широкими возможностями для создания благоприятных условий работы на всех уроках, в том числе на уроках русского языка.

Использование ИКТ на различных уроках в начальной школе позволяет перейти от объяснительно-иллюстрированного способа обучения к деятельностному, при котором ребенок становится активным субъектом учебной деятельности. Это способствует осознанному усвоению знаний учащимися.

Использование ИКТ на уроках русского языка позволяет разнообразить формы работы, деятельность учащихся, активизировать внимание, повышает творческий потенциал личности. Если ранее учителя использовали в виде наглядности карточки, диафильмы, то в настоящее время круг наглядности значительно расширился.

Построение схем, таблиц в презентации позволяет экономить время, более эстетично оформить материал. Задания с последующей проверкой активизируют внимание учащихся, формируют орфографическую зоркость. Использование кроссвордов, иллюстраций, рисунков, различных занимательных заданий, тестов воспитывают интерес к уроку; делают урок более интересным. На уроках литературы, применение ИКТ позволяет использовать разнообразный иллюстративно-информационный материал. Использование тестов помогает не только экономить время учителя, но и дает возможность учащимся самим оценить свои знания, свои возможности. С помощью мультимедийного проекта демонстрируются слайды, созданные в программе Microsoft Power Point. [2]

Использование данной технологии позволяет:

- Значительно сэкономить время на уроке .
- Повысить уровень наглядности в ходе обучения.
- Внести элементы занимательности, оживить учебный процесс.

Таким образом, труд, затраченный на управление познавательной деятельностью с помощью средств ИКТ, оправдывает себя во всех отношениях - он повышает качество знаний, продвигает ребенка в общем развитии, помогает преодолевать трудности, вносит радость в жизнь ребенка, позволяет вести обучение в зоне ближайшего развития, создает благоприятные условия для лучшего взаимопонимания учителя и учащихся, их сотрудничества в учебном процессе.

Современный урок не представляется без *здоровьесберегающих технологий*. Создать атмосферу хорошего настроения на уроках русского языка помогают физкультминутки, которые можно проводить с помощью компьютера.

Применение компьютерных тестов и диагностических работ позволяют учителю за короткое время получить объективную картину уровня усвоения изучаемого материала, своевременно скорректировать его. В арсенале учителя имеется еще достаточно много разнообразного интерактивного материала.[3]

Большое подспорье ИКТ в подготовке праздников, в исследовательской и проектной деятельности детей.

Итак, применение ИКТ на уроках русского языка в начальных классах позволяет сделать учащихся не пассивными наблюдателями, а активными участниками работы, повышает заинтересованность ребят в изучении предмета, заставляет их подходить к работе творчески, добывать знания самостоятельно. Урок превращается в настоящий творческий процесс, осуществляются принципы развивающего обучения. Всё это

позволяет сделать **вывод**, что формируются коммуникативные компетенции учащихся, тем самым педагогический процесс результативен.[1]

Как показывает практика, без новых информационных технологий уже невозможно представить себе современную школу.

Уроки с использованием ИКТ становятся привычными для учащихся начальной школы, а для учителей становятся нормой работы – это, на мой взгляд, является одним из важных результатов инновационной работы в школе. Но не стоит забывать, что никто и ничто не сможет заменить живого общения!

БИБЛИОГРАФИЯ

1. **Бенина Е.Е.**, Развитие познавательного интереса к урокам русского языка у школьников., 1997.
2. **Глазов И.** Информационные технологии и физическое образование., : ГГПИ, 2006.
3. **Зенкина С.**, Информационно-коммуникационная среда, ориентированная на новые образовательные результаты, Просвещение, , 2007.
4. **Селевко Г.К.**, Современные образовательные технологии.

РАБАДЖИ, Кристина, студентка, II курс, специалност «Български език и английски език и литература», ТДУ «Григорий Цамблак» –
Kristina.rabadji@mail.ru

ТОДОРОВ, Николай д-р, научен ръководител –
nictodorov@gmail.com

ОСОБЕНОСТИ НА РЕЧНИКА НА ГРАД ТАРАКЛИЯ

Резюме: *Статията е посветена на анализа на речника на град Тараклия, на особеностите, характерни за него, на причините на гъвкава промяна на говора тук и възможните решения на този въпрос. Също така се разглеждат фонетичните, морфологичните и синтактичните особености. Населението, живеещо тук е билингвистично. Обаче, двуезичието на българите не е българско-молдавско, както можеше да се предположи, а само българско-руско. Това се обяснява с факт, че младото поколение днес все по-често използва руски думи и изрази, затова не може да се опише Тараклийския говор, опирайки се на българските диалекти, това и го прави особен за разглеждането му.*

Resume: *The article is devoted to the analysis of the vocabulary of Taraclia, the features characteristic of it, the reasons for the flexible change of speech here and possible solutions to this issue. Phonetic, morphological, and syntactic features are also considered. The population living here is bilingual. However, the bilingualism of Bulgarians is not Bulgarian-Moldovan, as one might assume, but only Bulgarian-Russian. This is explained by the fact that the younger generation today increasingly uses Russian words and expressions, so it is impossible to describe the Taraclian speech based on Bulgarian dialects, which makes it peculiar for its consideration.*

Ключови думи: *говор, особености, бесарабски българи, двуезично население, русификация, смесен.*

Keywords: *speech, features, Bessarabian Bulgarians, bilingual population, Russification, mixed.*

В работата са били използвани следните източници: българско-руски и руско-български учебен речник, съставен от Н. Тодоров, А. Ковалов, Е. Челах; учебно пособие «Роден език» на Н. Тодоров, статии от В. Кондов, М. Сухинина, М. Пасларь, които са посветени на въпроса за езика на българите от град Тараклия и работи на други изследователи в този въпрос.

Град Тараклия се намира в най-южната част на Република Молдова, в Буджакската степ, която е част от Южно-бесарабската равнина. Селището е основано в 1813 г. от преселници-българи и около век и половина е известно с името Шоп-Тараклия. В различни исторически периоди то е било в границите на Русия, Румъния, Съветския Съюз, а сега в Молдова. Обявено е за град през 1995 г. и е административен районен център на един от 40-те района на Република Молдова. Тараклия е селище в Молдова, в което живеят компактно най-голям брой хора от българската националност. С указ на Президента на Молдова от пролетта на 1992 г. гр. Тараклия и районът са обявени за център на развитие на българската култура и език.

Бесарабското българско население в Тараклия в официалното си общуване си служат с руски език, а в битова среда с един смесен, беден и архаичен източно-български диалект, който е силно повлиян в лексиката и фонетиката си от руски език.

Съпоставен с говорите от българското езиково землище, ойколектът на Тараклия се държи основно като **източнобългарски**. А съпоставен с българските териториални говори, разпространени в пределите на бившия Съветски Съюз, той е резултат от смесването на **чийшийски** (североизточен мизийски български — «гребенски»), на два **тракийски** (подбалкански) и **шопски** (западно-български), т.е. на четири български говора, от които три източни и един северозападен. Основната маса на заселилото се в Тараклия българско население произхожда от Североизточна България и основно от селищата които са разположени по десния бряг на р. Дунав между градове Тутракан и Силистра.

При смесването на четирите български говора тук в Тараклия, в период от близо 2 века, «надделял» основно мизийският «гребенски» говор и се е оформил **смесеният източнобългарски бесарабски тараклийски ойколект**. В него битуват и подбалкански, източнорупски и труднозабележими западнобългарски («шопски») елементи.

Тараклийският бесарабски български ойколект е силно повлиян главно от руски език, слабо от украински и почти незабележимо от румънски и гагаузки (турски диалект). Това влияние е особено силно в системата на лексиката, но е проникнало и във фонетиката, а и в словообразуването и в граматичната система на говора, макар и слабо. Българският език (в диалектната му форма) е в голяма степен изместен от руски език, особено в речта на поколението българи на възраст, под 60 години.

Най-старите български селища, основани тук непосредствено от преселници от България, поради което биха могли да се наричат и първични, са Паркан (в т.нар. Приднестровска република), Тараклия, Твърдица, Валя Пержей, Кортен, Кирсово (тукано-гагаузко). А такива български селища като Александровка, Димитровка, Колибабовка, Константиновка, Стояновка, Урсоая и др., а също и селища със значителен процент българско население, като Алуат, Будей, Димитрово, Лопацика, Московей,

Новосъоловка, и др. са вторични, тъй като са основани или заселени с българи от първичните български селища в Бесарабия.

Реалните условия, в които е поставено и се намира българското население в Молдова, в едни случаи са предпоставка за максимално запазване на българските говори в онзи си вид, в който те са пренесени в Бесарабия, а в други - за формиране на български говори от смесен тип. Трябва да се отбележи, че в някои от тези селища все още се откриват по два и повече български говора [10, стр. 155].

Особеностите на говора в град Тараклия, също така са обект на изследвания на такива историци и езиковеди, като Самуил Борисов Бернщейн и Е.В. Чешко, Н. Неделчев. Базирайки се на техните изследвания, може да се каже, че диалектната разчлененост на българския език най-ярко се проявява в областта на фонетиката. Във фонетичната система на отделни български диалекти се срещат такива различия, каквито обикновено не съществуват в останалите славянски езици.

При направеното изследването на говора на гр. Тараклия на лексикално ниво можем да определим три основни групи лексика:

1. Лексика на тараклийския говор, която има общобългарски характер и функционира в съвременния български книжовен език.

2. Диалектна лексика съхранена от времето на преселването от България в Бесарабия.

3. Лексика, зета от руски и от езиците на други народности, които живеят постоянно, заедно или в съседство, с българите, която се употребява в ойколекта. Тази група лексика, независимо от нейния чужд произход, по нашето разбиране е също диалектна.

Ето някои от примерите на думите от град Тараклия: билук - множество, викам - казвам, галадофка - глад, дурде - докато, жвачка - дъфка, знаком - познат, играшка - играчка, кашолка - кошница, лубут - бой, морожена - сладолед, напротив - срещу, отечавам - отговарям, петрушкъ - магданоз, рубли - пари, садик - детска градина, трендафел - роза, убуща - обувки, фартъ - пристилка, хозяйство - стопанство, чизми - ботуши, шавъм - мърдам, ърлец - права лопата.

Изводите относно езика на българите в Тараклия са следните:

От началото на лингвистичните изследвания в Тараклия през 1947 г. и до днес тук реално съществуващи са два говора – долненски и горненски. И до ден днешен жителите на селището и относно езика си делят себе си преди всичко на горненци и долненци. Основни езикови особености, които все още разделят тукашното българско население на такива, са: във фонетично отношение — якавски изговор на ятовата гласна при горненци: б`яли, б`яличку, пйй, жув`яй и т.н и йотация-дейотация: я`бълка — а`бълка; лексикални особености, съответно при горненци-долненци: ба`н`ца —мили`на, боб — фасу`л, джам — пе`нджур, каза`н — ко`фа, копто`р — со`ба, пу`йка — фи`тка и др.

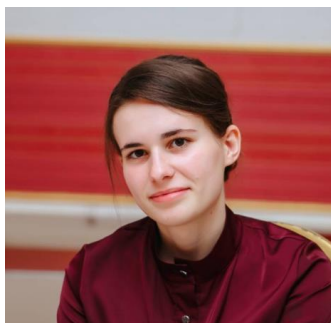
Езикът на българите в Тараклия действително представлява смесен български говор, тъй като в речта на тукашните българи тези и други особености се срещат както в речта на долненци, така и в речта на горненци, но процесът на смесване все още не е завършен, а продължава. Самите носители на езика – преди всичко представителите на по-възрастното население и носителите на българския език с по-нисък образователен

ценз в много случаи, по тези и други особености, все още ясно разграничават двата говора.

И общият извод, който може да се направи въз основа на споменатите особености е този, че смесеният български говор в Тараклия се формира предимно въз основата на три източнобългарски диалекта: мизийски, тракийски и балкански. Тук трябва да се имат предвид всички причини, които водят до конкретните промени в речта на тукашните българи: контактите, взаимодействието на техните говори, както помежду им, така също и с други езици, включително и влиянието на книжовната форма на българския език, непрекъснато променящия се начин на живот на населението, смесването му, смяна на поколенията и т.н.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. **Балкански, Т.** На пусто пладне – Велико Търново, 2009, 396 с.
2. **Дамьян, Н.** Румынско-болгарские параллели на уровне лексики // *Relații moldo-bulgare în erosa medie și modernă* - Кишинев, 1998 – 255 с.
3. **Димова, С.** Характерни фонетични особености на тараклийския говор // *Годишник. Т.2 Дунав- Днестър. Обществознание. Езикознание. Педагогика- Кахул*, 2010 – 328 с.
4. **Кайряк П.** Тараклия и тараклийци – Кишинев, 2014 – 255 с.
5. **Кара, Н.** Из истории антропонимии бессарабских болгар середины XIX века // *История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины* – Кишинев, 1999 – 276 с.
6. **Кара, Н.** Болгарские говоры как объект лингвистического описания // *Проблемы языка, истории и культуры болгарской диаспоры в Молдове и Украине* – Кишинев, 1993 – 187 с.
7. **Кондов, В.** Едно интересно явление в езика на българите от Бессарабия (като резултат на морфологична интерференция между български и руски език) века // *История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины* – Кишинев, 1999 – 276 с.
8. **Кондов, В., Балкански Т.** Селищно име Тараклий // *Бессарабски бележник* – Велико Търново, 2012 – 290 с.
9. **Кондов, В., Сухинина М., Пасларь М.** Към въпроса за езика на българите от град Тараклия, Република Молдова // *Relațiile moldo-bulgare: Istorie și cultură* – Кишинев, 2016 – 546 с.
10. **Куртев, Н.** Селища с българско население в северозападния Буджак – Велико Търново, 2006 – 288 с.
11. **Неделчев, Н.** Лексикалната интерференция в ойколекта на гр. Тараклия // *Вопросы истории и культуры болгар Молдовы и Украины* – Кишинев, 1997 – 124 с.
12. **Пасларь, М.** Диалектни особености на морфологичната система на българския бесарабски говор в гр. Тараклия // *Обогатяване на лексикалния запас на учениците при изучаване на книжовния български език в мултилингвална среда (Република Молдова)* – Тараклия, 2013 – 244 с.
13. **Тодоров, Н.** Опыт фонетичной модели синхронного описания болгарской диалектной речи // *Проблемы языка, истории и культуры болгарской диаспоры в Молдове и Украине* – Кишинев, 1993 – 187 с.
14. **Тодоров, Н.** Роден език – Кишинев, 1992 – 160 с.
15. **Тодоров, Н., Ковалов. А., Челак. Е.** Българско-руски руско-български учебен речник – Кишинев, 1994 – 248с.

СОНГРОВА Лия, студентка, III курс, специальность «Дошкольная педагогика и румынский язык и литература», ТГУ им. Григория Цамблака – liya.songrova@mail.ru

ВОЛКОВСКАЯ Мария, д-р, унив. конф. / доц., научный руководитель, ТДУ „Гр. Цамблак” – mariavolc@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕНИЯ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Аннотация: Данная статья посвящена особенностям общения детей дошкольного возраста. Рассмотрены разные методы и приемы, которые способствуют формированию коммуникативных навыков у детей. Особое внимание уделено играм, так как они являются ведущим видом деятельности у детей дошкольного возраста.

Resume: This article is devoted to the peculiarities of communication among preschool children. Various methods and techniques are considered that contribute to the formation of communication skills of children. Particular attention is paid to games because they are the leading activity for preschool children.

Ключевые слова: общение, коммуникативные навыки, дети дошкольного возраста, метод, игра

Keywords: communication, communication skills, preschool children, method, game

Общение рассматривается как взаимодействие людей, направленное на согласование и объединение их усилий с целью налаживания отношений и достижения общего результата [6, с. 320]. Актуальность данной темы обусловлена особой значимостью общения в жизни как общества в целом, так и каждой личностью. С другой стороны, бурное развитие психологических и педагогических наук породило многочисленные подходы к пониманию сущности, значения, механизмов, средств общения, причин коммуникативных неудач и способов их предупреждения и преодоления и др. Необходим их всесторонний анализ и отбор наиболее современных,

эффективных форм и методов развития коммуникативных навыков в дошкольном возрасте.

Концептуальные основы разработки проблемы общения связаны с трудами В.М. Бехтерева, Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, М.И. Лисиной. Непосредственно формированием коммуникативных навыков дошкольников занимались Л.Р. Мунирова, С.В. Проняева, Е.Г. Савина, О.С. Степина, О.А. Черенкова и др. Они отмечали, что отсутствие элементарных коммуникативных умений затрудняет общение ребенка со сверстниками и взрослыми. Именно развитие коммуникативных умений является важнейшим направлением социально-личностного развития дошкольника.

В концепции Л.С.Выготского общение – «единица» психики: общение генетически предшествует высшим психическим процессам; структурно (через знаки) детерминирует их; является их универсальной составляющей в том смысле, что психические процессы всегда явно или скрыто включены в общение. Выготский считал, что развитие психики ребенка происходит в процессе общения [3, с. 352].

Взаимодействуя с окружающими его людьми, ребенок удовлетворяет одну из самых значимых социальных потребностей – потребность в общении, которая, как считает психолог Л.И. Божевич, «несет в себе изначальную силу, побуждает психическое развитие ребенка, развивается вместе с ним, является базой для развития других его социальных потребностей». [2, с. 400]

Очень важно в ребенке развивать коммуникативные навыки – средства, которые помогут ему осуществлять коммуникативную деятельность. При обучении детей значение сформированности навыков общения становится более очевидным, так как из-за отсутствия элементарных умений наблюдают затруднение общения ребенка со сверстниками и со взрослыми, что приводит к повышению тревожности и нарушению процесса общения в целом.

Цель формирования коммуникативных умений детей – получать нужную информацию в общении, вести простой диалог со взрослыми и сверстниками в игровой деятельности осуществляется через решение следующих задач:

- развитие свободного общения со взрослыми и детьми;
- развитие всех сторон и компонентов устной речи детей в различных формах и видах детской деятельности;
- практическое овладение воспитанниками нормами речи [6, с. 127].

Для формирования коммуникативных умений у детей дошкольного возраста используются различные методы и приемы. Чем разнообразнее эти методы, тем выше результат. Чаще всего при работе с дошкольниками используется игра, так как она является ведущим видом деятельности в этом возрасте.

О.В. Хухлаева с соавторами предлагает в своей книге «Маленькие игры в большое счастье» использовать игровые методы и приемы для формирования коммуникативных умений дошкольников. По ее определению, игровые методы и приемы – это «использование различных видов игр, в которых дети учатся языку общения, взаимопониманию, взаимопомощи, умениям сопереживать, проявлять эмпатию, подчинять свои действия действию других, разрешать конфликты и т. д.» [7, с. 220].

Игровые методы и приемы используются в сюжетно-ролевых играх, играх-драматизациях и театрализованных играх.

Сюжетно-ролевые игры, по словам И.А. Ивакиной, - это «свободный вид совместной деятельности детей, в который они объединяются по собственной инициативе, сами выбирают сюжет, распределяют роли и подбирают игровой материал, намечают план и развивают содержание игры, выполняя те или иные игровые действия. Развитие коммуникативных умений в таких играх происходит на всех ее этапах: сначала дети договариваются между собой, в какую игру они будут играть, распределяют роли. Затем в самой игре произносят ролевые диалоги, вступают в межличностное взаимодействие, согласно своим ролям. После окончания игры анализируют, подводят итоги, высказывают свое мнение, что было хорошо или плохо в игре» [5, с. 185].

А.Г. Арушанова среди игровых методов выделяет театрализованные игры. По мнению этого автора, использование в работе по формированию коммуникативных умений дошкольников театрализованных игр позволяет добиться высоких результатов, так как в этих играх много диалогов между персонажами. Воспроизводя эти диалоги, дошкольники «овладевают диалогическими умениями: вступать в диалог, поддерживать его, задавая вопросы и отвечая на них, оканчивать диалог, понимать эмоциональное состояние собеседника, быть вежливым и тактичным» [1, с. 96].

В играх-драматизациях ребенок, «исполняя роль в качестве «артиста», самостоятельно создает образ с помощью комплекса средств вербальной и невербальной выразительности» [1, с. 21].

О.В. Хухлаева отдельно выделяет коммуникативные игры, которые делятся на две группы: 1) игры и задания, способствующие углублению осознания сферы общения; 2) игры, обучающие умению сотрудничать [7, с. 221]. Эти игры в основном построены на разыгрывании сценок из жизни.

Л.М. Шипицына предлагает формировать коммуникативные умения старших дошкольников с помощью таких игровых упражнений, как «Ролевая гимнастика», «Забота о животных», «Что я чувствую» и др. В этих упражнениях детям дается возможность поэкспериментировать, побыв в другом образе, что помогает им лучше понять себя и других» [8, с. 383]. Этот же автор для формирования коммуникативных умений старших дошкольников рекомендует проводить в детском саду игровые упражнения и разминки:

- на мотивацию, эмоциональный настрой;
- игры-ситуации;
- мимические и пантомимические игры и упражнения;
- игры с привлечением мелкой моторики рук, способствующие речевому развитию.

Все эти игры, по словам Л.М. Шипицыной, «направлены на развитие навыков конструктивного общения, умения получать радость от общения, умение слушать и слышать другого человека» [8, с. 384].

Большую роль в формировании и развитии коммуникативных навыков у детей играет художественная литература: она способствует формированию всех сторон речи, развитию диалогической и монологической речи, обогащает словарь детей, делает речь ребенка богатой и выразительной. Накопление читательского опыта содействует расширению горизонтов детского восприятия мира, помогает постигнуть духовные ценности и в то же время способствует формированию коммуникативных умений (понимать эмоциональное состояние другого человека, вести диалог по поводу прочитанного, слушать другого человека, с уважением относиться к его мнению и высказывать, и отстаивать свое мнение). Самостоятельная деятельность по мотивам литературных текстов дает возможность проявить мысли и чувства, сделав процесс освоения произведений эффективным.

Л.М. Гурович отмечает, что «в поэтических образах художественная литература открывает и объясняет ребенку жизнь общества и природы, мир человеческих чувств и взаимоотношений. Она обогащает эмоции, воспитывает воображение, дает ребенку прекрасные образцы литературного языка» [4, с. 11]. Эти образцы различны по своему воздействию: в рассказах дети познают лаконичность и точность слова; в стихах улавливают музыкальную напевность, ритмичность речи, в народных сказках перед детьми раскрывается легкость и выразительность языка, богатство речи юмором, живыми и образными выражениями, сравнениями.

Итак, общение имеет важное значение в обществе, в котором существует личность. Основными коммуникативными умениями, которыми должен овладеть дошкольник, являются умения понимать эмоциональное состояние партнера по общению, получать необходимую информацию в общении, вести простой диалог со взрослыми и сверстниками, внимательно слушать другого человека, с уважением относиться к его мнению, интересам, желаниям, спокойно высказывать и отстаивать свое мнение. Для того чтобы выработать данные умения, проводится кропотливая регулярная работа с детьми дошкольного возраста.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. **Арушанова, А.Г.** Коммуникация. Развивающее общение с детьми 3-4 лет – М.: Сфера, 2014. – 96 с.
2. **Божович, Л.И.** Личность и ее формирование в детском возрасте – СПб.: Питер, 2010. – 400 с.
3. **Выготский, Л.С.** Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 2012. – 352 с. <https://www.litres.ru/lev-vygotskiy/myshlenie-i-rech-4992713/chitat-onlayn/>
4. **Гурович Л.М., Береговая Л.Б., Логинова В.И.** Ребенок и книга: книга для воспитателя детского сада / Под ред. В.И. Логиновой. - М., 1992.
5. **Ивакина, И.А.** Руководство творческими сюжетно – ролевыми играми дошкольников. Учебно – методическое пособие – Пенза, 2012. – 185с.
6. **Лисина, М.И.** Формирование личности ребенка в общении. – СПб.: Питер, 2009. – 320 с.
7. **Хухлаева, О.В.** Маленькие игры в большое счастье. – М.: ЭКСМО-пресс, 2014. – 223 с.
8. **Шипицына, Л.М.** Азбука общения: Развитие личности ребенка, навыков общения со взрослыми и сверстниками (Для детей от 3 до 6 лет). – СПб.: Детство-Пресс, 2014. – 384 с.

ЧАКАЛ Татьяна, студентка, II курс, специальность «Педагогика начального образования», ТГУ им. Григория Цамблака – tatanastefoglo95@gmail.com

ГОРБАЧЕВА Нина, д-р педагогики, унив. конф. / доц., научный руководитель ninagor58@mail.ru

РОЛЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ИГРОВЫХ СИТУАЦИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Аннотация: *Статья посвящена анализу использования игровых ситуаций в образовательном процессе младших школьников. Рассматриваются понятия и значимость игровых ситуаций в образовательном процессе, элементы игровой ситуации, виды ситуаций. Влияние игровых ситуаций на развитие личности ребенка заключается в том, что через них он знакомится с поведением и взаимоотношениями взрослых людей, которые становятся образцом для его собственного поведения, и в них приобретает основные навыки общения, качества, необходимые для установления контакта со сверстниками. Игровая ситуация имеет особое значение для развития рефлексивного мышления. Она является ценным средством воспитания активности детей, активизирует психические процессы, вызывает у учащихся живой интерес к процессу познания. Игровая ситуация должна соответствовать знаниям, которыми располагают младшие школьники.*

Resume: *The article is devoted to the analysis of the use of game situations in the educational process of younger students. The concepts and significance of play situations in the educational process, elements of a play situation, goals, types of learning situations are considered. The influence of play situations on the development of a child's personality lies in the fact that through them he gets acquainted with the behavior and relationships of adults people who become a model for his own behavior, and in them acquires basic communication skills, qualities necessary to establish contact with peers. The play situation is of particular importance for the development of reflective thinking. The game situation is a valuable means of educating the effective activity of children, it activates mental processes, arouses students'*

keen interest in the cognitive process. The game situation should correspond to the knowledge that younger students have.

Ключевые слова: *Игровые ситуации, воспитание, общение, поведение, виды игровых ситуаций, влияние игровых ситуаций, учебная деятельность, умения, навыки.*

Keywords: *Game situations, education, communication, behavior, types of game situations, the influence of game situations, learning activities, children, skills.*

Игровые ситуации — один из методов активного обучения, отличающийся тем, что при его осуществлении используются некоторые (обычно один-два) игровые принципы (из принципов активного обучения), реализация которых происходит в условиях свободной, не регламентированной формальными правилами и организационной структурой деятельности [3, стр.39].

В словаре Д.Н. Ушакова приводится следующее определение игровой ситуации: "Совокупность обстоятельств, условий, создающих те или иные отношения, обстановку или положение" [7]. Под игровой ситуацией понимается совокупность обстоятельств воспитательного взаимодействия и взаимоотношений воспитывающих и воспитываемых, которые требуют принятия решения и соответствующих действий или поступков со стороны участников.

Элементами игровой ситуации выступают как цели воспитания, так и объекты воспитательного воздействия, а также и субъекты воспитательного воздействия, которые активно решают поставленную задачу и приводят в действие игровую ситуацию. Игровые ситуации многообразны. Объединять их может тот факт, что их возникновение основывается на взаимодействии субъектов педагогического процесса, вступивших в контакт.

Известно, что игра - ведущий тип деятельности ребенка дошкольного и младшего школьного возраста. Д.Б. Эльконин подчеркивал, что игра относится к символично-моделирующему типу деятельности, в котором операционально-техническая сторона минимальна, сокращены операции, условны предметы.[5] Однако игра дает возможность такой ориентации во внешнем, зримом мире, которую никакая другая деятельность дать не может. Игра - это такая форма деятельности, в которой дети, создавая специальную игровую ситуацию, замещая одни предметы другими, реальные действия сокращенными, воспроизводят основные смыслы человеческой деятельности и усваивают те формы отношений, которые будут реализованы, осуществлены впоследствии.

На протяжении своего развития ребенок постоянно "овладевает" взрослым человеком. В ситуации человеческих отношений приходится внутренне проигрывать не только всю систему своих действий, но и всю систему последствий своих действий. Поэтому необходимость формирования внутреннего плана действий рождается именно из системы человеческих отношений, а не из системы материальных отношений. Как показали исследования Д.Б. Эльконина, игра - это не всеобщая форма жизни всех детей, она - образование историческое.[5] Игра возникает только на определенных этапах развития общества, когда ребенок не может принять непосредственное участие в системе общественного труда, когда возникает "пустой" промежуток времени, когда надо подождать, чтобы ребенок подрос [6].

Влияние игровых ситуаций на развитие личности ребенка заключается в том, что через них он знакомится с поведением и взаимоотношениями взрослых людей, которые становятся образцом для его собственного поведения и в них приобретает основные навыки общения, качества, необходимые для установления контакта со сверстниками. Захватывая ребенка и

заставляя его подчиняться правилам взятой на себя роли, игровые ситуации способствуют развитию чувств и волевой регуляции поведения.

Внутри игровой деятельности начинает складываться и учебная деятельность, которая позднее становится ведущей деятельностью. Игровая ситуация имеет особое значение для развития рефлексивного мышления, поскольку в ней возникает реальная возможность контролировать то, как выполняется действие, входящее в процесс общения.

Наиболее типичными игровыми ситуациями являются учебные ролевые игры и дискуссионные занятия. В педагогических источниках мы встречаем разнообразные классификации игровых ситуаций. Обычно основанием для классификации являются целевое предназначение игровой ситуации.

Игровые ситуации подразделяются на творческие и игры с правилами. Творческие игровые ситуации, в свою очередь, включают театральные, сюжетно-ролевые и строительные ситуации.

Игровые ситуации с правилами - это дидактические, подвижные, музыкальные игры и игры-забавы. Одни игровые ситуации создаются самими детьми под руководством учителя – это творческие игры; другие созданы заранее, имеют готовое содержание и определённые правила – это игры с правилами. В свою очередь игры с правилами подразделяются на подвижные и дидактические игры.

Для развития полноценного игрового общения используется такая форма речевой работы с детьми, как игровые обучающие ситуации. Существуют четыре вида обучающих ситуаций: *ситуации-иллюстрации*; *ситуации-упражнения*; *ситуации партнерского взаимодействия (ситуации-проблемы)* *ситуации-оценки*.

Ситуации-иллюстрации чаще всего используют в обучении младших школьников. Педагог разыгрывает простые сценки из жизни детей. Рекомендуется использовать иллюстрации, кукольный театр, игрушки. Параллельно с использованием ситуаций-иллюстраций предлагаются игровые *ситуации-упражнения*. Дети тренируются в выполнении отдельных игровых действий и связывании их в сюжет; учатся регулировать взаимоотношения со сверстниками в рамках игрового взаимодействия. Участие детей в *ситуациях партнерского взаимодействия (ситуациях-проблемах)* позволяет усваивать основные социальные отношения, своего поведение в мире людей; в них ребенок находит выход своим чувствам и переживаниям, учится осознавать и принимать их.

С учащимися 3-4-х классов можно использовать *ситуации-оценки*, оценки со стороны самих детей. В этом случае игровая проблема уже решена, но от взрослого требуется помочь ребенку проанализировать и обосновать принятое решение, оценить его.

Обучение игровому общению осуществляется в форме сценариев активизирующего общения. Сценарий общения может включать разговор педагога с детьми, дидактические, подвижные, народные игры, инсценировки, игры-драматизации, занятия изобразительной деятельностью, конструированием, имитационные упражнения, обследование предметов (рассматривание игрушек, предметов, картин). В таких видах деятельности речь выступает во всех своих многообразных функциях, несет основную нагрузку при решении практических и познавательных задач.

В ситуациях-иллюстрациях взрослым разыгрываются простые сценки из жизни детей. Чаще всего такие ситуации используются в работе с детьми младшего школьного возраста. С помощью различных игровых материалов и дидактических пособий педагог демонстрирует детям образцы социально приемлемого поведения, а также активизирует их навыки эффективного общения.

Наряду с ситуациями-иллюстрациями в образовательном процессе широко используются *ситуации-упражнения*, в которых ребенок является не только слушающим и

наблюдающим, но и активно действующим участником. Включаясь в ситуации-упражнения, дети тренируются в выполнении отдельных игровых действий и связывании их в сюжет, учатся регулировать взаимоотношения со сверстниками в рамках игрового взаимодействия. В таких ситуациях взрослый привлекает внимание ребенка к своему эмоциональному состоянию и состоянию других персонажей.

Активно участвуя в *ситуациях-проблемах*, ребенок находит выход своим чувствам и переживаниям, учится осознавать и принимать их. Он постепенно овладевает умениями предвосхищать реальные последствия своих поступков и на основе этого выстраивать дальнейший сюжет игры, произвольно изменять свое игровое и речевое поведение. В ситуациях-проблемах каждый ребенок находится в активной действующей позиции. В этом и состоит педагогическая ценность таких ситуаций [3, стр.40].

Одним из эффективных способов решения проблемы является использование в обучении детей младшего школьного возраста *игровых коммуникативных ситуаций*. Коммуникативная игровая ситуация актуализирует ведущие мотивы ребенка, значительно повышает уровень речевой активности, улучшает качества речевых высказываний младших школьников и повышает эффективность обучения.

Все положительные качества и знания у детей формирует не сама игровая ситуация, а то или иное конкретное содержание, которое специально вносится в нее педагогом. Основу игровой ситуации составляет сценарий активизирующего общения, овладение детьми определенными навыками и умениями [1].

В целях оптимизации образовательного процесса воспитатели конкретизируют задачи игровых ситуаций, выделяя обучающие, развивающие и воспитательные. Сценарии игровых ситуаций необходимо разрабатывать таким образом, чтобы реализовать на практике "золотое правило" педагогики: "Мы должны так обучать детей, чтобы они об этом даже не догадывались". Это дает возможность синхронизировать процессы обучения и воспитания, сделать их не противостоящими друг другу, а взаимодополняющими, взаимообогащающими развитие ребенка. Ведь в процессе игровой деятельности ребенок учится вырабатывать различные поведенческие стратегии, позволяющие ему увидеть целесообразность и значимость результатов собственной деятельности и поведения. В этом случае знания становятся не самоцелью, а условием личностного развития. Важность их заключается не в их накоплении, а в возможности с их помощью решать важные жизненные задачи.

Из всего существующего многообразия различных видов игровых ситуаций именно дидактические игры самым тесным образом связаны с учебно-воспитательным процессом. Дидактическая игровая ситуация (обучающая) - это вид деятельности, занимаясь которой, дети учатся.

Игровая ситуация-драматизация. Для детей младшего школьного возраста наиболее притягателен процесс перевоплощения в конкретный художественный или реальный образ (это стремление к перевоплощению сохраняется на всех этапах развития личности ребенка). Установка на игровую ситуацию-драматизацию активизирует мышление детей в направлении поиска ответов на возникающие вопросы, на решение способа имитации, разыгрывание роли и тому подобное. Вхождение в роль и действие внутри ее согласно сюжету требует от ребенка усиленной игры воображения.

Игровая ситуация -соревнование. Под методом соревнования понимают введение дополнительного стимула, направленного на усиления мотивов и активизацию коллективной деятельности младших школьников. В ходе правильно организованного соревнования дети всегда оживлены, увлечены, внутренне подтянуты. Изменение внешнего поведения и отношения к выполнению требуемых действий объясняется тем, что в соревновании ребенок выступает в позиции человека, от которого зависит успех коллектива. Именно в силу своей

привлекательности эта позиция может изменить сложившееся у ребенка безразличное или отрицательное отношение к воспитываемым формам поведения. Гораздо эффективнее длительное соревнование, рассчитанное на определенный срок – неделю, месяц. Оно побуждает детей относительно долго следить за своим поведением – соблюдать правила вежливости, быть опрятным, прилежным [4].

Среди игровых ситуаций, которые могут применяться педагогами на практике, помимо игр-драматизаций и соревнований, можно выделить творческие игровые ситуации и их разновидности в виде сюжетно-ролевых и деловых игр, развивающие и познавательные игры, различные игровые приемы поощрения и контроля, ритмические игровые ситуации и длительные тематические комплексные игровые ситуации.

Творческая игровая ситуация предполагает преобразующую деятельность младшего школьника, когда он строит игровой сюжет действия, в который включает участников-детей. Между участниками вырабатываются правила, обязательные для всех. Ребенок, став автором, режиссером и артистом, добровольно и динамично перевоплощается в своих героев, стремясь через них выразить то, что его больше всего волновало и тревожило. Творческая игровая ситуация может быть использована педагогом для формирования коллективистских отношений между детьми.

Под *ролевой игровой ситуацией* понимается ограниченное по месту и времени соревнование в решении задач участников, исполняющих строго заданные роли в условиях четко определенной ситуации. Достижение успеха участника в ролевой игре зависит от сознательности участия (анализ и рефлексия собственного поведения). Отсюда возникают педагогические ресурсы стимулирования самопознания и самосовершенствования школьников [2, стр. 55].

Деловая игровая ситуация – метод имитации принятия управленческих решений в различных производственных, хозяйственных ситуациях путем организации коллективной деятельности по заданным правилам и нормам. Дидактические игровые ситуации обеспечивают смену видов деятельности. Дидактическая игровая ситуация представляет собой самостоятельный вид деятельности, которой занимаются дети: она может быть индивидуальной или коллективной.

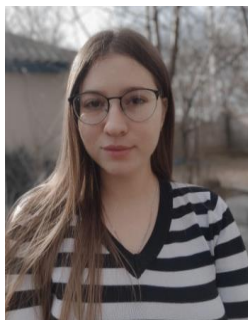
Игровая ситуация является ценным средством воспитания действенной активности детей, она активизирует психические процессы, вызывает у детей живой интерес к процессу познания. Существенный признак дидактической игровой ситуации – устойчивая структура, которая отличает её от всякой другой деятельности. Дидактическая игровая ситуация имеет определённый результат, который является финалом игры, придаёт игре законченность. Все структурные элементы дидактической игровой ситуации взаимосвязаны между собой и отсутствие любого из них разрушает процесс.

В *познавательных игровых ситуациях* на первый план выступает наличие знаний, навыков. Игровая ситуация должна соответствовать знаниям, которыми располагают младшие школьники. Развивающие игровые ситуации требуют особой осторожности. Трудные, непосильные задачи могут ребенка отпугнуть. Здесь необходимо соблюдать принцип от простого к сложному. Но зато, когда ребенку удастся осилить задание, преодолеть первые трудности, он испытывает большую радость и готов перейти к более сложной игровой ситуации. У него появляется вера в свои силы, развивается "умственный аппетит", а это значит, что цель таких игровых ситуаций достигнута.

Таким образом, игровые ситуации являются ценным средством обучения и воспитания младших школьников, они активизируют психические процессы, вызывают у учащихся живой интерес к процессу познания.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. **Воспитание детей в средней группе детского сада:** Пособие для воспитателя дет. сада /Сост. Г.М. Лямина. – М.,1982.
2. **Моторин В.** Воспитательные возможности компьютерных игр. //Дошкольное воспитание. – 2000. - №11. – стр.53-57.
3. **Николаева С.** Совместная деятельность взрослого и детей. //Дошкольное воспитание. – 2000. - №5. – стр.36-43.
4. **Ронгинский М.Ю.** Игровые элементы активного обучения. – Л., 1991.
5. **Эльконин Д.Б.** Психология игры.- М.: 1999 -- 188 с.
6. **Эльконин Д.Б.** Детская психология. – М., 1960.
7. <https://ushakovdictionary.ru/>

ЧОЛАК Анастасия, студентка, 3 курс – ТДУ „Гр. Цамблак”, специалност „Български и румънски език и литература“ – nastia.ciolac@mail.ru

КОНДОВ, Васил, унив. конф. / доц., д-р, научен ръководител - kondov55@abv.bg

БЪЛГАРСКОТО ЕЗИКОВО ВЛИЯНИЕ ВЪРХУ ЗИМНИЯ ЦИКЪЛ НА КАЛЕНДАРНИТЕ ПРАЗНИЦИ У НАСЕЛЕНИЕТО В СЕЛО КОПЧАК, АТО, GAGAUZ ERI

Анотация: *Статията е посветена на анализа на гагаузката зимна обредност под влияние на българския език. Анализ на обредна терминология включва разглеждане на такива езикови проблеми, като начини за номинация, отражение в значението на термина на обредна семантика и символика, особености на словообразуването, явление на полисемия и синонимия, народна етимология. Етнолингвистичното изследване на терминологията на зимната обредност позволява да се проследи историята и еволюцията на календарните празници и да се получи определена представа за тяхната древна структура. Тя играе важна роля като средство за запазване на етническата идентичност. Тази работа разкрива източниците на формирането на гагаузката терминология през зимните празници. За назоваване на зимните ритуали гагаузите използват назаем и действително гагаузкия речник. Повече от половината от гагаузките обредни термини са заемки и това е естествено, тъй като на Балканите българската календарна обредност беше възприета от гагаузите, а лексикалните единици, обозначаващи тази обредност – от гагаузкия език.*

Ключови думи: *гагаузи, празници, ритуали, терминология, произход, култура, език.*

Annotation: *The article is devoted to the analysis of the gagauzian winter rites under the influence of the bulgarian language. The analysis of ritual terminology includes the consideration of such linguistic problems as the methods of nomination, the reflection of ritual semantics and symbolism in the meaning of the term, the peculiarities of word formation, the phenomenon of polysemy and synonymy, folk etymology. The ethnolinguistic study of the terminology of winter rites allows us to trace the history and evolution of calendar holidays and get a certain idea of their ancient structure. It plays an important role as a means of*

preserving ethnic identity. This work reveals the sources of the formation of the gagauzian terminology of winter holidays. To name the winter rituals gagauzian people use borrowed and proper gagauzian vocabulary. more than half of the gagauzian ritual terms are borrowed, and this is naturally, because in the Balkans the bulgarian calendar ritual was adopted by the gagauzian people, and the lexical units that denote this rite – with gagauzian language.

Keywords: *Gagauz people, holidays, rituals, terminology, origin, culture, language.*

Изучаването на традиционната култура и културния феномен на етноса, на който напоследък се обръща огромно внимание, допринася за решаването на важни проблеми и най-вече за изследването на произхода на един народ и етнокултурното взаимодействие с други народи. Изследването на въпроса за етногенезата на гагаузите е актуално и изключително сложно поради липсата на информация за този народ до втората половина на 19 век. Всеки етнос, колкото и да е малък, уникален, допринася за развитието на цивилизацията. Неговото изучаване и опазване е една от задачите на човечеството. Гагаузкият народ е един от етносите, съставляващи човечеството. Така се случи, че историята на гагаузкия народ сериозно и последователно не е изследвана не само в продължение на векове, но и през последните десетилетия. Но вече е известно, че гагаузите са един от оригиналните отличителни етноси, които имат исторически корени в историята на народите на тюркския свят. Той е преминал хилядолетния път на своето съществуване, той успял да запази противно на превратностите на историческата съдба своя език, традиционно-битова култура, етническо самосъзнание, древно самоназоваване, Гагаузите са твърде интересна общност, произходът на която интригува учени, фолклористи и малка част от нашата аудитория. Те още не знаят нито историческите си корени, нито миналото си, тъй като все още няма последователно и систематично представяне на събитията от историята му. Някои причисляват гагаузите към българите, други ги причисляват към тюркските племена, Но никой не може да даде точен отговор. Във всеки случай въпросът за произхода на гагаузите не е достатъчно проучен. Следователно, въпросът за произхода на гагаузите трябва да бъде проучен и развит по-нататък.

Английският християнски мислител Гилбърт Кит Честерон пише: «Мы сами заводим друзей, сами создаем врагов, и лишь наши соседи – от Бога». Гагаузите и българите на Буджака са били съседи при царска Русия, при царска Румъния и комунистическия Съветски съюз и до днес остават такива в рамките на демократична Република Молдова. Съседството на гагаузите и българите брой не само скромно близо два века на територията на днешна Република Молдова, но и векове на съвместно живеене на Балканите. Далечните предци на настоящите жители на степите на Буджак взеха трудно решение, което определи не само тяхната съдба, но и съдбата на техните потомци – да се преместят в земите на друга държава. И така може да се заключи, че продължителното съжителство на тези два народа е дало отпечатък и върху духовната култура. Ще разгледаме конкретно с няколко примери на обредните термини, например:

Dușnița (в българския език *задушница, душица, одуша, одуше, мъртви съботи, мъртъв ден*) – е ден за възпоменаване на душите на починалите, църковен помен в чест на мъртвите. Обикновено задушниците в църковния календар биват винаги в събота. Задушницата в събота преди Архангеловден (Мъжка или Арахангеловска задушница) е

«Велика задушница». Тя напомня за грижите на божиите ангели за покойниците и е специално посветена и на загиналите воители, затова някъде се нарича и «мъжка задушница». При българите тя се нарича *Рангелова задушница*, *Рангелска душница*, *Архангелска одуша*; същ., неодушев., нариц., ед.ч., корен е *duş* – от думата *душа*, наставка е *-niş*, окончание е *-a*.

Pomana – обредна гошавка за покойник, раздаване на хляб и питки за помен. Произлиза от румънската дума *română*, което е от старобългарски *помен* с румънска фонетика [2: V, с. 509]; същ., неодушев., нариц., ед.ч.; корен *roman*, окончание *-a*.

Krêçun orucu, Kolada orucu – понякога за името на *Коледа* се използва терминът *Krêçun*. Етимологията и полисемията на тази лексема в славянските и румънските езици е изключително любопитна за тълкуването на термина в гагаузкия език. Проведеният от нас етнолингвистичен анализ на коледната обредност на гагаузите потвърждава гледната точка на О. Трубачев за първоначалното основно значение на лексема, образувана от глагола *korčiti* – бълг. *крача*, тоест ходещ, преходен ден, ден на слънцестоене. Както и думата *korčunъ* – бълг. диал. *кращун* има същото значение. **Oruc** на гагаузки език означава *пост*. Корен *krêçun, kolada, oruc*, наставка *-u*, совосъч. в ед.ч., неодушев., собств.

Pita, както отбелязва В.А. Мошков, е «по-нова дума» от **çörek**. В гагаузките приказки приключенията на героите започват с факта, че те се обръщат към майка си или съпруга с думи «*Yar bana bir pita*» («Изпечи ми пита») [26, с. 387]. В съвременния гагаузки език **pita** също има значение натруфен «тояга». Диалектизм е *pitacik* (намаляваща форма от същ **pita**. + наставка **cik**). В гагаузкия език **pita** попада от българския език, в който има същото значение > бълг. **пита** – обреден хляб. В БРС можем да направим една българска поговорка «С чужда пита правя свой помен»; същ., нариц., неодушев., ед.ч.; пита – корен

Perdänka – седянка за предене. Получено чрез метатеза на гласна и съгласна: ЕР от РЕ от бълг. глаг. *преди*, същ., ед.ч., корен *perdä*, наставка *-n, -ka*.

Ignajden, Ignajden günü > бълг. **Игнажден**; същ., собств., ед.ч, корен *ignaj, den*.

Koliva винаги е била обредна храна. Обикновено тя е украсена със сладкиши и ядки. Като съставка може да се използва и мед, стафиди, сушени плодове. В гагаузкия език *koliva* може да е попаднал от българския език по пребиваване на гагаузите на Балканите. Но в същото време източник на заеми може да бъде и други езици на региона, в които е отбелязан този термин. Бълг. *коливо* и диал. *кольиво, кольво, колюво, колево, колива, колимо*; рум. *coliva*, тур. *koliva*; рус., укр., цслав. *коливо*; същ., ед.ч., корен *koliva*.

Survaki/Сурваки – Без съмнение терминът **Surva** беше заимстван от гагаузите още на Балканите. В изследванията на българските етнографи лексемата «сурва» е издигната до гръцкия термин – **дрян** от лат. «**дива круша**». Семантиката и символиката на българската новогодишна обредност потвърждават тази етимология. В представянето на българите кизил е най-силното дърво. То се счита за символ на добро здраве, дълъг живот и изобилие. Очевидно първоначално лексемата «сурва» означаваше дрянското клонче (по-късно украсено), с което децата ходеха по домовете с пожелания за здраве и плодородие, а след това се превърна в обозначение за самия празник и неговите компоненти. Трябва да се отбележи, че бесарабските българи и гагаузите не свързват първоначалното значение на «сурва» със семантиката и символиката на новогодишната

обредност: в буджакските степи дряното дърво не се среща често, затова като атрибут на ритуала се използва ябълковите и черешовите клонки. В повечето гагаузки села реквизитът на новогодишния ритуал *Survaki* не е украсен, но задължително има пъпки. В тази връзка терминът *сурва* идва от «сурова пръчка» (прясно отсечен клон с пъпки и живителен сок), който отразява основното му значение за плодородието и здравето през следващата година. Същ., собств., ед.ч., корен *surva*, наставка *-ki*.

Kitka – думата произлиза от българския език и в [2: II, с. 396] има значение като украшение за глава като цвете. Същ., нариц., неодуш., ед.ч., корен *kitka*.

Feneț – може би думата произлиза от руски или български език. В българския език тази дума звучи като *венец* – това е кръг, изплетен от цветя или клони. Същ., нариц., неодуш., ед.ч., корен *feneț*.

Kaniska – угощение. Същ., нариц., неодуш., ед.ч., корен *kaniska*. Виж в БЕР етимологията на тази дума и ако е българизъм, остави я тук...

Сравнителният анализ на българската и гагаузката календарна обредност показва, че календарните обредни системи на българите и гагаузите са сходни. Календарните празници на тези народи се основават на православния християнски календар и са предимно аграрни. Сходството на обредността на българския и гагаузкия народ се проявява преди всичко в самата същност на ритуали, тяхната функционална насоченост, с езикова гледна точка, в характера на магическите техники, които трябва да осигурят жизнено благополучие. В гагаузките народни календарни обичаи и ритуали са отразени сложните процеси на адаптация, интегриране на взаимовръзките и взаимовръзките, произхождащи между тюркските племена, заселили се на Балканите гърци, власи, молдовци и славяни. Терминологията на гагаузката календарна обредност е система, която по структура, характер на лексико-семантичните процеси, протичащи в нея, е близка до българската календарна терминология. Гагаузкият номинационен модел е най-близък до българския и турския.

Всичко казано позволява да направя заключение, че съвместното мирно пребиваване на носители на много култури и езици е неразделна част от миналото и настоящето на нашата държава. Културното многообразие на населението съставлява богатството на Република Молдова и е източник на постоянно и взаимно обогатяващо взаимодействие. Грижата за опазването на културното наследство и етническите традиции е условие за ефективното развитие на държавата на днешния етап и залог за успешна интеграция в европейското пространство. Трябва да се каже, че разглеждането на резултатите от междуетническото взаимодействие в областта на традиционната духовна култура на гагаузите прави тази работа интересна не само за представителите на гагаузкия етнос, но и за други етноси, живеещи в Република Молдова. Това изследване ще допринесе за опазването на културното наследство и етническите традиции на гагаузите. Тази работа ще допринесе за формирането на толерантно отношение на младите хора към други култури и ще внуши внимателно отношение към културното наследство на родния край.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. **БЕР – Български етимологичен речник**/ гл. ред. Георгиев В.И., т. I–VI. София, 1971, 1979, 1986, 1995, 1999, 2002.
2. **ГРМС – Гагаузско-русско-молдавский словарь**/ сост. Гайдаржи Г.А., Колца Е.К., Покровская Л.А., Тукан Б.П. Москва, 1973. – 334 с.
3. **TRC – Турецко-русский словарь**. – М.: Русский язык, 1977. – 967 с
4. **Sorocanu E.** Gagauzların calendar adetleri. Etnolingvistik aaristirmasi. Chisinău, 2006. – 258 с.
5. **Zanet T.** Gagauzluk, kultura, ruh, adetlär. Chisinău, 2010. – 560 с.
6. **Булгар, С.С.** История и культура гагаузов. Кишинев, 2006. – 746 с.
7. **Геров Н.** Речник на българския език с тълкуване речите на български и руски, т. I-V. Пловдив, 1895, 1897, 1899, 1901, 1904
8. **Градешлиев И.** Гагаузите. Добрич, 1993
9. **Грек И.Ф.** История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины. Кишинев, 1999 – 276 с.
10. **Ковалов А.** Календарная обрядность болгар Республики Молдова. Кишинев, 2017
11. **Маруневич М.В.** Поселения, жилище и усадьба гагаузов Южной Бессарабии в XIX – начале XX в. Кишинев, 1980
12. **Мошков В.А.** Гагаузы Бендерского уезда: Этнографические очерки и материалы. Кишинев, 2004. – 493с.
13. **Сорочяну Е.С.** Терминология болгарской календарной обрядности в сравнении с гагаузской (на материале болгарских и гагаузских говоров Бессарабии): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1995
14. **Шабашов А.В.** Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа. Одесса, «Астропринт», 2002. – 744 с.

ЧОЛАК, Елена студентка, II курс,
специалност «Български и английски език и литература»,
ТДУ «Григорий Цамблак» - helen.cholak10@mail.ru

КОНДОВ, Васил, унив.
конф. / доц., д-р, научен
ръководител -
kondov55@abv.bg

БЪЛГАРИЗМИТЕ В ТРАДИЦИОННАТА СВАТБЕНА ОБРЕДНОСТ НА ГАГАУЗКОТО НАСЕЛЕНИЕ В СЕЛО КОПЧАК, АТО ГАГАУЗ ЕРИ

Резюме: *Статията е посветена на анализа на българизмите в традиционната сватбена обредност на гагаузкото население в село Копчак, АТО Гагауз Ери. Тази работа разглежда традиционната обредност на гагаузкото население в село Копчак, включени в лексикално-семантичното поле «Сватба». Събраният материал по гагаузката сватбена терминология е систематизиран под формата на три етапа: предсватбени, сватбени, следсватбени, разкрива се и словообразователната специфика на лексикалните единици, сравнителен анализ на лексиката със сходен речник на други тюркски езици, е тимологична и етнокултурна характеристика на обреди на гагаузкото население в село Копчак.*

Resume: *The article is devoted to the analysis of bulgarism in traditional wedding ceremonies of the Gagauz population of the village of Kopchak, ATU Gagauz Eri. The work examines the traditional rituals of the Gagauz population of the village of Kopchak, included in the lexical-semantic field «Wedding». The collected material on the Gagauz wedding terminology is systematized in the form of three stages: pre-wedding, wedding, post-wedding, the word-formation specificity of lexical units is also revealed, a comparative analysis of the vocabulary with similar vocabulary of other Turkish languages is carried out, the etymological and ethnocultural characteristics of the rituals in the Gagauz population in the Kopchak.*

Ключови думи: *българизъм, сватба, обреди, гагаузко население, село Копчак.*

Keywords: *bulgarism, wedding, ceremonies, the Gagauz population, the village of Kopchak.*

Обичаите и обредите са неразделна част от културата на хората. Те отразяват най-важните етапи от човешката дейност. Обичаи и обреди винаги са играли важна роля в живота на обществото. Те предават от поколение на поколение опита на духовния и трудов живот на хората, допринасят за създаването на колективни, социални отношения. Изучаването на сватбения церемониален фолклор е от особено значение по отношение на изследването на традиционната култура на народа на гагаузите. Обредът действа като сложен комплекс от обичаи, обреди на представления, отразяващи различни епохи. Тяхното проучване ни позволява да пресъздадем определени аспекти на националния образ на хората, да определим характерните черти на неговата култура, да изясним редица въпроси, свързани с етнокултурните контакти в миналото и етногенезата.

Сватбените обреди на гагаузите са описани в творбите на И.И. Алексеев «С любов към теб, Копчак!», Т. Балкански «Кавказките българи. Принос към българската етнолингвистика», академик Тодур Занет «Гагаузки празници, обичаи, обреди» (Todor Zaneț «Gagauz yortuları, adetleri, sıraları»), О.К. Каранастас-Радова «Гагаузи като част от трансдунавските заселници и техните селища в Буджак», С.С. Курогло «Семейни обреди на гагаузите през XIX - началото на XX век», И.И. Мещерюк «Преселване на българи в Южна Бесарабия», С.З. Новаков «Социално и икономическо развитие на българските и гагаузките села на Южна Бесарабия», Л.А. Покровская «Грамматика на гагаузки език: фонетика и морфология», архивните документи на музея на село Копчак, сборник за народни умотворения, наука и книжнина и др., в който се разкрива сравнителен исторически анализ на гагаузките сватбени обреди.

За съжаление, в наше време много гагаузки сватбени обреди са загубили своето значение. Повечето съвременни младоженци все повече се опитват да направят **сватбеното си тържество да прилича на никое друго, в това отношение те използват** обичаите на различните държави и народи, несръчно ги комбинирайки. Оказва се игра на думи с обреди и ритуали, което, разбира се, няма нищо общо със сватбената култура на нашите предци.

За щастие не всички бъдещи младоженци са фенове на обичаите на други страни и народи, има и такива, които ценят и почитат обичаите на своите предци. Такъв пример е село Копчак в южната част на Молдова в Автономен (АТО) Гагауз Ери.

Трябва да се отбележи, че има няколко версии за произхода на името Копчак. Както казва първата легенда разказва, че един от търговците от номадско племе се оженил за местна красавица и останал да живее тук. Търгувал е с копчета (в превод от турски). В чест на този търговец селото ни се казва Копчак. В допълнение към легендите има и други версии за името на селото. Според една от тях, гагаузското име Кірџак вероятно идва от глаголите *kirêr* и *çakêr*, които се използват в гагаузкия език за описание на мълния. Предполага се, че при основаването на селото е имало гръмотевична буря и основателите са дали името на селото в чест на мълнията. Съществува и версия, че името на селото идва от името на тюркския народ кипчаки (гаг. *kirçaklar*), от който евентуално произхождат гагаузите. Има легенда, че през 1791 година в село Tatar-Kırçak пристига първият керван, който се състои от 28 каруци с вещи. Керванът пристигна от Югоизточна България, Добруджа, от село Taşlık, разположено на морския бряг в скалист район. Той спря на местата за «Жълта земя» (Sarı Yer) за почивка, след като реши да започне да се заселва по тези места. До сутринта беше открито, че добитъкът е отишъл някъде. Хората

тръгнаха по стъпките им и ги намериха близо до Жълта река (Sarı su), тоест до три извора, където сега язовирът свързва Taşlık и Копчак. От двете страни на тази река заселниците започнаха да живеят и да строят свои собствени земянки.

Официалната дата на основаването на селото се счита за 1791 година. Важно е да се отбележи, че днес Копчак е второто по население гагаузско село (след Конгаз).

Ако говорим за обичаите и обредите, свързани с брака и сватбата, тогава цялото изложение дотук - от безспорните факти до логическите изводи - разкрива сватбата като едно от най-богатите явления на гагауката фолклорна култура. Явление, което в своя системен вид принадлежи на миналото.

Предсватбеният етап включва обичаи и обреди, свързани със сватовство, сговор, подготовка директно за сватбата. През XIX - началото на XX век сватовството беше основната форма на брак сред гагаузите. Той включваше начален етап - Сватовство (Dünürlük), завършил със споразумение за приемането на сватове от родителите на булката. Официален Сговор (Söz) завърши, подобно на много съседни народи, със споразумение за размера на разходите от двете страни за сватбата и за датата на следващия етап преди сватбата. Важен аспект на обреда на Сговор (Söz) беше, че булката беше вързана с шал, даден от родителите на младоженеца.

Следващият цикъл от обреди (*Emiş, Goda, Çotra*) се извършва в къща на булката. Той отбелязва съгласието на родителите на булката и младоженеца за брака. На уречения ден на родителите на булката бяха връчени подаръци (*boba hakı, ana toru*) от младоженеца и в чест на това беше организирана празнична трапеза, завършваща с обличане на роднините на младоженеца с кърпи и даване на подаръка (*Goda*) на младоженеца от булката. Вечерта беше решен въпросът за датата на самата сватба, броя на участниците в нея от двете страни.

Самата сватба започва с приготвянето на ритуално тесто (*Namur*) или медна пита (*Ballı pita*), сватбеното знаме (*Bayrak*), обред на тъкане на сватбени венци (*Fençü*) и покана на роднини и приятели на сватбата. В навечерието на сватбата се извършвали обреди, свързани на мнозинството младоженци (ритуалното бръснене на младоженеца - *traş etmāk*, тържественото сплитане на плитките на булката - *relik örmāk*). Редица обреди бяха посветени на сбогуването на младите хора с дома им, «откуп» на булката, обличането ѝ с сватбена рокля. Многобройни обреди съпътстваха изтеглянето на булката от дома ѝ, сватбеното шествие, срещата на младоженците в къщата на родителите на младоженеца. Обредът беше завършен директно от сватбената *konuşka* - сватбено тържество.

Следсватбен ритуал беше посветен на формирането на ново семейство и свързаните с него обреди за сваляне на воала на булката, проверка на битовите умения на младите, приемането им и в двата клана.

В резултат на сравнителен исторически анализ могат да бъдат разграничени следните слоеве заимствани имена на традиционни обреди в гагаузкото население в село Копчак:

- заемства от турския език (*Söz*, чифт, *gelin havası, gelini konaklama*);
- заемства от арабски и френски език (късмет, порта, пари, *баба, дядо*), попаднали в гагаузки език чрез турския език;

- заемки от славянските езици (*numa*, тава, *horu*, *kolaç*), повечето от които са заимствани чрез българския език.

В настоящия момент, според определението на известния експерт по тюрколог-гагаузи Л.А. Покровская, влиянието на чуждоезиковата среда причинява забележими промени във фонетичната и граматичната система на гагаузкия език, значително променя лексикалния му състав. Особено забележими са промените в синтаксиса (образуването на нови структурни думи, необичайни за тюркските езици; сближаване на реда на думите в изречение с нормите на реда на думите на европейските езици, предимно руски и други).

Лексикалният състав на гагаузки език непрекъснато се попълва със заемки от околните езици, които образуват активна поредица от лексикални синоними. В съвременния гагаузки език се различават различни слоеве от лексикални заемки (арабско-персийски, славянски), свързани с различни периоди от историята на развитието на гагаузкия език.

Имената на традиционните обреди в гагаузкото население в село Копчак също са проучени от гледна точка на използването им в речта и фолклорните текстове. Беше установено, че изучаваният речник може да се използва както в пряко, така и в преносно значение. Имената на традиционните обреди са включени в пословици, поговорки и фразеологични единици (например, *kolaç olmaa* «свиване се на калач»).

В заключение, мога да кажа фолклорната сватбена символика е факт от художественото съзнание на народа днес. Тя е неизчерпаем извор за поддържане и обновяване на символите в съвременната сватба. Хлябът, виното и водата, цветята и зелените, букетите и венците и днес заемат своето място в сватбения ритуал. Те са непреходни, както с вечен стремежът за живот, здраве, плодородие и продължение на рода. Във всеки случай познаването на традицията е необходимо, защото то може да обогати съвременните изразни форми, да предпази днешната сватба от излишни чужди влияния, да съхрани нейната национална специфика.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. **Zanet Todur.** Gagauz yortuları, adetleri, sıraları. - Кишинев, 2017. - с. 549 - 572.
2. **Алексеев И. И.** С любов към теб, Копчак! - Кишинев: Б. и., 2018 (Tipogr. «Arva Color»). - 574 р.
3. **Балкански Т.** Кавказките българи. Принос към българската етнолингвистика. - Велико Търново, 2005. - с. 15, 36, 47, 52.
4. **Каранастас-Радова О. К.** Гагаузи като част от трандунавските заселници и техните селища в Буджак. (края на XVIII - първата четвърт на XIX век). - Кишинев - Комрат, 2001. с. 63. / Указ. соч. с. 116.
5. **Курогло С. С.** Семейни обреди на гагаузите през XIX - началото на XX век. / Отв. ред. Зеленчук В. С. - Кишинев: Штиинца, 1980. - 138 с.
6. **Мещерюк И. И.** Преселване на българи в Южна Бесарабия 1828 - 1834. (Из историята на развитието на руско-българските приятелски отношения). - Кишинев, 1965. - с. 139.
7. **Новаков С. З.** Социално и икономическо развитие на българските и гагаузките села на Южна Бесарабия (1857 - 1918). - Кишинев, 2004. - с. 119, 177, 181, 256, 407 - 408, 487, 530.
8. **Покровская Л. А.** Граматика на гагаузки език: фонетика и морфология. - Москва: Изд. «Наука», 1964. - 301 с.

VI. РЕЦЕНЗИИ

ИЛИЕВ, Иван Г., доцент, доктор – Пловдивски университет, филиал Кърджали, Република България – ivan_iliev20002000@yahoo.com

**ИЗСЛЕДВАНЕ ВЪРХУ КОРТЕНСКИЯ ГОВОР В МОЛДОВА.
РЕЦЕНЗИЯ ЗА КНИГАТА НА ВАСИЛ КОНДОВ „ГОВОРЪТ НА КОРТЕНЦИ В
БЕСАРАБИЯ (РЕПУБЛИКА МОЛДОВА)”. 1 ЧАСТ: „ГРАМАТИКА.
БИБЛИОГРАФИЯ” (227 СТР., ISBN: 978-9975-3416-2-2); 2 ЧАСТ: „ТЕКСТОВЕ”
(306 СТР. ISBN: 978-9975-3416-3-9). ТАРАКЛИЙСКИ ДЪРЖАВЕН
УНИВЕРСИТЕТ „ГРИГОРИЙ ЦАМБЛАК”. ТАРАКЛИЯ. 2021.**

A MONOGRAPH ON THE KORTEN DIALECT IN MOLDOVA. A REVIEW OF VASIL KONDOV'S BOOK 'THE KORTEN DIALECT IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA'

Ivan G. Iliev

Summary: This is a book review on Vasil Kondov's research on the Korten Bulgarian dialect in Moldova.

Key words: Bulgarian language, Bulgarian dialects, Moldova.

Излязлата наскоро монография на Васил Кондов, посветена на родния му български говор в Кортен (преди Кирютня) в Република Молдова, затваря кръга на изследванията на именития български диалектолог, автор и на други книги върху споменатия български диалект: Кондов, В. „Кортенските колонии в Бесарабия. Ономастика. Език” (Знак 94. Велико Търново. 2005) и Кондов, В. „Кратък речник на кортенския говор в Бесарабия”. (ТДУ „Гр. Цамблак” Тараклия. 2017).

Рецензията тук труд се състои от две части. В първата, както подсказва заглавието и която представлява допълнен вариант на защитена през 1992 година дисертация, след увод, в който се поместват сведения от общ характер за селото и неговия говор, се разглеждат фонетичните, морфологичните, синтактичните и словообразователните особености на кортенския диалект в Молдова. Последният е пренесен там преди около два века от село Кортен, Сливенско, и логично е говор от подбалкански тип като сливенския, но е претърпял някои изменения, не на последно място и под влиянието на преселници от други селища. От Кортен (Кирютня) изследваното наречие е пренесено и във възникналите по-късно кортенски колонии: Максимени, Българийка, Димитровка, Антоновка, Стояновка, Викторовка, Новия Кортен и др. В същата първа част авторът

разглежда и чуждоезиковото влияние върху говора на молдавските кортенци от страна на руския, украинския и молдавския езици. Освен библиография, първата част на изследването съдържа като приложение и архивни материали, във форма на снимки, рецензии и т. н., от защитата на дисертационния труд.

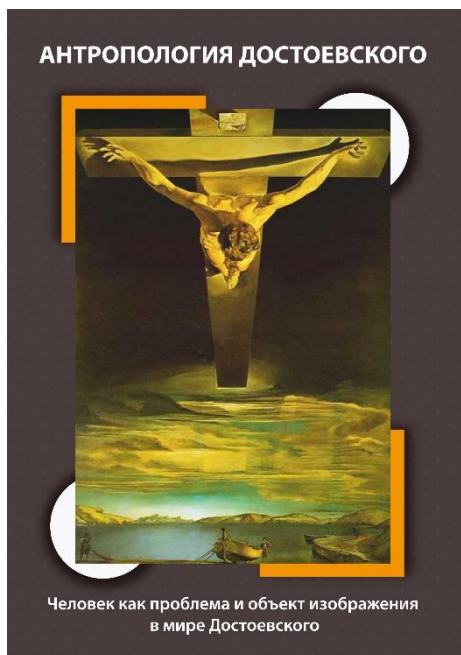
Втората част на труда представя диалектни текстове, взети от многобройни информатори, не само от молдовското село Кортен, но и от някои негови дъщерни села (Антоновка, Викторовка, Димитровка и т. н.), както и от село Кортен, Сливенско. Разчупвайки шаблона, Васил Кондов е включил и художествени произведения и публицистични дискусии, писани на кортенски и отпечатани в локални български вестници в Молдова и бившия СССР или взети от интернет, а също и образци от кореспонденция. Не са отминати и народните песни, събрани от Николай Кауфман преди време. Работата на българския диаректолог, особено втората ѝ част, изобилства с илюстративен материал под формата на снимки, извадки на страници и корици на книги.

Името на колежата Кондов е добре познато на българистите у нас и в чужбина и това не е първата ми рецензия за негово изследване. С всичките от тях се надявам да засиля интереса на учените към проучванията на доцент Васил Кондов, който тази година отбелязва 70-годишния си юбилей, и към бесарабската българистика като цяло.

Публикувано е в:

е-списание в областта на хуманитаристиката

X-XXI в. год. IX, 2021, брой 20; ISSN 1314-9067 <https://www.abcdar.com>

ДИАЛОГИ С ВЕЧНЫМ СОВРЕМЕННОМ

(«Антропология Достоевского. Человек как проблема и объект изображения в мире Достоевского». София, 2021)

КОЧЕТКОВ А.Н.

(Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова – zhivolu@mail.ru)

Цель настоящей статьи – не критический разбор, а ориентация читателя в полифонии идей в сборнике «Антропология Достоевского. Человек как проблема и объект изображения в мире Достоевского» (София: Болгарское общество Достоевского, 2021. 416 с.).

Книга, которую ждали не только авторы статей, содержит материалы международного Симпозиума, который проходил в Софии в 2018 году.

На обложке — иллюстрация картины С. Дали «Христос Святого Иоанна Креста», надмирное, мистическое изображение распятого Христа, образ «метафизической красоты» Спасителя из «космического сна» художника. Образ Христа и точка зрения Дали метафорически соотнесены с содержанием книги. Визуальный ряд сборника вполне коррелирует с вербальным. Известно, что для Достоевского Христос — «положительно прекрасное лицо», «идеал человечества вековечный»: «Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной.» Второй ряд ассоциаций-воспоминаний связан с шокирующе реалистическим изображением Христа Гансом Гольбейном Младшим, потрясшим русского мыслителя (см. глубокую статью Стояна Асенова в сборнике).

Начнем с предистории Симпозиума. Организатор масштабного научного собрания доктор филологических наук, председатель Болгарского общества Достоевского *Эмил Димитров* в

интервью перед Симпозиумом так определил его основную задачу: „Подобный масштабный научный форум, посвященный творчеству Достоевского, организуется впервые в Болгарии, да и вообще на Балканах. Его миссию я бы сформулировал так: симпозиум поможет нам в Болгарии как бы „раз и навсегда“ сделать Достоевского „своим“, т.е. неотъемлемой частью нашей „внутренней“ культуры мышления. Во-вторых, форум предоставит отличную возможность нашей стране и культуре по достоинству отдать должное Федору Михайловичу Достоевскому – великому защитнику и заступнику болгарского народа в судьбоносный момент его истории; в этом году мы отмечаем 140 лет Освобождения Болгарии. В-третьих, уже нет сомнения, что симпозиум предоставит прекрасную возможность привлечь к нашему делу новых исследователей из Болгарии и других стран мира. Иначе говоря, вполне реальна возможность обновления международного научного сообщества, для которого, как мы все знаем, „нет ни Еллина, ни Иудея“. И – last but not least – мы в Болгарском обществе Достоевского надеемся распространить на международное научное сообщество одну из основных особенностей нашего общества, в котором для постижения тайны Достоевского подружились специалисты самого разного профиля” [1].

Э. Димитров объясняет тему Симпозиума: „Всем исследователям, да и „обычным“ читателям, прекрасно известна мысль молодого Достоевского о том, что „Человек есть тайна“. Можно утверждать, что мы, „специалисты по Достоевскому“, занимаемся раскрытием тайны как бы второго порядка; Достоевский занимался тайной человека, а мы – тайной этой тайны. Тема симпозиума – „Антропология Достоевского“, а это – метонимия для всего творчества Достоевского, потому что все, что там есть, в действительности – одна антропология. По моему, основной вопрос антропологии Достоевского – не „Что такое человек?“ (как, скажем, у Канта), а „Как человек возможен?“ Испытание предельных оснований человека и человечности, апробирование границ этой человечности, по ту сторону которых человек становится чем-то иным – недочеловеком или сверхчеловеком („человекобогом“, согласно Кириллову), постановка предельных вопросов в стесненном пространстве на границе времени – все это является спецификой постановки проблемы человека, по Достоевскому. ... Несомненно, антропологию Достоевского можно читать и интерпретировать в разных перспективах – святоотеческой, православно-аскетической, модернистско-европейской или в традиции русской религиозно-философской мысли – и наш симпозиум, разумеется, будет с этим считаться. ... В духе Хайдеггера могу сказать, что цель нашего симпозиума – раскрыть тайну человека по Достоевскому, но сохранить тайну как тайну. Наш форум – лишь один из важных шагов по этому пути...” [1]. В приветственном слове участникам Симпозиума Э. Димитров, подчеркивая «цельный замысел симпозиума, в котором можно вычленил множество внутренне связанных между собою сюжетов», в качестве будущей первоочередной научной задачи считает «выявление и комментирование „болгарского текста“ творчества Достоевского»: „болгарский текст“ Достоевского является важнейшей частью „болгарского текста“ русской литературы и культуры» [2. С. 21–22].

Сборник, посвященный 200-летию Достоевского, состоит из введения, трех частей и приложения (сведения об авторах, научная и культурная программа симпозиума, резюме статей, фотографии).

В приветственном слове Симпозиуму академик *Юлиан Ревальски* подчеркнул, что «имя Федора Михайловича Достоевского помнят и чтят как защитника болгарского народа в один из самых важных и судьбоносных моментов нашей тысячелетней истории» [2. С. 17]. Известный ученый профессор и проректор Ренета Божанкова, отмечая важность темы «Человек и его мир», выразила надежду, что материалы Симпозиума будут опубликованы («встречи особенно плодотворны, когда от них останется след – память и печатные тексты» [2. С. 20].

В анализе творчества такой сложной личности, как Достоевский, мы неизбежно сталкиваемся с проблемами, которые не имеют однозначного ответа. Именно такие проблемы и возможные ответы на них пытаются дать авторы книги. Сборник особенно актуален сегодня, когда именем Достоевского клянутся представители прямо противоположных сторон. Среди обилия современной интеллектуальной литературы материалы Симпозиума выделяются не только своим впечатляющим объемом, качеством подготовки, научным темпераментом исследователей, но и тем, что каждая статья имеет четко выраженное лицо; ученые «не закрывают тему», их результаты – основа, на которой будет построена иная парадигма изучения творчества русского гения.

Первым в диалог с Достоевским вступает *С.С. Хоружий*, оригинально мыслящий современный философ. В своей статье „Эсхатология Достоевского в контексте и в свете современного ренессанса эсхатологии” ученый выделяет несколько проблемных вопросов: эсхатологическая оптика Достоевского, эсхатологический дискурс писателя в сжатой реконструкции, полифония эсхатологических сценариев и открытый финал и др. Статья С.С. Хоружего, интересная сложностью поднимаемых проблем, требует внимательного прочтения с карандашом в руках.

Первую часть книги *«Антропология Достоевского в свете философской антропологии и европейской культуры XX в.»* открывает *Эмил Димитров* темой „Пол у Достоевского: страсть, сладострастие, разврат”, которая замечательна тем, что в тексте статьи виден сам писатель, а не только его истолкователь. «Не было бы преувеличением утверждение о том, что антропология Достоевского – сексуально окрашенная антропология. „Человек есть тайна“, а частью этой тайны, понятно, является область пола и эротики. К этому следует добавить, что Достоевский не является спиритуалистом, ему чуждо гностическое презрение к телу и плоти, поэтому проблематика пола и секса вполне естественна для его художественного мира” [2. С. 51]. Ученый выделил „триаду сексуальности” (страсть – сладострастие – разврат) и показал, что она „насквозь онтологична и персоналистична у Достоевского». Э. Димитров заключает: «Триада страсть-сладострастие-разврат занимает важное место в художественно-мировоззренческой „системе“ Достоевского, в которой основным концептам отводится точно определенное место» [2. С. 59].

Лазарь Милендиевич («Проблематика „Поэмы о Великом инквизиторе“») разбирает поэму о Великом инквизиторе, подчеркивая, что именно она является центральным моментом в «Братьях Карамазовых». Вывод автора — «Жестом Христа дается пример акта любви, которым разбивается метафизическая цепь, сковывающая акт познания, после чего становится возможным познать себя, истину и Христа через любовь. Этот жест может стать точкой, которая откроет перед инквизитором путь выхода из эмпирической действительности и покажет потребность перехода в новую действительность. Сам инквизитор как явление входит в разнообразие всех элементов живущего, которые утверждаются через отрицание и отдаление, но не могущих в таком обособлении долго выстоять» [2. С. 69].

Giuseppe Ghini («The Tripartite Dostoevsky's Hero») исследует особенности внутреннего мира героя Достоевского, в котором нравственный уровень преобладает над психологическим, и герой, несмотря на его незаконченность и таинственность, открывается остальным людям и Богу. Автор полагает, что, антропология Достоевского включает три части, и анализирует употребление Достоевским существительных *тело, душа и дух*, которые не имеют точных эквивалентов в западноевропейских языках.

Никита Нанков («Un)freedom and (In)equality: The Human in Dostoevsky's Novel Igrak (The Gambler)») считает важной чертой представления Достоевского о человеке парадоксальное соотношение между понятиями (не)свободы и (не)равенства. Автор анализирует это соотношение на материале романа «Игрок». [2. С. 390].

Алексей Козырев („Мира этого Божьего — не принимаю”: гностицизм Достоевского или Ивана Карамазова?)» приходит к выводу о том, что «гностический дуализм и пессимизм не был характерен для мировоззрения Достоевского <...> образ Ивана Карамазова оказывается ближе современному человеку, чем менее рельефный и в чем-то даже иконичный образ старца Зосимы. В немалой степени из его терзаний рождается и проблематика экзистенциальной философии XX века, в которой <...> исследователи видели своеобразную реинкарнацию раннехристианского гностицизма» [2. С. 95].

Дуайен современного корпуса достоевсковедов **Тойофуса Киносита** („Святоотеческая идея «смиренномудрие» и Достоевский») основополагающей идеей в антропологии Достоевского считает «смиренномудрие». Ученый уверен, что в нравственном формировании писателя «смиренномудрие» играет важную роль, и полагает, „что «смиренномудрие» в духе Исаака Сирина и в духе Сергия Радонежского, наследованное Достоевским, не случайно» [2. С. 98–106].

Розанна Казари («Книга итальянского философа Ремо Кантони «Кризис человека. Философское мышление Достоевского» как оригинальный вклад в изучение творчества Достоевского в Италии») приводит мнение Р. Кантони о том, что «натура героев Достоевского, как человеческая натура вообще – чрезвычайно сложная и проблематичная. Герои Достоевского бьются над решением глубочайших вопросов, они находятся постоянно в напряженном внутреннем состоянии духа» [2. С. 108]. Автор статьи пишет об интересе Кантони к «параллели между музыкальной полифонической композицией романов Достоевского и мелодрамами Верди» [2. С. 111]. Важно указание на ассоциацию философом Достоевского с Верди на основании анализа структурных свойств романа «Подросток» [2. С. 111].

Иван Есаулов („Кроткое самоубийство как кара и/или воскресение закладчика»), „основываясь на нарративной структуре текста и используя герменевтическую традицию в понимании предметов, ... ставит проблему „ты” и „я”, как она репрезентируется в „Кроткой” [2. С. 112]. Вывод автора: «Итак, фантастический рассказ Достоевского представляет собой не психологическое сражение героя и героини, которое исчерпывается «победой» и/или «поражением» его или ее, а в «избытке авторского видения» (М.М. Бахтин) подчинен выстраиванию весьма определенного вектора движения – от смерти к воскресению» [2. С. 119].

Thaís Figueiredo Chaves («Suicide and the Anthropocentric Hell in Dostoevsky's *Demons*») задается вопросом «Что собой представляет человек в „Бесах” и „анализирует самоубийство как метафору катастрофических результатов, которые получают герои, сосредоточенные только на антропоцентрической стороне жизни» [2. С. 392].

Александра Елиза Визиони („Шигалевщина как „технизированный миф”) подробно рассматривает „механизмы создания дистопии Петра Верховенского», опираясь на „размышления итальянского исследователя Фурио Йези по поводу стратегий манипуляции коллективной памятью, которыми нацифашизм подчинил народы» [2. С. 129]. Вывод статьи: «С избранием в верховную власть шигалевщины наступает кульминация плана Верховенского: установление того культа личности, который также является средоточием стратегии пропаганды тоталитаризмов девятнадцатого века» [2. С. 135].

Нина Димитрова («Кому нужна психиатрическая правда литературного произведения? Обыкновенное и священное безумие в романе «Бесы») противопоставляет правде психиатрической правду антропологическую и выявляет „соотношение между сумасшествием, шутством и священным безумием как способами понимания героев романа». Убедителен вывод: «Метафизический характер христоцентричной антропологии Достоевского делает непродуктивным психиатрический анализ героев романа «Бесы», поскольку они по замыслу писателя одержимы демонами, они не душевно больны. В качестве персонификации inferнальных сил они «спускаются» в реальный мир и демонстрируют поведение, для объяснения которого психология и особенно психиатрия имеют второстепенное значение.

«Бесы» – роман, который наиболее ярко раскрывает тот факт, что Достоевский является прежде всего пневматологом, а потом и психологом» [2. С. 144].

Кристоф Гарстка («Усама бен Ставрогин. Бесы исламского террора. Размышления о книге Андре Глюксмана «Достоевский на Манхэттене») рассматривает идеи французского философа А. Глюксмана, который установил прямую связь между студентами-нигилистами 1860–1870-х гг., изображенных Достоевским в „Бесах”, и исламистскими террористами Аль-Кайды в начале XXI-го века [2. С. 147–153]. Автор полагает, что мнение Достоевского об истоках нигилизма может быть передано словами из «Фауста»: «Я дух, всегда привыкший отрицать. /И с основаньем: ничего не надо. / Нет в мире вещи, стоящей пощады. / Творенье не годится никуда» [2. С. 153].

Филип Куманов («Достоевский и бесы доносительства») исследует отношение Достоевского к проблеме доносительства и связывает важность выбранной темы с современностью [2. С. 154–159]. Вопрос героя Достоевского «Можно ли умереть единственно от благородства своей души?» автор статьи парирует своим вопросом «А можно ли жить с подлостью своих собственных поступков?» [2. С. 159].

Агнеш Дуккон („Человек с эпитетами: образы „лишнего”, „подпольного”, „смешного” и „сверхчеловека” у Достоевского”) посвящает свою статью памяти выдающегося литературоведа С. Г. Бочарова и анализирует и сопоставляет „антропологические феномены „лишний”, „подпольный”, „смешной” и „сверхчеловек”, указывает на литературные связи этих образов” и предлагает „сначала выяснить, под какой маской скрывается этот знаменитый "русский феномен" („лишний человек” – А.К.) и потом найти связи его с другими антропологическими типами” [2. С. 160–169].

Вторая часть книги *«Антропология Достоевского в перспективе русской религиозно-философской мысли и русской культуры XX в.»* обсуждает еще одну дискуссионную проблему, представляющую иной уровень сложности.

Анастасия Гачева („Антропология и историософия Достоевского: философский контекст”) рассматривает взаимопереплетенность историософии и антропологии в творчестве Достоевского и показывает, „как отзываются в его прозе и публицистике антропологические и историософские концепции русских мыслителей 1940–1979-х гг.” [2. С. 173–180]. В ритмично написанной статье, насыщенной новыми идеями и размышлениями об антропологии писателя, автор отмечает, что «взаимопереплетенность историософии и антропологии явственно выражена у Ф.М. Достоевского. В своем художественном творчестве и публицистике писатель выстраивал собственное антропологическое и историософское видение, закладывая основы теоантропоцентризма русской религиозно-философской мысли конца XIX – первой трети XX в.» [2. С. 173].

Анастасия Кошечко («Экзистенциальная судьба Ф. М. Достоевского: способы отражения в слове») исследует источники формирования экзистенциального мирообраза в творчестве писателя, особое внимание уделяет „анализу экзистенциальных смыслов творчества писателя и соответствующих им способов текстопорождения” [2. С. 181–190]; выявленные автором «доминанты экзистенциального сознания позволяют говорить о целостности мировоззрения Достоевского, уникальной системе антропологических воззрений, реализованных в слове и через слова как ресурс саморефлексии и универсального философского обобщения» [2. С. 189].

Юлия Сытина («Вопрос о «дважды» два в русской классике: некоторые наблюдения») считает, что „доминантным для русской культуры следует ... признать неприятие „законничества” формулы $2 \times 2 = 4$, что в основе своей восходит, в конечном счете, к предпочтению Благодати перед Законом, к убежденности в первостепенной важности веры и милосердия, а не рационального научного познания и непреклонной „законнической” логики” [2. С. 191–198]. «В XX веке отношение к формуле несколько изменится – тоталитаризм отменит

непреложность $2 \times 2 = 4$, и тогда уже она станет той чаемой элементарной истиной, знание которой – залог верности себе» [2. С. 196].

Ольга Богданова («Усадебные» герои Достоевского») отмечает, что „герои-помещики и герои-крестьяне – продукты той особой „усадебной культуры”, которая сложилась в России XVIII–XIX вв. как преодоление культурно-психологического раскола русской нации, вызванного реформами Петра I”, и сопоставляет „разрушителей социокультурного равновесия” у Достоевского с героями русских писателей начала XX века [2. С. 199–207]. В выводах автор пишет: «помимо социокультурного, «усадебный топос» также вмещает в себя индивидуально-психологическое разнообразие» [2. С. 205].

Галина Сабат («Рецепция философской антропологии Ф. Достоевского в романе Е. Замятина «Мы») анализирует идею «принудительного счастья» в романе Замятина «Мы», генеалогически восходящую к «Легенде о Великом Инквизиторе» Достоевского. Автор делает логически обоснованное заключение: «Ф. Достоевский и Е. Замятин призывают не допустить разрыва между личностью и ее предназначением, предостерегают перед социальными катастрофами, перед антигуманностью, антиприродностью, схематизмом, стандартизацией, духовным убожеством» [2. С. 211].

Андрей Шишкин («Вяч. Иванов и открытие Достоевского в XX век») рассматривает произведения Вячеслава Иванова о Достоевском в контексте исследований его современников. Вывод: «Работы Иванова открыли пути для новых пониманий Достоевского в XX веке. Этими путями пошли наиболее выдающиеся интерпретаторы Достоевского, такие как М.М. Бахтин, А.Л. Бем, Дж. Стайнер, П. Паскаль, Р. Джексон» [2. С. 223].

Дмитрий Боснак („Категория воли, познания и любви в рецепции романов Достоевского в философско-эстетическом мировоззрении Вяч. Иванова”) „выясняет порядок зависимости категорий воли, познания и любви в ивановской модели мира” и „вносит некоторые прояснения в критическую по отношению к Иванову позицию Бахтина” [2. С. 226–234]. Автор разъясняет: «Вполне логичная на первый взгляд система мировоззрения Иванова оказывается во многом построена на сдвигах и парадоксах. Противоречия мысли Иванова <...> острее всего обнаруживаются именно в его рецепции произведений Достоевского, поскольку художественное мироощущение Достоевского сильнее всего сопротивляется систематизации. Вместе с тем поэтическое и критическое мировоззрение Иванова, открытое самым разнообразным влияниям, именно в своей парадоксальности поднимает значимые проблемы, которыми занимается европейская философская мысль XX века» [2. С. 233–234].

Александр Кочетков («Художественная антропология Ф.М. Достоевского в исследованиях профессора Н.В. Живолуповой») сделал обзор работ Н. Живолуповой, в которых исследуется эволюция антропологии и смена художественных парадигм в творчестве Достоевского. Рассмотрены ключевые проблемы: феномен Достоевского в современной гуманитарной культуре, эволюция антропологических взглядов писателя в контексте христианской культуры (человека перед Богом), антиномия духовного и телесного, проблема смерти, трансформация нормы христианской этики в кризисном сознании, идея «человека-бога», пророческие идеи писателя в свете его антропологии [2. С. 235–243].

Статьи в подразделе второй главы «*Достоевский и другие художественные миры*» построены на компаративном анализе.

Пламен Анто («Вазов и сянката на Достоевски») представил часть своего монографического исследования, в котором внимание концентрируется на двух сюжетах: отношении читателя Вазова к личности и творчеству русского писателя и поиск проблематики романов Достоевского в творчестве болгарского классика. На примере анализа романа „Под игом” П. Анто убедительно показал, „как одни и те же эстетические явления используются при решении совершенно разных творческих задач” [2. С. 244–251].

Мария Кандида Гидини («Невозможная исповедь. Заметки о психологической прозе Ф.М. Достоевского») определяет исповедь как „слово, запертое в себе, но отчаянно пытающееся выйти к другому, с изначальным осознанием того, что это невозможно”. У Достоевского искренность исповеди связана „с августинской непостижимостью самого „я” и с проблематичностью самого присутствия настоящего адресата, часто замененного целым рядом двойников” [2. С.252–259].

Елена Быстрова («Физиогномика в творчестве Федора Достоевского») исследует „проявление внутреннего состояния героя, его эмоций и переживаний на внешности”, а также „слова-фиксаторы ... кратковременного телесного проявления: „вдруг” и „на мгновение” [2. С. 260–268]. Вывод статьи: «Анализируя творчество Достоевского, можно утверждать, что писатель, высоко оценив зарождающееся фотоискусство и прогностически предугадав его революционные возможности, проявляет в произведениях признаки фотографичности художественного мышления в прямой и опосредованной форме» [2. С. 267].

Мая Горчева («Записки из подполья Крокодила: комически абсурдный сюжет как воображаемая социальная ситуация и «мысленный эксперимент») анализирует повествовательную схему комически-сатирических произведений. Исследовательница „сформулировала заново понятия антропологии смеха и человека-животного как генератора, ведущего к раскрытию повествования” [2. С. 269–272]. Автор разъясняет: «Гипотеза мысленных экспериментов Достоевского – попытка найти предел категориям, где повествование в поисках поймать тонкую нить человечески бесценного, того, что даст целостность человеку»; «прием «повествовательного эксперимента» можно наблюдать в нескольких сценах в более поздних работах», «новые проявления комического абсурда связаны с подражанием и комментарием стиля Гоголя или Пруткова» [2. С. 276].

Уго Перси («Еще некоторые размышления о Достоевском и западноевропейском модернизме») анализирует работы Германа Гессе, Томаса Манна, Уолтера Бенджамин и сопоставляет их взгляды на творчество Достоевского. [2. С. 279–285]. В заключении статьи автор пишет: «Как бы декаденты ни черпнули из настолько энигматических и двусмысленных, завораживающих или отталкивающих личностей; как бы ни законно подозрение, что в персонажах Достоевского скрывается декадентский принцип, или, точнее, находить в декадентских антигероях принцип Достоевского, несмотря на все это, можно утверждать, что последние, самое большое, являются двойниками, а не родственниками первых. Причина этого – отсутствие в них именно той силы, которой изобилуют Раскольниковы, Ставрогины, Карамазовы, Мышкины» [2. С. 284].

Калин Михайлов («Образът срещу идеята. Сравнителен прочит на „Престъпление и наказание“ в посттоталитарна перспектива») читает «Преступление и наказание» с посттоталитарной точки зрения и задается вопросом «Возможно ли, чтобы идея овладела кем-то, вдохновленного ею, полностью поглотила его, полностью обезличила и свела его и его собратьев к чисто интеллектуальным конструктам?» В своем анализе автор использует труды Немецкого и Болгарского Обществ Достоевского и показывает, как в «Преступлении и наказании» образ Божий в человеке бросает вызов утопичности идеологической конструкции» [2. С. 398].

Третья часть сборника — «Проблема человека в романе «Идиот» (К 150-летию «Идиота».

Стоян Асенов („Проблема смерти в романе „Идиот”) рассматривает проблему смерти в нескольких аспектах: непосредственный опыт смерти и рассказы о ней в романе; динамика между внутренним описанием событий и их переживанием во внутреннем хронотопе сознания; интенция сознания, основанное на непосредственном опыте смерти и его влияние на формирование опыта вообще [2. С. 299–309]. Автор считает проблему смерти фундаментальной в романе и делает заключение: «С антропологической точки зрения роман „Идиот“ – это парадоксальное единство бледного лица и милующей руки» [2. С. 308].

Жорди Морильяс («Мышкин против Раскольников? Или: что значит быть человеком у Достоевского») напоминает слова Достоевского «Человек есть тайна. Её надо разгадать, и если будешь разгадывать всю жизнь, не говори, что потерял время...», анализирует и противопоставляет две концепции человека у Достоевского («необыкновенного человека» и «положительно прекрасного человека»), чтобы ответить на вопрос, почему Раскольников не смог стать «необыкновенным человеком» и почему Мышкин якобы является величайшей творческой «неудачей» у Достоевского [2. С. 399].

Елена Сафронова („Мифологема Сибири в художественной антропологии романа „Идиот”) отмечает присутствие сибирской топографии в романах Достоевского и детально исследует мифологему Сибири и ее семантику в романе „Идиот” [2. С. 326–337]. Автор справедливо полагает: «Реализованная в художественной антропологии романа «Идиот» мифологема Сибири отличается многоаспектностью и стереоскопичностью изображения сибирского топоса во всем богатстве и многообразии его семантики с преобладанием мотива неизбежного постлиминального преобразования личности преступника» [2. С. 335].

Markos Galounis («Secularism in Dostoevsky's „The Idiot”) отмечает влияние Достоевского на канадского философа Чарльза Тейлора и рассматривает роман „Идиот” в свете мнения философа о росте секуляризма [2. С. 338–344]. На основе работ философа «предпринимается попытка нового прочтения романа Достоевского «Идиот». Рассматриваемые аспекты – «восприятие природы, времени, человеческих недугов, вопросы эстетики, а также вопросы о природе вероисповедания» [2. С. 399]...

Елена Степанян-Румянцева («Оговорка как способ постижения личности романе «Идиот») считает „оговорочные” слова и выражения, „молекулы” текста Достоевского исключительно важными; выделенные „лексические средства создают особого рода атмосферность текста: явление, лицо, событие предстает в дымке разнообразных возможностей. Текст Достоевского оказывается насыщенным „оговорочной информацией”, оказывающейся необычайно существенной” [2. С. 345–349]. Автор завершает статью вопросами: «Многообразие, заключенное в человеке, и многообразие человеческих типов, самой жизни, заставляет автора нуждаться в каких-то межиндивидуальных скрепах, в среде, соединяющей противоположности, врачующей контрасты. <...> Не является ли атмосфера не полной ясности, условно называемая нами «туманом», размытостью или как-то еще, аналогом взаимодействия и общения разрозненных, «уединенных» личностей, символом этого взаимодействия его условием? И разве Достоевский не высказался о необходимости такогосоединения убедительнее всех в русской литературе?» [2. С. 349].

Peter Gregory Winsky («I Opened to My Beloved, but My Beloved had Withdrawn: The Anthropological Foundations of Prince Myshkin's Failure») так определяет смысл своей работы: «Достоевский задумал князя Мышкина как ‘вполне прекрасного человека’, но князь не смог спасти людей вокруг себя потому что в его личности есть фундаментальный недостаток. Эта незавершенность освещает первостепенное положение отношения и красоты как онтологические и антропологические основания в поэтике Достоевского. Эта статья исследует эти темы через анализ Мышкина, Настасьи Филипповны и Аглаи Ивановны как личностей с точки зрения Православного Персонализма» [2. С. 400].

Павел Фокин („Борьба за кротость. Сила кротости и её испытание в романе Ф.М. Достоевского „Идиот”) выделяет в художественном мире Достоевского два типа характеров – сильных, привлекающих пристальное внимание читателей, и кротких, которые до сих пор находились на периферия читательского сознания [2. С. 358–366]. Проблема статьи раскрывается на основе анализа героев: Сони Мармеладовой в «Преступлении и наказании» и князя Мышкина в «Идиоте». Вывод: «Достоевский допускает и признаёт проблемность кротости как безусловной силы. Однако трагический финал романа, человеческое поражение «князя-Христа», стали ещё

более веским подтверждением необходимости борьбы за кротость, которую Достоевский продолжил в своих последующих произведениях и утвердил в «Пушкинской речи» пророческим призывом-завещанием «Смирись, гордый человек». Призыв не был услышан, завещание оставлено без внимания» [2. С. 366].

Инна Гажева («Я... был счастлив иначе»: «Иное счастье» в романе Ф. М. Достоевского «Идиот») рассматривает концепт „счастье” в романе, отмечая что „в системе связей с концептами „зрения, видения”, „света” и „детскости” раскрывается в романе концепт "счастье" [2. С. 367–377]. Тема тесно связана с вопросом о существовании Бога, над которым размышляет большинство героев Достоевского, и только избранные находят положительный ответ. Статья отвечает на вопрос «Что определило «необычный» характер счастья князя Мышкина?»

Takayoshi Shimizu («The Soul Healing Anthropology in “Idiot”») определяет тип героя в романе «Идиот» и утверждает, что христоподобный герой представлен как «странный евангелист, идиот-евангелист», «оригинальный терапевт». Автор интерпретирует «антропологию терапии души», считая самым характерным в поведении Мышкина-терапевта сознание унижения, а его терапевтическим оружием – бесконечное сострадание, скромность и унижение. Автор приходит к выводу, что «миссия Мышкина порадовать других оказывается напрасной» [2. С. 401].

Светлана Войткевич („Положительно прекрасный человек” в опере М. Вайнберга „Идиот”) объясняет, как создатели оперы „смогли передать средствами современной оперы образную и философскую сложность романа „Идиот” [2. С. 378–383]. Автор отмечает: «А. Медведев и М. Вайнберг создают в опере образ «положительно прекрасного человека» несколькими способами. Прежде всего, они используют те строки и фразы романа, которые содержат философские рассуждения героя о красоте мира, природы и сущности каждого из окружающего его людей. Кроме того, в либретто появляется цитата из письма Ф.М. Достоевского, что сообщает оперному тексту содержательность и глубину. Наконец, драматург использует тексты иных авторов и тем самым создает контраст главному герою оперы. Все вышесказанное позволяет утверждать, что трактовка образа Мышкина в опере «Идиот» соответствует идее о «Князе Христе», которая доминировала в первой редакции романа» [2. С. 382].

Сэйитиро Такахаси («Идиот» в творчестве Акиры Куросавы») исследует судьбу фильма Куросавы, причины неудачи проката фильма, позицию известного японского литературного критика Хидэо Кобаяси и его последователя Икуо Камэяма. Круг анализируемых вопросов включает восприятие романов «Преступление и наказание» и «Идиот» в Японии, размышления Куросавы над образом Мышкина [2. С. 384–388].

Исследование С. Такахаси анонсировало тему круглого стола «Идиот» Достоевского и «Идиот» Куросавы» [2. С. 415]. В работе круглого стола приняли участие Тошифуми Макита (презентация афишей фильмов Акиры Куросавы), Т. Шимицу, С. Такахаси, В. Бирон, Э. Димитров и др. Дважды выступил Э. Димитров: с докладом «В свете «Расемона»: «Идиот» Достоевского и «Идиот» Куросавы» и рассказом об истории и специфике показа фильмов Куросавы в Болгарии.

Участники познакомились с интервью А. Куросавы.

Особо отметим значение «фотоприложения», в котором хроника Симпозиума запечатлена в «событиях и лицах».

В научной программе Симпозиума [2. С. 410–415] «телеграфно» перечислены важнейшие познавательные события культурной жизни Симпозиума, которые раскрыли любовь организатора научного пиршества к своей стране: Музей христианского искусства (Музей болгарской иконы), концерт православных песнопений и болгарских народных песен, экскурсия

по маршруту София – Рильский монастырь – Капатово – Мелник. Эти важные «когнитивные» эпизоды Симпозиума оставили замечательные воспоминания и вызвали желание вновь посетить прекрасную и гостеприимную Болгарию.

Разноязыкая книга (в сборнике публикуются статьи на трех языках) – одно из ключевых событий в современном дostoевсковедении, она заслуживает внимательного прочтения. Несмотря на различие мнений, подходов, методов, ученых, авторов статей, объединяет удивительное концептуальное единство. И еще: каждый автор эмоционально вовлечен в текст Достоевского. «... нет истины, где нет любви».

У книги есть важный интеллектуальный пласт, представляющий интерес для русского читателя: пристального внимания заслуживают прежде всего статьи болгарских ученых. Их всего 7 (магическая, символическая, загадочная цифра!), но каждая из них впечатляет размахом рассуждений, важностью и перспективностью проблем, глубиной изучения, а все вместе создают ощущение предстоящего ренессанса исследований творчества Достоевского в Болгарии.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Димитров Э.** „Основной вопрос антропологии Достоевского – „Как человек возможен?“ [Электронный ресурс] // <https://philologist.livejournal.com/10003962.html> (дата обращения 03.02.2022).
 2. **Антропология Достоевского.** Человек как проблема и объект изображения в мире Достоевского. Материалы международного симпозиума. София, 2021. 416 с.
-

СЫТНИК Олександр – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и археологии, Мелитопольский государственный университет имени Богдана Хмельницкого, Мелитополь, Украина –

oleksander_sytnyk@i.ua

ЗАМУРУЙЦЕВ Алексей – доцент кафедры истории и археологии, Мелитопольский государственный университет имени Богдана Хмельницкого, г. Мелитополь, (Украина).

СИЗАРЕВ Костантин – аспирант кафедры истории и археологии, Мелитопольский государственный университет имени Богдана Хмельницкого (Украина).

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ФРАКИЙСКОГО НАСЛЕДИЯ

(Рецензия на книгу: Рабаджиев К. Елински мистерии в Тракия (Опыт за археологически прочит). Университетско издателство «Св. Климент Охридски». 2002. 209 с.)

Эллинистическая Фракия, с ее уникальной религией и духовностью, продолжает быть объектом пристального исследования учених-археологов. Особенно привлекает внимание труд Костадина Рабаджиева. Автор, на малоизвестном исходном материале, освещает эллинистическую Фракию в контексте современной интерпретации археологических и литературных источников духовного общения между греками и фракийцами. При этом, имеет место научный дискурс относительно сакральности фракийцев. Также было предложено новое прочтение известных памятников и иконографии. Таким образом, автором сделана попытка осмысления антической истории, религии, духовности и древних мифов – благодаря археологическим источникам и его личным археологическим исследованиям. Предложенное автором археологическое прочтение дает ценную для нас модель изучения, которая скрупулезно интерпретирует факты (артефакты и социальные явления). Это значительно повышает доказательную ценность научного исследования.

К. Рабаджиев считает, что любое общение с силами загробной жизни несет в себе проявления тайны – инициация – это возможность контакта и взаимодействия с могущественными и бессмертными богами. «Тях (боговете) човек моделира, за да подреди битието си устойчиво, да се противопостави на хаоса в света наоколо, но и вътре в себе си. В света на гърците полизната демокрация променя религиозния модел като превръща жреците в магистрати, които общуват с отвъдното в колективната съпричастност на гражданската общност. Това структурира празника като политическо събитие – обществена отговорност на гражданите, която консолидира полиса» (с. 8). Мистические культы вытесняются на периферию городской жизни, «тъй като те се конституират върху

индивидуального решения за участие, но и стремимся к личному досегу до божественной силы»⁹¹. Соответственно, греческие мистерии представляют собой более сложную и развитую модель общения, поскольку это действительно – может быть результатом уникальности эллинской общественной жизни.

Первая глава книги «Великие боги в Севтополисе» посвящена истории и религии Севтополиса – древней столицы Севта III – правителя Одрисского царства во Фракии, правившего с 331 по 300 г.

К. Рабаджиев, рассматривая дилемму фракийского города или города во Фракии, как особенно важную для изучения истории Фракии, акцентирует собственную позицию относительно интерпретации фракийской древности.

В подразделе 1.1. «Севтополис» – отмечается, среди прочего, влияние эллинистической школы архитектуры на градостроительство Севтополиса. Города, который претенциозно называют полисом (с. 10, 11). Проанализировав специфику фракийского градостроительства (при сопоставлении с эллинистическими образцами), автор указывает на наличие в Севтополисе двух городских центров. Причем, второй был размещен в укрепленной цитадели – так называемом дворце-храме (с. 12-15). Указав на существующее мнение, относительно Севтополиса – как царского города, автор подчеркивает урбанистический характер эллинистической культуры, а тенденции эллинизации (урбанизации) культуры наблюдались повсюду в античном мире, но параллельно и с демократизацией городских институтов.

Подраздел 1.2. «Дворец-храм (?)» посвящен царскому дворцу в Севтополисе. Автор указывает на особенную специфику дворцового строительства – объединенную с храмовым комплексом. При этом, ставится под сомнение возможность использования дворцового здания под жилую потребность. Соответствующим образом, логичной есть интерпретация дворца в качестве «святилища Великих богов» (с. 22).

Привлекают внимание авторские параллели между Севтополисом и Самофракией, а также своеобразный археологический компаративизм градостроительства греческих и фракийских городов (с. 18-20).

В подразделе 1.3. «Самофракийские Великие боги» рассмотрена религиозная жизнь в Севтополисе. В частности, автор отслеживает идеологические истоки Элевсинских мистерий (с. 28).

Подраздел 1.4. «Пеласги Самофракии (?)» (аналогично – как и подраздел 1.5. «Гермес фракийцев (?)», где продолжается начата здесь дискуссия) начинается с вопроса относительно пеласгов Самофракии. И ответ кроется в более древнем происхождении пеласгов, по сравнению с фракийцами. Здесь ключевой становится роль Гермеса – важного божества (на фоне триады других божеств: Деметры, Персефоны и Аида) – вначале для пеласгов, а затем – и для фракийцев. Несомненно авторитетным относительно пеласгов является свидетельство Геродота⁹², который, по мнению К. Рабаджиева, «... наблюдавая ситуацию в то время на относительной идейной чистоте презрительного взгляда на человека от региона» (с. 38). И становится очевидным, что именно от пеласгов исходят истоки Самофракийских мистерий. Последние, в свою очередь, уступали только Элевсинским мистериям.

⁹¹ Рабаджиев К. Статуя на бога (Бог в статуе). МИФ 5 (Культурное пространство I). 1999. С. 275, 276.

⁹² Геродот. История / Пер., прим. Г. А. Стратановского. М.: Наука, 1972. Кн. 1. 56-58.

В подразделе 1.6. «Македонцы и Самофракийское святилище» рассматривается роль македонского царского дома в религиозной жизни Самофракии и Фракии. При этом, помимо письменных источников, автор использует археологические исследования святилищ. Предположив, что строительство монументальных зданий здесь началось во времена Филиппа II и, вероятно, финансировалось македонскими царями. И продолжая свой своеобразный дискурс с образным читателем, автор традиционно задает нам очередной вопрос: «Можем ли мы объяснить эту деятельность македонской царской семьи в Самофракии только религиозной политикой Филиппа II, направленной на присоединение к греческому миру, но также и против Афин и их Элевсинского святилища?». Поиск ответа нам указывается в македонской традиции происхождения царской династии из Аргоса. Приняв предположение, что она относится не к пелопоннесскому, а к пеласгийскому Аргосу. Соответственно это предполагает гораздо более древние корни религиозных контактов с Самофракией. И в этом контексте следует обратить внимание на стремление фракийских правителей к демонстрации своей принадлежности к македонской династии. Это очерчивало изменения в религиозной жизни фракийского общества, и наиболее отчетливо – в городской культуре Севтополиса, как – восприятие новых культов и религиозного синкретизма, так и тенденция идеологического разнообразия эллинистического мира, частью которого являлась Фракия (с. 39-43).

В подразделе 1.7. «Великие боги в городах на западном побережье Понта» дан анализ распространения культа Великих богов в городах на западном побережье Понта. При этом, впечатляет географическое распространение этого культа – практически во всех городах побережья Понта – от Одессоса до Ольвии.

Подраздел 1.8. «Великий бог в Одессос», прежде всего привлекает внимание материалом, где охарактеризован специфический религиозный культ Великого бога Одессоса (с. 46-48), в частности – роль Лисимаха (правителя Фракии с 323 года до н. э.) в распространении этого культа (с. 49).

В подразделе 1.9. «Епимен в Кабиле (?)» раскрывается значение Эпимена (представителя царя Спартока в Кабиле) в религиозной жизни Севтополиса. Автор прослеживает это с помощью археологических исследований. При этом, он подчеркивает, что его трактовка является лишь предположением для будущих исследований (с. 49-53).

Подраздел 1.10. «Великие боги Фракии» своеобразным образом завершает первую главу книги. При этом, определенным образом, развивается авторская парадигма – анализ религиозной жизни фракийской городской среды – под влиянием урбанистической культуры эллинизма (с. 53, 54).

Во втором разделе монографии «Элевсинское таинство гробницы в Казанлаке (?)» исследован процесс создания гробниц для погребения фракийской знати. При этом, отмечено разнообразие архитектурных решений. Это, среди прочего, предполагает участие эллинских мастеров в дизайне гробниц (с. 55).

В подразделе 2.1. «Рисованная сцена: идеи и интерпретации» дана характеристика фресок из погребальной камеры Казанлыкской гробницы, как источника эсхатологических идей фракийцев. При анализе архитектурной формы с живописным декором, подчеркивается связь с греческой школой. В частности, из греческого культурного круга заимствованы интерпретации сцен с живописными мотивами. Хотя отмечено и наличие отдельных фрагментов фракийского образа жизни (с. 61-64).

Продолжая характеристику Казанлыкской гробницы в подразделе 2.2. «Праздник», автор демонстрирует умелое соединение данных археологических исследований, мифологии, свидетельств древних авторов и современной научной литературы (с. 65-74).

В подразделе 2.3. «Героизация» при рассмотрении иконографии Казанлыкской гробницы, внимание привлекают очевидные идеологические особенности Элевсинских мистерий (с. 74-80).

Подраздел 2.4. посвященный Элевсинским таинствам, очевидно по замыслу автора, является одним из ключевых в монографии. И здесь нам важно отметить, что идеи из круга греческого орфизма, близкого к фракийскому религиозному мышлению, проникли в эллинизированное фракийское общество. Что демонстрирует гробницу в Казанлыке как исключительный памятник религиозного синкретизма (с. 81-92).

В подразделе 2.5. «Правитель, который вернется» отмечается особенная специфика похоронных представлений и обычаев фракийцев. Детально анализируется значение кургана-усыпальницы для фракийских правителей, связь героизированного правителя с миром живых его подданными в жизни. Особенного внимания заслуживает интерпретация идеи возрождения для новой жизни (вход в гробницу и как выход, из которого правитель может вернуться), которая прослеживается не только в архитектуре гробницы, но и сам курган является знаком и идеей света. Правитель, который при жизни был лидером своего народа, также устанавливает связь между богами и человеческим сообществом после смерти. И в этом контексте гробницу следует рассматривать как храм, в котором обитает обожествленный правитель-герой (с. 92-111).

Подраздел 2.6. «Эвмолп и (в) Фракия?» начинается вновь с закономерного вопроса. На этот раз относительно тезиса о фракийском происхождении Элевсинских таинств через генеалогию их основателя – Эвмолпа. Давая ответ на этот, довольно сложный, вопрос автор детально идентифицирует личность Эвмолпа, придя к выводу, что даже со своим именем Эвмолп не означает, что он фракийский персонаж (с. 112-123). «Така кодираната чуждост в мита за Терей, Борей, а също и Евмолп е представа, създадена в гръцкия свят и надали бихме могли да предполагаваме чуждо (тракийско) влияние в мита, но също и в учредяването на Елевсинските мистерии. Това е обяснимо, като имаме предвид мистериалния култ в Елевсина като религиозна антитеза на атинската полисна религия, а Тракия в представите на гръците е люлка на необузданата жестокост и хаос в първичната мистичност, противоположна на Олимпийския пантеон. Но че това е само част от гръцката представа, теза и антитеза в самата гръцка култура и религия, ясно доказва и фактът, че божествата от Елевсина са същите тези, които са били почитани и в полиса, същите представи, вероятно и култове, но тук обогрени в познание, тайната за което ще продължава да тревожи умовете, поколения след като вече си е отишла (с. 124).

Раздел 3. «Орфей во Фракии? (или фракийский орфизм)» посвящен вопросу о фракийском происхождении Орфея. При этом, авторская реконструкция касается, прежде всего, религиозного общения между фракийцами и греками.

В подразделе 3.1. «Зримое изображение» указано, что в трактовке фракийского происхождения Орфея стоит вопросительный знак по поводу отсутствия его изображения в живописных памятниках Фракии до Римского завоевания. Это касалось как импортных греческих товаров, так и произведений фракийских мастеров. Здесь автор высказывает мысль, что иконографическая идея Орфея во Фракии будет вряд ли такой же, какой она

была заложена в греческом мире. В то же время констатируется фактическое отсутствие в фракийских сюжетах таких изображений, которые можно было бы интерпретировать в контексте мифа об Орфее. И вряд ли это можно трактовать только как отсутствие понятия «Орфей» в фракийской религиозной модели. Поскольку живописные памятники, по мнению автора, не являются для этого достаточным основанием (с. 125, 126). А так как Орфей, очевидно все же имел фракийские корни, следовательно кругозор исследования должен быть значительно шире.

Автор указывает, что орфизм как образ, мифология и религиозная практика, отличался от греческого прообраза (с. 128): «Чужд за полисна общност, Орфей е мислен за чужденец, а неговото учение – непонятно и изпълнено със суеверие. Но дали така очертанянт модел е единствено възможният в тълкуването на гръцкия орфизъм? И дали бихме приели основанията на твърдението, че аристократичният характер на ранния орфизъм (царският ред доловим в орфическата теогония) е чужд за демократично устройство на гръцки полис, затова и елинизацията е тълкувана като снизяване на аристократизма в маргинално движение с народностен характер и либерално поведение; така и тракийският Орфей е снижен в полубог и певец. Но царският ред е видим и в Омировата, и в Хезиодовата представа за света на боговете, а твърдението, че орфическата есхатология е организирана върху негръцката (недемократична) идея за различната съдба на хората в отвъдното, се опровергава в казаното от Омир за Елисейските поля, както и Островите на блажените в литературната традиция след него» (с. 161).

В подразделе 3.2. «Идея в мифе» развивается мысль о том, что личность Орфея несет в себе черты индивидуализма в религии. При этом, подчеркивается, что он остается чуждым полисному коллективу (с. 134). Также привлекают внимание различные версии трагической гибели Орфея (с. 134-138).

Подраздел 3.3. «Золотые надписи» основывается на сохранившихся письменных фрагментах, связанных с Орфеем и свидетельствующих о загробной жизни. В частности, речь идет о костяных табличках, найденных на территории Ольвии в V веке до нашей эры (с. 143).

В подразделе 3.4. «Душа, тело и смерть» отмечается, что одной из идей, которая больше всего волновала древних толкователей Орфея и его учений, была идея души – ее противостояние телу и невзгоды ее существования после смерти (с. 143). Также, что очень важно для нас, – прослеживаются определенные связи скифов и фракийцев (с. 146, 147).

И заключительный подраздел 3.5. «Фракийский орфизм греков?» снова ставит довольно сложный и дискуссионный вопрос, касательно влияния фракийского орфизма на греков (с. 157-165). И здесь хотелось бы отметить, что значение орфизма для нас также состоит в том, что он со временем лег в основу некоторых монотеистических религий, в частности – христианства. Таким образом, ознаменовав собой трансформацию от многобожия к вере в Единого Бога.

И в заключении автор указывает, что он в структуре исследования анализирует три культа, которые древними авторами связывались с Фракией и фракийцами. Первый из них – самофракийский культ Великих богов – был зарегистрирован во Фракии в раннюю эллинистическую эпоху. Второй, культ Деметры и Персефоны в Элевсине повлиял своими идеями на эсхатологические идеи фракийцев того же времени. В то время как в отношении третьего, так называемого эллинского орфизма, данные о его распространении во Фракии

(как и фракийское влияние при формировании религиозных обрядов) практически отсутствуют. «Елинското влияние, проследимо в проникването на тези религиозни представи, се откроява ясно в епохата на елинизма, време на промени в целия древен ареал, от който Тракия е неделима част. Това начало за Тракия е белязано вероятно от Филипovia поход във вътрешността през 341 г. пр. Хр., което предполага, че въздействието на гръцките градове по бреговете на Тракия (Понта, Пропонтида и Тракийско море), поне що се отнася до религиозния живот, не е било така значимо за вътрешнотракийското политическо и културно пространство. Прави впечатление, че проявите на това влияние се регистрират единствено в градски центрове – Севтополис преди всичко, вероятно и Кабиле, Филипополис, Пистирос, което подкрепя защитаваната тук теза, че елинистическата култура е градска и може да бъде регистрирана отчетливо в градовете. Това вероятно е обяснението за наблюдаваната устойчивост на местните религиозни представи – за Тракия до идването на римските легиони градът и градската култура остават изолирано явление. Митичните персонажи и явленията, които гърците определят като тракийски, тук бяха анализирани като представа, създадена в полисното общество на елините в преследване на определени политически и религиозни цели» (с. 166, 167). И в целом, автор определя цел на своето изследование в анализе идеи фракийцев и Фракии, выделив элементы, ее составляющие: знание фракийских обычаев, в том числе и религиозных (с. 167).

Касателно критических замечаний. Бесусловно, в процессе изучения книги К. Рабаджиева «Елински мистерии в Тракия (Опит за археологически прочит)» и работы над рецензией, у нас имели место определенные критические рефлексии по поводу методики изложения материала, в частности – относительно выводов в конце разделов. Но переосмыслив характер и сущность исследования, мы пришли к заключению, что у автора были свои веские основания строить свой труд именно таким образом.

В общем, акцентируя внимание на том, что в монографии Костадина Рабаджиева использовано свыше четырехсот источников и литературы, важно отметить, что помимо письменных источников, автор умело использует археологические исследования. К. Рабаджиев продемонстрировал пример логического соединения данных археологических исследований, мифологии, свидетельств древних авторов и современной научной литературы.

При этом, авторское изложение построено на своеобразном дискурсе с образным читателем, которому К. Рабаджиев задает вопросы и одновременно дает возможность нам самим попытаться найти правильный ответ. И в этом отчетливо видно профессионального Лектора!

ⁱ **Шарова, Кр.** Към историята на българското революционно движение в 1869 г. В: Сборник в чест на проф. Д-р Христо Гандев. С., 1985, с. 195-224; Чуждестранни извори за българската политическа емиграция и за напредъка на възрожденското общество. – В: Българската емиграция през Възраждането. Сливен, 2003, с. 13-64; **Митев, Пл.** Дуализъм или революция? – В: Личността в историческото развитие. Алтернативата в историята. С., 1995, 145–152.; **Мирчева, К.** Любен Каравелов и българската емиграция в 1869 г. В: Сб. Българското революционно движение в навечерието на създаването на БРЦК 1869 г., С., 2000, с. 47-61; **Тодев, Ил.** Българско национал-революционно движение (1853-1878). Нетрадиционни вариации на традиционна тема. С., 2005; **Хаджиниколова, Ел.** Австрославизмът и бъдещето на българската нация. „Стари“ срещу „млади“ във Виенското дружество „Напредък“ и мястото в конфликта на Христо Г. Данов. – В: Годишник „Млади“ и „стари“ в Българското възраждане., Пловдив, 2006, с. 112-118; **Божинов, Пл.** Васил Левски в Цариград. – Българско възраждане. Идеи – личности – събития. Годишник на Общобългарския комитет “Васил Левски”. Т. 9, С., 2007, с. 234-258. **Кирилова, А.** „Турският шпионаж“ сред българите през 1868-1869 г. и тяхното революционно движение (някои аспекти около финансирането му). – В: Изследвания в памет на проф. Зина Маркова. С., 2010, 211-226.; **Стоянов, Ив.** Нови щрихи върху идейните възгледи и дейността на Васил Левски. Велико Търново, 2012.; **Маждракова-Чавдарова, О.** Васил Левски сред своите в родината и отвъд Дунава. Исторически изследвания. С., 2018.